

Мартин Бут

Жизнь мага. Алистер Кроули

Книга Мартина Бута, известного американского публициста, — первая объективная, основанная на фактах и архивных документах биография Алистера Кроули, скандально известного писателя, мага и общественного деятеля. Кроули оставил после себя такое количество мифов и ложных слухов, созданных прессой и им самим, что только спокойный, трезвый взгляд биографа может распознать «настоящего» Кроули за "Великим Зверем 666", наркоманом, бисексуалом, распутником и эгоманьяком, считавшим себя пророком, вставшим на один уровень с Богом, который считал, что послан Тайными Учителями учить человечество закону истинной воли "Делай что хочешь — вот весь закон". На протяжении более чем полувека имя Алистера Кроули подвергается возвеличиванию, осмеянию, он вызывает и жалость, и зависть, поносимый желтой прессой "самым ужасным человеком в мире" и "королем греха". Кем же на самом деле был этот альпинист, поэт и эссеист, автор "Книги Закона", основатель Ordo Templi Orientis и аббатства Телемы, главными страстями которого всю его жизнь была магия и он сам

ВВЕДЕНИЕ

Решившийся написать биографию Алистера Кроули подвергает себя серьёзному испытанию. С самого начала такой человек сталкивается со множеством препятствий.

Кроули был сложной личностью, всесторонне осведомлённым человеком, который вёл бурную жизнь, характеризующуюся калейдоскопической смесью из позиций и установок, постоянно претерпевавших изменения. И всё же его жизнь была подчинена одной главной цели — быть магом, проповедовать то, что он называл Законом Телемы. Кроули был эгоцентриком и честолюбцем, обладая при этом блестящими способностями. Высокообразованный человек с сильным интеллектом, он в то же время был тщеславным, эгоистичным и во многих отношениях откровенно наивным. В возрасте пятидесяти лет он признавался в своём дневнике, что так и не чувствует себя взрослым. Итак, следует признать, что выделить самое существенное в личности Кроули — нелёгкая задача.

Смирившись с тем, что эта личность необъятна, биограф сталкивается с трудностью получения правдивой информации о Кроули, отделения фактов от вымысла. Кроули

сам приукрасил историю собственной жизни, хотя — надо быть справедливым — даты и места событий он указал точно. Те, кто сопровождал его по жизни, слились с ней или приспособили её к своим собственным представлениям, в зависимости от того, кто это был: его ученики или противники, верующие в магию — или, как сказал бы Кроули, магию — или отрицающие её, те, кто почитал его как личность, или те, у кого он вызывал отторжение. Некоторые сознательно искажали правду, чтобы выставить Кроули в невыгодном свете, в то время как другие развивали учение Кроули, не ставя под сомнение даже самые вопиющие детали, в результате чего неверная информация воспроизводилась и начинала восприниматься как бесспорная. Настоящая биография не примыкает ни к одной из этих позиций. Её нельзя отнести к магическим биографиям, поскольку она не сосредоточивается на ритуалах или магических достижениях Кроули. Она не стремится также принизить его значимость и подорвать его репутацию. Она просто повествует о фактах его замечательной жизни, снимая с неё покров мифа и предоставляя читателю самому решать, был ли Кроули мудрецом и пророком или шарлатаном и очень умным мошенником, человеком с настоящими оккультными способностями — насколько это может быть установлено — или просто оппортунистом и обманщиком, таким же фальшивым, как медиум, за деньги демонстрирующий своё искусство на ярмарках. В любом случае, к какому бы мнению вы ни

пришли, невозможно отрицать тот факт, что Кроули, в противоположность предсказаниям многих и, возможно, собственным предчувствиям, не канул в Лету. Сейчас количество его последователей на много десятков тысяч превышает то, которое у него когда-либо было при жизни, а благодаря современным средствам коммуникации Кроули получил более широкую известность, чем та, о которой он когда-либо мог мечтать, но на которую очень надеялся.

Со времени смерти Кроули в 1947 году основы существующих религий, особенно христианства, были подвергнуты большому сомнению, а вследствие этого, главным образом в западном мире, расцвёл интерес к оккультизму. В 1950-е годы это был медленно текущий процесс, но он резко ускорился в 1960-х, когда личная независимость, индивидуальность, либерализм стали высшими ценностями, особенно среди образованных молодых людей. Философия Кроули, демонстрирующая презрение к верованиям традиционных религий и внушающая, что индивидуальная этика более важна, чем общепринятая мораль, явно претендовала на то, чтобы приобрести большое значение для этого нового поколения, и вносила свой вклад в формирование общественного сознания. Вследствие этого возродился интерес к личности Кроули, отчасти подкреплённый, пусть нелицеприятной и предвзятой, биографией под названием «Великий Зверь», написанной Джоном Симондсом.

Вместе со «свингующими шестидесятыми» подверглись изменениям сексуальные нормы, а употребление наркотиков, до того ограниченное узким кругом богемы, преимущественно художников и музыкантов, более широко распространилось в западном обществе. Установившийся новый общественный порядок нуждался в духовных лидерах и нашёл их в лице Олдоса Хаксли (который экспериментировал с разнообразными наркотиками в 1930-х и 1940-х годах), Тимоти Лири (который экспериментировал с LSD) и Алистера Кроули с его широкими взглядами на секс и наркотики, особенно те, которые содержат психотропные составляющие, потому что такие наркотики являются источником не столько наркотического опьянения, сколько мистического опыта.

За короткое время Кроули стал значительной фигурой сначала для поколения битников, а затем и для хиппи. Его непокорность, бунтарство, его девиз: «Делай что желаешь — таков весь закон», который, надо признать, был неверно истолкован массами как разрешение — в поисках гармонии с самим собой — предаваться свободной любви и употреблению наркотиков, предлагали, казалось, новую философию свободы и надежды. Истэблিশмент по-прежнему обвинял Кроули в том, что он «самый безнравственный человек в мире», но пресса андеграунда превозносила его как «невоспетого героя всех хиппи».

Дух противоречия, о котором говорилось выше, концентрировался внутри альтернативной культуры рок-музыкантов. Эти молодые люди, зачастую выпускники университетов, обладающие пытливым умом, начинали интересоваться оккультизмом и неизбежно сталкивались с личностью Кроули: что ни говори, а он был, вероятно, самым выдающимся оккультистом XX столетия. Но за ним стояло нечто большее, чем альтернативные образ жизни и религия. Он олицетворял собой бунт, который многие молодые люди ощущали внутри себя.

В 1967 году, в разгар «лета любви» Beatles выпустили самый известный рок-альбом десятилетия — «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера». Конверт пластинки, разработанный художником Питером Блейком, представлял собой фотомонтаж из лиц, выбранных Beatles и принадлежавших людям, которые экспериментировали с LSD в поисках духовного просветления. Наряду с Бобом Диланом, Оскаром Уайльдом, Ленни Брюсом, Г.-Дж. Уэллсом, маркизом де Садам, Тони Кертисом, Мэрилин Монро в этом фотомонтаже присутствовал и Ал истер Кроули. Этот факт, как ничто другое, сделал его популярным. После такой поддержки со стороны Beatles интерес к личности Кроули вышел за пределы круга людей, интересующихся оккультизмом, и стал достоянием широкой общественности.

Двумя годами позже кинорежиссёр-авангардист и последователь Кроули Кеннет Энгер арендовал Болескин — дом с видом на Лох-Несс, где когда-то жил Кроули. На следующий год, когда дом решили продать, его купил Джимми Пейдж, ведущий гитарист рок-группы Led Zeppeline. Пейдж, очарованный личностью Кроули еще с 1960-х годов, был главным собирателем его работ и теперь обладает его архивом, который считается самым полным из существующих частных архивов, связанных с Кроули. Однако интересы Пейджа простирались дальше коллекционирования; он был владельцем магазина оккультной литературы, публиковал труды Кроули и написал музыку для фильма Кеннета Энгера «Восход Люцифера». Благодаря всему этому Кроули стал ещё более известен.

Были и другие музыканты, замороженные личностью Кроули. Грэм Бонд, который в 1963 году основал свою группу Graham Bond Organization вместе с плодовитыми и влиятельными музыкантами Джоном Мак-Лафлином, Джеком Брюсом и Джинджером Бейкером, считал себя внебрачным сыном Кроули и писал музыку, навеянную его философией. (Бонд и Кроули немного похожи внешне, но вероятность наличия между ними кровного родства чрезвычайно мала.) Бонд покончил с собой в мае 1974 года, бросившись под колёса поезда метро. Rolling Stones тоже притягивала личность Кроули, о чём свидетельствует их альбом «Their Satanic Majesties Request». Мик Джаггер

познакомился с Кеннетом Энгером, который хотел попробовать певца на роль Люцифера (Вельзевула играл Кейт Ричарде) в фильме «Восход Люцифера». Интересуясь волшебством и магией, Джаггер одно время забавлялся поклонением дьяволу, предлагая написать музыкальное сопровождение к ещё одному из фильмов Энгера под названием «Призыв к моему демоническому брату». В свою песню «Quicksand» Дэвид Боуи включил строки: «Ближе к золотому рассвету/ в облачении образов, рождённых Кроули». Представители «тяжёлого металла» тоже подпали под влияние Кроули. Оззи Осборн и группа Black Sabbath во многом обязаны своим успехом Кроули, а Iron Maiden выпустила альбом под названием «Best of Beast», где одна из песен называлась «Число зверя». Это название напоминало о том, что Кроули считал себя библейским Зверем 666. Музыкальные группы, работавшие в стиле панк-рока, в 1970-х пели дифирамбы самому Кроули и его идеям. К 1985 году Кроули стал символом нравственной и моральной оппозиции, архетипом бунтаря

Но и вне сферы рок-музыки личность Кроули многие годы имела символический смысл. В художественной литературе появлялись персонажи, прототипом которых был Кроули, и он сам в качестве литературного героя нередко появлялся в книгах на протяжении XX века. В одном из ранних романов Сомерсета Моэма под названием «Волшебник» Кроули послужил прототипом для героя по имени Оливер Хаддо. С него написаны также Карсвелл в «Читающем руны» М.-Р. Джеймса, Оскар Клинтон в «Он пришёл и прошёл мимо» Уэйнфилда, Апулеус Чарлтон в «Чёрном одиночестве» и Роули Торн в серии о Торне Мэнли Уэйда Уэлмана, Хьюго Эстли в «Крылатом быке» Дионы Форчун, Карадок Каннингэм в «Человеке без тени» Колина Уилсона, доктор Трелони и Скорпио Март-лок в серии рассказов Энтони Пауэла «Танец под музыку времени», Моката в «Дьявол выезжает на прогулку» Дэ-ниса Уитли, Терон Уэйр в «Чёрной пасхе» Джеймса Бли-ша, Сваров в «Иероглифе» Этель Арчер и многие другие. В 1970-х годах Сну Уилсон написал пьесу «Зверь», которая была поставлена Королевским Шекспировским обществом: в 1980-х пьеса была восстановлена и переработана. В 1986 году Ballet Rambert осуществил постановку под названием «Обряды» в театре Сэдлера Уэллса, основанную на ритуалах, которые изучал и над которыми работал Кроули.

Труды Кроули, как литературные, так и магические, практически не имевшие читателей при жизни автора, стали теперь ходовым товаром на книжном рынке. Его полная автобиография — он ссылался на неё как на описание своей магической жизни — была опубликована в 1969 году Джонатаном Кейпом подзаголовком «Исповедь Алистера Кроули». Она по сей день регулярно переиздаётся. Его книга «Магика» считается самым значительным трудом по оккультной магии из когда-либо опубликованных. Первые издания книг

Кроули оцениваются в тысячи долларов: при наличии в книге автографа Кроули её цена значительно повышается. Огромное число книг, написанных самим Кроули или повествующих о нём, вышло за последние двадцать лет. Существует более 2500 web-сайтов в Интернете, касающихся его и его трудов.

Противники Кроули приписывают непрекращающийся интерес к нему его «безнравственности», его репутации сексуального извращенца и прислужника дьявола: ни одно из этих определений не является верным или хотя бы правдивым в свете сегодняшнего дня. Те, кто относятся к нему более хладнокровно, обращают внимание на то, что Кроули помнят не только из-за его бисексуальности, «порочности» или даже его магии, но и в связи с тем, что он создал философскую систему, пусть нежизнеспособную и зачастую превратно толкуемую, но стремившуюся восстановить достоинство человека в бесчеловечном мире, которому он активно и самоотверженно противостоял.

Говоря кратко, Кроули был современным человеком, чуждым всего общепринятого и традиционного, выражающим несогласие с современным миром и критикующим его. Единственная беда Кроули в том, что он родился примерно на полвека раньше, чем следовало.

ГЛАВА 1

Сын брата

Когда заходит речь об Алистере Кроули, оказывается, что правда о его жизни тесно переплетена с мифологией, которой он окружал себя с юных лет, ткал свой образ с помощью романтики, фантазии, гипербол, а в случае надобности — различных околичностей. У тех, кто впоследствии проводил изыскания по поводу его жизни, были свои причины к тому, чтобы скрывать или переиначивать действительность. Одни делали это для того, чтобы представить объект своих исследований в облике героя, другие, напротив, стремились сбросить его с пьедестала. Результатом стала запутанная, зачастую ставящая в тупик легенда; такой же изошрённой и озадачивающей часто оказывается правда.

Всю свою жизнь Кроули утверждал, что его род происходит от кельтов и что корни этого рода уходят вглубь истории Ирландии и Бретани, хотя и предпочитал относить себя к ветви норманнов, а не ирландцев. Последние, как он считал, были в некотором смысле устаревшие. Его утверждения основываются на том факте, что О'Кроули — это фамилия ирландского рода из графства Керри и происходит от гаэльского слова, означающего «ведущие свой род от стойкого героя», аде Керуай были знатным бретонским родом.

Последний романтическим образом имел в своих рядах Луизу, бывшую одно время герцогиней Портсмута, одну из любовниц Чарльза II и прародительницу нынешних герцогов Гордона, Леннок-саи Ричмонда. Кроули верил также, имея на это столь же мало оснований, что его предки приехали в Англию во времена Генриха VII, что вместе с Генрихом Тюдором они участвовали в битве при Босуорте в 1485 году, заслужив себе тем самым определённый статус и уважение. Что касается времени правления Елизаветы I, то там, конечно, обращает на себя внимание епископ Кроули. Кроме того, в XVI веке жил малозначительный проповедник, мыслитель и богослов по имени Роберт Кроули. Он родился в Глостершире, был преданным сторонником Реформации, отказываясь проповедовать и учить в облачении, которое он называл папистским церковным нарядом. Ещё был сэр Эмброуз Кроули, промышленник, живший в XVII веке и бывший одно время шерифом Лондона. Другие достойные упоминания Кроули — это жившие в XIX веке ирландский художник Николас Джозеф Кроули из Дублина и мятежник Питер О'Нил Кроули из Корка. Как бы то ни было, вопрос о том, кто из этих прославленных людей является прародителем Алистера Кроули, если таковой среди них вообще есть, остаётся открытым. Правда же, в той степени, в какой она может быть установлена, гораздо более прозаична. Английская фамилия Кроули происходит из древнеанглийского, чаще всего встречается в графствах Чешир и Ланкашир и означает «поле, где живут вороны».

Эдвард Кроули, отец Алистера Кроули, родился в 1834 году. Он был младшим сыном самого младшего сына в зажиточной квакерской семье из Кройдона, южного предместья Лондона. Зажиточность этой семьи происходила из того, что Кроули варили пиво. Семья начала заниматься пивоваренным делом около 1600 года на принадлежавшем им маленьком пивоваренном заводе, который располагался в Уэддоне, деревне неподалеку от Кройдона. В течение двух веков они жили скромно, но в достатке, подобно тысячам других пиво-Мров. Как бы то ни было, с наступлением промышленной революции в главе семейства проснулось честолюбие. В 1808 году семья купила пивоварню по адресу Хайстрит, 137/9, Кройдон, затем в 1821 году отец Эдварда Кроули купил другую пивоварню, большего размера, на Тёрк-стрит в Элтоне, графстве Гэмпшир. Эта последняя пивоварня была построена Джеймсом Бейверстоком в 1763 году. Семейный бизнес разрастался и процветал, пока наконец не был продан в 1877 году. Гораздо позже, в 1947 году, этот бизнес купил Уэйтни. К тому времени он включал в себя 248 пивных и трактиров. Пивоваренное дело, когда-то начатое Кроули, прекратилось только в 1970 году.

Пиво было не единственным источником доходов семьи Кроули. Эта семья содержала также сеть питейных введений, похожих на современные бары и

известных под названием «Элтонские пивные» Кроули. Они были открыты в самых крупных городах на юго-востоке Англии, особенно много — в Лондоне, представляя собой привлекательную альтернативу трактирам для профессиональных бизнесменов, а также их персонала в лице очень активных и подвижных белых воротничков. Торгуя бутербродами, мясными консервами, сыром, хлебом и соленьями в придачу к собственному пиву, эти заведения, как утверждал Эдмунд Йейтс в опубликованной в 1884 году книге «Эдмунд Йейтс: Его воспоминания и опыты», представляли собой «маленькие магазины, чьи прилавки были оснащены пивными машинами... Они были невероятно популярны среди молодых людей, которые не считали для себя зазорным проводить время за стойкой бара в таверне, благодаря чему у этих заведений были бешеные обороты». Такие бары не просто приносили высокий доход, они также позволили Кроули нарушить монополию, созданную картелью более крупных пивоваров и распространившуюся на все пивные.

Сохранилось мало сведений об образовании Эдварда Кроули и годах его юности, но, говорят, он учился на инженера, то есть, видимо, изучал процесс пивоварения. Некоторые биографы предполагают, что именно он изобрёл упомянутую Йейтсом «пивную машину», однако это заблуждение: «пивная машина», жаргонное словечко для обозначения распространённого повсеместно в пивных барах гидравлического пивного насоса, встречалось задолго до рождения Эдварда Кроули. После смерти отца он взял на себя управление отцовским бизнесом, обосновавшись на курорте Лемингтон, недалеко от Уорика, чтобы быть неподалёку от сестры Энни, которая жила в окрестностях Ковентри.

В ноябре 1874 года Эдвард Кроули женился на Эмили Берте Бишоп. Ему было сорок пять лет, ей — двадцать. Бракосочетание происходило в Кенсингтонском бюро записей актов гражданского состояния в Лондоне, а в качестве адреса невесты значился Тистл Гроув, 71, Западный Бромптон. Дочь фермера, она обладала ничем не выдающейся внешностью и восточными чертами лица, из-за чего в школе её называли «маленькой китайкой». Она была хорошо образованна и талантливо писала акварелью — способность, которую её сын впоследствии охарактеризовал как «удивительный вкус, испорченный академическими занятиями».

Не собираясь мараить руки торговлей или деловыми операциями, Эдвард Кроули считал себя джентльменом: ведь подавляющую часть его доходов составляли дивиденды, которые приносил семейный бизнес. Тем не менее его жизнь не была жизнью сытого предпринимателя или расточительного сына богатых родителей. Он и его жена были набожными христианами, членами протестантской религиозной секты, известной как Плимутское братство.

Вообще-то, Эмили была воспитана в строгих евангелист-ских традициях, но состоятельного холостяка Эдварда посчитали выгодной партией для молодой девушки. Поэтому, несмотря на его не в меру длинные зубы, она перешла в Плимутское братство, с тем чтобы получить его руку и сердце.

Движение под названием Плимутское братство было основано Джоном Нельсоном Дэрби, состоятельным учёным с большими связями, названным в честь адмирала лорда Нельсона, который был другом его семьи. В возрасте двадцати четырёх лет он оставил многообещающую карьеру юриста, чтобы принять сан священника англиканской церкви. Получив должность викария в одном из отдалённых уголков графства Уиклоу в Ирландии, он принялся обращать местных католиков в протестантизм, разъезжая по окрестностям на лошади и проповедуя в стиле Джона Уизли. Однажды его лошадь понесла, и серьёзная травма, причинённая падением, сделала необходимым его отъезд в Дублин для хирургической операции, где во время выздоровления Дэрби начал формулировать фундаментальные идеи своего учения. В этой работе ему помогал бывший католик студент-медик Эдвард Кронин, вероятно, один из первых людей, обращенных усилиями Дэрби. Зимой 1827–1828 годов, прослужив в сане священника менее трёх лет и утратив доверие к англиканству, Дэрби покинул сень государственной церкви, чтобы стать духовным лидером группы инакомыслящих в Дублине.

Замыслив протестантский крестовый поход, который финансировался на его собственные деньги и деньги его последователей, Дэрби отправился в Англию. Особенное понимание его идеи встретили в Плимуте, благодаря чему секта и получила своё название.

Дэрби был убеждён, что официальная англиканская церковь находится в упадке и что её необходимо вернуть на истинный путь Христа. Он безоговорочно верил, что Библия — это Слово Божье и что любой подход к ней, за исключением буквального её толкования, является богохульством и искажением священного текста. И как это было распространено в середине XIX века, Дэрби верил, что второе пришествие Христа уже близко, а вместе с ним и новое тысячелетнее царство.

Через десять лет в секте состояло более восьмисот членов, причём те из них, которые были богаты, благородно жертвовали для общего дела как своё время, так и свои деньги. Эдвард Кроули был одним из таких активных благотворителей, и глубокая преданность отца секте оказала значительное влияние на его первенца.

Эмили Кроули родила сына поздно вечером 12 октября 1875 года в доме 30 на

Кларендон-сквер в Лемингтоне. Он был, согласно его собственному описанию, поразительным ребёнком, имеющим на теле три знака Будды: короткую подъязычную уздечку, тонкую плёнку кожи под языком, которую наблюдавший его доктор вынужден был подрезать, чтобы освободить язык; сращение крайней плоти, из-за чего в юности ему необходимо было сделать обрезание; а на его груди прямо над сердцем располагались «четыре волоска, вьющиеся слева направо и своей формой образующие свастику». Можно спорить, в какой мере эти заявления правдивы, а в какой они являются плодом фантазии Кроули, необходимым для привлечения внимания или вызывающим к чувству юмора читателей.

Вскоре после рождения ребёнка его окрестили, назвав Эдвардом Александром в честь отца и в знак уважения к одному благочестивому другу семейства. Эта церемония, проведённая согласно обычаям Плимутского братства, явилась, как утверждал Кроули, одним из его самых ранних воспоминаний. Обряд крещения, как он вспоминал, проходил в ванной на первом этаже дома на Кларендон-сквер. Облачённого в белые одежды, его погрузили в воду, произнеся над ним впечатлившие его слова. Это переживание, согласно убеждению Кроули, определило характерные для него на протяжении всей жизни неприязнь к холодным ваннам и любовь к поэзии и риторике. Однако вероятность того, что он помнил это событие, невелика: высокий уровень детской смертности, существовавший в викторианской Англии, вынуждал совершать обряд крещения в первые же часы жизни ребёнка.

Более правдоподобными представляются воспоминания Кроули о его раннем детстве, когда его постоянно баловали и опекали. Первые шесть лет своей жизни он провёл в Лемингтоне и помнил дом, его обстановку, деревенские прогулки со своей матерью, плотину на реке Лим, приступы бронхита, во время которых за ним ухаживала сиделка и когда в его комнате постоянно кипел чайник. Он помнил летнюю поездку на запад Англии, где он увидел уток и свиней и где упал, катаясь на пони. С этим событием Кроули связывал тот факт, что впоследствии на протяжении всей жизни он никогда не чувствовал себя свободно в обращении с лошадьми. Похожее происшествие с каретой, у которой отвалилось колесо, заставило его опасаться любого транспортного средства, если он не управлял им лично. Другие детские трудности мальчика заключались в том, что он не умел правильно произносить букву «р», не слышал тихих звуков и обладал слабым обонянием. Когда он не мог расслышать чего-то или когда, как он выражался, «тишина казалась ему членораздельной», гримаса искривляла его лицо.

Будучи единственным ребёнком, Кроули находился в центре внимания семьи, а поскольку его родители из-за своих религиозных воззрений вели уединённую

жизнь, мальчик рос во взрослой среде и общался со взрослыми гораздо чаще, чем с детьми. Его первую гувернантку звали мисс Эркель. Она ходила в чёрном, у неё были седые волосы, а на её «большом плоском лице клочками росла борода». Кроме того, как он вспоминал, ему приходилось противостоять воспитательным усилиям двух старых дев, плимутских сестёр Сьюзан и Эммы Купер, которых он позже нелестным образом сравнивал с перезревшей редиской и Черепахой Квази, как изобразил её Тенниел в своих иллюстрациях к «Алисе в стране чудес». Мать Кроули сказала ему, что женщины не имеют ног, поскольку в те времена все женщины носили длинные платья и показывать ноги считалось непристойным. Мальчик решил проверить это утверждение. Когда сестры в очередной раз пришли с визитом, он нырнул под стол, чтобы исследовать, что там у них внизу, и, вернувшись, заявил, что ни одна из них не является женщиной, поскольку обе имеют ноги. Став взрослым, Кроули часто приводил это происшествие как пример раннего проявления своего логически устроенного, пытливого ума, характерного для учёных. В другой раз, во время прогулки с отцом, ему тот показал на заросли крапивы и сказал, что она может «укусить». Кроули усомнился в словах отца, тогда он предложил сыну или поверить ему на слово, или убедиться на собственном опыте. Выбрав последнее, Кроули забрался в заросли крапивы и сильно обжёгся.

Ему не суждено было остаться единственным ребёнком, хотя утрата этого статуса была для него мимолётной. В феврале 1880 года его мать родила девочку, Грэйс Мэри Элизабет. Ребёнок прожил только пять часов.

Набожность была основой семейного уклада Кроули. День начинался с церемонии молитвы, на которой присутствовала и прислуга, после чего по очереди читали отрывки из Библии. В результате к четырём годам Кроули уже умел хорошо читать и успешно это делал, когда очередь доходила до него. Библия была единственной книгой, которую ему разрешали читать, и он был заворожён загадочными именами, которые в ней встречались, но признавался, что ни проза, ни поэтические тексты Библии не впечатляли его. Тем не менее он с любопытством относился к пророчествам и к описаниям из Откровения Иоанна Богослова. Нет надобности говорить, что благодаря своему чтению он получил твёрдые знания об Апокалипсисе, о пути спасения через учение Плимутского братства, о страшном зле, которое происходит от греха, об ужасе адовых мук и неизбежности смерти.

В 1881 году Эдвард Кроули продал дом в Лемингтоне, и вся семья переехала на Ферму, которая представляла собой солидный трёхэтажный дом с большим, заросшим деревьями садом, с видом на дорогу, соединяющую Редхилл и Мерстхэм в графстве Суррей. Это место будет их домом в течение пяти лет, оставшихся в памяти Кроули как время непрекращающегося счастья.

С того момента, когда семья поселилась на Ферме, начинается формальное образование Кроули. Вместо того чтобы послать сына в местную частную школу, где он мог бы получить «неправильное» религиозное воспитание, отец нанял ему частных учителей. Кузен Кроули по имени Грегор Грант, который был на шесть лет старше мальчика, нередко приходил в гости и стал его кумиром. Однако то, что ему было разрешено бывать в доме, — загадка, поскольку он был воспитан в пресвитерианских традициях и, несомненно, его убеждения не совпадали со взглядами Плимутского братства. Все остальные товарищи Кроули были детьми «плимутских братьев», и общение с ними казалось родителям Кроули безопасным. Тем не менее Алик, как Кроули звали в семье, всюду наслаждался обычными мальчишескими проказами. Он и его друзья по Братству, лёжа среди деревьев на краю сада, подстерегали местных школьников и дразнили их, называя невежами и паля по ним из игрушечных духовых ружей. Однажды они напали на землекопа, который работал на другой стороне дороги, и побили его палками, вообразив, что это главный злодей в той игре, в которую они играли.

Это детское озорство не ограничивалось только уличными подвигами. Эдвард Кроули регулярно устраивал в своём доме собрания для чаепития и молитвы. В своей автобиографии его сын называет их «братским разгулом», который заключался в том, чтобы, «удовлетворив животную часть своего существа, предаться разврату духовных наставлений». Во время одного из таких чаепитий Кроули подлил в серебряный заварной чайник касторового масла; вежливость гостей не позволила им вслух заявить, что чай имеет омерзительный вкус. Во время другого чаепития он и несколько его друзей принялись закармливать едой одну гостью, прожорливую миссис Масти, тем самым на час задержав начало богослужения. Как и в случае с касторовым маслом, никто не выразил своего недовольства. Это привело Кроули к убеждению, что для членов Плимутского братства характерны смирение и нерешительность. И то и другое он считал проявлениями слабости.

Не все взрослые люди из тех, что встречал Кроули, были религиозными фанатиками, которых интересовало только поедание пирожных, заканчивающееся молитвой. Портной по имени Хемминг, член Плимутского братства, который шил костюмы для Эдварда Кроули, научил мальчика играть в шахматы. Кроули вскоре овладел этим искусством и сочинял собственные партии. Через некоторое время Хеммингу стало чрезвычайно трудно выигрывать у Кроули, и, по воспоминаниям последнего, достойный противник в шахматах не встречался ему уже вплоть до 1895 года, когда он поступил в университет. Дважды за период жизни на Ферме Кроули выезжал на отдых, причём одной из этих поездок стало состоявшееся в 1883 году заморское

путешествие во Францию Швейцарию. Его память сохранила городские виды и пробуждения до рассвета, чтобы с площадки на горе Риги посмотреть, как солнце поднимается над горами. О другой своей поездке, путешествии на Шотландское нагорье, он вспоминал мало.

Какими бы счастливыми ни называл Кроули дни, проведённые им в Суррее, воспитывали его в духе аскетизма и строгости. К обычным строгостям, характерным для семей среднего класса викторианской эпохи, добавлялась суровость, диктуемая религиозным фанатизмом. Как сказал сам Кроули, «теория, лежащая в основе жизни семьи и принятая её членами, то и дело проявляла себя на практике». Подобно детям эпохи хиппи, которая наступила век спустя, он жил в замкнутом религиозном сообществе, находясь в своего рода вакууме, населённом поглощёнными собой, самоуверенными, высокомерными людьми. Похвала не была принята в этом сообществе, поскольку считалось, что она может исходить только от Христа, а для Бога все люди равны. Члены Братства, обращаясь друг к другу, называли друг друга «святыми» — настолько они были уверены, что достигли спасения: остальные люди считались грешниками. Их путь был Божьим путём, и в этом отношении они не терпели никаких сомнений, критики или возражений. Они сочиняли свои собственные молитвы, а к «Отче наш» относились как к бессмысленному заклинанию. Рождество считалось языческим праздником и потому не отмечалось: все рождественские открытки, которые приходили по почте, сжигались, никто не развешивал украшений, не ставил ёлок и не обменивался подарками. В сущности, члены Братства с неистовой убеждёностью религиозных фанатиков верили, что Библия вдохновлена Святым Духом, но все остальные христианские конфессии они считали «синагогами Сатаны», а тот факт, что все, кроме них, держат путь напрямик в огонь и серу, был для них так же очевиден, как то, что солнце садится по вечерам.

На протяжении тех лет, когда шло формирование личности Кроули, мальчику внушали, что каждый, кто верует иначе, чем «плимутские братья», делает это из желания сгореть на костре. Неудивительно, что он жил в страхе и трепете перед грехом. Однажды это проявилось в виде приступа ужаса. Мальчик играл в саду, а когда вернулся в дом, обнаружил, что он пуст. Это испугало его: в семье Кроули считалось, что второе пришествие Христа совсем близко, поэтому ребёнок решил, что Христос наконец прибыл, забрав всех с собой и забыв его одного. Такая атмосфера в семье неизбежно искажала мировоззрение и характер Кроули.

Деятельность Эдварда Кроули не ограничивалась молитвенными собраниями, которые он устраивал у себя дома. Помимо этого, он писал, редактировал, финансировал и издавал брошюры религиозного содержания, которые затем

распространял, раздавая их людям на улице или высылая по почте. Одним из таких печатных изданий была почтовая открытка, озаглавленная «Последние слова бедной Анны». Анна, служанка деда Кроули, умерла в бреду со словами раскаяния о своей потерянной жизни. Эти её слова впечатлили всю семью, включая Эдварда Кроули, который был захвачен идеей смерти. Буклет, составленный им в 1865 году, был озаглавлен «Плимутское братство (так называемое), Кто они такие — Их вероучение — Способ богослужения — и т. д.». Напечатанный на улице Патерностер, где располагались лондонские типографии, такой буклет стоил пенни и возвещал близкое крушение официальной христианской церкви и приход Антихриста.

Не удовлетворяясь публикацией вероучения Плимутского братства, Эдвард Кроули проповедовал его устно. Живя в Лемингтоне, он часто прогуливался по сельским местам Уарикшира, заговаривая с прохожими, проповедуя на деревенских улицах и стуча в двери домов, чтобы вручить людям свои брошюры или рассказать о спасении. Позже он продолжил эту деятельность в деревнях и сёлах Суррея. Иногда его сопровождал сын, наблюдая, как отец «вовлекал в беседу перспективных, с его точки зрения, незнакомцев, ставил диагнозы их духовных недугов и прописывал лечение, вносил их адреса в свою записную книжку, чтобы потом годами вести с ними переписку и высылать им по почте религиозную литературу». Иногда Эдвард Кроули достигал своей цели окольным путём. Кроули вспоминал, как он подмечал человека, с увлечением погружённого в какое-нибудь дело, и благожелательно спрашивал, какова цель этого занятия. Несчастная жертва раскрывала ему свою душу и объясняла, что надеется на такой-то результат своей деятельности. Вот тут-то ловушка и захлопывалась. Мой отец говорил собеседнику: «А потом?» Путём многократного повторения этого вопроса он визнавал, что его жертва имеет честолюбивое желание стать мэром этого города или мечтает ещё о какой-нибудь ерунде, и тогда вновь произносилось безжалостное «А потом?». Наконец у несчастного человека возникало желание прекратить разговор, и он говорил, стараясь как можно сильнее скрыть свою неловкость: «Ну, к этому времени мне, наверное, уже пора будет умирать». На это более торжественно, чем когда-либо прежде, говорилось: «А потом?»

Таким способом мой отец разрушал всю причинно-следственную цепь и заставлял своего собеседника осознать тщетность человеческих достижений и успехов.

Со значительной долей злой иронии Кроули позднее оценивал проповедническую деятельность своего отца как «единственное логичное занятие для гуманного человека, который верил, что даже самые благородные и выдающиеся представители человечества обречены на вечное наказание».

Однажды на Ферму пришла женщина, собиравшая пожертвования в поддержку британских солдат, воюющих в Египте. Эдвард Кроули напал на неё, по выражению Кроули, с «обличительной речью по поводу "Библий и бренди"». Его гнев, хоть это и нелогично, отчасти объяснялся тем, что ему было не до трезвенников, которых он обвинял в попытке попасть на небеса при помощи благих дел, а не жизни во Христе. Когда он заявил людям, собравшимся в здании муниципалитета в Райгите, что предпочёл бы читать проповедь перед тысячей пьяниц, чем перед тысячей трезвенников, его стали упрекать тем, что он имеет самое непосредственное отношение к «Пивным Кроули». Он резко возразил, что годами был трезвенником, несмотря на то что его семья занималась пивоваренным бизнесом, но теперь пьёт, потому что в Библии на это запретов нет.

Будучи ребёнком, Кроули уважал отца и восхищался им. Он признавался, что отец был «его героем, его другом, хотя, по той или иной причине, между ними не было истинной близости или взаимопонимания», человеком «с сильно развитым здравым смыслом, который никогда не позволял своей религиозности смешиваться с естественными человеческими чувствами». Сын не во всем соглашался с узкими взглядами своего отца на жизнь, но ощущал «абсолютную цельность его личности» и отзывался о нём впоследствии как о человеке, который, «хотя и заблуждался, но всё же был гуманным и в определённой степени наделённым здравым смыслом: у него был логический строй ума, и он никогда не путал духовное с материальным». К матери Кроули относился иначе, чем к отцу. Он не любил её. Став взрослым, он заявлял, что испытывал к ней физическое отвращение, и утверждал, что по социальному положению она была ниже своего мужа. Несмотря на это, она играла важную роль в его жизни и влияла на сына так же сильно, как и отец, хотя и в отрицательном плане. Возможно, потому, что у него не было никакой достойной альтернативы, Кроули на свой, детский, манер и сам сделался «плимутским братом».

За исключением религиозного фанатизма и сравнительной оторванности от общества, характерных для первых восьми лет жизни Кроули, его детство было вполне типичным для того времени. У него были заботливые родители, хотя тяга мальчика ко греху была столь же сильной, как его потребность в любви. И всё же временами родители казались далёкими и непонятными. Тем не менее его жизнь была безопасной и надёжной в материальном и финансовом плане, мальчика даже баловали: поскольку Кроули любил жареную индейку, его кормили этим «рождественским» ужином в сочельник или в «день подарков», следующий день после Рождества, чтобы только он не ел индейку на Рождество. Конечно, его притесняли не настолько сильно, как он позднее хотел всех убедить. Всепроникающее христианство не докучало ему, хотя, став

взрослым, он и утверждал, что «его симпатии были на стороне противников неба», позиция, которая станет впоследствии главной в его жизни.

Почему же Кроули позднее стал таким ярким антихристианином? Парадоксальным образом ответ заключается в самом христианстве и в раннем знакомстве Кроули с Библией. Не имея доступа к другим книгам, которые могли бы расширить его кругозор, мальчик питал своё воображение текстами Священного Писания, где на первый план выходили ужасы ада, зло, исходящее от греха, и религиозное отношение к телу как к источнику порока. Его ум был наполнен не рассказами из книг для мальчиков и недетскими сказками, а историями, где фигурировали лжепророки, Вавилонская блудница и, возможно, чаще, чем другие, Зверье номером 666. Как и любой ребёнок, он находил этих персонажей захватывающими и притягательными. Кроме того, в атмосфере набожности, царившей в семье Кроули, его характер начал принимать формы, которые, особенно в наши дни, могут быть охарактеризованы как предвзятые и ограниченные.

Набожность членов Плимутского братства была такова, что каждому греху здесь соответствовало строго определённое наказание. Это наказание было призвано не просто преподать грешнику урок: подвергаясь наказанию, человек тем самым вступал на путь спасения. Наказание считалось неотъемлемой частью процесса служения и послушания Богу. Наказания следовало не бояться, а рассматривать его как существенный компонент своего духовного роста. Говоря кратко, наказание приближало человека к Богу. Поэтому Кроули с ранних лет привык считать боль неотъемлемой частью жизни. Он всю жизнь последовательно приписывал себе обладание «чертами врождённого мазохизма».

Помимо Библии и другой религиозной литературы, одной из принадлежавших семье книг была история восстания сипаев, события, сохранившего на тот момент свою актуальность в общественном сознании и пропитанного христианскими ценностями и моралью. Викторианское осмысление этого восстания включало в себя образы благочестивых христиан, противостоящих языческим ордам и стоически встречающих муки лицом к лицу.

Кроули любил эту книгу, воображая себя одним из её персонажей. Однако он идентифицировал себя не с британскими офицерами-колонизаторами, а с индийскими мятежниками. Он сожалел о гибели Наны Сахиба и желал бы спасти его от пыток, но в то же самое время страдал от его руки. Играя с Грегором Грантом в восстание сипаев, причём Кроули был Типу Сахибом, он просил своего кузена обращаться с собой жестоко. Вид крови и пыток приводил его в восхищение. Боль казалась ему красивой, агония и разложение

— захватывающими. Семена того, что он называл «страстью к боли», заботливо возвращались.

В возрасте восьми лет Кроули отправили в школу-интернат. Коренастый плотный мальчик, которого до того времени все опекали, он знал о жизни гораздо меньше, чем его одноклассники, и его немилосердно дразнили. В самом деле, как это нередко случается с детьми, которые чем-то отличаются от других, ему досаждали и травили его на протяжении почти всех лет, что он провёл в школе.

Его первой школой управлял пожилой, строгий учитель-протестант по имени Х.-Т. Хабершон. Он и двое его сыновей были владельцами школы-интерната Уайт-Рок для молодых джентльменов, располагавшейся в местечке Уайт-Рок Гарденс около Гастингса. Перед отъездом сына, Эдвард Кроули отвёл его в сторону и прочёл ему из девятой главы Книги Бытия историю о нагом опьянении Ноя, которая должна была служить завуалированным предупреждением о том зле, которое таит в себе плоть, особенно о мастурбации и гомосексуальных контактах. Первое считалось особенно тяжким грехом, оскверняющим храм человеческого тела и могущим довести до безумия, слепоты, а если ты являешься «плимутским братом», — и до вечного проклятия. После завершающего предупреждения о том, что мальчик никому не должен позволять дотрагиваться до своих половых органов, отец и сын простились.

Кроули посещал школу Хабершонов около двух лет, которые, по большому счёту, не ознаменовались никакими событиями. Апогеем этого периода для Кроули явилась смерть директора школы. Когда Хабершон побил его за то, что он дерзким тоном отвечал на экзаменационный вопрос, мальчик сконцентрировался на том, что желает пожилому человеку смерти. Когда какое-то время спустя эта смерть действительно наступила, Кроули поверил, что это его действия увенчались успехом.

В 1885 году Кроули перевели в подготовительную школу в Кембридже, директором которой являлся бывший англиканский священник, а ныне «плимутский брат» преподобный Генри д'Арси Чемпни. Рождённый в Йорке в 1854 году и посвященный в духовный сан в 1878 году, он был выпускником кембриджского колледжа Тела Христова. По прошествии четырёх лет, в течение которых он служил священником в Эли и викарием в церкви Сент-Эндрю-зе-Лесс в Кембридже, он оставил англиканство и основал школу на Бейтмен-стрит, 51, призванную обслуживать детей Плимутского братства. Если Эдвард Кроули был благочестивым и набожным, то Чемпни был просто фанатиком. Садомазохист с неопределённой сексуальной ориентацией, он

испытывал наслаждение, когда причинял и когда испытывал боль во имя искупления души, причём его фанатизм был настолько силён, что однажды он испортил избирательные бюллетени на всеобщих выборах, написав на них: «Я голосую за царя Иисуса». Согласно воспоминаниям Кроули, он с гордостью признавался, что никогда в жизни не вступал в половые отношения с женщинами, хотя, как утверждает Кроули, он сообщил эту информацию в несколько более грубой форме. Чемпни произвёл шокирующее впечатление на Кроули, который до сих пор предполагал, что все «плимутские братья» похожи на его отца с его благочестивыми мыслями, правильной речью и благородными поступками.

Возможно, из желания противопоставить хоть что-то мировоззрению Чемпни, Кроули — на какое-то время — решил следовать по пути своего отца. В первые свои школьные дни он написал домой письмо, которое было адресовано «дорогим папе и маме» и где сообщалось, что ему подарили перочинный нож, за то, что он лучше всех выполнил домашнее задание на каникулы, что поверхность игровой площадки осела, что школьная бойлерная чуть не взорвалась. Письмо продолжалось просьбой прислать немного денег на петарды и заканчивалось сообщением: «Я вступил в группу мальчиков, которые с Божьего благословения собираются попытаться помогать другим людям и говорить с ними о спасении их души».

Возможно, у Кроули не было другого выбора, кроме как вступить туда, поскольку эта проповедническая группа очень напоминала принудительное мероприятие. После утренней молитвы и собрания, посвященного религиозным наставлениям, которое длилось до двух часов, мальчики шли на публичную проповедь, которую Чемпни произносил на пустыре Паркера, поросшем травой пустыре в Кембридже. Затем каждый читал про себя Библию или другую полезную в нравственном отношении книгу, после чего имело место добровольное молитвенное собрание, которое никто не осмеливался пропустить. День заканчивался вечерней молитвой, ещё одной проповедью (иногда публичной) и молитвой на сон грядущий. Каждый понедельник проводились «собрания нищих», на которые приводили, как выражался Кроули, «отбросы Барнсвелла», одной из трущоб Кембриджа. Их кормили и читали им проповедь. Результатом этой благотворительной деятельности были периодически возникающие среди учеников эпидемии стригущего лишая, кори и свинки. Чемпни возлагал всю вину на греховность мальчиков.

Несмотря на Чемпни и его недостатки, время, проведённое в этой школе, прошло для Кроули с пользой.

Одноклассники любили его и дразнили не так сильно, как в предыдущей

школе. Он отличился в учёбе и получил за это приз, экземпляр «Естественной истории Селборна» Гилберта Уайта. Хотя позднее он утверждал, что так и не потрудился прочитать книгу, он, конечно, прочёл в школе достаточно много других книг. С помощью сборника гимнов Плимутского братства он открыл для себя поэзию, он прочёл книги сэра Вальтера Скотта и Джона Мильтона, а через некоторое время и сам попробовал писать стихи, в которых проявилась его пробуждающаяся сексуальность. Создаётся впечатление, что он остался глух к предупреждениям отца, поскольку порядочная часть его стихов обнаруживает гомосексуальные наклонности автора.

Горизонты расширились, но вскоре Кроули предстояло пережить серьёзный поворот судьбы. В мае 1886-го его внезапно вызвали из школы домой. Заболел отец, и было необходимо, чтобы Кроули присутствовал на молитвенном собрании, где собирались молить Иисуса Христа об исцелении. Диагнозом был рак языка, и Эдварда Кроули направили к сэру Джеймсу Пейджету, проректору Лондонского университета и одному из самых выдающихся хирургов того времени, которому был присвоен титул баронета как одному из личных докторов королевы Виктории. Он рекомендовал немедленное хирургическое вмешательство, но Эдвард Кроули испугался, что операция вызовет затруднения в речи — это случилось бы почти наверняка, если бы только он вовсе не потерял дар речи, — и он не сможет проповедовать. Вместо операции он прошёл курс электрогомеопатии графа Маттея.

Ближайший врач, практиковавший это шарлатанство, жил в Саутгемптоне, поэтому семья переехала туда, поселившись в доме под названием Гленберни. Здесь Эдвард Кроули посещал врача, чтобы получать лечение, состоящее из отваров трав, инъекции морфина и прикладывания электродов к опухоли на языке.

Лечение не имело под собой никакой научной базы, и можно было заранее предсказать его неэффективность. Эдвард Кроули умер 5 марта 1887 года. Его семья и ближайший к ней круг членов Плимутского братства были потрясены. Рак не причинял больному никакой боли, и все были настроены оптимистично, будучи уверенными, что горячими молитвами и терапевтическими процедурами болезнь будет вылечена. Кроули, который к этому времени уже вернулся в Кембридж, утверждал, что накануне получения известия о смерти отца он видел её во сне.

В своей самонадеянной и напыщенной «Исповеди Алистера Кроули», которая в хронологическом порядке повествует о его жизни до 1923 года, Кроули пишет о себе в третьем лице вплоть до момента смерти отца, после чего начинается повествование от первого лица. Как будто со смертью отца Кроули

стал самостоятельным индивидуумом, обрёл независимый образ мыслей, освободился от цепей, наложенных на него воспитанием.

Он не только освободился: значительным изменениям подвергся его характер. До смерти отца что-то сдерживало Кроули. Он уважал отца, восхищался им и не хотел ему противостоять, но, коль скоро отец был мёртв, Кроули почувствовал свободу делать то, что пожелает, отправившись в собственное жизненное путешествие, не обремененный отцовским багажом.

Вновь обретенная независимость первым делом проявила себя в школе Чемпни, где он стал вести себя наперекор всему. Он начал сомневаться в истинности Библии и ценить лицемерие, демонстрируемое Чемпни и его религией, в которой он уже различал не просто религию, а такую религию, где ложь и хитрость допускались, если только они были необходимы для того, чтобы поставить на колени грешника, истинного или подозреваемого.

В автобиографическом пассаже под названием «Отрочество в аду», являющемся частью книги «Мировая трагедия», частным образом напечатанной в Париже в 1910 году, Кроули даёт характеристику периоду своего пребывания в школе Чемпни. С тех пор как он начал ставить под сомнение окружающий его мир, школа выдвинулась ему следующим образом:

Я бы сказал, что с точки зрения постороннего наблюдателя это была неплохая школа. С моральной же и физической точек зрения это было гнездо разложения и упадка... Нам разрешали играть в крикет, но запрещали вести счёт, потому что это могло вызвать в нас порок «соперничества»... Лицемерие и доносительство считались единственными добродетелями, а доносчику всегда и всецело верили, даже если его информация была неправдоподобной или даже невероятной, абсолютно не принимая в расчёт доводы других независимых свидетелей. Например, мальчик по имени Глэскот из какой-то абсурдной злой прихоти сказал мистеру Чемпни, что, навестив меня во время каникул в доме моей матери (мне было 12 лет) — до этого места всё было правдой, — он нашёл меня валяющимся пьяным под лестницей. Никто не спросил об этом мою мать, ничего не было сказано мне. Меня, как это называлось, отправили в «Ковентри», а это означало, что ни учителя, ни мальчики не имели права говорить со мной, а я — с ними. Меня посадили на хлеб и воду; когда все играли, я занимался в классной комнате; во время занятий я в одиночестве бродил по игровой площадке. Ожидалось, что я сознаюсь в своём преступлении, при этом мало того, что я был не виноват, меня в нём даже не обвинили. Это наказание... длилось в течение полутора семестров.

Нужно добавить, что ябеды и доносчики считались «орудиями Господа

Иисуса», и мальчики шпионили за своими товарищами, чтобы заслужить одобрение Чемпни и других учителей. Побои были обычным явлением. «Я помню, — писал Кроули, — как однажды меня поролли по ногам, потому что удары по ягодицам могут пробудить в несчастной жертве сладострастие! — 15 минут молитвы, 15 ударов палкой, ещё 15 минут молитвы, ещё 15 ударов — и опять молитва, чтобы достойно всё это завершить».

Годы 1886-й и 1887-й стали несчастливой полосой в жизни Кроули. Он потерял своего отца, закончилось счастливое отрочество дома, в Редхилле, он утратил веру в то, во что до сей поры верил. Он был неприкаян, некому было направить его теперь, когда он лишился своего наставника.

Отношения Кроули с матерью, в которых всегда присутствовало раздражение, стали ещё хуже, обострённые тем, что после смерти Эдварда Кроули она почувствовала отчуждение от своей семьи, никогда не разделявшей его фанатичную набожность. Даже члены Плимутского братства, которые видели в её муже духовный оплот, больше её не навещали.

Чувствовавшая себя брошенной, напуганная женщина с сыном, настроенным в высшей степени бунтарски и антагонистически, переехала в Лондон, поближе к своей собственной семье и единственному мужчине, на которого она могла опереться и который мог её поддержать. Это был её брат Том Бонд Бишоп.

Логично будет предположить, что Эмили Кроули рассчитывала на что-то большее, чем моральную поддержку. В нём она надеялась найти хоть какую-то замену отца для своего неуправляемого сына. Рассчитывая на это, трудно было ошибиться сильнее.

Бишоп жил в зажиточном пригороде Южного Кенсингтона, там, где теперь находится Дрейтон Гарденс. Остаётся неясным, постоянно ли Эмили и её сын жили в его доме, но, вероятно, нет: после смерти мужа ею овладело беспокойство, и она не жила подолгу на одном месте. Во время школьных каникул Кроули жил у Бишопа или путешествовал с матерью по стране, останавливаясь в отелях и пансионатах. Лишь позднее, когда Бишоп переехал в Стритхем, Эмили осела, сначала поселившись в доме под названием Оуквью на Полворт-роуд, а затем в 1896 году переехав во второй дом, Койр-на-Крейч, неподалёку от Ралфорд-роуд.

Не являясь членом Плимутского братства, Бишоп был близок их религиозным взглядам. Чиновник, служащий в Управлении таможенных пошлин и акцизных сборов Её Величества, он был англиканцем, хорошо известным в Лондоне как филантроп, основатель Детского объединения по изучению Библии и

христианской религии и Детской миссионерской организации. Кроули постоянно испытывал к нему чувство неприязни, возможно смягчаемое тем фактом, что Бишоп был очень умным фанатиком, который, как считал Кроули, «слепо повиновался диким импульсам, считая их указаниями Всевышнего». Вот как он описывает две основанные Бишопом детские христианские организации: «первая из них указывала детям, какие отрывки из Библии им следует читать ежедневно, а вторая, не давая детям спокойно играть на морском берегу, заставляла их слушать бред набожных студентов или наёмных проповедников». Бишоп к тому же был человеком, для которого борьба с безнравственностью и грехом был а делом всей жизни. Конечно, на борьбу с грехом он тратил больше сил, чем на борьбу с контрабандой, поэтому так никогда и не достиг сколько-нибудь значительного продвижения по службе, направив всё своё честолюбие на спасение своей души и душ других людей. В итоге это был добросовестный, незначительный чиновник, всегда готовый влезть в религиозный спор. Как бы то ни было, несмотря на позднейшие обвинения со стороны Кроули, представляется, что Бишоп был чем-то большим, чем типичным зажатым викторианским догматиком.

Появление в жизни Кроули дядюшки Тома Бишопа стало для мальчика шоком. Он потерял своего благочестивого и богобоязненного отца, на смену которому пришёл жестокий фанатик. Можно сказать, выражаясь современным языком, что Кроули подвергался насилию со стороны Бишопа, по крайней мере психологическому и эмоциональному. Ограниченность и нетерпимость этого человека, проявлявшиеся во всём, при том что жизнь его полностью определялась его собственным толкованием христианства, выражались в крайнем деспотизме, особенно по отношению к своему мятежному племяннику. Обладая каким-то чувством юмора, Бишоп обычно не был склонен выражать радость: смех не вязался у него с благочестием.

С Бишопом жили также тётушка Ада, сестра Эмили Кроули, бабушка Бишоп и разные другие родственники. Тётушка нравилась Кроули, несмотря на то что она целиком и полностью была под каблуком у Бишопа, разделяя его религиозные взгляды, что позволяло ей вести спокойную жизнь в должности секретарши Детского объединения по изучению Библии и христианской религии. У этой доброй женщины было слабое здоровье, и она умерла в молодости. Бабушка Бишоп, вторая жена деда Кроули по материнской линии, была пожилой, утончённой дамой, не разделявшей религиозность сына. Она была страстным карточным игроком, но сын считал карты дьявольскими картинками и не терпел их присутствие в доме. Ада замаскировала колоду карт, нарисовав вместо мастей цветы, чтобы она и бабушка могли играть. Ещё с ними жила Анна, дочь дедушки от первого брака, и её брат Джон. Анна была на

редкость непривлекательной женщиной, которую ещё можно было отнести к среднему возрасту и которая каждую ночь брала в постель бутылку крепкого портера, называя её «мой малыш». Джон, который когда-то эмигрировал в Австралию, нажил себе там состояние, а затем потерял его из-за слабого здоровья, теперь вынужден был жить за чужой счёт, пользуясь милостью своего сводного брата. Джону запрещалось курить трубку в присутствии Бишопа и полагалось мириться с его непрекращающимися проповедями. Кроули любил Джона и сочувствовал ему, поскольку тот тоже страдал от религиозных притеснений. Когда Кроули было пятнадцать, Джон поделился с ним своими опасениями о том, что он не живёт в мире со Христом. Кроули ответил, что Христос — это миф, греха не существует и что Джону повезло, потому что он так долго прожил вдали от Бишопа. Джон, чьё здоровье уже было слабым, перенёс нервный срыв и умер несколько лет спустя. Впоследствии Кроули обвинял мать и её брата в убийстве.

Несмотря на то что, как пишет Кроули, «мрачность, царившая в доме моего дядюшки, атмосфера резкого неодобрения всей вселенной в целом, а также полное отсутствие в доме живого духа соединились, чтобы заставить меня испытывать отвращение к семье моей матери», это отвращение было ничем по сравнению с той ненавистью, которую он испытывал к самой матери. После смерти Эдварда Кроули её религиозный фанатизм возрос. Укутанная в чёрные складки викторианского вдовства, исполненная жалости к себе, она принялась критиковать мир за его порочность. Она заявляла, например, что Бог недоволен построенным Брюнелем пароходом «Грейт истерн» подобно тому, как он был разгневан строительством Вавилонской башни, и что именно это было причиной всех тех неприятностей, которые произошли с судном. Она как «плимутская сестра» не могла позволить себе войти в церковь, даже ради того, чтобы присутствовать на отпевании тётюшки Ады: она осталась стоять на улице, под проливным дождём, однако согласилась быть на погребении.

В моменты, когда она не критиковала устройство общества, она направляла свой, нередко ядовитый, язык на собственного сына. Что бы ни делал Кроули, всё было не так. Он бунтовал против её религиозных принципов, и чем старше он становился, тем больше он их презирал. И всё же Кроули испытывал к ней некоторую симпатию: «.. её мощные природные инстинкты, — писал он, — были подавлены религией до такой степени, что после смерти мужа она стала безумной фанатичкой самого ограниченного, непоследовательного и безжалостного типа... В известном смысле моя мать была безумной, в том смысле, в каком являются безумцами люди, чей мозг разделён на герметичные отсеки и которые с одинаковой страстью поддерживают несовместимые идеи, храня их отдельно друг от друга, поскольку, встретившись, эти идеи могут

уничтожить друг друга». Другими словами, он рассматривал её как человека, чья душа загнана и ослеплена собственной верой, хотя однажды всё-таки признал, что она была «лучшей из возможных матерей, только до невероятности испорченной религиозной мономанией, которая, возможно, началась с того, что можно назвать „истерией на почве вдовства“».

Во время одного из припадков негодования по поводу поведения Кроули она подала ему мысль, которой суждено было стать центральной мыслью всей его жизни. Неизвестно, как именно это получилось, но в какой-то момент она начала называть его «зверем». Возможно, сначала это было просто слово, вырвавшееся из уст матери в момент гнева, но его смысл усложнился после смерти отца Кроули, особенно в то время, когда мать и сын жили внутри или вблизи семьи, для которой любое рядовое действие и высказывание могло иметь религиозный смысл. Мальчик с диковатыми манерами превращался в Зверя из тринадцатой главы Откровения, в которой святой Иоанн Богослов видит «выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные... Ктоимеетум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». Постепенно его мать начала убеждать себя, что Кроули «действительно был Антихристом из Апокалипсиса... её бедный, заблудший, грешный сын, который ещё может покаяться и спастись благодаря Святой Крови, пролитой Христом». Кроули, проникшись этой мыслью, решил, что он и вправду является Зверем, и занял эту позицию с полной ответственностью. Став взрослым, он даже утверждал, что его мать, безумная фанатичка, была вдохновлена свыше, когда назвала его так, тем самым определив его жизненный путь.

С этой новой «личностью» было сопряжено упрямство, свойственное Кроули. Он не упускал возможности покритиковать, высмеять, принизить христианство и, особенно, Плимутское братство, обвиняя его в том, что оно способствовало смерти его отца, полагаясь на молитвы и шарлатанство больше, чем на искусство королевского хирурга. Он нападал на Братство, критикуя его за лицемерие, непоследовательность и противоречивость его убеждений и принципов, за фанатизм и самодовольство. «Если у неверующего человека, — писал Кроули, — могут быть моральные ориентиры и ограничения, то у "плимутского брата" их нет вообще. Он всегда готов оправдать самое подлое преступление, процитировав подходящий библейский текст и возвав ко Христу, чтобы покрыть любую низость, которая только может доставить удовольствие его самовлюблённой и порочной натуре». Их принципы, как он утверждал, были глупы. При этом Кроули приводит пример, как его отец отказывался покупать акции железнодорожных компаний, потому что поезда не

упоминаются в Библии. Обычай отыскивать библейскую цитату для получения подтверждения любому своему действию Кроули считал позволением исказить Библию, чтобы оправдать всё что угодно. Священное Писание превращалось в Священное Оправдание, Божественное Разрешение, которое в конечном счёте означало, что можно делать всё что угодно и каждый раз выходить сухим из воды.

Его бунт против Братства требовал экстремальных, а в некоторых случаях ироничных методов. Зная, насколько члены Братства верили в собственную исключительность, он посещал англиканские и католические церкви — они как-никак считались в Плимутском братстве логовами беззакония. Но он не обнаружил там никакого порока. Все они, как он решил, «были просмолены одной кистью; они были холодными, бессердечными, мрачными, глупыми, скучными и бессмысленными. Чрезмерная эмоциональность одних и пристрастие к духовным таинствам других казались мне одинаково фальшивыми». Англиканская церковь оказалась даже более лицемерной, чем Плимутское братство, поскольку являлась, по его мнению, «просто механизмом для того, чтобы удерживать нижние классы общества на должном месте».

Встав на путь противостояния Богу, которого он считал своим врагом, Кроули решил грешить. Поскольку его научили, что грех против Духа Святого не подлежит прощению, он предпочёл нечто большее, чем просто гражданский или моральный проступок. Если, рассудил он, он совершит грехи, которые никогда не смогут быть прощены, тогда, даже если, как полагала его мать, его спасение predetermined, оно не состоится, и это стало его честолюбивой целью. Раз он был Зверем, решил он, то лучший грех против Духа Святого, который он может совершить, — это поклонение дьяволу. Поэтому он стал сатанистом, тайно молясь сатане, чтобы тот защитил его от его набожной матери, дядюшки Тома, Чемпни и всех остальных, кто доставлял ему огорчения.

Однако молодой сатанист всё же не был таким порочным, как сам утверждал. Ведь до девятнадцатилетнего возраста Кроули писал стихотворения в форме гимнов. Больше похоже на то, что он начал разрабатывать свою собственную теологию. Разумеется, он считал, что противостоит лицемерию и фальши, а не религии как таковой. Свою (не вполне ясную) позицию он резюмировал следующим образом: «У меня не было ненависти к Богу или к Христу, но у меня была ненависть к Богу и к Христу людей, которых я ненавидел». И лишь позднее он стал полагать, что Библия целиком поддерживает лицемерие и фальшь, и его противостояние ей стало более конкретным.

Психологическая жестокость Бишопа и физические издевательства Чемпни

обострили садомазохистские наклонности Кроули. В четырнадцатилетнем возрасте, услышав, что у кошки девять жизней, он решил проверить это утверждение. Он поймал кошку, дал ей дозу мышьяка, дал ей понюхать хлороформа, отравил её газом, зарезал её, пробил ей череп, разрезал ей горло, сжёг, утопил и выбросил её из окна. Утверждение было опровергнуто.

К четырнадцати-пятнадцати годам, когда его ум уже стал очевиден для окружающих, Кроули начал считать себя если не гением, то по крайней мере тем, кто скоро им станет. Его пытливый ум был ненасытен и, без сомнения, оттачивался благодаря тому, что и дома, и в школе он постоянно ставил под сомнение религиозную среду, в которой находился. Он сам описывал себя так: «Сочетание невинности, невежества, знания, изобретательности и высоких моральных принципов кажется необычным. Очевидно, что безумное аморальное суеверие, в атмосфере которого я вырос, ответственно за мои зверские и абсурдные поступки. Снова и снова мы будем видеть, как навязывание противоестественной теории и принципов христианства очень здравомыслящему, лишённому иллюзий, реально смотрящему на вещи гению создавало конфликт, разрешение которого на материальном уровне выражалось в виде некоторых экстравагантных поступков». И одним из ранних таких поступков был случай с кошкой. Кроули предстояло развиться в личность, вечно стремящуюся достичь границ человеческого опыта, руководствующуюся эмоциями и внутренними побуждениями больше, чем разумом.

Открытое неприятие религии, которое демонстрировал Кроули, вызвало некоторую обеспокоенность семьи. Тогда был приглашён Джонатан Кроули, старший брат его отца, чтобы посмотреть, не сможет ли он оказать на мальчика какое-нибудь влияние. Внешне привлекательный человек харизматического типа, Джонатан Кроул Джонатан Кроули с женой навестили своего племянника в школе в Кембридже и остались недовольны положением дел. Они крайне неодобрительно отнеслись к «собораниям с нищими», и Джонатан Кроули пригрозил, что приведёт в школу официальных представителей здравоохранения, если Чемпни не перестанет устраивать эти собрания. Чемпни уступил. В то же время, познакомившись с Чемпни, он понял, что с мальчиком здесь дурно обращались. Тогда он обратился в суд, с тем чтобы мальчик выдвинул устное обвинение школе Ченсери. Кроули вызвали в кабинет судьи — это был Его Честь мистер Стир-линг, — но мальчик так испугался, что его мать могут отправить в тюрьму, что солгал, сказав, что он вполне счастлив в школе Чемпни.

По возвращении в школу он, конечно же, был наказан за то, что раскачал образовательную лодку Чемпни. Мальчику урезали питание и запретили разговаривать с кем-либо, равно как и никому нельзя было разговаривать с ним.

Домой на каникулы он вернулся слабым и больным. Его мать однажды, в момент особенного участия по отношению к-сыну, оставила на время своё беспокойство о том, что вскормила Зверя, и пригласила Чемпни в Стрит-хэм. Чемпни приехал. В его присутствии Кроули лишился дара речи и не осмеливался возражать, в чём бы Чемпни его ни обвинял, при том что ни одно из обвинений не было достаточно конкретным. В результате в начале следующего семестра Кроули послали обратно в школу.

Однако дядюшка Том почуял недоброе. Он отправился в Кембридж. Чемпни был готов к его приезду. Перед прибытием дядюшки мальчик был проинструктирован относительно того, как следует себя вести. Тем не менее, когда Чемпни начал обвинять мальчика в разнообразных проступках, тот отказался признаться в них и не только не признал себя виновным, но и заявил, что впервые слышит эти обвинения. Бишоп понял, что Чемпни выдумывал все эти проступки, обвинил директора в невменяемости и забрал Кроули из школы. Теперь Чемпни занялись официальные структуры. Его характер был признан неподходящим для управления школой, и школа была закрыта. Последняя информация о нём относится к 1899 году, когда он, окончательно обеднев, обратился за помощью по закону о нетрудоспособности духовных лиц.

К этому времени мальчик, который был счастливым, здоровым ребёнком при жизни своего отца, превратился в бледного, замкнутого, болезненного юношу. Врачи обнаружили, что Кроули страдает альбуминурией, нарушением работы почки, вызванным повышенным кровяным давлением и проявляющимся в виде усиленного выброса альбумина в мочу. Врачи предсказывали, что, если не начать лечение немедленно, Кроули умрёт через несколько месяцев. Его немедленно посадили на специальную диету и, на старый викторианский манер, прописали побольше физических упражнений на свежем воздухе.

В течение какого-то времени Кроули чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы посещать местную школу, и стал ходить на занятия в Стритхэм-колледж, чьи окна выходили на пустырь Стритхэм и которой руководил Томас Аугустус Ярроу. Здесь мальчик посещал обычные школьные курсы, но здесь же ему суждено было открыть то, что он считал грехом против Духа Святого, чего он искал и с помощью чего мог заслужить одобрение дьявола. Это была мастурбация.

Он уже слышал о ней в школе Чемпни от одного мальчика по имени Гибсон, но никто из тогдашних его одноклассников не осмелился описать ему сам механизм процесса, хотя, как он пишет, он «страстно мечтал овладеть умением, вокруг которого люди поднимают столько шума», и вскоре «отдался этому занятию с характерным для него увлечением».

Он неслучайно выбрал мастурбацию как путь к несомненному вечному проклятию. Сексуальные контакты с женщинами представляли собой нечто естественное, и, хотя вне супружества они являлись греховными, всё же их нельзя было считать поступками, первоклассными по своей безнравственности. Употребление алкогольных напитков не было грехом, поскольку его отец пил вино и пиво: с другой стороны, курение могло претендовать на роль греха, поскольку отец не признавал табак. Следствием этих размышлений стало то, что Кроули курил и мастурбировал когда только мог.

Никогда не упуская случая съязвить над высоконравственной позицией своего дяди, Кроули часто проявлял быстроту реакции и остроумие. Однажды Том Бишоп писал поучительную статью для «Журнала для мальчиков», которая называлась «Два безнравственных короля». Эти страшилища, разрушающие жизнь мальчиков, были названы Король-Курение (Smo-King) и Король-Алкоголь (Drin-King). Кроули, читая статью, спросил дядю, почему тот не написал о самом развращённом короле из всех. Бишоп не мог догадаться, о каком же монархе он забыл. Кроули подсказал ему. История не сохранила точных сведений, кем был недостающий король, был ли это Король-Секс (Fuc-King) или Король-Онанизм (Wan-King).

В течение следующего года Кроули путешествовал по Британии в сопровождении постоянно сменяющихся домашних учителей, вдыхая деревенский воздух во время прогулок по холмам Уэльса, Шотландии и Северной Англии. Учителя, допущенные Томом Бишопом к обучению племянника, были, за исключением одного, недавними выпускниками Кембриджского университета с правильной религиозной подготовкой. Выпускников Оксфорда к воспитанию Кроули не допускали. Кроули считал этих учителей приложением к своему дядюшке. Они были такими же чопорными, ограниченными, твердолобыми приверженцами религии, в присутствии которых он считал себя обязанным продолжать свои поиски самого большого греха против Духа Святого.

Его странствия не всегда были неприятными: в Сент-Эндрюсе ему преподавал урок гольфа не кто иной, как Эндрю Киркалди, один из великих игроков в гольф того времени. Учитель из колледжа Кайус, чей отец, преподобный Энтони Ральф д'Арси, был ректором Нимпсфилда, что неподалёку от Страуда в Глостершире, взял его на лисью охоту. Кроули доставляло удовольствие приезжать туда, ему нравился и сам ректор, который обладал несколько грубоватым чувством юмора. Одна из его шуток звучала так: «Почему волосы Глэдстоуна похожи на пучок травы? Потому что они растут на макушке старого содомита». Во время ловли форелей и лососей вместе с учителем средних лет преподобным Джоном Фозергиллом, англиканским священником и редактором

двухтомника «Достопримечательности Уэстморленда», Кроули бросил в воду удочку своего учителя. Тот прыгнул за ней, перевернул лодку и попытался утопить под ней своего ученика. Тем же вечером Кроули бежал с местной деревенской девушкой Белль Мак-Кей, с которой, как он утверждает, он занимался сексом: вероятно, это так и было, поскольку много лет спустя, когда Кроули составил список своих любовниц, она значилась среди них. Какой бы ни была правда, Фозергиллу оказалось достаточно, чтобы оставить свою должность и вернуть неуправляемого воспитанника обратно в Лондон. Кроули утверждает, что по пути он успел заняться сексом с горничной в Карлайле.

Выбирая учителей для племянника, дядя Том допустил одну серьёзную ошибку. Весной 1891 года он принял на работу человека по имени Арчибальд Чарлз Дуглас, сына англиканского епископа в Бомбее. Протестант, один раз побывавший в Персии в качестве миссионера Библейского общества, он, казалось, имел безупречные данные, если не считать того, что он не был посвящен в духовный сан и являлся выпускником Оксфорда. Кроули, выздоравливающему от коклюша, опять было предписано бывать на свежем воздухе, поэтому для ученика и учителя был разработан план велосипедного путешествия в город Торки, оздоровительный морской курорт, в чьём солёном воздухе содержится много целительного озона. Но Кроули смог доехать на велосипеде только до Гилфорда, откуда путешествие продолжилось по железной дороге. Дуглас доказал, что он не похож на других учителей Кроули. Пусть он был протестантом, но он также был типичным оксфордским либералом, и Кроули сразу же полюбил его.

С того момента, как мы остались вдвоём, — писал Кроули, — он произвёл полный переворот в моих взглядах на жизнь, впервые показав мне разумный, чистый, радостный мир, в котором стоило жить. Курение и алкоголь были в порядке вещей. Он предупреждал меня о вреде неумеренности с точки зрения спортсмена. Он показал мне скачки, бильярд, научил заключать пари, познакомил с карточной игрой и женщинами. Он объяснил мне, как наслаждаться всем этим, не нанося вреда себе и другим. Он продемонстрировал мне все хитрости и ловкие приёмы. Он показал мне, что значит слава. Я немедленно перенял его мировоззрение и начал вести себя как нормальное, здоровое человеческое существо. Кошмарный мир христианства исчез. В первые десять дней, что мы провели в Торки, я влюбился в актрису, и во время этого прикосновения человеческой любви отвратительные тайны секса превратились в радость и красоту. Одержимость идеей греха упала с моих плеч и растворилась в море забвения. До этого меня почти захлёстывала устрашающая ответственность обеспечить себе вечное проклятие и помочь другим уйти от Иисуса. Теперь я обнаружил, что мир был полон проклятых

душ; душ людей, которые принимали природу как она есть, принимали своё собственное место в природе и наслаждались им, оказывали решительное сопротивление всему низкому и ничтожному, где бы они с ним ни сталкивались. Для меня это был период безграничного счастья.

День, когда Кроули потерял девственность, неизвестен. Он приводит несколько случаев, когда это было возможно, в том числе эта случайная встреча в Торки, хотя его отношения с Белль Мак-Кей были для него, вероятно, первым опытом гетеросексуального контакта. Как бы то ни было, Кроули искал в Торки повода совершить какой-нибудь значительный грех против Духа Святого, и перед ним открывались хорошие перспективы: он достиг половой зрелости, в присутствии Дугласа он чувствовал себя освобождённым, а поскольку он одновременно обладал бунтарским характером и благородным происхождением, девушки неизбежно должны были одарять его ревнивым вниманием. Тем не менее, освободившись от цепей христианского кошмара и попав в мир женщин, он получал уже не первые свои эротические опыты. Один из его учителей, чей брат был настоятелем Вестминстерского собора, пригласил его в дом своей матери, где попытался его соблазнить. Кроули, к тому времени уже встречавшийся с подобными ухаживаниями, прогнал его.

В Торки родился новый Кроули. Придя к убеждению, что подавление сексуальности — это общественная катастрофа, он смотрел на мир другими глазами. По письмам, которые он присылал домой, его мать и Том Бишоп почувствовали, что что-то не так. Бишоп приехал в Торки и уволил Дугласа, забрав Кроули назад в Лондон. Но дверь в жизнь уже была открыта, и лошадь освобождённого духа уже пустилась вскачь. Кроули стал «как бог, познавший добро и зло. Я был в состоянии готовности к действию». И он не замедлил взяться за дело.

ГЛАВА 2

Подрастающий бог

Когда Кроули не путешествовал со своими учителями, его домашняя жизнь была очень тоскливой. Ему запрещено было видеть других подростков, не считая детей членов Плимутского братства. Подобно многим одиноким или не имеющим братьев и сестёр детям, он сделался страстным читателем, но его библиотека подвергалась суровой цензуре. Читать произведения сэра Вальтера Скотта и Чарльза Диккенса позволялось, за исключением «Дэвида Копперфилда», поскольку маленькая Эмили считалась порочной и безнравственной. Боялись также, что, поскольку имя Эмили принадлежит и его матери, чтение этой книги может уменьшить его уважение к ней: впрочем,

насколько ещё можно было его уменьшить — вопрос академический. Книга, принадлежавшая одному из учителей, под названием «Баллады Бэб» тоже была запрещена, поскольку одно из стихотворений начиналось строчкой «Нянькой работала Эмили Джейн». «Сказание о Старом Мореходе» Колриджа было запрещено, поскольку моряк неосторожно похвалил водяных змей, а змеи — это олицетворение зла. Так написано в Библии.

Однажды у матери Кроули чуть не случился апоплексический удар от ярости, когда, зайдя с сыном к родственнице на чашечку чая, она увидела в её доме роман Эмиля Золя. Кроули истолковал этот эпизод как подтверждение своей мысли — возможно, правильной — о том, что его мать находилась на грани безумия, являющегося результатом как подавления её сексуальности, так и её рьяной набожности.

Несмотря на все эти строгости, Кроули удавалось читать нелегально. Неожиданно ему стали выдавать небольшое количество карманных денег, на которые он тайно покупал и контрабандой проносил домой книги, чтобы читать их в тишине туалета. Одной из таких книг, как он сообщает, была «Тайна кэба». Если бы его мать обнаружила эту книгу, разразилась бы катастрофа: она считала кэбы орудием дьявола, поскольку в её представлении они главным образом использовались мужчинами для связей с падшими женщинами.

Столь пристальный надзор и введенный в доме комендантский час ограничивали возможности Кроули относительно совершения грехов против Святого Духа, не позволяя ему мастурбировать и вынуждая видеть в каждом, кто находился вокруг него, шпиона. Эта черта, родственная изредка проявлявшейся у него застенчивости, осталась в его характере на всю жизнь. Тем не менее, когда бы ни возникали возможности согрешить, он старался использовать их все. Одна из таких возможностей появилась в виде горничной. Кокетливая девушка и Кроули однажды днём, воспользовавшись дьявольским транспортным средством, убежали из дома и провели несколько часов резвясь в Херн-хилле. Воскресным утром, когда вся семья была на традиционном воскресном богослужении, Кроули отлучился по какой-то причине и позднее утверждал, что занимался с горничной сексом на кровати своей матери. Их связь была обнаружена. Кроули всё отрицал, и девушку уволили. Он не испытывал раскаяния, поскольку считал, что всему виной пуританский настрой его семьи.

В жизни Кроули была одна отдушина, в которой он искал отдыха и расслабления и которой суждено было сопровождать его на протяжении всей жизни. Речь идёт о поэзии.

В школе Кроули познакомился с произведениями великих поэтов британской литературы, но вряд ли полюбил их. Изучение этих произведений заключалось большей частью в повторяющемся чтении отрывков из них и заучивании отдельных строк. В школе почти не учили вдумчивому чтению и интерпретации. Стиль «Потерянного рая» Мильтона был ему скучен, но его вдохновлял образ дьявола как всемогущего героя, нравственного изгоя, восставшего против Бога. Он отождествлял себя с мильтоновским сатаной и видел в нём союзника в своей собственной борьбе. Дома он имел доступ к книгам Тен-нисона и Лонгфелло, но нашёл, что «их невозможно отнести к поэтам. То, какими слабыми были образы их персонажей, вызывало у меня безграничное омерзение. Самые тяжкие их грехи были обывательскими». По схожей причине, — именно потому, что его произведения не были запрещены, — он пренебрёг Шекспиром и оценил его, только оказавшись в Форсинарде вдвоём со злополучным преподобным Фозергиллом, где трёхтомное собрание сочинений барда было единственной книгой в доме, которую, в сущности, можно было читать.

Подстёгиваемый чтением поэзии, Кроули сам начал больше сочинять. Его юношеские произведения, как он отмечал, распались на три стилистических класса: пародии на песни того времени, лирические стихотворения, основанные на духовных гимнах, и эпические повествования, основанные на рассказах сэра Вальтера Скотта.

В автобиографии Кроули цитирует несколько строк из стихотворения под названием «Взгляд за кулисы». В стихотворении описывается больница:

На больничной кровати одна

Постепенно гниёт она! День и ночь проклятий полна

Постепенно гниёт она!

Из-под струпьев на коже почти не видна,

Не умыта, вонюча, грязна и страшна,

Громким криком и мёртвым в могилах слышна,

Постепенно гниёт она!

Нельзя не заметить здесь чёрного юмора. Кроме того, для отрывка, принадлежащего перу начинающего поэта, стихотворение выглядит слишком

завершённым. С нескрываемой иронией стихотворение пародирует одну известную книгу о жизни «бродячих актёров и о том, как единственной их надеждой было обращение» в христианство. Поэзия стала ещё одним видом оружия в антихристианском арсенале Кроули.

По мере создания новых произведений поэтическое творчество Кроули сосредоточилось на любви и сатире. Однако любовь, о которой он писал, была не просто романтическим чувством. Она была злом, которое неизбежно приводит к возмездию со стороны Бога. Создаваемые им образы часто были мрачными, склонными к мазохизму и необычайно сильными для поэта его возраста. Мало что сохранилось из этих произведений, в которых Кроули часто изображал триумф молодости и чувства над возрастом и важностью стариков. Большинство их были им уничтожены или потерялись в течение жизни, критикуемые им как «топорные, подражательные и чувствительные». Истинного же поэтического мастерства Кроули достиг лишь годам к двадцати.

Если говорить о книгах, не относящихся к художественной литературе, то однажды в руки Кроули попал том под названием «Уроки по элементарной химии» сэра Генри Энфилда Роско, профессора химии из Оуэнского колледжа в Манчестере, прославившегося изобретением способа очищать ванадий. Поскольку его мать очень хотела, чтобы сын стал врачом, — она колебалась относительно его карьеры, выстроив иерархию, где верхнюю ступень занимала медицина, затем шла юриспруденция и, как нечто немыслимое, рассматривалась проповедническая деятельность, — Кроули было позволено устроить дома маленькую лабораторию. Разумеется, его интерес к науке рассматривался всеми как знак того, что мальчик наконец всерьёз на чём-то остановился.

После нескольких неудачных экспериментов, среди которых были оптимистически наивный проект изготовления алмазов и взрыв, в 1890 году Кроули начал готовить фейерверк для Дня Гая Фокса. Все необходимые ингредиенты он спрятал в большой банке на игровой площадке колледжа Стритхэм, но, когда он собрался запустить ракету, всё это хозяйство взорвалось, выбив окна соседних зданий и оставив его без сознания. Несколько дней пролежав в полубессознательном состоянии, он утверждал впоследствии, что из его лица удалили более четырёх тысяч осколков гравия и запретили напрягать глаза вплоть до Рождества. Это был пример типичной для Кроули чрезмерности, хотя этот случай и принёс некоторую пользу, поскольку на некоторое время Кроули стал центром всеобщего внимания.

Нетерпимость Кроули к религии, его упрямое стремление спорить, сомнительный уровень нравственности и неуправляемое поведение привели

дядюшку Тома и дядюшку Джонатана к одному и тому же выводу. Настало время снова отправить племянника в школу-интернат, но, по общему согласию, его следовало послать в приемлемое учреждение, а не в пропитанное религиозным фанатизмом заведение типа Дотбойз-холлаб. Джонатан Кроулихотел, чтобы мальчик поехал в Уинчестер, но это предложение было отвергнуто. После рассмотрения нескольких школ в поисках подходящей, Кроули наконец записали учеником в Малверн-колледж.

В начале летнего семестра в апреле 1891 года Кроули сел в поезд, идущий в Грейт-Малверн, что в Вустершире. Все надеялись, что с поступлением в эту школу для него начнётся новая жизнь. Но всё оказалось иначе. Малверн-колледж совершенно не подходил для такого мальчика, как Кроули.

И дело было не в том, что он отставал в учёбе: во многих отношениях он был более образован, чем его сверстники. И не его религиозные (или антирелигиозные) взгляды стали помехой его учёбе в этой школе. Проблема заключалась в том, что он не обладал таким крепким здоровьем, как его ровесники, был застенчив и углублён в себя и не отличался успехами в спорте. Малверн-колледж имел постоянно растущую репутацию по части спортивных занятий. Мало того что он вернулся в атмосферу школьной дисциплины после многих месяцев сравнительной свободы, что само по себе должно было стать для него психологическим шоком, Кроули также предстояло приспособиваться к новым требованиям. Он испытывал к этому месту даже большее отвращение, чем к школе Чемпни. Старшие ученики («невежи огромных размеров, равно уваливающие и от учёбы, и от игр и сосредоточившиеся на непристойной брани и мелкой тирании») задирали и обижали его за то, что он не участвовал в занятиях спортом, тогда как одноклассники травили его, потому что он был одиночкой. Он испытал на себе такую грубую традицию, как «pill-ragging», представлявшую собой разновидность борьбы, при которой противники стараются больно ухватить друг друга за яйца; и «смазка», при которой противники или плюют друг другу в лицо, или стараются плюнуть так, чтобы жертва не заметила, кто это сделал. Попав в дом № 4 — дома для воспитанников Малверн-колледжа не имели названий, они нумеровались — под руководством заведующего домом преподобного Г. Э. Хантингдона, Кроули пришлось делить спальню с мальчиком, который подговаривал других совершить над ним акт мужеложства, что в те времена не было редкостью в школах.

Несмотря на травлю, причиняющую ему страдания, и на презрение Кроули к учителям — «назойливым и потенциально опасным малым», — Кроули принялся за учёбу. Подобно многим мальчикам, оказавшимся в такой ситуации, он посчитал самым мудрым опустить голову и стараться не привлекать

внимания. Как бы то ни было, он принял сознательное решение не ухудшать своего положения, и, хотя ему и не хватало рвения кучёбе, он решил, что должен сдать все экзамены, однако с минимальной затратой сил. У него была хорошая память, особенно на слова, и ему прочили будущее неплохого филолога-классика, но ему было скучно запоминать учебный набор из греческих и латинских текстов. В самом деле, учёба мало была способна зажечь его воображение. Он проявлял способности к арифметике, но считал её наукой торговцев; подобным образом он пренебрегал и тригонометрией, поскольку она применяется в таком вульгарном деле, как архитектура, но алгебра завораживала его, потому что это была чистая математика, мало, как ему казалось, применимая на практике. В третьем семестре у них началась химия. Её вёл престарелый преподаватель, очень мало сведущий в предмете. Кроули считал своим долгом указывать учителю на ошибки.

«Моя жизнь в Малверне, — писал Кроули в автобиографии, — мало повлияла на меня. Большую часть времени я был погружён в собственные мысли и старался как можно меньше соприкасаться со школьной жизнью. Я ни с кем там по-настоящему не подружился». Однако у Малверн-колледжа были некоторые преимущества: может быть, его там и дразнили, может быть, он и не завёл себе там новых друзей, но эта школа не была подчёркнуто христианской, и там он смог отдохнуть от религиозного лицемерия. В свои шестнадцать лет Кроули был способным юношей со зрелым, сложившимся умом. Он продолжал писать стихи и читать так много и так разнообразно, как только мог, причём школа предоставляла ему для этого возможности, которых не было дома.

Во время летних каникул 1891 года Кроули и его мать отправились на остров Скай. Приехав в Кайл-оф-Лохалш, они переехали в Кайлакин, затем продолжили путь в экипаже — вероятно, это не был дьявольский кэб — и, проехав двадцать пять миль по пустынным, повергающим в трепет, прекрасным местам в окружении гор и озёр, добрались до гостиницы «Слигахан-Инн», расположенной десятью милями южнее Портри. Гостиница была местом паломничества не только для тех, кто нуждался в оздоровительных свойствах чистого воздуха, но и для альпинистов. Мощная горная цепь Куиллин начиналась менее чем в двух милях от гостиницы.

Куиллин-хиллз, считавшиеся в то время самым лучшим местом для занятий альпинизмом в Британии и лишь немногим уступающие Альпам, приобрели свою популярность лишь недавно, благодаря Джону Норману Колли, самозабвенному альпинисту, преподавателю химии из Лондонского университета и первому, кто применил на практике рентгеновское облучение. Он обнаружил эту цепь холмов, начертил планы восхождений и нанёс на карту горные тропинки. Поскольку альпинизм был новым видом спорта, особенно

популярным среди состоятельных людей, такие места часто посещались знаменитостями и богачами. В тот момент, когда Кроули зарегистрировался в гостинице, она была заполнена альпинистами и горными туристами. Среди них находился сэр Джозеф Листер, изобретатель применения антисептических средств в хирургии.

Кроули, развитый не по годам и любознательный, вступил в разговор с Листером, и тот убедил нескольких альпинистов на следующий день взять мальчика с собой. Эмили Кроули, без сомнения, одобрила эту идею: ведь её сын находился здесь именно для того, чтобы дышать свежим воздухом, кроме того, уйдя в горы, он лишится возможности соблазнить какую-нибудь служанку или деревенскую девушку. На десять миль вокруг по всем направлениям едва ли можно было встретить человеческое поселение. Когда рано утром на следующий день они отправились в путь, Кроули понятия не имел, зачем он туда идёт: скорее всего, он ожидал, что это будет нелёгкая прогулка на довольно большую высоту и возвращение в гостиницу к полудню.

Команда вышла из гостиницы, чтобы взобраться на гору Сгарр-нан-Гиллеан, что находилась примерно в двух с половиной милях к югу от гостиницы, если мерить по прямой. Они пересекли реку Слигачан и пошли вдоль ручья под названием Альт-Деарг-Беаг, поднимаясь по довольно крутому наклону, пока не дошли до большого прута. Здесь начался уже серьёзный подъём: они взбирались э каменистому, открытому ветрам гребню, который назывался Вершинный кряж, был отвесным и имел около трёх четвертей мили в длину. Кроули было нелегко, но он не сдавался и добрался до вершины, находившейся на высоте 3100 футов над уровнем моря. Когда вечером он вернулся в гостиницу, он уже заразился лихорадкой альпинизма.

Во время каникул Кроули пожаловался как матери, так и обоим своим дядюшкам на жизнь в Малверн-колледже, сообщив им о травле, которой он там подвергается, и делая особый акцент на пристрастии учеников колледжа к содомии. Зная образ мыслей своих родственников и будучи уверенным в своей способности влиять на их решения, он объявил им о своём желании вернуться к домашнему обучению с частными учителями. Родственники же, помня об умении Кроули манипулировать этими несчастными людьми, не поддавались и категорически отвергли идею с приглашением учителей как неспособную стать решением проблемы на сколько-нибудь длительный срок. Тем не менее Малверн-колледж был признан непригодным по причине процветания там сексуальных отклонений, и возник план как можно скорейшего перевода мальчика в школу, расположенную ближе к дому.

Какой бы несчастной ни была школьная жизнь Кроули, она всё же смягчалась

каникулами, во время которых он мог предаваться своей новой страсти, альпинизму. Семья приветствовала новое увлечение мальчика, считая его полезным для здоровья во многих отношениях, а не только из-за укрепляющего действия свежего воздуха, происходящего от длительного пребывания на природе. Эти требующие усилий занятия должны были укрепить его мускулы, сделать его сильнее, задать направление его действиям, придать ему уверенности в себе и, если повезёт, отвлечь его мысли от противоположного пола.

Оставленный «наедине с Природой и вдалеке от своих тиранов», Кроули делал первые шаги в альпинизме, причём сейчас их скорее назвали бы скалолазанием. Альпинизм с верёвкой и другим оборудованием тогда только зарождался, большинство скалолазов просто карабкались вверх по крутым склонам и подолгу шли по горам.

Это был опасный спорт, имевший в первые годы своего распространения высокий процент несчастных случаев, нередко заканчивавшихся гибелью альпиниста, однако для спортсменов времён королевы Виктории и короля Эдуарда это была редкостная возможность поставить перед собой по-настоящему сложную задачу.

В начале пасхальных каникул 1892 года, после того как Кроули окончательно покинул Малверн-колледж, его послали на ферму под Лангдейл-фелл, что находится в озёрной местности к западу от Грасмера. Живя здесь, он мог исследовать окрестные горы. С ним был учитель, чтобы опекать его и держать подальше от прелестей деревенских девушек. В деревушке Уэстдейл-Хед, расположенной на берегу озера Уэст-Уотер, где собирались скалолазы со всей Великобритании, Кроули услышал о принятом здесь тесте на проверку альпинистских способностей и выносливости. Тест заключался в том, чтобы покорить четыре самых высоких здешних горы Скофелл, Хелвеллин, Скиддо и Саддлбак в течение двадцати четырёх часов. Воспламенённый идеей этого испытания на выносливость, Кроули решил устроить себе тренировочное восхождение. Он покинул ферму на рассвете, достигнув первой цели своего похода, горы Лангдейл, он преодолел Россет и Боу-фелл, обогнул Хангин-нотс и Эск и направился в сторону плоскогорья, в конце концов покорив вершину Скофелл. Его восхождение продолжалось целый день под палящим солнцем, чей жар усиливался, отражаясь от скал и щебня, он почти не останавливался, разве что для того, чтобы отдышаться. Не взяв с собой воды, он был на грани истощения от жары и, направляясь на север вдоль ущелья, добрался до озера Стай-Хед. Напившись из озера, он поменял направление на юго-западное и, пройдя мимо озера Спринклинг, снова добрался до Боу-фелл. Луна светила ярко, но Кроули был истощён и не мог найти обратный путь. В одиннадцать

часов на подходе к Мидл-фелл, где в наши дни находится горноспасательная станция, он встретил группу спасателей, отправившуюся на его поиски.

Был и другой случай, когда Кроули взял сестру своего учителя, отправляясь взбираться на расположенную неподалёку Лангдейл. Эта сестра — её возраст неизвестен, но, кажется, она была старше Кроули — в какой-то момент похолодела от страха, разразившись эмоциональным монологом, состоявшим из молитв, перемежавшихся криками и требованиями к Кроули, который находился при восхождении ниже неё и мог страховать её только снизу, чтобы он перестал смотреть на её ноги. Она представляла собой, как позднее вспоминал Кроули, пример «малодушной трусости, сладострастия, смешанного со стыдливостью, и фанатической набожности: как будто она была одной из героинь Теннисона».

По мере того как уверенность Кроули в себе росла, он не только начал заниматься альпинизмом с более опытными людьми, но и приобрёл некоторую степень юношеского честолюбия, побуждавшего его исследовать ещё не изведанные пути и маршруты восхождений. Одним из таких маршрутов был отвесный склон горы Миклдор, рядом с которым сейчас построена хижина спасателей. Во время одного из таких восхождений обрушилась гроза, и Кроули утверждал, что в его стальной альпинистский топорик попала молния. Более вероятно, что на нём накопилось статическое электричество, и он начинал искрить от прикосновения. Восхищённый и напуганный грозой, Кроули начал быстрый спуск, цепляясь то за один выступ, то за другой. Это, как он утверждал, требовало большой концентрации, но в тот моментон был слишком увлечён тем, что происходило, и видом горы Ско-фелл, «которая стояла в сияющем лиловом обрамлении грозовых туч и буквально пылала от молний», чтобы заботиться о своей безопасности.

Во время одного из восхождений на Скофелл Кроули познакомился с местным фермером по имени Джон Уилсон Робинсон, который делал многое для распространения альпинизма в своём родном Камберленде. Он проникся симпатией к Кроули и показал ему несколько несложных маршрутов для восхождений в одиночку. Во время тех же каникул Кроули познакомился с Оуэном Глинном Джоунсом, которого ему представил Робинсон. Один из пионеров скалолазания, Джоунс занимался тем, что обучал других технике этого дела; он также изобрёл классификацию горных склонов по степени сложности восхождения. Несколько молчаливый, он был сильным человеком, пользовавшимся уважением со стороны других скалолазов, но так и не был признан как альпинист. Тем не менее в Британии он зарегистрировал 23 маршрута восхождений, которые он совершил первым.

Кроули критически относился к людям, которых считал мошенниками или теми, которые пользовались незаслуженной славой. Он полагал, что Джоунс был именно таким, и обвинял его в самовозвеличивании и, что ещё хуже, распространении опасных приёмов восхождения. Для Кроули не стала неожиданностью гибель Джоунса в 1899 году, когда тот в сопровождении двух проводников совершал трудное восхождение на гребень Ферпекль на горе Дент-Бланш, неподалёку от Церматта в Альпах. По поводу этой трагедии Кроули уверенно заметил, что «опасности альпинизма до смешного преувеличены. Я не слышал ни об одном несчастном случае, который не был бы следствием невежества или неосмотрительности».

Каникулы закончились, и Кроули из Стритхэма отправился в Тонбридж в Кенте, где ему предстояло 12 мая 1892 года поступить в Тонбриджскую школу-интернат в пятый класс и начать жить в пансионате под названием Ферокс-холл Хаус. Скалолазание по-настоящему укрепило его. Он поступил в школу с готовностью принять вызов мира и за короткое время утвердился в новой обстановке, отчасти благодаря тому, что мог теперь противостоять тиранам. Будучи более зрелым, чем большинство его ровесников, он, по своему собственному выражению, «развил у себя нечто вроде естественного аристократизма. Люди уже начинали бояться меня, а что касается травли, то об этом больше не было и речи».

В целом Тонбриджская школа была организована лучше, чем Малверн-колледж. Работа учителей контролировалась, и, хотя сохранялся общий дух школы с превосходством сильнейшего, старшими учениками, которые демонстрировали свою силу на младших, и ритуалами посвящения, через которые проходил каждый новичок, всё же порядки здесь были менее варварскими. Превосходство в спорте не выставлялось на первый план, а содомия была не так распространена. Кроули не просто приспособился к этой обстановке, но и завёл здесь друзей, среди которых был мальчик по имени Адаме, тоже живший в Ферокс-холле и являвшийся племянником Джона Кауча Адамса, известного математика и астронома, первооткрывателя планеты Нептун. Согласно словам Кроули, Адаме был своеобразным малым, который однажды, получив два фунта на карманные расходы, купил восемьдесят пачек мороженого в школьной кондитерской лавке и съел их все сам за один присест.

Несмотря на то что Кроули освоился в Тонбридже, его здоровье опять ухудшилось. Он признавал, что отчасти был виноват в этом сам. Во-первых, он был подвержен приступам депрессии и часто чувствовал себя несчастным, что ослабляло его. Во-вторых, он негодовал, что ему не дали правильного образования, подразумевая под этим недостаток собственных знаний в области сексуальной гигиены. Он писал в «Мировой трагедии», что ослабление его

здоровья было «прямым следствием порочной системы воспитания, которая, не удовлетворившись своими собственными пытками, применяемыми ко мне, передала меня её грубому величеству Природе». На полях своего собственного экземпляра книги он написал: «Я подхватил триппер у проститутки в Глазго» — и уже в зрелом возрасте признавался, что в 1893 году болел гонореей. Разумеется, учителя и наставники вряд ли предупреждали его об опасности венерических заболеваний, а также о том, как её избежать, и едва ли мать или дядя когда-либо обсуждали с ним эту тему.

Время, проведённое Кроули в Тонбридже, не ознаменовалось никакими происшествиями. Видимо, проблем он не создавал, из чего следует, что он чувствовал себя там более счастливым, чем прежде. Он делал успехи в учёбе, и его бунтарские проявления несколько утихли. Меньшее количество религиозных мероприятий в школе и его постоянная поглощённость альпинизмом как-то отодвинули его тоску и ярость на второй план. Тем не менее он по-прежнему был убеждённым антихристианином и нападал на религию, как только появлялась возможность.

Год проучившись в Тонбридже, Кроули покинул эту школу, и летом 1893 года его послали жить в Истборн, город, расположенный на морском побережье в Восточном Суссексе, где он жил по адресу Суссекс Гарденс, 4, с наставником, которого звали мсье Ж.-А. Ламбер, французом и членом Плимутского братства. Он объявлял о себе как о профессоре языкознания, набирающем учеников для обучения французскому и английскому. Помимо занятий с Ламбером, Кроули посещал уроки химии профессора Р.-Э. Хьюза, которому, как он утверждает, ассистировал во время проведения нескольких экспериментов в Истборнском колледже. Не существует никаких свидетельств того, что Кроули учился в этом колледже или что Хьюз когда-либо там работал: скорее всего, Кроули просто посещал вечерние занятия в городе.

Когда появлялась возможность, Кроули бежал из-под бдительного ока мсье Ламбера и, по его собственному утверждению, прочёсывал Истборн в поисках сексуальных приключений или возможности сыграть партию в шахматы. С характерной для него самонадеянностью он утверждал, что оказался лучшим шахматистом в городе, и вёл шахматную колонку в *Eastbourne Gazette*, отчаянно критикуя в ней своих партнёров по шахматам. Это, конечно, не вызывало к нему симпатии с их стороны.

Однако существовала другая местная достопримечательность, которая привлекала его внимание гораздо больше, чем женщины и шахматы. Это была скала Бичи-Хед.

Самая высокая точка южного берега Англии, Бичи-Хед на пятьсот футов возвышается над каменистым морским берегом и располагается в двух милях к западу от города. У этой скалы меловые склоны, и потому она скользкая во влажную погоду и осыпается в сухую. Хотя скалолазание к тому времени уже утвердилось как вид спорта и многие альпинисты уже покоряли прибрежные склоны южной Англии, чтобы потренироваться перед альпийскими восхождениями в Европе, Бичи-Хед обходили стороной, потому что эта скала считалась слишком опасной. Нечего и говорить, что Кроули не обратил на это внимания и решил покорить скалу.

Замысел восхождения был экстремальным до безрассудства. Трудности подъёма по меловому склону общеизвестны. На нём невозможно укрепить опоры для ног, потому что он слишком хрупкий; зачастую меловая поверхность оказывается недостаточно прочной, чтобы вбить крюк, а опоры для рук делаются путём высечения в скале углублений или при помощи очищения уже существующих отверстий от осколков породы и мусора. Если выдолбить слишком глубокое отверстие, то и сама опора, и участок скалы, расположенный над ней, легко отламывается и падает, увлекая за собой скалолаза.

Кроули никто не удерживал, и он направился к Бичи-Хед и «решил начать восхождение в девяти с половиной минутах ходьбы от берега в сторону станции береговой охраны, идя с трубкой в зубах и в сопровождении собаки (за отсутствием подходящей женщины)». Впоследствии он сообщил, что Бичи-Хед представлял собой крутой меловой склон, сильно подпорченный водой и покрытый сгнившей травой. Конечно, сомнительно, что он покорил самую крутую часть склона в стиле лёгкой деревенской прогулки; более вероятно, что первое своё восхождение он совершил не на саму скалу в той её части, что расположена ближе к маяку, а на менее крутой склон к востоку от маяка, возвышавшийся над каменистой полосой берега, где приливы сменялись отливами.

Однако настоящее восхождение вскоре воспоследовало. Грегор Грант, кузен Кроули, сопровождал его во время некоторых восхождений на Бичи-Хед. В скалолазании Кроули был методичным, он внимательно относился к каждому своему движению и каждой особенности рельефа, которая встречалась на его пути. И в самом деле, он утверждал, что давал имена некоторым местам: пик Этель-дреды (названный или в честь его собаки, или в честь знакомой девочки: Кроули не мог вспомнить, в чью именно честь, но, скорее всего, название в любом случае несло в себе иронию, поскольку Кроули всегда сравнивал некрасивых девушек с собаками), Дьявольская расщелина и Трещина Квиллина. С последней был связан случай, чуть было не закончившийся для него гибелью. Во время одного из восхождений, совершаемого в компании с

другими альпинистами, Кроули застрял, и для его освобождения понадобилась помощь береговой охраны. Неудивительно, что он не рассказывает об этом в своих воспоминаниях. Тем не менее Кроули завоевал восхищение других скалолазов, и один из пройденных им маршрутов восхождения на Бичи-Хед вызвал следующий комментарий в периодическом издании «Приморское скалолазание в Британии»: «Можно только удивляться Кроули и его друзьям, которым удалось совершить траверс на этом склоне, вверх и вниз до выступов утеса с целью их обследования». К сожалению, многие из тех вершин, которые покорил Кроули, с тех пор разрушились и упали в море.

Не все верили в его восхождения на Бичи-Хед. Величайший из первых альпинистов, Альберт Фредерик Мам-мери, основатель альпийского скалолазания и легенда своего времени, умерший в сорокалетнем возрасте в 1895 году, сомневался в достижениях Кроули. Кроули написал ему письмо и в качестве доказательства послал фотографии, чем вызвал восхищение великого человека. Зато *Eastbourne Gazette* не спешила расточать похвалы: статья о достижениях Кроули была озаглавлена «Разные обличья глупого безрассудства».

Примерно в это время Грегор Грант обручился со своей будущей женой и объявил, что больше не может рисковать своей жизнью. В душе Кроули наступило опустошение. Грант был его героем, одним из немногих людей, которые делали его раннее детство терпимым, и одним из самых первых его товарищей по несчастью, страдавших от окружавшей религиозности. Свой ответ на это известие Кроули сформулировал довольно кратко: «...я получил первый урок в том, что давно уже открыто религиями мира: ни один мужчина, позволивший женщине занять хоть какое-нибудь место в своей жизни, не способен хорошо делать своё дело».

Именно в тот период произошёл случай, касающийся матери Кроули и скалы Бичи-Хед, о котором Кроули рассказал сорок лет спустя. Кроули взял мать с собой на Бичи-Хед и, оставив её на склоне заниматься живописью, приступил к восхождению. Он был уже довольно высоко, когда услышал её крик о помощи, хотя был уверен, что на самом деле ничего не мог услышать, что воспринял какой-то психический импульс. Он вернулся, обнаружил, что она соскальзывает вниз по обрыву, и спас ей жизнь. Этот поступок он оценивал позднее как «достойный сожаления порыв гуманизма».

После того как Грант навсегда забросил свои альпинистские ботинки, Кроули объединился с другим скалолазом по имени Дж.-С. Нью. Вместе они нарисовали карту Бичи-Хед, а Кроули описал их совместные восхождения в статье для шотландского альпинистского журнала. По мере того как имя

Кроули становилось известным в альпинистских кругах, он познакомился с рядом других ведущих представителей этого вида спорта, и 7 декабря 1894 года он получил звание члена Шотландского клуба альпинистов. Его кандидатура была предложена А.-Э. Мейлардом и поддержана Джоном Норманом Колли. Получить поддержку Колли было довольно большой честью, поскольку этот преподаватель химии был к тому времени уже очень знаменит не только благодаря своим восхождениям в Великобритании, но и потому, что первым без сопровождения гида покорил Монблан по маршруту Бренва.

К этому времени Кроули был по-настоящему опьянён и захвачен скалолазанием. Оно дало ему многое из того, чего прежде не хватало в его жизни. Горные восхождения дали ему свободу, возможность проверить себя, средство добиться того, чтобы другие мужчины признали его равным, ощущение собственной силы. «Красота формы и цвета, радость физической активности, а также бодрость сознания, ищущего свой путь в какой-то сложной области, — вотто, что подготовило мой прорыв», — писал он. Он пребывал в возвышенном настроении. Подобно альпинистам всех времён, он открыл для себя особый тип внутренней гармонии, мистического умиротворения в одиночестве и величии гор: «Очертания гор на фоне неба почти всегда благородны и прекрасны, поскольку являются результатом влияния естественных сил, которые действуют постоянно, в соответствии с законами природы. И вот, хотя эти очертания не есть воплощение чьего-либо замысла, они представляют собой олицетворение самой сути законов красоты». Впоследствии он любил совершать восхождения в компании с крепкими, выносливыми людьми и наслаждался жизнью на лоне дикой природы. Первая же ночёвка в альпинистской палатке убедила его в том, что жить в палаточном лагере — потрясающе и увлекательно. Он заявлял: «Простые ощущения пребывания на свежем воздухе, под звёздным небом во время отхода ко сну и пробуждения на заре, потому что это заря, самим своим фактом поднимают животную жизнь человека до уровня поэзии».

Совершая восхождения, Кроули не ограничивался Озёрным краем и скалой Бичи-Хед: он также занимался альпинизмом в Шотландии и Сноудонии (Уэльс). Куда бы он ни приезжал, он прокладывал свои собственные пути и маршруты восхождений, иногда вызывая раздражение своих товарищей-скалолазов самоуверенностью и решительным настроем стать первым, кто проложил тот или иной маршрут восхождения, иногда же уличая их в трусости и неспособности повторить проложенный им маршрут. Тем не менее, товарищи, хотя и невольно, восхищались им.

Эмили Кроули и её брат Том, веря, что занятия альпинизмом меняют Кроули к лучшему, поощряли их. Летом 1894 года это поощрение проявилось в том, что

мать и дядя профинансировали первое серьёзное восхождение Кроули. Целью его путешествия были Альпы.

Отправившись в путь вместе с очередным наставником, Кроули приехал в Балле ди Сольда, что в австрийском Тироле, вооружённый «Альпинизмом» Клинтона Томаса Дента, одним из первых признанных пособий, посвященных этому предмету. Оказавшись на месте, он нанял Йозефа Пингерру, лучшего из местных горных проводников. Несмотря на самодовольную убежденность Кроули в том, что он является лучшим скалолазом, чем Пингерра, он хотел, чтобы его научили приемам лазания по льду и снегу. Когда же проводник поскользнулся на заснеженном склоне и спасся только благодаря Кроули, который держал другой конец верёвки, тот решил отказаться от инструктажа и занялся самообучением. Опыты восхождений на Бичи-Хед ему помогли. Он научился определять предел прочности льда так же, как проделывал это с мелом, а его осторожность и чувство равновесия уже были отточены благодаря восхождениям на Бичи-Хед. После нескольких дней тренировок Кроули в одиночку совершил восхождение на Ортлер по маршруту Хинтере-Грат. На вершине он встретил некоего американца и его проводника, которые добрались туда по более простому маршруту: проводник был изумлён успехами Кроули. К концу лета он уже мог профессионально заниматься скалолазанием в условиях снега и льда.

Однажды во второй половине 1894 года Кроули поссорился с мсье Ламбером, одна из дочерей которого по имени Изабель обручилась с молодым человеком, отказавшимся сменить веру и вступить в Плимутское братство. Ламбер разорвал обручение, запер свою дочь в доме и на глазах Кроули жестоко побил её. Кроули высказал своё мнение, и, думается, у них с Ламбером дошло до драки. Том Бишоп, вызванный телеграммой, сел в первый же поезд, идущий в Истборн, и забрал Кроули из Суссекс-Гарденс. Затем был созван семейный совет. Теперь стало ясно, что Кроули, уже почти превратившийся в мужчину, так же неуправляем и своеволен, как и прежде. Его дух так и не был сломлен. Теперь не оставалось другого выбора, как просто выпустить его в мир. Он был потерян для Братства, для благоразумия, для христианства. Его родственники сделали всё, что смогли, и потерпели поражение.

Когда альпинистский сезон в Альпах закончился и впереди маячил новый учебный год, Кроули оказался перед необходимостью принимать решение относительно своего будущего. Первое принятое им решение было в пользу карьеры, как её представляла себе его мать. В конце сентября 1894 года он записался в качестве вольнослушателя в Королевский колледж Лондонского университета на курсы медицины и естествознания.

Почему он выбрал именно Королевский колледж, неизвестно, но, возможно, этот вариант был предложен ему Джоном Норманом Колли, ассистентом сэра Уильяма Рамзая, профессора общей химии, работавшего в Лондонском университете, а позднее лауреата Нобелевской премии за свою работу, касающуюся инертных газов. Разумеется, Кроули посещал лекции обоих учёных.

Весной 1895 года, как только стала устанавливаться хорошая погода, Кроули начал готовиться к новому альпинистскому сезону и уехал в ту же минуту, как только закончился учебный год. Он отправился на Бернское нагорье и первым делом пустился в одиночку покорять скалу Айгер. Во время этого восхождения он встретил группу английских альпинистов с проводниками. Вместе они добрались до вершины и спустились. Впоследствии этим же летом он совершал восхождения на Айгерйох, Юнг-фрауйох, Мюнх, Юнгфрау, Веттерлюкке, Мюнхйох, Байх-грат, Петерсграт и Чингельхорн. Его занятия альпинизмом, по мнению Т.-С. Блэки, автора статьи в майском номере *Alpine Journal* за 1952 год, были «если и не выдающимися, то, во всяком случае, многообещающими, хотя и несколько эксцентричными, и есть достаточно много свидетельств со стороны таких компетентных людей, как Джон Норман Колли, Мейлард, Солли, Х.-В. Рид, Экен-штайн и Ларден... тому, что он был очень способным альпинистом, особенно на скалах (хотя Мейлард считал его также лучшим скалолазом-любителем из всех, кого он когда-либо видел); и только Ларден был склонен считать его безрассудным». Многие из своих восхождений Кроули совершал в одиночку, поскольку предпочитал независимость. Отчасти это объяснялось его желанием побыть наедине с природой, но отчасти — и его убеждением в том, что одинокие восхождения более безопасны. Он скептически относился к услугам местных проводников и умению большинства других альпинистов, исключая Маммери, Колли и Хастингса (который был с Маммери и Колли в Гималаях, когда Маммери погиб), которые задали новые стандарты в альпинизме.

Альпийское путешествие Кроули было прервано телеграммой из Лондона. Дело было в том, что когда-то он выражал желание подать заявление в Кембриджский университет, теперь его семья решила одобрить и поддержать это желание. Вступительные экзамены в Тринити-колледж и собеседование должны были состояться через неделю, поэтому Кроули немедленно вернулся на поезде в Великобританию, приехал в Кембридж и подал документы на сдачу экзаменов. Он успешно сдал все экзамены, показав, как он утверждал, при переводе греческих и латинских текстов знания, превышающие средний уровень, несмотря на то, что у него не было возможности подготовиться.

Во многих отношениях Кроули был готов к новому этапу своей жизни. Он был

достаточно взрослым и мог на равных общаться со старшими. Он был физически сильным и привык мыслить независимо и разумно. И всё же в некоторых аспектах он был невероятно незрелым. Он испытывал трудности во взаимоотношениях со сверстниками и был предельно высокомерен. В одном отношении его незрелость достигала поразительных масштабов: он неумел обращаться с деньгами. Как он утверждал в автобиографии:

меня приучили, что я могу рассчитывать на любую роскошь. Не существовало ничего, что было бы слишком хорошо для меня; и я не имел ни малейшего представления о том, что сколько стоит. Всё оплачивалось за моей спиной. Меня никогда не учили, что для получения желаемого от меня могут потребоваться какие-либо усилия. С другой стороны, количество моих карманных денег безжалостно ограничивалось, с тем чтобы я не мог использовать их каким-нибудь постыдным образом, например на покупку книг или табака, а то и на что-нибудь ещё более омерзительное, например на театр или женщин. (Меня побуждали завести собаку!) В результате у меня полностью отсутствовало ответственное отношение к деньгам. Мне никогда не приходило в голову, что их можно зарабатывать, и я привык быть зависимым до степени попрошайничества. Это, конечно, возымело губительные последствия. Я сомневаюсь, что когда-либо существовал кто-нибудь столь же слабо подготовленный к практической жизни.

Как бы то ни было, он испытывал благодарность к родственникам за то, что был богат, и ещё за одно обстоятельство. Полученное воспитание «научило меня бороться, любить правду, ненавидеть притеснения, и — ей-богу! — меня хорошо этому учили. В глубине души мне следует благодарить их».

Могут существовать различные взгляды на то, хорошо или плохо был подготовлен Кроули, но так он начал удивительное путешествие своей взрослой жизни.

ГЛАВА 3

Человек из Тринити

В октябре 1895 года Кроули отправился в Кембридж, в Тринити-колледж. В регистрационном журнале колледжа он подписался Эдвардом Алистером Кроули. Он решил, что в новой жизни его будет сопровождать новое имя.

Существует множество догадок по поводу того, почему Кроули решил назвать себя Алистером. Он предпочитал не использовать имя своего отца, Эдвард, поскольку его могли сократить до Неда или Теда, — это было слишком

обыкновенным. Он терпеть не мог имени Александр, поскольку оно было дано ему в честь друга семьи, набожного христианина, а уменьшительным от этого имени являлось ненавистное ему семейное прозвище Ал ик. Кроме того, имя Александр можно было сократить до Сэнди или Алека, столь же распространённых, как Тед и Нед. Ещё одна причина, по которой он сменил имя, заключается в прочитанной или услышанной им где-то информации о том, что человек, желающий стать знаменитым, должен иметь имя, состоящее из дактиля и следующего за ним спондея. Возможен также вариант хорей. В идеальном случае имя должно состоять из пяти слогов, причём последние два должны составлять некий поэтический ритм. В конечном счёте кузен Кроули Грегор предложил ему опустить первое имя и сохранить второе, однако в той форме, которую он считал гаэльским написанием. Это легко увязывалось с ошибочным представлением Кроули о своём ирландском происхождении. На самом деле правильным гаэльским написанием являлось *Alaisdair*, но это было неприемлемо с точки зрения грамматики. С другой стороны, имя Алистер (*Aleister*) удовлетворяло всем критериям, поэтому новоиспечённый студент остановился на нём, хотя, как он утверждал впоследствии, он, несомненно, добился бы известности вне зависимости от того, каким было бы его имя.

Экипированный таким образом, он был готов начать всё сначала и вступить в новую жизнь. «Я обнаружил, — писал он, — что я сам себе хозяин, начал вести благочестивую, разумную, праведную жизнь и навёрстывать упущенное в отношении своего образования». Старинный университет и сам город захватили его воображение. «Я был, — утверждал он, — причастен к прошлой славе этого города; и [добавлял он с оптимизмом и характерной для него самоуверенностью] я принял твёрдое решение послужить для будущей его славы».

В первый год своей учёбы он снимал удобные комнаты по адресу Сент-Джон-стрит, 16. Поскольку его умения в области управления финансами ещё не вполне сформировались — в большей или меньшей степени это обстоятельство будет сопутствовать ему на протяжении всей жизни, — все счета Кроули оплачивались непосредственно из дома его матерью и дядюшками. Это означало, что у него был постоянно открыт неограниченный кредит, но он располагал очень малым количеством наличных. Если он хотел, чтобы у него в кармане были реальные деньги, он был вынужден посещать ломбард. Кроме того, такое положение дел позволяло ему баловать себя, и он тут же начал тратить свое невидимое и кажущееся безграничным состояние. Однако эта ситуация изменилась, когда он достиг совершеннолетия.

На свой двадцать первый день рождения, в понедельник 12 октября 1896 года, Кроули получил наследство, которое оставил ему отец. Во время слушания по

делу о банкротстве Кроули, состоявшегося в 1935 году, он заявил, что наследство, оставленное ему отцом, составляло 45 тысяч фунтов стерлингов. Вдобавок к этому в течение последующих нескольких лет он получал и другие наследства общей суммой ещё 55 тысяч фунтов стерлингов. Всё время, пока Кроули был студентом, ходили упорные слухи о его большом богатстве, хотя он старался убедить окружающих в обратном. Как-то раз один из друзей Кроули видел, как тот мялся и тянул с оплатой поездки в наёмном экипаже, поскольку у него не было наличных. Хотя, разумеется, возможно, он просто хотел, чтобы заплатил кто-нибудь другой. Через несколько лет общая сумма денег, полученных им в наследство, приблизилась к 100 тысячам фунтов стерлингов, что примерно равно 6 миллионам фунтов по курсу 2000 года.

Что несомненно, так это несколько расточительное отношение Кроули к своим деньгам. Он покупал любую одежду, которую считал соответствующей своему общественному положению и своему образу. Он тратил большие суммы на книги, хорошо пил и ел и, возможно, даже купил себе один из первых легковых автомобилей. Описывая свои студенческие годы, он сообщает в одном месте, что его «ночная машина дала течь», в результате чего он застрял в Хитчине, на полпути между Лондоном и Кембриджем. Можно, однако, предположить, что он говорил о велосипеде: в молодости Кроули был страстным велосипедистом.

Освоившись в университете, Кроули записался на курсы наук о морали в надежде на то, что таким образом получит либеральное образование. Когда он обнаружил, что одним из предметов, включённых в курс, была политическая экономия, и посетил первую лекцию, на которой преподаватель объявил предмет сложным из-за нехватки надёжных вспомогательных данных в соответствующей области, Кроули перестал ходить на лекции по этому предмету. Или, во всяком случае, так об этом рассказывал. Судя по всему, этот его уход был одобрен его личным наставником, доктором Э.-У. Верролом, который поддержал также его желание изучать английскую литературу, не значившуюся в университетском учебном плане. Веррол считал, что образование, полученное Кроули на предыдущем этапе, является достаточным для сдачи экзаменов после подготовки в виде чтения специальной литературы да время от времени посещения лекций и научных консультаций. Возможно, он не был далёк от истины, поскольку уже были известны случаи, когда студенты добивались успеха таким способом. Конечно, Кроули пришлось много работать, и не только над тем, что было ему интересно, но и для того, чтобы удовлетворять учебным требованиям. В архивах Тринити-колледжа значится, что Кроули принят в 1895 году, сдал промежуточные экзамены в 1896 и 1897 годах (в том числе в 1897 году специальный экзамен по химии), правда, весьма

посредственно. Университета он, однако, не окончил.

Несмотря на то что в целом Кроули был доволен тремя годами своей университетской жизни, всё же некоторые её аспекты раздражали его. Присутствие на богослужениях было в Тринити-колледже обязательным, но Кроули удавалось избежать этой обязанности, ссылаясь на своё воспитание в духе Плимутского братства. По прошествии нескольких семестров он стал отстраняться от жизни колледжа, когда только можно избегая обедов в общем холле и прося, чтобы слуга, предоставленный ему колледжем, приносил еду к нему домой. Все студенты имели от колледжа персональных слуг, которые следили за порядком в комнатах, носили в прачечную бельё и т. д. Будучи по натуре одиночкой, он держался в стороне от упорядоченного режима жизни колледжа и преподавателей, которые его поддерживали. И всё же в колледже существовала одна организация, которой он уделял какую-то часть своего времени. Это было «Общество болтунов и спорщиков», членом которого он являлся в первый год своего обучения. Однако даже этот его интерес пропал на втором году, поскольку он обнаружил, что не переносит членов этого общества («молодых ослов»), высказывающих «свои незрелые мнения по поводу серьёзных вопросов».

Значительную часть своего времени Кроули проводил за чтением, письмом и игрой в шахматы. Во всех этих занятиях им руководил студент по фамилии Адамсон, с которым Кроули сошёлся за шахматной игрой и который был ещё и знатоком английской литературы. С его помощью Кроули познакомился с самой разной литературой, с жадностью покупая и прочитывая книги, иногда по ссылкам переходя от одной книги к другой и так далее до тех пор, пока не приобретал как можно более полное представление по той или иной теме. Он радовался, что может позволить своему разуму следовать собственным путём от автора к автору. При той свободе, которую дала ему учёба в колледже, он имел возможность прочитывать не только самые значительные работы того или иного автора, но и все его произведения, поэтому вскоре приобрёл энциклопедические познания о творчестве самых значительных британских писателей и мыслителей прошедших веков, а также изучил французскую литературу и произведения античных авторов. Он начал следовать странному правилу, которое заключалось в том, что он не читал романов, превышающих определённую, установленную им длину, и не признавал мемуаров, которые расценивал как сомнительную болтовню, вне зависимости от их литературных достоинств. Другим его правилом был отказ читать произведения автора, если он не умер более пятидесяти лет назад: Кроули не хотел допускать, чтобы его ум испытал тлетворное влияние того, что он считал лицемерием и строгостями викторианской эпохи, ценя только те произведения, которые прошли

испытание временем.

Было несколько исключений из этого правила, и самым значительным из таких исключений был сэр Ричард Фрэнсис Бертон. Исследователь, учёный-востоковед, писатель, Бертон служил в Ост-Индской компании в качестве военного офицера и был блестящим лингвистом, но в 1853 году привлёк к себе общественное внимание своим рассказом о том, как, переодетый афганцем, он вошёл в святыню ислама, Мекку, закрытую для неверующих. Бертон же не просто не был мусульманином, он был европейцем. Если бы его обнаружили, он был бы публично казнён муллами. В следующем году Бертон вместе с Джоном Хэннингом Спиком исследовал территорию Сомали, затем поехал воевать в Крым, вместе с тем же Спиком открыл озеро Танганьика, поступил на дипломатическую службу, от которой его посылали в Биoko (тогда известное как Фернандо-По), Бразилию, Дамаск, Триест. Всё это время он писал о своих приключениях, но на сегодня он больше всего известен благодаря сделанному им переводу «Тысячи йодной ночи».

Бертон стал героем Кроули, которого он считал «высочайшим мастером, величайшим из всех, кто когда-либо брал в руки перо». Однако делобылонетолько в восхищении, которое Кроули испытывал перед произведениями Бертона. Бертон был романтиком, искателем приключений, рисковавшим своей репутацией и своим состоянием (или, если быть более точным, состоянием своей жены), боровшимся с условностями и викторианским ханжеством. Он был тем, к чему Кроули стремился: человеком действия, мыслителем-вероотступником, мятежной душой и оригинальной личностью. Его влияние на Кроули было чрезвычайно сильным, ведь именно Бертон указал ему путь на Восток.

Значительную часть прочитываемых книг Кроули держал в секрете от своих друзей. Боясь, что с ним перестанут общаться, сочтя занудой и зубрилой, он старался изобразить из себя лихого парня, который шатается по городу. Он играл в карты и шахматы в трактирах, сквернословил, скандалил, дрался, катался на велосипеде и пил. Среди его друзей почти не было товарищей по учёбе. Он не был, какой утверждал, «заинтересован в обыкновенных людях; я искал общества людей со странностями. Дело было не в том, что мне нравились ненормальные люди; это была лишь моя научная позиция, которая заключалась в том, что мы узнаём новое, когда видим отклонения от нормы». Но тот факт, что его соученики, уже благодаря тому, что их приняли в университет, представляли собой нечто уникальное, а следовательно, отклонение от нормы, казалось, никогда не приходило ему в голову.

Главной связью Кроули с общественной жизнью университета был

Кембриджский университетский шахматный клуб. Во время первого своего семестра в университете он обыграл президента клуба Нэша, который был так этим впечатлён, что взял Кроули с собой в Петерхаус, где он проиграл Аткинсу, который позднее стал чемпионом Англии по шахматам среди любителей. Кроули утверждал, что это было первое его поражение с того самого времени, как он научился играть. Он глубоко изучал игру, неделями посвящая этому по несколько часов в день, анализируя и разрабатывая стратегии игры. На втором году своего обучения Кроули был избран президентом клуба и представлял на шахматных турнирах не только Тринити-колледж, но и сам университет. Он редко проигрывал и честолюбиво мечтал стать чемпионом мира по шахматам.

Страсть к шахматам сопровождала Кроули всю жизнь. Он утверждал, что игра в шахматы даёт отличную возможность проникнуть в человеческую психологию, и он использовал эту возможность, чтобы изучать других людей. В последующие годы его способность к концентрации достигла такого уровня, что он одновременно мог вести несколько поединков, не глядя при этом на шахматные доски. Его противники вслух произносили свои ходы, а Кроули в уме представлял их. Так он мог одновременно вести три игры — способность, которая стала поводом для историй, сомнительных по своей достоверности. Одна из них, например, повествовала о случае, когда Кроули занимался сексом в спальне, а в соседней же комнате за шахматной доской сидел его друг. Дверь спальни была открыта, и Кроули отвечал на каждый ход противника, не прерывая своего занятия. Кроули выиграл. И в самом деле, Кроули был настолько хорошим шахматистом, что его имя осталось в истории этой игры. Авторы книги «Страстный любитель шахмат», перечисляя вымышленные команды, состоящие из знаменитых людей, включили его в команду «Грешников» под руководством преподобного Гарольда Дэвидсона, священника-расстриги из Стифки, что в Норфолке, который был известен тем, что проповедовал сидя в бочке, стоявшей на аллее аттракционов «Золотая миля» в Блэкпуле, и был случайно убит львом по имени Фредди в Скегнесском парке аттракционов в 1937 году. Следует признать, что Кроули был бы доволен обществом такого человека.

К концу второго года своего обучения Кроули начал задумываться о будущем и решил, что дипломатическая карьера могла бы оказаться для него подходящей. Он полагал, что служба дипломата «открывает широкие возможности для земных наслаждений и одновременно требует высочайших качеств человеческого ума». «Утончённость интриг всегда завораживала меня», — писал он. Конечно, у дипломатической карьеры были привлекательные стороны: он сможет путешествовать, искать приключения и станет романтиком по примеру своего кумира Бертонна. Он упомянул об этом

своём намерении в разговоре с матерью и дядюшками и получил от них одобрение. В конце концов, это была сол Даже при наличии таких сильных покровителей у Кроули возникли трудности с иностранными языками, знание которых обязательно требовалось от людей, готовящих себя к дипломатической службе.

Несмотря на то что Кроули быстро усваивал грамматику, он был нетерпелив при накоплении словарного запаса и с трудом добивался верного произношения, которому препятствовало его неумение правильно произносить букву «р» и не слишком острый слух. Было решено, что в качестве одного из четырёх языков, которыми обязан владеть дипломат, Кроули выберет русский. Он уже владел английским, французским и, возможно, итальянским или греческим. Русский был хорошим выбором. Этот язык не пользовался популярностью среди кандидатов на дипломатическую службу, и, если бы Кроули удалось овладеть им, ему была бы гарантирована должность при царском дворе в Санкт-Петербурге.

И вот летом 1897 года Кроули отправился в Санкт-Петербург с намерением выучить русский язык. Однако его постигла неудача. И дело было не в его лени или отсутствии способностей. Ему было просто не интересно. Изучение русского было тяжёлым монотонным трудом. Язык оказался сложным, и он не был заинтересован в занятиях такой скучной теоретической дисциплиной. В конце концов, ведь именно этого он старался избежать, учась в Кембридже.

Тем не менее это путешествие возымело на него влияние, продлившееся многие годы, хотя и не такое, какого он ожидал. Возвращаясь в Великобританию по железной дороге, Кроули сделал остановку в Берлине, чтобы посетить международный шахматный конгресс. Он вошёл в зал, где проходили игры, и испытал нечто такое, что он воспринял как мистический опыт. Он почувствовал себя так, как будто реальность отступила, душа его отделилась от тела и обзревала собравшихся в зале гроссмейстеров, видя в них нелепо одетых существ, жалкую пародию на человека. В этот момент он осознал, что отныне не желает считать шахматы чем-то большим, чем увлекательное времяпрепровождение.

Путешествие в Россию не было ни первой, ни единственной его заграничной поездкой, предпринятой в университетские годы. Не желая возвращаться на каникулы домой, в Стритхэм, и не имея проблем с деньгами благодаря матери, дядюшкам и полученному наследству, Кроули отправился путешествовать поездом по Европе, предпочитая Голландию, Данию и Скандинавию. Куда бы он ни поехал, он наблюдал местных жителей, их обычаи и традиции, предпочитая общества, чем-либо отличающиеся от английского и от обществ

Германии и Франции, схожих с Англией своим культурным устройством. И разумеется, он продолжал заниматься альпинизмом.

Два лета, в 1896 и 1897 годах, Кроули провёл в Альпах, причём почти всё время — на Бернском нагорье. Как альпинист он мало изменился. Он по-прежнему кичился перед местными проводниками, высмеивая их робость, лазал по скалам очень проворно, но всё же несколько безрассудно и постоянно важничал. Он проложил несколько новых маршрутов восхождений и первым совершил несколько траверсов, причём в одном из таких случаев он шёл в одиночку по маршруту, на котором поскользнулся и упал его товарищ. В мемуарах Кроули ничего не сказано о том, чем закончилось это падение. О другом альпинисте Кроули сообщает, что поймал его за воротник, когда тот скользил мимо него по склону: последнюю историю не стоит безоговорочно принимать на веру. Несмотря на своё высокомерие и хвастовство, Кроули по-прежнему демонстрировал отсутствие всякой заинтересованности в известности и славе и был готов делиться с другими скалолазами информацией о разведанных им маршрутах, хотя и любил предупредить других, что его маршруты могут показаться им слишком трудными и рискованными. Держась особняком от большинства других скалолазов, Кроули писал, как «удивителен тот факт, что лишь единицы способны сохранять нормальную способность мыслить в горах... Высокий уровень духовного развития, романтический темперамент и глубокие знания, основанные на опытах восхождений в различных условиях, — вот лучшие защитники от безрассудных побуждений, а также истерических ошибок, которым подвержен обычный человек». Нет сомнений в том, что Кроули считал себя исключительным человеком, и это его ощущение стало ещё сильнее в более поздние годы, когда он склонен был утверждать, что его великолепное чувство ориентации в пространстве является скорее следствием его физической силы, чем, как в случае с другими альпинистами, результатом изучения топографии и геологии. Сущность его умений, как он считал, заключалась в том, что его подсознание фиксировало положения, которые его тело принимало в течение дня. В дополнение к этому он утверждал, что способен запомнить мельчайшие особенности рельефа скалы, а также может чувствовать запах снега и воды. Последнее маловероятно: обоняние Кроули, так же как и его слух, было ниже среднего уровня. Тем не менее первое утверждение вполне может быть правдой в отношении человека, который способен одновременно в уме вести три шахматных игры.

На одну неделю в августе 1896 года Кроули объединился с Моррисом Траверсом и ассистентом Джона Нормана Колли из Лондонского университета. Вместе они занимались скалолазанием и провели неделю, путешествуя по альпийским горам. При этом они не раз опускались ниже летнего уровня

снежного покрова этих гор. Продолав этот путь, они прибыли к леднику Вуибесера (считалось, что его нельзя покорить без сопровождения проводников) и пересекли его, первые за всю историю альпинизма. Вскоре после этого, ближе к концу месяца, они совершили первый траверс на Эгий Руж. Во время своих занятий скалолазанием вместе с Трэверсом и его братом Кроули получил травму. Ночуя на скале, он был вынужден так вжаться в расселину, что повредил себе коленный хрящ, в результате чего многие годы испытывал приступы боли.

Когда Трэверсу, которого Кроули уважал за силу и смелость (во время одного из восхождений Трэверс соединил своим телом расселину в леднике, чтобы Кроули мог перейти, а в другой раз более получаса держал его на своих плечах, пока тот вырубал в скале зацепки для рук), настало время возвращаться в Лондон, к Кроули присоединился Грегор Грант. Вместе со своим кузеном, о котором Кроули с характерным для него женоненавистничеством заметил, что тот «к этому времени женился и обнаружил, что жизнь не стоит того, чтобы её беречь», он совершил второе восхождение на Монт-Коллон по северо-северо-восточному маршруту. По мнению Гранта, восхождение было трудным, а маршрут, выбранный для спуска, почти непроходимым. Вынужденные провести ночь в горах, они встретили команду спасателей, высланную утром на их поиски.

Впечатлённый альпинистскими способностями Кроули, Джон Норман Колли предложил его кандидатуру на вступление в привилегированный Альпийский клуб в Лондоне, первое в мире общество альпийских скалолазов. Это был знак признания и чести, но у Кроули не хватало времени на членство в клубе, куда, по его мнению, входили несведущие люди, которые не столько занимались скалолазанием, как это делал он, сколько ходили в горы в сопровождении проводников. Он также был убеждён, что они завидуют его успехам, достигнутым или в одиночку, или в компании с одним-двумя друзьями — и без проводников. Это было его мнение, но, по справедливости, были и другие, кто его разделял. Многие считали, что члены Альпийского клуба, отказывающиеся признавать настоящих скалолазов и обвиняющие их в фальсификации своих достижений ради славы, тормозят развитие альпинизма.

На самом деле Кроули не сразу отклонил предложение о вступлении в клуб. Возможно, он не хотел обижать Джона Нормана Колли, а также полагал, что в рамках клуба может получить влияние и способствовать развитию скалолазания. Как бы то ни было, он всё-таки пришёл к убеждению, что его попытка вступления в клуб встретит сопротивление, потому что, как ему казалось, его альпинистские достижения слишком высоки, чтобы им поверили. Когда весть об этом дошла до Кембриджа, кто-то распространил слух, что

Кроули просто не приняли в клуб. Кроули, зная студента, распространившего этот слух, и будучи президентом университетского шахматного клуба, не принял его на пост секретаря клуба. В автобиографии Кроули с гордостью отмечает, что поставил сплетника на место.

Несмотря на то что Кроули избегал церковных служб в колледже и сохранял в высшей степени критическое отношение к традиционному христианству, будь то англиканство, католицизм или Плимутское братство, нельзя сказать, что вопросы религии вовсе не затрагивали его. Он считал себя религиозным реакционером-консерватором, ему удалось примириться с христианством при помощи того, что он называл Кельтской церковью. Эта церковь не была собственно религиозным движением, но некоторым сводом идей, основанным на легенде о короле Артуре, интерес к которой в то время возобновился. Образная сторона этого вероучения была взята из рыцарских времён и эпохи романтизма, нравственные устои в нём определялись магией, большое значение придавалось таинствам. К греху здесь не питали ни страха, ни отвращения. Невинность считалась добродетелью. Здесь не существовало ни священников, ни храмов: священными местами были горы и леса, как в религиях Востока. Кроули нравилась сама идея этого движения, но он никогда не поддерживал исповедуемых им норм и принципов. Он всё ещё страстно желал отделаться от христианства при помощи сознательно совершаемых грехов и жил в основном ради удовольствия.

И вот он на короткое время присоединился к тайному обществу, действовавшему под управлением преподавателя из Пемброук-колледжа, священника по имени Херитц-Смит. Те, кто не входил в это сообщество, иронически называли его «людьми в корсетах», поскольку во время церемоний посвящения они оборачивали себя широкими поясами. Существовало семь степеней посвящения, из которых Кроули прошёл лишь первую, причём по большей части из любопытства. Ему не хотелось тратить время и силы на прохождение оставшихся степеней, и вскоре он покинул общество.

Однако вскоре как в духовной, так и в материальной жизни Кроули произошли серьёзные перемены. Всё началось в Стокгольме около полуночи 31 декабря 1896 года.

«Я осознал, — писал Кроули в своих мемуарах, — что обладаю магическими силами, присутствие которых могу почувствовать и удовлетворить ту часть своего существа, которая до сего момента была скрыта от меня. Это был моментужасаиболи, а в определённой степени и духовного насилия, и в то же время это был ключ к самому чистому и самому благочестивому духовному экстазу, который только может существовать». В тот момент он ещё не знал,

насколько важным окажется это понимание для его дальнейшей жизни, но ровно год спустя, почти в ту же минуту, ощущение повторилось. Он писал: «Моя животная натура чувствовала себя виноватой и хранила молчание в присутствии непреходящей божественности Святого Духа; всемогущего, всеведущего и вездесущего, цветущего в моей душе, как будто все извечно существовавшие силы вселенной проявили себя в этом цветении».

В следующий раз мистический опыт был пережит им в октябре. Кроули заболел так, что ему пришлось соблюдать постельный режим, и в это время, размышляя о смертности человека, он решил, что смерть как таковая ему не страшна, но его шокировало, сколь пустым и поверхностным кажется человеческое существование перед её лицом. Именно в этот момент он понял, что должен, не теряя времени, стать знаменитым и оставить свой след в истории. Тогда встал вопрос о том, как этого достичь. Дипломаты не были знамениты. Поэтов помнили лишь немного дольше, чем дипломатов. По словам Кроули, он был тогда «недостаточно просвещён, чтобы понимать, что известность человека имеет мало отношения к истинным его успехам, что свидетельство достижений человека заключается в том невидимом влиянии, которое он оказывает на следующие поколения», однако он знал: для того чтобы завоевать себе продолжительную славу, он должен стать кем-то, кем до него ещё никто не становился или даже не мог стать. Для своих трудов он должен был «найти материал, неподвластный переменам... Духовный мир был единственным, на что стоило тратить усилия. Мозг и тело не имели цены, разве что как орудия души».

Углубляясь в эту проблему, Кроули, сам того не подозревая, пускался в магическое — позже он назовёт его *magical* — путешествие, которому в дальнейшем и предстояло составить всю его жизнь. Он осознал и принял «первые проявления своих истинных желаний». «Время от времени я с большим увлечением предавался различным занятиям, — писал он, — но ни одно из них не захватило моего внимания целиком. Ни шахматам, ни альпинизму, ни даже поэзии я ни разу не отдался до конца. Теперь я впервые почувствовал, что готов расходувать все свои ресурсы для того, чтобы достичь своей цели». Этой целью было — понять и стать частью того духовного мира, который предшествует миру религиозному или располагается над ним.

Продолжая размышлять над этой проблемой, Кроули пришёл к выводу, к которому задолго до него приходили многие: у духовной реальности два полюса. С одной стороны, был Боги добро, с другой стороны — Дьявол и зло. В его новом понимании, похожем на то, как Мильтон трактовал этот вопрос в «Потерянном рае», который Кроули читал, эти две сферы являются равноправными и противоположными, причём ни одна не может существовать

без другой. В качестве аналогии можно привести идею о бессмысленности света при отсутствии тьмы, которая им освещается.

Ход его мысли был прост и ясен. «Силы добра, — утверждал Кроули, — с которыми я был слишком близко знаком в мои детские годы, постоянно угнетали меня. Я видел, как эти силы каждый день разрушали счастье тех, кто меня окружал. Итак, поскольку моей задачей было исследование духовного мира, первым шагом, который мне следовало предпринять, было вступление в личное взаимодействие с дьяволом».

Он поймал удачу. Кроули встал на свой магический путь, который впоследствии принесёт ему славу, бесчестье и такую известность, какую он едва ли мог предвидеть.

Он решил начать с изучения «чёрной магии», и одним из первых его шагов стало приобретение экземпляра «Книги чёрной магии» А. Э. Уэйта. Один из наиболее выдающихся оккультных писателей своего времени, Уэйт родился в 1857 году, а в 1890-х стал членом известного и влиятельного мистического сообщества. Кроули высокомерно считал Уэйта «не просто самым скучным и банальным, а также педантичным и прозаичным из претенциозных и напыщенных мясников от словесности, но и самым плодовитым и болтливым». Уэйт обладал несколько снисходительной и неуклюжей манерой письма, однако то, о чём он намеревался написать, было изложе-нб толково, и по прочтении его книги Кроули пришёл к выводу, что хотя чёрные маги и почитатели дьявола рассматривают сатану не так, как он, они, по крайней мере, пользуются в своей области научными методами. Это вызвало одобрение со стороны Кроули, отличавшегося упорядоченным строем ума. В чём Кроули был согласен с чёрными магами, так это в допущении существования приёмов и методов, с помощью которых можно подчинить себе силы природы.

Было ещё одно обстоятельство. Уэйт, по словам Кроули, намекал на то, что «знает Тайной Церкви, существующей вне мира, в чьих святилищах хранятся тайны истинного посвящения». Постепенно Кроули приходил к выводу, что все религии основываются на одной, истинной церкви, и написал об этом Уэйту. Тот ответил несколько расплывчато, высказавшись в том смысле, что Кроули следует прочесть больше мистической литературы, и рекомендовал ему книгу Экартсхаузена «Небеса над храмом», где рассказывалось о существовании тайного конклава святых или посвященных, являющихся обладателями и хранителями тайн Бога'и Природы, которые могли бы примирить все религии и свести их к одной.

Кроули буквально проглотил книгу. Идея тайного ордена захватила его. Эта

идея отвечала его романтической натуре, и он решил как следует разобраться в вопросах мистики. Он составил себе обширную программу чтения и ознакомился со всеми трудами по мистике, какие только мог найти, очень скоро став (по крайней мере, в собственных глазах) экспертом по всем вопросам, касающимся этой области: от алхимии до оккультного символизма.

Сказать, что Кроули был идеально подготовлен к изучению оккультных наук, значит не сказать ничего. Помимо романтических и поэтических наклонностей, он обладал острым умом, способным усвоить все сложности науки, честолюбием, жадной жаждой знаний и, кроме всего прочего, достаточно большим состоянием, чтобы посвятить себя увлекшему его вопросу.

Хотя его и поглотило новое увлечение, Кроули продолжил предаваться другой своей страсти — сексу. Свободный от контроля со стороны родителей и наставников, он вёл очень активную сексуальную жизнь. Он осознал себя «глубоко страстной натурой, чьё самовыражение происходило в том числе на уровне физиологии». «Моё поэтическое чутьё, — писал он, — было способно превратить в роман самую грязную связь, поэтому невозможность установления серьёзных и длительных отношений не волновала меня. Более того, я обнаружил, что любая разновидность удовлетворения служит мощным духовным стимулом».

Кроме того, секс был важен для него в интеллектуальном и творческом смысле. Его сексуальное желание было «слепой, страстной потребностью в расслаблении», которая, не будучи удовлетворённой, накладывала отпечаток на его научные занятия. Он считал, что даже «сорока восьми часов воздержания достаточно, чтобы притупить остроту его ума». У творческих личностей нередко встречается эта взаимосвязь между сексом и интеллектуальными достижениями, как будто половой акт не только снимает психологическое напряжение, но и стимулирует творческую мысль.

В основном Кроули имел дело с проститутками, а чаще даже с девушками, с которыми знакомился в тавернах. Это были девушки из рабочих кварталов или из простонародья, которые частенько посещали кембриджские пабы в надежде познакомиться, пообедать и переспать с богатыми студентами. Его

половая жизнь была очень насыщенной. Мои отношения с женщинами полностью удовлетворяли меня. Они давали мне максимум телесного наслаждения и в то же время символизировали мою теологическую идею о грехе. Любовь была вызовом христианству. Она была разложением и проклятием. Суинберн [ещё один из современных Кроули писателей, ставший исключением из его правила о пятидесятилетнем сроке со дня смерти] научил

меня принципу оправдания грехов. Каждая женщина, которую я встречал, давала мне возможность утвердиться в моих магических наклонностях, при помощи которых я бросал вызов Плимутскому братству и протестантской церкви. В то же время женщины были источником романтического вдохновения, а их ласки освобождали меня от рабства телесной оболочки.

Тем не менее он был низкого мнения о женщинах, с которыми вступал в сексуальные отношения. Поскольку это были по большей части некультурные и необразованные молодые особы, Кроули презирал как нравственные, так и умственные их качества.

У них полностью отсутствовали истинные идеалы нравственности. Они находились в плену одной главной заботы, осуществления своей репродуктивной функции. Их стремления были только видимостью. В интеллектуальном смысле они, разумеется, просто не существовали. Даже те немногие, чьи головы не были абсолютно пустыми, наполняли их модными лондонскими магазинами. Знаний у них было столько же, сколько у обезьяны или попугая. С другой стороны, это было в высшей степени удобно, иметь сексуальные отношения с животными, которые не обладали никаким самосознанием, кроме полового.

Такое низкое мнение о женщинах было обусловлено враждебностью, которую Кроули испытывал к матери, а его женоненавистничество было результатом отношений между ними. Женщины были притеснителями, поэтому им следовало мстить, притесняя их. Они были, кроме того, одним из жизненных удобств, как делал вывод Кроули в автобиографии, и в идеале их следовало бы ежедневно доставлять к двери чёрного хода, точно так же, как это делается с бутылками молока. Женщины существовали, чтобы пользоваться ими; и в то же время в некоторые моменты он мог бы утверждать, что не был эгоистом по отношению к ним: их общество доставляло ему удовольствие и он считал себя обязанным дать им сексуальное удовлетворение. В своих стихах он или идеализировал женщин, или изображал их демонами, жаждущими секса. Существует анекдот, который кажется правдивым, но который невозможно проверить. Он повествует о том, что в молодые годы Кроули был приглашён на шабаш ведьм, но отказался от приглашения, поскольку не хотел подпасть под женскую власть. Как будет видно в дальнейшем, отношения Кроули к женщинам подвергались на протяжении его жизни причудливым изменениям.

Не соглашаясь с викторианским отношением к сексу, Кроули не видел в своём поведении ничего неправильного. То, что начиналось как сознательное и намеренное совершение грехов, теперь превратилось в осуществление своих естественных желаний. Он считал моногамный брак помехой естественному

ходу вещей, разложением общества путём жестокого давления. По мнению Кроули, плоть не заслуживала большого уважения и была лишь транспортным средством для личности. Вследствие этого он совершенно не боялся заразиться венерической болезнью (и презирал тех, кто подавлял свои желания из-за этого страха) и не заботился о том, что сам может быть переносчиком болезни. Помимо триппера, который он подхватил у проститутки из Глазго, в 1897 году, на втором году своего обучения в Кембридже, Кроули заболел сифилисом. Он лечился от этой болезни с применением очень ядовитых солей ртути и в зрелом возрасте сообщил об этом одному парижскому врачу, утверждая, что у него тем не менее отсутствовали главные симптомы этой болезни. Кроме того, Кроули не прикладывал никаких усилий к тому, чтобы не заразить других. И в самом деле, позднее он писал, что был убеждён: болезнь, которая могла привести к безумию и смерти, была признаком гениальности, и утверждал, что «для любого мужчины факт заражения микробами этого вируса был бы целительным, культивирующим индивидуального гения».

Несмотря на свою рано начавшуюся гетеросексуальную деятельность, Кроули, в сущности, был бисексуалом со склонностью к агрессии и садомазохизму, причины которых традиционно относят к той подавляющей атмосфере, в которой вырос Кроули, к факту отсутствия отца в период формирования личности мальчика, к тем гомосексуальным домогательствам, которым он подвергался в Малверн-колледже, к жестокостям школы Чемпни, к попытке соблазнения Кроули одним из его наставников и к целому списку других скрытых психологических мотивов. Другая причина двусмысленной сексуальной ориентации, проявившейся у него на пороге взрослой жизни, заключалась в его постоянной готовности к эксперименту, проистекающей как из его любопытства, так и из постоянных поисков по-настоящему тяжкого греха. Итак, в годы своей учёбы в Кембридже Кроули получил свой первый гомосексуальный опыт.

Доподлинно неизвестно, где именно имели место его ранние гомосексуальные сношения. Ясно, тем не менее, когда они происходили. То, что случилось с ним накануне Нового года в 1896 и 1897 годах, было не только духовным откровением, и его описание этих событий и пережитого пробуждения может быть истолковано совсем в другом свете. Годы спустя, когда Кроули составил список переломных событий своей жизни, он в числе прочего записал следующее: «Принят в Военный Орден Храма, в полночь 31 декабря 1897 года». Сноска при этом списке гласит: «Осторожность не позволяет мне давать разъяснения по поводу тех тёмных мест, которые присутствуют в этом тексте». Вот каким образом Кроули проводил идею о том, что человеческая сексуальность должна проявляться свободно. Однако следует помнить, что

Мартин Бут. Жизнь мага. Алистер Кроули

гомосексуальные и анальные гетеросексуальные сношения считались в то время преступными и рассматривались в суде. Едва ли Кроули хотел повторить судьбу Оскара Уайльда и оказаться в тюрьме.

Дополнительные сведения можно обнаружить в двух стихотворениях, относящихся к тому периоду жизни Кроули. Первое из них, которое называется «В Киле», указывает на то, что событие произошло во время кратковременного пребывания в этом городе:

О, белое пламя рук в сумерках,

Огонь больших серых глаз,

Чей взгляд доводит меня до дрожи.

Над морем — тьма,

И повсюду мерцают тусклые, призрачные огни,

Из-за чего весь мир кажется жутким.

Но здесь, в комнате,

Мы слиты в одно целое, и жаркие поцелуи

Блуждают в чашах

Твоих тёмных локонов!

Другое, которое называется «В Стокгольме» и заканчивается следующими строками:

На что нам речь в тот миг, когда лобзанья

Красноречивее и жарче, а слова

И холодны, и слабы?

Ах, мой друг,

Когда б и не был жалок наш язык,

Всё ж нами бы владела немота! —

заставляет сделать иное предположение. Стокгольмский вариант подкрепляется также рассказом, опубликованным в *The Magical Link* в период между 1990 и 1994 годами. Озаглавленный «Не жизнь и не приключения сэра Роджера Блоксэма», он представляет собой наполовину автобиографическое повествование о сексуальных приключениях Кроули с офицерами военной службы. Членство Кроули в «Военном Ордене Храма» ввело в заблуждение многих его биографов, которые предположили, что речь идёт о вступлении Кроули в масонский орден Рыцарей Храма. Однако это невозможно: для того чтобы вступить в этот орден, человек уже должен быть рядовым членом масонской ложи, а Кроули им не был. Употребляемое им слово «храм» — иносказание для обозначения его гомосексуальных деяний, фигура речи, довольно распространённая в тайном (в те времена) мире гомосексуалистов.

В гомосексуальных играх Кроули, как правило, брал на себя пассивную роль, не участвуя в происходящем эмоционально. Он предпочитал, чтобы акт содомии совершался над мим, а не им самим, поскольку это отвечало его мазохистским наклонностям. Позднее Кроули выступал в защиту гомосексуализма. В «Мировой трагедии» он писал: «чтобы ничтожества с „либеральными" взглядами не пришили докучать мне своей поддержкой, я должен открыто выступить в защиту того, что ни один из живущих англичан не осмелится защищать, даже втайне, — в защиту содомии! В школе меня учили восхищаться Платоном и Аристотелем, которые считали содомию полезной для юношей. Я не осмеливаюсь оспаривать их мнение; и в самом деле, казалось бы, нет лучшего способа избежать жене кой заразы и мрачного наслаждения от греха, совершав его в одиночку». Далее он перечислял имена таких известных гомосексуалистов, как Александр Македонский, Наполеон, Гёте, Фрэнсис Бэкон и Шекспир, и критиковал гетеросексуальную любовь с тех позиций, что женщины нечисты и что именно «отношение к ним как к чему-то возвышенному разлагает душу».

Разумеется, поскольку гомосексуализм считался преступлением, гомосексуальные контакты были для Кроули ещё одной возможностью сознательно грешить. В маленькой записной книжке в красном кожаном переплёте, куда Кроули записывал свои ранние стихи, пятым по счёту было такое стихотворение:

Того, кто первым соблазнил меня, я не могу забыть.

Любил его я вряд ли,

лишь желал познать с ним новый тяжкий грех.

Намёк на удовольствие, которое он получал от совершен и я над ним актов содомии, содержится в другом стихотворении из этой же записной книжки, которое заканчивается так:

Неужели я пал так низко?

Мои губы покрашены.

Я покрываю щёки румянами, чтобы соблазнить

мужчину, чтобы погубить его.

Я продаю своё тело в кричащих, причудливо

украшенных одеждах.

Моё дыхание пахнет духами, как дыхание проститутки.

Я дарю поцелуи за деньги —

Даже Иисус не мечтал о такой жертве?

Его гомосексуальные контакты были мимолётными связями, но в первом семестре третьего учебного года в Кембридже, после переезда на новую квартиру в дом 37 по Тринити-стрит, Кроули встретил человека, половые отношения с которым приобрели для него более серьёзное значение.

Партнёра, с которым он связал свою жизнь, звали Герберт Чарлз Джером Поллит. С трагическим лицом, скорбной линией рта, с копной длинных светлых шелковистых волос, Джером Поллит (как он предпочитал себя называть) был когда-то, подобно Кроули, студентом Тринити-колледжа. Рождённый в Кендэле в 1871 году и будучи на четыре года старше Кроули, он закончил колледж в 1892-м со степенью бакалавра гуманитарных наук, а в 1896 году получил степень магистра. Хотя дома, в Уэстморленде, у него была семья, он предпочёл по окончании колледжа остаться в Кембридже, скорее ради того, чтобы находить себе любовников среди студентов, чем для получения магистерской степени. Он был известен не благодаря своим научным достижениям, а благодаря тому, что, будучи студентом, часто появлялся в драматическом клубе «Огни рампы» в качестве танцора и исполнителя женских ролей, выступая под псевдонимом Диана де Ружи, переделанным из имени Лианы де Пужи, известной актрисы-лесбиянки из варьете «Фоли-Бержер».

Во время осеннего семестра 1897 года Кроули и Поллит несколько раз

встречались и вели переписку в течение рождественских каникул, когда Кроули пережил второй в своей жизни магический гомосексуальный опыт. Вполне может быть, что Кроули и Поллит не вступали в половые отношения до самого возвращения Кроули уже членом «военного ордена» в Кембридж после Рождества.

В автобиографии Кроули намекает, что его дружба с Поллитом имела чисто платонический характер, была встречей родственных умов. Но в действительности Поллит — его первая глубокая сексуальная привязанность, основанная на свойственном им обоим гомосексуализме. Кроули утверждал, что до встречи с Поллитом у него никогда не было друга мужского пола, «обладающего благородством мысли и утончённостью в достаточной степени, чтобы всерьёз пробудить в нём симпатию. Поллит представлял для меня новый тип личности. В моём чувстве к нему яркое и чистое пламя восхищения смешивалось с безграничной жалостью к его разочарованному духу. Безграничной, потому что он даже в воображении не мог поставить себе конкретную цель, и вся его жизнь протекала среди вечных сущностей».

Это были странные отношения. Поллит мало интересовался Кроули, не обращал внимания на его поэзию, был глух к его магическим и религиозным устремлениям, которые — он знал — в конце концов воздвигнут между ними преграду. Тем не менее он ценил общество Кроули, считал его интересным в интеллектуальном отношении и мягким любовником. С точки зрения Кроули, их союз был идеальным видом близости, который греки считали торжеством мужественности и самым драгоценным даром жизни... Это были самые чистые и самые благородные отношения из всех, какие мне доводилось иметь. Я и не подозревал о возможности столь духовной жизни и развития. Эта связь была, в известном смысле, страстной, потому что в ней присутствовал жар творческой энергии, а также потому, что порождаемое ею чувство вбирало в себя все другие эмоции. Но именно по этой причине невозможно было представить себе вмешательство в эти отношения каких-либо более грубых сущностей... Моя дружба с Поллитом была настолько свободна от всего нечистого, что она никоим образом не смешивалась с обычным течением моей жизни. Я продолжал читать, писать, заниматься альпинизмом, кататься на велосипеде и плести любовные интрижки так, как будто я никогда не встречал его.

Нечистое в этих отношениях было налицо, но Кроули предпочитал не замечать его, и совершенно понятно, что эта великая дружба покоилась на зыбкой почве. Кроули всегда высказывался о ней невозмутимо и отстранённо. Отчасти это нужно было для того, чтобы замаскировать истинную природу отношений, но это было и отражением действительности: в значительной степени их связь основывалась на обоюдном удобстве.

Помимо своего сексуального содержания, эти отношения были важны для Кроули тем, что они выявили в нём женскую сущность, а также раз и навсегда утвердили в его сознании мысль о собственной бисексуальности. Это нельзя не признать, поскольку Кроули однажды заметил, что «жил с ним [Поллитом] как его жена». С раннего возраста Кроули ощущал в себе присутствие женственности. Он писал, что его тело было грациознее, а груди — больше по размеру, чем у других мальчиков. Это не означает, что Кроули был женоподобным или что эти черты были врождёнными. Просто он был болезненным ребёнком, который мало времени проводил на улице и не участвовал в мальчишеских драках и битвах, а поэтому не имел мускулистых рук и ног. Что касается его груди, то следует вспомнить, что в детстве он был довольно упитанным. Как бы то ни было, он видел в этих особенностях признаки женственности, хотя спешил добавить, что они нисколько не умаляли его превосходных мужских качеств.

Кроме того, предполагаемый гермафродитизм Кроули давал ему то, что он ощущал как понимание женской психологии, способность быть сексуально беспристрастным и в определённых состояниях духа демонстрировать материнский инстинкт. Вследствие этого ему удавалось «выходить из сексуального сражения с триумфом и без потерь». Другими словами, он всегда брал верх над женщинами или, по крайней мере, так думал. Кроме того, он был убеждён, что его двоякая сексуальная ориентация давала ему возможность «философствовать о природе с точки зрения полного человеческого существа; ведь ясно, что одни явления всегда будут непонятны мужчинам как таковым, другие — женщинам как таковым». Он был способен «взглянуть на бытие как на совмещение позитивного и негативного, активного и пассивного, сбалансированное внутри отдельного человека», поскольку его мужская творческая мощь «была смягчена нежностью и консерватизмом женственности».

Кроули хотел бы быть настоящим гермафродитом. Это дополнило бы его представление о собственной уникальности и отделило бы его от простых смертных. Однако он был не гермафродитом, а просто бисексуалом.

Помимо того что Поллит способствовал сексуальной самоидентификации Кроули, он ещё и развивал его. Близкий друг Обри Бердслея, он познакомил Кроули с новейшими достижениями искусства и литературы, посоветовав ему прочесть произведения только что появившихся декадентов, а также изучить искусство таких людей, как Бердслей и Уистлер. Кроули утверждал, что те произведения, которые приносил ему Поллит, вызывали у него презрение, и в то же время признавался, что они ему нравились: «Напряжённая утончённость мысли, которая присутствовала в них, и очевидно блестящее техническое

Мартин Бут. Жизнь мага. Алистер Кроули

исполнение задали тон моим собственным занятиям искусством, расширив их границы; но я никогда не позволял им возыметь надо мной власть».

Существует много предположений и догадок по по-водутого, встречался ли Кроули с Бердслеем. Несмотря на то что Кроули нигде не описывает такие встречи, они почти наверняка имели место. У Кроули есть стихотворение о Бердслее, глубоко личное по настроению:

Обри увидел сон,

Прекрасный сон о женщине, нежной, как дитя,

И развратной, как проститутка, обнажённой,

Лежащей на груди извивающихся тел.

Его бесстыдный поцелуй отозвался дрожью

Во множестве рук и ног лежащих,

Углубляясь, погружаясь в их массу,

Встречаемый каждой парой лиловых губ.

Какое-то время Кроули пытался уговорить Бердслея разработать для него экслибрис, а также проиллюстрировать его литературные труды; но Бердслей отказался. Вероятно, Бердслей посчитал, что общение с экстравертом Кроули является рискованным во времена, когда моралисты ищут возможность напасть на новый стиль в искусстве и литературе. Тем не менее вполне возможно, что он всё-таки нарисовал экслибрис, однако ни одного рисунка не сохранилось.

В том, что эти двое сторонились друг друга, поистине была ирония судьбы, ведь даже их семьи имели друг к другу отношение. Отец Бердслея много лет проработал в Пивоваренной компании Кроули в качестве личного ассистента отца Эдварда Кроули, а возможно, и самого

Эдварда Кроули. Когда в 1877 году Пивоваренная компания была продана, отца Бердслея снабдили превосходной рекомендацией для поиска новой работы.

Насколько Кроули был поэтом, романтиком, обладал пытливым умом, восхищался магией, настолько Поллит был плоским и скучным, не обладал способностью к творчеству, имел слабое здоровье, отказываясь при этом

принимать обычные лекарства, был полон жалости к самому себе и смотрел на жизнь с чувством пресыщения. У него был слабый характер, и всё же Кроули поддерживал с ним отношения. Во время пасхального семестра 1898 года они встречались ежедневно, а когда наступили пасхальные каникулы, вместе отправились на Уэстдейл-Хед с целью совершить горное восхождение. Поллит отказался.

Когда настало время возвращаться в Кембридж, к началу нового семестра, Кроули осознал, что их отношениям приходит конец. «Между нашими душами, — писал он, — существовало затаённое отвращение». Кроули знал, что у них не было ничего общего, что они не могли дать друг другу ничего, кроме сексуального удовлетворения. Поллит сослужил свою службу. «Он был, — утверждал Кроули, — единственным человеком, с которым я имел радость вступить в истинно духовные отношения», но теперь ему приходилось выбирать между Поллитом и собственным стремлением заниматься магией, которое ещё больше возросло за пасхальные дни благодаря чтению «Неба над храмом», книги, которую Поллит наверняка проигнорировал, а то и высмеял. Опасения Поллита сбывались: религиозные интересы Кроули становились препятствием для продолжения отношений. Возвратившись в Кембридж, Кроули принял решение: «Человеческая дружба, идеальная, какой она являлась в нашем случае, была предана проклятию мировой скорби, и я решил прекратить наши отношения».

В конце летнего семестра Кроули, почти завершивший своё трёхгодичное обучение в колледже, поселился в Беар-Инн, что в Мейденхеде, чтобы в спокойной обстановке заняться литературными трудами. Поллит, обеспокоенный тем, что теряет любовника, выследил его. Однако Кроули сообщил ему, что отныне собирается посвящать свою жизнь духовным целям. Они расстались и, вероятнее всего, больше никогда не встречались.

Кроули, годы спустя вспоминая об этих отношениях, утверждал, что «более благородной и более чистой дружбы никогда не существовало на Земле и что факт этого союза, вероятно, во многом смягчил последовавшие за разрывом переживания». «Как бы то ни было, — писал он, — благоухание этой дружбы всё ещё сохранилось в святилище моей души». Однако это было написано с прежних позиций. В тот момент Кроули уже восстал против Поллита. Он написал несколько сонетов, в которых нападал на своего бывшего любовника. Весь цикл стихотворений был беспощадно озаглавлен: «Автору фразы: "О, я не Джентльмен, и я лишён Друзей"». Один из сонетов начинался так:

Проклятая, заражённая проказой жидкость, текущая по моим жилам,

Мартин Бут. Жизнь мага. Алистер Кроули

Заставляет меркнуть солнечный свет, а твои воспалённые глаза,

Затуманенные порочностью и бесстыдством,

Ослепительно сияют в склепе мировой боли,

Ужасные, словно ты уже в аду...

Это были отношения, от которых Поллит ожидал, что они станут любовью всей его жизни, и которые Кроули, как и любой молодой человек, рассматривал как мимолётный эпизод своей жизни.

На Уэстдейл-Хед, где связь Кроули и Поллита была окончательно подорвана, в жизнь Кроули вошёл другой человек, которому предстояло оказать на эту жизнь гораздо большее влияние, чем исполненному жалости к себе Поллиту. Этого человека звали Оскар Экенштайн.

Тридцатидевятилетний сын высланного из страны немецкого еврея и англичанки, Экенштайн изучал химию в университетах Лондона и Бонна и работал железнодорожным инженером. Бородатый и агрессивно настроенный, он был эксцентричным, нетерпеливым, упрямым, самоуверенным, деятельным и непохожим на других людей.

Среди его многочисленных странностей было отвращение к котяткам, которое не распространялось на взрослых кошек, и беспокойное отношение к некоторым числам. Например, если ему подавали тарелку с «неправильным» количеством картофеля, он отказывался есть, пока математическая сторона дела не приводилась в порядок. Однако не все его странности были надуманными.

В течение нескольких лет он периодически становился объектом нападения со стороны совершенно незнакомых людей, которые пытались убить его. Он предполагал, что его по ошибке принимали за кого-то другого.

Какими бы слабостями он ни страдал, у него была одна сильная сторона, которая ставила его выше большинства других людей. Этот человек достиг поразительного совершенства в альпинизме. Будучи коренастым, он имел настолько сильный торс, что мог, уцепившись за выступ в скале, подтянуться на одной только правой руке. Во время восхождений он был неутомим. В высшей степени критично относясь к Альпийскому клубу, членом которого он (так же, как и Кроули) оценивал немногим выше, чем дилетантов, нуждающихся в помощи проводников, Экенштайн был вынужден мириться с

тем, что при жизни его умения и смелость несправедливо занижались. Только после смерти он занял своё законное место в анналах альпинизма.

С Экенштайном Кроули объединяло нечто большее, чем их общая любовь к альпинизму. Экенштайн был искренним и прямым человеком, эрудитом и образованным собеседником. Он восхищался сэром Ричардом Бертоном, играл в шахматы и не терпел глупцов. Согласно Кроули, Экенштайн имел более высокие нравственные нормы, чем кто-либо из его прежних знакомых. Они спорили на философские темы, поскольку Экенштайн придерживался мнения о том, что добродетель и удовольствие несовместимы, и глубоко верил в христианскую концепцию греха. В целом, однако, они прекрасно ладили. Экенштайн, будучи харизматической личностью, представлял собой прямую противоположность жалеющему себя, вечно ноющему Поллиту. Чего искал Кроули после того, как их отношения с Пол-литом сошли на нет, так это нового импульса для своей жизни. Вскоре ему предстояло покинуть Кембридж, и он искал наставника, родственную душу, которая бы направляла его, собрата по разуму, суждениям которого он мог бы доверять. Экенштайн идеально подходил для этой роли.

Альпинизм — это больше, чем проверка силы мускулов. Это проба характера. Экенштайн обладал всем, что требуется альпинисту. Он был в высшей степени надёжным, уравновешенным и отличался логическим строем мысли, благодаря чему разработал усовершенствованный тип крепления для восхождения по ледяной скале. Это приспособление широко распространилось среди альпинистов и стало предшественником современных «кошек». Он никогда не шёл на необдуманный риск, знал свои границы и был хорошим лидером, зарекомендовавшим себя в Альпах и в Гималайской экспедиции сэра Вильяма Мартина Конвея на горный хребет Каракорам, состоявшейся в 1892 году, хотя в тот раз он поссорился с Конвеем и ушёл от него.

Кроули стал партнёром Экенштайна по занятиям альпинизмом, утверждая, что не мог бы найти более удачного учителя по скалолазанию. Лучшим партнёром, как рассуждал Кроули, является тот, чьи умения дополняют твои собственные. «Экенштайн, — писал он, — обладал всеми качествами цивилизованного человека, а я обладал всеми качествами дикаря». Метод скалолазания, используемый каждым из них, разительно отличался от того, которым пользовался другой. Экенштайн действовал последовательно, осознанно, заранее продумывая путь. Кроули, несмотря на свой ум шахматиста, больше полагался на собственную интуицию. Физически Экенштайн был таким же сильным, как Кроули, но их методы в скалолазании различались: там, где Экенштайн использовал избранные мускулы, Кроули задействовал всё своё тело.

Оставив Поллита размышлять на Уэстдейл-Хед, Кроули и Экенштайн совершили восхождение на соседнюю скалу Скофелл. К концу Пасхи Кроули «выпало великое везение быть признанным и принятым этим человеком». Они наметили встретиться летом в Альпах и подумывали о путешествии в Гималаи.

Разумный подход к жизни, свойственный Экенштайну, его ненависть к лицемерию, наличие у него высоких нравственных идеалов в сочетании с решительностью и прямоотой вызывали восхищение Кроули, который утверждал, что

научился от Экенштайна нетерпимости к любой разновидности лжи и обмана. Этот человек имел на меня влияние, сходное с тем, какое Атос имел на д'Артаньяна. Когда бы у меня ни возникало желание каким-либо образом отклониться от высоких образцов чести, мне в голову всегда приходила мысль, что я не смогу смотреть в глаза Экенштайну, если поступлю недостойно. Моя семья, мой колледж и мой друг всегда были моими наставниками; но прежде всего — мой друг! Его строгость ещё усиливалась его непогрешимым видом; никакие уловки в общении с ним были невозможны. Он учил меня ориентироваться в своём поведении на самые строгие образцы честности и благородства. Не будет преувеличением сказать, что он сформировал нравственную сторону моего характера. У меня была пагубная склонность вечно искать себе оправдания. Он же всегда побуждал меня смотреть в лицо фактам и постоянно бодрствовать, храня сокровище чести.

В какой степени семья Кроули (за исключением отца) и колледж были его наставниками — вопрос спорный; сомнение вызывает и факт благотворного влияния Экенштайна в свете того, как в дальнейшем сложилась жизнь Кроули.

В период своего обучения в Тринити-колледже Кроули написал очень много стихотворений и считал себя поэтом. Стимулируя свой творческий процесс интенсивной половой жизнью, он осознал, что его душа «обладает свободой прокладывать свой путь по бескрайним заоблачным пространствам и проявлять свою божественную природу при помощи свободной мысли, рождённой необыкновенно возвышенным состоянием и выраженной на языке, который соединяет в себе чистейшие стремления с самыми величественными напевами». Он совершенно не собирался писать «в стол». Поэзия должна печататься, а Кроули был убеждён, что его произведения написаны на достаточно высоком уровне и достойны публикации. Поэтому в 1898 году он начал издавать свои стихи. Располагая значительными доходами, Кроули имел возможность публиковать всё, что писал, хотя, естественно, написанное существенно разнилось по качеству. Не будучи склонным к самокритике, он отдавал в печать всё, что казалось ему того достойным, иной раз не дожидаясь даже, когда

высохнут чернила. Некоторые стихотворения были хороши, но примерно такое же их количество выглядело в высшей степени избито и банально.

Первой его публикацией стала тонкая книжка, озаглавленная «Акелдама», причём её автор был обозначен как «джентльмен из Кембриджского университета». Это было сделано в подражание Шелли, который в 1811 году издал свою книгу «Неизбежность атеизма» под псевдонимом «джентльмен из Оксфордского университета». Книга Кроули была подражательной не только по части обозначения авторства. Её содержание тоже несло на себе отпечаток смешанного влияния Суинберна и Бодлера. Всего было издано восемьдесят восемь экземпляров, причём ещё десять были напечатаны на специальной бумаге, а ещё два — на пергаменте. Оценённые в полкроны каждый, они частным образом продавались в университете. Издателем был человек по имени Леонард Чарлз Смитерс.

Кембриджский печатник и книготорговец, Смитерс был известен как ведущий издатель эротической и порнографической литературы. Он открыл миру произведения Оскара Уайльда, Обри Бердслея и других писателей-декадентов. К моменту знакомства с Кроули издательское дело Смитерса было в упадке. Суд над Оскаром Уайльдом превратил издание эротической литературы, тем более произведений с гомосексуальным подтекстом, в очень рискованное занятие. Появление Кроули на пороге Смитерса оказалось, вероятно, очень кстати, поскольку это был молодой человек с большим состоянием, кучей стихотворений, огромным самомнением и притом желающий опубликовать свои труды.

Называя «Акелдаму» «вершиной своего Парнаса», Кроули считал её на тот момент лучшей своей книгой, книгой безупречной с технической точки зрения и представляющей собой «чистое выражение моего подсознательного. На тот момент у меня не было свода идей адекватно отражающего моё мировоззрение. А эта книга провозглашала философию, чьё последующее развитие не внесло в эту философию существенных изменений. Я помню моё собственное отношение к этой книге. Она представлялась мне образчиком сознательной экстравагантности и эксцентричности». И правда, нельзя сказать точнее: термин «vanity press» был как будто нарочно придуман для Кроули. Книга прошла почти незамеченной и удостоилась только одной рецензии, где говорилось, что «все стихотворения книги пронизаны скептицизмом и покрыты налётом разврата, поэтому к ней следует относиться с осторожностью»: молодым людям рекомендовали не читать эту книгу. В этом предостережении видна ирония судьбы: с первой же публикации к Кроули начали относиться настороженно. В 1904 году, когда он готовил к публикации книгу своей студенческой лирики под названием «В доме», университетский журнал *Granta*

Мартин Бут. Жизнь мага. Алистер Кроули

приветствовал новое издание ругательными, но остроумными и на удивление пророческими виршами:

О, Кроули, имя, которое предназначено для славы!

(Или вы произносите его «Крулли»?)

Как бы вы ни ценили собственное произведение,

Выглядит оно сущей безделкой.

Вы мечете бисер перед свиньями,

О, великий Алистер Кроули.

Поэтому «Гранта», как и следовало ожидать,

Решительно отказывается от ваших даров.

Позднее, в 1898 году, Кроули написал более толстую книгу под названием «Белые пятна», которая в завуалированной форме повествовала о епископе Джордже Арчибальде, «неврастенике времён правления Наполеона III». Кроули отдал рукопись Смитерсу, которому можно было доверять, тогда как посылать её другим издателям было рискованно, и Смитерс напечатал книгу. Текст её был набран по заказу Смитерса в Голландии.

Навеянная образом набожного дядюшки Кроули, Тома Бонда Бишопа, книга содержала цикл стихотворений о человеке, который помешался на сексуальной почве и стал убийцей. В этих эротических стихотворениях была представлена практически полная гамма сексуального поведения: от гетеросексуализма до педерастии. Когда позднее люди пытались использовать эту книгу как доказательство порочности Кроули, он парировал все нападки: «Ослы! С формальной точки зрения это действительно порнографическая книга, однако факт написания её — это лишь необычный способ, с помощью которого я доказал чистоту моего сердца и разума». Он продолжал, утверждая, что книга с очевидностью обнаруживает наличие у её автора «неотъемлемо присущей ему духовности» и свидетельствует о его «сверхчеловеческой невинности». Он защищал свою книгу, говоря, что побуждением к её написанию послужило чтение книги фон Крафт-Эбинга «Psychopatia Sexualis», где утверждалось, что сексуальные отклонения являются следствием болезни. Кроули был глубоко не согласен с этим и говорил, что своим циклом стихотворений он хотел опровергнуть эту теорию, рассказав историю о поэте, чья изначальная чистота

превратилась в порочность, причём в каждом стихотворении обнажались скрытые психологические причины такого превращения. По словам Кроули, книга не задумывалась как порнографическая, но должна была служить утверждением того, что изображённый в ней тип поведения является проявлением сексуальной магии, а потому приемлем. Тем не менее по меркам того времени книга всё-таки была порнографической.

Подобно «Акелдаме», стихотворения этой книги во многом навеяны поэзией Бодлера и снабжены предисловием Кроули, где он заявляет: «Психотерапевты, для чьих глаз только и предназначен этот труд, не пожалеют сил, чтобы предотвратить попадание этой книги в руки других людей». Одно из наименее откровенно порнографических стихотворений может дать представление о содержании книги:

Белые руки, обнимающие меня, пламенная грудь,
которая скользит по моей груди,
Страстная змея, обвивающая моё тело,
Белые зубы, которые жаждут укусить, алый язык,
утомляющий своими ласками,
И губы, налитые кровью от неутолённых желаний,
Горячее дыхание и жаркие ладони, взъерошенные волосы,
Воспалённый рот, тёмно-красный, как рот змеи,
Истинная хищница со своей добычей, ты нравишься мне такой,
Горячая и неутомимая, как и я сам.

Если же эротический накал стихотворения становился немного выше, осторожный Кроули, согласно правилам издания порнографической литературы, переходил на другой язык.

Другая книга, которая называлась «Зелёные Альпы», так никогда и не была напечатана. Кроули заплатил Смитерсу за её издание, но последний сообщил ему, что в типографии произошёл пожар, уничтоживший и рукопись, и уже набранные страницы. В тот момент Смитерс находился на грани банкротства, поэтому можно предположить, что он прикарманил деньги Кроули, чтобы

отдать некоторые свои долги, и для этого сочинил историю с пожаром. К счастью, Кроули уже успел получить гранки, что дало ему возможность включить стихотворения в свои более поздние книги.

Было очевидно, что Смитерсу необходимо было найти замену. Человеком, которому Кроули передал привилегию на печатание своих произведений — финансировал эту издательскую деятельность по-прежнему он сам, — стал Чарлз Томас Якоби, управляющий издательства Chiswick Press в Лондоне. До самой своей смерти, последовавшей в 1920 году, Якоби остался верным издателем Кроули. Качество продукции, выпускаемой этим издательством, было очень высоким: в наше время его отнесли бы к классу издателей альбомов по изобразительному искусству. Кроули тоже необходимо было выбрать себе издательство, и он остановился на авторитетной лондонской фирме Кегана Пола, Тренча, Трюбнера, которая позднее стала называться Routledge, Kegan Paul.

Почему Кроули выбрал именно эту фирму и почему она согласилась с ним работать, остаётся только догадываться. Это было уважаемое издательство, специализировавшееся на публикации книг о Востоке и славившееся своим интересом к современной поэзии; здесь печатался Теннисон. Эти обстоятельства привлекли Кроули. Издатели же, подобно Смитерсу, могли потому благосклонно отнестись к Кроули, что тот оплачивал все расходы. Как бы то ни было, в том же 1898 году они выпустили в свет третью его книгу — «Сказание об Первоначале».

Эта книга получила гораздо больше отзывов, возможно, потому, что была выпущена уважаемым издательством. Из резюме, помещённых преимущественно в университетских и литературных журналах, можно было узнать, что книга представляет собой выдуманную, романтизированную мифологию, написанную лёгким ритмом, что книге не достаёт своеобразия и что она удивительно свободна от грязного налёта чувственности.

Как будто считая, что три книги в год — это недостаточно, Кроули продолжил печатать свои произведения, выпустив в свет книгу «Песни духа», сборник лирики, который получил ещё более широкий резонанс и даже стал известен за границей. Manchester Guardian слегка похвалила книгу, Granta признала за книгой литературные достоинства, Literary Gazette советовала Кроули меньше заниматься интроспекцией, Athernoeum выступил с резкой критикой, а Church Times с иронией, которая не прошла для Кроули незамеченной, утверждала, что книга претенциозна и свидетельствует о «большом труде, затраченном мистером Кроули на формирование своей жизненной философии». 1898 год завершился выходом в свет пятой книги Кроули, написанной приблизительно

за такой же срок. Эта новая книга под названием «Йефтах» широко и активно обсуждалась даже в таких городах, как Абердин и австралийский Сидней, а *Pall Mall Gazette* дальновидно утверждала, что «мистер Кроули относится к себе очень серьёзно; он убеждён, что у него есть миссия».

Несмотря на то что Кроули постепенно завоевывал внимание критиков, книги свои он не продавал. Большая часть экземпляров раздавалась друзьям и знакомым, а объём продаж при этом был мизерным. По словам Тимоти д'Арча Смита, известного библиографа, Кроули разослал восемьдесят два экземпляра книги «Йефтах» по редакциям газет и журналов, и лишь десять экземпляров было продано за последующие пять лет.

На ранней поэзии Кроули лежит отпечаток его нарастающего стремления заниматься магией, а также по-прежнему присущей ему одержимости природой греха. Он находился тогда под сильным влиянием книги «Небо над храмом» и жаждал получить доступ к тому таинственному братству, о котором говорилось в книге. Кроме того, он всё ещё стремился найти компромисс между добром и злом, высказывая несколько странные и расплывчатые суждения. «Религия была для меня, — рассуждал он, — яркой реальностью самого положительного свойства. Понятие добродетели этимологически восходит к понятию мужественности. Мужественная зрелость, творческое мышление и активное действие являлись для меня средствами достижения целей. Не было никакого смысла воздерживаться от пороков».

Публикация «Акелдамы» пополнила круг общения Кроули ещё одним человеком. Во время летнего семестра 1898 года, прямо перед тем, как Кроули должен был окончить университет, его представили молодому студенту, который изучал политологию, но был при этом профессиональным акварелистом. Его звали Джеральд Фестус Келли. Рождённый в 1879 году, сын зажиточного викария кэмберуэльского прихода в южном Лондоне и состоятельной матери, Келли учился в Итонском колледже и приехал в университет предыдущей осенью, проведя значительную часть предшествующего этому приезду года в Южной Африке, где выздоравливал после перенесённой хирургической операции по удалению абсцесса с печени. У него было две больших страсти: крикет и живопись.

Неизвестно, как именно они познакомились, но, думается, их представил друг другу Смитерс, показавший Келли экземпляр первой книги Кроули. В результате Кроули пригласил Келли в свою квартиру на Тринити-стрит. Они немедленно подружились и договорились встретиться летом.

Келли, обаятельный и талантливый, хотя и несколько наивный молодой

человек, тянулся к более старшему, энергичному, внешне привлекательному Кроули, который носил большие пижонские шейные платки, широкополые шляпы, массивные кольца с полудрагоценными камнями и шёлковые рубашки ручной работы. У молодых людей было много общего. Оба они принадлежали к привилегированному классу, оба имели деньги, оба противостояли религиозным родителям и соответствующему воспитанию. Тот факт, что комнаты Кроули были необычно обставлены — там стоял карточный стол, усыпанный покерными фишками, книжные полки были заполнены дорогими пер-воизданиями, над дверью висел альпинистский ледовый топорик, — только разжигал интерес Келли. Вероятно, Келли не обратил внимания на состояние шёлковых рубашек, которые были грязны и, в лучших студенческих традициях, нуждались в стирке. В связи с приписываемым Кроули невниманием к личной гигиене, много лет ходила история о том, как однажды один из могучих однокашников Кроули обмакнул его в фонтан, чтобы Кроули стал наконец чистым. Однако это выглядит в высшей степени сомнительным. Едва ли нашёлся бы человек, способный пересилить Кроули, который был крепким, мускулистым и высоким. Кроме того, Кроули никогда не рассказывал ничего смешного о времени, проведённом им в Кембридже, что непременно сделал бы, если бы подобные грубые шутки имели место, даже если бы хотел их скрыть. Эта история — одна из многих, сочинённых, чтобы умалить значение Кроули и высмеять его.

Когда время обучения Кроули в университете приблизилось к концу, он не стал сдавать экзамены на учёную степень. Нет, он не боялся провала: он просто не хотел тратить на это время и силы. Обладая превосходной памятью и зная, что овладел теми предметами, которые он выбрал для изучения, Кроули видел мало смысла в сдаче экзаменов. Подобно Суинберну, который отказался сдавать экзамены в Оксфорде, потому что считал — возможно, справедливо — что знает больше своих экзаменаторов, Кроули счёл экзамены бесполезным занятием. Он знал, к чему стремится. Он собирался достичь бессмертия. Учёная степень не имела отношения к его запросам, успех в которых мог быть гарантирован только умением магически управлять тайными силами природы. Он хотел быть не магистром гуманитарных наук, а магом.

Подводя итог своего трёхлетнего пребывания в Кембридже, Кроули пишет, отбросив всякую скромность:

Подобно Байрону, Шелли, Суинберну и Теннисону, я покинул университет, не получив учёной степени. Так было лучше; я не дал университету оказать мне честь; зато сам не раз ему эту честь оказывал. <...> я хотел проникнуться духом университета и сдавал [промежуточные] экзамены, чтобы иметь возможность впитать этот дух без вмешательства со стороны авторитетных

людей, но я не видел смысла в уплате пятнадцати гиней [плата за выпускные экзамены] ради привилегии носить длинную чёрную мантию, ещё более нелепую, чем короткая голубая, а также в уплате семнадцати пенсов вместо четырнадцати, в случае если меня увидят в ней курящим. Я не собирался становиться священником или школьным учителем; добавление словосочетания «бакалавр искусств» после моего имени, бесспорно, являлось напрасной тратой чернил... Я чувствовал, что мой жизненный путь предопределён. В том, что касалось внешней стороны жизни, моими героями были сэръ Ричард Бертон и Экенштайн как современное его воплощение. Степень бакалавра не оказала бы мне существенной помощи ни в Гималаях, ни в Сахаре. Что касается моей литературной карьеры, то здесь академические отличия положительно выглядели бы позором. А с позиций моей духовной жизни, которую я ощущал как самый глубокий из своих интересов, погоня за одобрением со стороны факультета была достойна лишь презрения... Я получил от Кембриджа то, что хотел: интеллектуальную и нравственную свободу, дух инициативы и уверенности в себе; но, возможно, прежде всего — не поддающийся определению стиль университета.

Итак, в июле 1898 года, без учёной степени, но с определённым представлением о направлении своего дальнейшего движения Кроули покинул Кембридж.

ГЛАВА 4

«Золотая Заря»

Покинув Кембридж, Кроули ощутил себя свободным человеком с большими доходами, который не обязан немедленно пускаться на поиски работы. Выражаясь его собственными словами, он в тот момент «пылал тремя увлечениями: альпинизмом, поэзией и Магией», причём каждое из них в большей или меньшей степени определяло выбранную им карьеру. Он вступил в новую жизнь с удовольствием и с довольно большим количеством, пусть не вполне управляемой им, энергии.

Всего через несколько недель после того, как Кроули освободил квартиру на Тринити-стрит, он и Экенштайн уже жили в палатке на леднике Шонбюль под вершиной Дент-Бланш, достигающей 4300 метров в высоту. Планировалось потренировать Кроули перед путешествием в Гималаи, а также проложить новый маршрут восхождения по восточному склону Дент-Бланш. Этот план был сорван ухудшившейся погодой, и тренировки Кроули свелись к жизни в высокогорном лагере и приготовлению еды. Кроме всего прочего, он изобрёл тогда приправу «ледниковый карри», заставлявшую других альпинистов

выскакивать из палатки и набивать себе рот снегом после первого же проглоченного куска: Кроули всю свою жизнь славился любовью к острым блюдам. Живя на леднике, Кроули прочитал книгу «Разоблачённая Каббала» Сэмюэля Лиддела Мазерса, вышедшую в 1887 году. Он признавался, что не понимал там ни слова, но книга притягивала его, отчасти благодаря самой своей непонятности, которую Кроули решил преодолеть.

Ещё одно удерживало Кроули от занятий скалолазанием. Его здоровье ухудшилось, и он вынужден был отправиться на отдых в Церматт. Во время выздоровления Кроули посещал пивной бар, где обыкновенно толпились альпинисты. С характерной для Кроули энергией и склонностью к оригинальности он начал читать для желающих лекции по алхимии. Среди его слушателей оказался британский альпинист Джулиан Л. Бейкер, специалист по аналитической химии, начинающий маг и практикующий алхимик, который утверждал, что ему удалось добиться «фиксации ртути». Кроули не мог поверить своему счастью. Месяцами он искал возможностей получить доступ в мир магов, и вот перед ним сидел человек, который мог ввести его туда.

Когда Бейкер уехал из Церматта, Кроули последовал за ним, рассказал ему, что читал книгу «Небо над храмом» и что страстно желает найти описанный там Тайный Храм Всех Святых. Бейкер, тронутый большой заинтересованностью и искренностью Кроули, признался ему, что не является мастером в этом деле, но знает человека, который может помочь.

Между тем здоровье Кроули не улучшалось, поэтому он вернулся в Лондон, занял комнату в отеле «Сесил» на набережной, посещал врачей, писал стихи — в это время он работал над книгой «Йефтах» — и встречался с Бейкером, который познакомил его с Джорджем Сесилом Джоунсом.

Вспыльчивый, бородатый валлиец, невероятно похожий на типичные викторианские изображения Христа, Джоунс работал в химической промышленности, имел лабораторию в центре Лондона и дом в пригороде Бейзингстока в Хэмпшире. Он был также очень начитан в области магии, которую изучал с любознательностью и дотошностью учёного. Кроули с огромным вниманием слушал то, что Джоунс говорил о магии, и вскоре они стали близкими друзьями, причём отношениям этим суждено было продлиться многие годы.

На этом этапе Кроули старался впитать как можно больше знаний о магии. Ему важно было понять, что она собой представляет. Для того чтобы начать что-то понимать в магии, необходимо сначала освободиться от всех своих предубеждений.

Сам Кроули определял магию как «искусство общения без использования обычных средств» — иначе говоря, при помощи силы воли; или, цитируя Кроули, «Магия — это Наука и Искусство совершать Перемены в соответствии со своей Волей». Ещё одно объяснение, которое предлагает Кроули, звучит следующим образом: «Согласно природе вещей... жизнь является таинством; другими словами, любое наше действие является магическим действием. Наше духовное сознание при помощи воли и её орудий воздействует на материальные объекты, с тем чтобы осуществить изменения, результатом которых станет рождение новых состояний сознания, к которым мы и стремимся». В качестве примера он приводит католическое богослужение, во время которого воля руководящего обрядом священника наделяет облатку и потир с вином божественными свойствами, давая тем самым физическое выражение духовной сущности. Однако мысль Кроули заключается в том, что мы все совершаем подобное своими действиями, когда задеваем в них волю. Проводя параллель этому рассуждению, можно представить себе человека, вскапывающего землю в своём саду лопатой, которую он для этого купил. Человек использует волю для вскапывания земли, поскольку деньги, которые он заработал, потратив собственную энергию, «заставляют» землю быть вскопанной: Через несколько дней Кроули начал практические занятия по астральному видению. Бейкер, как рассказывает Кроули, инструктировал его, говоря:

представь, что некий образ тебя [известный под названием Тела Света] стоит прямо перед тобой. Перемести в него своё сознание. Приподнимись над землёй. Вызови духов, которых требуют известные тебе предписания. Посмотри на их внешний вид. Проверь их подлинность. Вступи с ними в разговор. В их сопровождении отправляйся в ту часть Вселенной, которую ты желаешь исследовать. Вернись на землю. Добейся пространственного совмещения Тела Света с физическим телом. При помощи знака Гарпократа сделай так, чтобы эти тела вновь слились друг с другом. Вернись в состояние обычного сознания.

Тело Света создано из Астрального Света, космической субстанции, иногда называемой эфиром, невероятно чувствительной к любому влиянию или воздействию. В том числе и к воздействию человеческой мысли, которая, как принято было считать, исходит из человеческого мозга в виде волн. Если эти мысли-волны удавалось при помощи магических средств сконцентрировать и направить на Астральный Свет, то составляющая его субстанция оформлялась в образ, являющийся проекцией или творением мысли. Считалось, что как только человек овладевает умением создавать Тело Света, он становится способным к телепатии, передаче мыслей на расстоянии и даже к путешествиям во времени.

Кроули опробовал и проверял всё, что узнавал от Джоунса, и вскоре, как было

когда-то и с альпинизмом, решил, что превзошёл своих учителей. И в самом деле, он чувствовал, что магические упражнения даются ему легко. За короткое время он овладел, как ему казалось, искусством создания настолько мощного Тела Света, что его могли видеть обычные люди. Позднее его Тело Света обрело такую независимость сознания, что могло путешествовать без ведома своего хозяина. Кроули утверждал, что слышал рассказы друзей о том, как они видели его в том или ином месте, где его в данный момент не было. Друзья видели не его самого, а Тело Света.

Не все магические упражнения Кроули проходили успешно. Кроули рассказывает об одном эксперименте, который он проводил в Истборне, где его мать снимала дом. Однажды вечером во время отлива он отправился к воде, причём отошёл как можно дальше от набережной, а затем, начертив на песке круг и соорудив маленький алтарь из камней, зажёл костёр, воскурил ладан и начал обряд. Он надеялся вызвать унди, женских духов, обитающих в воде и способных общаться с людьми. Но вместо них появился любопытный полицейский, привлечённый видом человека, который при свете луны произносил заклинания и скакал вокруг костра. Неизвестно, насколько правдива эта история: возможно, перед нами пример подшучивания Кроули над самим собой.

На собственных ошибках он узнал о самых распространённых заблуждениях, свойственных тем, кто стремится овладеть искусством магии, и скоро пришёл к убеждению, что успех в этом деле зависит от способности человека пробудить в себе творческий дух, который позволяет начинающим действовать без понимания и осознания механизма собственных действий и помимо интеллектуальной рационализации. Магия, по предположению Кроули, была скорее искусством, чем наукой.

В книге Колина Уилсона «История оккультизма», опубликованной в 1971 году, магический статус Кроули достаточно точно определён утверждением, что он был прирождённым магом с мощными животными инстинктами и сексуальной мотивацией. Имея это в виду, даже те, кто относится к Кроули с насмешкой, должны принять во внимание, что он верил во внутреннюю связь между магией и человеческой волей, которая, как он считал, находится, как правило, в подавленном состоянии, поскольку люди пассивны и слишком полагаются на свой разум, вместо того чтобы довериться инстинктам и интуиции. Стремление опираться на рассудок — не просто предположение Кроули: без сомнения, это стремление свойственно западному обществу, в котором он жил. Кроули считал, — и те, кто принимал его теорию, должны были твёрдо в это верить, — что магия является подсознательным процессом и что обратиться к ней его заставила скорее интуиция, чем разум. Перед теми, кто отмахивался от магии

Кроули, ставился вопрос: что такое воображение? Кроули сказал бы, что это и есть магия. Говоря кратко, то, что Кроули считал магией, сегодня расценили бы как сочетание подсознания, воображения и методов, позволяющих управлять ими и вступать с ними в контакт — всем этим зачастую занимаются современные психиатры.

Для Кроули магия была сложным материалом, трудно поддающимся овладению. Практикующий маг должен быть одарённым человеком, обладать необходимыми научными знаниями, не иметь предрассудков, кроме того, он должен уметь легко схватывать новое и обладать обычным здравым смыслом. Что касается самого Кроули, то математика и химия давали ему необходимый багаж научных знаний, литературное творчество позволило ему избавиться от предрассудков, а благодаря наличию практически мысливших предков-пивоваров он удовлетворял и последнему требованию.

Прошло не так много времени, прежде чем Джоунс, наставник Кроули в магических делах, понял, что его ученик обладает большими способностями, и предложил ему выдвинуть его в качестве кандидата на вступление в магическое сообщество, в котором состоял сам. Оно называлось «Герметический Орден Золотой Зари», или, для посвящённых, просто «Золотая Заря» (Golden Dawn, или G.˙.D.˙.). Имея в своих рядах А.-Э. Уэйта, это общество называлось герметическим потому, что было связано с богом Гермесом. Кроули с готовностью принял предложение, и вскоре Джоунс представил его лидеру «Золотой Зари» Сэмюэлю Лидделу Мазерсу.

Мазере был необычной личностью. Ирландский поэт У.-Б. Йейтс, тоже член «Золотой Зари», считал его наполовину лунатиком, наполовину мошенником. И он был прав. Мазере, очарованный возрождением искусства и религии кельтов и почему-то являющийся убеждённым якобитом, безо всяких оснований утверждал, что Мак-Грегор из Гленстрэ — это он, нередко называя себя Мак-Грегором Мазерсом графом де Гленстрэ. Он настаивал на том, что его фамилия использовалась родом Мак-Грегоров после того, как в 1603 году они были объявлены вне закона, и что его прапрадед унаследовал франко-шотландский титул графа Мак-Грегора де Гленстрэ. Он одевался по-шотландски, исполнял танец с мечами, носил за голенищами кинжалы и щеголял шотландской кожаной сумкой, отороченной мехом. Тот факт, что Мазере, сын клерка, никогда не был в Шотландии вплоть до 1897 года, казалось, ничуть не смущал его.

История самого общества «Золотой Зари» была столь же пёстрой и неоднозначной, как история главы этого общества. В значительной степени оно было розенкрейцерским и в этом качестве вело своё происхождение от

розенкрейцеров, тайной европейской религии, основателями которой считались тамплиеры, катары и альбигойцы. Постоянно подвергаясь гонениям со стороны христианской церкви, розенкрейцеры верили, что являются хранителями тайных истин, восходящих ещё к Древнему Египту, и что их долг — обучать новых посвященных и передавать им свои знания.

В конце XIX века «Золотая Заря» была самым влиятельным из оккультных сообществ, действовавших на территории Великобритании. Она была основана на почве неприятия нового духа научных открытий, экзистенциализма, материализма и благочестия христианства викторианской эпохи. Общество пополнялось как людьми, приходящими непосредственно в «Золотую Зарю», так и теми, кто переходил из Теософского общества госпожи Елены Петровны Блаватской, образованного в 1875 году. Причиной таких переходов было то, что общество Блаватской в большей степени ориентировалось на восточные религиозные традиции, а некоторым его членам казалось, будто религиозные образы Индии и Тибета, которыми пользовалась Блаватская, не подходят для западного общества. В центре теософии Блаватской была идея, перенесённая затем в «Золотую Зарю». Заключалась она в том, что существует группа отшельников, известных как Тайные вожди, Махатмы, Незримые учителя, которые живут в гималайских пещерах, наблюдают за жизнью человечества и управляют его делами и судьбами. Двое из них, КутХуми и Мория, будто бы являлись госпоже Блаватской. Это, однако, не спасло её от обвинений в мошенничестве, выдвинутых против неё Обществом психических исследований. Но как следствие этого выпада против неё и теософии было основано общество «Золотой Зари».

Существует несколько версий истории основания «Золотой Зари», но суть этой истории в том, что однажды около 1880 года, а возможно, в 1884 году преподобный Альфонс Вудфорд, исследователь масонских рукописей, нашёл зашифрованный манускрипт. Романтики утверждают, что он обнаружил его в книге, купленной на букинистическом рынке, который действительно существовал в то время на Фаррингдон-роуд в Лондоне. Другие говорят, что этот манускрипт встретился ему в августе 1887 года среди бумаг, завещанных ему оккультистом по имени Фредерик Хокли. Не зная, с какого конца братья за расшифровку найденной рукописи, Вудфорд передал её доктору Уильяму Винну Уэсткоту, следователю по делам об убийствах из северного Лондона, начинающему оккультисту, масону, состоящему членом «Societas Rosicruciana in Anglia» (Общество розенкрейцеров в Англии), эзотерического масонского розенкрейцерского ордена, и другу госпожи Блаватской. Манускрипт был показан также доктору У.-Р. Вудмену, ещё одному из уважаемых членов той же розенкрейцерской общины. Доподлинно неизвестно, что произошло дальше. То

ли Уэсткоту удалось перевести некоторые фрагменты пяти магических ритуалов, записанных при помощи искусственного алфавита XVI века, то ли оба, и Вудмен и Уэсткот, расписались в своей беспомощности и показали рукопись Мазерсу.

Член того же розенкрейцерского ордена, что и Уэсткот, Мазере некоторое время жил в Париже, переводя один из самых известных трудов по магии под названием «Соломоновы ключи». Мазерсу удалось расшифровать манускрипт, который состоял из описания древнего ритуала посвящения и объяснения истинных возможностей козырей в картах Таро. В манускрипте значились также имя и адрес женщины, сведущей в оккультизме. Это была фройляйн Анна Шпренгель из Нюрнберга. В октябре 1887 года Уэсткот написал ей и в следующем месяце получил ответ. Фройляйн Шпренгель оказалась главой организации под названием Rosicrucian Lichte Liebe Le-ben Tempel (Розенкрейцеровский Храм Света, Любви и Жизни). Организация действовала в Нюрнберге, давно известном как место основания тайных групп и сообществ. Фройляйн Шпренгель дала Уэсткоту, Вудмену и Мазерсу разрешение основать общество, сходное с её собственным.

Мазере и Уэсткот вместе составили свод ритуалов, дополнили его от себя и в качестве комментария к нему написали «Ознакомительные лекции». Экипировавшись таким образом, они открыли «Храм Изиды — Урании герметических ученых ордена "Золотой Зари"». В марте следующего года из Нюрнберга пришла грамота, узаконивающая работу новой организации. По нечаянности фройляйн Шпренгель забыла подписать документ, но Уэсткот сделал это за неё, используя её магическое имя Sapiens Dominabitur Astris: вероятно, она дала на то своё разрешение. Это стало причиной некоторых трений между английскими и немецкими розенкрейцерами, поскольку после смерти фройляйн Шпренгель в 1890 году её нюрнбергские коллеги оскорбились тем, что с ними не-посоветовались по поводу создания английского отделения общества. Они сообщили адептам из Лондона, что не будут оказывать им никакой магической поддержки, однако будут снабжать их знаниями, необходимыми для самостоятельных контактов с Тайными Вождями.

Как бы то ни было, сейчас ко всей этой истории принято относиться с подозрением. Скорее всего, Уэсткот выдумал её, подделав как манускрипт, так и грамоту. Возможно, это было сделано при поддержке со стороны Вудмена и Мазерса, причём фройляйн Шпренгель никогда не существовала. Уэсткотом двигало желание основать организацию, которая могла бы соперничать с Теософским обществом Блаватской. Что бы там ни произошло на самом деле, это несущественно. Важно, что к 1890 году «Золотая Заря» уже была вполне признанной организацией, растущей и упрочивающей своё влияние.

В «Золотой Заре» занимались преимущественно ритуальной магией, а также искусством оказывать влияние при помощи хорошо тренированной воли. Члены общества в основном стремились лишь получить знания в области магии, и только немногие действительно хотели заниматься ею на практике.

Тому, кто желал достичь успехов в магии, следовало верить в способность человека общаться со вселенной как с целым, а также в то, что правильно тренированная человеческая воля способна исполнить буквально любое желание. Кроме того, нужно было верить в существование планов и уровней бытия, отличных от физического, в то, что есть разумные существа помимо имеющих физическое воплощение, и в то, что люди находятся лишь в процессе восхождения по лестнице психической эволюции.

Вступив в контакт с этими иными планами бытия или войдя в них, на них можно было воздействовать при помощи исполнения соответствующего обряда. В обществе «Золотая Заря», как правило, использовался герметический ритуал, то есть ритуал, имеющий отношение к богу Гермесу. Это действие называлось заклинанием Гермеса. Поскольку с Гермесом связано число восемь, ритуал совершался при восьми зажжённых свечах, алтарь был восьмиугольным или стоял внутри восьмиугольника, начерченного на полу. Во время ритуала принималась пища, ещё со времён древних греков ассоциирующаяся с Гермесом. В процессе церемонии маг отправлял своё энергетическое тело на другие уровни бытия и, пребывая в них, получал знания, силу или возможность общения, которые стремился получить. Как правило, маг хотел изменить своё сознание, с тем чтобы общаться с другими разумными существами и получить от них информацию или навыки, необходимые для тренировки воли.

Поначалу «Золотая Заря» была не более чем кружком промасонски настроенных, похожим образом мыслящих начинающих магов. В обществе состояло даже несколько женщин, также заинтересованных в оккультизме: в отличие от большинства других обществ, приём женщин не возбранялся. Однако под руководством Мазерса все изменилось.

В течение нескольких лет Мазере жил впроголодь, с трудом сводя концы с концами и отдавая своё время науке, но в 1890 году его приняли библиотекарем в Музей Хорнимена, располагавшийся в Форест-хилле на юге Лондона. Эта эклектичная коллекция совмещала в себе экспонаты по этнографии и естествознанию с музыкальными инструментами и была основана в 1860-х годах Фредериком Джоном Хорнименом, известным чайным торговцем, членом партии либералов и депутатом парламента от Фалмута и Пенрина. Эту работу Хорнимен предложил Мазерсу по настоянию своей дочери Энни, вступившей в общество «Золотой Зари». Энни, которую друзья прозвали Тэбби,

была подругой красавицы жены Мазерса, Мины Бергсон, сестры философа Анри Бергсона: девушки вместе учились в Школе изящных искусств Слэйда. Получив работу, Мазере с женой, которая была намного младше его, поселился при музее. Несомненно, дело было в том, что Энни Хорнимен хотела помочь подруге выбраться из полунищенского состояния, в котором та находилась. Тем не менее в первый же год работы Мазере поссорился с Хорнименом, в том числе из-за ложной информации, которую дал о себе Мазере во время общенациональной переписи, объявив себя на пятнадцать лет младше, чем был на самом деле. После того как он был изгнан из музея, Энни Хорнимен по меньшей мере ещё пять лет продолжала оказывать обоим Мазерсам материальную поддержку.

В 1892 году Мазерсы переехали в Париж, где сначала жили по адресу бульвар Сен-Мишель, 121, а затем переехали в пригород Отей и поселились на улице Моцарта, 87.

В то время Мазере именовал себя шевалье Мак-Грегор. По слухам, Мазере, который познакомился с Миной Бергсон в библиотеке Музея Хорнимена и сменил её имя на имя Мойна, потому что оно звучало более по-шотландски, никогда не имел с ней половых сношений, поскольку считал, что половые связи являются помехой в самосовершенствовании мага.

Мойна Мазере была ясновидящей, и через неё, как утверждал Мазере, он вступал во взаимодействия с Тайными Учителями. По его собственному утверждению, он встретил троих из них однажды вечером в Булонском лесу. Оснащённый знаниями, которые дали ему эти трое, Мазере вернулся в Лондон и объявил Вудфорду и Уэсткоту о том, что узнал. Удивив их своими известиями, он уверил рядовых членов «Золотой Зари» в том, что является носителем истин, которые были переданы лично ему, и что Тайные Учителя назначили его главой всего сообщества. За очень короткое время он стал единственным лидером «Золотой Зари». Облечённый такой властью, он сочинял новые ритуалы, писал новые манускрипты и учредил внутри ордена отдельную ступень для тех адептов, которым удавалось добиться заметного прогресса в магии. Его высокое положение, несомненно, гарантировало ему некоторое финансовое вознаграждение.

Общество было организовано иерархически. Сначала человек вступал в Первый (или внешний) орден в качестве неопита, затем продвигался, в зависимости от уровня именуясь зелатором, теоретиком, практиком или философом, причём последнего уровня достичь было невероятно трудно, потому что к этому моменту человек должен был овладеть уже очень большим количеством знаний и почти уже быть в состоянии входить в контакт с

собственным святым Ангелом-хранителем. Члены внешнего ордена участвовали в ряде магических церемоний, но не совершали серьёзных магических действий. Во Второй (внутренний) орден можно было вступить только по приглашению Тайных Учителей, которые выражали свою волю через Мазерса. Если Первый орден был окутан тайной, то Второй был абсолютно секретным, поскольку, попав в него, члены «Золотой Зари» получали указания по занятиям ритуальной магией.

Известный под названием *Rosae Rubrae et Aurae Crucis*, что означает «Рубиновая Роза и Золотой Крест», Второй орден включал в себя три уровня — *Adeptus Minor* (младший адепт), *Adeptus Major* (старший адепт) и *Adeptus Exemptus* (исключительный адепт). За ними следовал уровень, который обыкновенно называют *Argentinum Astrum* (серебряная звезда), но он недоступен для людей. Разумеется, Мазере достиг уровня *Adeptus Exemptus*. Этого было достаточно: он поднялся до наивысшей точки, к которой только может стремиться человек.

Как только вся эта система установилась, для «Золотой Зари» наступила эпоха процветания. Под своей сенью общество собрало обширный корпус разнообразного, порой несовместимого магического материала и сфабриковало из него жизнеспособную (действующую) систему с упорядоченной структурой членства и отправления обрядов, а также со сводом наставлений для занятий теоретической и практической магией. В 1893 году в обществе состояло 170 действующих членов, причём к 1896 году их число возросло до 315 человек. Храм Изиды — Урании (так сказать, главный штаб общества) проводил свои ритуальные церемонии в Марк-Мейсон-холле на Грейт-Куин-стрит в Лондоне, главном здании масонской ложи, предназначенном для членов высшей ступени масонского братства. Отделения «Золотой Зари» были и вне Лондона. Например, храм Озириса в Уэстон-сью-пер-Мэре, Храм Гура в Брэдфорде, Храм Амен-Ра в Эдинбурге и Храм Ахатор, основанный Мазерсом в Париже в 1894 году. Некоторые храмы существовали недолго, другие — наоборот. Члены Второго ордена, число которых достигло в 1900 году шестидесяти, встречались в менее роскошных условиях: на Оукли-сквер, 26, неподалёку от железнодорожной станции Юстон, а затем на Блайт-роуд, 36. В Марк-Мейсон-холле арендовалась отдельная комната для особо важных церемоний.

Плата за посвящение составляла десять шиллингов. Ещё десять шиллингов уплачивались ежегодно в виде членского взноса. Во время собраний по рядам пускали шляпу для сбора пожертвований. Казной общества заведовал Мазере. В общество принималось большое количество новых членов, поскольку Мазерсу необходимо было как укреплять финансовое положение общества, так и наращивать своё собственное состояние. Однако значительная часть

принятых людей не задерживалась надолго. Большинство новых членов были выходцами из крупной буржуазии с более чем поверхностным представлением об иной реальности и о том, что в наши дни назвали бы лунатизмом или сумасшествием. Однако среди них было несколько искренне заинтересованных и серьёзных людей.

Самым известным примером последних является У.-Б. Йейтс, который с подросткового возраста интересовался оккультизмом, особенно чёрной магией и сатанизмом, и основал свою собственную небольшую группу под названием «Герметическое общество», которая действовала в Дублине, пока Йейтс в 1887 году не переехал в Лондон. Впервые он встретил Мазерса в читальном зале Британского музея, где, как вспоминает Йейтс, он «часто видел человека лет тридцати шести — тридцати семи в коричневом вельветовом пиджаке с худым, решительным лицом и атлетическим телосложением, который казался, прежде чем ему стали известны его имя и род занятий, некой романтической фигурой». В марте 1890 года Мазере предложил Йейтсу вступить в «Золотую Зарю», а в январе 1893-го принял его во Второй орден, дав ему внутреннее имя *Frater Demon Est Deus Inversus* (Брат злой дух — Бог наоборот), что отвечало сатанинским представлениям Йейтса.

Как бы ни расширял границы «Золотой Зари» приток новых членов, столь же быстро нарастали и противоречия внутри общества. Вудфордумерв 1891 году, а Уэст-кот отошел от управления обществом, возможно, после того, как Мазере, самоуверенный автократ, вынудил его это сделать, но уж точно после того, как его работодатели сообщили ему, что членство в оккультном обществе несовместимо с должностью следователя. Как именно начальство Уэсткота узнало о том, что он состоит в тайном обществе, остаётся только догадываться, однако сам Уэсткот считал, что информация поступила от Мазерса, который, по-прежнему живя большей частью в Париже, пытался управлять своей паствой издалека при помощи регулярно отсылаемых распоряжений и энциклик. Адептам, получающим магическое знание от Мазерса, полагалось подписывать обещание в личном повиновении ему до тех пор, пока они не продвинулись в магическом искусстве. Многие соблюдали это предписание, но никакого повышения в отношении их не следовало, тогда некоторые начинали подозревать, что магические знания и сила Мазерса не безграничны. Встречались и такие, кто не был готов слепо подчиняться и хотел знать, на что идут деньги членов общества, были и пуристы, которые сомневались в подлинности ритуалов. Добровольные уходы, а также исключения из общества стали частыми и провоцировали волнения.

Мазере раздражал всех. С ним поссорилась даже Энни Хорнимен, и в декабре 1896 года она была исключена из общества за неповиновение. Энни,

недовольная тем, что Мазере был якобитом, его часто повторявшимися запоями и расточительством, прекратила оказывать ему финансовую помощь. Правда, для их разрыва была и другая, подспудная причина. Энни поссорилась с доктором Эдвардом Берриджем, гомеопатом и членом «Золотой Зари», и попросила Мазерса исключить его. Однако Берридж был другом Мазерса, и Мазере встал на его сторону. Группа членов общества ходатайствовала о том, чтобы Мазере не исключал Энни, но тот не внял этим просьбам. После исключения Энни у Мазерса начались серьёзные проблемы с деньгами, и он изо всех сил старался добыть их.

Один из способов, которым он зарабатывал себе на жизнь, заключался в торговле турецкими железнодорожными акциями. Другой — в публичном проведении магических церемоний. Всё началось с того, что однажды вечером Мазерсу явилась египетская богиня Изида и повелела ему рассказать людям о её божественности. Мазере превратил одну из комнат своей квартиры на улице Моцарта в храм богини Изиды и начал устраивать там театрализованные церемонии, во время которых он был одет в длинную белую мантию, опоясанную ремнём с выгравированными на нём знаками зодиака, на его щиколотках и запястьях красовались священные браслеты, а через плечо была перекинута шкура леопарда. Тем временем Мойна надевала мантию из шифона, конусообразную египетскую шапку. Её голову венчал цветок лотоса. Поначалу эти представления проводились только для друзей, но вскоре один журналист посоветовал Мазерсу сделать церемонии публичными. Вероятно, выиграв битву со своей совестью, Мазере согласился. Для своих представлений он арендовал маленький Театр Бодиньер с камерной атмосферой, располагавшийся по адресу улица Сен-Лазар, 18. На сцене возвышалась огромная статуя Изиды, окружённая изображениями менее значительных божеств. Перед статуей располагался алтарь, а на нём — тибетская лампа, в которой горело неугасимое пламя.

Иерофант Рамзес (Мазере) появлялся из-за кулис, держа в руках цветок лотоса и трещотку, которой он тряс. Стоя около алтаря, он произносил несколько заклинаний из египетской Книги мёртвых, и Верховная жрица Анари (Мойна) приступала к материализации и вызыванию Изиды. Затем следовал финал, во время которого французская танцовщица исполняла Танец Четырёх Стихий. Не осталось никаких данных о том, сколько таких представлений было дано и сколько денег они принесли Мазерсу.

Кроули был принят в общество «Золотая Заря» в качестве неопита в Марк-Мейсон-холле 18 ноября 1898 года. В момент вступления он был уверен, что здесь он сможет проникнуть в тайны бытия и страстно желал найти в этом обществе систему, которая дала бы направление его магическим устремлениям.

Остальное, как он считал, должно было прийти с опытом.

Он проходил обряд посвящения со всей искренностью и серьёзностью, приличествующими этому случаю, хотя тот факт, что церемония проходила в здании масонской ложи, разочаровал его. Его насторожило и то, что члены общества, как оказалось, в основном были обычными буржуа. Однако эти небольшие недостатки были смягчены самим событием. Ритуал выглядел впечатляюще и содержал, по убеждению Кроули, настоящие магические формулы и заклинания. Сквозь призму священной природы этой церемонии Кроули увидел себя входящим в Тайную церковь святого Грааля.

Перед началом этого волнующего ритуала Кроули одели в просторную мантию, доходившую ему до лодыжек, голова его была целиком закрыта шапкой, а талия подвязана трижды обёрнутой вокруг неё верёвкой. К его правому запястью была также привязана верёвка, конец которой держал проводник. Этот человек должен был провести Кроули по ступеням обряда. Затем его ввели в храм, где на его руки и мантию начали брызгать водой и воскурять вокруг него ладан. Потом с лицом, по-прежнему закрытым шапкой, его подвели к алтарю, перед которым он встал на колени и дал клятву хранить тайну ордена и соблюдать законы братства. Этого требовал обряд. Заключительная клятва угрожала новичку ужасной смертью, в случае если он нарушит первые две. После того как завершился обход храма, шапка была снята. Теперь к Кроули обратились три мага, которые официально приняли его в «Герметический орден "Золотой Зари"». По завершении этого этапа Кроули сообщили секретные знаки общества, рассказали о принятой в обществе манере рукопожатия и особенной походке. Затем имело место грубое подобие таинства причащения, и церемония закончилась. Сходство этого обряда с ритуалом вступления в масонскую ложу никак не назовёшь поверхностным. Эти церемонии совпадают даже в отношении заключительной клятвы, согласно которой вступающий в орден должен хранить тайну. Если бы Кроули знал об этом, он, возможно, был бы ещё более разочарован.

Во время обряда Кроули было дано магическое имя, которое, как обычно и бываете большинством таких имён, больше напоминало девиз. Его назвали Пердуррабо, что означает «Тот, который пребудет». Имя оказалось пророческим, хотя большая часть церемонии, как стало понятно со временем, прошла напрасно. Кроули нарушил почти все свои клятвы, однако так никогда и не подвергся ужасной смерти от грома и молнии.

По окончании церемонии Кроули был представлен своим товарищам по обществу «Золотой Зари». Они оказались явно ниже его. По мнению Кроули, почти все они представляли собой «жалкое сборище ничтожеств; члены Ордена

оказались такими же вульгарными и заурядными, как и любая другая группа обычных людей». Только Джо-унс и Бейкер имели образование и были сведущими в науках. Тем не менее несколько человек выделялись среди обывательской серости остальных. Это были У.-Б. Йейтс, Флоренс Эмери — известная актриса со сценическим псевдонимом Флоренс Фарр, А.-Э. Уэйт, издатель Алд-жернон Блеквуд и писатель Артур Мейчен тоже состояли в обществе, хотя и не всегда активно участвовали в его жизни.

Можно предположить, что пренебрежительное отношение Кроули к остальным членам «Золотой Зари» являлось типичным проявлением его самомнения, и, возможно, это так и есть, но существуют и другие отзывы о них, как о пёстрой толпе ничтожеств. Мод Гонн, ирландская патриотка и фенианская националистка, в которую был влюблён Йейтс и которая вступила в «Золотую Зарю» в 1891 году, высказывалась о членах общества как об «ужасной компании». Флоренс Фарр держалась, несомненно, другой точки зрения. Занимая в обществе официальный пост и являясь бывшей любовницей как Йейт-са, так и Джорджа Бернарда Шоу, она, как рассказывали, была не в состоянии отклонить хоть какое-то из делаемых ей предложений и находилась в сексуальной связи с несколькими членами общества, включая, по слухам, и самого Кроули.

Однако Кроули постигло и ещё одно разочарование, касавшееся уровня тайных знаний, которые ему давали в Обществе, и содержания «Разъяснительных лекций», которые он должен был посещать. Оказалось, что со значительной частью этой информации он уже знаком. И дело здесь не в самоуверенности Кроули. Он потратил месяцы на изучение литературы по магии, и ему были известны источники и происхождение того материала, который давали на лекциях. Более того, он обнаружил, что то, чему его «учили», можно легко прочесть в книгах, был бы только интерес и желание.

Благодаря предварительной подготовке, энергии, жажде к познанию, способности быстро обучаться, Кроули стремительно продвигался по ступеням Ордена. Через месяц он стал зелатором, через два — теоретиком, а к февралю 1899 года — практиком. Поскольку правила требовали трёхмесячного перерыва, его не производили в философы вплоть до мая. После этого он мог бы быть немедленно посвящен во Второй орден, но такое повышение требовало семимесячного ожидания и специального приглашения: автоматический перевод был невозможен.

Таким образом, в этот момент возникла временная остановка в его продвижении по магическому пути. Тогда Кроули направил своё внимание на Операцию Абрамелина, которую называют также Операцией тайной магии

Абрамелина. Цель этого раздела магии заключалась в получении знаний об Ангеле-хранителе и во вступлении во взаимодействие с ним, что, в свою очередь, являлось средством познания себя. Джоунс одолжил Кроули экземпляр книги Мазерса об Абрамелине, а также проинструктировал его относительно первоначальных шагов Операции.

Информацию о волшебнике Абрамелине Мазере обнаружил в одном из манускриптов, хранившихся в парижской библиотеке Арсенала. По словам Мазерса, манускрипт о магии Абрамелина представлял собой книгу, написанную Авраамом Евреем в 1458 году. Он обучался оккультным наукам, подобно многим образованным евреям XV века, и однажды отправился в Египет, чтобы найти себе учителя по тайнам магии. Оказавшись на месте, он встретил другого еврея по имени Аарон, который, в свою очередь, рассказал ему о существовании мага Абрамелина, который, живя в Арачи, якобы обладал большими знаниями в оккультных науках. Авраам Еврей поехал туда и стал учеником Абрамелина. Впоследствии, уже став опытным магом, он написал книгу, собрав туда всё, что узнал от учителя. Эта книга была переведена на французский около 1700 года. На неё-то и наткнулся Мазере и перевёл с французского на английский. Мазере был не первым, кто изучал книгу Абрамелина. Её читали Альфонс Луи Констан, который под псевдонимом Элифаса Леви заложил основы вновь возродившегося интереса к магии в XIX веке, а также Эдвард Роберт Бульвер, второй барон и первый граф Литтон, романист и наместник короля в Индии.

Эта книга считалась самым значительным из магических трактатов, и Кроули был о ней очень высокого мнения. Он начал понимать, что большинство ритуалов были либо выдуманными, либо переделанными из старинных католических или иудейских обрядов. «Книга тайной магии волшебника Абрамелина», как она называлась, представляла собой исключение. Эта книга, — писал Кроули, —

написана благородным стилем. Она абсолютно ясна; она не требует ни соблюдения причудливых деталей ритуала, ни даже обычных вычислений. В ней нет ничего, что раздражало бы ум. Наоборот, описанные в ней действия в высшей степени просты. А предлагаемый метод находится в полном соответствии с этими действиями. Там есть — это правда — определённые предписания, которых необходимо строго придерживаться, но они касаются лишь соблюдения правил хорошего тона при проведении столь величественной операции. Магу следует поселиться в доме, где отсутствие шума и суеты было бы гарантировано; после этого не нужно делать практически ничего — лишь с возрастающим усердием и сосредоточенностью в течение шести месяцев уповать на получение доступа к Знанию об Ангеле-хранителе и на общение с

ним. Как только Ангел-хранитель появляется, необходимо сначала вызвать Четырёх Великих Князей Мирового Зла; затем — восьмерых вице-князей и наконец триста шестнадцать их слуг. Заранее следует заготовить несколько талисманов, заряженных силой этих духов. Используя правильные талисманы, можно добиться практически чего угодно.

В магии существует два раздела. Один заведует силами добра, другой — силами зла. Это отражено в терминах «белая» и «чёрная» магия соответственно. Звание «чёрного мага» применимо к тому, кто использует свои магические силы для достижения эгоистических или злых целей. Абрамелин учил, что силы доброй (белой) магии имеют превосходство над чёрными, сатанинскими силами и что все явления суть результат действия сил зла под влиянием добрых сил. Тем не менее иногда злые силы выходят из-под власти добрых и несут с собой разрушения. Находясь на свободе, они могут заключать формальные соглашения с людьми, держа их у себя в рабстве. Человек, находящийся на полпути вверх по духовной лестнице и колеблющийся между добром и злом, одинаково подвержен влиянию как своего Ангела-хранителя, так и злого демона.

Чтобы не подвергаться риску со стороны сил зла, практикующий маг должен был вести безупречную жизнь, поддерживая при помощи молитвы и медитации связь с Ангелом-хранителем, чтобы тот наставлял его относительно противостояния силам тьмы, а также использования этих сил для добрых дел. Если мага постигала неудача, он оказывался под властью злых демонов, на него обрушивались страдания и он попадал в ад.

В магии Абрамелина имеются списки ангелов и демонов, которых следует вызывать, а также талисманов, могущих, среди прочего, воскрешать мёртвых, делать человека способным к мистическим полётам, возбуждать и успокаивать бури, находить или делать золото, разжигать страсти между людьми. Однако всё это было невозможно до тех пор, пока магу не явится его Ангел-хранитель и не обучит его магической методологии. Приготовление к этому событию занимает не меньше шести месяцев.

Идея Операции Абрамелина захватила Кроули, в том числе, как он предполагал, из-за одного случая из его жизни и сказанной в связи с этим фразы. Это случилось с Кроули в детстве, но запомнилось ему надолго. Кроули собирался куда-то ехать с родителями и оказался на железнодорожной станции. Какой-то из станционных носильщиков тащил на спине большой дорожный сундук. Сундук соскользнул, едва не попав на мальчика. Если бы сундук упал на маленького Кроули, он мог бы прибить его до смерти. Эдвард Кроули мимоходом заметил, что, вероятно, ангел-хранитель Алика уберёт его в

этот день. Теперь, когда он изучал магию, ему казалось, что фраза об Ангеле-хранителе была существенной.

С тех пор как Кроули покинул Кембридж, он жил у своей матери, если не считать времени, когда он путешествовал или останавливался в отеле «Сесиль». Теперь преследование магических целей требовало от него перебраться в отдельное жильё: едва ли он мог провести Операцию Абрамелина в своей комнате в доме матери. Поэтому Кроули снял квартиру по адресу Чансери-Лейн, 67/9, в лондонском Сити. В договоре об аренде квартиры он подписался как граф Владимир Сварев. Мотивом для этого обмана послужило, какой говорил, желание узнать, как люди относятся к представителям высшего сословия — в конце концов, о том, как они относятся к молодым буржуа, он уже знал. Кроме того, этим поступком он потворствовал своему самолюбию и романтическому воображению, и это был далеко не последний раз, когда он «присваивал» себе титул. Когда вышел новый сборник стихотворений Кроули, «Иезавель», он воспользовался своим новым псевдонимом.

Весной 1899 года, продолжая постижение магии и готовясь к Операции Абрамелина, Кроули познакомился с человеком, который оказал на его жизнь не меньшее влияние, чем Оскар Экенштайн. Речь идёт об Аллане Беннете.

Беннет был членом Второго ордена. Вступив в «Золотую Зарю» в 1894 году, он через год получил от Мазерса приглашение перейти на второй уровень Организации. Он родился в декабре 1872 года в семье инженера, который умер, когда его сын был ещё совсем ребёнком. Беннет воспитывался под присмотром матери, строгой католички. Беннет, наиболее уважаемый член «Золотой Зари», и Кроули встретились на одной из церемоний в Марк-Мейсон-холле. В продолжение обрядовой части вечера Кроули «осознавал близкое присутствие огромной духовной и магической силы», которая, как он понял, когда обряд был окончен, исходила от Беннета. Беннет пересёк зал, подошёл к Кроули и обвинил его в том, что он «связывается с Гозтией», под которой, как понял Кроули, он разумел злые магические силы. Кроули не принял обвинения, но и не отклонил его, возможно, потому, что он в тот момент уже работал над Операцией Абрамелина и чувствовал себя виноватым. Однако пронизательность Беннета произвела на него впечатление.

Беннет представлял собой загадочную и необычную личность. Свои тёмные волосы он носил зачёсанными вперёд так, что они закрывали лоб. Его глаза смотрели из-под густых бровей пронизывающим взглядом; у него был заострённый нос и бледная кожа. Впоследствии он стал брить голову, подчёркивая свою мистическую наружность. Он имел хрупкое здоровье и периодически страдал от жестоких приступов астмы. Чтобы противостоять

своей болезни, он периодически проходил курс лечения медикаментами. В начале каждого цикла лечения он принимал опиум внутрь, потом, через неделю или две, переходил на инъекции морфия. В какой-то момент он начал принимать кокаин, но, когда тот стал вызывать у него галлюцинации, заменил его вдыханием хлороформа. В результате приёма всех этих медикаментов закупорка лёгких устранялась, Беннет выздоравливал до следующего приступа астмы. Тогда весь круг повторялся.

Возможно, благодаря особенностям воспитания, а также своему постоянному болезненному состоянию, Беннет «считал наслаждения жизни (и прежде всего физическую любовь) дьявольскими иллюзиями, изобретёнными врагом рода человеческого, с тем чтобы завлечь души в порочный круг бытия». Так пишет Кроули, добавляя, что Беннет «никогда не знал радости; он всем своим существом презирал удовольствие и не верил в него». Этому была своя причина: когда Беннет подростком услышал правду о жизни, сама идея физического совокупления вызвала у него такое отторжение, что он решил, что Бог — это зло, и с тех пор верил, что доброта Бога — всего лишь миф.

Убеждённый в безнравственности Бога, он отверг католицизм своей матери и обратился к магии. В восемнадцатилетнем возрасте он достиг одной из наивысших ступеней мистического транса и решил, что он — буддист. У него была волшебная палочка из миндального дерева, увенчанная золотой пятиконечной звездой с бриллиантом. Кроме того, он никогда не появлялся без сияющей длинной стеклянной призмы, которую он использовал для насылания порчи. Однажды Кроули видел, как Беннет использовал её против одного теософа, усомнившегося в его магической силе. «Понадобилось четырнадцать часов, — сообщает Кроули, — чтобы этот недоверчивый человек пришёл в чувство и снова мог управлять своим телом и разумом». Помимо своего постоянного интереса к магии, Беннет, обучавшийся химии, обладал также глубокими знаниями об электричестве и считался знатоком индуистских и буддистских священных текстов.

Несомненно, Беннет был образованным человеком, с харизматическим типом личности и мощным интеллектом. Нет ничего удивительного в том, что Кроули тянуло к нему. Кроули понимал также, что Беннет может научить его магии лучше, чем кто-либо другой. К тому же он мог сделать это быстро. Кроули не терпелось научиться всему, чему только можно, тем более что он чувствовал: обучение в «Золотой Заре» шло не теми темпами, на которые он рассчитывал.

На следующий день после их знакомства Кроули отправился на квартиру к Беннету, который жил к югу от Темзы. Он был шокирован, когда увидел, что Беннет живёт в крайне стеснённых обстоятельствах дома у другого

Мартин Бут. Жизнь мага. Алистер Кроули

начинающего оккультиста по имени Чарлз Роше. Кроули, будучи состоятельным молодым человеком, предложил Беннету переехать в его, более удобную, квартиру при условии, если Беннет согласится быть его наставником в магических делах. Беннет принял приглашение.

Кроули был в восторге. Его поиски закончились. Теперь он нашёл такого учителя по магии, о котором мечтал. Как он напишет во втором томе своей полной автобиографии, опубликованной в 1929 году, теперь у него были все учителя, в которых он нуждался. Посвящение, предпосланное автобиографии, выглядит так:

Троим незабываемым людям.

Ричарду Фрэнсису Бертону, истинному пионеру духовных и физических свершений.

Оскарму Экенштайну, который научил меня следовать своему пути.

Аллану Беннету, который делал то, что мог.

Беннет переехал на квартиру Кроули и начал интенсивно заниматься с ним церемониальной магией. Кроули, сообразительный и любознательный ученик, обучался у Беннета искусству приобретать, осознавать и применять магическое знание. Вместе они совершали разнообразные церемонии, вызывали духов, изготавливали талисманы. До вступления во Второй орден Кроули не имел права доступа к рукописям Мазерса, но Беннет, в нарушение своей клятвы, дал ему копии этих рукописей.

Церемонии, которые проводили Кроули и Беннет, не очень различались по форме. Сначала маг вызывал нужного ему бога при помощи молитвы, прося, чтобы бог прислал соответствующего архангела. Как только архангел появлялся, к нему обращались с просьбой прислать ангела (или ангелов) соответствующей «сферы» — говоря непрофессиональным языком, той области духовного мира, которой управлял вызванный бог. Когда же прилетал ангел, его просили предоставить доступ к духу, от которого, когда тот появлялся, маг мог потребовать нужных ему знаний или исполнения других своих желаний.

Помимо церемониальной магии, Беннетучил Кроули гаданию, каббале, искусству ясновидения и «духовидческому крику», геомантии, умению толковать символы и, что наиболее важно, использованию карт Тарой манипуляциям с ними. Это был исключительный курс обучения магии,

который упрочил магические навыки Кроули.

Очевидно, что они усиливали интенсивность своих магических занятий при помощи наркотиков. Нет сомнений, что Беннет использовал кокаин для достижения магических целей, поскольку он прямо писал об этом в своей записной книжке того времени. Будучи астматиком, он имел постоянный доступ к широкому спектру медицинских препаратов. Беннет применял свои лекарства для расширения границ сознания, как сказали бы хиппи 1960-х годов. Он стремился к этому и до встречи с Кроули, употребляя в пищу галлюциногенные растения и грибы.

Узнав от Беннета, что есть древняя традиция использования наркотиков для магических целей и что существует истинно магический наркотик, который может открыть двери сознания, Кроули пустился на поиски этого наркотика. На протяжении всей жизни он бесстрашно экспериментировал со всеми видами наркотиков, которые попадали в его руки, — от опиума и кокаина до гашиша и эфира, — ничто не могло сдержать его. Его пренебрежение к опасностям наркотической зависимости было таким же, каким когда-то было его пренебрежение к сифилису. Он придавал мало значения риску расшатать свою психику (или даже сойти с ума), которому он подвергался, как и любой человек, употребляющий наркотики. Во всём этом не было ничего незаконного: широкий ассортимент препаратов, которые сегодня считаются запрещёнными наркотиками, свободно продавался в аптеках по всей Великобритании, поскольку Закон об опасных наркотиках вступил в силу лишь в 1921 году. Кроули не боялся привыкания потому, как он говорил, что его нравственная чистота должна была защитить его. Кроме того, само понятие зависимости, считавшейся в те времена привычкой, было мало изучено.

Его поиски имели чёткую цель. Кроули хотел обнаружить химический препарат, способный освободить его душу, оставив её открытой для магического проникновения богов и духов. Поначалу Кроули не принимал наркотиков ради удовольствия: однако со временем возникло привыкание, и он стал употреблять их, потому что у него не было выбора.

Кроули был убеждён, что приём наркотического препарата — во всяком случае, правильного «магического» препарата — должен предварять любую магическую церемонию, поскольку наркотики позволяли наиболее легко достигать мистических состояний. Являлись ли эти состояния действительно мистическими или они представляли собой видоизменённое мировосприятие человека, находящегося под воздействием наркотика, преобразованием или картиной его души — это, вероятно, не имело значения. Что было важно, и особенно важно в случае Кроули, так это его вера в магическую сущность этих

состояний. Он извлекал пользу из того, как эти состояния заставляли его пересматривать свои базовые убеждения и ценности с новых позиций, заново постигать мир с точки зрения магии и мистики. Одной из главнейших целей его жизни было расширение границ сознания любыми средствами: по отдельности или в каких-либо комбинациях.

После переезда Беннета в квартире Кроули закипела магическая жизнь. В двух комнатах были устроены храмы: один белый, а другой чёрный. В первом находилось шесть зеркал размером по сорок восемь квадратных футов каждое, чтобы отражать силу любого заклинания и удерживать её в пределах комнаты. Второй же храм, в который Кроули, судя по всему, почти не входил, пока Беннет жил у него, и устроенный только для поддержания магического равновесия с первым, был лишь немногим просторнее, чем большой шкаф для посуды, вмещающий маленький алтарь, который опирался на фигуру негра, и человеческий скелет, который Кроули кормил кровью и мёртвыми воробьями. Целью Кроули было оживить скелет, но в этом он потерпел неудачу. В каждом из храмов на полу были начерчены магический круг и пентаграмма.

Описание того, какой эта квартира предстала бы постороннему взгляду, можно найти в рассказе Кроули «На развилке дорог»:

...Из полумрака лестничного пролёта с его холодными каменными ступенями девушка попала в розово-золотой дворец. Комнаты поэта были просты и строги в своей элегантности. Стены были оклеены японскими чёрно-золотыми обоями, посреди комнаты висела старинная серебряная лампа, внутри которой мерцал тёмно-рубиновый электрический свет. На полу чёрными и золотыми пятнами стлались шкуры леопардов, на стене висело большое распятие из слоновой кости и чёрного дерева... там находился скелет, чьи кости были покрыты застывшей кровью. Рядом был алтарь зла, круглый стол, поддерживаемый фигуркой негра из чёрного дерева и как бы стоящий на его руках. Над алтарём распространялся тошнотворный запах, зловоние, распространяемое жертвами злого бога, отравляло воздух. Они находились в крошечной комнате, и девушка, пошатнувшись, наткнулась на скелет. Его кости были нечисты; на них была скользкая слизь, перемешанная с кровью, как будто какой-то отвратительный обряд вот-вот должен был одеть его новой плотью.

Неудивительно, что квартира вмещала как злые, так и добрые силы. Кроули описал случай, как однажды вечером он и Джоунс вышли из квартиры, в то время как воздух в ней ещё трепетал от присутствия сил, которые они только что вызвали. Выходя на улицу, они заметили на ступенях дома полупрозрачные тени. Возвратившись через какое-то время, они встретили на лестнице чёрную кошку и нашли дверь квартиры открытой, мебель — разбросанной в

беспорядке, а по комнате маршировали полуматериализовавшиеся существа. И в этот момент, как написал потом Кроули, «началось веселье! Весь вечер по большому помещению библиотеки бесконечной процессией шествовали бесы; 316 из них мы сосчитали, описали, назвали и внесли в список. Это было самое необычайное и самое жуткое из происшествий, которые со мной случались». С тех пор те, кто входил в квартиру, жаловались на головокружение. Когда же Кроули решил наконец переехать, грузчики сказали, что чувствуют физическое истощение. Домовладельцу понадобилось много времени, чтобы найти нового квартиросъёмщика.

Неизвестно, как долго Беннет прожил в квартире Кроули, но, вероятно, они жили вместе вплоть до начала 1900 года. Беннет почти всё время болел, проводя дни в постели в состоянии частичного оцепенения, причиной которого было употребление наркотиков. Кроули часто наблюдал, как он просыпался, тянулся за своей губкой и бутылкой с хлороформом и снова засыпал. Посоветовавшись с Джоунсом, Кроули пришёл к убеждению, что Беннету необходимо уехать из Англии, чтобы восстановить здоровье в более тёплых климатических условиях. Беннет не был против отъезда за границу. Он верил, что его судьба — это Восток и буддизм. Однако у него не было денег на билет. А Кроули не собирался платить за него. Он считал, что платить за друзей — значит ослаблять дружбу, и редко помогал друзьям деньгами. И это несмотря на то, что он мог быть очень щедр в материальном отношении: ведь он по меньшей мере на восемь месяцев приютил у себя Беннета.

Решив помочь Беннету, если не деньгами, то собственными действиями, Кроули и Джоунс вызвали духа по имени Буэр, который обладал способностью исцелять больных. Им удалось вызвать образ духа, и они страстно попросили его об исцелении Беннета. Через несколько дней они получили ответ на свою просьбу. Кроули пришло письмо от женщины по имени Лора Хорниблоу, с которой у него когда-то был роман. В полной автобиографии он написал на полях напротив описания этого эпизода: «Девять раз я поцеловал свою любовь, когда она спала», а ниже добавил: «Алистер Кроули (для Лоры Х.)». Эта женщина, которую Кроули описывает как «обольстительную сирену», была женой полковника, служившего в Индии. Свой роман с ней Кроули прекратил, когда начал работать над Операцией Абрамелина: в это время было необходимо сохранять целомудрие. Теперь Лора писала, что хочет продолжить отношения.

Получив письмо, Кроули решил встретиться с ней. «Я не могу вспомнить, — писал он впоследствии, — как мне пришло в голову сделать то, что я сделал, но я отправился на встречу с ней. Она умоляла меня вернуться к ней и обещала сделать всё, что я захочу». Кроули, увидев удачный шанс, сказал ей, что прежде

она вела себя эгоистично и должна загладить свою вину. Он попросил её дать ему сто фунтов, добавив, что они нужны не для него, а для другого человека, имени которого он не может ей назвать. Женщина покорно отдала деньги и, по выражению Кроули, «спасла для человечества одну из самых ценных жизней нашего поколения». Билет для Беннета был куплен, и в самом начале 1900 года он официально вышел из рядов «Золотой Зари» и, покинув Великобританию, отправился на Цейлон в Коломбо.

С этой истории связано и ещё кое-что. Когда Лора Хорниблоу отдала деньги, Кроули признал, что и он вёл себя как эгоист, выдвинув свои нужды на первый план по сравнению с её потребностями. «Она, — писал он, — совершила щедрый и великодушный поступок; я должен был ответить ей тем же». И вот в качестве вознаграждения он на две недели увёз её в Париж, где она, как утверждает Кроули, просила его подарить ей живую память об их любви. Кроули сообщает, что согласился, на время оставив мысли об Абрамелине, но так как он никогда не углублялся в подробности этой поездки, её достоверность вызывает сомнение. Однако можно сказать точно, что Кроули не испытывал ни малейших уколов вины, обращая со своей любовницей таким образом.

Влияние Беннета на Кроули невозможно переоценить. Он помог ему продвинуться в изучении магии. Перед своим отъездом Беннет оставил Кроули большую часть своих записных книжек с заметками о магии. Водной из них содержалось начало каббалистического словаря, где священные слова были записаны не в алфавитном порядке, а согласно их числовым значениям. Однако, когда влияние Беннета закончилось, Кроули, казалось, забросил свои занятия и, как будто в противоречие им, принялся за изучение наименее приятных сторон оккультизма — чёрной магии. Он всё ещё находился под впечатлением оттого случая, когда они с Джоунсом вызвали марширующих демонов; и временами даже у тех церемоний, что проводились в белом храме, появлялся мрачный подтекст.

Не только Лора Хорниблоу отвлекала Кроули от Операции Абрамелина. Летом 1899 года он поехал в Альпы с Оскаром Экенштайном. Во время путешествия он познакомился с известным альпинистом Томом Лонгстаф-фом, который назвал манеру скалолазания, демонстрируемую Кроули, нетрадиционной. «Я видел, как он, — вспоминал Лонгстафф в своей книге об альпинистских подвигах под названием "Моё путешествие", опубликованной в 1950 году, — взбирался по очень опасному и трудному ледяному склону Мер-де-Глас, пониже Геан. Он делал это в одиночку, просто в виде лёгкой прогулки. Вероятно, это был первый, а может быть, и вовсе единственный раз, когда этот сумасшедший, опасный, очень сложный маршрут был пройден». В то же время Кроули и Экенштайн демонстрировали изобретение Экенштайна под названием

«когти», аналог современных «кошек», которые их автор стремился усовершенствовать. Это приспособление позволяло легко взбираться по ледяной поверхности с уклоном семьдесят градусов без необходимости вырубать во льду ступени. Однако не все были убеждены в пользе и безопасности этого устройства, и оно не получало широкого распространения вплоть до 1908 года.

Помимо занятий скалолазанием в Альпах, тем летом Кроули посвятил некоторое время путешествиям по Шотландии и Озёрному краю. Он и там немного занимался альпинизмом, но у его путешествий был и другой, скрытый мотив. Он искал чего-то. Чего-то особенного.

ГЛАВА 5

Место в горах

Для совершения Операции Абрамелина Кроули должен был найти помещение, которое могло бы служить магическим домом. Квартира на Чансери-лейн не удовлетворила бы Абрамелина, который требовал особенного, уникального места, специально посвященного ему. Желательно было, чтобы храм для проведения обряда представлял собой отдельно стоящее здание с главным входом, расположенным с северной стороны. Перед дверью главного входа должна была располагаться терраса, посыпанная мелким песком, а на краю террасы должно было быть небольшое помещение, где могли бы собираться злые духи. Окна дома должны были выходить на все стороны света, чтобы наблюдать за этими злыми духами и не позволять им приближаться до появления Ангела-хранителя.

У Кроули было достаточно денег, чтобы купить такой дом, если бы он нашёл подходящий. Он тщательно искал его по всей Великобритании, но всё было напрасно вплоть до конца августа 1899 года. Как-то остановившись неподалеку от Фойерс, на южном берегу озера Лох-Несс, Кроули внезапно увидел идеальное здание. Оно называлось Болескин-Лодж или, по-гаэльски, Байль океан, что означает «кусадьба в горах».

Хотя Кроули называл этот дом поместьем, на самом деле Болескин представлял собой красивое, основательное здание с двумя двухэтажными крыльями, соединёнными одноэтажной перемычкой, в которой располагались прихожие основных входов и длинный коридор, тянувшийся по всей длине дома. Этот дом с колоннами и пышным главным входом, расположенным, правда, не с северной стороны, был построен у дороги, на которой и по сей день в иных местах не могут разминуться два автомобиля. От фасада к озеру

шёл крутой склон, с которого открывался потрясающий вид на берега и водную гладь, в то время как с задней стороны дома на 150 футов вверх отвесно вздымались скалы, переходящие затем в небольшую долину под названием Гленн-Лиат. Кроме основного здания, там были маленькая каменная сторожка, отдельный дом для прислуги под названием Браун-Лодж, расположенный ближе к дороге, сарай для лодок на берегу озера и гараж для колясок и экипажей. Площадь приусадебной земли составляла около тридцати четырёх акров. На части этого участка был разбит сад, но в основном земля была занята лугом, пастбищем, вересковой пустошью и лесом.

Наведя справки о том, кому принадлежит этот дом, Кроули узнал, что его владелицей была женщина по имени Мэри Роуз Бертон. Кроули нанёс ей визит. Объявив о своём желании купить Болескин, Кроули услышал в ответ, что дом не продаётся. Тогда Кроули предложил за него такую сумму, отказаться от которой было бы безумием. 17 ноября 1899 года Кроули, заплатив 2300 фунтов плюс ещё 700 (в качестве налога на собственность), вступил во владение тем, что в договоре значилось как «участок земли, являющийся частью имения Ловат, представляющий собой старые пахотные земли графства Болескин и находящийся на территории графств Болескин и Абертарф».

Цена, заплаченная Кроули, по меньшей мере вдвое превышала истинную стоимость поместья. Приобретено оно было на имя Алистера Мак-Грегора, проживающего по адресу: Париж, улица Моцарта, 87 — это был адрес Мазерса.

Здание, приобретённое Кроули, было ориентировано с северо-востока на юго-запад. Юго-западную часть дома Кроули отвёл для своих магических занятий, расположив необходимую для них северную дверь в эркере, перед которым устроил требуемую террасу, посыпанную песком с берега озера. Внутри комнаты, которая служила храмом, он установил свою молельню, деревянную конструкцию с подвешенными в ней зеркалами из лондонской квартиры.

Обосновавшись в доме, Кроули усвоил себе манеры и привычки шотландского помещика и начал вести соответствующий образ жизни. Он ловил лососей в озере, стрелял куропаток зимой 1899–1900 годов, а в остальные времена года охотился на кроликов и просто упражнялся в стрельбе. Кроме того, он бродил по горам и выслеживал оленей. Однажды шторм застал его на озере в вёсельной лодке, недалеко от своего берега, но его несколько раз относило на другой берег, где от дома его отделяла одна миля птичьего полёта, и в то же время ему пришлось бы преодолеть тридцать миль, если идти пешком или ехать в экипаже. Он хотел натренировать одну из трёх своих собак, леди Этельдреду, сопровождать его во время занятий скалолазанием, но этот план провалился, потому что собака беспокоила овец горных скотоводов и её

пришлось отправить в Лондон. Когда наступила зима и выпал снег, Кроули начал ходить на лыжах по вересковым пустошам и горным долинам. Кроме того, он нанял привратника-кучера, дворецкого вместе с другими необходимыми в доме слугами и непрерывно принимал гостей. В случае надобности Кроули приглашал и кондитера.

Подобно Мазерсу, Кроули начал носить одежду шотландских горцев, в том числе юбку-шотландку, перешитую из шотландки Мак-Грегора. Он восхищался Мак-Грегорами, считая их «самым царственным, несправедливо оклеветанным, романтичным, храбрым и одиноким из родовых кланов». Приписывая себе это имя, Кроули, возможно, вспоминал о своих детских играх с кузеном Грегором, в которых ему доставалась роль знаменитого вождя по имени Роб Рой. Поскольку Кроули на протяжении всей своей жизни питал неприязнь к нижнему белью, нет сомнений, что свою шотландку он носил традиционным образом. Он предпринимал всевозможные шаги, чтобы приобрести привычки и манеры, подобающие его новому титулу. Он называл себя Алистером Кроули Мак-Грегором (иногда просто Алистером Мак-Грегором), лордом Болескина и Абертарфа, хотя позднее этот титул был сокращён до более простого и более выразительного лорда Болескина. На его бумаге для письма появилось тиснение в виде позолоченной буквы «Б», увенчанной короной; его почтовая бумага была украшена фамильными гербами и изречением на санскрите.

На протяжении всей своей жизни Кроули притязал на дворянство, называя себя сэром Алистером Кроули. Никто точно не знает, от чего это пошло, но Кроули утверждал, что, учась в университете, он состоял в тайной организации карлистов, мечтавших вернуть дону Карлоса на испанский трон. Будучи членом этой организации, Кроули якобы прошёл военную подготовку и был произведён во дворянство, вероятно, кем-то из знатных сторонников дона Карлоса. В автобиографии Кроули несколько раз упоминает об этом, но нигде не даёт точных и полных сведений. А поскольку многие движения карлистов прекратили свою деятельность ещё до того, как Кроули мог присоединиться к ним по времени своего рождения, велика вероятность, что этим скромным умолчанием он хотел загладить свою ложь (а ещё более вероятно, шутку).

Несмотря на то что Кроули несколько раз самовольно награждал себя дворянским титулом, он испытывал сильную неприязнь к настоящим дворянам. В какой-то момент он пришёл к убеждению, что слишком многие удостаиваются дворянства, что рыцарская честь обесценивается, что дворянами становятся слишком обыкновенные люди, например кинозвёзды. «Когда еврей-выкресты и какие-то шуты садятся за обеденный стол прежде джентльменов, последним пристало бы вовсе отказаться от обеда», — заявлял он. Дворянство подразумевало обязанность «быть человеком чести, принявшим обеты —

бороться за справедливость, служить человечеству, защищать несчастных и угнетённых, культивировать в себе храбрость и добродетель». По мере того как его известность росла, он, как утверждает молва, в разное время звал себя также герцог Мидлсекс, граф фон Зонарев (что, возможно, соответствует неверно услышанной фамилии Сварев) и королём Ирландии. Остаётся только догадываться, какие из этих титулов действительно были его псевдонимами, а какие были выдуманы редакциями бульварных газет на потребу публике.

Появление Кроули в Болескине взволновало местных жителей, но проблема, во всяком случае поначалу, заключалась не в его магических занятиях. Что по-настоящему беспокоило соседей, так это ночные прогулки Кроули по окрестностям. Однажды рано утром он обнаружил у себя на пороге бутылку с самодельным виски — молчаливую просьбу не доносить чиновникам из акцизного управления о существовании в горах нелегальных винокуренных заводов. Винокуры волновались напрасно. Отношение Кроули к законодательству было двойственным. С одной стороны, закон защищал обиженного и восстанавливал справедливость, но в законе было и много глупого, поскольку он диктовал мелочные правила для того, чтобы мешать безобидным занятиям невинных людей, нередко делая из мухи слона и заставляя хороших людей прибегать к уловкам и ухищрениям.

Среди постоянных гостей Кроули были его друзья-альпинисты, которые приезжали, чтобы заниматься скалолазанием. Частым гостем был и Оскар Экенштайн, в тот момент увлечённый идеей полётов и летательных аппаратов. Совместно с учёным-математиком из Тринити-кол-леджа Гилбертом Томасом Уолкером (известным современникам как Уолкер-Бумеранг) Экенштайн сконструировал несколько бумерангов различной формы, что придавало им очень необычные летательные свойства. Уолкер с Экенштайном и Кроули даже оборудовали на крутом склоне одного из холмов поблизости от Болескина специальный спуск, напоминающий лыжный трамплин. Предполагалось, что кто-то из них на полной скорости помчится с этого склона на велосипеде, снабжённом специальными крыльями, чтобы проверить, сможет ли он парить. У берега озера должна была ждать лодка, чтобы вытащить и человека, и велосипед. К счастью, этот план так и не был реализован.

Среди гостей Кроули была, возможно, и Лора Хор-ниблоу. В записях Кроули говорится о женщине, которую он когда-то «осчастливил» и которая теперь приехала, чтобы остаться у него до весны 1900 года, когда, как он надеялся, его обязательства по отношению к ней закончатся. Подразумевается, что она была беременна, но едва ли это соответствует истине. Как бы то ни было, она гостила в Болескине недолго и вернулась в Лондон.

Мартин Бут. Жизнь мага. Алистер Кроули

Кроули наслаждался жизнью в Болескине. Это место было идеально приспособлено для магических целей, оно позволяло ему вести помещичью жизнь (во всей её полноте) и предоставляло широкие возможности для развлечений. Но здесь было и многое другое. Кроули испытывал

благоговейный трепет перед впечатляющими пейзажами этих мест, перед острыми, тёмными холмами, угрюмыми водами одного из глубочайших пресных озёр в Европе, считающегося обиталищем доисторического чудовища, перед зубчатыми развалинами замка Уркварт, находящегося в трёх милях от Болескина на косе противоположного берега озера. Всё отвечало романтическим представлениям Кроули о своих предках. В одном из стихотворений Кроули обобщает свои впечатления от Болескина. Озаглавленные «Отшельнический гимн одиночеству», стихи включают такие строки:

Я сидел на мшистом мысе,
Где каскад рассек породившую его скалу,
И умчался к стремительной светлой пене,
И сиянием крутится он на просторе
И неутомимым священным ударом
Стремится завлечь и запереть
В дикую ласку изумительных водоворотов...

Стихотворение посвящено водопаду Фойерс, расположенному в полутора милях от Болескина. Этот водопад послужил также причиной протеста, который Кроули выразил «Британской Алюминиевой Компании», планировавшей использовать этот водопад, чтобы вырабатывать электроэнергию для своего завода в Форт-Августине. Формулируя идеи, значительно опережающие своё время, Кроули бушевал: «В погоне за деньгами делается всё, чтобы надругаться над природой и уничтожить её». Несмотря на его протесты, этот план всё же был осуществлён.

Хотя Кроули играл роль помещика, истинной целью его жизн Кроме того, я даю торжественное обещание и клянусь: овладеть этой Священной Наукой так, как то предписано книгой Абрамелина, не пренебрегая ни одной даже мельчайшей деталью её содержания; не интерпретировать и не комментировать

это знание в отношении того, что является возможным, а что — невозможным, не использовать эту Священную Науку с целью оскорбить великого Бога или причинить вред ближнему. Обещаю не передавать эту Науку никому из живущих, если только путём длительного взаимодействия и долгих бесед я не буду знать этого человека досконально и тщательнейшим образом не проверю, нацелен ли он на служение Добру или Злу. Я буду точно соблюдать и учитывать при своём обучении тот метод, который использовал Абрамелин по отношению к Аврааму. В противном случае пусть мои усилия останутся бесплодными. Как от скорпиона, буду я бежать от соблазна торговать этим Знанием. Да пребудет это Знание во мне и в моих потомках так долго, как это будет угодно Всевышнему.

Раздел магии, которым был занят Кроули, по преимуществу имел отношение к визионерству. В автобиографии он приводит примеры своих видений, одно из которых было таким:

Лёжа в постели, я вызвал Огненных ангелов и духов, значившихся в списке, назвав их по именам и т. д. и Шестой ключ. Затем я (в качестве Гарпократа) вошёл в свой кристалл. Ангел, который встретил меня, сказал мне в числе прочего, что духи (из списков) вели войну с ангелами тридцати эфирных небес, стараясь предотвратить квадратуру круга. Вместе с ним я отправился в обиталище Огня, но, вероятно, уснул по дороге. Как бы то ни было, очнувшись, я оказался в очень странном состоянии: часть моего сознания осталась там, а вторая часть была здесь. Я пришёл в себя и прогнал духов, но всё тело моё горело. Я метался на кровати — сонный, но в то же время охваченный Огнём! Только повторное, очень осторожное принятие божественной формы Гарпократа позволило мне вернуться в моё нормальное состояние. Потом мне снился длинный сон о женщине, с моей помощью спасавшейся от преследования, а затем о мужчине, который пытался украсть мою драгоценность в виде Розового Креста с туалетного столика в гостинице. Я схватил его, но он оказался гораздо мягче, чем обычный человек (его можно было как угодно согнуть или сделать плоским), а потом сон лишился всякой логики... Я носил его на себе, а потом нашёл расчёску, чтобы побить его ею, и т. д. и т. д. Спрашивается: находился ли я в состоянии одержимости? Призывая ангелов Земли, я достиг удивительного результата. Ангел, бывший моим проводником, отнёсся ко мне с глубочайшим презрением, вёл себя очень грубо и прямолинейно. Он показал мне разные вещи. В центре мира находятся Роза и Крест. Роза является символом абсолютного самопожертвования, слияния всего в нуле (отрицательного), Вселенского Принципа рождения через изменение (а не только при помощи женщины), и Вселенским Светом «Хабс». Крест же — это продолжение принципа Пехт. Итак, я узнал что-то новое, но моё внимание

было рассеяно. Так закончилось видение четырёх элементов, которые явились мне — увы! — в сопровождении слабости, глупости и безумия!

Другие этапы операции требовали, чтобы он спроецировал свой образ вовне и переместил в него своё сознание, тем самым сделав для себя возможными магические «путешествия», а также изменение облика. Интересно, что эти его путешествия зачастую были наполнены христианскими образами. По меньшей мере во время одного из них он превратился в распятого Христа.

Как и в своей лондонской квартире, в Болескине Кроули во время своих занятий встретился с необычными явлениями.

Когда я занимался изготовлением талисманов, квадратных кусочков пергамента с надписями, нанесёнными на них индийскими чернилами, а делал я это в самой освещенной комнате моего дома, мне приходилось использовать искусственный свет даже в самые солнечные дни. В комнате воцарялась темнота, которую можно было почти осязать. Более того, дом и терраса вскоре наполнялись призраками в форме теней. Они были, как правило, настолько вещественными, что почти не пропускали света. Я употребил слово «форма», но в строгом смысле здесь нельзя говорить о форме. Это явление трудно описать. Всё выглядело так, как будто у меня было какое-то нарушение зрения, как будто объекты, на которые я смотрел, вовсе не были объектами. Как будто бы они принадлежали к такому порядку вещей или состояли из такой материи, что воздействовали на человеческое зрение, но ничего не говорили ему своим видом.

Проведение Операции Абрамелина являлось рискованным делом, поскольку Кроули не был в состоянии управлять злыми духами, которые, вероятно, жили в сторожке на террасе. Эти духи — Ориенс, Паимон, Аритон и Амаимон — со своими тремя пажами вырывались на свободу, входили в дом и устраивали там свистопляску. Эта магическая активность затрагивала и других жителей дома. Чарлз Роше, который гостил в Болескине, не смог вынести всего этого: он уехал однажды утром, даже не попрощавшись с хозяином дома и сев на первый же пароход, шедший из Фойерс в Инвернес. Впоследствии они с Кроули не общались в течение многих лет, а пережитое в Болескине и вовсе никогда не упоминалось. Человек, сменивший Роше, поскольку Кроули нуждался в партнёре для своих занятий, тоже бежал в панике, а когда Кроули случилось отлучиться на десять дней, Лора Хорниблоу также воспользовалась возможностью и обратилась в бегство.

За этим последовали и другие происшествия. Одно из них было связано с привратником-кучером. Однажды Кроули вернулся домой после охоты на

кроликов и обнаружил в своём кабинете католического священника, который сообщил ему, что несчастный человек, который уже много лет не брал в рот спиртного, внезапно напился пьяным и попытался убить свою семью. Женщина-ясновидящая, приехавшая из Лондона, занялась проституцией, экономка сбежала под покровом ночи, один из рабочих, приглашённых для проведения небольшого ремонта в доме, обезумел и попытался убить Кроули, а мясник в Фойерс, разделывая тушу, нечаянно перерезал себе артерию, истёк кровью и умер. Этот последний несчастный случай кажется не очень достоверным. Говорили, что Кроули то ли наслал на мясника порчу в наказание за то, что тот плохо работал, то ли по рассеянности написал имена двух демонов на счёте из мясной лавки. А согласно другой версии, в случае с мясником был и вовсе виноват кто-то другой.

Несмотря на занятость магическими делами, Кроули уделял немало внимания своей литературной карьере, написав несколько произведений, в том числе «Воззвание к Американской Республике», вдохновлённое встречей с двумя американцами в поезде Женева — Париж, «Carmen Saeculare», плод какого-то из его видений, затем написанный под влиянием Бодлера «Храм Святого Духа», «Трагедия Матери» (стилистическая смесь Булве-ра Литтона и Ибсена) и «Роковая сила». Сюжет последней заключается в том, что некая верховная жрица становится женой собственного сына и рождает от него мальчика с целью сконцентрировать собственную оккультную силу в своём потомстве. Это не было оригинальной идеей, как выяснил Кроули позже, прочитав книги Элифаса Леви, который сообщает, что подобным образом поступали древние персидские маги. Но то, что ему пришла в голову та же идея, которая когда-то посетила Леви, в совокупности с другими обстоятельствами, например с тем фактом, что в момент смерти Леви Кроули был трёхмесячным плодом во чреве матери, привело Кроули к убеждению, что он является новым воплощением этого француза.

После публикации в 1901 году «Души Озириса», написанной в 1900-м, Кроули начал получать серьёзные критические отзывы на свои произведения. *New York Nation* высказалась о них с похвалой, так же как и *Western Morning News*, которая заявила, что Кроули — многообещающий поэт, но его «дарованию ещё предстоит раскрыться в полной мере». Г.-К. Честертон, чья счастливая звезда как раз в это время быстро всходила на литературном небосклоне, написал длинную статью в *Daily News*, из которой следовало, что Кроули — сильный, одарённый поэт, но заканчивалась статья нелицеприятно: Честертон выражал надежду, что «Кроули пересмотрит своё высокое мнение о Храме Озириса и посвятит себя работе более возвышенной и более благодатной для человеческого воображения — воспеванию Брикстонской Капеллы».

Однако, несмотря на все эти похвалы, постоянным желанием Кроули оставалось продвижение по иерархической лестнице «Золотой Зари», и в назначенное время он обратился с просьбой об этом к У.-Б. Йейтсу и другим старшим членам общества. Однако по настоянию Йейтса ему отказали. Йейтс недолго любил выскочку, осуждая Кроули за проведение церемоний, которые, по его мнению, никто не имел права проводить до вступления во Второй орден. Кроме того, Кроули не нравился Йейтсу как человек и до Йейтса, несомненно, дошли слухи, что Беннет предоставил Кроули доступ к тому, что он называл «закрытыми» документами.

Захваченный этим отказом врасплох, Кроули возразил, что повышение разрешил ему сам Глава, то есть Мазере. Он лгал. Но как бы то ни было, это не подействовало, поскольку Йейтс и другие лондонцы находились в конфликте с Мазерсом, жившим в Париже, и сговорились против Кроули, которого Йейтс называл отвратительным дегенератом, основываясь в своём мнении на слухах о гомосексуализме Кроули.

Во время работы над магической Операцией Абра-мелина Кроули вёл дневник, который назвал «Книга Операции Тайной Магии Волшебника Абрамелина, в которой излагаются события моей жизни с пометками о ходе Операции, Пердурabo, скромно Надеющийся». В записи, сделанной им 24 февраля 1900 года, чувствуется тревога. Здесь он описывает ряд событий, которые начались за несколько месяцев до этого, в ноябре. Незадолго до того, как Кроули поселился в Болескине, Лора Хорниблоу получила анонимное письмо, в котором говорилось, что Кроули находится под надзором полиции, и давался совет держаться от него подальше. Примерно в это же время женщина по имени Эвелин Холл, с которой Кроули находился в любовной связи, показала ему такое же предупреждение. Вполне возможно, что полиция завела дело и собирала улики, чтобы привлечь к ответственности Кроули и других подозреваемых в гомосексуализме. Нет сомнений, что Кроули постоянно думал о гомосексуальных сношениях, даже когда не практиковал их. В том же самом дневнике он записал один из своих снов:

Я играл в бильярд и порвал сукно на столе. Я был с издателем, который как раз занимался моей книгой. Для издания он отобрал пьесу под названием «Трагедия короля» как особенно ценную. Он делал мне непристойные предложения. Я не соглашался ответить на них, пока мои книги не будут напечатаны. Его жена была потрясающей порочной женщиной. С тёмно-красным лицом, усами и бородой. В ней было смешение чёрной и белой расы. После ужина мы с ней отправились в обставленную на восточный манер комнату, и рабы принесли нам прекрасное вино. Одним из этих рабов был бледный пухлый мальчик с женской грудью. Я дотронулся до его ануса. Другой

раб сделал то же самое со мной. Затем, я думаю, последовала потрясающая оргия.

Не лишено оснований предположение, что Кроули избежал ареста просто потому, что как раз в это время переселился в шотландскую глушь.

Встретив сопротивление со стороны Йейтса, Кроули решил обойти этого ирландца и напрямую обратиться к Мазерсу. 13 января 1900 года он отправился в Париж, где Мазере согласился принять его во Второй орден: возможно, по той причине, что Кроули был многообещающим магом, возможно, потому, что хотел поставить на место Йейтса и лондонцев, а может быть, потому, что нуждался в деньгах, которые Кроули должен был заплатить за посвящение. Тремя днями позже, 16 января, Кроули стал абсолютно полноправным Младшим Адептом Второго ордена. Чтобы ещё больше досадить Йейтсу, Мазере сказал Кроули, чтобы он потребовал от Йейтса выдачи полагавшихся ему теперь документов.

После возвращения в Болескин 7 февраля, продолжая заниматься приготовлениями к Операции Абрамелина и время от времени катаясь на лыжах вместе с Экен-штайном, которого, казалось, совершенно не затрагивали отряды теней и духов, бешено носящихся по дому, Кроули написал в Лондон, прося выдать ему документы. Его адресатом была мисс Мод Крэкнелл, которая занимала в организации какой-то административный пост и которую Кроули впоследствии называл «старая лесбийская расщелина, которую невозможно заполнить». Мисс Крэкнелл повела себя неучтиво, оставив его письмо без ответа.

Тем временем в рядах «Золотой Зари» нагнеталась напряжённая атмосфера, поскольку посвящение Кроули во Второй орден усилило трения между Лондоном и Парижем. Деспотичный, скрытный параноик Мазере больше не доверял своим британским коллегам. Флоренс Фарр, которую Мазере сделал единственной своей представительницей в Лондоне в надежде, что женщина не станет содействовать его смещению, употребляла все свои дипломатические способности, чтобы успокоить волнения, но оказалась между двух огней. В затруднении относительно того, как ей поступить, она предложила закрыть лондонское отделение «Золотой Зари» и подала Мазерсу заявление об отставке. Но он отказался закрыть отделение: ему нужны были новые посвященные и деньги, которые они платили за своё посвящение. Что касается отставки, то она не потребовалась, поскольку Мазере исключил Флоренс Фарр из общества, обвинив её в ереси, якобы насаждаемой ею в «Золотой Заре».

По-настоящему сильно Мазерса беспокоило одно: что, если лондонское

отделение «Золотой Зари» сместит его с поста главы общества и назначит на этот пост Уэсткота?

Пытаясь это предотвратить, он написал Флоренс Фарр письмо, в котором говорилось, что Уэсткот — мошенник, выдумавший переписку с Анной Шпренгель, а возможно, и её саму. Тогда в «Золотой Заре» был создан специальный комитет для расследования этого вопроса: если бы это оказалось правдой, жизнеспособность общества и даже само его существование были бы поставлены под вопрос.

Постепенно конфликт приближался к своей высшей точке. 25 марта Кроули сообщили, что его вступление во Второй орден не будет признано законным и документов он не получит. Теперь ему стало ясно, что лондонское отделение «Золотой Зари» взбунтовалось против Мазерса. Нетрудно догадаться, что Кроули встал на сторону Мазерса, о котором он несколько льстиво отозвался в следующих выражениях: «Это маг, несомненно добившийся исключительных достижений. Это учёный и джентльмен. У него есть то ощущение собственного авторитета, которое вызывает доверие к нему, потому что оно никогда не ставит себя под сомнение. Человека, притязającego на то, на что притязал он, нельзя оценивать по обычным законам и канонам. Обыкновенная мораль годится только для обыкновенных людей». Кроули написал Мазерсу в Париж, предлагая ему предоставить в его распоряжение себя самоё и своё состояние, отказавшись на время от мысли о проведении Операции Абрамелина.

Язвительные и желчные письма продолжали пересекать Ла-Манш в обоих направлениях, пока наконец 29 марта Мазере не был смещён со своего поста. Узнав об этом, Мазере был взбешён. Он угрожал комитету наказанием с применением магической силы, а затем в письме, датированном 2 апреля, заявил: «Я не признаю за Вторым орденом права создавать какие-либо комитеты без моего-гоодобрения и согласия... Я упраздняю решения, принятые им на заседании 24 марта 1900 года».

Когда известия об этом достигли Кроули, он немедленно выехал из Болескина в Лондон, где встретился с презренной «лесбийской расщелиной» в штаб-квартире Второго ордена на Блайт-роуд, 36, в Хаммерсмите, требуя доступа в подвал, где располагался церемониальный зал. Она отказалась впустить его туда. Тогда Кроули отправился в Париж для встречи с Мазерсом и совместной разработки плана действий.

План был прост. Мазере велел Кроули возвращаться в Лондон в качестве его личного полномочного представителя, одновременно рассказав ему о нескольких магических приёмах, помогающих противостоять враждебности и

озлобленности. Вернувшись в Лондон, Кроули должен был вызывать к себе по одному всех членов Второго ордена. В их присутствии его лицо должна была скрывать маска. Каждому он должен был задавать два главных вопроса: первый касался веры в доктрину Ордена, второй — преданности Мазерсу. При получении отрицательных ответов он сразу же должен был или понизить человека на иерархической лестнице общества, или исключить его. Кроме того, Кроули был уполномочен заново освятить зал для церемоний, определять, какие маски следует надевать во время обрядов, а также дать подобный набор указаний членам Первого ордена.

Кроули, явно предчувствуя, что его ожидает пост главного Адепта в Великобритании, брался за осуществление заведомо провокационного-плана. Члены лондонского отделения «Золотой Зари» приняли бы в качестве представителя Мазерса кого угодно, только не Кроули.

Когда 13 апреля Кроули вернулся в Лондон, его переполняли магические силы. При его приближении лошади становились на дыбы или пускались вскачь, а его плащ сторел по непонятной причине.

Тремя днями позже Кроули отправился на Блайт-роуд, 36, где Второй орден арендовал несколько комнат на втором этаже. Убедив домовладельца, что у него имеется разрешение, Кроули получил доступ в помещение. Он осмотрел замки и комнату для церемоний. Она была обустроена наподобие гробницы XV века, предназначенной для Кристиана Розенкрейца, и представляла собой деревянную конструкцию пяти футов в ширину и восьми — в высоту, внутренность которой была обильно украшена семиконечными звёздами, магическими символами, ветви и Сефирот Древа Жизни, треугольником, внутри которого находилась Роза с двадцатью двумя лепестками, и множеством других красочных изображений. Все эти символы, использовавшиеся при посвящении во Второй орден, много значили для Мазерса, который не мог допустить, чтобы ими завладели его враги.

На следующий день Кроули и Элен Симпсон, состоявшая в обществе «Золотой Зари» и известная под именем сестры Фиделис, которую Кроули убедил поддержать Мазерса, вернулись на Блайт-роуд. Встретив там мисс Крэкнелл, они объявили ей, что являются хозяевами помещения, и выгнали её вон. Она побежала к ближайшему почтовому отделению и телеграфировала о случившемся Эдварду Хантеру, одному из старших членов Второго ордена. Тем временем Кроули вызвал слесаря, чтобы тот поменял замки на дверях.

Когда Хантер прибыл на место, он был поставлен перед свершившимся фактом. Пока он и Кроули вели переговоры, появилась Флоренс Фарр. Кроули

настаивал на своём, и тогда она вызвала полицию. Появился полицейский, выслушал аргументы обеих сторон и постановил, что Кроули должен покинуть помещение, что он и сделал.

Прошло два дня. Утром 19 апреля Хантер и Йейтс отправились на Блайт-роуд, чтобы отругать домовладельца за то, что тот впустил Кроули. Они заменили замки на старые. Внезапно, в последние утренние часы появился Кроули. Он был одет как шотландец. Подол его шотландки раскачивался в такт шагам, огромный позолоченный крест висел на груди, шотландский кинжал — в ножнах на ремне. Кроме того, на лице у него была чёрная маска. Рядом с ним шла Элен Симпсон. Хантер сказал Кроули, что его здесь никто не ждал и что он должен уйти. Кроули ответил, что у него есть разрешение Мазерса на присутствие в этом помещении, и в доказательство этого предъявил письменный документ. Дело сдвинулось с мёртвой точки только с приходом другого полицейского, возможно на этот раз вызванного Кроули, уверенным в своей правоте. Однако полицейский предложил Кроули уйти, что он и сделал примерно через полчаса. Как только Кроули и его спутница покинули место событий, там появился трактирный вышибала, заблаговременно нанятый Кроули, но заблудившийся по дороге на Блайт-роуд.

В 1935 году вся эта история перекочевала в беллетристику, поскольку была описана состоявшей когда-то в «Золотой Заре» писательницей ВиолетФирт, известной под литературным псевдонимом Диона Форчун, в рассказе «Крылатый бык». Хьюго Этли (Кроули) изображён там рябым злодеем-мулатом, тогда как Тед Марчисон, регбист и боксёр, представлен героем. Впервые они встречаются, когда Этли вламывается в лондонскую квартиру, а Марчинсон сбрасывает его с лестницы («Если сатана являлся когда-либо в человеческом обличье, то это он сидел сейчас на циновке у двери») и осознаёт, что только что имел дело с сорвавшимся с цепи, распущенным чёрным магом. Большинство «фактов», которые Форчун включила в свой рассказ, были почерпнуты ею из бульварных газет.

В тот же самый день, когда сторонники Мазерса удалились, Второй орден в спешном порядке устроил собрание. Эдвард Берридж, Элен Симпсон и её мать Элис (которая также была членом Ордена и которую Кроули описал как «посредственную певицу и первоклассную зазнайку с несколькими подбородками и толстым животом; сводню и интриганку, склонную к сентиментальным слезам и бестолковую. Эта ужасная карга разболтала по всему Лондону и Нью-Йорку, что моё Тело Света вошло ночью в комнату её дочери») были временно исключены из общества. Имя Кроули не упоминалось в этом списке, поскольку собравшиеся не считали его членом Второго ордена, кроме того, было решено, что отныне «никто не будет считаться

принадлежащим к лондонскому отделению общества, если он не прошёл обряд посвящения в лондонском храме».

Не вступая в дальнейшие разбирательства, Кроули начал действовать через суд. В письме, написанном 25 апреля Йейтсом леди Изабелле Аугусте Грегори, с которой его связывали дружеские отношения, подводится некоторый итог всей этой ситуации:

Потерпев неудачу, он вызвал нас повесткой в суд на том основании, что он является «полномочным представителем» Мазерса и что в уставе общества нет ничего, что давало бы нам полномочия Мазерса сместить. Чарлз Рассел, сын лорда — главного судьи, действует на нашей стороне и старается сделать так, чтобы моё имя не было замешано в этом деле. Слушание дела состоится в следующую субботу, и уже неделю меня мучают бесконечные хлопоты, связанные с заседаниями, юридическими вопросами и предотвращением внезапного нападения на нашу резиденцию. Уже три дня я сплю не больше четырёх с половиной часов в сутки. Беда в том, что мои каббалисты — безнадёжно непрактичные люди, и потому протоколы заседаний находятся в совершенно беспорядочном состоянии. Мне пришлось взять на себя полную ответственность за всё и самостоятельно принимать решения по каждому нашему шагу. Я надеюсь на успех. К счастью, этот жалкий уполномоченный имеет несколько вымышленных имён и подписал судебную повестку одним из них. Кроме того, его разыскивают за долги, и представитель от профсоюза будет присутствовать в субботу на суде. В действительности этот уполномоченный — некто Кроули, довольно-таки скверная личность. Я полагаю, он хочет отомстить нам за отказ посвятить его во Второй орден.

Что касается Кроули, то он был о Йейтсе ещё более низкого мнения. Он отзывался о Йейтсе как о «вялом взъерошенном демонологе, из которого, несмотря на все усилия, потраченные им на собственную внешность, так и не вышло денди». Поэзия Йейтса казалась ему недостойной внимания потому, что в ней якобы «не хватало зрелости». Значительная доля этой враждебности основывалась на холодности Йейтса в отношении поэзии самого Кроули. Кроули показал Йейтсу гранки своей книги «Джептах», но ирландец не проявил никакого энтузиазма. И в самом деле, в 1915 году Йейтс напишет своему другу, что, по его мнению, Кроули «написал не более шести строк настоящей поэзии, всё остальное — скверная риторика». Ещё одна причина, настроившая Кроули против Йейтса, состояла в том, что Кроули считал патриотической ирландской претенциозностью, что, по его мнению, не служило ему на пользу.

Кроме того, Кроули полагал, что Йейтс использует против него магические приёмы. Позже он связывал бесчинства, устроенные духами в его квартире на

Чансери-Лейн, с «тёмными намерениями других членов Ордена, таких как Е. Ф. Е. Ж., которые, завидуя его успехам и благосклонности к нему Тайных Учителей, пытались уничтожить его». В аннотированном экземпляре журнала, в котором было напечатано это заявление Кроули и который хранится в Варбургском институте в Лондоне, Кроули указал настоящие инициалы Йейтса.

Эта враждебность к Йейтсу проявилась и в литературном творчестве Кроули. «В рассказе "На развилке дорог", — пишет Кроули, — во всех деталях воспроизведён эпизод, относящийся к этому периоду». У.-Б. Йейтсу в рассказе соответствует Уилл Бьют, «длинный, вялый, меланхоличный, неряшливый поэт», к тому же «маг-дилетант», который «чёрной завистью завидовал более молодому и гораздо более талантливому поэту», и эта зависть «грызла его мелочную душу», Алтею Джайлз (художнице и бывшей любовнице Кроули) — Ипатия Гей, самому Кроули — граф Сванов. Там были описаны также Аллан Беннет, наставник Сванова, и Леонард Смитерс, издатель. Рассказ основан на реальной истории о любовной связи между Алтеей Джайлз и Смитерсом, которая за год до написания рассказа получила скандальную известность среди лондонской богемы. Смитерс изображён в рассказе «обрюзгшим от болезней и алкоголя; его вялый рот всегда имел плотоядное выражение; его жирные глазки источали яд; его щёки, казалось, вот-вот покроются язвами и нарывами». В конце рассказа Ипатия Гей становится жертвой колдовского наговора и совокупляется со скользким скелетом, похожим на того, которого Кроули держал у себя в квартире. Бьют отвергает её, и она возвращается к издателю, который, видя, как низко она пала, «сладострастно облизывается». Так Кроули мстил за мнимую утрату рукописи книги «Зелёные Альпы», якобы сгоревшей во время пожара в типографии. Однако на этом его литературная месть не закончилась. В своём романе «Дитя луны», опубликованном в 1929 году, Кроули изобразил Йейтса в виде некоего Гейтса, неряшливого ирландского поэта с грязью под ногтями.

Юридические действия Кроули заключались в том, что он обратился в полицию, прося, чтобы ему посодействовали в освобождении Церемониального зала общества. Это помещение по праву, как он был убеждён, и в соответствии со здравым смыслом и законом принадлежало Мазерсу. Судебная повестка, которую он подписал как Эдвард Алистер, была обращена к Флоренс Фарр и обвиняла её в «беззаконном и беспричинном отказе предоставить определённые документы и соглашения, касающиеся собственности истца». Второй орден представлял в суде известный королевский адвокат по фамилии Джил, которого наняла Энни Хорнимен. Йейтс очень волновался по поводу исхода слушаний. Если бы Кроули выиграл, как писал Йейтс леди Грегори, это предоставило бы

Кроули, «человеку, ведущему недостойную жизнь, средства управлять мистическим обществом, а также дало бы ему власть над душами многих людей».

Но всё обернулось иначе, и Йейтс напрасно волновался. Дело не дошло до рассмотрения в суде. Толи Кроули отозвал свой иск, увидев, насколько сильна оппозиция, то ли дело было отклонено судом, поскольку стоимость собственности, служившей предметом спора, превышала полномочия этого суда. Согласно другой версии, Чарльз Рассел нанял частного детектива, чтобы тот порылся в биографии Кроули, и когда было обнаружено, что у Кроули есть несколько неоплаченных долгов, вызвал на суд представителя общества по защите торговли (разновидности кредитного агентства и долгов), который должен был свидетельствовать против него. Кроули, не желая, чтобы широкая общественность копалась в его грязном (возможно, гомосексуальном) белье, сдал позиции, решил обойтись без судебного разбирательства и заплатил пять фунтов неустойки. Нечего и говорить, что повсюду распространились слухи о магической силе, применённой обеими сторонами друг против друга.

Когда суматоха, поднятая судебными делами, улеглась, Мазере и его уполномоченный оказались в ещё большей изоляции, чем раньше. Через несколько дней члены общества собрались на Блайт-роуд и официально исключили Мазерса. Йейтс выступил перед собранием с предложениями по восстановлению общества и взял на себя роль нового лидера. Ещё около двадцати лет он был связан со Вторым орденом, но даже под его управлением оно вскоре начало снова распадаться из-за междоусобной борьбы.

Несмотря на то что судебная тяжба миновала, Йейтс немного отделаться от мыслей о Кроули. Он плохо спал, его преследовали кошмары, он жил в страхе, считая, что Кроули нанял головорезов из южного Лондона, чтобы те убили его. Он рассказывал одному из своих друзей, что Кроули сделал изображающую его фигурку из воска и втыкает в неё булавки; Кроули же был слишком искущён в магии, чтобы опускаться до таких примитивных методов. Что касается Мазерса, то он продолжал свои магические изыскания, особенно связанные с картами Таро, но он был морально сломлен и разочарован. Кроули признавал, что Мазере был «искусным магом и научился удивительно эффективно пользоваться Великим Ключом Соломона. Но он не понимал, что Абрамелин открывает гораздо более широкие возможности...»

К тому времени, как все юридические вопросы были наконец улажены, наступило лето. Возможность проведения Операции Абрамелина в Болескине была упущена, и Кроули не видел смысла возвращаться в Шотландию. Он отправился в Париж, чтобы сообщить Мазерсу об исходе дела, и, оказавшись

там, познакомился с двумя друзьями Мазерса, которые только что вернулись из Мексики. Кроули услышал их разговор об этой стране и решил поехать туда для того, как он утверждает, чтобы заниматься альпинизмом на склонах вулканов. Были сделаны необходимые приготовления, и в конце июня Кроули сел на пароход, направлявшийся в Нью-Йорк.

В молодые годы Кроули любил путешествовать и нередко отправлялся куда-либо под воздействием внезапного порыва. Однако его решение о поездке в Мексику было принято, вероятно, под влиянием полученного им вызова на допрос в полицию. И это было делом рук Лоры Хорниблоу.

Где-то в марте этого года она написала Кроули угрожающее письмо. О том, что побудило её к этому, остаётся только догадываться. Возможно, она была раздосадована тем, что её оставили в кишасе духами Болескине. А может быть, она пожалела, что дала Кроули деньги для отправки Беннета на Цейлон, и хотела получить их назад. (Йейтс говорил, что некоторые из членов «Золотой Зари» вступили с ней в астральную связь и внушили ей злые намерения против Кроули.)

Что бы там ни было на самом деле, но она отправилась в полицию и рассказала там о своей жизни с Кроули, не скрывая страшных подробностей о том, что Кроули якобы практикует садизм и сексуальные извращения, включая содомию. Полиция заинтересовалась её сообщением, но, так как Лора Хорниблоу отказалась давать свидетельские показания на публике, то ли от стыда, то ли из страха, что мужу станет известно, чем она занималась в его отсутствие, дело на Кроули заведено не было, и история эта не получила своего развития. Однако определённый ущерб всё же был нанесён. Отныне Кроули был известен полиции и на него стали собирать досье, правда, с самого начала сведения о нём отличались большой неточностью.

Все эти неприятности, постигшие Кроули, заставили его отказаться от проведения Операции Абрамелина, которая относится к высшей магии. Для успешного её осуществления маг должен быть чист духом и постоянно погружён в высокое молитвенное состояние. Насколько Кроули удалось соответствовать этим требованиям — и удавалось ли когда-нибудь, — вопрос спорный. Его эротическая, чувственная сторона была всегда слишком активна, чтобы он мог достичь настоящей твёрдости духа. Несмотря на то что он дал клятву Абрамелина с самыми искренними намерениями, сдержать её было выше его сил. Итак, пусть непреднамеренно, не сдержав своего слова, он мог отныне подвергнуться страшным духовным карам. В зависимости от взгляда на магию и её возможности можно по-разному судить, насколько это обстоятельство повлияло на его жизнь. Однако с этого времени Кроули

начинает понемногу утрачивать представление о том, что правильно и что неправильно. Вместе с этим он начал терять также и способность руководствоваться здравым смыслом в своей жизни и поступках. Отныне его существование будет протекать в русле то одной, то другой крайности, а его капитал — уменьшаться при каждом таком колебании.

Кроули было двадцать пять лет. Он был человеком самоуверенным, дерзким, эксцентричным, эгоистичным, очень умным, высокомерным, остроумным, богатым, а когда надо — жестоким. Кроме того, он был талантливым писателем и искусным альпинистом, однако этим своим талантам он, казалось, не придавал значения.

Когда его корабль пересекал Атлантику, чтобы впервые доставить его в Новый Свет, Кроули, вероятно, был исполнен новых сил, а будущее виделось ему безбрежным океаном надежд, приключений и возможностей.

ГЛАВА 6

Ритмы экстаза

6 июля 1900 года Кроули высадился в Нью-Йорке. Стены зданий накалялись от солнца, и на улицах было душно. Зной был настолько сильным, что Кроули в течение дня принимал одну холодную ванну за другой. Когда же он выходил на улицу, его прогулки сопровождались призывными криками уличных мороженщиков и частыми заходами в бары, где подавали ледяной кофе, ледяную воду или дыни. Он впервые испытал настоящий зной и теперь раздумывал, стоит ли ему в такой ситуации отправляться ещё южнее, в сторону Мексики.

Тот факт, что Нью-Йорк в это время переживал такую жару, был упущен Кроули только потому, что он не читал газет. Он, как утверждал сам, «уже убедился, что даже самый тонкий ум обречён на гибель, если попадёт под болезнетворное воздействие журналистики. И дело не только в том, что человек в этом случае портит свой ум небрежным и неаккуратным английским, неглубокими, общеизвестными, пошлыми мыслями и сознательным легкомыслием. Помимо всего этого вреда, есть и ещё один отрицательный эффект. Читать газету — значит отказываться от чтения чего-то действительно стоящего». Газеты, как писал Кроули в автобиографии, — это не более чем набор репортажей, вводящих в заблуждение и написанных самоуверенным языком или состоящих из необдуманных суждений.

Раскалённый зноем город не впечатлил его. Застройка выглядела стихийной, и

городу не хватало духа истории, столь характерного для европейских метрополий. Кроули не пришлись по душе ни люди, ни статуя Свободы, о которой он по недоразумению думал, что изначально она имела иное предназначение. «Тщеславие здешних жителей, — писал он, — привело их к тому, что они с энтузиазмом набросились на забракованную европейцами статую торговли, которая должна была стоять на Суэцком канале. Они купили её на вторичном рынке и высокопарно назвали "Свободой, освещающей мир". Хорошо, что им хватило дальновидности установить её на острове и спиной к континенту».

Несмотря на то что статуя не произвела на него впечатления, Кроули реагировал на Америку подобно тому, как реагировало и реагирует на неё большинство европейцев — он оценил то обстоятельство, что фундаментом американского общества являлась идея свободы. Он получал удовольствие оттого, как естественно вели себя люди в обществе, от отсутствия классовой гордости и снобизма, он удивлялся богатству жителей Нью-Йорка, хотя, естественно, не бродил по окраинам и не удалялся от главных улиц города.

После недолгого пребывания в Нью-Йорке Кроули сел на поезд, отправлявшийся с вокзала Грэнд-Сентрал в Мехико. Весь путь занял более недели: это было долгое путешествие по центральным и южным штатам Америки, которое не доставило Кроули никакой радости. Даже о поезде Эдинбург — Инвернесс он говорил, что тот испытывает его терпение. Однако вскоре Кроули проникся духом путешествий и начал получать удовольствие от своих передвижений.

Если Нью-Йорк не удовлетворил его ожиданиям, то Мехико казался поначалу форменным разочарованием. Обслуживание в гостинице «Итурбидэ», где остановился Кроули, было ниже всякой критики, еда — отвратительной, а хорошее вино обращало на себя внимание полным своим отсутствием. Он избегал пить текилу и предпочитал не есть жареных кабрито, такое и тортильяс. Кроули всегда был очень привередлив в еде. Несмотря на все его альпинистские и магические приключения, а также на то, что он имел склонность к острым приправам, Кроули не признавал «иностранной» пищи. Ребёнком он отказывался есть варенье, а винегрет попробовал только в зрелом возрасте. Он не испытывал отвращения к омарам под майонезом, однако не любил салатов с омарами, потому что ему не нравилось сочетание согласных в названии этого блюда (lobster salad).

Покинув гостиницу, он снял квартиру в доме, окна которого выходили на окрестности парка Аламеда, что в центре города. Наняв молодую мексиканку, чтобы вести хозяйство, Кроули занялся магией, в том числе основанием

собственного магического ордена под названием «Лампа невидимого света», или LIL. Правила ордена требовали, чтобы в специально устроенном храме с разнообразными талисманами, посвященными силам природы, постоянно горела лампа. При помощи заклинаний маг стремился превратить лампу в средоточие магической энергии, которая затем может передаваться тем, кто готов и стремится её получить. Он изобрёл Обряд самоинициации, который позволял при помощи ритуального танца приобретать новые магические знания. Кроме того, Кроули учился делаться невидимым, усиливая тем самым свою волю.

По утверждению Кроули, в этом занятии он достиг лишь частичного успеха: он добился того, чтобы его отражение в зеркале стало тусклым и зыбким. Однако истинной его целью была не невидимость как таковая, а способность пройти незамеченным сквозь толпу. Приём заключался в том, чтобы на короткое время добиться массового внушения. Если бы удалось на время приковать внимание окружающих к какому-нибудь одному объекту, то Кроули (или любой другой на его месте) мог бы стать незаметным для них, используя это для своих целей и намерений. Кроули утверждал, что добился в этом полного успеха. Вызвав дух Гарпократа и приняв обличив этого бога тишины, он проходил по улицам Мехико, одетый в алую накидку и золотую корону. Казалось, никто не обращал на него внимания, поэтому он предполагал, что никто его и не видит.

Ещё одна магическая процедура, которую он проделывал, заключалась в ношении украшенного драгоценностями золотого талисмана около сердца. Когда талисман был на нём, он думал только на тему магии, намеренно исключая все остальные мысли. Снимая же украшение, он запрещал себе думать о магии. Все эти действия на самом деле были направлены на усиление способности контролировать собственный мыслительный процесс.

Подробных сведений о том, с кем Кроули общался в Мехико, нет. В момент своего приезда он, судя по всему, не был ни с кем знаком, но у него имелась рекомендация, вероятно от друзей Мазерса, к пожилому человеку по имени дон Хесус Медина. Медина, который, по словам Кроули, являлся потомком Алонсо Пересаде Гусмана, герцога Медины-Сидонии и адмирала испанской Армады, и был главой местной масонской ложи Шотландского обряда.

Уверившись, что Кроули является прямым и честным человеком, а также обладает большими магическими знаниями, Медина посвятил его в эту разновидность масонства и со скоростью света провёл по иерархическим

ступеням общества. Кроули планировал пробыть в Мехико недолго, поэтому

он дорожил каждой минутой и проявлял нетерпение. Позднее Кроули утверждал, что достиг в масонской ложе Шотландского обряда самую высокую из тридцати трёх иерархических ступеней, став Суверенным великим генерал-инспектором, хотя в масонских архивах не сохранилось ни одной записи даже о том, что он вообще был посвящен в члены общества. В обмен на это звание дон Хесус Медина был произведён в верховные жрецы Ордена лампы.

Не забывая о своей литературной карьере, Кроули написал в Мехико стихотворную игру (имевшую также магический характер), основанную на опере Вагнера «Тангейзер». Идея этого произведения посетила его в Париже, когда, на одной из публичных церемоний Мазерса, Кроули познакомился с американской оперной певицей и вступил с ней в любовную связь. «Романтика отношений с такой известной актрисой приводила меня в восторг», — писал он. Станным образом по его словам оказывается, что они обручились, несмотря на то что актриса была уже замужем «за человеком, которого она оставила где-то в Техасе». Возвратившись в Лондон, Кроули слышал её в Ковент-Гарден, где она исполняла партию Венеры в «Тангейзере», а в его голове восторг от пения и музыки смешивался с собственными творческими замыслами. Согласно записям Королевской оперной компании, единственной певицей, которая исполняла эту партию в Лондоне в 1899–1902 годах, была американка сопрано Сьюзан Стронг.

Нечего и говорить, что, как только Кроули покинул Лондон, Сьюзан Стронг была забыта, и он продолжил вести свой прежний образ жизни, затевая любовные интрижки, когда и где только мог. В Мехико он подобрал проститутку и отправился с ней в трущобы, где его впечатлила «ненасытная сила страсти, которая пылала в её порочных, непостижимых глазах и искажала её потрёпанное лицо, превращая его в водоворот обольстительного греха». Секс с этой женщиной придал ему новые творческие силы. Он вернулся к себе на квартиру и шестьдесят семь часов подряд сочинял стихотворный диалог между Венерой и Тангейзером. Нет сомнений, что проститутка из Мехико удовлетворила свойственную Кроули на протяжении всей жизни тягу к экзотическим женщинам.

Мехико притягивал его не только теми потрясающими сексуальными впечатлениями, которые этот город предоставлял. Кроули начал любоваться мексиканцами, которые казались ему простым народом, ещё не «отравленным лицемерием и необходимостью бороться за жизнь». Их существование было спокойным, темп жизни — неторопливым: этическая значимость работы и профессии, характерная для Англии, здесь не имела силы. Работа была здесь лишь досадной помехой в ленивом течении приятного досуга. Красота мексиканской земли захватила Кроули. Он писал:

...великолепный горный воздух, сияние солнца, яркая красота цветов, опьяняющая интимность бесстрашных любовных порывов, которой пылало каждое лицо, — всё это заставляло мою мысль пульсировать в восторженном ритме... В Мексике можно найти максимум романтики и наслаждений, причём даже в маленьких провинциальных городках. В каждом городе этой страны есть некое подобие Аламеда, заросшего деревьями парка, расположенного более или менее близко к центру города с бесчисленными скамейками и эстрадой для оркестра, где оркестр играет каждый вечер без всякой помпы, а просто потому, что люди любят музыку. Здесь никогда не бывает слишком жарко; всегда дует лёгкий ветерок, который шевелит листья, но не мешает и не раздражает. Такой парк всегда полон мужчин и женщин; все кажутся молодыми, непосредственными и готовы к любым мыслимым формам проявления любви.

Мексиканское отношение к любви и сексу тоже импонировало Кроули. Оно не носило на себе отпечатка

...ложного стыда и не было заражено идеями коммерческого или вообще материального характера. Никто не одержим этим вздором о чистоте, духовном подъёме, идеализме и другой тому подобной чепухе. Я не могу выразить это острое чувство наслаждения свободой. Человеческая непосредственность процветает, не стеснённая ожиданием трудностей в поиске желаемого партнёра, в осуществлении порыва, в избежании неприятных последствий. Проблема секса, которая довела англосаксов до истерии и сумасшествия, благополучно решена в Мексике благодаря сочетанию особенностей климата и здешнего гостеприимства... Даже католицизм [не преминул заметить Кроули] утратил в Мексике большую часть своей вредоносной силы. Духовенство и миряне представляют собой единое целое, как в духовном, так и в физическом смысле, поскольку и тем и другим одинаково свойственны страстные порывы... Конечно, священник желает получать небольшие вознаграждения за свою работу, но это очень по-человечески и естественно. А поскольку он никогда не проявляет ни жадности, ни злости, ни лицемерия, то получаемое им даётся ему добровольно и с самыми дружелюбными чувствами.

Говоря кратко, Мексика показалась Кроули полной противоположностью Европы, и особенно Великобритании. Британский уклад жизни был пронизан идеями совести, вины и самоотречения, ханжеством, подавлением желаний и, как следствие, извращениями, в то время как мексиканское мироощущение было свободно от той «благочестивой лжи, которая утверждает, что зло не существует, тем самым превращая его в нечто неопределённое, огромное и опасное». Британцы, как считал Кроули, прятались от правды, тогда как мексиканцы смотрели ей прямо в лицо. Они отважно и без ложного стыда

встречали свои животные потребности, принимая свою человеческую сущность как она есть, вместо того чтобы пытаться приподнять человека над его естественным состоянием. Педантичность и самодовольство британцев, полагал Кроули, разрушают их. Он придерживался того мнения, что всё должно быть открыто и вынесено на поверхность — особенно секс, — поскольку «подавление естественных инстинктов является оскорблением природе и прямым путём к моральному уродству».

С точки зрения Кроули, эта свобода от стеснений и ограничений означала, что мексиканцы были независимы. В их обществе отсутствовала британская классовая система, не было высокомерия, вызванного классовым превосходством, не было (как утверждал Кроули) пиетета перед соблюдением этикета и, прежде всего, не было эгоизма или нетерпения. Кроули находил привлекательной мексиканскую смесь язычества и христианства и обвинял британцев за их «англосаксонскую концепцию христианства, которая оскверняет нацию», в результате чего её даже избегают другие европейцы, не связанные «насекомообразной коллективностью сознания, отпечаток которой лежит на англосаксах». Индивидуальность разума и духа имела большое значение для Кроули. Это был тот материал, из которого делаются подобные ему поэты. Англия, какой считал, «является самой плодотворной матерью поэтов, но она убивает слабых, а сильных направляет на поиски более счастливых мест... Английский поэт должен или добиться успеха, уехав из своей страны, или умереть, разбив себе сердце на родине». Сидя в своей квартире, выходящей на парк Аламеда, Кроули размышлял о Великобритании и её моральном упадке, коммерциализации и измельчании. Он вспоминал давку лондонских площадей, «этих потных животных, дышащих пивными парами», «вечно давящее чувство вины и стыда». Проникнувшись настроениями настоящего изгнанника, он критиковал даже английскую погоду.

Чтобы почувствовать дух страны и поближе узнать её людей, Кроули совершал поездки по мексиканской глубинке. Направляясь в Игуалу, местечко в ста милях от Мехико, он купил рыжего пони, который так и норовил прыгнуть или брыкнуться. Вероятнее всего, лошадке просто нравилось становиться на дыбы и сбрасывать с себя всадника. Чересчур щадящая манера, с которой Кроули использовал кнут, ещё увеличила строптивость животного, и Кроули продал пони сразу после возвращения в Мехико. В другой раз Кроули отправился в Веракрус, главный мексиканский порт, находящийся в 250 милях к востоку от столицы. Об этой поездке он писал как о захватывающем путешествии: «Сначала вы сорок миль едете по тропическому лесу, затем дорога неожиданно начинает идти вверх и вьётся по предгорьям, в теснинах, а надо всем этим царят восемнадцать тысяч футов горы Ситла-тепетль. Пейзаж постоянно

меняется по мере вашего восхождения, и вдруг вы оказываетесь на плато, чья обширная поверхность представляет собой почти пустыню, на которой растут лишь кактусы да алоэ, и торчат две скалы: Ицтаксиуатль и Попокатепетль».

Путешествия по Мексике были, вероятно, нелёгким испытанием. Мест для отдыха и ночлега было немного, и находились они далеко друг от друга. Поэтому Кроул и, несмотря на своё к тому времени уже вполне приличное знание языка, нередко оказывался предоставленным самому себе. Однажды на склоне холма он нашёл труп мексиканского рабочего, высохший на солнце, но не тронутый грифами, потому что, как решил Кроули, тело было слишком насыщено острыми приправами, чтобы прийти по вкусу этим хищникам. Нередко он спал под открытым небом. Однажды, расположившись на плантации сахарного тростника, он обнаружил, что за ним следят. Одного выстрела из револьвера оказалось достаточно, чтобы отвести наблюдателей. На другую ночь в лагере поселенцев он видел, как китаец-чернорабочий при помощи кипятка выгонял скорпионов из щелей в стене. К утру ноги Кроули так горели от укусов москитов, что он был не в состоянии натянуть свои сапоги для верховой езды. Он, конечно же, заразился малярией и заболел. Американский врач по фамилии Парсонс, который занимался мошенничеством, говоря своим пациентам, что у них аппендицит, и отправляя их к своему коллеге, который брал по 1000 мексиканских долларов за операцию, отнёсся к Кроули с сочувствием и лечил его хинином.

Кроули, во время своего пребывания в Мексике избегавший общения с британцами («у британского консула, как правило, был запор, а вице-консул чаще всего был пьян»), тяготел к американцам, многие из которых были профессиональными карточными игроками: общественная среда Мехико в 1900 году во многом напоминала соответствующую среду Гаваны во времена Батисты. Двое из таких картёжников, по имени Уилсон и Мак-Ки, попытались надуть Кроули, но тот видел их насквозь. Его острый ум и невинное молодое лицо произвели на них (по его собственным словам) такое впечатление, что они пригласили его помочь «раздеть» одного транжиру на покере. Он отказался. Однако Кроули всё-таки посещал некоторые игорные дома, где играл в испанскую монте, карточную игру, смысл которой заключался в угадывании карт, ещё не вступивших в игру, и которая отдалённо напоминала снап, с той только разницей, что ставки здесь выше. Однажды вечером, когда он сделал очень высокую ставку, ему было предупреждающее видение, подобное тому, которое он испытал на шахматном конгрессе в Берлине. С тех пор Кроули никогда не играл, за исключением одного случая в Монте-Карло, когда ему пришлось сделать это за компанию.

С большинством эмигрантов Кроули познакомился в Американском клубе, где

его представили нескольким владельцам ранчо, чьи земли располагались в провинции Гуанохуато, к северо-западу от Мехико. Получив предложение погостить и заодно оправиться от приступа малярии, Кроули с благодарностью согласился.

Во время многочисленных путешествий по Мексике Кроули так и не сделал ни одной попытки заняться альпинизмом, несмотря на то что в ясный день мог видеть покрытые снегом вершины Попокапетля и Ицтаксиуатля из своего окна. Обе эти вершины, превосходя Альпы высотой, были гораздо менее трудными для восхождения, но Кроули не спешил с альпинизмом, сконцентрировавшись на занятиях магией. Атем временем к нему направлялся Оскар Экенштайн.

Когда Экенштайн приехал в Мехико, — а было это в конце года, — они с Кроули начали планировать маршруты восхождений. Во время походных приготовлений у Кроули с Экенштайном состоялся откровенный разговор о магии. Однажды вечером Кроули признался Экенштайну, что у него появились трудности в занятиях магией. Когда он закончил говорить, Экенштайн набросился на него с резкой критикой и доставил ему «самые неприятные пятнадцать минут в моей жизни». «Он подвёл итог моим магическим занятиям, — писал Кроули, — и сказал, что все мои затруднения — от неспособности управлять своими мыслями».

Экенштайн, не разбиравшийся в вопросах магии, был отчасти прав. Проблема Кроули заключалась не в его неспособности сконцентрировать свои мысли, но в его неумении это делать. Озвучив свои критические замечания, Экенштайн предложил Кроули научить его сосредоточивать и дисциплинировать внимание. Кроули согласился, признав свою слабость в этом вопросе. Уроки Экенштайна заключались в медитативной концентрации и размеренном дыхании одновременно с напряжённой визуализацией тех или иных образов. Эти упражнения проводились ежедневно в строго определённые часы, утром и вечером. Как только Кроули достиг успехов в визуализации, он перешёл к концентрации на движущихся объектах и наконец — на своих собственных чувствах. Экенштайн предлагал ему вообразить вкус шоколада или хинина, аромат духов, звук колокольчиков, прикосновение шёлковой ткани, песка или меха и удерживать эти ощущения в уме. Все эти методы были заимствованы из йоги, и Кроули был им благодарен. «Нет никаких сомнений, — писал он потом, — что эти месяцы постоянной научной работы, не отравленной моими романтическими фантазиями, заложили во мне крепкую основу надёжных магических и мистических техник».

Однако главной целью Экенштайна в Мексике был альпинизм: перспектива подняться вместе с Кроули выше, чем тот когда-либо восходил. Незадолго

перед Рождеством 1900 года они отправились в Амекамеку, город в тридцати шести милях от Мехико, начальный пункт альпинистских восхождений. Взяв с собой носильщиков, предоставленных ему местным мэром, они поднялись на Ицтаксиуатль и разбили лагерь на высоте 14 тысяч футов, между тем местом, где теперь находится автостоянка Ла-Хойя, и отдалённой горной вершиной Лос-Пьес. Они прожили там три недели, привыкая к высоте и совершая восхождения на пик, высившийся над ними, а также на вершины Ла-Кабеса и Эль-Печо. Кроули утверждает, что во время своего пребывания там они установили мировой рекорд, поднявшись на 4тысячи футов, уже находясь на высоте в 16 тысяч и затратив на это всего лишь полтора часа. В автобиографии Кроули утверждал, что они с Экенштайном побили все альпинистские мировые рекорды 1901 года, покорив самую большую высоту, на которую когда-либо раньше поднимался человек.

Жизнь в альпинистском лагере была размеренной. Они питались местными консервами, но срок хранения значительной их части истёк, вследствие чего Кроули с Экенштайном постоянно страдали от диареи. Если не считать проблем с желудком, Кроули наслаждался жизнью, экспериментируя с альпинистскими «кошками», которые изобрёл Экенштайн. В свободное от восхождений время оба альпиниста сидели в лагере и стреляли по пустым бутылкам, что, среди прочего, служило средством отпугивания воров.

Наконец, свернув свой палаточный лагерь и вернувшись в Амекамеку, они нанесли визит мэру города, чтобы выразить ему своё почтение, но нашли его в расстроенных чувствах. Причина плохого настроения мэра обнаружилась не сразу. Оказалось, он не знал, как сообщить им плохие новости. Наконец решившись, он выпалил: умерла королева Виктория. Но, к его удивлению, Кроули с Экенштайном приняли это известие довольно радостно.

С точки зрения Кроули, умер тиран-матриарх. Он ненавидел Викторину с детства, когда играл в короля Патагонии, ведущего свои войска против армии королевы. «Я не могу понять, — говорил он, — почему в таком раннем возрасте я питал столь глубокое отвращение к королеве Виктории и так презирал её. Возможно, просто благодаря чистому и благородному чутью ребёнка!» Теперь, с её смертью, британская история достигла своего водораздела. «Правительница из нутряного сала, парламент из оконной замазки, аристократия из алебастра, интеллигенция из резины» и «пролетариат из мякоти и шелухи» больше не существовали. Наступала новая эпоха, когда дух «чопорности, лоска, поверхностности, подобострастия, снобизма, торговли человеческими чувствами» будет выметен из страны, а то, что Кроули называл трясиной посредственности, взорвётся и разлетится на куски.

Между тем Кроули и Экенштайн отправились в провинцию Колима, которая находилась в 350 милях к западу от Мехико, и это их новое путешествие обещало гораздо больше приключений, чем предыдущее. Они намеревались покорить вулкан Фуего де Колима, один из наиболее активных вулканов в мире. Когда они начали приближаться к вулкану, шло извержение, и пепел прожигал их одежду на расстоянии двадцати миль от жерла. Сначала они покорили соседний, покрытый снегом, более высокий (и уже потухший) вулкан Невадо де Колима и устремились к своей истинной цели, но не сумели её достичь. Раскалённые камни прожигали их ботинки. Отослав своих мо-зос (носильщиков) вместе с оборудованием для лагеря в сторону Сапотитлана, они отправились на поиски ранчо, к владельцу которого имели рекомендацию, но заблудились ночью в диком лесу, и только их общее умение ориентироваться в пространстве позволило им спастись. Вернувшись из Колимы, они покорили огромный вулкан неподалёку от Талуки, в сорока милях от Мехико, и ночевали в кратере, под открытым небом.

Следующее своё восхождение они совершили на вершину Попокатепетля, куда взяли с собой некоего журналиста, который на страницах местной газеты усомнился в их альпинистских достижениях. Поскольку журнал ист не поспевал за ними, его подтягивали вверх на верёвке, причём Экенштайн тянул его, а Кроули — подгонял альпинистским ледовым топориком. Не осталось записей о том, как им удалось поднять этого несчастного через ледяные участки, однако известно, что скольжение во время спуска привело журналиста в ужас. Апологетическая статья не замедлила появиться.

Чтобы завершить путешествие Экенштайна, они хотели попытаться покорить вулкан Ситлалтепетль, расположенный неподалёку от Орисабы и являющийся самой высокой точкой Мексики, но отказались от своего намерения. К этому времени они уже достаточно позанимались скалолазанием и начинали строить планы насчёт экспедиции в Гималаи с целью покорить Чогори, вторую по высоте вершину мира, известную сегодня под названием К2.

Экенштайн отбыл в Лондон 20 апреля 1901 года. Кроули же сухопутным путём отправился в Сан-Франциско с намерением оттуда выехать на Цейлон и навестить там ллана Беннета. Ему жаль было покидать Мексику, и он испытал некоторый культурный шок, когда в Эль-Пасо ересёк Рио-Гранде. «Только что оставив позади тихую и цивилизацию Мексики, я испытал ужасное потрясение, когда оказался посреди тexasской грубости и варварства». Техас был вечно пьяным, наглым и шумным; даже местные проститутки не пришлись Кроули по вкусу. Прежде чем отправиться дальше через Нью-Мексико, Кроули переправился через реку и заехал в Сьюдад-Хуарес попрощаться с девушкой, которая вела хозяйство в его доме в Мехико (и, несомненно, согревала его

постель). Там он случайно обратил внимание на нескольких рабочих-эмигрантов, которые играли в карты. Вдруг один из игравших схватил другого за длинные волосы и большими пальцами выколол ему глаза. Слеплённый кричал, но большинство свидетелей этой сцены «сохраняли философское безразличие к происходящему. Их ничто здесь не занимало, кроме разве что лишнего напоминания о том, что пора навеститься к парикмахеру».

Сан-Франциско впечатлил Кроули так же мало, как Эль-Пасо. Этот город был не чем иным, как «сумасшедшим домом бешеных охотников за деньгами и неистовых искателей наслаждений, которые толпятся на каждом перекрёстке». Подавляющую часть времени он проводил в Чайна-тауне, испытывая большое уважение и тягу к китайцам, «постоянно убеждаясь в их духовном превосходстве над англичанами». Кроме того, он начал сочинять необыкновенно длинную лирическую поэму под названием «Орфей, лирическая легенда», которую закончил лишь через три года.

Первого мая Кроули записал в своём дневнике: «Я всерьёз возобновил Великую Работу». Это означало, что он вернулся к идее проведения Операции Абрамелина. Он составил расписание приготовлений, включив туда упражнения по дисциплине мышления, которым научил его Экен-штайн, принятие «Божественных форм» (во время него он визуализировал себя в облике Бога), астральное видение, изготовление талисманов и вызов Адониа-га-Арец, иначе говоря, Ангела-хранителя. Кроме того, он сосредоточился на усилении своего Тела Света.

Двумя днями позже, 3 мая, Кроули сел на судно «Нип-пон-Мару», направлявшееся в Гонолулу, и прибыл туда 9 мая. Он приехал с романтическим намерением снять хижину на зелёном морском берегу в Вайкики, завести себе девушку-туземку, писать стихи и заниматься магией, в то время как любовные утехи вдохновляли бы его и на то, и на другое. Однако он отказался от этого плана, потому что на следующий день познакомился с миссис Элис Мэри Роджерс, которую в письме к Джеральду Кел-ли называет Мэри Битон, находя это весьма остроумным: миссис Битон была автором самой известной викторианской книги по домоводству, пособием всех домохозяек.

Эта американка, на десять лет старше его, была замужем за юристом и имела сына юношеского возраста. Она приехала на Гавайи, чтобы переждать сезон сенной лихорадки, который шёл в США. Кроули страстно влюбился в неё и начал добиваться её расположения. На это потребовалось некоторое количество усилий и времени, но через несколько недель Элис сдалась, и у них с Кроули состоялся безумный и потрясающий секс. Несмотря на то что Кроули считал большой глупостью любовные связи с белыми женщинами — ведь они

привносили в любовные отношения дух нравственной нечистоплотности, — он ничего не мог с собой поделать. Надо сказать, что Кроули часто влюблялся, однако немедленно покидал предмет своей страсти, как только уставал от него или переставал им пользоваться. Хотя Элис и сопровождала Кроули на следующем отрезке его путешествия, сев вместе с ним на японское судно «Америка-Мару», идущее в Йокогаму, они расстались, высадившись на берег, и она вернулась к мужу в Америку. Их короткий роман позднее нашёл отражение в цикле стихотворений под названием «Элис: Адюльтер», опубликованном в 1903 году. Кроули считал, что эти стихотворения — по одному на каждый день их любовной связи — напоминают о характерных для него «силе страсти, глубине самонаблюдения и пристрастии к неясным ассоциациям».

Для этих стихотворений характерна яркая образность, и они носят на себе следы воздействия наркотиков.

О, эти веки цвета аметистов!

Я взгляд поймал полузакрытых глаз.

И, как миражи, тают в небе чистом

Седые тени в предрассветный час.

Но мудр по-детски удивлённый лик,

И первый солнца луч к нему приник!

На этих рук, белейших в мире, кожу,

Что светится, как первая звезда,

Бросает отсвет из сирени ложе,

И золотом блестит она тогда.

Цветы сирени навевают грусть,

Как пологом, твою окутав грудь.

Кроули по-прежнему придерживался мнения, что читатель должен как следует подумать, прежде чем ему удастся разгадать заложенные в стихотворении образы. Мнение литературных критиков о новой книге было неоднозначным.

Двадцать девятого июня Кроули записал в дневнике: «Элис уплыла на пароходе сегодня днём». А в записи за 1 июля значится: «Спал с японской девушкой, это уже 34-я национальность». Кроули вёл счёт национальностям женщин, с которыми занимался сексом.

Со времени знакомства с Элис Кроули освоил, кажется, лишь одну магическую технику, да и в той достиг незначительных успехов. Он изобрёл способ заставить moskitov перестать кусаться. В нескольких словах способ заключался в том, что moskitov следовало полюбить, признав за ними право на жизнь и питание за счёт человека. Следовало подавлять в себе желание прихлопнуть москита. Через некоторое время укусы переставали вызывать зуд, а потом москиты и вовсе оставляли человека в покое. Очевидно, метод был не столь эффективен, как утверждал Кроули: насекомые продолжали кусать его, и он ещё много лет периодически страдал от приступов малярии.

Япония, подобно предыдущим странам, не впечатлила Кроули. Японцы, как ему показалось, так же надменно гордились своей национальностью и были такими же замкнутыми (ведь они тоже жили на острове), как англичане. У Кроули мелькнула мысль остаться в дзэн-буддистском монастыре неподалёку от Камакуры, где он любовался гигантской статуей Будды, но ему предстояло ехать дальше, в Шанхай.

Во время этого короткого путешествия он познакомился с двумя «старыми девами из Америки, уже совсем увядшими, с пергаментной, благодаря сухому климату, целомудрию и любви к коктейлям, кожей», которые сообщили ему, что на борту их корабля находится знаменитый писатель Томас Харди. Но они ошибались. Кроули очень веселился, когда оказалось, что речь идёт о преподобном Эдварде Джоне Харди, армейском капеллане, служащем в Гонконге и написавшем книгу под названием «Как стать счастливым в браке».

Странным образом Шанхай, будучи самым космополитичным и самым захватывающим городом на Дальнем Востоке, пользовавшимся, кроме того, славой рассадника греха, прошёл для Кроули почти незамеченным. Он спешил в Гонконг, где жила Элен Симпсон, к тому времени вышедшая замуж за человека по фамилии Витковский и превратившаяся в настоящую колониальную даму, чья жизнь вращается вокруг завтраков, коктейлей и вечерней игры в бридж. Она забросила магию и даже однажды пришла в своих одеждах, сшитых для «Золотой Зари», на карнавальный вечер, где её наряд выиграл первый приз. Сестра Фиделис и его союзник в магических делах больше не существовала для Кроули, хотя более шести месяцев он думал о ней и видел её во сне. С этого момента, несмотря на то что другие люди появлялись в его жизни и исчезали из неё, Кроули понимал, что он сам по себе и должен

идти по магическому пути без посторонней помощи.

В несколько подавленном состоянии он отправился на Цейлон с заходом в Сингапур и Пенанг, познакомившись по дороге с английским торговцем по имени Гарри Лэмб, который жил в Калькутте. Коломбо, куда он прибыл 6 августа, вызвал у него отвращение:

Здесь климат ужасен; архитектура представляет собой результат несчастного случая; местные жители отвратительны. Мужчины с длинными волосами, зачёсанными назад, пахнут рыбой, женщины, чьи чёрные животы выпирают между кофтами и юбками — скользкие от кокосового масла. И те и другие жуют бетель и сплёвывают его, покуда зубы не покроются красным налётом. Улицы города похожи здесь на руины. Здесь англичане кажутся измождёнными и обессиленными. Евразийцы выглядят вялыми уродами; бургеры — голландцы-полукровки — тупоголовыми флегматиками; те, в ком есть португальская кровь, — коварными подлецами, продажными и презренными злодеями. Тамилы чернокожи, но непривлекательны. Сборы всякого сброда и мошенников, которое можно видеть в каждом порту, здесь выглядит особенно омерзительно. Однако японским гейшам удалось достичь высокого уровня светской обходительности, духовной организации и утончённости манер.

Такое же низкое мнение сложилось у него и о местных верованиях.

Аллан Беннет, который сначала собирался стать буддийским нищенствующим монахом, отчасти разочаровался в буддизме и поступил в ученики к шиваистскому гуру из высшей касты Шри Парананде, которого в миру звали Его честь П. Раманатхан и который с Кроули было приятно вновь увидеться с Беннетом, однако у него имелась и скрытая причина для этой встречи. Он хотел поговорить о Мазерсе, а именно о споре религиозного характера, который произошёл между Беннетом и Мазерсом и во время которого Мазере выхватил револьвер и грозился убить Беннета. Только благодаря вмешательству Мойны этого не произошло. После разговора с Беннетом Кроули остался крайне низкого мнения о Мазерсе.

Тропический климат излечил астму, от которой страдал Беннет, но утомил его. Кроули предложил ему поехать в Канди, один из горных районов Цейлона, чтобы вдали от влажного воздуха побережья заниматься йогой. Поскольку поездку финансировал Кроули, Беннет с готовностью согласился. 17 августа они отправились в путь и сняли бунгало под названием «Мальборо» с видом на озеро и храм, хранилище одной из буддийских святынь, зуба Будды. Они приехали сюда в поисках уединения для магических и духовных занятий.

Кроули был в смятении. Он «потерял» магическое сотрудничество Элен Симпсон и больше не мог восхищаться Мазерсом. Только Экенштайн и Беннет были надёжными якорями в его жизни, и он радовался, что Беннет был рядом и мог, обучая его законам йоги, помочь ему в поиске «духовного выхода из мирского беспорядка». Однако Беннет сделал даже больше. Он познакомил Кроули с индуистскими и буддийскими верованиями, с философией и духовными учениями индусов. Кроули неизменно проявлял интерес ко всему, что Беннет предлагал его вниманию. Их общение было похоже на пиршество духа, которое наверняка сопровождалось и укреплялось употреблением гашиша, а 28 и 29 сентября ещё и экспериментами с настойкой опия и кокаином, которые Кроули должен был принимать, поскольку сломал зуб. Кроме того, Кроули предстояло получить подтверждение тому, насколько сильно продвинулся Беннет в изучении восточных религий. И вот однажды днём Кроули вошёл в бунгало и обнаружил, что Беннет парит в нескольких футах от пола, перемещаясь взад-вперёд под дуновением ветерка.

Случайным образом время их пребывания в Канди совпало с ежегодным праздником Перахеры, когда зуб Будды, о котором Кроули скептически заключил, что это не зуб человека, выставляется на обозрение. Событие сильно захватило его: «...в этом огромном празднестве участвуют слоны, танцоры, обезьяны, официальные лица, барабаны, трубы, факелы — всё, что может сверкать или звучать. И всё это приводится в действие одновременно. В результате участники приходят в самый непосредственный экстаз. Бедный, серьёзный, преданный своей идее Аллан, всей душой стремящийся облегчить страдания человечества и помочь людям перейти на иной духовный уровень существования, был огорчён и разочарован. Однако и он испытал некоторое эмоциональное воздействие праздника: это действо было большим испытанием для нервов. Было почти пыткой так остро чувствовать и так неистово желать, реагируя на столь низменные раздражители. Восторженное опьянение длилось несколько часов. Всеобщий энтузиазм хорошо понятен каждому: это был момент высвобождения подсознательных желаний животной сущности человека».

Хотя некоторую часть времени, проведённого в Канди, Кроули посвятил работе над «Тангейзером», всё же в основном он занимался здесь изучением йоги. Он обнаружил, что состояние транса даёт значительный прилив духовной силы и может служить важным дополнением к его магическим занятиям, поскольку транс устраняет все комплексы и психологические преграды, тем самым укрепляя волю. Он работал напряжённо, особое внимание уделял физическим упражнениям и применял уроки Экенштайна по концентрации внимания, причём натренированные альпинизмом мускулы помогали ему

превозмогать боль. Он освоил позу Асаны, во время которой человек утрачивает ощущение своего тела, испытывая полное расслабление. Это умение он сохранил до зрелых лет, полагаясь на него в самые тяжёлые времена.

Строгий режим упражнений многое сделал для здоровья Кроули. Его мускулы укрепились, появился здоровый цвет лица, а периодическое высыпание прыщей, от которого он нередко страдал, прекратилось. Он освоил новые дыхательные упражнения и, как ему казалось, изобрёл ещё один способ победить москитов: нужно было задержать дыхание так, чтобы все мускулы сделались столь жёсткими, чтобы не дать москитам прокусить кожу. Беннет, который ежедневно позволял пиявкам в соседнем пруду присасываться к своему телу, мог заставить их отцепиться простой задержкой дыхания и напряжением мускулов.

К середине сентября аскетический режим йоги стал утомлять Кроули. Расставшись с Беннетом, он вернулся в Коломбо для того, чтобы немного отдохнуть и развеяться. Развлечения его состояли в основном из сингалезских проституток и японских гейш, но одновременно он не переставал заниматься йогой, и 2 октября, вернувшись в Канди, сумел достичь высокого состояния дхьяны. На этом он решил остановиться. Отчасти потому, что чувствовал себя измождённым и ощущал, что продвинулся так далеко, как только мог, отчасти же потому, что все эти занятия, какой открыто признавался, стали его раздражать. Правда, через несколько лет Кроули снова вернулся к йоге.

Кроули вместе с Беннетом — опять же, на средства Кроули — решили посетить священные буддистские места Цейлона. Беннет теперь всё более серьёзно задумывался о возможности вести жизнь нищенствующего монаха. Они побывали в пещере Дамбуллы, на знаменитом остроконечном холме Сигирии и Анурадхапуры. Во время поездки Кроули удалось однажды поучаствовать в большой охоте. Это шокировало Беннета. Будучи буддистом, он считал, что покушением на любую жизнь человек навлекает на себя проклятие. Атот факт, что они чуть не потеряли одного вьючного буйвола, стал знаком для Кроули.

Вид священных мест не занимал Кроули. Он говорил, что они свидетельствуют о величии истории Цейлона, но им не хватает одухотворённости Древнего Египта, где Кроули никогда не был, и что упадок современного общества способствует их разрушению. Например, великолепные каменные изваяния в Дхамбулле были покрыты краской, которая, как считал Кроули, снижала их художественные достоинства. Кроули не заметил, что они были окрашены изначально, со времени своего создания.

Прошло не так много времени, прежде чем Кроули ощутил пресыщение религиозной культурой, и его потянуло в дорогу. Сначала он собирался остаться на Цейлоне подольше и не встречаться с Экенштайном в Индии, как они планировали в письмах, но Беннет посоветовал ему ехать. Беннет собирался стать нищенствующим монахом, но не на Цейлоне. Как раз к этому времени в Рангуне открылся новый колледж для девочек, и Беннету была предложена должность учителя физики. Он принял предложение, поскольку новая должность требовала переезда в Бирму, где буддизм, по мнению Беннета, сохранился в более чистом виде.

Следуя совету Беннета, Кроули на время отложил магию, упаковал свою большую дорожную библиотеку, состоявшую из переплетённых в пергамент книг и манускриптов, купил билет до Тривандрума и, в порядке подготовки к путешествию в Гималаи, отрастил бороду, с которой его частенько стали принимать за бура: на Цейлоне было несколько лагерей, где содержались пленные, захваченные во время Англо-бурской войны. Кроули распрощался с Беннетом и отплыл в Индию. В течение нескольких недель Кроули странствовал по южной части Индии и в это время случайно встретил полковника Олкота, одного из основателей Теософского общества. Полковник подошёл к нему на железнодорожной станции и предложил свою помощь. Приехав в Мадuru (нынешний Мадурай), Кроули планировал посетить индуистский храмовый комплекс Минак-ши. К индуизму он относился с большей симпатией, чем к буддизму, считая первый более живой религией. Понимая, что, будучи европейцем, он не получит доступа во внутренние части комплекса, Кроули решил превратиться в искателя приключений в стиле его героя, сэра Ричарда Бертона, который вошёл в Мекку, переодевшись мусульманином. Обзаведясь набедренной повязкой и чашей для милостыни, он начал изображать из себя нищего. По его словам, местные жители смотрели на него с подозрением, пока не обнаружили, что он прекрасно владеет искусством йоги, после чего один из местных, говоривший по-английски, проникся к нему доверием и провёл его по храмам комплекса, причём Кроули, как говорят, принёс козу в жертву богине Бхавани. Ещё одной вещью, заворожившей Кроули, оказался Шивалингам, который представлял собой изображение бога Шивы с большим фаллосом в состоянии эрекции, которому поклонялись как символу божественного могущества и творчества.

Во всё время путешествия Кроули продолжал свои литературные занятия. В Мадуре 16 и 17 ноября он написал «Вознесение» и «Троицу», пародию на «Сочельник» и «Пасху» Роберта Браунинга. Редкий день проходил без нового стихотворения, и число стихотворений Кроули, и без того большое, постоянно росло.

Охваченный страстью к передвижениям, Кроули отправился в Мадрас («сонный, жаркий и провинциальный»), затем сел на принадлежащее Франции каботажное судно «Дюплеи», идущее в Калькутту. Путешествие было неприятным. Чтобы добраться до корабля, Кроули пришлось выйти в море на ненадёжной вёсельной лодке в шторм, который затем сопровождал его на протяжении всего пути. Корабль вонял керосином и растительным маслом, но Кроули вытерпел: в конце концов, это было приключение, именно то, чего он хотел.

Прибыв в Калькутту, Кроули встретился с Гарри Лэм-бом, и тот предложил ему остановиться у себя. Кроули, который снова страдал от малярии, с радостью согласился.

Лэмб жил в компании коммерсантов, помимо него состоявшей из ещё троих англичан. Одним из них был Эдвард Торнтон, внук, названный в честь своего деда, знаменитого государственного судьи Индии, который сумел самостоятельно подавить два народных восстания. Кроули и Торнтон стали друзьями. Слуги Лэмба относились к Кроули по-разному. Они узнали (используя, по словам Кроули, магические способы), что он был в храмах Минакши и является магом. Один из слуг попросил магически посодействовать убийству его тётушки, которая причиняла много хлопот, а также помочь его брату сдать экзамены, наложив проклятье на экзаменаторов.

Но у Кроули были более важные дела. Он брал уроки языка хинди, для того чтобы потом они с Экенштайном были в состоянии объясниться с местными жителями, и предпринял безуспешную попытку выучить белуджи. Кроме того, он гулял по окрестным кварталам, медитировал, ездил с приятелями на скачки, прочитал несколько текстов по буддизму и критиковал британцев за то, что те привозят с собой своих жён. «Индия, — заявлял он, — неподходящее место для англичанок, поскольку они не приспособлены к здешнему климату и жара делает их чересчур сладострастными и неуправляемыми».

Несмотря на то что у него всё ещё был жар, Кроули в очередной раз поддался своей любви к путешествиям и 21 января 1902 года вместе с Торнтоном сел на корабль, идущий в Рангун. Город удивил его: течение реки Иравади оказалось более быстрым, чем он ожидал, а от позолоченных шпилей пагоды Шведагон захватывало дух, хотя то, что творилось вокруг пагоды, шокировало обоих путешественников: пагода «представляла собой сборище оборванцев, больных и калек. Считается, что, подавая им милостыню, человек заслуживает «награду». Под наградой же подразумевается заведомая невозможность реинкарнации в нежелательном виде».

Наняв в качестве слуги индийца-христианина по имени Питер и принимая хинин с ледяным шампанским, которое считалось лекарственным средством, Кроули несколько дней пролежал «в обессиленном состоянии, не желая ничего, даже смерти. Я начал понимать психологию Аллана [Беннета]. Мой разум был необычайно чист. Я был очищен от грязи желаний. Не существовало ничего такого, чего стоило бы желать; я даже не сетовал на свои физические страдания. Это состояние сознания представляет собой очень полезный опыт. Чего-то очень похожего можно добиться сознательно при помощи поста».

Как это часто бывает в случае с малярией, болезнь внезапно прекратилась, и, хотя и ослабевший, Кроули вновь устремился к своей первоначальной цели, Бирме. Он хотел навестить Аллана Беннета, который жил теперь в монастыре ЛаммаСайадав Кьюнг, к юго-востоку от Акьяба (нынешнего Ситве). Чтобы добраться до монастыря, следовало подняться вверх по реке Иравади, а затем по суше совершить опасный переход через Араканские Горы. Получив необходимые документы и заручившись рекомендательным письмом к начальнику лесничества, Кроули и Торнтон в сопровождении Питера 25 января выехали из Рангуна. Передвигаясь вверх по течению реки, они добрались до Прома (нынешний Пай), затем пересели на пароход «Амхерст», который шёл в Таемьо. Там они наняли повозку с волами и на ней добрались до Кьяюкки. Встретившись с начальником лесничества, человеком по имени Гэрт, и его помощником, они переночевали у него, а затем отправились в Миндон, где прождали два дня, пока местный городской голова пытался нанять носильщиков для их перехода через горы. Никто не хотел идти, так как этот переход считался слишком опасным, поэтому Кроули пришлось отказаться от своего замысла. После оставшихся безуспешными попыток поймать дикого буйвола Кроули и Торнтон одолжили у кого-то выдолбленную из дерева лодку под названием паранг и отправились на ней в обратный путь по собственным следам. Время от времени они высаживались на берег, чтобы переночевать в бунгало или прямо под открытым небом. В Каме они сели на пароход, который шёл до Про-ма и Рангуна. Это было романтическое время. Кроули был заворожён красотой пейзажа и много времени проводил в паранге, охотясь на пролетающих птиц, несмотря на то что у него снова поднялась температура. Кроме того, он написал поэму, восхваляющую это тропическое путешествие.

По возвращении в Рангун Кроули дал расчёт Питеру (тот во время путешествия воровал провизию) и распрощался с Торнтоном, который, уже в одиночку, отправился в Мандалай. 12 февраля Кроули, которого опять мучила малярия, сел на идущий вдоль берега пароход «Комил-ла»; пароход шёл в Акьяб. Прибыв туда на следующий день, Кроули сразу направился в монастырь Ламма Сайадав Кьюнг и по пути столкнулся с Алланом Беннетом, который

превратился в бритоголового, одетого в шафран буддийского монаха по имени Бхикху Анакда Метейя. Так как Беннет был европейцем, его почитали настолько, что они с Кроули не могли вести разговор, постоянно прерываемые людьми, которые простирались перед Беннетом ниц, приносили ему еду и подарки. Тем не менее они успели обсудить, насколько осуществимо распространение буддизма в Европе.

В первую ночь по приезде Кроули ночевал в монастыре, но оставшуюся часть той недели, что он провёл в Акьябе, жил с доктором Мунг Та Ну, бирманским военным медиком, который отвечал за здравоохранение в городе. Если Кроули не встречался с Беннетом, то оставался дома и писал стихи. Тогда же был сочинён «Ахав», который, будучи напечатанным в том же году, подвергся критике не только за своё содержание, но и за нечитаемый шрифт. В остальном же стихи, написанные им в это время, получались лиричными и нередко очень хорошими. Некоторые стихотворения были философскими и несли на себе явственный отпечаток индуистского и буддистского влияния. Но большинство стихотворений написано в традиционном ключе, например «Гонконгский порт», «На пляже Вайкики», «Ночь в долине» — стихотворение, написанное у подножия горы Ситлалтепетль и основанное на путешествиях Кроули.

Попрощавшись с Беннетом 22 февраля, Кроули на следующий день сел на «Капуртала», судно, которое шло через Читтагонг в Калькутту. Получив в Калькутте свою почту и прожив неделю у одного из друзей Торнтонна, он пустился в путь на корабле вверх по Гангу. Он получил вести от Экенштайна. Гималайская экспедиция была готова; встреча назначена в Равалпинди.

Побывав сначала в священном городе Бенаресе («храмы, йоги и танцующие девушки»), а затем в Агре, где он осмотрел Тадж-Махал («храм красоты, внутри которого творятся ужасные вещи»), Кроули 16 марта наконец прибыл в Дели и наслаждался там «турецкой ванной, где процесс омоновения украшен присутствием очаровательных женщин». Через четыре дня он написал эссе под названием «Наука и буддизм», представляющее собой критический комментарий к тому, чему научил его Беннет и что он прочитал у Т.-Г. Хаксли. По мнению Кроули, эссе отражало то, как «мой гений критически пересматривает те разнообразные идеи, которые я усвоил со времени своего приезда в Азию». Это эссе он включил в стихотворный сборник стихов под названием «Песнь как оружие».

Посвятив некоторое время охоте на крокодилов на берегах Ганга, Кроули 23 марта сел на поезд, идущий в Равалпинди, и на железнодорожной станции в Дели встретился со своими товарищами по экспедиции. Штурм вершины К2 начался.

Люди, с которыми Кроули познакомился в поезде, не считая Экенштайна, представляли собой пёструю компанию. Двое были австрийцами: один — судья по имени Генрих Пфанль, второй — адвокат и постоянный партнёр Пфанля в занятиях альпинизмом по имени Виктор Уэсли. Им обоим было немного за тридцать. Следующим был симпатичный тридцатитрёхлетний швейцарец, доктор Жако Гийярмо, военный врач и опытный альпийский скалолаз. Самым младшим оказался англичанин по имени Гай Джон Сентон Ноулз, приятный двадцатидвухлетний выпускник инженерного факультета Тринити-колледжа в Кембридже. Он не был опытным альпинистом, но, подобно Кроули, жаждал приключений и подчинения дисциплине. Кроме того, он, наравне с другими, был в состоянии внести свою долю в финансирование экспедиции, хотя первые 500 фунтов стерлингов, благодаря которым стало возможным начало экспедиции, внес Кроули. Как человек, предоставивший стартовый капитал, он стал вторым по значимости лицом в команде, руководимой Экенштайном.

Все члены экспедиции были обязаны действовать в соответствии с контрактом, который предполагал беспрекословное подчинение командам Экенштайна, требовал уважительного отношения к местной культуре и, странным образом, запрещал сексуальные контакты с женщинами. Насколько эти запреты затронули Кроули, осталось неизвестным, но идея контракта заключалась в том, чтобы мысли каждого сконцентрировались на покорении К2.

Не успел поезд достичь Лахора, как Кроули уже составил себе мнение о своих товарищах по экспедиции. Уэсли был близорук и неаккуратно ел. Пфанль так много тренировался перед экспедицией, что ещё до начала восхождения достиг предела своих физических возможностей. Гийярмо обладал лёгким характером, но был профессионалом с хорошим чувством юмора. Ноулз же был «способным, энергичным и спокойным» молодым человеком. Кроули, предвидя возможные неприятности, зашифровывал свои дневниковые записи, касающиеся его товарищей по экспедиции.

Экспедиция Кроули и Экенштайна была не первой экспедицией на К2. Топограф Т.-Г. Монтгомери стал первым из побывавших здесь европейцев. Это он, попав сюда в 1856 году, назвал эту вершину К2, поскольку она вторая в горной цепи Каракорум. В 1887 году сэр Фрэнсис Янгхазбенд стал следующим европейцем, увидевшим эту гору и приблизившимся к ней. Прошло ещё пять лет, прежде чем сэр Уильям Мартин (впоследствии лорд) Кон-вей добрался до этой горной цепи и переименовал её в честь исследователя, географа и топографа Гималаев Генри Хавершема Годвин-Остена. Именно в этой экспедиции принимал участие Экенштайн.

Гора считалась неприступной. Вырастая из плато, находящегося на высоте

около 12 тысяч футов, сама она имела высоту 28 250 футов. Некоторые альпинисты занимались скалолазанием в окрестностях этой горы, но никто так и не предпринял серьёзной попытки её покорить. По сей день восхождение на неё считается гораздо более трудным, чем покорение Эвереста. Помимо всего прочего, это очень опасное восхождение. Погода в этих местах очень переменчива, поэтому подходящее для восхождений время ограничивается несколькими неделями ранней весны или поздней осени.

Из Равалпинди пятеро альпинистов отправились в Трет, где три тонны альпинистских принадлежностей и провизии были разделены на части, более удобные для перевозки, и погружены на запряжённые лошадьми повозки для транспортировки их в Сринагар. Однако, прежде чем они смогли пуститься в путь, произошло нечто неожиданное. Экенштайну запретили въезд в Кашмир. Такое указание, судя по всему, поступило лично от наместника короля, лорда Керзона. Это был один из тех необъяснимых эпизодов, которые относились к тайнам частной жизни Экенштайна. Сбитый с толку и раздражённый Экенштайн велел остальным двигаться дальше, пока он будет разбираться с неприятной ситуацией. Только через три недели он смог вновь присоединиться к группе. Причина задержки так и осталась неизвестной, но предполагалось, что его заподозрили в шпионаже в пользу Пруссии, которая страстно желала получить контроль над этим регионом.

Путешествие в Сринагар, столицу Кашмира, прошло без приключений, если не считать инцидента с кучером, который нарочно тормозил движение в надежде, что ему больше заплатят. Кроули, который временно остался в команде за главного, продемонстрировал характерный подход англичанина, конфликтующего с местными жителями. «Первая задача каждого путешественника в любом уголке мира, — считал он, — обозначить своё моральное превосходство. Путешественник должен быть всегда спокойным, энергичным и весёлым, но одновременно проникательным, терпеливым и непоколебимым. Он не должен позволять обмануть себя даже на одну сотую фартинга. Если это произойдёт хоть один раз, его будут обманывать постоянно». В подтверждение этих своих убеждений он избил кучера на глазах у всех.

Четырнадцатого апреля прибыли в Сринагар. Кроули чувствовал себя не очень хорошо. У него немного поднялась температура, и, кроме того, он страдал от цветоизменяющего питириаза, который представляет собой разновидность чесотки, так что ему приходилось ежедневно смазывать поражённые места раствором йода. Было решено, что они дождутся Экенштайна в городе, и, хотя Кроули волновался, что из-за этой задержки они пропустят подходящую для скалолазания погоду, ему удалось расслабиться и, несмотря на свою температуру, ходить на охоту.

Двадцать второго апреля Экенштайн присоединился к группе, весь багаж был заново упакован в корзины, именуемые килтами, так, чтобы носильщики могли тащить их на спине, и 28 апреля альпинисты пустились в путь, направляясь в сторону гор. Теперь экспедиция представляла собой довольно внушительное зрелище. Она состояла из 6 альпинистов, 150 носильщиков, которым платили по 4 пайсы в день, 20 личных слуг под руководством нанятого Кроули вождя, Саламы Тантры, нескольких патанов в качестве подсобных рабочих и 50 вьючных пони.

Пейзаж был захватывающим, а подъём — тяжёлым. В предгорьях Гималаев — крутые подъёмы и быстрые реки, пересечь которые можно только по верёвочным мостам. Каждый раз, когда экспедиция делала остановку, сотни людей, узнав, что среди альпинистов есть врач, стекались к ним, желая, чтобы Гийярмо вылечил или даже прооперировал их.

Используя карту, изготовленную Конвеем, — Кроули считал, что она плохо «соответствует природе» и что она по большей части представляет собой плод домыслов и предположений Конвея, который преувеличивал свои достижения, — 4 мая они добрались до горного ущелья, отделяющего Кашмир от Белуджистана.

Как только они преодолели ущелье, начались трудности. Земля была холодной и пустой, безрадостной, дул резкий ветер, а солнце обжигало. Кроули обнаружил, что замерзает в тени и перегревается на солнце. Они шагали долгими часами, а преодолевали при этом лишь небольшие расстояния. Дорога, по которой они шли, явно была главной дорогой на Скарду, и тем не менее её ширина лишь незначительно превышала ширину обычной горной тропинки. Иногда во время ночных стоянок их посещали местные вожди, но в остальном путешествие было однообразным, хотя и происходило на фоне захватывающей дух природы. Кроули, который не любил верховой езды, сетовал на то, что его мул спотыкается, идёт медленно и вообще находится в плохом состоянии. Приступы мучившей его чесотки периодически раздражали кожу в паху, и он чувствовал жжение.

Через десять дней после того, как группа миновала ущелье, альпинисты вошли в Скарду, затем на пароме пересекли Инд и продолжили путь в направлении Шигара, где некий христианский миссионер, о котором Кроули с явной иронией замечает, что за семь лет жизни в этом месте на его счету не появилось ни одного новообращённого, пригласил их на ужин. Из Шигара они отправились в Аскол, где Экенштайн когда-то отделился от экспедиции Конвея, и остановились у горячих источников, впервые за много недель получив возможность помыться.

Оказавшись в Асколе, Кроули нанимал на работу каждого свободного человека и покупал любую еду, которую местные жители могли продать. И вот экспедиция, увеличившаяся в размере, теперь представляла собой целую армию из 230 человек, 18 овец, 15 коз и нескольких десятков кур и приступила к завершающей части пути, ведущего на К2. Во время экспедиционных сборов в Асколе между Экенштайном и Кроули вспыхнула ссора из-за того, что последний настаивал на необходимости взять в горы свою дорожную библиотеку. Кроули утверждал, что интеллектуальное питание столь же важно для жизни, как и пища в прямом смысле этого слова, и что он предпочёл бы умереть от физического голода, чем заставить голодать свой мозг. Это была глупая и дилетантская позиция, поскольку им необходимо было взять с собой как можно больше еды, и, по мнению Экенштайна, согласиться с Кроули значило подвергнуть опасности успех всего предприятия. Однако Кроули был непреклонен, настаивая на том, что умственное здоровье не менее важно, чем физическое, и впоследствии оказалось, что до определённой степени он был прав.

В некотором смысле Кроули плохо подходил для такой экспедиции. Он был слишком большим эгоцентриком и индивидуалистом, чтобы стать полноценным членом команды. Он был очень хорошим скалолазом и при наличии только одного спутника — прекрасным и надёжным партнёром. Но коль скоро участников становилось больше, у Кроули возникало чувство отчуждения. Просто он был не из тех людей, которые способны приносить жертвы ради общего блага. Если впереди появлялась достойная цель — именно он должен был быть тем, кто её достигнет, любой ценой.

Миновав Аскол, они оказались на безлюдной территории и, оставляя по пути небольшие склады с запасами провизии, постепенно продвигались вперёд так, что к 9 июня оказались у подножия ледника Балторо. Этот ледник, чьи размеры составляют тридцать миль в длину и две мили в ширину, является основным источником, от которого подпитывается Инд. Основание этого ледника составляет 500 футов в высоту, намного выше, чем любому из участников экспедиции доводилось видеть прежде. Его склоны, изобиловавшие камнями и их осколками, были очень ненадёжными. Кроме того, по ним струились глубокие потоки ледяной воды шириной до ста метров. Промокать здесь было опасно, поскольку вода могла лишить поверхность кожи естественной жировой смазки, после чего кожа могла высохнуть и начать шелушиться, оставляя на теле гноящиеся раны. Кроули не мылся ни разу с 25 мая, последнего дня пребывания в Асколе, до 19 августа, а все складки и швы его одежды кишели вшами. Даже снимать одежду зачем-либо, кроме облегчения кишечника, в условиях минусовой температуры было рискованно.

По современным стандартам одежду Кроули следует признать неподходящей. Все остальные члены группы были одеты в твид и фланель, но одежда Кроули, который перед началом экспедиции путешествовал по миру, была по большей части куплена в Индии. Иные вещи были сшиты из некачественной материи, а иные — из хлопка. Современное неписаное правило альпинистов, которое гласит: «Хлопок убивает», поскольку он не способен сохранять тепло, не было известно в то время. К счастью, Кноулз дал Кроули рубашку из уэльской фланели, и эта рубашка не подводила его на протяжении всего похода, только протёрлась на локтях. Его костюм довершали альпинистские ботинки, «кошки», изобретённые Экенштайном, и индийский тюрбан.

Чтобы продвигаться вверх по леднику, а также устраивать палаточные лагеря и склады провизии, группа разделилась на три части. Кроули и около двадцати носильщиков шли первыми. Наконец-то он был в своей стихии: одинокий первопроходец в сопровождении преданных последователей. Подобно многим, побывавшим здесь до него и пришедшим после, он был ошеломлён величием горной цепи Каракорум. Через некоторое время «одиночество начало оказывать своё благотворное действие. В горах осознание незначительности размеров человеческого тела избавляет человека от самодовольной уверенности в том, что он — венец природы. И в этом ощущении нет ничего унижительного; напротив, человек чувствует смирение, которое становится опорой для самоотверженности. Она же, в свою очередь, восстанавливает в душе человека равновесие, побуждая его отождествлять себя со вселенной, столь незначительной частью которой является его физическая оболочка». Пфанль и Уэсли с восьмьюдесятью носильщиками отставали от Кроули на день. За ними следовали Экенштайн, Ноулз и Гийярмо и оставшиеся носильщики.

Не принимая в расчёт медлительного кучера и патанов, Кроули восхищался носильщиками, которых он нанял и которые совершали восхождение вместе с ним. Эти люди были, как он считал, «сама невинность, сама честность, сама преданность, сама человеческая доброта. Все они были в высшей степени смелы и бодры, даже перед лицом таких испытаний, которые сулили им неминуемую и страшную смерть». На них была одежда из козлиных шкур, ноги их были обёрнуты в лохмотья и перетянуты ремнями из козлиной кожи, и такая обувь очень затрудняла для них восхождение по льду. Чтобы защитить глаза от ослепляющего блеска снега, они отращивали длинные волосы, которые по-африкански заплетали во множество мелких косичек, свисавших им на лицо.

На уровне трёх четвертей высоты ледника Балторо, в месте под названием ледяное поле Конкордия, к К2 поднимался ледник меньшего размера, Годвин-Остен. Кроули добрался до этой точки 16 июня и своими глазами увидел цель всей экспедиции, возвышающуюся над ним. Гора выглядела величественно и

завораживающе, но Кроули, оставив в сторону романтику, стал осматривать её на предмет маршрута, наиболее удобного для восхождения.

Будучи ответственным за определение места для устройства палаточных лагерей, Кроули настоял, чтобы Лагерь VIII был организован на высоте 16 592 фута в месте, находящемся непосредственно под вершиной, вздымавшейся прямо над ним. С этой точки становилось абсолютно ясно, что лучший маршрут восхождения пролегает по восточной и юго-восточной сторонам склона. В течение следующих двух дней Кроули продолжал восхождение, устроив Лагерь IX под нависающими ледяными наростами высотой в несколько тысяч футов и Лагерь X на высоте 18 733 фута на открытом месте, чтобы избежать лавины. Остановившись здесь вместе с носильщиками, он ждал, когда к нему присоединятся остальные. Но как только Пфанль, Уэсли, Ноулз и доктор добрались до этого места, начался буран, не прекращавшийся до 27 июня, когда к ним поднялся Экенштайн, неся с собой свежий хлеб и мясо.

Альпинисты устроили общий совет и приняли решение, что, поскольку Экенштайн и Ноулз чувствуют себя плохо, первую попытку покорить вершину сделают Кроули, Пфанль и Гийярмо. Однако погода вновь испортилась, и со 2 по 6 июля постоянно шёл снег.

Пфанль и Уэсли обследовали северо-восточный гребень горы, ведущий к вершине, и объявили, что он проходим. Кроули не был согласен, но большинство оказалось против него, поэтому группа альпинистов поднялась вверх по хребту, чтобы основать Лагерь XI. Отсюда, несмотря на ослеплявший его снег — ощущение, по его описанию, напоминающее набившийся в глаза раскалённый песок, — Кроули совершил несколько разведочных восхождений по направлению к вершине и достиг высоты около 22 тысяч футов. Позднее Экенштайн утверждал, что Уэсли и Гийярмо достигли той же высоты 10 июля, но, согласно официальным данным, им удалось подняться не выше чем на 21 653 фута. Какой бы ни была правда, но в течение семи лет это было рекордное по высоте восхождение, а на К2 этот рекорд не был побит вплоть до 1939 года. Сама же вершина оставалась непокорённой до 1954 года, когда прошло уже более шести лет со дня смерти Кроули.

Воспаление глаз, вызванное слепящим снегом, было не единственной проблемой Кроули. К12 июля он уже страдал от несварения желудка и запора (заболеваний нередких на больших высотах), у него было затруднено дыхание, а температура поднялась до 39,5°. Это была малярия. Во сне его лихорадило, а вследствие высокой температуры и кислородного голодания у него начались галлюцинации. Позднее Кроули говорил, что установил рекорд, заболев малярией на самой большой высоте; возможно, этот рекорд не побит до сих

пор. Время, не занятое скалолазанием, Кроули посвящал поэзии (он утверждал, что здесь он побил рекорд Шелли, написавшего стихотворение сидя на альпийском леднике) и придумыванию рифм к сложным словам. Кроме того, он читал книги из своей уже поредевшей, но всё ещё находившейся при нём библиотеки.

Лагерная жизнь была нелёгкой. Постеленные на землю коврики и пробковые матрасы не обеспечивали никакого удобства. Палатки были хорошо приспособлены для таких походов, но в конце экспедиции альпинисты были вынуждены находиться в них целыми днями на положении узников, поддерживая тепло при помощи кашмирской печки кангри, которую топили древесным углём. Сам этот уголь приходилось хранить в палатках, чтобы он не промок. Было трудно готовить горячую еду, в которой они отчаянно нуждались. На такой высоте требовалось два часа на то, чтобы вскипятить воду, и десять — на то, чтобы потушить баранину. Все члены экспедиции жестоко страдали от холода, хотя обмороженных среди них не было. Кроме того, все они потеряли в весе, даже Кроули, чей метод подготовки к экспедициям исключал акклиматизацию и представлял собой накопление в организме больших запасов жира, который сжигался в процессе восхождения от прилагаемых усилий.

С середины июля болезни начали одолевать и остальных. У Ноулза и Гийярмо была непрекращающаяся простуда, у Пфанля началась клаустрофобия, Экенштайна и Ноулза охватило необычайное беспокойство по поводу вспышки холеры в Кашмире, а Уэсли не мог думать ни о чём, кроме еды, вплоть до того, что начал воровать еду из общих запасов. Казалось, только Кроули и Гийярмо удалось в этой обстановке сохранить здравый рассудок и чувство юмора. Когда Пфанль и Уэсли начали подвергать сомнению способности Экенштайна как руководителя группы, им было предложено попробовать подняться выше по склону. Они согласились и поднялись вверх, чтобы основать Лагерь XII на высоте примерно 21 тысячи футов. Но вскоре после того, как эта высота была достигнута, они послали вниз носильщика с известием, что Пфанль заболел. Гийярмо отправился на помощь и нашёл Пфанля кричащим от боли из-за отёка обоих лёгких. Его успокоили при помощи морфия и начали строить планы о том, чтобы спустить австрийца с горы. Потом погода прояснилась, и последовало два дня, в течение которых вершина могла быть покорена, но всё это время ушло на лечение Пфанля.

Сказать, что Кроули был раздосадован, значит ничего не сказать. Он объявил Экенштайну, что если бы тот включил в группу только самого себя, Кроули и Ноулза, у них было бы больше шансов покорить К2. Но это была несправедливая критика, поскольку троих оказалось бы недостаточно в случае

серьёзной травмы или болезни. Единственной ошибкой Экенштайна был подбор членов команды. Пока Гийярмо спускал Пфанля с ледника Балторо, погода испортилась, и оставшиеся альпинисты были вынуждены пробить в Лагере XI с 21 июля по 4 августа. 23 июля Гийярмо вернулся; он на четвереньках выполз из полумрака. Один. Сопровождавший его носильщик соскользнул в расщелину, и доктор, перерубив верёвку, которой они были связаны, продолжил путь в одиночестве, бросив носильщика на произвол судьбы. Экенштайн и Кроули ужаснулись той бесчувственности, с которой он оставил несчастного в беде, даже несмотря на то, что выбора у него, казалось бы, не было, и немедленно спустились с горы, чтобы спасти носильщика. Утром 1 августа буран усилился. Малярия Кроули снова дала о себе знать повысившейся температурой, а к ней добавились понос и рвота: содержание сахара в его крови было необычайно низким. Экенштайн тоже заболел, возможно, от переутомления. Через три дня буря наконец утихла, и группа вернулась в Лагерь IX. 12 августа безо всякой видимой причины Уэсли предложили покинуть группу, а Пфанль, будучи его другом, присоединился к нему из солидарности.

Ещё через два дня оставшиеся члены экспедиции со своими носильщиками спустились в Лагерь I. Попытка покорения K2 была завершена.

Кроули провёл на K2 шестьдесят восемь дней, на два дня дольше, чем все остальные, и установил рекорд по длительности нахождения на такой высоте. На этот период пришлось только восемь дней ясной погоды. Команде Экенштайна не удалось покорить вершину, но они стали первыми, кто попытался это сделать, и побили все рекорды по длительности пребывания на подобной высоте.

У подножия ледника Балторо группа разделилась. Экенштайн и Ноулз, обеспокоенные вспышкой холеры, выбрали для возвращения другую путь, тогда как Кроули и Гийярмо возвращались по собственным следам. Как только они добрались до мест, заселённых людьми, где можно было купить свежие фрукты и мясо, здоровье Кроули улучшилось, а настроение повысилось. Чтобы присоединиться к Экенштайну и Ноулзу, он на плоту проплыл из Аскола в Скарду, затем по суше направился к Сринагару, по дороге встретив Эрнста Рэдклиффа, помощника главы лесного хозяйства Кашмира, в его лагере в Гуниале (нынешнем Гултари). Он накормил и напоил путешественников, а также предоставил им возможность принять горячую ванну.

Шестого сентября, после 132 дней похода, группа прибыла наконец в Сринагар, и на этом экспедиция закончилась. Кроули задержался в Индии, чтобы поохотиться с Рэдклиффом. 30 сентября он на поезде приехал в Бомбей,

сбрил бороду и забронировал место на судне «Египет». Преодолев Аденский залив и проведя один день в карантине как человек, прибывший из Индии, Кроули оказался в Египте и направился в Каир, где и поселился в отеле «Шеферд».

Его образ жизни и характер постепенно приходили в норму. Он избегал осматривать пирамиды, потому что ему не хотелось ощущать на себе «тяжёлый взгляд четырёх тысячелетий». Наняв секретаря, он диктовал свои путевые заметки и, по его собственному выражению, «купался в телесных наслаждениях». 5 ноября 1902 года он покинул Каир и направился в Париж. Его позвал к себе Джеральд Келли, у которого была теперь студия на улице Шампань-Премьер, рядом с бульваром Монпарнас.

ГЛАВА 7

Появляется Роза мира

Оказавшись в Париже и желая возобновить оборвавшиеся связи со своей предыдущей жизнью, Кроули посетил Мазерса, которого, несмотря на опасения, возникшие у него во время разговоров с Беннетом, очень хотел увидеть вновь. Кроули по-прежнему уважал в Мазерсе мага, хотя теперь считал себя уже равным ему и хотел рассказать обо всём, чему научился во время своих путешествий. Кроме того, он рассчитывал забрать некоторые из своих книг и вещей, оставленных на попечение Мазерса.

Встреча в квартире Мазерса на улице Сен-Венсан на Монмартре прошла в натянутой обстановке. Мазерсу были одинаково неинтересны как увлечение Кроули восточными религиями, так и его подвиги на К2, поэтому он выслушал Кроули молча. Кроули, вопреки обыкновению, не стал вдаваться в подробности своего рассказа. Что касается оставленных вещей, то Мазере отдал ему книги, но объявил, что остальные вещи, включая дорогостоящий несессер, пока недоступны, поскольку Мазере меняет квартиру и вещи упакованы. Кроули так никогда и не получил свои вещи назад. Почти наверняка Мазере, нуждавшийся в деньгах, продал или заложил их.

Главной мыслью Кроули о Мазерсе была уверенность в том, что Мазере является чёрным магом, которому не удалось вызвать своего Ангела-хранителя, но который, тем не менее, сумел вызвать злые силы и демонов. Но это была лишь одна из причин неминуемого разрыва между ними. Самолюбие Мазерса позволяло ему терпеть рядом с собой только мелких и незначительных магов, а Кроули не был согласен на вспомогательную роль. Кроме того, Кроули увидел себя будущим руководителем «Золотой Зари» или хотя бы своего собственного

ордена. За такое непослушание Кроули предстояло пострадать. Мазере нанял женщину средних лет, фигурирующую в записях Кроули просто как миссис М., чтобы она магическими средствами воздействовала на Кроули. Она пригласила Кроули на чашку чая, и во время чаепития он обнаружил, что постепенно погружается в состояние некой летаргии, причём его рука чувствовала в это время какие-то бархатистые прикосновения. Миссис М. подошла и склонилась над ним, кончиками пальцев коснувшись его запястья. Её волосы спадали каскадом локонов, и это была уже не женщина средних лет, а молодая и прекрасная девушка. Кроули пришёл в чувство и отнял свою руку. В этот момент она отпрянула от него, а затем снова приблизилась, ещё прекраснее, чем прежде, и быстрая, как кошка. Внезапно она вспрыгнула к нему на колени и попыталась прижать свои губы к его губам. Он поймал её и ухватил за руку. Вокруг её вьющихся волос светилась зеленоватая аура, как будто она была вампиром. Потом её светлые волосы сделались седыми. Её кожа сморщилась, а глаза погасли. Она превратилась в старуху, затряслась и быстро вышла из комнаты. Неизвестно, насколько правдива эта история. Когда Кроули пересказал её Джеральду Келли, художник не придавал ей значения, приняв этот рассказ за чистый вымысел.

Окончательный же разрыв с Мазерсом наступил, когда Кроули в сопровождении Джорджа Сесилия Джоунса однажды вечером ворвался в квартиру Мазерса на улице Сен-Венсан, чтобы забрать магические одеяния и предметы культа, которые были куплены на деньги Кроули и владельцем которых он себя считал.

Кроули намеревался, вернувшись из своего путешествия, спокойно приняться за магические занятия и подготовку к Операции Абрамелина, однако ссора с Мазерсом, а также его собственный интерес к буддизму отвлекли его. В это время Кроули до определённой степени считал себя буддистом и, в этом качестве, верил, что природа гораздо более важна, чем люди. Субъективные оценки, как он считал, должны быть отменены, «если и есть хоть что-нибудь, на что стоит тратить время, то найти это можно, лишь отвернувшись от всего преходящего». Эта циничная позиция станет впоследствии краеугольным камнем его жизни.

Париж ко времени приезда туда Кроули в конце 1902 года был живым и энергичным городом. Наступил модерн, «прекрасная эпоха», художественная жизнь кипела. Клайв Белл в своих мемуарах писал о Париже начала века как о городе кафе-шантанов, баров и бистро, мюзик-холлов и борделей, городе «омнибусов, жёлтых фиакров и водителей в сияющих белых цилиндрах... городе хорошей жизни и низких цен». В этот свой визит Кроули остался в Париже до марта 1903 года, но ещё много лет он был частым гостем в этом

городе.

Артистический мир, где Кроули предстояло возвращаться и куда ввёл его Джеральд Келли, доставлял ему большое удовольствие. Здесь он с готовностью присоединился к тем многочисленным эксцентричным оригиналам, которые потакали своим желанием, подражая артистическим прожигателям жизни. В Англии, как утверждал Кроули, любая «искра индивидуальности рассматривалась как нарушение приличий», тогда как во Франции проявления индивидуальности поощрялись, художники и мыслители становились объектами всеобщего признания, уважения, даже благоговения.

Келли, способный, образованный и обаятельный молодой человек, к этому времени прожил в Париже уже около года и как художник быстро приобретал известность. Считаясь своим в интеллектуальных кругах, он был знаком со старшими импрессионистами Клодом Моне и Эдгаром Дега, скульпторами Огюстом Роденом и Аристидом Майолом и являлся близким другом писателя Марсея Швоба. Он писал портреты за довольно большие деньги, пополнял свой доход при помощи пейзажей, а его первые картины были выставлены на осеннем Салоне 1902 года. Это были портреты его сестры Роуз, гостившей у него несколько месяцев.

Подобно Кроули, Келли был любителем женщин. Он регулярно влюблялся и разочаровывался, а однажды едва не женился на женщине по имени Сибил Мегинс или, по версии некоторых, Маггинс. Одна из двух сестёр Келли, возможно Роуз, спешно приехала в Париж, чтобы огласить семейный ультиматум: если Келли женится, семья перестанет помогать ему деньгами. Однако к моменту приезда сестры женщина успела утомить Келли, и он разорвал помолвку. Весьма вероятно, что временами одна и та же женщина бывала любовницей как Келли, так и Кроули, возможны также единичные случаи гомосексуальных сношений между ними. Иногда в письмах к Келли Кроули подписывался именем Мод.

При посредничестве Келли Кроули познакомился с Роденом, придя в мастерскую старого скульптора. В это время Родена активно критиковали в прессе за статую французского писателя Оноре де Бальзака. Кроули не разделял эту критику и посвятил скульптуре сонет. Роден, которому приятна была похвала молодого человека,

предложил Кроули написать по стихотворению в честь каждой из его лучших скульптур. Кроули, польщённый и полный желанием отблагодарить скульптора за такую честь, написал несколько стихотворений, которые впоследствии были опубликованы под заголовком «Роден в стихах» и проиллюстрированы

литографиями, сделанными самим скульптором.

Ещё одним человеком, с которым Кроули познакомился благодаря Келли, был Марсель Швоб. Знаменитый эссеист и учёный, Швоб жил в роскошно обставленной квартире на острове Сен-Луи со своей женой слугой-китайцем. Жизнь Швоба была нелёгкой. Общество периодически травило его. Он становился объектом антисемитских выпадов, был женат на Маргерит Морено, которая в прошлом была актрисой, кроме того, говорили, что он спит со своим слугой-китайцем. Несмотря на своё положение, близкое к положению изгоя, Швоб устраивал у себя дома литературные вечера. Именно там Кроули свёл знакомство с несколькими писателями. Одним из них был Арнольд Беннет.

Беннет, которому ко времени их знакомства было немного за тридцать и который именовал себя в это время Енохом Арнольдом Беннетом, опубликовал свой первый значительный роман под названием «Анна пяти городов» в 1902 году. Он переехал в Париж и снимал квартиру по адресу: улица Калэ, 4, на Монмартре. Это был неуклюжий, иногда грубоватый человек, и Кроули заметил, что он «чувствовал себя неловко, оказавшись в Париже, в обществе воспитанных и образованных людей», однако, добавляет Кроули, «он был очень польщён той щедрой долей уважения, которой дарили его все окружающие только за то, что он был романистом. Его манера говорить и его внешность не возбуждали никаких насмешек в литературных кругах Парижа». Они стали хорошими знакомыми, и Кроули не отказал себе в удовольствии продемонстрировать Беннету вкус к хорошей жизни, которую тот, как состоятельный писатель, мог себе позволить.

Один пример благородства Кроули был записан обоими — как им самим, так и Беннетом — в их дневниках за апрель 1904 года. Кроули пригласил романиста на обед в «Пайяр». Этот небольшой и скромный на вид ресторан считался одним из лучших в Париже. Кроули заметил, как его гость «был абсолютно сражён почтительным обращением метрдотеля, который очень хорошо меня знал, а его изумление от той роскошной обстановки, в которую он попал, было по-детски очаровательным». Кроули обратил внимание и на то, как «особый говор Беннета» — Бен-нет был родом из Стаффордшира и ещё не избавился от своего северного акцента — «сделал его английскую речь восхитительно косноязычной». Что касается записи в дневнике Беннета, то она гласит: «В ответ на телеграмму я отправился пообедать с Алистером Кроули... На Востоке он был произведён в «ханы», поэтому на нём был красный жилет, тяжёлый от украшений, а на руке красовалось самое большое кольцо, которое мне доводилось видеть. Мне понравилось, как он выглядел. Он сказал, что некие специалисты, изучающие человеческий мозг, сообщили ему, что качество мозга определяется не количеством фактов и идей, хранящихся в нём, а числом

связей и соотношений, установленных в мозгу между этими фактами и идеями. Я сказал: "Конечно"». Кроули со своими яркими жилетами и экстравагантно крупным кольцом произвёл на Беннета такое сильное впечатление, что романист написал о нём в воспоминаниях о Париже под названием «Парижские ночи», где Кроули присутствует под именем Махатмы.

Кроули был частым гостем ресторана «Пайяр». Однажды он привёл туда Клайва Белла, но тот не был подобающе одет. Кроули это не остановило. После того как им указали столик, Кроули тотчас пошёл к метрдотелю и сказал ему, что Белл является русским князем. После этого никто не обратил внимания на одежду Белла. Впоследствии Белл вспоминал, что, когда они вышли из ресторана, Кроули, как это было для него характерно, предположил, что с них взяли втридорога.

Ещё одним из любимых мест Кроули был ресторан «Белая кошка» на улице Одессы. Над рестораном располагалась небольшая комната, где собиралась «интернациональная компания писателей, художников, скульпторов, студентов и их друзей», большинство которой составляли выходцы из Великобритании и Америки. Обед здесь всегда стоил два с половиной франка. Во вступлении к «Подснежникам из сада викария», книге, которую Кроули написал в 1904 году, он называет этот ресторан «У рыжей собаки», а себя и Келли обозначает как «D — и L—, первый — поэт и философ, второй — художник и, боюсь, что педераст. Близнецы по образу мысли, эти двое были непобедимы в спорах и в совершенстве владели каждый своим искусством... Их боялись, поскольку один из них слыл шарлатаном, но никогда в отношениях между мужчинами не бывало столько доброжелательности, столько братских чувств. Связанные взаимным уважением, даже тогда, когда их мнения расходились... они представляли собой пару, исполненную такого благородства и такой гармонии, каких, вероятно, ещё не знал мир». Замечание Кроули о том, что Келли был педерастом, каковым он почти наверняка не являлся, намекает, тем не менее, на интимные отношения между ними.

Наслаждаясь ресторанными компаниями, Кроули знал, что «на Белой кошке есть и несколько блох, чьё отношение к искусству весьма сомнительно, людей, которые надоедают, но избавиться от которых так же сложно, как освободиться от ненужных вещей, скапливающихся в доме. Но иногда какой-нибудь незнакомец представит вам по-настоящему забавную персону». Одной из таких блох оказался американский художник по имени Пенрин Стенлос, который неплохо зарабатывал на жизнь, «делая серии набросков, небрежных, как паутина, и изображающих американских легкомысленных красоток в разнообразных позах». Рисунки были непристойными. Кроули считал, что Стенлос «в полной мере обладает очарованием новой копейной игрушки».

Однако в той же «Белой кошке» Кроули предстояло познакомиться с человеком, который очаруется им самим и вскоре сделает его главным героем своего романа. Речь идёт об Уильяме Сомерсете Моэме, родившемся в Париже в 1874 году.

Неизвестно, когда именно они познакомились, но наиболее вероятно, что это случилось в один из приездов Кроули в Париж в 1904 году. Представил их друг другу всё тот же Джеральд Келли. Его сестра Роуз была подругой жены Чарлза, старшего брата Моэма, юриста, руководившего парижским филиалом семейной юридической конторы, у которого и остановился молодой писатель.

Моэм не произвёл на Кроули впечатления. Молодой человек, по его мнению, «несмотря на свои заявления о том, что он очень хочет стать литератором, был настолько очевидно неспособен к литературному труду, что, боюсь, нам хватило жестокости высмеять его, когда он появился в "Белой кошке"». Его произведения были «сделаны на скорую руку, плагиат в них был просто невероятен», однако Кроули не мог отказать Моэму в наличии у него «оригинального и живого» воображения. Самым жестоким критиком Моэма был канадский писатель Джеймс Уилсон Моррис, но больше всего запомнился Моэму именно Кроули.

Моэм увлёкся личностью Кроули как писатель. Он считал Кроули хвастуном и шарлатаном, однако загадочной и парадоксальной фигурой, как будто напрашивающейся на страницы художественного произведения. За первые шесть месяцев 1907 года Моэм написал роман под названием «Маг». Магом, естественно, был Кроули. Другие завсегдатаи «Белой кошки» тоже были почти буквально изображены в повествовании. Морриса в романе звали Уорреном. Ещё один из ненавистных Моэму задир из художественного мира, американский художник Родерик О'Коннор, в романе стал О'Брайеном. Кроули был представлен в романе под именем Оливера Хаддо.

Во введении к новому изданию своего романа в 1956 году Моэм написал о Кроули:

Он не понравился мне сразу и, тем не менее, заинтересовал и привлёк меня. Он был великолепным рассказчиком и говорил удивительно хорошо. Мне сказали, что в ранней молодости он был потрясающе красив, но ко времени моего знакомства с ним он уже набрал вес, а его волосы начинали редеть. У него были прекрасные глаза и такой взгляд — не знаю, был ли он свойственен ему от природы или приобрётён, — что, когда он смотрел на вас, казалось, что этот взгляд направлен куда-то за вашу спину. Он был шарлатаном, но не абсолютным шарлатаном... Он был лжецом и до неприличия хвастливым

человеком, но, странным образом, он действительно сделал кое-что из того, чем похвалялся... Кроули рассказывал фантастические истории о своих приключениях, но трудно было понять, говорит ли он правду или просто дурачит вас.

Хотя Моэм никогда не скрывал, кто послужил прототипом для Оливера Хаддо, этот персонаж «ни в коей мере не являлся портретом Кроули. Я сделал своего героя более мрачным и более жестоким, чем был Кроули. Я наделил его магической силой, которой Кроули, несмотря на свои утверждения, конечно, никогда не обладал». Тем не менее во время написания процитированного введения к роману Моэм сказал Кристоферу Ишервуду, что знал в своей жизни только двух по-настоящему порочных людей: Кроули был одним из них.

Самоуверенный, рослый, многословный, тучный человек, Хаддо впервые предстаёт перед читателем, входя в ресторан «Чёрная собака». Он зовёт официантку Мари — такая официантка действительно работала в «Белой кошке» — и говорит: «Освободите меня от этого пальто. Найдите подходящий гвоздь для моего сомбреро». Заметив Уоррена, он произносит: «Как печально видеть, о великолепный Уоррен, что этот прекрасный аперитив заставил ваши сияющие глаза потускнеть». Морриса нередко можно было видеть пьяным. Сюжет начинает разворачиваться, когда Хаддо оказывается отвергнутым молодой женщиной, которой затем мстит, насылая на неё проклятие и принося её в жертву во время эксперимента по изготовлению гомункулуса. Парижская репутация Кроули, хотя и не заходила столь далеко, всё же подразумевала наличие у него известной власти над женщинами.

Когда «Мага» напечатали в 1908 году, Кроули был невероятно удивлён. Вот он и попал в литературу. Хаддо жил в доме под названием Скин, явно подразумевавшим Болескин, а в разговорах этого персонажа слышались беседы Кроули с Моэмом, причём даже манера говорить была воспроизведена. Кроули понял, что Моэм «взял несколько самых частных, самых личных фактов моей жизни... Он добавил некоторые из множества абсурдных легенд, сложенных обо мне. Он собрал всё это вместе при помощи бесчисленных лоскутов бумаги, вырезанных из книг, которые я попросил Джеральда [Келли] купить. Я никогда не предполагал, что плагиат может быть настолько разнообразным, всесторонним и бесстыдным». Эта книга представляла собой, как считал Кроули, «поразительную смесь краденых вещей».

Кроули был не столько разгневан, сколько оскорблён плагиатом Моэма, но ему удалось отомстить, написав рецензию на роман в журнале *Vanity Fair* 30 декабря 1908 года. Подписав свою статью именем Оливера Хаддо, он указал в ней на основные случаи плагиата в романе, приведя параллельно оригинальные

тексты, в том числе из книг Мазерса, Элифаса Леви, Г. Уэллса и Александра Дюма. Фрэнк Харрис, главный редактор *Vanity Fair*, не поверил Кроули, которому пришлось в доказательство справедливости своей критики принести указанные книги в редакцию журнала. Через несколько недель Моэм и Кроули встретились. Пристыженный Моэм обратил внимание Кроули на несколько случаев литературного воровства, которые тот не заметил. Кроули, пояснив, что его рецензия была ограничена объёмом журнала, сказал Моэму: «Я почти желал бы, чтобы вы были хорошим писателем». Следует полагать, что в этих словах не было пренебрежения: Кроули говорил то, что думал. Если бы Моэм был признан и знаменит, то литературная реклама в виде его романа сослужила бы Кроули — или, во всяком случае, его самолюбию и репутации — хорошую службу. Позднее Кроули замечал: «Я должен благодарить [Моэма] за несколько записанных образчиков моего остроумия... Я был нисколько не обижен на попытку изобразить меня как отвратительного негодяя и подлеца, поскольку он в своей книге отдал должное тем моим качествам, которыми я гордился... Он приписал мне определённые характеристики, которые хотел представить омерзительными, тогда как на самом деле они были великолепны... В действительности [книга] была таким гимном моему гению, на какой я и не мечтал кого-либо вдохновить». Ещё одно доказательство признания книги со стороны Кроули заключается в том, что впоследствии он использовал имя Оливера Хаддо в качестве литературного псевдонима.

К марту 1903 года Кроули снова овладело беспокойство. Он всегда быстро уставал от любых мест и занятий. Ему легко всё наскучивало, он ненавидел светскую жизнь, рутинную работу и находился в вечном поиске новых впечатлений. Путешествия были самым простым способом избавиться от рутины. О своём нетерпении он писал так: «Я радуюсь любой смене обстановки, любой новой точке зрения. Я хочу учиться новому. Я хочу развивать свой ум». Для него не было закрытых путей, и в автобиографии, написанной им в зрелом возрасте, он утверждает:

С этим ничего не поделаешь. Несмотря на то, что почти всю мою жизнь я имел всё, что есть хорошего в жизни, несмотря на то, что я больше не ценю как таковое то, что я имел, и не радуюсь ему, мне всё же приятна сама идея существования того, что наполняет жизнь. Я принимаю трудности и лишения с чувством экстатического наслаждения; я хочу всего, чем наполнен мир; ради новых впечатлений я пошёл бы в тюрьму и на смертную казнь. Я так и не вырос из детского убеждения, что мир был создан для меня, чтобы я питался от него. Я схожу с ума от ожидания тех невероятных ужасов, которые, несомненно, со мной произойдут. Это главная идея моей жизни — безграничное наслаждение от любого проявления жизни: неважно, идёт ли речь о возможности

переживания или о переживании как таковом.

Беспокойные передвижения Кроули не всегда имели вид заморских путешествий по экзотическим местам. В период между 1902 и 1905 годами он беспорядочно перемещался между Лондоном, Болескином и Парижем, повинувшись почти лишь собственной прихоти. Кроули никогда не был ограничен ежедневной работой. Кроме того, как писатель, большей частью самостоятельно финансирующий издание своих книг, он никогда не сталкивался с необходимостью закончить работу к сроку. Вот почему он мог делать то, что ему вздумается, и до того времени, пока его денежные запасы не истощились, постоянно находился в движении.

На этот момент Парижа было с него достаточно. Город постепенно терял свою привлекательность, а здешняя атмосфера начала действовать на него таким образом, что он даже оказался помолвлен, но разорвал помолвку, как только понял, что «плывёт по течению вступления в брак лишь по причине полного отсутствия душевной энергии». Эта любовная история стала поводом для написания нескольких стихотворений, в том числе «Поцелуя» и «Эйлин» (последнее стихотворение названо, вероятно, в честь невесты), что, однако, не возымело для девушки никаких последствий. Что ни говори, она не относилась к самым ярким представительницам женского пола. Кроули дал ей почитать рукопись своей книги «Песнь как меч», работу над которой он завершил в Париже и передал Филиппу Ренуару, парижскому издателю и печатнику, с тем чтобы тот выпустил издание ограниченным тиражом в пятьсот экземпляров. Среди прочего в своей книге Кроули упоминал, что изучал труды Элифаса Леви и коптские криптограммы. Однажды девушка спросила Келли, которому позировала, что означает «коптский». Тот ответил, что это язык древних коптов. Тогда она задала вопрос о значении слова «криптограммы». Келли, по словам Кроули, ответил, что это язык древних крип-тов, разразился смехом и «разочаровался в человечестве».

Среди других женщин, промелькнувших в жизни Кроули за четыре месяца, проведённых им в Париже, была англичанка, вдохавшая эфир, акробатка и натурщица с лицом таким «круглым, твёрдым, маленьким и миловидным», как кнопка, на которую застёгивается ботинок, и Нина Оливье, которую Кроули в одном из стихотворений назвал «маленькой смеющейся искрой греха». Многие из этих женщин стали героинями сборника стихотворений Кроули под названием «Звезда и Подвязка», опубликованного в 1903 году: Звезда символизировала его невесту, а Подвязка — Нину, которая позднее стала известной парижской куртизанкой.

Непосредственно перед своим отъездом в Лондон Кроули стал косвенным

участником одного из громких скандалов того времени. Скандал касался генерал-майора сэра Гектора Арчибальда Макдоналда, героя суданской кампании и бурской войны, а в то время губернатора Цейлона. Со стороны графа Робертса и короля Эдуарда VII ему было предъявлено обвинение в гомосексуализме. Военному трибуналу предстояло рассматривать его дело в апреле. Он прибыл в Париж 20 марта проездом по пути в Марсель и Коломбо. Через четыре дня Кроули «случайно зашёл в парижский отель «Регина»... За соседним столиком, тоже в одиночестве, сидел сэр Гектор Макдоналд. Он узнал меня и пригласил за свой столик. Он казался неестественно спокойным; но по его разговору было ясно, что он испытывает острые душевные страдания. Он сказал мне, что направляется на Восток. Разумеется, я не показал, что мне была известна цель его поездки, а именно защита от обвинения в сексуальных отклонениях, предъявленного ему на Цейлоне». На следующий день скандальная информация появилась во французском издании *New York Herald*. Макдоналд купил экземпляр газеты, поднялся в свой гостиничный номер и застрелился. Через два года, когда Кроули снова оказался на Цейлоне, он встретил группу шотландских священников, которые приехали с целью вернуть Макдоналду его доброе имя. Это было нелёгким делом, потому что обвинение представило со своей стороны семьдесят семь свидетелей. Кроули несколько успокоил их, сказав, что не стал бы доверять ни одному из свидетелей, и добавив, что «чем больше среди свидетелей никому не известных личностей, тем более велика вероятность, что это нанятые за деньги лжецы».

В апреле Кроули покинул Париж и отправился в Лондон, где встретился с Экенштайном, после чего оба они, не теряя времени, сели в поезд, шедший в Инвернесс, и наконец приехали в Болескин. Кроули забыл свой бумажник со 150 фунтами стерлингов под подушкой в спальном вагоне и был не склонен за ними возвращаться. Однако Экенштайн был непреклонен. Они вернулись на станцию, их провели в маневровый парк, и бумажник был найден. Если бы не Экенштайн, этот эпизод стал бы для Кроули подтверждением того — как он сам объяснил бы это, — что нельзя допускать, чтобы материальные соображения определяли жизнь и поступки.

За время отсутствия Кроули Болескин приобрёл у соседей определённую репутацию. «Я почти не сомневаюсь, — утверждал Кроули, — что демоны Абрамелина, кем бы они ни были, устроили себе в доме неплохую резиденцию и посвящали некоторое количество своего свободного времени запугиванию местных жителей». Это обстоятельство в совокупности с тем фактом, что, как считалось, дом нередко посещала отрубленная голова Саймона Фрэзера, лорда Ловата, который был казнён в 1747 году за то, что встал на сторону Миляги принца Чарли⁹, заставляло местных жителей вдвойне трепетать перед домом и

обходить его стороной. Те, кому случалось вечером проезжать по дороге, идущей вдоль озера, предпочитали сворачивать на пролегающую более высоко пустынную дорогу через Гленн-Лиат, чем ехать мимо Болес-кина. Кроули утверждал, что слышал, как голова лорда катится по коридорам дома, а однажды сообщил, что она

9 Кличка Карла Марии Стюарта, одного из шотландских претендентов на британский престол, появилась на поверхности бильярдного стола, но всё это маловероятно. Болескин действительно был построен как охотничий дом для одного из членов семьи Ловат, и в течение некоторого времени после того, как Ловат был обезглавлен, за домом, видимо, следили. Кроули же лишь достраивал свой мистический ореол и немного шутил.

Какое-то время они с Экенштайном рыбачили и совершали восхождения на близлежащие горы, но, как только Экенштайн уехал, Кроули вновь овладела скука, разгоняемая только случайными визитами управляющего семейства Кроули, Льюиса Чарлза Ричарда Данкомба Джуэла, сына одного из «плимутских братьев» и знакомого Кроули по Стритхэму. Джуэл отрёкся от веры своей семьи ради католицизма, и этот факт привёл Кроули в восхищение, после чего он пригласил Джуэла в гости и предложил ему упомянутую должность. Джуэл, который называл себя Людовиком Камероном, носил шотландку, был завзятым спортсменом и якобитом, с радостью согласился.

Как правило, при отсутствии посетителей всё свободное время Кроули было занято магией, но теперь даже она неспособна была пробудить его энтузиазм. Вместо того чтобы заниматься магией, он читал, ходил на рыбалку и потешался над Обществом бдительности. Основанное в Лондоне, это общество представляло собой в отношении прелюбодеяния то же самое, чем было Общество трезвенности в отношении алкоголя. Кроули написал секретарю общества письмо, жалуясь на то, что в крошечном городке Фойерс, в миле с небольшим от Болес-кина, очень остро стоит проблема проституции. Общество исследовало этот вопрос и доложило, что не обнаружило никаких вопиющих признаков проституции в указанном населённом пункте. На это Кроули саркастически ответил: «Вопиющим является её отсутствие, глуп В течение месяца с 16 июня по 12 июля 1903 года Кроули вёл растительную жизнь. У него отсутствовала всякая «движущая сила и полностью исчез какой-либо энтузиазм». Он даже не писал стихов, считая, что «источник лирики совсем пересох».

Однако он был на пороге резкого и совершенно неожиданного поворота своей жизни.

Тринадцатого июля Кроули отправился в Эдинбург, чтобы пополнить винный погреб Болескина, «нанять себе кого-нибудь в экономки» и встретиться с Джеральдом Келли, которого он собирался сопровождать на курорт Стратпедфер, находившийся в сорока милях от Болескина, где мать Келли в это время проходила лечение. В Эдинбурге Кроули вновь посетила муза, и он написал короткую пьесу под названием «Пожиратель богов».

Кроули предложил Келли заехать в Болескин, и тот принял приглашение. До Инвернесса они добрались на поезде, а затем на лодке доплыли по Лох-Нессу до местечка Фойерс. Нотут, несмотря на присутствие Келли, скука возобновилась. Экономка, которую Кроули в автобиографии называет «рыжая Арабелла», ещё не прибыла из Эдинбурга, чтобы занять свой пост, поэтому пока не могла удовлетворить хозяйственные и сексуальные нужды Кроули. (Она должна была воплощать его представления об идеальной женщине, такой, которую можно «достать с полки, когда нужно, и относительно которой можно быть уверенным, что она не покинет своей полки, если этого не требуется».) Чтобы разогнать скуку, Кроули пробовал заниматься буддийской медитацией, но это не возымело почти никакого эффекта. Он приободрился только тогда, когда Келли пригласил его к себе, на курорт Стратпедфер. Отправляясь в путь, Кроули облачился во все свои шотландские регалии и выглядел настоящим шотландским помещиком.

На курорте Кроули встретил Келли, его мать Бланш, сестру Роуз и средних лет адвоката по фамилии Хилл, который пытался ухаживать за Роуз и который представлял собой, по мнению Кроули, «самое скучное и самое тупое человеческое существо из всех, кого он когда-либо встречал». Через несколько дней, 11 августа, у Кроули состоялся разговор с Роуз, которая призналась ему, что находится в очень затруднительном положении.

Превосходя Кроули по возрасту примерно на год с небольшим, Роуз была вдовой. Два года она прожила на юге Африки со своим мужем, майором Медицинского корпуса Королевской армии по фамилии Скеррит, но он умер в 1897 году. В этом браке не хватало какой-то живой искры. В настоящий момент она была обручена с американцем по фамилии Хауэлл, который учился с Джеральдом Келли в Кембридже. Предстоящая женитьба была в значительной степени устроена усилиями её матери. Тем временем она состояла в любовной связи с женатым человеком по имени Фрэнк Саммерс. Её семья подозревала это, потому что Роуз, нуждаясь в деньгах, солгала матери, сказав, что она беременна, чтобы получить сорок фунтов на аборт. Деньги были потрачены на украшения.

Роуз легко завоёвывала мужчин: она была не только привлекательной

женщиной, но и кокеткой. Кроули писал о ней: «Физически и духовно Роуз производила на мужчин такое завораживающее впечатление, подобного которому я не наблюдал раньше нигде. Она была похожа на героиню романтического романа, Елену Троянскую или Клеопатру, однако в ней было больше страсти, и она не сулила гибели. В сущности, это была очень хорошая женщина». Кроули писал, что у неё была идеальная фигура, в меру полная и в меру стройная, миловидное лицо без всякой смазливости. В ней не хватало только Красоты с большой буквы, того, что Гёте называл "налётом странности". Это была яркая индивидуальность, способная притягивать к себе; интеллекту её отсутствовал, но она обладала способностью адаптироваться в любой компании настолько, чтобы всегда к месту произносить ничего не значащие вещи. Очарование, грация, энергия, такт, манеры — всё это необычайно захватывало».

Выслушав историю Роуз, Кроули был возмущён. Ему самому довелось испытать на себе семейный диктат, поэтому он понимал её. Кроме того, он если и не влюбился в неё, то, во всяком случае, оказался под воздействием чар её кокетливого обаяния. Предложенный им выход из её затруднительного положения был прост и типичен для его импульсивной натуры. Она выйдет за него замуж, и, как только они будут связаны узами брака, он вернётся в Болескин, а она отправится в объятия Саммерса и никогда больше не увидит Кроули. Это было по меньшей мере странное решение, но Роуз согласилась на него. Кроули рассказал об этом плане Келли, который принял его за очередную несерьёзную выходку Кроули. Но он ошибался.

Кроули выяснил, что если они с Роуз явятся к шерифу графства и выразят обоюдное желание вступить в брак, то он сможет поженить их тут же, на месте. Позднее Кроули писал об этом моменте, что у него возникло «естественное для молодого человека интуитивное чувство, что он принимает важное и твёрдое решение, что он, поступая так, вызывает неких неведомых богов». Никем не сдерживаемый, он решил, что должен пройти через это, и наследующее утро, 12 августа — по иронии судьбы первый день сезона охоты на шотландских куропаток, — он и Роуз ещё до рассвета отправились в контору шерифа в Дингуолл.

Во время недолгого путешествия на поезде оба чувствовали себя несколько неестественно. Даже Кроули вынужден был признать, что в их отношениях «появилось нечто странное, когда всё было уже сказано и сделано», однако его успокаивала мысль, что ему «не придётся жить с ней. Всё, что требовалось, — это сделать её свободной».

Приехав в Дингуолл, они разыскали дом шерифа. Шериф ещё не встал с

постели, но его служанка сообщила им, что необходимую процедуру может провести любой юрист, и указала, где найти одного из них. Ранним утром, ещё до завтрака, перед лицом юриста Александра Росса, чья контора располагалась на Таллоч-стрит, в Дингуолле, они дали согласие на вступление в брак и были объявлены мужем и женой. Росс и его секретарь были свидетелями. В документах Кроули значился как Алистер Кроули Мак-Грегор, землевладелец (холостяк); Роуз была записана как РоузСкерритМак-Грегор (вдова). Кроули, одетый в шотландку и имевший при себе шотландскую кожаную сумку с мехом, вынул из ножен кинжал и поцеловал его, тем самым скрепив свой обет. Дело было сделано.

В это время Келли, обнаружив, что Роуз, судя по всему, сбежала с Кроули, поехал вслед за ними следующим же поездом, чтобы помешать происходящему. Но он опоздал. К моменту его прибытия оставалось только сообщить о заключении брака шерифу.

После завершения церемонии невеста и жених расстались. Роуз вернулась на курорт Стратпеффер, а Кроули сел на первый же лох-несский пароход, идущий в Фой-ерс. Во время пути Кроули, вероятно, был в смятении. У него определённо были серьёзные опасения относительно последствий того, что он сделал. Прежде, какому бы внезапному импульсу он ни поддавался, это не имело никакого серьёзного продолжения и не связывало его юридически. И вот менее чем за двадцать четыре часа он из беззаботного холостяка превратился в мужа, пусть, согласно договорённости, и заочного.

Вернувшись на курорт Стратпеффер, Роуз попала в кипящий котёл. Её мать была в ярости, Джеральд Келли был взбешён. Претендовавший на её руку адвокат Хилл пытался аннулировать брак между Кроули и Роуз. Из Болескина в качестве посредника был прислан Данкомб Джуэл. Действительно, хотя брак был законным, процедура не считалась завершённой до момента регистрации. Как Кроули, так и Роуз имели возможность передумать. Но этого не произошло, и вот 17 августа Алекс Дьюар, заместитель судьи графства Росс, Кромарти и Сазерленд, выписал свидетельство о браке в Дингуолле.

Когда всё это было сделано, молодожёны, далёкие от мысли о медовом месяце, каждый со своей стороны приехали поездом в город Кайл-оф-Лохалш, что на западном берегу Шотландии, и поселились в привокзальной гостинице, чтобы всё обсудить. Кроули «пошёл взглянуть на море и надеялся, что в нём будет не слишком холодно топиться», утешил себя шампанским, нацарапал стихотворение на листочке меню и отправился к Роуз в их номер на двоих. Кроме того, он чувствовал, что влюбляется. Имела ли место в этой гостиничной комнате их первая брачная ночь, осталось неизвестным, но велика вероятность,

что это произошло. Кроули был не из тех, кто упускает случай лишний раз заняться сексом, а Роуз, в характере которой присутствовали черты мазохизма, не стала бы ему препятствовать. Потом они отправились в Болес-кин, где Кроули пришлось предпринимать срочные действия, чтобы не допустить появления рыжей Арабеллы. В конце концов, её присутствие было теперь излишним.

Обжившись в Болескине, Кроули написал своей матери:

Жаль, что Вы не присутствовали на бракосочетании, — это была потрясающая церемония, пышный катафалк и вся похоронная процессия напоминали восхитительные похоронные процессии тридцатилетней давности. Преподобный Ф. Ф. Келли прочёл такую красивую проповедь над открытой могилой. Он прочёл 44-й стих 44-й главы Книги Исаяи — «И Господь воззвал к Моисею, и он восстал и поразил его». 36 волынщиков сыграли «голоса, что летают над Эдемом» — как напоминание об Уистлере, которым так восхищается её брат. Когда бранные останки были благоговейно засыпаны землёй при помощи 12 дюжих профессоров эсперанто, таксидермистов и нескольких миссионеров-мормонов (вместе с двумя очень милыми ангелами смерти), облегчающие душу рыдания вырвались из груди собравшихся, слёзы горькой радости заструились из их глаз в таком изобилии, что мы смогли начать свой медовый месяц с путешествия на каноэ. Мы совершили это путешествие со скоростью пушечного ядра за поразительно короткое время, равное 2 часам 43 минутам и 21 1/25 секунды. Далее мы проследовали к морям горячей радости и счастья, где сейчас и находимся и где, слава Богу и Небесам, нас всегда можно найти.

Остаётся только догадываться, как Эмили Кроули отреагировала на это ироническое, почти в духе «Монти Пайтона», послание.

Постепенно семейство Келли смирилось со всей этой ситуацией, хотя Фредерик Фестус Келли пытался заставить Кроули положить 10 тысяч фунтов стерлингов на имя Роуз. Разумеется, он не добился успеха. Что касается Кроули, то он проникался глубоким чувством к своей жене. Он описывал её как «одну из самых красивых и обворожительных женщин в мире». Однако через некоторое время он начал превращать её в собственный идеал женщины: «Однажды в первые три недели нашей совместной жизни Роуз начала вести себя чересчур свободно; я быстро заметил это и отшлёпал её. С тех пор качества идеальной любовницы она дополнила качествами идеальной жены. Женщины, как все существа, недостаточно развитые в духовном отношении, ведут себя хорошо только тогда, когда с ними обращаются твёрдо, доброжелательно и справедливо. Они всегда начеку и сразу замечают

нерешительность или раздражение в хозяине; и тогда их единственным желанием становится высказать вам свою обиду». Вскоре Роуз поняла, где её место. Между тем женитьба пагубно сказалась на творческой продуктивности Кроули. В условиях, когда любовь и секс всегда были под рукой, его «жизнь превратилась в сплошную высокую поэзию, [но она] не оставляла никакой избыточной энергии, которую можно было бы выразить в словах. Я не писал ничего».

Когда шумиха вокруг их женитьбы улеглась, Кроули решил, что они должны устроить настоящий медовый месяц, а именно поехать на Цейлон поохотиться, а затем в Рангун — навестить Аллана Беннета. По его мнению, уехать надо было в любом случае: ведь в Болескине ничего не происходило. Блаженное состояние счастливого супруга оказало на Кроули сильное влияние. Его поэзия иссякла, и то же самое произошло с занятиями магией и медитацией. Заехав в Лондон супруги направились затем в Париж, где Кроули помирился с Джеральдом Келли, написав ему перед встречей и прося впредь обращаться к нему в письмах как к лорду Болескину. По его словам, отныне он собирался использовать имя Алистер Кроули только в качестве литературного псевдонима.

В Париже у Кроули произошла мимолётная встреча с собственным прошлым. Идя по мосту Александра III, он столкнулся с Мойной Мазере. Кроули утверждал, что она выглядела как уличная проститутка, с толстым слоем косметики на лице и грязной кожей. Из этого он сделал вывод, что у Мазерса настали тяжёлые времена, поэтому, как не преминул предположить Кроули, он якобы отправлял свою жену позировать обнажённой в убогих кабаре на Монмартре, а чёрная магия, которой вроде бы занимался Мазере, оказалась убыточным занятием. Возможно, Кроули выдумал эту историю, чтобы отомстить Мазерсу, потому что, по другим данным, Мойна оставалась привлекательной в течение по меньшей мере ещё десяти лет.

Из Парижа Кроули и Роуз на поезде отправились в Марсель и сели на корабль, шедший в Неаполь, а затем в Каир, где они провели ночь в Королевском зале Великой пирамиды в Гизе. Мотивом для этого приключения послужило желание Кроули сделать «жест самца, похваляющегося своим оперением». «Я хотел, — писал Кроули, — чтобы моя жена увидела, какой я великий маг». Купив арабские халаты — алый для Кроули и голубой для Роуз — и взяв с собой книгу заклинаний, они зажгли в пирамиде одну-единственную свечу, и Кроули начал читать соответствующее случаю заклинание. По мере того как он произносил слова заклинания, комната наполнялась бледно-фиолетовым астральным фосфоресцирующим светом, интенсивность которого росла до тех пор, пока не достигла интенсивности яркого лунного света. К утру Роуз была

без сил, а Кроули ликовал. По его собственным словам, он был «просто молодец, раз ему удалось добиться такого замечательного эффекта столь малыми усилиями». Но даже этот успех не вдохновил его на возвращение к занятиям магией.

В декабре они были уже на Цейлоне, путешествовали по стране, занимаясь охотой. Охота как занятие приносила Кроули удовлетворение. Его волновал момент убийства, наступающий после томительного ожидания и слезки. Охота определяла режим его жизни, представляя собой длительные периоды, наполненные сравнительно медленными и сосредоточенными действиями и чередующиеся с резкими выбросами адреналина. Он презирал манеру охотиться верхом на слоне или с так называемого мачана (площадки для охоты, спрятанной среди ветвей дерева). Он предпочитал стоять ногами на земле и при помощи собственного ума стараться победить преследуемого им зверя. К ужасу носильщиков, которых он нанимал среди местного населения, Кроули нередко отправлялся на охоту в одиночку, вооружённый или двуствольным ружьем десятого калибра «Парадокс», или «Экспрессом». Оба вида оружия были в состоянии ранить крупное животное, но Кроули понадобилось девятнадцать пуль, чтобы уложить дикого бизона, считающегося очень опасным животным. Кроули не был хорошим стрелком и охотился, как, впрочем, и занимался альпинизмом, для того, чтобы доказать себе и окружающим собственную мужественность. Садистская сторона его характера наслаждалась процессом убийства, и то, что он стрелял в животных, не заставляло его страдать от угрызений совести, хотя временами он и признавал, что мало чем отличается от убийцы.

Когда они жили у озера в хижине носильщиков, Кроули заметил колонию летающих лисиц, представляющих собой разновидность летучей мыши. Они сидели на ветвях деревьев, росших на берегу. Эти существа славились мягким мехом, покрывавшим их животы, и Кроули задумал настрелять такое количество этих созданий, чтобы их меха хватило на жилет для него и на шляпку для его жены. Такой головной убор идеально подошёл бы для холодных зим в Болескине. То, что для этого ему придётся убить по меньшей мере три дюжины животных, казалось, не пришло ему в голову. Кроули и Роуз сели в плоскодонку и отплыли от берега, но лишь только Кроули сделал первый выстрел, вся стая поднялась в воздух. Кроули продолжал стрелять. Одно из раненых животных упало на Роуз и не на шутку напугало её. На следующую ночь Кроули был разбужен криком раненой летучей мыши. Когда он зажёл свечу, он увидел, что Роуз в обнажённом виде висит на манер летучей мыши на деревянной конструкции, к которой крепилась сетка от москитов. Кроули с трудом спустил её оттуда. Очутившись в его руках, Роуз

Мартин Бут. Жизнь мага. Алистер Кроули

царапалась, плевалась и била его так, как будто в неё вселилась летучая мышь. Кроули пришёл в восторг от этого происшествия. Его жена была не только хороша собой, она явно имела склонность впадать в состояние одержимости, а значит, у неё были оккультные способности.

Кроули допускал и другое объяснение этого события. Роуз была беременна, и её ночной кошмар мог быть следствием инстинктивного и подсознательного стремления защитить своего ещё не рождённого ребёнка.

В свете нового положения Роуз было решено не ехать в Бирму, а вернуться в Болескин. Это решение ещё более утвердилось 7 января 1904 года, когда у Роуз поднялась температура. Пока она лежала в испарине, Кроули вновь посетила муза, и он написал стихотворение под названием «Rosa Mundi» («Роза Мира»). Это было первое из четырёх стихотворений, посвящённых Роуз и считающихся одними из самых значительных произведений в литературном наследии Кроули. Равно наделённое и художественными, и техническими достоинствами, оно написано в духе лирики рубежа веков, но корни его — в поэзии конца девятнадцатого века. В этом стихотворении XIX строк. Оно достаточно длинное и пронзительное, как это видно из строк 12 и 13.

Роза мира

Эй, трусливый и малодушный поэт, продолжай писать!

Ты не более опасен для Любви, чем серая змея,

Которая в сумерки крадётся сквозь чащу

За босоногим деревенским мальчиком, для Солнца, Владыки жизни.

Любовница и Жена,

Неуязвимая, непорочная, невозмутимая.

Слушайте, люди,

И да поразит вас великий страх.

Остальное не имеет значения.

Я видел бессмертных богов,

Сидящих, подобных звёздам, в Древнем Египте, на берегах Нила;

Мартин Бут. Жизнь мага. Алистер Кроули

Одна и та же спокойная поза, одна и та же загадочная,
слабая улыбка, У каждого на обеих губах.

Время не имеет над ними власти.

Они остаются в веках, они пережили всё.

У них древние имена.

Они не вмешиваются в жизнь, им неведома усталость.

Для них, так же, как и для нас,

Жизнь есть Любовь.

Они это знают, и мы это знаем.

Так пусть же пишущие продолжают писать,

О том, что в действительности невозможно что-либо знать.

Об этом первом из посвященных жене четырёх стихотворений Кроули позднее написал: «Я пою для неё, вспоминаю об обстоятельствах, при которых родилась наша любовь, намекаю на ожидаемый плод этой любви и сплетаю всё это в яркую ткань восторга. Так родился новый ритм, новая поэзия. Это был большой шаг вперёд по сравнению со всеми предыдущими примерами описания возвышенных состояний». Даже Экенштайн, которому нравилась Роуз, но который в целом считал поэзию Кроули не более чем скверными виршами, признал, что это исключительное стихотворение о любви. Когда оно вместе с другими стихами, посвященными Роуз, было напечатано под псевдонимом «Д. Г. Карр», Экенштайн пришёл в негодование. Он считал это произведение слишком личным для того, чтобы быть опубликованным при жизни поэта.

Женитьба не избавила Кроули от влечения к другим женщинам. Как и в прошлом — достаточно вспомнить Мехико, — его тянуло к чрезвычайно непривлекательным женщинам. Остановившись вместе с Роуз в отеле «Галь Фэйс» в Коломбо, Кроули познакомился с двумя отвратительными англичанками, матерью и дочерью. Это были нахальные, шумные и хвастливые женщины. У дочери была бриллиантовая брошь в форме короны с её собственным именем (Мейбл), что побудило Кроули записать в дневнике, что он «никогда не встречался с таким отсутствием вкуса». «Даже дрессированную

блоху я никогда не назвал бы именем Мейбл, если бы я хорошо относился к этому насекомому», — писал он. Однако, как он писал всё в том же дневнике, «сила испытываемого мною отвращения заставляет меня предположить, что я хотел заняться с ней любовью и раздражён тем, что уже влюблён в другую. Евангелие не сообщает нам о том, бывают ли у человека, владеющего драгоценной жемчужиной, моменты сожаления об утраченной подделке. Человек склонен подсознательно связывать отвратительных женщин, которые выставляют напоказ своё бессердечие и фригидность, с возможностью некоего высшего извращённого наслаждения самой мерзостью этих женщин».

Отменив планы посещения Бирмы и встречи с Алланом Беннетом, Кроули и Роуз 28 января отплыли из Коломбо в Каир. Кроули не мог знать этого заранее, но следующим трём месяцам предстояло стать преддверием «того единственного события моей жизни, ради которого стоило жить».

ГЛАВА 8

Явление Айвасса

Восьмого февраля 1904 года Кроули и Роуз прибыли в Порт-Саид, а наследующий день добрались до Каира. Тщеславие Кроули вместе с его любовью к розыгрышам и ко всему экзотическому в очередной раз дали о себе знать. Супруги зарегистрировались в отеле под вымышленными именами князя и княгини ЧиоаХан. Выдавая себя за персидского князя с прекрасной женой-англичанкой, Кроули выбрал себе имя, которое звучало как Хива, что, по его мнению, означало Зверь на древнееврейском. Что касается слова Хан, то это всего лишь титул, принятый на Среднем Востоке. Он потакал своему самолюбию, с напыщенным видом разъезжая по городу в усыпанном бриллиантами тюрбане и саблей на боку, в то время как двое слуг расчищали дорогу перед его каретой.

Чтобы предотвратить любые сомнения в подлинности своего титула, он объявил, что получил его от некоего (имени он не называл) восточного властителя. Напечатав специальные уведомления, оповещающие о его новом сане, Кроули послал одно из них родителям Роуз вместе; сопроводительным письмом, в котором просил их впредь присылать письма им с Роуз с указанием новых имен и титулов. Как отнёсся к этому письму кэмбервельский викарий, можно только догадываться, но Бланш Келли уступила, хотя однажды, в шутку, надписывая конверт, обратилась к дочери: «Княгиня Чиоа Хан!» Восклицательного знака оказалось достаточно, чтобы Кроули, не распечатывая, вернул конверт отправителю.

Обосновавшись в Каире, Кроули стал ласково именовать Роуз Уардой (что по-арабски означает «роза»), начал изучать Коран и нанял араба, чтобы тот учил его арабскому языку и основам мусульманской веры. Всё это он делал не просто так: Кроули подумывал о путешествии в Мекку в переодетом виде, какое в своё время совершил его герой Бертон. Однако нанятый араб сделал для Кроули даже больше, чем тот от него ожидал. Он оказался сведущим в мусульманском мистицизме и дал Кроули несколько книг, посвященных этому предмету. Словно в противовес этим своим занятиям, Кроули возобновил увлечение игрой в гольф и ходил на охоту за голубями и перепёлками.

Кроули жилось хорошо, а его женитьба была до сей поры, по его собственному выражению, «непрерывным праздником секса». Скоро ему, однако, суждено было прерваться.

После того как они с Роуз около месяца прожили в отеле, осматривая Хелван, большое древнее захоронение, относящееся к 3-му тыс. до н. э., Кроули снял квартиру в доме, расположенном на центральном городском перекрёстке, неподалёку от музея Булак. Они въехали в квартиру 14 марта. Комнату, выходящую окнами на север, Кроули приспособил под храм, в котором после многих месяцев магического бездействия он начал вызывать разных древнеегипетских богов, в том числе Тота, Изиду, Апо-фиса и Озириса. Через два дня Кроули почти нехотя провёл ту же церемонию, что он совершил когда-то в Великой пирамиде в Гизе. Он стремился вызвать силфов, существ, обитающих в стихии воздуха, чтобы Роуз смогла их увидеть. Но произошло нечто неожиданное.

Согласно записям Кроули, Роуз «была в состоянии оцепенения; возможно, она была пьяна; возможно, из-за беременности у неё началась истерия. Она не смогла ничего увидеть, но она услышала». Находясь в таком состоянии, Роуз не переставая бормотала: «Они ждут тебя». Сначала это раздражало Кроули. Он считал Роуз, как и всех женщин, существами с более низкой, чем у мужчин, интеллектуальной организацией, а следовательно, неспособными к магии. На самом деле всё было наоборот. Роуз была не только привлекательной, но и умной женщиной, хотя её и нельзя было отнести к интеллектуалам. С другой стороны, Кроули мог в своём описании преуменьшать её возможности, с тем чтобы дальнейшее выглядело более впечатляюще.

На следующий день Кроули повторил церемонию с тем же результатом. 18 марта Роуз объявила, что Гор ожидает Кроули. Это вернуло Кроули к его магическим целям: когда он спросил Роуз, оказалось, что она понятия не имеет о том, кто такой Гор. Ещё через два дня, 20 марта, Кроули получил через Роуз сообщение о том, что «наступило Равноденствие Богов. Это означало

наступление новой эпохи. Мне предстояло стать звеном между солнечно-духовной силой и человечеством».

На другой день, 21 марта, произошло первое ошеломляющее событие. Роуз повела Кроули в музей, находившийся на другом конце улицы, на которой они жили. Равнодушно пройдя мимо нескольких статуй, она указала Кроули на витрину, где была выставлена раскрашенная деревянная погребальная доска 26-й династии, испещрённая иероглифами и посвященная жрецу Анкх-эф-нэ-Кхонсу. На ней был изображён египетский бог Гор в облике Ра-Хоор-Кхуит. Стоя на таком расстоянии от экспоната, с которого невозможно было прочесть музейную табличку, Роуз объявила, что на доске изображён тот самый, кто ожидает Кроули. От Кроули не ускользнул и тот факт, что номер этого экспоната в музейном каталоге был 666.

Внезапное духовное пробуждение Роуз озадачивало многих комментаторов. Некоторые утверждают, что она транслировала полученные телепатическим путём подсознательные желания Кроули. Другим кажется, что она от природы обладала экстрасенсорными способностями. Третьи считают, что она читала заметки о магии в записных книжках Кроули и просто повторяла то, что слышала в разговорах своего мужа. Разумеется, Кроули посвящал её как в обычные, так и в магические свои дела. Что касается состояния оцепенения, она могла войти в него благодаря употреблению наркотиков. Известно, что в это время Кроули употреблял — пробовал на предмет использования в магических целях — определённые вещества, а торговля гашишем была широко распространена в Каире. Тот факт, что Роуз была беременна, мог и не приниматься в расчёт. О вреде, приносимом наркотиками ребёнку, находящемуся в материнской утробе, тогда ещё мало знали, а может быть, просто не относились к этой опасности всерьёз.

Обнаружив новые способности, Роуз сделалась не просто женой Кроули. Она стала его первой Алой Женщиной.

Алая Женщина — это термин, использовавшийся для обозначения женщины-медиума, способной вступать в непосредственный контакт с богами. Кроме того, в облике Вавилонской блудницы она являлась духовной спутницей Зверя 666, на спине которого восседала. Она могла пребывать в мире в человеческом облике, который считался одним из низших её воплощений. В своём высочайшем проявлении она была Шакти, спутницей индуистского бога Шивы, с которым была слита в вечно длящемся соитии, а от их непрекращающегося оргазма образовался мир и всё, что в нём. Говоря кратко, она была любовницей владык мира, то есть Тайных Учителей.

Кроули верил, что через его жену Тайные Учителя дают ему сигнал занять место, прежде принадлежавшее Мазерсу.

Роуз сообщила Кроули, который не сомневался в подлинности её мистических контактов, что тот, кто говорил с ней и через неё, был не Гор и не Ра-Хоор-Кхуит, но посланник Гора. Его звали Айвасс, и он был Тайным Учителем очень высокого ранга.

Чтобы понять как можно больше, Кроули заказал одному из сотрудников музея Булак французский перевод надписей на погребальной доске. Но вскоре после того как перевод был закончен, Роуз сказала Кроули, что ему следует войти в свой храм ровно в полдень 8, 9 и 10 апреля и записывать всё, что он услышит, пока не наступит ровно час дня, когда ему следует покинуть храм.

Кроули повиновался. В назначенное время 8 апреля со своей ручкой и стопкой почтовой бумаги под рукой он сидел за столом. Как только наступил полдень, он услышал голос, доносившийся из-за его левого плеча. «Голос, — как потом записывал Кроули, — имел глубокий тембр, был мелодичным и выразительным, звуки его были то торжественными, то чувственными, то нежными, то агрессивными, то какими-либо ещё в зависимости от содержания каждого конкретного высказывания. Это не был бас — скорее, низкий тенор или баритон». Кроули записывал то, что диктовал ему дух по имени Айвасс, хотя успеть за ним было нелегко. Ровно в час дня голос умолк, и Кроули отложил ручку. К концу третьего дня Кроули записал все три части произведения, названного им «Книгой Закона».

Во время записи под диктовку Кроули не разрешалось смотреть на Айвасса, но всё же он украдкой бросил на него взгляд. Его Ангел-хранитель, которым, по предположению Кроули, и был Айвасс, парил на лёгком облаке, похожем на клубы дыма. Это был, «казалось, высокий темноволосый мужчина тридцати с чем-то лет, хорошо сложенный, энергичный и сильный с лицом жестокого короля и закрытыми глазами, взгляд которых способен разрушить то, на что он направлен». Этот мощный образ был «одной из разновидностей визуализации воображаемого». По словам Кроули и, ему и прежде случалось «получать сообщения таким образом».

Само имя Айвасса имело большое значение. Дух не сообщил, как оно пишется, но Кроули использовал на письме два варианта: Aiwass — во время магических опытов, Aiwaz — для всего, что связано с мистикой. Каждому варианту соответствовала определённая численная интерпретация. Помимо всего прочего, Айвасс являлся посланником Хоор-Паар-Краата, известного также под именем Сета, бога разрушения и смерти, кровожадного брата убитого им

Озириса. Среди других его имён значится имя Шайтан, арабский корень, от которого происходит слово «сатана». Говоря кратко, Ангел-хранитель Кроули был, судя по всему, не кем иным, как посланником самого дьявола, и Кроули, кажется, признавал это. Много лет спустя, в 1920 году, он писал: «И Её [Вавилонской блудницы] Предвестие будет сладостным в нашем слиянии, Таинство, данное благодаря Айвазу, нашему Господу Богу Дьяволу». Вопрос об именах довольно загадочен. Откуда происходит имя Айвасс? Роуз могла услышать его от богов, но с таким же успехом она могла сконструировать его из псевдонима, которым пользовался тогда Кроули. Имя Чиоа (или Хива) легко могло быть преобразовано в имя Айвасс. Не исключено также, что Роуз использовала — пусть подсознательно — своё временное «королевское» имя. С другой стороны, если подходить к вопросу скептически, то можно считать появление Айвасса свидетельством того, насколько Роуз была умна. К тому времени она могла уже догадаться, что если не подыграть самолюбию Кроули мага, он отвернётся от неё или бросит, поэтому она решила себя подстраховать.

«Книга Закона», называемая также «Liber Legis», на самом деле представляла собой поэму в прозе, состоящую из трёх частей и возвещавшую наступление новой эпохи, Эры Гора, которая должна была начаться в 1904 году. Кроули должен был стать провозвестником новой эпохи и её религии, которой якобы суждено ниспровергнуть все традиционные верования, где боги порабащают верующих в них людей. Главная идея этой религии основывалась на стремлении к полной самореализации и на той предпосылке, что «каждый мужчина и каждая женщина — это звезда», то есть каждый индивидуум уникален и обладает священным правом развивать себя так, как он считает нужным.

В определенном отношении новое произведение Кроули напоминало книгу Ницше «Так говорил Заратустра», поскольку тоже предлагало новую философию. В некоторых местах оно было неоригинальным и даже подражательным. Джон Ди, живший в XVI веке математик, маг, алхимик и фаворит Елизаветы I, написал: «Делай то, что при-носит тебе наибольшее удовольствие», тогда как в XV веке сатирик и монах-бенедиктинец Франсуа Рабле прославился своим изречением «Fay ce que voudras». (делай что желаешь!) Сходство с Рабле заключалось и ещё в одной детали. Рабле писал о вымышленном Аббатстве Телемы, расположенном на берегах реки Луары, где любое проявление лицемерия или ханжества подвергалось осуждению и осмеянию.

Закон, изложенный в книге Кроули, прост и в целом известен под названием Закона Телемы, thelema же по-гречески означает «желание». Во время приготовления к Операции Абрамелина всем членам «Золотой Зари»

предписывалось стремиться к успешному проведению этого обряда, но именно Кроули добился наибольшего успеха. Когда же это произошло, Кроули оказался достаточно подготовленным для того, чтобы распознать наступление новой эпохи: как будто его магические достижения инициировали её наступление. Предыдущая эпоха была эпохой Озириса и характеризовалась умирающими богами, такими, как Иисус Христос. Но наступало новое время, время Гора, бога солнца, и это время должно было стать символом бессмертия человеческой личности.

В книге присутствовала одна фраза, благодаря которой Кроули стал — и остаётся — известной или, напротив, непопулярной личностью, в зависимости от точки зрения. Речь идёт о раблезианском лозунге «Делай что желаешь, таков весь закон». Кроули объяснял смысл этого изречения, говоря, что «всё, что угодно, абсолютно логично можно вывести из единственного принципа "Делай что желаешь, таков весь закон". Или, иными словами, "Нет иного закона, кроме как делать то, что желаешь"... Или "У тебя нет иных прав, кроме как делать что желаешь". Суть теории заключается в том, что каждый мужчина и каждая женщина обладают определёнными качествами, направленность которых в совокупности с окружением и обстоятельствами в каждом конкретном случае диктует определённую тактику поведения. Следовать этой тактике означает исполнять законную волю. "Делай так, и никто не посмеет запретить тебе"». Другими словами, каждый индивидуум имеет право на независимость, право развиваться так, как ему кажется правильным, искать образ жизни, согласующийся с его самыми фундаментальными представлениями и самыми искренними желаниями и при этом гармонирующий с его окружением. Человек имеет право развивать себя, духовно и интеллектуально, до предела своих возможностей. Последнее утверждение является основным принципом современной британской системы образования и записано в Законе об образовании за 1944 год. Итак, некоторые из идей Кроули не только опережали своё время, но в конце концов стали частью государственной политики.

По мнению Кроули, никто и ничто не имеет права отнимать у человека это фундаментальное право, и фраза о том, что каждый человек — это «звезда», означает, что любое человеческое существо — это индивидуальность, а не серийное изделие, что личность нельзя подчинять мелкой тирании, источниками которой являются в том числе традиционные верования и законодательная система. Человек, который обнаружил и осознал свои истинные желания, в терминологии Кроули является «гением», чья жизнь не подчиняется законам повседневной механической жизни в индустриализованном, организованном и строго упорядоченном обществе. Но главное, чего Кроули не принимал и никогда не мог бы принять, — это те

ограничения, которых требовало от человека общество. Он всю жизнь боролся с этой разновидностью деспотизма, освобождая человечество от тех, кого он именовал Глупыми Богами и Дурацкими Дьяволами.

Фраза Кроули «Делай что желаешь...» дополнялась другой фразой: «Любовь — это закон; любовь по доброй воле». Это было развитием известной идеи, которой придерживался Кроули, однако многие критики склонны неверно истолковывать оба эти лозунга как призыв к нравственной вседозволенности. Однако следует признать, что в иные времена Кроули и сам был склонен интерпретировать их именно таким образом.

Происхождение «Книги Закона» не раз становилось поводом для многочисленных предположений. Многие считают, что Кроули написал её сознательно, а история её написания выдумана им, чтобы придать всему этому магический смысл. Сторонники этой версии указывают на стилистическое сходство книги с другими произведениями Кроули, а также с идеями и учением «Золотой Зари». Нечего и говорить, что сам Кроули это опровергал. Согласно другому мнению, при написании книги сработало подсознание Кроули, активизировавшееся под влиянием занятий медитацией, употребления наркотиков или по велению души. Существует также мнение, которого придерживался и сам Кроули, что книга была дарована ему Тайными Учителями посредством Айвасса. По большому счёту это и не имеет значения: важно, что книга была написана и что она возвещала новую философию, новую религию, основой которых являлась; Кроули же выступал в роли верховного пророка этого учения. Следует добавить, что, не напиши Кроули этой книги, он не представлял бы собой с магической точки зрения ничего особенного. Закон Телемы стал тем самым, что выделяет Кроули среди его современников-окультистов.

Закончив книгу, он, что было нехарактерно для него, не поспешил её опубликовать. Он нанял машинистку, чтобы та перепечатала рукопись, и написал Экенштайну, Бен-нету, Джоунсу и Мазерсу, что намеревается вскоре объявить о рассвете новой эпохи, — но это было всё, что он предпринял. На самом деле Кроули был возмущён содержанием книги. Провозглашаемые ею идеи находились в противоречии с его собственными принципами. «Я даже не испытывал гордости по поводу того, что выбор Тайных Учителей пал на меня, — писал он, — я слишком хорошо осознавал собственную ограниченность и вялость». Возложенная на него ответственность публичного провозглашения самых сокровенных тайн вызывала у него одновременно страх и отторжение. Отчасти он чувствовал себя недостойным и в то же время с опаской относился к изданию столь откровенного, как он считал, трактата. Весьма вероятно также, что он боялся не столько своей невероятной

ответственности перед Тайными Учителями, сколько людского осмеяния за то, что посмел объявить себя голосом новой религии, а также нападок со стороны «Золотой Зари», Мазерса и ему подобных за разглашение секретного знания Тайных Учителей, которое, какому всегда внушали, ни в коем случае не должно стать достоянием непосвящённых.

Недовольный книгой, отчасти из-за того, что её идеи шли вразрез с несколько размытыми буддистскими принципами, которых он придерживался в это время, Кроули отложил книгу в сторону сразу после того, как она была отпечатана. Многие годы он пренебрегал ею, потерял рукопись (которая позднее обнаружилась на чердаке в Бо-ескине) и делал вид, что книги не существует. Однако по прошествии нескольких лет он вернулся к ней, и её смысл казал решающее влияние на его жизнь.

Нет сомнений, что книга послужила одной простой цели: она доказала Кроули, что он находится в непосредственном контакте с Тайными Учителями. Это, во-первых, ставило его выше Мазерса, который, по мнению Кроули, утратил способность к таким контактам, а во-вторых, означало, что при поддержке Тайных Учителей Кроули по крайней мере получал возможность основать своё собственное магическое сообщество.

В начале лета 1904 года Кроули и его Алая Женщина оставили Египет и направились домой через Париж. По пути Кроули написал Мазерсу. Основная мысль письма заключалась в том, что Тайные Учителя покинули Мазерса и теперь будут помогать ему, Кроули, который является носителем их идеи о Телеме, что делает его главой любого ордена или сообщества. Он также решил, что новая эра, Эпоха Гора, началась с момента начала записи «Книги Закона», то есть 8 апреля. Поэтому отныне моточисление следует вести не от Рождества Христова, а от 1904 года, аббревиатура же AD (Anno Domini, «от Р. Х.») будет заменена аббревиатурой EV (Era Vulgaris, то есть Эра Непосвящённых). Кажется, Мазере не обратил на всё это никакого внимания.

На короткое время остановившись в Париже, Кроули и Роуз направились в Болескин, где хозяйство теперь вела тётка Кроули, Энни, проживая в Браун-Лодж в качестве экономки. Поскольку рождение ребёнка было не за горами, Кроули нанял акушера, доктора Персиваля Ботта, который должен был жить в доме и, когда понадобится, принять ребёнка. Ещё один врач, хирург по имени Айвор Бек, также приехал в дом Кроули. Он был старым кембриджским товарищем Келли и Кроули; потом они встретили его в Париже и близко сошлись с ним во время совместных посещений «Белой кошки». Нетрудно догадаться, как Кроули ладил с Бекком, если в жизни последнего было всего два интереса: гольф и разговоры.

Остаток лета Кроули провёл принимая самых разнообразных гостей. Несмотря на то что Кроули неохотно открывал свой кошелек для общественных нужд, в частной жизни он неизменно проявлял себя как щедрый хозяин, и его домашние вечеринки представляли собой «потрясающее времяпрепровождение в Болескине. Благодаря лососям, оленине, моему винному погребу, бильярду, скалолазанию, хорошей компании и отличной летней погоде, жизнь протекала как волшебный сон».

Помимо развлечений и удовольствий, Кроули занимался обустройством Болескина. Он велел выкопать пруд в самой высокой части своих владений, под каменистым склоном. Пруд пополнялся водой из источника и обеспечивал водой весь дом. Сам ручей, окружённый камнями и растениями, был сделан священным местом. На соседнем лугу Кроули начал обустраивать площадку для гольфа, в то время как водопроводчик оборудовал в доме систему центрального отопления, которая прослужила вплоть до 1990-х, когда она подверглась капитальному ремонту.

Не планируя в ближайшем будущем заморских путешествий, Кроули направил свою энергию на издательские дела, сотрудничая с такими издателями, как Кеган Пол и Чарльз Уотс & К0, а также пользуясь услугами таких высококачественных типографий, как Chiswick Press.

Сказать, что Кроули был бездарным бизнесменом, — ничего не сказать. Он понятия не имел о том, как распространять собственные книги и как извлекать прибыль от их продажи. Честно говоря, это и не было его главной целью. Он считал своей обязанностью сделать эти книги доступными публике, скорее для приобретения ими известности, чем для собственного обогащения. Очевидно, что такое поведение было очень самоуверенным. Однако если бы он задумывался об эффективности своего бизнеса, то распространял бы свои книги более широко, и большее число людей прочло бы их, что в дальнейшем облегчило бы его заботы. Разумеется, среди его произведений было много таких, которые не стоили затрачиваемых на них денег, но было достаточное количество и других, которые могли бы завоевать ему литературную репутацию.

Кроули не скупился на издание своих книг и следил за каждым этапом подготовки книги к печати, выбирая гарнитуру шрифта, бумагу и материалы для переплёта, всегда стремясь, чтобы они были лучшими из возможных. Его книги в такой же степени являлись произведениями издательского искусства, как и произведениями литературы. Определяя издательские характеристики книги, Кроули определял также её будущую цену и дату печати. В качестве последней он, как правило, выбирал равноденствие или солнцестояние.

Каждый том произведений Кроули можно рассматривать как отражение его личности, его пристрастий, человеческих и магических. Цвет бумаги и переплёта, формат книги, даже её розничная цена обычно имели эзотерический смысл.

В период между 1898 и 1905 годами Кроули выпустил семнадцать книг. Все они вышли ограниченными тиражами и в финансовом отношении были недоступны большинству читателей. Малое количество экземпляров было продано: из нескольких изданий удалось продать менее чем по двадцать экземпляров, что же касается «Воззвания к Американской Республике» и «Трагедии матери», то из тиражей этих книг не продали ни одного экземпляра. Даже дешёвое, ценой в шиллинг, издание под названием «Звезда и Подвязка» потерпело провал.

Причиной этих неудач являлось отчасти малое количество усилий, прилагаемое издателями, с которыми сотрудничал Кроули: поскольку издатели не вкладывали в публикацию его книг ни пенни, их не заботила и та прибыль, которую эти книги могли принести. В результате Кроули решил основать своё собственное издательство, назвав его «Обществом распространения правды о религии» (SPRT): это название являлось шутливой переделкой «Общества англиканской церкви по распространению христианского знания». В качестве юридического адреса компании значился Болескин. Зарегистрировав издательство, Кроули принялся за реализацию честолюбивой издательской программы, выпустив в 1904 году «Аргонавтов», «Песнь как меч», «Книги о Гоэтии царя Соломона», «Почему Иисус плакал» и «В доме», а на следующий год — «Оракулов», «Орфея», «Розу мира» и первый том своего собрания сочинений. Кроме того, он забрал у своих предыдущих издателей нераспроданные книги и вставил в них листы, отпечатанные в издательстве SPRT. В этом внезапно обрушившемся потоке книга «Песнь как меч» (или, более правильно, «Песнь как меч, называемая христианами Книгой зверя») представляла наибольший интерес.

Великолепно изданная в Париже и вышедшая ограниченным тиражом в пятьсот экземпляров с обложкой, оформленной таким образом, что в неё причудливо вплеталось число 666, эта книга по сей день считается одним из лучших образчиков печатного дела начала XX века и одной из самых популярных книг Кроули. Однако в то время, когда она вышла в свет, несмотря на похвалы, которыми наградил её Г.-К. Честертон в довольно обстоятельном обзоре, напечатанном в Daily News под заголовком «Мистер Кроули и верования», её прочитали немногие: из-за того, что она вышла ограниченным тиражом, её просто трудно было найти.

Это было досадно. На тот момент книга представляла собой лучшее из произведений Кроули. Поэзия этой книги — зрелая, необычная, сардоническая, пленительная. Содержание сносок — намеренно и характерно для Кроули вызывающее: «Итон — школа, известная тем, что она воспитывает хамов...» или «Христос возносится — и я говорю вам откровенно, что, если он не вернётся к тому моменту, как я закончу читать эти обвинения в его адрес, я отрекусь от него». После того как книга была издана, Кроули послал по одному экземпляру каждому, кто в ней упоминался (кроме, разумеется, Христа, хотя Кроули послал бы книгу и ему, если бы это было возможно), с приложением письма следующего содержания:

Письма и телеграммы присылать по адресу: БОЛЕСКИН, ФОЙЕРС.

Для счетов, исков, судебных повесток и т. д.: ЛАГЕРЬ XI, ЛЕДНИК БАЛТОРО, БЕЛУДЖИСТАН.

О, Миллионер! Господин Редактор! Дорогая миссис Эдди, Ваше Святейшество Папа! Ваше Величество Император! Ваше Величество! Ваше Королевское Высочество! Дорогая мисс Корелли,

Ваша Светлость! Господин Кардинал, Господин Архиепископ, Господин Герцог, Господин Маркиз, Господин Виконт, Господин Граф, Господин,

Господин Епископ, Пёс!

Многоуважаемый сэр, Господин Конгрессмен,

Сэр, Господин Сенатор,

Приятель, Господин Президент,

(а также их производные женского рода), — нужно подчеркнуть, согласно Вашему выбору. Ввиду того что на страницах моего шедевра, книги «Песнь как меч», которая при сём прилагается, я

(а) отдаю должное Вашей гениальности

(b) нападаю на Ваши (1)политические

(2) нравственные

(3) общественные

- (4) интеллектуальные
- (5) физические принципы
- (с) выражаю уважение к Вашему величию
- (d) ссылаюсь на Ваш авторитет
- (е) взываю к Вашим лучшим чувствам

я считаю своим долгом дать Вам возможность защититься, возразив на мои чудовищные суждения, поблагодарить меня за рекламу или — просто ответить мне так, как это покажется Вам подходящим. Ваш покорный слуга, Алистер Кроули

Совершив эту злую выходку, Кроули повеселился на славу: под миссис Эдди имелась в виду Мэри Бейкер Эдди, основательница «Общества христианской науки», а под мисс Корелли — известная писательница, прославившаяся своими моралистическими произведениями и жеманным стилем. Она была любимым автором королевы Виктории.

Не все критики разделяли восхищение Честертона. Literary Guide приветствовала книгу как шедевр сатирического жанра и свидетельство большой образованности автора, тогда как Yorkshire Post отмечала, что она «явно, хотя и напрасно создана с расчётом на то, чтобы досадить не только христианам, которым она непосредственно и адресована, но любому серьёзному, мыслящему человеку, какую бы религию он ни исповедовал». Вероятно, Кроули был польщён.

Второе место занимала книга «Почему Иисус плакал», которую Кроули отчасти посвятил Христу, отчасти — Честертону и отчасти — ребёнку в утробе Роуз. Она также вышла ограниченным тиражом в сто экземпляров. Это была сатирическая пьеса, изображающая жизнь английского общества, идея которой родилась во время встречи Кроули с отвратительными матерью и дочерью в отеле «Галь Фэйс» в Коломбо. Поставленный перед необходимостью распространять свои книги, Кроули приготовил несколько рекламных объявлений. Для него это был ещё один повод потренировать собственное чувство юмора. Вот, к примеру, одно из таких объявлений:

Уникальная возможность. — Спешите купить, если хотите избежать Армагеддона! «Почему Иисус плакал» — книга АЛИСТЕРА КРОУЛИ (который тоже плачет). Исследование, посвященное устройству общества и

Божьей Милости. Ограниченный тираж. Один экземпляр — 1 фунт и 1 шиллинг. Выглядит так же, как «Песнь как меч», но абсолютно чёрная... Вы молодая, мягкосердечная девушка? П.И.П. доставит Вам удовольствие и наполнит Ваш ум прекрасными мыслями. Вы увлечённый Мистик? П.И.П. — это ключ к Блаженству. Вы вечно спешащий бизнесмен? П.И.П. укрепит Вашу уставшую нервную систему. Вы поэт? П.И.П. не станет стричь Ваши волосы, но заставит их встать дыбом. Вы собаковод? Читайте П.И.П., и темпы собачьего размножения превзойдут все Ваши ожидания. Вы теолог? П.И.П. доказывает, что Христос был неплаксивым истеричным ипохондриком, но человеком, чьи жалобы были искренними... [Завершалось объявление так:] Печатный орган Общества христианской науки «Милуокский Томагавк» рапортует: «Теперь мы знаем почему». Католическая пресса единодушна в своём восхищении. Общество ничтожеств заявляет: «Под улыбающейся маской Ангелы мы узнаём зловещие, нарумяненные черты Леди С...» «Божья Милость», к которой присоединяются «Дела Духовные», газета общества Благочестивых Старцев, пишет: «Святая кровь вновь разрушает козни Вельзевула». Я говорю: «Покупайте! Покупайте сейчас! Спешите! Спешите!» Мой ещё не рождённый ребёнок кричит: «Покупайте!»

Как будто находя этот текст недостаточно шокирующим, Кроули включил в книгу письмо своей матери, которая просила его: «Отвернись от лукавого врага твоей души». Ещё одно объявление рекламировало это нововведение: «Издание со специально включённым призывом Мамы Поэта». Сноска внизу страницы гласила: «Ребята, рассудите сами! Христос может прийти в любой момент. Он будет недоволен, если окажется, что вы не читали книгу о Его слезах».

Отзывы прессы по поводу внезапных литературных излияний Кроули были неоднозначными, но в целом мнение критики сводилось к изумлению и восхищению, которые смешивались со смущением, вызванным нестандартной позицией Кроули. Короче говоря, Кроули нуждался в редакторе.

До некоторой степени таковым являлся Айвор Бек. Перед ним стояла задача скомпоновать собрание сочинений Кроули, произведений которого, несмотря на тридцатилетний возраст автора, было достаточно для издания трёх полноценных томов; их планировалось выпускать по одному в год, начиная с 1905-го. Последний том содержал подробную библиографию, составленную Дан-комбом Джуэлом, однако относящуюся только к книгам, написанным до 1905 года, и не содержащую ни одного упоминания о книге «Белые пятна». Когда вышел первый том полного собрания сочинений, Кроули объявил о вознаграждении размером в 100 фунтов стерлингов за критическую статью о его литературном творчестве. Тогда ещё не появилось желающих делать это добровольно.

Невозможно подсчитать, сколько именно Кроули потратил на издание своих книг до 1905 года, но несомненно, что эти траты значительно сократили размеры его состояния. Кроме того, в результате он оказался обладателем большого бумажного состояния — в виде книг — при отсутствии шансов когда-либо превратить их в наличные. Впоследствии в течение многих лет он пытался отдавать книгами долги. Его кредиторы, как правило, отказывались от такой формы оплаты. В наши дни стоимость этих книг во много раз превышает их первоначальную цену.

Как будто неудовлетворённый рекламой своего собственного имени, Кроули печатался также анонимно и под псевдонимом. Одним из изданных таким образом произведений была «Александра: Ода ко дню рождения», под заголовком стояло: «Аннотированные фрагменты из Оды английской королеве. Частное издание для знатных персон. Пять долларов». Якобы напечатанная в Шанхае и принадлежащая перу «Офелии Кокс (урождённой миссис Хант)» — двусмысленное выражение, которое Кроули использовал и прежде, — эта книга вышла в 1906 году и была благоразумно напечатана в Париже: содержание её было непристойным. Считается, что те экземпляры этой книги, которые Кроули пытался переправить в Великобританию, были конфискованы таможей.

Помимо издательских дел, в начале лета 1904 года Кроули возобновил в Болескине свои занятия магией. Он считал, что подвергается «магическому воздействию» со стороны Мазерса, который, как казалось Кроули, был взбешён письмом, возвещавшим о его низложении, и направил против Кроули демонов Абрамелина. Результаты этого воздействия выражались в смерти нескольких собак Кроули — в это время он держал свору ищеек в конурах, располагавшихся перед сараем для карет и колясок, а также в том, что у него часто болели слуги. Воззвав к Вельзевулу и сорока девяти его прислужникам, Кроули начал оказывать сопротивление, поддерживаемый Ниморупом (уродливым гномом), Номинионом (духом, имеющим облик медузы) и Холестри (большим розовым насекомым), а также другими оккультными силами. Вдобавок ко всему рабочий, занимавшийся установкой системы отопления, сошёл с ума и напал на Роуз: Кроули и в этом усмотрел дело рук Мазерса. Бросившись на помощь Роуз, Кроули ударил рабочего багром для лососей, вместе с Беком перетащил в отдельную комнату и запер его вплоть до прибытия полиции. Никаких обвинений со стороны полиции не последовало. Вскоре Кроули обнаружил в ванной какого-то жука. В течение следующей недели сотни их появились в окрестностях Болескина. Кроули послал одного в Лондонский музей естествознания, но тамошним учёным, судя по всему, не удалось определить вид жука. Кроули расценил нашествие жуков как ещё одно проявление магии, которой он занимался.

Время от времени Кроули и Роуз пытались вызвать Айвасса и с этой целью занимались изготовлением благовоний и так называемых Пирожных Света, инструкции по приготовлению которых Кроули получил в «Книге Закона». Представляя собой некую разновидность печенья, эти пирожные использовались как гости для магической евхаристии. Рецепт их приготовления в идеале включал в себя менструальную кровь, а при отсутствии оной — кровь ребёнка или священника или кого-либо из прихожан, на худой конец — кровь животного. Кроули делал свои пирожные из муки грубого помола, мёда, вина и цыплячьей крови.

Двадцать восьмого июля 1904 года Ботт принял младенца, которого родила Роуз. Это была девочка. Согласно местной легенде, сильно преувеличенной с течением времени, во время родов Роуз Кроули магическими средствами пытался сделать так, чтобы она родила чудовище. В первые месяцы её беременности он завесил её спальню чёрными занавесками и устраивал ритуалы, долженствовавшие обеспечить его выдающимся отпрыском. Последнее вполне может быть правдой: Кроули верил, что можно оказывать влияние на душу ребёнка, находящегося в материнской утробе. Тем самым он на многие годы опередил научную идею о том, что звуки, которые слышит ребёнок в период своего внутриутробного развития, могут влиять на формирование его личности.

К чему бы ни стремился Кроули в отношении ребёнка, его старания не увенчались успехом. Ребёнок был самым обыкновенным во всех отношениях, кроме своего имени. Кроули и Роуз назвали свою дочь Ньюи Ма Ахатхор Геката Сапфо Иезавель Лилит. Это имя восходило к египетским богиням неба, правды, справедливости, любви и красоты соответственно, затем шло имя Гекаты как дань силам ада, имя Сапфо как дань уважения музам, Иезавель, потому что она была любимым библейским персонажем Кроули, и, наконец, имя Лилит, сладострастной, пожирающей детей и питающейся кровью женщины-демона из иудейской мифологии, ведущей своё происхождения от ассирийского демона бури Лил итуту. К счастью для девочки, впоследствии её звали просто Лилит. В том, что касалось детских имён, Кроули значительно опередил своё время. Только в 1960-х рок-звёзды и хиппи начали давать своим отпрыскам необычные имена.

Для Роуз рождение ребёнка стало переломным моментом, после которого в её жизни наступила пустота.

Она не любила читать, не имела склонности ни к музыке, ни к другим искусствам и даже не умела, по словам своего мужа, играть в карты, не считая самых простых игр. Чтобы развлечь её и поднять ей настроение, Кроули решил

написать для неё книгу, желательно в жанре, который (как ему казалось) будет ей близок. Он имел в виду порнографию. Он также надеялся, что книга вернёт её мысли к сексуальным удовольствиям, которых она была лишена в период вынужденного воздержания перед родами. Кроули писал по одной главе в день, а вечерами читал написанное вслух жене и гостям после того, как его тётюшка удалялась к себе. Поскольку книга получилась удачной, Кроули, Бек и Келли решили присоединить к ней эротические стихотворения Кроули, некоторые из его прозаических произведений в том же жанре и издать всё вместе. В результате получилась книга, иронически озаглавленная «Подснежники из сада викария».

Написанная в духе викторианской эротической литературы, она начинается с биографии автора, К., чья рукопись была якобы украдена издателем. К., как говорится в биографии, «родился около 1860 года, в одном из охотничьих графств Англии. Его родители принадлежали к мелкопоместному дворянству и не очень-то стремились выделяться на фоне других. Они в достаточной мере обладали чувством собственного достоинства, чтобы жить так, как считали нужным». Это описание могло бы относиться к Эдварду и Эмили Кроули. К. принимает духовный сан, и его назначают на высокооплачиваемую должность священника в Париже, он сочиняет книгу гимнов, но всё свободное время проводит, общаясь с парижскими интеллектуалами в ресторане «У рыжей собаки». Он лишается девственности в результате отношений с «капитаном парохода, плавающего по Сене», женится на молодой красивой англичанке, и молодожёны проводят свой медовый месяц в Каире. Там они посещали «скандально известный Клуб "Т...", где распутные офицеры оккупационных войск, купцы, портовые грузчики, сутенёры, словом, все сливки египетского общества собирались каждую среду вечером, чтобы устраивать ужасные оргии». Здесь появляется характерный для викторианской порнографии элемент сюжета: К. смотрит, как его жена подвергается групповому изнасилованию. За биографией следует собственно текст книги, те самые «подснежники», о которых возвещает название. Среди них — новелла в духе де Сада, повествующая об архиепископе, а также ряд непристойных стихотворений и пародий, среди которых «Rosa Mystica», ода, посвященная Роуз.

Когда наступила осень, вечеринки в Болескине прекратились, и Кроули решил перезимовать в Сент-Мори-це. С октября по март в Болескине было слишком холодно и уныло. В октябре Кроули был уже во Франции. Роуз, оставив младенца с няней у своих родителей, присоединилась к нему на следующий месяц. Сняв номер в отеле «Кюльм» под именем лорда и леди Локи, они провели зиму, катаясь на лыжах и на коньках и, к большому удовольствию

Роуз, вращаясь в обществе отдыхающих. Кроули, кроме всего прочего, спустился на санях по спуску Креста, а затем внёс некоторые предложения по улучшению техники безопасности в этом виде спорта. К его предложениям не прислушались. В автобиографии Кроули удовлетворённо записал, что несколько человек разбились, катаясь на санях, из-за того, что к его советам не отнеслись всерьёз.

Во время пребывания на курорте Кроули познакомился с восемнадцатилетним англичанином по имени Клиффорд Бэкс, который впоследствии подробно написал о Кроули в своих мемуарах, вышедших несколькими томами. Они дают лучшее описание Кроули в этот период его жизни:

Ко мне подошёл могучий человек с чёрными глазами и гипнотическим взглядом. На нём был вельветовый пиджак с горностаевыми лацканами, яркий жилет, шёлковые бриджи и чёрные шёлковые чулки. Он курил колоссальных размеров пенковую трубку. Он сказал: «Меня зовут Алистер Кроули. Я поэт и маг...» Каждый вечер мы играли с ним в шахматы, а игра в шахматы позволяет определить интеллектуальную силу партнёра. Я понял: сильный и творческий ум управлял фигурами на противоположной стороне доски. Более того, этот человек был прекрасным конькобежцем, великолепным скалолазом, а в разговорах демонстрировал глубокое знание литературы, оккультизма и жизни восточных народов. Кроме того, я не сомневаюсь, что какой-то частью своей души он верил в собственное мессианское предназначение. Вечером накануне моего отъезда в Англию, после того, как мы сыграли нашу последнюю партию в шахматы, он стал убеждать меня посвятить себя изучению и практике магии. Я понял его так, что он готов обучать меня. «Очень любезно с вашей стороны, — заикаясь, сказал я, — но, вообще-то, знаете ли, я, вероятно, не вполне готов к этому. Мне следовало бы сначала побольше прочесть об этом». — «Чтение, — произнёс он, — это для детей. Мужчина должен экспериментировать. Постигать то, что дали нам боги. Откажитесь от моего предложения, и скоро вас невозможно будет отличить от всех этих идиотов, которые нас окружают». Он замолчал на какое-то время, а потом неожиданно спросил: «Какое сегодня число?» — «Двадцать третье января», — ответил я. «А какой год, согласно христианскому летоисчислению?» — «Тысяча девятьсот пятый». «Правильно, — сказал Кроули, — и через тысячу лет, начиная с этого момента, мир всё ещё будет находиться на закате кроулианства».

Если Бэкс точен в передаче слов Кроули, то, вероятно, последний здесь оговорился: должно быть, он хотел сказать «рассвет», а не «закат», поскольку верил, что его религия (подобно христианству) будет существовать два тысячелетия. С другой стороны, Бэкса могла подвести память: едва ли в то время Кроули уже использовал термин «кроулианство», и «Книга Закона» ещё

не оказала на него своего решающего влияния. Хотя как посмотреть...

Весной 1905 года супруги Кроули вернулись в Великобританию и навестили родителей Роуз, которые жили в Бурнемуте. У Роуз была ложная беременность, она пошла к врачу, подпольно делавшему аборт, и он дал ей сильную дозу ржаной спорыньи, провоцирующей выкидыши, но ничего, разумеется, не произошло. Тогда врач удвоил дозу. Когда в результате этого у неё начался острый токсикоз, Кроули срочно увёз её в Лондон, где она находилась под присмотром Ботта и Бека.

Когда волнения остались позади, Кроули и Роуз вернулись домой в Болескин и продолжили в том же духе, в каком закончили прошлой осенью. К ним начали приезжать гости — Джеральд Келли, мать Роуз, Айвор Бек, Оскар Экенштайн, а также «известный мазохист по имени полковник Гормли (который всегда был и навсегда остался мёртвым человеком)»; Кроули всегда считал его непереносимо скучным и лишённым чувства юмора. Гормли, в прошлом военный врач, служивший и на Дальнем Востоке, и в Южной Африке и утверждавший, что ему довелось быть избитым более чем двумя тысячами женщин, был знаком с Роуз ещё до её первого брака. С тех самых пор он преследовал её.

Этот период биографии Кроули с наибольшим правом можно назвать нормальной семейной жизнью. Он писал стихи, занимался издательской деятельностью, совершал горные восхождения, ловил рыбу и играл роль отца семейства. Всё было прекрасно. Вино для его дома покупалось у лучших виноторговцев Лондона и Эдинбурга, одежда его была сшита лучшими лондонскими портными. Он был признанным поэтом (благодаря Честертону) и магом. Перед ним открывалось многообещающее будущее.

Вместе со своими гостями Кроули устраивал множество проделок и шуток. На поле, располагавшемся ниже Болескина, он установил табличку, на которой было написано: «Это дорога к обиталищу Кулумулумавлока (не кусается)». Вероятно, какое-то животное (которое не удавалось выследить) досаждало жителям окрестностей Фой-ерса, где и без того ходила старая легенда о лох-несском чудовище. Кроули утверждал, что владелец гостиницы в Фойерсе впоследствии пытался выследить и застрелить это животное. Кроме того, Кроули установил таблички, гласившие: «Остерегайтесь ихтиозавра» и «Сегодня день выгула динотериев». В глазах простодушных, искренне верующих местных жителей такое поведение казалось одновременно странным и опасным, и мнение это подкреплялось ещё одной шуткой, которую Кроули сыграл над ними при помощи нескольких своих гостей. Где бы он ни оказывался во время своих заграничных путешествий, Кроули всюду покупал

шкурки экзотических животных, чтобы разбрасывать их в окрестностях Болескина. Однажды в воскресенье, завернувшись в такие шкурки, Кроули и его друзья притаились в кустах у дороги, ведущей в церковь Фойерса. Когда богобоязненные местные жители приблизились, Кроули и компания выскочили на них, и те в страхе за свою жизнь обратились в бегство. Нечего и говорить, что подобные выходки отнюдь не располагали к нему местных жителей и способствовали только ухудшению его репутации в окрестностях Болескина.

Но вероятно, самую смешную шутку Кроули сыграл над одним из своих гостей. 27 апреля к нему приехал Гийярмо. Он очень хотел выследить оленя и настрелять шотландских куропаток, однако не учёл, что охотничий сезон уже закрылся. Кроули увидел в этом повод для шалости. Когда Гийярмо абсолютно невинно спросил, что такое хаггис (шотландское блюдо, представляющее собой телячий рубец с потрохами и приправой), Кроули ответил, что это редкий вид свирепой дикой овцы, когда-то одомашненной, но снова одичавшей после восстания 1745 года¹² и считающейся очень опасной. Затем Кроули купил у местного фермера старого барана и поместил его на Гленн-Лиат, снабдив достаточным количеством пищи. Двумя днями позже Кроули подговорил своего слугу Хью Гиллиса вбежать в бильярдную с сообщением, что он видел хаггис на холме над Болескином.

Бросившись к шкафу с оружием, Кроули вооружил Гийярмо ружьём десятого калибра, заряженным стальными пулями, а сам взял дв. Была, однако, и более серьёзная причина для визита Гийярмо в Болескин. Они с Кроули строили планы новой экспедиции в Гималаи. Целью экспедиции должна была стать Канченджанга, третья по высоте вершина мира.

ГЛАВА 9

Пять снежных сокровищ

Когда планы нового восхождения приобрели достаточно чёткие очертания, Кроули обратился к Гаю Ноулзу и Оскару Экенштайну с предложением присоединиться к нему в экспедиции на Канченджангу, но те отказались. Ноулз решил, что с него хватит и одной экспедиции в компании с Кроули, а Экенштайн был не расположен играть роль лидера при Кроули и сказал Келли, что, посомневавшись, рассудил, что риск слишком велик. Кроули, по его мнению, был слишком большим индивидуалистом. Экенштайн также не мог допустить участия в чём-либо совместно с Гийярмо, которого он не любил и считал слишком неопытным для такого восхождения альпинистом, советуя Кроули с ним не связываться.

Восхождение на Канченджангу представляло собой достаточно сложную задачу. Эта гора высотой в 28 208 футов была лишь на 42 фута ниже, чем К2, и располагалась на границе Сиккима и Непала. Она имела пять вершин, её уже исследовали, но ни одной серьёзной попытки покорить её предпринято пока не было. В 1883 году альпинист У.-У. Грэхем совершал восхождения в окрестностях этой горы, а в 1899 году экспедиция под предводительством Дугласа Фрешфилда и Витторио Селлы произвела на ней некоторые замеры и сфотографировала её. Один из участников этой экспедиции, картограф профессор Э. Гарвуд, постарался, насколько было возможно, составить карту горы. До того времени, помимо названных, мало кто из европейцев когда-либо видел эту гору.

По мере того как Кроули утверждался в своих намерениях, он начал изучать фотографии Селлы и карты Гарвуда. Первые представляли собой захватывающее зрелище. Последние же — как вынужден был признать Кроули — оказались очень неточными, хотя пользующийся международной известностью альпинист Ф.-С. Смит, предпринявший попытку восхождения на эту же гору в 1930 году, придерживался другого мнения и считал эти карты невероятно точными, учитывая те трудности, с которыми не мог не сталкиваться Гарвуд, составляя их. Как бы то ни было, когда много лет спустя Кроули корректировал некоторые оценки, данные им в автобиографии, он, вероятно, поразмыслив, смягчил свою критику и заменил часть предложения «Всё, что я могу сказать о карте профессора Гарвуда, это то, что она ошибочна во многих важных местах» на «в некоторых важных местах». Однако этот вариант его отзыва о карте так никогда и не был напечатан.

Экенштайн проявлял всё большее беспокойство по поводу подготовки экспедиции и сказал Кроули, что сама её идея в высшей степени безрассудна. Восхождение на Канченджангу обещало быть более трудным, чем восхождение на К2. Гийярмо был недостаточно подготовлен. По мнению Экенштайна, весь план экспедиции был верным путём к катастрофе и провалу. Кроули, как это было ему свойственно, не обращал внимания на предостережения друга.

Кроули отчаянно стремился покорить Канченджангу. Он мечтал установить рекорд по высоте восхождения.

Подобно тому как он начинал считать себя признанным поэтом, он хотел признания и в кругу альпинистов. Добиваться этого он, казалось, готов был любой ценой и не обращал внимания на все предостережения и препятствия. Он благополучно забыл даже те уроки, которые судьба ему уже преподнесла. Например, то, как отвратительно вёл себя Гийярмо на К2, бросив в беде носильщика, который соскользнул в расщелину на леднике Балто-ро. Этот

факт, когда-то вызвавший такое отвращение, Кроули теперь даже не вспоминал. В автобиографии Кроули утверждает, что у него есть «роковая слабость, которая заключается в склонности думать о людях только самое лучшее». «Перед лицом самой очевидности, — пишет он, — я не могу поверить в обман или злой умысел и вечно пытаюсь выстроить что-то из явно прогнившего материала». Задним числом Кроули пришлось признать, что одной большой ошибкой, допущенной им, было партнёрство с Гийярмо, которого в автобиографии он постоянно называет Тартареном, в память Тартаренеиз Тараскона, герое юмористических произведений Альфонса Доде, в том числе книги «Тартарен в Альпах». Тартарен (по-французски это слово означает «хвастун») был, надо сказать, не очень способным альпинистом. Правда, тем не менее, заключается в том, что, хотя Кроули слабо разбирался в человеческих характерах, он не потерпел бы, чтобы кто-либо встал на пути его надменного и всепоглощающего честолюбия.

Приготовления делались в спешке. Гийярмо вернулся в Швейцарию, чтобы закупить снаряжение и завербовать по меньшей мере двоих — было желательно троих — альпинистов для экспедиции. Кроули предстояло отправиться в Индию и на месте начать готовить почву для экспедиции. Прежде чем уехать, он посчитал необходимым на всякий случай оставить свои пожелания по поводу собственных похорон.

В случае моей смерти Джордж Сесиль Джоунс должен действовать согласно следующим инструкциям. Бальзамировать тело. Одеть его в белую мантию Тау, красно-золотую тунику Абрамелина с поясом, Коронай и Жезлом. В гроб положить большой красный меч. Все магические украшения похоронить вместе с телом. Приготовить надгробный камень и построить склеп для размещения там гроба и могилы, но внутри него не должно быть никаких дат. Использовать белый камень. На надгробии написать только «Пердурабо». Замуровать вход в подвал, тщательно скрыв место захоронения от человеческих глаз. Избавиться от любых упоминаний об этом месте. В склеп поместить книги со всеми моими произведениями в герметичной упаковке. Место должно быть выбрано Джорджем Сесилем Джоунсом, и знать о нём должен только он один. Склеп должен размещаться в благословлённой им земле.

Покинув Болескин 6 мая и прихватив с собой своё личное альпинистское снаряжение, Кроули через шесть дней сел на пассажирский лайнер компании R & Q «Мармора». Он сделал остановку в Каире и 9 июня прибыл в Бомбей. Добравшись поездом до Калькутты, Кроули навестил Эдварда Торнтон и направился на север, в Дарджилинг. Путешествие привело его в приподнятое состояние духа, и в автобиографии он описывал свою дорогу в стиле бывалого путешественника.

Путешествие началось, как он писал,

с однообразной тряской дороги по абсолютно плоской бенгальской равнине, и вдруг, доехав до Сара-Гат, мы неожиданно очутились на берегу Ганга. Мне уже доводилось видеть эту реку, выше по течению, и там она не представляла собой ничего особенного, но здесь она, мощно разлившись, текла через бескрайнюю пустошь. Был закат, и мутная вода отсвечивала агрессивными красными и оранжевыми бликами. Зловещий медный блеск можно было видеть на спокойной поверхности реки. Её ширина уже сама по себе наводила ужас; она походила на адскую реку. Она простиралась далеко и вправо и влево. В обе стороны ничто не закрывало горизонта. Пустынные воды реки напоминали об океане, но безбрежность открытого моря обычно подразумевает ощущение свободы. Но эта река навевала мысли о тщете и горькой зависимости. Ветра не было, и от Ганга исходил запах разложения. И это было не просто зловоние гниющих растений. Казалось, что разлагается сама земля. Прежде мне не доводилось наблюдать более фантастического и более ужасающего зрелища.

Кроули пересёк Ганг на пароходе, где ему подали отвратительный ужин, и продолжил путешествие в поезде, который шёл вдоль противоположного берега реки. Наконец,

добравшись до подножия гор, путешественник пересаживается на игрушечную железную дорогу, которая взбирается на шесть тысяч с лишним футов вверх до самого Дарджилинга, прихотливо извиваясь и петляя по пути. Подъём происходит быстро; пейзаж постепенно меняется; у путешественника появляется возможность оценить ландшафт страны в целом. Тропическая растительность вокруг необыкновенно пышна и разнообразна. Появление прохлады и тени, влажность воздуха воодушевляют, и мысль о том, что это Тераи, самое заражённое лихорадкой место во всём мире, вызывает шок. К обеду характер растительности значительно меняется. Смешанная природа долин сменяется бодрящим горным пейзажем, но вскоре он скрывается из вида. Вы попадаете в область практически непрекращающегося тумана. На улице тепло, и всё же вас пробирает до костей. Вас охватывает радость, когда вы выходите из поезда на горном гребне в Гуме и обнаруживаете, что поезд начинает спускаться. Это значит, что вы подъезжаете к Дарджилингу.

Приближаясь к пункту назначения, Кроули бросил первый взгляд на гору, которую надеялся покорить, «она выглядела бледно-розовой, бледно-голубой и ярко-белой в рассветных лучах».

Сам Дарджилинг не произвёл на Кроули впечатления. Он обратил внимание разве что на то, что кули были способны переносить тяжёлые грузы — одна

молодая женщина донесла его огромный пароходный кофр от вокзала до гостиницы «Вудлендс», где у него был забронирован номер. Но вряд ли что-то ещё могло его здесь порадовать. В городе повсюду витал запах плесени. Если какую-нибудь кожаную вещь оставляли на ночь на улице, к утру она покрывалась зелёным налётом. Большинство местных жителей, как казалось Кроули, составляли «потрёпанные модницы, которых никто не берёт замуж». Это место «кишело молодыми девушками, для которых игра на пианино была единственным способом найти мужа. Но естественно, что при таком климате, пианино не могло оставаться настроенным и пяти минут, даже если кому-то удавалось его настроить». Гостиница была убогой, а еда «такой же заплесневелой, как и местные девушки». От тумана, смешанного с дымом, у Кроули начался кашель, а от влажности — ревматизм. Однако местные власти с готовностью оказывали ему разного рода содействие. Он посетил церемонию масонской ложи и познакомился там с человеком, который впоследствии имел для него значение и оказался ему полезен.

Майор Уайт, транспортный служащий, договорился о том, чтобы 8 тысяч фунтов экспедиционного оборудования и припасов были принесены к подножию ледника Ялунг, однако некоторая часть этого груза была разворована по дороге. Белуджи, как отмечал Кроули, были не такими надёжными и преданными, как кашмирцы, услугами которых он пользовался на К2 и большое количество которых постарался выписать в Непал для участия в новой экспедиции.

Переехав из отеля «Вудлендс» в отель «Драм Друид», Кроули повстречался с итальянцем-управляющим по имени Алцести Риги де Риги, который предложил себя для участия в экспедиции в качестве надсмотрщика за перевозкой припасов и оборудования. Кроули принял предложение. Де Риги умел говорить на языках непали и хинди, а также на тибетском языке, но он никогда не занимался альпинизмом. Как Кроули, так и де Риги предстояло горько пожалеть об этом.

В течение первых трёх недель пребывания Кроули в Дарджилинге город был окутан туманом. Кроме того, всё это время периодически шёл дождь. Наконец 9 июля прояснилось, и Кроули изучил Канченджангу в бинокль, придя к выводу, что её вершины «легко будет достичь, если начинать подъём от седловины, расположенной с западной стороны горы, добраться же до седловины, без сомнения, не составит никакого труда». Трудно было бы быть более далёким от истины. Через четыре дня Кроули вернулся в Калькутту, чтобы докупить кое-что из запасов, не учтённых Гийярмо по причине (как думал Кроули) его жадности. В Калькутте Кроули получил от Гийярмо телеграфное сообщение о том, что он вместе с остальными членами экспедиции

потерпел кораблекрушение на Красном море.

Наконец 31 июля все участники экспедиции собрались в Дарджилинге. Гийярмо привёз с собой лишь двоих альпинистов. Первым из них оказался Алексис Паш, 31-летний швейцарец, лейтенант кавалерии; вторым — также офицер швейцарской армии, Шарль Реймон. Оба они были опытными альпийскими скалолазами. Кроули нашёл Реймона слишком суровым, но не лишённым здравого смысла человеком. К Пашу же он сразу проникся симпатией. Как и перед экспедицией на К2, Кроули составил контракт на французском языке, с условиями которого все участники были согласны. Швейцарцы сделали взнос в размере 15 тысяч швейцарских франков: Кроули внёс 5 тысяч швейцарских франков. Участие в восхождении совместно с Кроули явно рассматривалось, по крайней мере им самим, как честь, достойная того, чтобы платить за неё наличными. Лидерство Кроули узаконивалось пунктом договора, в котором категорически утверждалось, что во время восхождения он является главным арбитром во всех вопросах и что все обязаны ему подчиняться. Кроме того, все члены экспедиции обязались на время её отказаться от общения с женщинами. 4 августа контракт был подписан всеми, включая де Риги.

Разрешения на вступление в пограничную область между Индией и Непалом, где и располагалась Канченджанга, пришлось некоторое время дожидаться. Кроули, которому наскучил Дарджилинг, занялся журналистикой и написал две статьи о восхождении на К2 для газеты Pioneer Mail, выходившей в Аллахабаде. Вечный любитель поспорить, в первой из этих статей Кроули критиковал альпийских проводников, которые «страдают некомпетентностью и слишком часто на поверку оказываются трусливой и пьяной деревенщиной». Это утверждение вызвало резкие возражения со стороны мистера Салливана из Лакноу, который выступил в их защиту, охарактеризовав проводников как «храбрых, непьющих и умных людей». Вторая статья стремилась уязвить Альпийский клуб и вызвала острый критический отзыв в газетном номере за 5 августа. Эта анонимная критика содержала пророческую фразу: «Несомненно, альпинизм не понесёт никакого урона, если Канченджанга сотрёт с лица земли этого самодовольного человека».

Было шестнадцать минут одиннадцатого утра 8 августа, когда под проливным дождём отряд вышел из Дар-джилинга. Кроули не терпелось пуститься в путь, и они отправились, не получив разрешения на пересечение границы с Непалом, однако в пограничной деревне КангЛа (нынешней Гаракхет) разрешение было выдано. Экспедиция оказалась многочисленной. Помимо Кроули и его коллег-альпинистов, отряд включал трёх кашмирцев, которые участвовали в восхождении на К2, в том числе Са-ламу Тантру, надсмотрщика за работой

носильщиков, шестерых слуг и семьдесят девять носильщиков. Все вместе они несли более семи тонн припасов и оборудования.

Несмотря на то что Канченджанга находится менее чем в пятидесяти милях от Дарджилинга, предгорья Гималаев, отделяющие этот город от Канченджанги, изобилуют крутыми склонами, следующими цепью, один за другим. Чтобы преодолеть это расстояние, экспедиции пришлось прошагать более двухсот миль. Сначала идти было легко. Первые 156 миль, составлявших путь до деревни Чабань-онг, они шли по хорошей дороге, а на ночлег располагались в хижинах для носильщиков. Но за Чабаньонгом им пришлось прокладывать себе путь через густые заросли рододендронов. Дождь шёл почти непрерывно, и все кусты вокруг кишели пиявками, только и ждавшими, как бы присосаться к любому теплокровному существу. Некоторые, согласно записям Кроули, достигали семи дюймов в длину и, напившись крови, весили около двух фунтов. Отрывать присосавшуюся к телу пиявку было нельзя: рана вскоре начинала гноиться. Единственным способом избавиться от них была зажжённая сигарета или огонь. Но и курить было практически невозможно, потому что всё немедленно отсыревало. Не спасали даже непромокаемые плащи: влага проникала через любую щель и любое отверстие.

К 21 августа они достигли высоты в 15 тысяч футов, пройдя вдоль хребта Сингалила до прохода Чумбаб, а затем поднявшись вверх по долине Ялунг к леднику Ялунг С этой точки Кроули планировал начать восхождение по юго-западному склону Канченджанги и, полный оптимизма, отправился на разведку.

В своей книге «Канченджанга: Рискованная авантюра» Смит предупреждал, что, вероятно, ни на какой другой горе в мире альпинист не подвергается столь серьёзной опасности. «То, что невооружённому глазу видится как беспорядочно разбросанные по склону тонкие белые нити, — писал он, — на самом деле представляет собой ужасающие ледяные ущелья, в которые с грохотом срываются камни и куски льда, откалывающиеся от скал и ледников». Экспедиция, в которой принимал участие Смит, без колебаний отвергла маршрут, проходящий по юго-западному склону горы и начинавшийся от ледника Ялунг. Даже с далёкого расстояния было понятно, что это слишком опасно. Однако Кроули выбрал именно этот путь.

Юго-западный склон Канченджанги очень крут и состоит из непрерывно следующих друг за другом гранитных обрывов с покрытыми снегом уступами, поднявшись по которым можно попасть на горный хребет, который, в свою очередь, ведёт к третьей по высоте вершине из пяти пиков Канченджанги. Именно эту уступчатую часть Кроули разглядел из Дарджилинга, что и

заставило его недооценить сложность восхождения. Однако и от горного хребта до самой высокой вершины ещё очень далеко. Кроме того, ведущий к хребту уступчатый склон невероятно опасен, поскольку располагается с юго-западной — а значит, более нагреваемой солнцем — стороны горы, что является причиной частых камнепадов, а также снежных и ледяных обвалов. Кроули, рвавшийся вперёд, или неверно оценил особенности горы, или сознательно проигнорировал очевидные трудности восхождения.

Особенности горы были не единственной проблемой. Оказались ненадёжными носильщики. Часть из них дезертировала, и утверждение Кроули о том, что он «в своих странствиях никогда не имел трудностей с местными жителями, слугами, собаками и женщинами», вскоре было опровергнуто. Хотя Кроули и заявлял, что относится к местным жителям с пониманием, на самом деле он всегда ощущал своё превосходство над ними вплоть до того, что порой вёл себя как колонизатор. Это правда, что он не перегружал их работой без надобности и, по его словам, пользовался любовью этих людей, поскольку они знали, что он не допустит никакой несправедливости по отношению к ним. Однако он требовал, чтобы к нему обращались Бурра Сахиб, что значит Великий господин. Что же касается понимания, то здесь Кроули проявил полную несостоятельность. Причины бегства носильщиков и других связанных с ними проблем заключались не столько в том, как Кроули с ними обращался, сколько в том, что он игнорировал их культуру и верования. Они боялись не Кроули и не опасностей пути, а бога, который обитал на горе Пяти Снежных Сокровищ, как называлась Канченджанга на местных наречиях. Восхождение на гору вызывало гнев бога, который, как верили местные жители, управляет жизнями всех, кто обитает в окрестностях горы. Первым из всех именно Кроули должен был бы догадаться об этом.

С этого момента экспедиция начала неумолимо разваливаться. За те три дня, в течение которых экспедиция добиралась до места, подходящего для начала восхождения, враждебность, давно нараставшая в отношениях между Кроули и Гийярмо, прорвалась наружу. Гийярмо обвинил Кроули в том, что он не выставляет знаки, чтобы разметить дорогу для носильщиков. Кроули, в свою очередь, обвинил Гийярмо в том, что тот устраивает лагерь не там, где он ему указывает. Вина Кроули в данном случае не вызывает сомнений: он слишком торопился, чтобы как следует размечать дорогу, в результате чего Гийярмо сбивался с пути и разбивал лагерь там, где мог. Гийярмо разозлился на Кроули ещё и за его равнодушие к нуждам носильщиков. Многие из них шли босыми. Кроули утверждал, что они прячут ботинки среди вещей, которые несут, и что они сами предпочли совершать восхождение босиком, но едва ли это правда. Ведь экспедиция шла по льду. Мало того, что носильщикам было холодно,

отсутствие обуви на ногах добавляло ещё одну трудность: люди всё время скользили.

Затем Реймон нарушил правила, отклонившись от курса, чтобы найти более лёгкую дорогу для своих носильщиков, но это ему не удалось, и в результате он был вынужден вырубать во льду ступени при помощи альпинистского топорика. Кроули вернулся, чтобы посмотреть, что случилось с Реймоном, и помог вырубать ступени, но был очень недоволен этим случаем неповиновения. Когда несколько носильщиков заболели, кто от кислородного голодания, а кто от снежной слепоты, Кроули отнёсся к этому слишком беззаботно. Со времён восхождения на К2 он был убеждён, что высота не может являться причиной болезни, и все симптомы объяснял усталостью людей. Тех же, кто страдал от снежной слепоты, которая, по словам Кроули, была просто временной реакцией на яркий свет, лечили неправильно, глазными каплями с атропином. Вдобавок к этим несчастьям де Риги перестал справляться с управлением таким большим отрядом носильщиков. Он утратил авторитет и контроль над ними до такой степени, что Паш вынужден был спуститься к нему и взять часть его обязанностей на себя.

Однажды Гийярмо повёл своих носильщиков в обход вершины ледника, отклонившись от маршрута, назначенного Кроули. С каждым шагом он всё более отчаивался. По мере продвижения вверх, глядя на вершину горы, возвышавшуюся над ним и окутанную туманом, Гийярмо постепенно терял всякую надежду на то, что выбранный ими маршрут приведёт их к вершине, а заодно и доверие к Кроули. Что же касается Кроули, то, с его точки зрения, экспедиция трещала по швам потому, что остальные отказывались ему повиноваться.

На высоте около 18 тысяч футов они основали Лагерь III, а затем сделали рывок, основав Лагерь IV на высоте примерно 19 тысяч футов. Здесь Реймон и Паш упали от изнеможения, хотя Кроули, по его собственным словам, чувствовал себя «свежим, как краска, и настроенным, как скрипка». Он расценил состояние остальных членов экспедиции всего лишь как результат физического и психического перенапряжения, а также теплового удара, хотя и признал, что они серьёзно больны. Тем временем даже у него возникли проблемы со здоровьем. Солнце светило так сильно, что кожа Кроули на открытых участках начала трескаться и шелушиться, вызывая боль.

На следующий день появился Паш со своими носильщиками. В это время Гийярмо пребывал в скверном настроении, а Реймон начал паниковать: в результате Кроули поссорился с обоими. Альпинисты осыпали друг друга взаимными обвинениями, а запасы провизии начали истощаться. Когда все,

кроме де Риги, собрались в одном лагере, хватило нескольких часов, чтобы парафин закончился, а еды осталось в обрез. А ниже по склону горы носильщики де Риги были на грани мятежа. Один из носильщиков Паша бежал, сорвался со скалы и погиб, унеся с собой вьюк с вещами Паша.

Кроули приказал Гийярмо взять с собой нескольких носильщиков и спуститься вниз, чтобы разыскать тело и вещи, а также пополнить запасы провизии. На островке обнажённой породы, на 1 500 футов ниже лагеря, Гийярмо нашёл погибшего человека. Остальных носильщиков эта первая смерть, казалось, не удивила: бог горы получил свою жертву, и тело похоронили. Но друга погибшего носильщика охватил страх, и он бежал, бросив постель Паша в снег. Оставшиеся носильщики были деморализованы. Тогда Кроули взял задачу подъёма боевого духа на себя. В своём романе «Дневник наркомана», опубликованном в 1922 году, он описывает, что он для этого сделал: «Несколько лет назад я руководил экспедицией в Гималаях; кули боялись идти по снежному склону, который нависал над ужасной пропастью. Я крикнул, чтобы они смотрели на меня, быстро вскарабкался на вершину склона, затем соскользнул вниз, как мешок овса, и вскочил на ноги лишь на самом краю обрыва. Пока я возвращался к ним, они пребывали в оцепенении от благоговейного изумления».

Двадцать девятого августа Кроули, Паш и Реймон пустились в путь вместе с дюжиной носильщиков, чтобы основать Лагерь V на высоте около 21 тысячи футов. Это был стремительный бросок. При малом количестве оставшейся провизии они подвергались риску. Их опасения оправдались. В течение двух дней им пришлось ждать подкрепления с запасами еды, но никто так и не появился. Тогда Кроули послал в Лагерь IV Паша с короткой запиской. В ней он обвинял де Риги в неспособности справиться со своими обязанностями и просил Гийярмо подняться к нему как можно скорее. Однако, не дождавись ответа, он продолжил восхождение.

Вместе с несколькими носильщиками Кроули двинулся вперёд и принялся вырубать во льду ступени, чтобы остальная часть экспедиции могла продвинуться выше. Если ему и не удастся покорить гору, он, чёрт возьми, должен суметь подняться выше максимальной высоты, равной 21 653 футам, которой достигла экспедиция на K2. Местами лёд был хрупким, и передвижения отряда вызвали небольшую лавину. У одного из носильщиков, напуганного близостью горного бога, началась истерика, и он отвязал себя от общей верёвки. Чтобы привести носильщика в чувство, Кроули ударил его ледовым топориком. Это ещё сильнее ослабило дух носильщиков. По возвращении в Лагерь V они начали роптать, кроме того, их охватил ещё более сильный страх перед богом. Ночью несколько человек бежало. Они добрались

до Лагеря IV и пожаловались Гийярмо на то, что их бьют. Затем они спустились в Лагерь III, где де Риги убедил их не покидать экспедиции, обещав, что больше их никто не тронет. Он не мог позволить себе потерять ещё несколько человек в придачу к тем, которые уже ушли.

На следующий день, 1 сентября, Гийярмо и де Риги с большим отрядом носильщиков поднялись в Лагерь V, но не принесли с собой никаких припасов. Вновь прибывшие встали в оппозицию Кроули, оспаривая его лидерство и предъявив ему целый список обвинений, включая его обращение с носильщиками. Разгорелась ссора. Кроули отверг все обвинения.

По мере приближения ночи экспедиция оказалась перед лицом серьёзных трудностей. Лагерь V был слишком мал, чтобы все могли разместиться на ночлег. Кроме того, ненадёжность снежного покрова заставляла опасаться, что он не выдержит веса расположившихся на нём людей. Тогда Кроули велел носильщикам спуститься в Лагерь IV и укрыться там под скалами. Они повиновались. Гийярмо и де Риги, чьи претензии на лидерство потерпели полный крах, решили вернуться в Лагерь III и пустились в путь. Некоторое время спустя Паш изъявил желание последовать за ними: с тех пор как он утратил свои постельные принадлежности, ему приходилось спать на ледяном полу своей палатки, и он больше не мог выносить холода, постоянных ссор и деспотизма Кроули. Кроули приложил все усилия, чтобы отговорить его, но безрезультатно.

Когда солнце начало садиться, Паш вышел из Лагеря V. Он не рассчитал риска, на который шёл. После целого дня под палящим солнцем снежная толща «прогрелась» и легко могла поползти. Спустя тридцать минут Кроули и Реймон услышали крики, которые, как им показалось, принадлежали Гийярмо и де Риги. Реймон, несмотря на возражения Кроули, отправился узнать, в чём дело. Стало темно. Реймон не звал Кроули на подмогу и не возвращался. Это невероятно, но Кроули не предпринял ничего. Он остался в своей палатке и в положенное время отправился спать. Нет сомнений: он был уязвлён тем, что никто не слушался ни его приказов, ни советов.

Когда рассвело, Кроули проснулся и пошёл посмотреть, что же всё-таки случилось. Несколько ниже Лагеря V двадцатифутовый отрезок проложенной ими тропы был снесён лавиной вниз примерно на 250 футов. Кроули огляделся, но никого не увидел. То, что здесь произошло, было позднее описано Гийярмо в эссе «На Канченджанге. Путешествие и научные исследования, проведённые во время путешествия в Гималаи на границу Сиккима и Непала», опубликованном в журнале «Альпийское эхо» в 1914 году.

После того как Гийярмо и де Риги ушли, Паш нагнал их. Обвязав одной страховочной верёвкой себя и ещё троих носильщиков, альпинисты начали спуск. Гийярмо шёл, первым, за ним — де Риги, за которым следовали Паш и носильщики. Носильщик, шедший следом за Пашем, поскользнулся: у европейцев на ногах были кошки, тогда как носильщики были лишены такого подспорья, хотя некоторые из них к тому времени уже обулись в обыкновенные ботинки. Падая, этот человек увлёк за собой носильщика, шедшего пятым. Паш, несмотря на то что был в кошках, не смог удержать их и тоже упал. Замыкающий всей цепочки, третий носильщик сорвался вместе с ними. Они соскользнули мимо Гийярмо и де Риги и своим падением вызвали лавину. Последние двое не могли сделать ничего, поэтому их тоже увлекло лавиной. Гийярмо изо всех сил старался удержаться на поверхности снежной толщи, но соскользнул в расселину. Де Риги потерял сознание, ударившись о выступ скалы. Гийярмо, держась за верёвку, выбрался из расселины к де Риги, привёл итальянца в чувство и освободил де Риги от опутавшей его верёвки. Ни носильщики, ни Паш не подавали никаких сигналов. Гийярмо и де Риги позвали на помощь. Через некоторое время появился Реймон, и все трое принялись копать снег в поисках пропавших людей. После часа таких поисков они оставили попытки. Никто не мог выжить, будучи погребённым под лавиной в течение такого долгого времени.

Как только рассвело, выжившие приступили к печальной обязанности по отысканию тел погибших. Вскоре они увидели Кроули, спускавшегося с горы. Как могло случиться так, что они видели его, а он их не видел, остаётся загадкой. Ему кричали, но он не ответил.

Начиная с этого момента описания событий в значительной степени расходятся. По словам Кроули, когда он оказался поблизости от Лагеря IV, он слышал крики и отозвался на них, но не получил ответа. Подумав, что голоса могут быть галлюцинацией, Кроули добрался до лагеря и забрал носильщиков, которые ночевали там. В Лагере III он обнаружил только носильщиков и стал ждать. Наконец появились Гийярмо и остальные. К счастью, они получили лишь незначительные травмы. Хотя Кроули заметил, что де Риги старался держаться достойно, он всё же с досадой упоминает о его «нытье и постоянных воплях». Затем Кроули, судя по всему, приказал де Риги послать носильщиков в Лагерь V, чтобы разобрать лагерь, забрать оборудование и свести вниз Саламу Тантру и остальных оставшихся там людей. Де Риги не мог заставить носильщиков повиноваться, но Кроули это удалось. Затем он якобы приказал выкопать из снега тела погибших и 3 сентября воздвиг над ними памятник в виде пирамиды из камней. После погребения Кроули отказался от продолжения экспедиции. Его спутники нарушили контракт, не подчинялись его приказам,

оспаривали его власть, вели себя (по его мнению) безрассудно и непрофессионально, и ему больше нечего было здесь делать. Взяв с собой нескольких носильщиков, он пустился в дальний путь до Дарджилинга.

Не связываемые больше никакими обязательствами, Гийярмо, Реймон и де Риги тоже направились в Дарджилинг. Гийярмо кипел от гнева. Согласно его версии произошедшего, Кроули бросил их в беде. По свидетельству Гийярмо, последний раз перед встречей в Дарджилинге он видел Кроули, когда тот миновал место недавно сошедшей лавины и даже не побеспокоился выяснить, что произошло. Гийярмо утверждал, что Кроули не принял никакого участия ни в поиске мёртвых тел, ни в погребении. По словам Гийярмо, тела были обнаружены 4 сентября, похороны же устроили 6-го, когда была построена пирамида из камней.

Когда именно Кроули добрался до Дарджилинга, точно не известно, однако известно, что он предпринял прежде всего, когда оказался в городе. Он телеграфом послал свой несправедливый отчёт об экспедиции в редакцию. Daily Mail в Лондон. Сделав это, он принялся писать другие статьи, где во всех несчастьях обвинял Гийярмо. Когда 20 сентября остальные члены экспедиции прибыли в Дарджил инг, оказалось, что всё произошедшее уже предано гласности, причём в версии Кроули. Если до этого Гийярмо сердился, то теперь он был просто взбешён. Он полагал, что Кроули будет помалкивать о том, что случилось. Вместо этого он обнаружил всю историю экспедиции в печати. И ответственность за всё лежала на нём. Есть даже основания предполагать, что первую из своих статей Кроули написал ещё в палатке в Лагере V, после того как ушёл Реймон.

В последней статье, напечатанной в Pioneer Mail 15 сентября, Кроули оправдывал свои действия во время схода лавины. Он писал:

И ещё несколько слов в порядке объяснения того, почему я не спустился вниз во время этого происшествия. В момент первого крика я был уже в постели и заваривал себе чай после двенадцати часов, проведённых в снегу без еды; мне понадобилось бы десять минут только на то, чтобы собраться. На Реймоне были его ботинки и одежда, поэтому он готов был выйти немедленно. Я попросил его позвать меня, когда он выяснит, в чём дело, и в том случае, если ему понадобится какая-то помощь. Он не позвал меня. Те, кто не был там, не имеют права судить об обстоятельствах произошедшего; и я являюсь единственным человеком, который был там и который знает всё об этой горе.

Далее по тексту следуют впечатления Кроули об отеле «Драм Друид», где он снова поселился.

Де Риги было дано право на ответное слово. Он критиковал по существу, очертив основные проблемы, возникшие у членов экспедиции со своим лидером, начиная от высоких взносов за участие и заканчивая замечанием Кроули о том, что де Риги не является настоящим джентльменом, как остальные альпинисты, но может оказаться полезным во время переговоров с носильщиками и поставщиками по поводу грузов и цен на их перевозку. Закончил де Риги заявлением, что если Кроули являет собой пример джентльмена, то он, де Риги, чрезвычайно рад, что таковым не является.

Гийярмо и Кроули встретились для обсуждения экспедиции 26 сентября: встреча эта не закончилась ничем определённым, но во время неё Гийярмо просил Кроули больше не писать для прессы. На самом деле это было не что иное, как применение тактики проволочек, поскольку на следующий день Гийярмо написал Кроули угрожающее письмо. В письме он обвинял Кроули в подлом поведении, в присвоении общественных денег экспедиции, требовал выплаты причитающихся ему денег — бюджет экспедиции находился в банке Дарджилинга — и угрожал Кроули в случае, если тот не выполнит этого требования, послать экземпляр «Подснежников из сада викария» в такое место, что Кроули вряд ли будет этому рад. Поскольку книга была написана в непристойно эротическом жанре, Гийярмо, возможно, видел в ней некий рычаг для шантажа Кроули. Но он не знал, с кем связался: Кроули был в высшей степени рад любой рекламе.

Перед лицом тех затрат, которые повлекла бы за собой подача на Кроули в суд, Гийярмо отступил. Кроули со своей стороны решил прекратить шантаж и клевету, направленные на Гийярмо. Это было мудрое решение. Если бы он продолжил в том же духе, то перегнул бы палку и сам подвергся бы опасности. Вместо этого он остался в отеле в компании молодой непальской девушки по имени Тенгуфт.

Любопытно, что, как и в случае с картами Гарвуда, Кроули позднее, на какое-то мгновение, склонился к тому, чтобы признать некоторые из обвинений Гийярмо. В заметках Кроули на черновике автобиографии читаем: «Надо привести отчёт Гийярмо... это будет честным завершением истории». Это замечание, правда, зачеркнуто. Кроули решил, что так будет лучше.

Хотя Кроули и сожалел о погибших, в сущности, он не чувствовал никакого раскаяния. У него давно уже оформилась позиция, согласно которой раз уж кто-то умер, то больше не о чем говорить. Поиск тел погибших он считал напрасной тратой сил. Самым большим его разочарованием было то, что он не сумел покорить Канченджангу. Кроули считал, что поднялся до высоты 25 тысяч футов, но тем самым он принимал желаемое за действительное, и,

вероятнее всего, самой высокой точкой, которой он достиг, были 22 тысячи футов. В письме Экенштайну он предложил ему на следующий год попробовать ещё раз, вместе, но предложение было отвергнуто. Канченджанга окончательно не была покорена вплоть до 1955 года, когда командир экспедиции сэр Чарльз Эванс решил не посягать на самый высокий пик горы из уважения к религии местного населения. С тех пор все другие экспедиции поступали так же. На самую большую вершину горы нога человека не ступала до сих пор.

Главный критический аргумент, который Кроули выдвигал против Гийярмо, заключался в том, что тот поставил слишком много людей на одну страховочную верёвку и, кроме того, шёл первым, вместо того чтобы быть замыкающим и предпринять необходимые действия в случае, если бы его спутники сорвались. Это был веский аргумент в пользу Кроули, и его справедливость впоследствии подтвердилась. В 1922 году во время попытки покорения Эвереста одной страховочной верёвкой оказались связаны семь носильщиков. Все они сорвались и погибли.

Из-за плачевных результатов экспедиции пострадала репутация Кроули. В февральском номере журнала Альпийского клуба за 1906 год поспешили сообщить, что Кроули не является членом этого клуба. Когда стало широко известно, что Кроули не пришёл на помощь своим товарищам, его авторитет в альпинистских кругах резко упал. Его заявление в одной из статей, что он вовсе не был «очень уж озабочен оказанием помощи при тех обстоятельствах» потому, что «подобные несчастные случаи в горах [он имел в виду несчастья из-за глупого поведения] относятся к тому роду происшествий, к которым я не испытываю сострадания», едва ли помогло ему чем-либо. Не пошло ему на пользу и замечание о том, что Гийярмо был достаточно взрослым и опытным, чтобы спастись самому, а спасать де Риги всё равно никому не пришлось бы в голову.

Шли споры по поводу того, что в ту ночь в палатке в Лагере V Кроули испытал не что иное, как приступ страха. Сорок лет спустя, как написал в книге «Великий Зверь» Джон Симондс, он наблюдал, как Кроули трясущимися руками в отчаянии записывал размер своей дневной дозы наркотика, к которому у него уже давно возникло привыкание. У Кроули было своё название для такого состояния. Он называл его «страх Канченджанги».

ГЛАВА 10

Путешествие в старый Китай

Выехав из Дарджилинга 28 сентября и направившись в Калькутту, Кроули пребывал в плохом расположении духа. Как бы он ни бравировал своим равнодушием к факту гибели Паша, это событие не могло не затронуть его, хотя бы потому, что он знал: такие вещи способны погубить его репутацию альпиниста. Он должен был придать новое направление своей жизни.

Прибыв в Калькутту несколькими днями позже, Кроули связался с Эдвардом Торнтоном и остановился в одном из отелей в ожидании приезда Роуз с ребёнком, которые, согласно договорённости, должны были присоединиться к нему по окончании экспедиции на Канченджангу. В голове его теснились тяжёлые мысли. В письме к Джеральду Келли Кроули предстаёт лишённым своей обычной дерзкой самоуверенности: «По прошествии пяти лет безумия и слабостей, неверно именуемых вежливостью, тактом, осмотрительностью, заботой о чувствах ближнего, я устал от всего этого. Сегодня я говорю: к чёрту христианство, рационализм, буддизм, весь этот вековой хлам. Я несу с собой нечто позитивное и первозданное, называемое Магией; она создаст для меня новые Небеса и новую Землю. Я не нуждаюсь ни в вашем несмелом одобрении, ни в вашем робком осуждении. Я хочу богохульства, убийства, насилия, революции — чего угодно, хорошего или плохого, но действенного».

Неделю похандрив, Кроули получил приглашение, которое пришлось как нельзя более кстати. Магараджа Мо-харбханж позвал его поохотиться в Ориссе, в своих владениях, которые раскинулись по лесистым холмам, вздымающимся ввысь до 5 тысяч футов, и долинам на западном краю поймы Ганга. Кроули с готовностью согласился и сел на поезд, чтобы преодолеть 150 миль, отделявших его от Баласора, где его встретили и отвезли в Барипаду.

Кроули понравились как пейзаж, так и местные жители — особенно женщины. «Они, — писал он, — миниатюрны и хорошо сложены. Даже после рождения детей фигуры этих женщин не теряют свою форму. Грудь остаётся упругой и смотрит вверх». В сравнении с такой грудью, заключал он, «грудь европейской женщины являет собой пример ужасного уродства. Даже у самых красивых женщин она портит линию тела и наводит вас на мысль о ко- ровьем вымени». Прибыв на место назначения, Кроули нашёл в лице магараджи щедрого и любезного хозяина, и это подняло его настроение. На него снизошло некое умиротворение во дворце и охотничьем доме махараджи, некий покой, позволивший ему отрешиться от трагических событий последнего времени.

Помимо охоты вместе с отрядом магараджи, Кроули ходил на медведя и тигра в компании с лесничим д'Эльб-ру, которого когда-то сильно покалечил медведь. Однажды ночью они затаились в укрытии на дереве у соляного источника в ожидании большого тигра, который нередко сюда наведывался.

Когда стемнело, джунгли наполнились шумом насекомых и звуками невидимых животных, тайно крадущихся по лесу. В отдалении зарычал тигр. Каждый нерв Кроули был натянут, как струна. Когда вошла луна, площадка вокруг источника «внезапно ожила гигантскими таинственными тенями». Появилось стадо диких слонов. «Я притаился и всю ночь наблюдал за слонами, за их обычной ночной жизнью. Это было самое захватывающее зрелище из всех, какие мне доводилось видеть в реальности».

Реальность не была единственной областью, в которой обитал Кроули. Ожидая Роуз, он медитировал и возобновил астральные путешествия, чтобы поддержать свои магические навыки. Во время этих путешествий он установил астральный контакт Элен Симпсон, жившей в Гонконге. Они нередко посещали друг друга в астральном плане. Кроули писал, что её астральное тело было на пять дюймов выше, чем физическое, «оно излучает свет и полупрозрачно; так, что я мог видеть то, что находилось позади неё, как будто сквозь занавес из муслина». Во время одной из таких встреч Кроули с удивлением заметил, что Элен явилась в сопровождении одного из Тайных Учителей в образе золотого ястреба. Тогда он понял, что Тайные Учителя желают, чтобы он продолжил служить им, после чего обсудил этот вопрос с Элен. При этом любые высказываемые им сомнения отменялись обнадеживающим голосом Айвасса.

Как будто неудовлетворённый только этой деятельностью, Кроули написал также несколько стихотворений, возродил свой интерес к буддизму и нанял наставника, чтобы тот учил его персидскому, поскольку Кроули намеревался вернуться в Европу по суше через Тегеран. Кроме того, он начал писать ещё одно порнографическое произведение. Это была остроумная мистификация, представлявшая собой сборник из сорока двух стихотворений, каждое из которых было написано в форме газели, стиха, характерного для персидской поэзии. Учитель помог Кроули точно соблюсти эту стихотворную форму. Озаглавленное «Благовонный сад Абдуллы, насмешника из Шираза», это произведение отчасти восходило к сделанному сэром Ричардом Бертоном переводу книги XV века под названием «Благоуханный сад». Книга Кроули была написана якобы Абдуллой аль Хаджи из Шираза и переведена вымышленным офицером индийской армии майором Льюти, впоследствии будто бы убитым в бурской войне, чей перевод был посмертно издан и аннотирован христианским священником. Несмотря на то что книга была непристойной, Кроули утверждал, что

она представляет собой полный курс мистицизма, выраженный в символах, предписываемых персидским благочестием. Здесь описываются отношения между Богом и человеком, объясняется, как последний лишается своей

изначальной невинности, обманутый иллюзией реальности. Его религия перестаёт быть истинной и становится формальностью; он впадает в грех и вынужден нести наказание. Но Бог приготовил ему путь спасения. Дорогой стыда и печали он приводит его к раскаянию, создавая тем самым мистический союз, в рамках которого человек возвращает себе свои исконные привилегии: свободу воли, бессмертие, чувство истины и так далее.

Книга была опубликована издательством Probsthain & Company в 1910 году и продавалась только по частной подписке. Поступи она в открытую продажу, к ней неизбежно применили бы закон о порнографии. Кроули утверждал, что его «подделка» была настолько мастерской, что ввела в заблуждение персидских учёных.

Некоторые из вошедших в книгу стихотворений имели гомосексуальную направленность. Многие из них содержали скрытые криптограммы, например в виде имён Кроули или Поллита. Это было характерно для поэзии Кроули. Он часто «прятал» слова, особенно непристойные, в текстах отнюдь не порнографических. Вместе с подделкой рукописей и их авторов всё это было проявлением своеобразного чувства юмора Кроули.

Между тем 27 октября с Кроули произошло нечто совсем не смешное. По своему обыкновению, он посвящал часть своего времени исследованию Калькутты на предмет сексуальных приключений. В тот вечер он в одиночку отправился в местный квартал публичных домов. Ночь была тёмной, но в этот момент бурно отмечался какой-то религиозный праздник, поэтому улицы были запружены гуляющим народом, и вокруг то и дело вспыхивали фейерверки. Идя своей дорогой по узким улочкам, Кроули почувствовал, что его преследуют. Внезапно в одном из переулков его окружило около полудюжины мужчин. Один из них скрутил ему руки, в то время как другие начали шарить по его карманам. Ещё один стал угрожать ему ножом. Будучи любителем приключений, по примеру сэра Бертон Кроули носил в кармане револьвер. Ему удалось выхватить оружие и не целясь выстрелить в преступников. В узком пространстве улицы выстрел прозвучал оглушительно. Нападавшие отступили, причём один из них закричал. На шум сбегалась толпа людей.

Кроули, как он писал позднее, давно и напряжённо работал над обретением способности становиться невидимым. Он не добился полного успеха, однако научился низводить уровень своего телесного присутствия до дрожащего расплывчатого образа. Теперь же, в момент опасности, ему удалось стать полностью невидимым, и он ушёл никем не замеченный. Дойдя до ближайшей оживлённой улицы, он окликнул проезжавший наёмный экипаж и добрался на нём до дома Торнтон. Он испытал прилив адреналина и был в восторге от

собственной смелости.

За последнее время в Калькутте зафиксировали уже несколько случаев нападения на европейцев с целью ограбления, но он справился с головорезами безо всякого ущерба для себя, если не считать четырёх рупий и восьми анн.

Торнтон посоветовал Кроули лечь спать, а наутро встретиться с кем-нибудь из юристов. Так и было сделано. Кроули был представлен адвокату, который предложил ему обратиться в полицию, но предупредил, что в свете текущего пробенгальского настроения политиков его могут обвинить в попытке разбойного нападения. 29 октября, когда Роуз сошла с трапа корабля, Кроули встретил её обескураживающим и мелодраматическим заявлением, что она явилась как раз вовремя, чтобы посмотреть, как его будут вешать.

Торнтон выяснил, что пуля Кроули, пущенная из пистолета в упор, прошла сквозь живот одного из преступников и застряла в позвоночнике другого. Оба они были госпитализированы и признались в попытке нападения с целью ограбления. Эта история достигла прессы, и за поимку стрелявшего, как предполагали, некоего моряка, было назначено вознаграждение. Полицейские обыскивали корабли, пришвартованные в порту, и вскоре, как сказал Торнтон, собирались начать осматривать гостиницы. Он посоветовал Кроули при первой же возможности уехать из Индии.

Вынужденный принять решение об отъезде, Кроули спросил Роуз, по какой стране она предпочла бы путешествовать: по Персии или по Китаю? Роуз выбрала Китай.

Наняв «уродливую, грубую и ненадёжную» индийскую женщину в качестве аяя (няньки) для ребёнка и по-прежнему пользуясь услугами Саламы Тантры («Единственное честное человеческое существо в отряде. Старая верная и преданная собака!»), который ещё не вернулся в Кашмир после неудачи на Канченджанге, Кроули сели на первый же подвернувшийся им корабль, шедший в Рангун.

Как только они прибыли в Бирму, Кроули оставил семью в отеле, а сам уехал на три дня, чтобы навестить Аллана Беннета, который жил в это время в монастыре в окрестностях Рангуна. Теперь Беннет был окружён ещё большим почтением, чем прежде, но здоровье его ослабло, он страдал как от недоедания, так и от целого набора тропических болезней. Кроули, который нуждался в духовном наставнике и советчике, спросил Беннета, как достичь самадхи, состояния наивысшего экстаза, наступающего в результате занятий йогой. Беннет ответил, что Кроули не сможет достичь этого состояния, пока его карма

— судьба — не свершится до конца. Вместо этого он предложил Кроули сконцентрироваться на исполнении своей кармы путём стремления к обретению магической памяти, которая в буддизме называется саммасати. Для этого следовало или тренировать память путём медитативного «вспоминания» в поисках изначальной цели жизни человека, или размышлять над настоящим, чтобы определить, что явилось причиной текущего положения вещей. В сущности, Беннет говорил Кроули о необходимости осознать свою истинную волю, что и составляло суть «Книги Закона». Расставшись с Беннетом, Кроули был готов к тому, чтобы начать следовать совету друга.

Отправляясь в Китай, Кроули очень хотелось попасть в глубь провинции Юньнань и добраться до места, где реки Янцзы, Меконг и Салуин текут параллельно на очень небольшом расстоянии друг от друга через горную цепь Нью-Шань. И это было не просто любопытство. Неудавшийся альпинист Кроули постепенно превратился в Кроули — исследователя и путешественника.

Я поехал в Китай [писал он], и кровь моя кипела от огромного наслаждения, какого я никогда ещё не испытывал. Я пылал любовью к неизведанному... Романтике и приключениям.

Направляясь в Китай, Кроули воплощал то, что являлось основой значительной части его жизни. Он собирался не просто исследовать, но получить новый опыт, удо-влетворить и обуздать беспокойство своей души, в одно мгновение отбросить то отвращение, которое он испытывал от всего банального, мирского, заурядного.

Из Рангуна на речном судне вверх по Ирравади Кроули направились в Мандалай, куда и прибыли 21 ноября. Затем они поехали в Бамо и оказались там ещё через десять дней. Здесь они задержались на одну ночь, ожидая разрешения на въезд в Китай. Во время ожидания Кроули доставил себе удовольствие, выместив раздражение на несколько апатичном — как Кроули охарактеризовал его — «помощнике служащего», который затягивал оформление бумаг Кроули: британское представительство в Бирме надеялось, что задержка заставит Кроули отказаться от продолжения пути, ведь с ним были жена и ребёнок. Эта ситуация дала проказнику Кроули возможность проявить себя с соответствующей стороны. Кроме всего прочего, Кроули невзлюбил этого человека, который был евразийцем — «я не сноб и не пуританин, но всё-таки евразийцы действуют мне на нервы», — и написал. ему письмо, где в том числе были следующие строки: «Я считаю себя обязанным рассыпаться в подобающих случаю изъявлениях благодарности за те неутомимые заботы в отношении моей персоны, которые вы добровольно взяли на себя, и выразить надежду, что такие неустанные усилия не нанесли никакого

ущерба вашему здоровью. Я уверен, что вы вполне удовлетворены: ведь добродетель сама является собственной наградой. Я убеждён также, что не могу высказать вам более сердечного пожелания, как то, чтобы судьба вскоре послала вам другого белого человека, который обошёлся бы с вами так же, как вы обошлись со мной...»

Он подписался: «Святой Э.-А. Кроули».

Однако излишне заботливые бюрократы представляли собой наименьшую из трудностей Кроули. Его семье предстояло углубиться в горный район Китая, который действительно был и до сих пор является одним из самых глухих уголков мира. Хотя и существовали карты некоторых участков этой территории, но они были ненадёжны. Европейцы редко отваживались проникнуть в эту часть Китая. Даже миссионеров здесь было немного. Нет никаких сомнений в том, что Роуз не представляла себе, что ждёт их впереди, и без преувеличения можно сказать, что брать в такую дорогу ребёнка было в высшей степени безответственно как со стороны Кроули, так и со стороны Роуз.

Из Бамо они отправились в Тенгюэ (ныне известный как Денгюэ), британский порт для внешней торговли, основанный прямо на границе в 1902 году. Здесь они остались на три ночи, а на четвёртый день пересекли границу и оказались в Китае. Их отъезд был по обыкновению спешным. Кроули рвался вперёд, несмотря на то что ему ещё не вернули паспорт с разрешением на переход границы. Большую часть пути Кроули преодолел верхом на пони, тогда как Роуз, ребёнок и часть походной библиотеки Кроули ехали в паланкине. Они двигались по главной из ведущих в Китай дорог, и всё же она была немногим шире, чем горная тропинка. Пони, на котором ехал Кроули, оступился и увлёк наездника и груз на сорок футов вниз. Вьючный мул, нагруженный провиантом и багажом, больно лягнул Кроули в бедро. Незадолго до прибытия в Тенгюэ няня сбежала с одним из погонщиков мулов.

Британский консул в Тенгюэ, человек по фамилии Лит-тон, ужаснулся, услышав о путешествии Кроули. Он писал Кроули: «Скажу вам откровенно: я и не подозревал, что миссис Кроули и ребёнок поедут вместе с вами, и, следовательно, вам нет никакого резона не ехать в Юнь-наньфу по главной дороге. В противном случае, я боюсь, им придётся всю дорогу претерпевать серьёзные неудобства от любопытства и наглого поведения китайцев, которые будут испытывать ваше терпение. Я также посоветовал бы вам одеться по-китайски, и если миссис Кроули не станет возражать против ношения китайского женского верхнего покрывала или жакета, она будет привлекать к себе меньше внимания, и ей будут меньше досаждать». Кроули расценил

позицию Литтона как проявление типичной британской ограниченности, но, встретив Литтона неподалёку от границы, где тот выступал судьёй в каком-то местном споре, Кроули сразу полюбил этого человека, в котором узнал такого же искателя приключений, как и он сам. Более того, в сравнении с Литтоном Кроули в этом качестве был дилетантом. Литтон представлял собой настоящего искателя приключений, он был настоящим синологом и синофилом, женатым на китаянке и владеющим несколькими диалектами китайского языка. Он разбирался в мировоззрении, религии и обычаях китайцев и пережил восстание боксёров. Согласно утверждению Кроули, этот человек даже раскрыл план восставших захватить штаб британской дипломатической миссии в Пекине в 1900 году, но начальство Литтона проигнорировало его предупреждения. Вероятнее всего, этот случай представляет собой пример преувеличения, которое Кроули использовал, чтобы приукрасить всю историю, а также изобразить собственные приключения в более романтическом виде.

В Тенгюэ Кроули получили приглашение остановиться у жены Литтона (которая растила пятерых детей), ожидая, пока их не нагонит паспорт Кроули, надлежащим образом подписанный и содержащий официальную визу, разрешающую въезд в Китай. Порт представлял собой не что иное, как маленький город, где жило несколько иностранных коммерсантов, в основном британцев. Они были заняты обычными торговыми делами, в том числе торговлей нефритом, добыча которого активно велась в этих местах. Кроули характерным для него образом отнёсся к ним как к светскому сброду, но оказалось, что у жены Литтона остановился ещё один гость, ботаник по имени Джордж Форрест, к которому Кроули сразу же испытал симпатию.

Семья Кроули пробыла в Тенгюэ двадцать пять дней в ожидании своих путевых документов, слушая некоторые вызывающие беспокойство новости. До них дошли слухи о восстании в Шанхае, во время которого было якобы убито несколько иностранцев. Со времён восстания боксёров, имевшего место в 1899–1900 годах, в Китае по-прежнему было распространено неприятие иностранцев, и в некоторых районах страны европейцам находиться было очень рискованно. Это не остановило Кроули. Он уже принял решение и намеревался, невзирая ни на что, пересечь юг Китая вместе с женой и ребёнком.

Опасность, в которой они все находились, материализовалась в ночь на 10 января 1906 года. Во время ужина явился гонец, чтобы сообщить, что Литтон исчез. Кроули, Форрест и врач-бенгалец по имени Рам Лал Сиркар верхом отправились на его поиски. Ночью разразилась непогода и большую часть времени они шли пешком. Только лишь рассвело, они встретили группу китайцев, которые несли на носилках тело Литтона. Кроули хотел лично

засвидетельствовать смерть: если она наступила в результате насилия, необходимо было расследование, а если, что ещё хуже, причиной смерти явилось инфекционное заболевание, нужно было принять меры, чтобы предотвратить его распространение. По словам Кроули, врач-бенгалец (которого Кроули недолюбливал, поскольку тот был «толстым и лоснящимся, с маленькими свинными предательскими глазками») при виде тела сбежал. По возвращении в Тенгюэ Кроули ударами кнута заставил врача обследовать тело. Врач, который позднее подал на Кроули официальную жалобу, обвинив его в разбойном нападении, провёл обследование и подписал свидетельство о смерти, в котором говорилось, что Литтон умер от рожи, незаразного инфекционного кожного заболевания. Едва ли это заболевание могло быть причиной смерти, хотя оно способно вызывать такие осложнения, как заражение крови или менингит. Из-за этого смерть Литтона казалась несколько подозрительной, но Кроули был удовлетворён.

Поскольку путевые документы Кроули были наконец в порядке, ничто не мешало его семье пуститься в путь, однако одним из условий разрешения на въезд в Китай было предписание нанять переводчика. Кроули выбрал обученного миссионерами человека, китайца из Мандалая, который звал себя Джонни Уайт, но чьё обиходное китайское имя, к большому изумлению Кроули, звучало как Ах Син. Английским он владел очень плохо и большую часть времени, по крайней мере так утверждал Кроули, был невменяем благодаря употреблению рисовой водки и опиума. Тем не менее Кроули не прогнал его даже после того, как китаец попытался удрать верхом на принадлежащем Кроули пони.

Восемнадцатого января они вышли из Тенгюэ, перешли реку Салуин неподалёку от того места, где сейчас, располагается Хуэйжэньцяо, по мосту, окружённому статуями речных богов, и через пять дней прибыли в Юнг-чан (ныне Баошань). Это был тяжёлый переход. Серебряные китайские монеты было трудно достать, и вместо них Кроули пришлось взять медные деньги, которые в общей сложности весили более сорока килограммов. Как и предсказывал покойный Литтон, Кроули и его спутники на каждом шагу привлекали к себе большое внимание.

В Юнгчане Кроули нанёс визит вежливости местному мандарину в его официальной резиденции, совмещённой с офисом. Это место он впоследствии описывал как «благоуханный рай красоты и наслаждений, где все элементы искусства и природы гармонично переплетены друг с другом и как будто стремятся отобразить мелодию души мандарина». Во время визита мандарин пригласил Кроули на банкет, который продлился двенадцать часов. Высокое качество и внешний вид кушаний изумили Кроули; как будто заранее выступая

критиком европейских ресторанов китайской кухни, которые станут распространены на Западе лишь полвека спустя, он писал, что «современные европейцы не более способны оценить китайское блюдо, чем насладиться египетской сигаретой».

В Юнгчане Кроули надеялся пополнить запасы провизии, но обнаружил, что, хотя здесь и можно было купить домашнюю птицу и яйца, свежего молока достать было нельзя, однако, что удивительно, продавалось сгущённое молоко в консервных банках. К счастью, в запасах Кроули было довольно большое количество консервов, закупленных в Рангуне. Зелёный чай в брикетах из Юньнана продавался в изобилии, и Кроули закупил его не только для употребления в пути, но и для того, чтобы прихватить его с собой в Британию, заметив, что этот чай, будучи крепко заваренным, может служить сильным слабительным.

Двадцать пятого января праздновался китайский Новый год. Кроули веселился на празднике. «На длинных бамбуковых столбах гроздьями висели хлопушки, а пёстрые гирлянды из цветной бумаги радовали глаз, тогда как ухо наслаждалось разнообразной инструментальной музыкой и пением. Необычные изысканные пирожные и сласти дарили радости вкуса, а лёгкие ароматы волновали обоняние. Ветер дышал сладостью от горящего сандала: едва уловимой примесью запаха пота танцующих». На следующий день отряд пересёк реку Меконг неподалёку от Юнпина, где река течёт сквозь ущелье с камнями, на которых высечены надписи, и вышел на дорогу, ведущую в Тали (ныне Дали), населённый пункт, расположенный на южном берегу озера Эр-Хай. Несколько скупая земля горной цепи Нью-Шань постепенно переходила в лесистый горный массив Циншуйлан-Шань. На ночь отряд расположился в палатках.

Где-то на этом отрезке путешествия Кроули встретил ребёнка, слепого на один глаз, и записал в своём дневнике: «Видел ребёнка, спасшегося от миссионеров (у него нет одного глаза), похоже, что его ослепили». В автобиографии Кроули объясняет эту заметку: миссионеры-медики в отдалённых районах, по утверждению Кроули, из-за своей невыносимо скучной жизни нередко впадали в состояние садистского помешательства, и тогда, пользуясь своим служебным положением, подвергали вивисекции бедняков. Кроули никогда не упустил случая нанести удар по репутации христианских священников. Однако его обвинение было полностью сфабрикованным: ослепление детей представляло собой слух, пущенный китайцами, противниками христианства, а Кроули, когда этот слух дошёл до него, принял его за истину, поскольку он соответствовал его собственному мнению.

Пройдя сквозь величественное ущелье и преодолев переход по природному каменному мосту, путешественники 1 февраля прибыли в Тали, где их встретил один из мнимых вивисекторов, врач-миссионер по фамилии Кларк. Кроули охарактеризовал этого человека как искреннего, но «настолько уверенного, что та ветвь христианства, к которой он принадлежал, обладает истиной в её самом чистом и полном виде, что не мог допустить в китайцах даже простой способности думать. Причину отказа китайцев обратиться в его веру он видел в смешении их полнейшей тупости с абсолютной порочностью».

Где-то на пути из Тенгюэ в Тали Кроули купил опиумную трубку вместе с небольшим запасом опиума и научился её курить. Опиум был распространён в этой местности, где обитатели горных районов выращивали его и курили. Познакомившись с Кларком, Кроули расспросил его о воздействии опиума на организм. К тому времени Кроули уже доводилось принимать опиумсодержащие вещества в качестве медикаментов, в Канди он экспериментировал с настойкой опия, в Бирме он употреблял опиум в виде порошка, что вызвало у него рвоту. Курение же опиума было, по его мнению, неэффективным. Он выкурил двадцать пять трубок опиума за пять часов безо всякого эффекта. Потом оказалось, что он неправильно вдыхал дым.

Кларк просветил Кроули относительно опасностей привыкания, а также того вреда, который опиум нанёс Китаю. Кроули пропустил его замечания мимо ушей и, посетив устроенную Кларком больницу, обратил внимание на отсутствие среди больных жертв этого наркотика. И в самом деле, на протяжении всего путешествия, по наблюдениям Кроули, он не встретил ни одного человека, который бы по-настоящему страдал от употребления опиума. Кули, которые несли паланкин Роуз, по словам Кроули, курили опиум и всё же были в состоянии нести тяжёлый деревянный стул с его женой и ребёнком, преодолевая при этом по восемь миль каждые два часа. Разумеется, Кроули предпочёл не обратить внимания на тот факт, что именно опиум устранял мышечную боль носильщиков и делал возможным столь быстрое их передвижение.

Точку зрения Кроули на приём наркотиков в целом и опиума в частности не следует осуждать. Мнение, что опиум не является таким опасным, было тогда широко распространено, и Кларк со своей осторожностью в отношении опиума находился в меньшинстве. И когда Кроули утверждал, что детально изучил вопрос употребления наркотиков, и высказывал предположение о том, что «склонный к философствованию и флегматичный китайский темперамент благожелательно реагирует на опиум», он лишь отражал общее мнение той эпохи. Даже другое его заявление о том, что «опиум очень по-разному действует на подвижных, нервных, скупых, малодушных французов, на

англичан с их врождённым чувством вины и на американцев с их склонностью ко всему экстремальному», было вполне в русле всеобщего мнения: считалось, что национальные и даже половые различия делают одних людей более подверженными вредному воздействию опиума, чем других.

Шестого февраля семья Кроули покинула Тали и направилась в Юньнаньфу (ныне Куньмин). Сначала местность была гористой с поросшими лесом склонами и маленькими озёрами, но вскоре превратилась в равнину, на взгляд Кроули, слишком однообразную. Дорога, по которой они передвигались теперь, была гораздо лучше, чем прежняя. Тот район Китая, который они в данный момент пересекали, мало изменился за последнюю тысячу лет. Женщины ездили на рынок в ручных тележках, напоминающих тачки; орошение полей производилось при помощи водяного колеса с ножным приводом; пшеничные поля стояли пустыми, а рисовые ещё небыли засеяны; кули переносили грузы на своих плечах; бедные были одеты в лохмотья, тогда как богатые передвигались в паланки-нах. Немногие населённые пункты, которые встречались им на пути, такие как Чусюн, состояли из зданий с резными фронтонами, буддийских и даосских храмов, над которыми курился дым благовоний, мусульманских мечетей и придорожных лотков. На ночь отряд останавливался на постоянных дворах или разбивал палатки под открытым небом. После одной из таких ночных стоянок Кроули заболел и болел три дня, в течение которых, по его собственному утверждению, мало интересовался окружающим. Большая потеря для любознательного искателя приключений.

Двадцатого февраля отряд прибыл в Юньнаньфу. У.-Г. Уилкинсон, британский генеральный консул, получил от своего начальства распоряжение не предоставлять жилья членам экспедиции. Жалоба врача-бенгальца на попытку разбойного нападения со стороны Кроули на время превратила последнего в *persona pop grata*. Так Кроули стали гостями доктора Барбезье, остановившись в больнице французской миссии в Китае. Они провели в городе десять дней, причём Кроули очень дёшево купил множество старинных рукописей, посетив «миссионера, настолько фанатичного и настолько глупого, что в это было трудно поверить», а также осмотрел наиболее значительные из местных достопримечательностей, большинство которых, судя по всему, не произвело на него впечатления. Он ничего не пишет о Юньнаньфу за исключением замечания о том, что этот город представляет собой «средоточие вековой и неопикуемой грязи». Древний буддийский храм в Яньтуне и пагоды династии Тан не удостоились ни одного упоминания в биографии Кроули, равно как и древние пагоды Тали и окружающие этот город горные пики. Когда отряд добрался до Юньнаньфу, Кроули пришла в голову идея продолжить путешествие водным путём, вниз по Янцзы. В этом случае им пришлось бы

проплыть несколько тысяч миль — маршрут, и по сей день считающийся одним из самых длинных в мире. Однако он отказался от своего замысла. Обвинив британскую бюрократию в том, что она своими проволочками ломает график его путешествия, он заявил, что пора возвращаться в Англию, чтобы он смог начать планировать следующую попытку покорения Канченджанги на 1907 год. Дело же было в том, что Кроули постепенно овладевали скука и беспокойство. С него было достаточно путешествий по разбитым дорогам, а его страсть к приключениям постепенно сходила на нет. То, что изначально было задумано как попытка пересечь Китай, провалилось.

Второго марта, в жестокий холод, Кроули покинули Юньнаньфу и направились в Тонкий, ныне расположенный на территории Северного Вьетнама, а в то время бывший французской колонией. Перед отъездом Кроули Уилкинсон предупредил его, чтобы он не бил никого из кули, поскольку в свете антиевропейских настроений, царивших тогда в Китае, последствия могли быть самыми нежелательными: несомненно, молва о поведении Кроули дошла до Уилкинсона раньше, чем появился сам Кроули. Кроули дал слово, что будет держать себя в руках.

Отряд шёл быстро, и через восемь дней Кроули достигли французской концессии Мэнцзе. Здесь они пробыли три дня, остановившись у британского инспектора китайской таможни Брюитта Тейлора, который, увидев Кроули, с трудом поверил, что перед ним англичанин. Кроули писал: «Путешествие превратило мою одежду в лохмотья: за всё время пути у меня не было возможности помыться или подстричь бороду; кожа на моём лице шелушилась от ветра». Нечего и говорить о состоянии Роуз и ребёнка.

Следующий этап путешествия привёл их на берега реки Юаньцзян, куда они попали, двигаясь по дороге, соединяющей Пинбянь и Маньхао. Здесь Кроули нанял лодку, которая должна была доставить отряд в Хешу, на границу с Тонкином. Кроули не остановило даже то, что на реке были пороги. Прежде чем отправиться в плавание, Кроули решил дать расчёт команде кули, которые несли весь багаж, а также его семью от самого Тенгюэ. Кроме того, Кроули решил отомстить носильщикам, один из которых, как он утверждал, ударил его ребёнка.

Когда все отплывающие сели в лодку, Кроули выплатил заработную плату носильщикам главному кули, но удержал некоторое количество денег в качестве штрафа, не объяснив причин. Кули, разумеется, пришли в ярость. Разыгралась отвратительная сцена. Кроули достал из футляра своё охотничье ружьё, приказав Саламе Тантре вброд дойти до берега и отдать швартовы. Индеец не имел ни малейшего желания возвращаться на берег, поэтому Кроули

велел своей «верной и преданной старой собаке» делать как приказано или стать первым среди убитых. Зная нрав своего хозяина, индеец повинился, затем пробился обратно к лодке, и через минуту или две лодка с пассажирами уже стремительно неслась вниз по течению, чтобы 18 марта прибыть в Хекоу, где Кроули вместе со случайно встреченным им английским коммерсантом «крепко напильсь, празднуя успешно завершённое путешествие, которое, с точки зрения людей разумных, представляло собой безумную выходку, с самого начала обречённую на печальный конец... Приключение, при одной мысли о нём повергающее в трепет, оказалось таким же безопасным, как автобусная поездка из Бэнка в Баттерси».

Тот факт, что они избежали несчастного случая, скорее можно счесть везением, чем следствием проницательности Кроули. В течение четырёх зимних месяцев они путешествовали по Китаю, климат которого в это время даже в субтропической, южной части страны характеризуется резким холодом. У них не было украдено ничего ценного, на них не пытались напасть, им не угрожали. Они счастливо отделались от разгневанных кули, и единственными болезнями, которые они перенесли в пути, были расстройство желудка у Кроули, слегка поднявшаяся температура у Роуз, а также недолгая простуда и несварение, случившиеся у ребёнка во время остановки в Юньнаньфу. Хотя в описании самого путешествия Кроули уделяет Роуз мало внимания, в конце этого отрывка она удостоилась большой похвалы от своего мужа. Она показала себя, — писал он, —

идеальной спутницей. После побега няньки некому было помочь Роуз в уходе за ребёнком. Кроме того, многие обязанности по ведению лагерного хозяйства были возложены на неё. Нередко мы проводили в пути более двенадцати часов в день, и условия были по-настоящему тяжёлыми. Мы сталкивались с множеством трудностей — усталостью, холодом, нехваткой еды и общим отсутствием комфорта. Роуз никогда не сдавалась, не жаловалась, никогда не отказывалась от работы, превышающей её собственные обязанности, и не допустила ни одной ошибки. Она была прекрасным, незаменимым товарищем. Даже Экенштайн не проявлял такой потрясающей осведомлённости обо всём на свете и таких превосходных качеств в любом деле. Более четырёх месяцев мы находились вдали от цивилизации, и она не просто стойко выдержала это испытание, но даже расцвела от него. Когда мы начали жить вместе, она была довольно легкомысленной, ветреной женщиной, но, несмотря на хорошее здоровье, физически крепкой всё же не была. Теперь же её душа пробудилась благодаря близкому контакту с живой природой. Её фигура выглядела прямой и гибкой безо всяких корсетов. У неё были гибкие руки и стройные ноги; её глаза блестели жаждой жизни; её лицо светилось радостью и здоровьем, а сердце её

ликовало, ожидая появления нового знака нашей нежности друг к другу уже в конце года.

Позднее он добавлял, что Роуз представляла собой «совершенство как Поэтический Идеал, Любовница, Жена, Мать, Хозяйка, Няня, Друг и Товарищ». Это большая похвала. Однако Кроули написал и о том, что Роуз не ценила, а возможно, не была способна понять его магические занятия. По дороге в Юньнаньфу он отметил в своём дневнике: «Р. — мой постоянный оппонент во всех духовных делах. Стоит мне подумать о чём-нибудь подобном, она устраивает скандал». Вполне вероятно, что Роуз была рассержена не столько на его занятия магией, сколько на тот факт, что ей приходилось одной ухаживать за ребёнком где-то в китайской глубинке. Она считала, что Кроули мог бы и отложить на время поклонение своим идолам, а вместо этого помочь ей чем-нибудь как муж.

Из Хекоу семья Кроули на поезде добралась до Ханоя, затем до Хайфона, где поселилась в «Отель дю Коммерс». Кроули купил билеты на «грязный грузовой пароход», нагруженный крупным рогатым скотом и идущий в Гонконг. Дорога была не из приятных. На море штормило, капитан оказался алкоголиком, двигатели корабля вышли из строя, и он дрейфовал до первого порта захода под названием Хоухай, что на полуострове Лэйчжоу. На этом корабле Салама Тантра подвергался расистским нападкам, а от свиней и домашней птицы исходило зловоние.

После суровых условий последних месяцев Гонконг казался уголком роскоши. Кроули поселились в престижном «Гонконг-отеле» на углу Куин-роуд и Де-Вёроуд и начали строить планы. Было решено, что Роуз с ребёнком вернётся в Англию через Калькутту, где заодно заберёт багаж, не взятый с собой в путешествие по Китаю. Вместе с ней в Индию вернётся Салама Тантра. Тем временем Кроули пересечёт Тихий океан и прибудете Калифорнию, откуда поездом доберётся до Нью-Йорка, в Нью-Йорке же он надеялся получить денежную ссуду для ещё одной попытки восхождения на Канченджангу. Гора была, как он считал, «у него в кармане. Средней силы отряд альпинистов настолько же легко может дойти до вершины, как прогуляться по берегу моря». Он рассуждал так, как будто его прошлой неудачи и временной утраты уверенности, отразившейся в письме к Джеральду Келли, не было и в помине.

Когда 3 апреля Кроули снова сел на корабль (на этот раз это было судно «Ниппон-Мару», идущее в Шанхай), у него был тайный план. В Шанхае теперь жила Элен Симпсон. По прошествии месяцев астральных встреч он хотел увидеть её во плоти.

На протяжении всего путешествия по Китаю Кроули обдумывал совет Беннета по поводу приобретения магической памяти. Кроме того, он был занят переоценкой своего отношения к тем религиозно-философским направлениям, которые изучал. Чем больше он читал, тем больше приходил к убеждению, что любая цепь доводов или аргументов представляет собой замкнутый круг. Дневниковая запись за 19 ноября предыдущего года, которая отражает скорее события магической жизни, чем повседневные события, выдаёт его растерянность:

Я ощущаю в себе полную неспособность разумно рассуждать и жестоко страдаю от этого. Я похож на того, кто годами гордился силой и скоростью своей любимой лошади и вдруг обнаружил, что не только её скорость и сила были иллюзией, но и сама лошадь была игрушечной. Нет никакого выхода — никакого мыслимого выхода из того страшного отчаяния, в которое повергает меня эта ужасная проблема, отчаяния, которое можно вытерпеть лишь потому, что всё, что было до него, — это Тьма Перехода. Однако сейчас дела обстоят хуже, чем когда-либо раньше; я хочу переместиться из А в В, но при этом не только я представляю собой калеку, но и самого пространства не существует. Я должен в полночь явиться на встречу, но не только часы мои остановились: отсутствует самое время... Но несомненно, в свои тридцать лет я ещё не мёртв!

Позднее он так подвёл итог своему растерянному состоянию: «Я проехал вокруг света за восемьдесят дней и, подобно Финеасу Фоггу и Омару Хайяму, вернулся через ту же дверь, из которой вышел. Решение должно быть практическим, а не теоретическим, реальным, а не умозрительным».

Отчасти растерянное состояние Кроули было следствием всего того, что произошло в его жизни со времени неудачной попытки покорения Канченджанги. Эти события повлияли не только на самолюбие Кроули, но и на его философию. Он по-прежнему волновался из-за того, что Тайные Учителя избрали его своим представителем, его беспокоили поиски смысла жизни и необходимость понять, в чём же заключается его судьба. Единственным якорем в этом бушующем море мыслей был для него Айвасс.

Примерно в то же самое время, когда Кроули купил трубку для курения опиума, по дороге из Тали в Юньнань, он пришёл к некоторому разрешению своей ситуации, возможно, благодаря наркотику и, уж без сомнения, под влиянием чтения «Египетских мистерий» Ямвлиха, философа-неоплатоника, жившего в III веке н. э. Достигнутому им состоянию духа он дал название «Аугоэйдес», что по-гречески означает «рассвет». Это состояние он превратил в некую разновидность заклинания, проделываемого им в уме по несколько раз в день в надежде достичь просветления. Когда это удавалось, Кроули ощущал

нечто оде внутреннего освобождения, напоминающего катарсис. Личность Кроули как будто обновилась. Он писал:

Я обнаружил себя в китайской глубинке вместе с женой и ребёнком. Я больше не испытывал любви к ним, мне больше не было интересно заботиться о них так, как я это делал прежде; однако существовал человек, Алистер Кроули, муж и отец, определённого рода-племени, с определённым опытом путешествий по отдалённым уголкам мира; и это была его обязанность дать женщине и ребёнку максимальное количество любви, заботы и защиты. Теперь, когда я осознавал, что он делает, он мог делать это гораздо более эффективно, чем прежде, вследствие чего у него появилась склонность переигрывать, исполняя свою роль.

Начиная с этого момента Кроули посвятит себя той работе, которая была ему поручена: его существование расколется на две части, человеческую и духовную, которую можно также назвать магической.

С несколько прояснившимся умом Кроули принял возложенную на него ответственность распространять учение, полученное им через своего Ангела-хранителя, и всю вторую половину путешествия по Китаю он готовился уединиться для магических занятий. В то же самое время, он снова начал совершать приготовления к проведению. Операции Абрамелина.

Было и ещё одно событие, которое оказало влияние на Кроули. Неизвестно, когда именно это произошло. Возможно, это случилось в конце экспедиции на Канченджангу, сразу, как только он спустился с горы, или во время путешествия по Китаю. Событие заключалось в получении им сообщения от Тайных Учителей посредством Саламы Тантры. Сообщением был сон, который Салама Тантра увидел и пересказал Кроули. В этом сне Кроули принимал меч из рук прекрасной женщины, плывущей в лодке по озеру. Кроули истолковал этот сон в том смысле, что это Айвасс говорит через Саламу, признавая Кроули избранным выполнять приказы Тайных Учителей.

В Шанхае Кроули встретился с Элен Симпсон и посвятил её во все произошедшие с ним события. В первый раз он рассказал ей о том, что случилось с ним в Каире, об Айвассе и о «Книге Закона». Элен, чей интерес к подобным вопросам, судя по всему, возродился, выразила убеждение, что всё это правда, отчасти, к огорчению Кроули, который втайне надеялся, что она отнесётся ко всему скептически и тем самым освободит его от чувства ответственности. В течение двенадцати дней они разговаривали и вместе занимались магией, вызывая Айвасса и разговаривая с ним. Айвасс велел Кроули возвращаться в Египет, но не брать с собой Элен Симпсон, которую он

называл Сестрой Фиделис. Точные слова Айвасса, как Кроули записал их, были следующими: «Мне не нравятся ваши отношения; прекратите их! Если вы не сделаете этого, вам придётся служить другим богам. Однако я посоветовал бы вам предаться физической любви, чтобы ваш союз обрёл совершенную форму. Фиделис не станет этого делать, поэтому она бесполезна. Если бы она согласилась, то смогла бы принести пользу». Они решили расстаться, поскольку Элен была влюблена в своего мужа, а Кроули такие же отношения связывали с Роуз.

С чувством некоторого облегчения Кроули покинул Шанхай 21 апреля на борту лайнера «Царица Индии», идущего в Ванкувер через Японию. Путешествие было ничем не примечательно, и Кроули провёл много времени в своей каюте, занимаясь магией. Ванкувер, когда Кроули прибыл туда, не впечатлил его. Скалистые горы показались ему бесформенными; еда оказалась несъедобной; поведение канадцев было «грубым и оскорбительным», а город Торонто представлял собой «преднамеренное преступление против устремлений души и волнений сердца». Во время посещения Ниагары толпа журналистов по ошибке приняла Кроули за кого-то другого, но он всё же наслаждался красотой и величием водопада. Затем он провёл десять дней в Нью-Йорке, покутив на славу перед отплытием в Ливерпуль на судне «Кампания». Судя по всему, он мало сделал для того, чтобы раздобыть деньги на новую альпинистскую экспедицию или заинтересовать кого-нибудь этим замыслом. 2 июня он достиг берегов Англии, проведя значительную часть трансатлантического путешествия за написанием поэмы под названием «*Rosa Coeli*» (Роза небес).

Как только корабль причалил, Кроули передали два письма. Одно извещало его, что Нюи Ма Ахатхор Геката Сапфо Иезавель Лилит мертва. Она умерла от брюшного тифа в Рангуне. (Данкомб Джуэл, который был невысокого мнения об отцовских качествах Кроули, сардонически заявлял, что ребёнок умер от «острой заботы».)

В своём дневнике Кроули писал: «Прибыл в Ливерпуль. Узнал о смерти малышки из писем матери и дяди Тома. Почему никто не телеграфировал мне об этом? Приехал в Лондон абсолютно оглушённый». Позже в этот же день он добавляет: «Совершенно не могу думать об этом в подробностях или поверить в реальность произошедшего». Несмотря на всё его бесстрастное отношение к смерти, на его мнение, что смерть есть немногим более, чем обыкновенный сон, на его твёрдое намерение больше не подпадать под воздействие собственной любви к своей семье, на его решение впредь посвящать себя магии более, чем чему-либо другому, смерть ребёнка сильно повлияла на него. Тремя днями позже в его дневнике унылая запись: «Со мной чуть не случился срыв, когда я

играл в бильярд. Накачался наркотиками». Когда 8 июня Кроули сел на поезд до Плимута, чтобы встретить Роуз, которая должна была прибыть на лайнере «Гималайя» из Калькутты, его состояние было всё ещё не близко к безумию. Дневниковая запись следующего дня гласит: «Временами по-прежнему бывают срывы, и нервы так слабы, что меня шатает». Вероятно, он не испытывал раскаяния по поводу того, что оставил Роуз и ребёнка, предоставив им самим добираться до Шанхая, впрочем, для раскаяния не было достаточно серьёзных причин. Хотя можно спорить о том, что более хороший и более внимательный муж пожелал бы сопровождать свою жену на долгом пути домой. Однако и Роуз, и ребёнок находились в прекрасном состоянии, когда он покинул их. Это был просто жестокий поворот судьбы.

Гораздо позже, диктуя свою автобиографию, Кроули возложил всю вину за смерть ребёнка на Роуз, которая якобы «не позаботилась продезинфицировать соску на бутылочке с детским питанием, в результате чего ребёнок подвергся воздействию микробов тифа». Он пошёл ещё дальше, упрекая её в том, что она пыталась утопить своё горе в вине, когда ребёнок лежал при смерти. Однако все эти соображения были высказаны задним числом, много времени спустя после того, как Роуз и Кроули расстались. Нет никаких оснований полагать, что он в чём-либо обвинял Роуз сразу после смерти ребёнка.

В словах Кроули есть только одна крупница правды. Роуз на самом деле превращалась в алкоголичку. А смерть ребёнка вкупе с отсутствием мужа и непредсказуемостью жизни, судя по всему, ускорили процесс, который начался ещё до их встречи в Калькутте. Как бы то ни было, следует признать, что в письмах Кроули к Джеральду Келли мелькают свидетельства того, что с первого дня его женитьбы на Роуз она проявляла качества, которые точнее всего можно было бы назвать душевной неуравновешенностью. Кроме того, во время путешествия по Китаю она снова забеременела.

Начавшийся алкоголизм Роуз отчасти может быть с уверенностью отнесён на счёт того, что она была замужем за таким человеком, как Кроули, который не был склонен выражать истинную привязанность. Это неудивительно при том детстве, которое ему довелось пережить, и при его малой способности к любви. Позднее Кроули возложит всю вину на Роуз, которая якобы пила, не скрываясь, ещё в доме собственной матери. Он сильно — и это неудивительно, имея в виду профессию его тестя — не любил родителей Роуз: он даже написал пьесу, в которой изобразил свою тещу ведьмой, а тестя — бабуином.

Зимой 1906 года у Роуз родилась ещё одна дочь, которую называли Лола Заза. По словам Кроули, у неё были монголоидные черты. 15 февраля 1907 года он делает зловещую запись в дневнике: «Малышка заболела». У Лолы Зазы был

бронхит, и она лежала при смерти. Доктор, который лечил ребёнка, сказал, что в спальне девочки может находиться только один человек. По словам Кроули, его тёща пренебрегла этим указанием врача. На следующий день Кроули пишет в дневнике: «Выкинул из квартиры Б. К. (Бланш Келли) и тем, хвала провидению, спас ребёнку жизнь». Позднее он сообщил детали происшествия: «Я не церемонился с ней; я взял ведьму за плечи и выгнал её из квартиры, к тому же ботинком помог ей спуститься с лестницы, чтобы она точно поняла, что я имею ввиду».

Несмотря на все свои путешествия и волнения последних двух лет, Кроули, по крайней мере, как человек, кажется, мало изменился. Однако на данный момент его странствия закончились. Ему предстояло на ближайшее время обосноваться в Британии и сосредоточиться на том пути, который уготовили ему Айвасс и Тайные Учителя.

ГЛАВА 11

Первые ученики и «Равноденствие»

В течение нескольких месяцев после смерти своей первой дочери Кроули был нездоров. Помимо периодически повторяющихся приступов малярийной лихорадки, он страдал мигренями, невралгией, у него было воспаление в паху (вполне вероятно, подхваченное от какой-то из его любовниц), закупорка носового канала и какие-то проблемы с горлом, потребовавшие хирургического вмешательства уже в начале июля. Он был духовно и физически истощён, возлагая всю вину за своё состояние на козни демонов Абрамелина, чьих нападков, как он полагал, можно было избежать, если бы он послушался Тайных Учителей, будучи в Шанхае и находясь с ними в магическом контакте.

Тем не менее, он продолжал свои магические занятия во время пребывания в частной лечебнице, а затем в доме Сесилия Джоунса, где оставался до полного выздоровления после того, как выписался из больницы в конце июля. Джоунс, которого Кроули считал одним из двух своих духовных наставников и учителей магии (вторым был Беннет), помогал ему. Примерно в это же время Кроули решил посвятить себя магии и с этой поры вести чистую и беспорочную жизнь. При этом подразумевалась его магическая, а не повседневная жизнь: Кроули едва ли собирался менять свой характер. Принятый им в то время обет он записал в своём магическом дневнике: «Брат П. [Пердурабо, то есть Кроули] был распят Братом Д. Д. С. [Джоунсом], и когда он находился на кресте, ему было велено произнести клятву: «Я П..., часть Тела Христова, сим приношу торжественную клятву в том, что буду вести чистую и бескорыстную жизнь и сделаю всё, чтобы возвыситься до познания моего высокого и божественного

духа, и Я стану Им».

Нет ничего странного в том, что в церемонии присутствует христианская составляющая. Кроули, этот антихристианин, произносил клятву, в которой христианство служило одним из скрепляющих клятву средств. В этом парадокс позиции Кроули: он относился к христианству критически и в то же время на словах поклонялся и доверял ему. Возможно, он боялся отказаться от него полностью на тот случай, если вдруг оно и в самом деле представляет собой истинное учение. В конце концов, углубляясь в изучение религии, он не мог не заметить, что христианство имеет свою собственную мощную традицию взаимодействия со сверхъестественным, магическую традицию.

Семнадцатого сентября Кроули снял апартаменты в отеле «Эшдаун-Парк» в Коулсдоне (графство Суррей). Здоровье его мгновенно поправилось. 21 — го числа заканчивался длившийся тридцать две недели период приготовления к Операции Абрамелина. Когда указанное время прошло, у Кроули как будто гора свалилась с плеч, и 9 октября он провёл церемонию. «Кажется, я не предполагал, что достигну какого-то особенного результата, однако это произошло. Я осуществил Операцию Тайной Магии волшебника Абрамелина». Вовремя ритуала Кроули был убеждён, что его Ангел-хранитель вселился в него. В своём дневнике он писал: «Я действительно освободился от всего, во мне была только эта Святая Возвышенная Сущность, и я удерживал её в себе в течение минуты или двух. Я сделал это. Я уверен, что сделал». Он ощущал себя во власти вышних сил и «ожидал, что Роуз [которая жила в отеле вместе с ним] сможет увидеть сияние вокруг его головы».

Сразу же после проведения Операции болезнь горла снова дала о себе знать, досажая Кроули некоторое время, но он не придавал ей значения. Он был слишком захвачен тем, что «являлся носителем физического свидетельства успешно проведённой Операции». «Я излучал видимый свет, — писал он, — люди на улицах оборачивались, чтобы посмотреть на меня; они не знали, что это значит, но впечатление было несомненным».

Наркотики сыграли значительную роль в подготовке и проведении Операции Абрамелина. К этому времени активные эксперименты Кроули с разными наркотиками превратились в систематическое изучение воздействия наркотиков на организм и регулярный их приём. В автобиографии он признаётся, что употреблял гашиш после возвращения из Китая. Некоторые из его экспериментов «оказались неожиданно успешными». «Я обнаружил, — писал он, — что моя привычка анализировать и контролировать собственные мысли позволяет мне наилучшим образом пользоваться тем эффектом, который дают наркотики. Вместо опьянения у меня возникала необычайная способность

к предельно глубокому самоанализу». 22 июля он сделал следующую запись в своём дневнике: «Я провёл замечательный эксперименте гашишем. Я принял около пяти крупинки и выкурил немного ганджи. Кроме того, я выпил довольно большое количество портвейна». Кусочек гашиша на кончике спички он дал и своей медсестре, но та сказала, что по вкусу он напоминает белладонну. В тот день, когда Операция Абрамелина была наконец проведена, Кроули записал в дневнике: «Много очень странных иллюзий, касающихся зрения, чувства пропорций, ориентации в пространстве, иллюзия искажения форм тела...» Внизу страницы было приписано: «...воодушевление, вызванное гашишем, смешалось с чувствами, навеянными ритуалом; теперь я едва ли могу определить, чему именно я обязан теми или иными своими ощущениями».

Свои рассуждения о наркотиках Кроули собрал в эссе «Психология гашиша». Это произведение являлось главным источником сведений по вопросам, касающимся наркотиков, вплоть до 1960-х. В нём Кроули делал вывод, что реакция на приём наркотика является индивидуальной для отдельных людей или отдельных культурных групп. Например, он отмечал, как гашиш употребляют арабы, чтобы устроить шумный праздник, а исламисты — для убийства (слово «assassin» [убийца] происходит от арабского «hashasheen», что означает «поедатель гашиша»), тогда как на западных европейцев гашиш оказывает усыпляющий эффект, вводя их в состояние самоуглубления. Проведённые впоследствии исследования в целом подтвердили правильность этой точки зрения.

На исходе лета 1906 года, когда Кроули готовился к Операции Абрамелина, у него появился новый друг. Это был Джон Фредерик Чарльз Фуллер, капитан 1 — го Оксфорд-ширского полка легкой пехоты. Первый контакт между ними состоялся, когда Фуллер, чей полк был расквартирован в Лакноу, написал Кроули в Дарджилинг, изъявляя желание поучаствовать в борьбе за приз, который Кроули предлагал за лучшую критическую статью о своих литературных трудах, и спрашивая, где бы он мог приобрести книги Кроули.

Фуллер, который перед тем, как его послали в Индию, участвовал в бурской войне, был очень умным молодым офицером. Он обладал быстрым и пытливым умом и со временем стал весьма знаменитым военным стратегом, но его взаимное притяжение с Кроули объяснялось другими чертами его характера. Фуллер интересовался оккультизмом, писал статьи для *Agnostic Journal*, считал себя рационалистом, был против иерархических религий и мечтал о новой, всеобъемлющей религии, которая бы заменила предыдущие, однако покоилась бы на их основных принципах и догматах.

Летом 1906 года он вернулся в Британию в отпуск по болезни, чтобы

вылечиться от брюшного тифа. Кроули и Роуз повстречали его в отеле «Сесиль». Между ними почти мгновенно завязалась дружба. Кроули вспоминал в автобиографии: «Мы оба считали его [христианство] исторически неверным, аморальным, политически несостоятельным и губительным для общества». Кроме того, они оба были против идеи социальной революции, имели похожие мнения о произведениях многих писателей, от Китса до Ницше, критически относились к «воинствующим атеистам» и считали себя интеллектуальными лидерами. Камнем преткновения была только ненависть Фуллера к религии как таковой.

После их знакомства Фуллер горячо принялся за работу над характеристикой Кроули как писателя, а также — коль скоро это было неотъемлемой его частью — как мага. В сущности, он начал свою статью ещё в Лакноу, но тогда отложил её, не закончив. К октябрю статья была уже готова и почтой отправлена в Болескин. Будучи единственным участником конкурса, Фуллер выиграл приз, однако в высшей степени сомнительно, получил ли он когда-либо свои 100 фунтов вознаграждения. Его статья называлась «Звезда Запада». Под «звездой» имелся в виду Алистер Кроули.

Для критической статьи этот текст был довольно странным. Идею его можно кратко выразить двумя из него же взятыми предложениями: «Миру понадобилось 100 миллионов лет, чтобы произвести на свет Алистера Кроули.

Мир действительно потрудился, прежде чем породить этого человека». Большую часть статьи занимала конкретная оценка литературного творчества и философии Кроули. Несмотря на то что «Книга Закона» в статье не упоминается, тем не менее её идеи в какой-то форме всё же дошли до Фуллера, поскольку в своём эссе он выступает за религию под названием «кроулианство».

Когда в 1907 году Chiswick Press напечатал статью роскошным изданием в бело-золотом ледериновом переплёте тиражом в сто подписанных экземпляров, Кроули был доволен. Статья получилась, по его мнению, «острой и яркой». «Единственный её недостаток, — писал он, — это склонность к некоторому излишеству. Я предпочёл бы увидеть в ней больше критики и меньше преклонения по отношению к своим произведениям; но восторженность автора статьи была искренней и придавала нашей с ним дружбе такой смысл, что она стала одним из самых дорогих моих воспоминаний». Книга была разослана по нескольким печатным изданиям для рецензирования и получила некоторый резонанс в прессе. Даже Флоренс Фарр писала о ней без всякой вражды. Однако немало было и тех, кто не был расположен к Кроули столь доброжелательно. Многие члены «Золотой Зари» по-прежнему жаждали мести,

не говоря уже о Мазерсе и его последователях, других писателях, а также Альпийском клубе, члены которого считали, что Кроули запятнал честь альпинизма. Кроули держался «в стороне от каких бы то ни было сообществ и попросту отказывался признавать существование людей, которые занимались тем, что играли в поэтов, писателей и философов».

В автобиографии Кроули заявляет: «1907 и 1908 годы можно назвать годами свершения. Ничего нового не влилось и не вмешалось в мою жизнь, но многие из посеянных в прошлом зёрен принесли урожай». Тем не менее бывали и горькие моменты.

Примерно в это время начало подходить к концу наследство Кроули. Одним из первых признаков этого является письменное замечание по поводу проблем, с которыми он столкнулся в Болескине, где в качестве причины этих проблем он называет «расточительство и нечестность управляющего имением». «В отсутствие кошки, — пишет он, — мышке было чем заняться». Он мог бы предпринять какие-то шаги, чтобы поправить своё плачевное финансовое положение, начать вести спокойную семейную жизнь и заниматься магией, однако он не сделал этого. Как заметил Аллан Беннет в разговоре с Клиффордом Баксом несколько лет спустя, Кроули мог бы дать миру много хорошего, но вместо этого направил свою жизнь в неверное русло.

Беннет приехал в Англию в 1908 году и оставался там с апреля по октябрь, прежде чем вернуться в Бирму. В шафранных одеждах буддийского монаха и в сопровождении нескольких помощников, он приехал с миссией основания международной буддийской ассоциации. Позднее он вынужден был приезжать в Британию в связи с состоянием здоровья. Страдая от астмы, болезни печени и мочекаменной болезни, он едва мог дышать тяжёлым лондонским воздухом, и силы его поддерживались только инъекциями легально прописанного ему героина. Бакс описал, как выглядел в это время Беннет:

Двадцать лет физических страданий истощили его и оставили на нём глубокие следы; жизнь, отданная медитации на тему вселенской любви, придала его внешности черты, которые ни с кем нельзя было спутать. Кожа его была почти тёмной, линия рта — твёрдой, хотя рот его ввалился, как у старика, а глаза мягко светились цветом тёмного янтаря. С первого взгляда я понял, что он никогда не прикладывал специальных усилий, чтобы казаться мистиком. Он действительно ничего о себе не мнил. Я полагаю, что за его плечами лежал опыт, по важности превышающий опыт любого другого англичанина, но сам он рассматривал пережитое им как первые вехи на пути, по которому в конце концов должны пройти все люди. Помимо всего прочего, в момент нашего знакомства и всегда при последующем общении я ощущал некое мягкое, но

сильное излучение, постоянный духовный свет, окружавший всё его существо.

Подводя итог, Бакс писал: «Как буддист он представлял собой живую и могущественную личность; как обыкновенный человек, скромно живущий в Лондоне, он представлял собой физически большое, преждевременно состарившееся существо». Его квартира, которую посетил Бакс, «была тесной и в плохом состоянии. Его мебель — и его так называемое имущество состояли из двух плетёных стульев, таза для мытья, складной кровати, нескольких книг и журналов, аккуратно сложенных на полу, и статуи Будды из Бирмы, который царил над комнатой, стоя на каминной доске. Моль, как я заметил, жадно поедала тонкое стёганое покрывало моего друга». С его пальто, по наблюдениям Бакса, моль слетала каждый раз, когда он его надевал: как истинный буддист, Беннет никогда не причинял моли никакого вреда и говорил о красоте этого насекомого. Умер Беннет в 1923 году в Лавендер-хилле в Клэпхеме.

Возможно, вдохновлённый льстивой статьёй Фуллера, Кроули был убеждён, что находится в данный момент на вершине своего поэтического дарования. В автобиографии он заявлял, что как поэт он встал наконец в полный рост. Моя техника стала совершенной; она стряхнула со своих сандалий последнюю пыль, оставшуюся на них от хождения путями старых мастеров. Я сочинял лирические и драматические произведения, свидетельствующие об изумительном мастерстве в области ритма и рифмы, демонстрирующие разнообразные изобразительные средства, не имеющие себе равных в истории языка, и столь сильные идеи, что они въедались в душу читателя, как купорос. Я мог бы без труда занять в глазах общественности полагающееся мне достойное место среди моих великих предшественников, если бы не одно роковое обстоятельство. Моя точка зрения настолько оригинальна, мои мысли настолько глубоки, а намёки настолько тонки, что поверхностные читатели, увлечённые лёгкой музыкой слов, впадали, так сказать, в состояние опьянения и неспособны были воспринять суть. Читатели не осознавали, что мои яркие сравнения обладают тонким смыслом, понятным лишь для знающих людей... Те, кто любит мою поэзию, не считая довольствующихся лишь звуком того, что они принимают за смысл, утверждают, что никакая другая поэзия им не нужна.

В столь высокой самооценке он дошёл даже до того, что объявил себя выше «Фрэнсиса Томпсона, У.-Б. Йейтса, Редьярда Киплинга, а затем и Джона Мэйсфилда, Руперта Брука и другой мелкой сошки, чьи лучшие достижения ограничены узостью их устремлений».

Из кого состояла читательская аудитория Кроули, остаётся загадкой. Стопы его книг по-прежнему лежали нераспроданными, и он знал, что число его

читателей ничтожно. Тем не менее он продолжал издаваться не столько для того, чтобы войти в литературный мир — Кроули ощущал себя выше любых объединений и школ, — сколько для того, чтобы сделать себе рекламу и завоевать то признание, которого, по его мнению, заслуживал его талант. «В ответ на широко распространённое отсутствие интереса к моим литературным трудам, — писал он во введении к книге "Серая амбра", вышедшей в 1910 году, — я позволил себе издать небольшой и непредставительный сборник оных... Выбор стихотворений был произведён комиссией из семи компетентных персон без согласования друг с другом. В сборник включены лишь те стихотворения, которые получили наибольшее число голосов. Итак, теперь это издание, почти нарочито демократическое, предлагается вниманию британской публики в полном убеждении с моей стороны, что оно получит то количество внимания и одобрения, к которому я уже привык». В этих словах ясно просвечивает разочарование Кроули по поводу того, что он всё ещё непризнан как литератор.

У Кроули была та же проблема, которая всегда терзала поэтов. Даже Джон Ките и «мелкая сошка» Руперт Брук мучались ею. Это было тщеславие и, как следствие, неспособность к самокритике. Ещё одним писателем, который испытывал к Кроули дружеские чувства и поддерживал с ним близкие отношения до самой его смерти, был Луис Амфравиль Уилкинсон. Уилкинсон признавался в упомянутом пороке в своей книге «Семеро друзей», вышедшей под псевдонимом Льюис Марлоу, и старался как-то умерить писательскую плодовитость Кроули, однако, разумеется, безуспешно. Уилкинсон был один из немногих истинно талантливых писателей в кругу знакомых Кроули. У них было много общего. Уилкинсон был сыном священника и тоже взбунтовался против того воспитания, которое дали ему родители, посвятив себя борьбе против лицемерной позиции общества в отношении нравственности и секса. Будучи студентом колледжа Рэдли, он переписывался с Оскаром Уайльдом, когда тот отбывал срок за «совершение неприличных поступков», а также поступил в Оксфордский университет только для того, чтобы быть исключённым за богохульство.

«Серая амбра» представляла собой том избранных стихотворений. Другие издания этого периода были оригинальными произведениями. Первой в тот «год литературных чудес» стала книга «Облака без воды». Включая стихотворения, находящиеся по своему содержанию на грани непристойности, она якобы была написана неким преподобным К. Вери и «частным образом издана для внутреннего пользования Министерством по делам религии». Эта книга была вдохновлена женщинами, с которыми Кроули был знаком. С одной из них он познакомился в отеле «Эшдаун-Парк». Это была Вера («по

английским меркам одна из самых красивых молодых девушек, когда-либо ступавших по земле»), однако она предпочитала называть себя Лолой. Новорождённая дочь Кроули была названа в честь неё. Ещё одной женщиной, оказавшей влияние на тексты этой книги, стала Кэтлин Брюс, с которой Кроули был знаком в Париже и которой посвятил «Родена в стихах». Ученица Родена, она познакомила Кроули с «пыточным наслаждением духовного садомазохизма». Впоследствии она и сама стала знаменитым скульптором и вышла замуж за капитана Роберта Скотта, полярника, исследователя Антарктики. Завершающая часть книги была вдохновлена Адой Леверсон, близким другом и сторонником Оскара Уайльда, с которой у Кроули был короткий, но бурный и страстный роман. По-настоящему красивая женщина, славившаяся своими белокурыми волосами и профилем, напоминавшим профиль Сары Бернар, она разошлась со своим мужем Эрнестом в 1902 году и теперь начинала делать карьеру в качестве популярной писательницы. Их с Кроули сближали свойственные обоим чувство юмора и цинизм.

В завершение этого достопамятного в литературном отношении года в феврале 1908-го Кроули написал «Мировую трагедию», своё первое автобиографическое произведение. Оценённое им самим как «несомненный предел силы моего воображения, моей метрической свободы, богатства моих выразительных средств и моего умения соединять самые несовместимые идеи в стремлении к совершенству», оно было написано всего за пять дней в Истбурне, куда Кроули приехал, чтобы навестить свою мать.

Существует много разных предположений по поводу отношений взрослого Кроули с матерью. И письменно, и в разговорах с друзьями он открыто заявлял о своём непреходящем чувстве ненависти к ней и к её убеждениям. Мысли о ней редко покидали его. 21 сентября 1906 года, во время подготовки к Операции Абрамели-на, он набросал в своём дневнике «прекрасную поэтическую идею (лучшую за последние несколько лет). Сын совершает самоубийство в присутствии своей матери как самое жестокое наказание, которое он только может для неё придумать». Однако, несмотря на проявившуюся здесь злобу, он поддерживал тесные отношения с матерью. И в самом деле, его дневник за 1906 год пестрит записями о пребывании в Истбурне, где его мать жила в одном доме с двумя пожилыми лицемерными «плимутскими сестрами» и несколькими «чешущимися от блошиных укусов кошками», где только «одно блюдо подавалось к завтраку, обеду и ужину; и этим блюдом был холодный варёный Христос». Глядя на двух старых склочниц, Кроули думал о том, что когда-то и они были счастливыми молодыми девушками, и решил, что именно на нём лежит ответственность «рассказать правду этой лицемерной Англии», чтобы больше никого не

постигла подобная судьба. Бродя по гряде известковых холмов, навещая место своих первых альпинистских подвигов — скалу Бичи-Хед, медитируя и лёжа в траве с девушкой по имени Мэйбл, которую он, по-видимому, уважал меньше, чем дрессированную блоху, Кроули решил, что пора навести порядок в мире. Так родилась «Мировая трагедия». Он объявил, что это его подарок мальчикам и девочкам Англии, их «хартия свободы».

В эти годы Кроули был занят ещё одним литературным трудом. В конце 1906 года он снова заболел. Дневниковая запись за 1 января 1907 года уныло сообщает: «В Бурнемуте, лечусь от болезни горла». По настоянию своего врача Кроули приехал сюда 11 декабря, чтобы подышать солёным морским воздухом, который считался целебным. Четырьмя днями позже Кроули начал писать произведение, которое получило известность под заголовком «Книга 777», отрываясь от работы только для того, чтобы прогуляться по берегу моря или провести денёк в Лондоне, у кого-нибудь из друзей. Бурнемут казался ему скучным. В дневниковой записи за 29 января чувствуется облегчение: «Уехал из Бурнемута, надеюсь, что навсегда».

Кроули называл «Книгу 777» «полным словарём сочетаний всех магических элементов, представляющим собой единственный в своём роде полный справочник в данной области. По отношению к языку оккультизма эта книга — то же, что «Уэбстер» или «Мюррей» для английского языка». Заявленная как каббалистический словарь, эта книга главным образом представляла собой сравнительную таблицу религиозных символов и образов. В ней было мало страниц, но она стала первой книгой подобного рода, и в течение последующих лет Кроули совершенствовал и пополнял её. Говоря по правде, эта книга не была целиком его собственным произведением. Работа над справочником была начата Алланом Беннетом и Мазер-сом. Заметки Беннета содержались в его записных книжках, которые он отдал Кроули перед отъездом на Цейлон в 1900 году. Надо отдать должное Кроули: в 1909 году книга вышла анонимно, Кроули не объявил себя её автором.

Не удовлетворившись занятиями поэзией, каббалистическими изысканиями, а также спасением британской молодёжи, Кроули взялся осваивать профессию эссеиста. Несомненно, у него были для этого все предпосылки.

Он был хорошо образован, невероятно начитан, самоуверен, эрудирован (хотя нередко чересчур многословен), остроумен. На редкость педантичный, он, тем не менее, писал, ориентируясь на наиболее образованную публику; и точно так же, как в случае с усложнённым символизмом его поэзии, значительная часть того, что он писал, не доходила до сознания большинства его читателей.

Также, как это было с его художественными произведениями, Кроули получал мало дохода от своих эссе, если вообще что-нибудь получал. Вплоть до того времени, когда Кроули было уже за тридцать, источником его доходов служило исключительно наследство. За всю свою жизнь Кроули ни разу не состоял на службе. Если бы управление его капиталом велось тщательно, он мог бы с комфортом прожить всю свою жизнь только на доходы, приносимые этим капиталом, и при этом даже потакать некоторым своим слабостям, хотя, возможно, и не столь грандиозным, как попытка покорить Гималаи. Он, несомненно, имел бы возможность следовать своим магическим наклонностям. Однако это было не в характере Кроули. Он был человеком, который жил настоящим моментом и притом жил в полную силу. Он был маниакально одержим самой жизнью. Чем бы он ни занимался, пока на этом были сосредоточены его внимание и интерес, он занимался этим с предельной отдачей. Он вёл подробные дневники (как мирские, так и магические, часто делая записи на английском, древнееврейском, стенографическим способом и на арабском). Он писал с жадностью, читал скорее от жажды знаний, чем для развлечения, вёл обширную переписку со всевозможными людьми и даже занимался изобретением игр и головоломок. Например, 7 апреля 1907 года он занёс в свой дневник разработку игры-головоломки под названием «Отряд неуклюжих бунтовщиков». В течение следующих недель он придумал «пазл на трубе» и приспособление для игры в гольф в помещении.

Для проведения времени вне дома во время жизни в Лондоне у Кроули имелось несколько излюбленных мест. Некоторыми из них были рестораны или пабы. Другим таким местом была аптека на Стэффорд-стрит, неподалёку от Пиккадилли, которую содержал человек по имени Э.-П. Уинрэй. Мрачный ланкаширецслысой головой, нависшими бровями, острым взглядом и циничным смехом, он был, по словам Кроули, очень разумным человеком, разбирался в мельчайших аспектах человеческих слабостей и знал «все лондонские секреты». Возможно, Уинрэй был таким и в самом деле, поскольку являлся поставщиком наркотиков и других снадобий богатым и состоятельным людям. Следует отметить, что продажа многих из этих препаратов была легальной. Однако люди с положением в обществе, разумеется, хотели, чтобы их пристрастия хранились в тайне. Почти не вызывает сомнений тот факт, что этот человек был поставщиком наркотиков и для Кроули, поскольку он доставал (или изготавливал) для Кроули такие вещества, как «кифи», древнее египетское благовоние, а также ритуальные благовония и масла для Операции Абрамелина. Поскольку Кроули в 1906 году много экспериментировал с гашишем, более чем вероятно, что он пополнял свои запасы при помощи Уинрэя, который был арестован через несколько лет, когда вступил в силу «Закон о вреде наркотиков», за несоблюдение запрета на торговлю ими.

Именно через этого аптекаря Кроули познакомился с человеком, которого в автобиографии он называет Графом Коука и Крэнкама. Настоящее же его имя было Джордж Монтэгю Беннет, 7-й граф Танкервиля, адъютант герцога Мальборо, в бытность последнего вице-королём Ирландии. Первая их встреча произошла 21 февраля 1907 года, когда граф сообщил Кроули, что его мать, леди Оливия, старшая дочь 6-го герцога Манчестерского, намеревалась (при поддержке ещё одной женщины) убить его с помощью колдовской силы. Кроули было очевидно, что граф страдает паранойей, возможно, по причине своего пристрастия к кокаину. Тем не менее Кроули согласился попытаться противодействовать колдовской силе, а заодно вылечить мучающую графа паранойю. Это делалось не из филантропических побуждений. Кроули получал материальное вознаграждение за свою работу, кроме того, оплачивались все его издержки.

После серьёзного анализа проблемы Кроули объявил, что единственным выходом для Танкервиля является развитие собственных магических сил, с тем чтобы противостоять чарам матери и её сообщницы. В течение нескольких недель они часто встречались или переписывались. Кроули посылал Танкервилю книги для изучения и регулярно раскладывал карты Таро, каждый раз обнаруживая, что те сулят Танкервилю недоброе. Для того чтобы иметь возможность оставаться наедине, Кроули заставил Танкервиля снять яхту, которая во время их занятий стояла на якоре выше по течению от Баклерс, в тихом месте реки Больё, что в Хэмпшире. На борту этой яхты Кроули обучал Танкервиля формировать своё астральное тело. Примерно через неделю Кроули объявил, что им необходимо вместе отправиться в магическое путешествие в чужие края. Расходы оплачивал Танкервиль.

Таким образом, они отправились в путь и прибыли в Париж 29 июня проездом через Марсель. Первого мая путешественники стали пассажирами лайнера компании P & Q «Монголия», шедшего в Гибралтар, откуда они направились в Танжер и оказались на месте 6 июля. Кроули, справедливо убеждённый в том, что кокаин вызывает привыкание в большей степени психологического, нежели физиологического, характера, надеялся, что свежий воздух путешествий по неизведанным местам излечит Танкервиля от его вредной привычки. Когда Кроули и Танкервиль прибыли в Танжер, им сообщили, что они не смогут выехать из города, потому что в Марокко имеют место общественные беспорядки. Тогда Кроули оделся в бурнус и отправился на рынок, «в поисках любых приключений, какие только могут встретиться на пути». Он «потрясающе провёл время», в том числе и с молодыми мужчинами, как можно предположить, зная его пристрастие к ним и учитывая широкое предложение подобного рода услуг в Танжере. Танкервиль не присоединился к

нему в этих развлечениях. Надо сказать, что с графом было нелегко. Он не переставал упрекать Кроули в неуважительном отношении к себе. Со своей стороны Кроули действительно не уважал своего работодателя. Во-первых, тот бил свою жену, что для Кроули, если не считать единственного раза, когда он отшлёпал Роуз, было неприемлемо. Дважды из-за побоев Танкервиля у его жены случались выкидыши. В припадке паранойи граф обвинял свою мать в кровосмесительной связи с 6-м герцогом Манчестерским, а также в прелюбодеянии, лесбийских связях и колдовстве. По мнению Кроули, разговаривать с раздражительным графом было всё равно, что «сидеть в одной клетке с диким зверем. С него нельзя было спускать глаз. Стоило допустить в его адрес одно неосторожное слово раздражения или возмущения, и, я уверен, он впал бы в буйное помешательство».

Общественные беспорядки в Марокко закончились свержением султана. Народ ликовал. За пределами города стало более безопасно, но поскольку Танкервилю всё ещё не удавалось проникнуть в духовную суть вещей, Кроули предпринял несколько «одиноких прогулок в поисках приключений». Во время одной из таких прогулок он натолкнулся на группу дервишей, исполнявших священный танец. Кроули прошептал мантру, которая сделала его «невидимым», и вошёл в круг танцующих. В автобиографии он описывает это зрелище:

Среди танцующих были женщины, но они не играли никакой активной роли, а лишь дополняли круг. Сам круг составлял около тридцати футов в диаметре. На краю его на корточках, как обычно, сидели музыканты и, как обычно, играли изо всех сил, в то время как несколько мужчин, вооружённые очень маленькими, лёгкими, искусно сделанными топориками, танцевали и издавали возгласы. Они определённо не являлись обыкновенными орудиями, предназначенными для повседневной жизни, но были сделаны специально для этой церемонии. При помощи этого оружия мужчины ранили себя в голову (изредка — в другие части тела), пока кровь не начинала течь со всех сторон. Разумеется, они не ощущали никакой боли, и даже те из них, кто был по-настоящему ослеплён потоками крови, тем не менее могли видеть.

При виде этого зрелища Кроули охватило волнение, но, удержавшись от соблазна дальнейшего участия в церемонии, он незаметно удалился.

Танкервиль, чьё отношение к Кроули достаточно ясно выразилось в следующей его жалобе 7 июля: «Я устал от того, что вы меня учите, учите, учите, как будто вы Бог Всемогущий, а я несчастный кусок дерьма на дороге!», вскоре выместил на нём свои параноидальные наклонности: он решил, что Кроули является участником заговора его матери. Кроули, понимая, что здесь едва ли можно что-либо исправить, и больше не надеясь извлечь из общения с

графом финансовую выгоду, счёл дело законченным. Из Марокко они отправились в Испанию и Гранаду. Альгамбра показалась Кроули знакомой, и он решил, что уже был там в прошлой жизни. Побывав в цыганском таборе, расположившемся неподалёку от города в пещерах, он назначил свидание цыганке, с которой «испытал стихийный и неудержимый всплеск любви, возможный

лишь тогда, когда красота человеческого тела находится в естественной гармонии с красотой природы». Занятия любовью вдохновили его на стихотворение под названием «La Gitana», которое он считал лучшим из своих лирических произведений.

Вернувшись в Британию и сняв с себя бремя в лице графа, Кроули написал несколько магических текстов. Происхождение этих текстов загадочно. Они не были продиктованы ему подобно «Книге Закона». Неверно и то, что Кроули записал их автоматически, хотя он утверждает, что пребывал в сознании не всё время их написания. Первые две книги назывались «Liber Cordis Cincti Serpente» и «Liber Liberi vel Lapidis Lazuli». Вдобавок к ним он написал несколько магических эссе и твёрдо решил сочинить ряд гимнов в честь Блаженной Девы Марии с католических позиций. Наиболее точно это действие можно охарактеризовать как поэтический тест: Кроули, как величайший поэт своей эпохи, был способен смотреть на мир глазами других людей, даже если предметом рассмотрения была ненавистная ему религия.

Именно летом 1907 года у Кроули появились первые ученики, желающие обучаться магии. После его опыта с графом Танкервилем Кроули, кажется, осознал, что его магические способности могут быть хорошим товаром. В самом деле так оно и было. Общество испытывало интерес к оккультизму. Реакция против викторианской сдержанности и зажатости набирала силу. Быстро развивался спиритизм, а медиумы были настолько частым явлением, что их рекламой пестрели окна газетных киосков. Рост уровня образования и ощущение научного прогресса подхлёстывали новые интересы людей.

Точно известно, что к 1912 году у Кроули был стабильный, если не сказать очень высокий доход, получаемый им от учеников, большинство которых составляли богатые люди, которые не только оказывали ему финансовую помощь, но и могли дать ему рекомендацию в светском обществе. Когда его собственное благосостояние уменьшилось, исключив его из числа богатых людей, его репутация в некотором смысле заменила деньги, и связи Кроули в определённых кругах сохранились. Художница Нина Хэмнетт в автобиографии «Смеющийся торс» вспоминала, как однажды она приходила к Кроули, о котором была предупреждена как о хитром и безнравственном человеке, но

который на поверку оказался очень умным, хотя она всегда относилась к нему настороженно. Он поручил ей нарисовать несколько панно с видами стихий: одно из них, изображающее огонь, было настолько удачным, что казалось, будто оно освещает кабинет Кроули. У Кроули Хэмнетт встретила глухого, но «богатого владельца кондитерской фабрики, который намеревался изучать магию». Кроули дал ему наркотик, вызывающий яркие цветовые видения. Ученик вяло сидел у камина. Кроули время от времени давал ему лист бумаги, прося записать то, что он видит. Хэмнетт вспоминает, какая досада охватила Кроули, когда он получил ответ: «Я вижу цветные узоры, похожие на изразцы в Музее Виктории и Альберта».

Осудить Кроули за то, что он набирал учеников, легко. Те, кто считал его шарлатаном, рассматривали это учительство как надувательство доверчивых людей, тогда как те, кто разделял его магические убеждения, критиковали его за торговлю своей магической честью, не говоря уже о магических тайнах. Однако Кроули относился к своей деятельности всерьёз. Он был убеждён, что должен учить, что это один из смыслов его жизни. Подобно своему отцу, с которым он, вполне вероятно, идентифицировал себя в этом отношении, Кроули полагал, что живет на земле для того, чтобы распространять весть о спасении, хотя и не ту, которая исходит от Христа. Произведения для епископов литературы для чтения, выдаваемые им ученикам, были эклектичны и требовали значительных интеллектуальных способностей — Кроули же прочёл каждую из книг, значившихся в этих списках. Помимо преподавания магии, Кроули читал своим ученикам очень детальный и очень продуманный курс гуманитарных наук. И даже если он брал за это деньги, он всё же выполнял приказ Тайных Учителей, распространяя их учение.

Двадцать пятого марта Кроули снял апартаменты на четвёртом этаже дома номер 60 по Джермин-стрит, всего в нескольких минутах ходьбы от аптеки Уинрэя. Но не соседство торговца наркотиками заставило его переехать. Кроули нуждался в отдельном месте для жизни. Состояние Роуз ухудшалось, и в течение лета количество употребляемого ею алкоголя увеличилось настолько, что наконец она стала выпивать в день больше бутылки спиртного, как правило, джина или виски. Наконец осенью она согласилась отправиться в клинику в Лестере, чтобы лечиться от алкоголизма. Казалось, у неё получалось воздерживаться от алкоголя, и после двух недель прогулок по горам и совместного с Кроули скалолазания она вернулась в Лондон здоровой. Однако через десять дней Роуз снова была пьяна. «Я сделал всё, что было в человеческих силах, — сказал Кроули, — но ситуация была безнадежной». Это правда, он сделал для Роуз многое, но мог бы сделать ещё больше, оставшись с ней, вместо того, чтобы ехать куда-то с Танкервилем, однако Танкервиль

платил деньги. К концу весны 1908 года Роуз была уже в очень плохом состоянии. Алкоголизм заставлял её идти на хитрости, и однажды Кроули случайно застиг Роуз с бутылкой. Они жили в доме 21 по Уорвик-роуд, когда Кроули однажды вечером последовал за Роуз в гостиную, которая находилась в цокольном этаже дома. Роуз спустилась туда под предлогом, что хочет закрыть двери дома на ночь. Кроули видел, как за считанные секунды она успела подойти к буфету, достать бутылку шотландского виски, сделать большой глоток, выпить довольно значительную часть содержимого и поставить бутылку на место. Её движения были настолько быстрыми, что Кроули назвал их «актом пресидижитации».

Кроули обсудил ситуацию с Джеральдом Келли, Оскаром Экенштайном и семейным доктором. Все трое пришли к общему выводу. Было бы неплохо, если бы Кроули на время ушёл от Роуз с условием, что вернётся лишь тогда, когда она перестанет пить. Кроули по-прежнему утверждал, что любит Роуз, и, возможно, был искренен. В своей пусть эгоцентрической манере он действительно любил её. 28 апреля Кроули уехал в Париж, где поселился в «Отель де Блуа» на улице Вавен, 50 в Латинском квартале. Здесь он будет останавливаться в течение ряда следующих лет, приезжая в Париж.

В тот год это был не единственный его отъезд из Лондона. Кроули вёл странствующий образ жизни. Обосновавшись в Лондоне, он, тем не менее, постоянно перемещался из одного места в другое, то наведываясь в Болес-кин, то отправляясь в Истбурн, а то уезжая в Париж.

В Париже Кроули начал писать новеллы. В основном это были мрачные рассказы, но причина их мрачности заключалась не в настроении Кроули. Эксцентричные, жуткие, леденящие кровь истории были в те времена популярным жанром, так что, возможно, Кроули интересовало, сможет ли он, при том что поэзия не приносила ему ни гроша, заработать что-нибудь беллетристической. Популярные журналы платили неплохие деньги за такой литературный материал. Судя по всему, Кроули не очень широко распространял свои новые произведения или, если это не так, они были недостаточно хороши, чтобы победить в конкурентной борьбе. Хотя, разумеется, они читались редакторами журналов. Между тем известность Кроули в определённых кругах Лондона росла. Благодаря тому что он набирал учеников, его имя начинало звучать повсюду. Так же быстро росла его репутация «безнравственного» человека, несомненно усиленная славой дамского угодника. Для известности были и другие причины: он обладал харизмой, был (когда хотел) обаятельным человеком, прекрасным собеседником и, помимо всего прочего, относился к столь любимым британцами эксцентричным натурам.

Рассказы Кроули соответствовали законам жанра. Новелла «Охотник за душами» повествовала о безумном враче, который отравил своего пациента, засвидетельствовал его смерть, замуровал его тело в парижскую мостовую и препарировал его мозг, чтобы обнаружить душу. Кроули отмечал, что это была «хорошая рождественская идея». В рассказе «Рак» знаменитый художник думает, что болен раком горла. Его доктор ставит ему диагноз «неврастения» и советует отправиться в автомобильное путешествие по Пиренеям. Когда же они вдвоём едут в горы, доктор прямо там перерезает пациенту горло. В рассказе «Сон Цирцеи» главный герой спасает молодую девушку оттирании, которой она подвергается со стороны своей матери: здесь очевидна параллель со «спасением» Роуз посредством женитьбы на ней.

Париж вскоре наскучил Кроули, и он отправился в Венецию. Венеция тоже не доставила ему радости, и он вернулся в Париж, не переставая всё это время писать рассказы. В Париже он получил письмо от его преподобия мистера Келли, в котором сообщалось, что теперь он может вернуться в Англию. Кроули вернулся, и они с Роуз на две недели отправились в Сэндвич. Было очевидно, что дела Роуз стали ещё хуже. Она исчезала на рассвете и к завтраку являлась совершенно пьяной.

Положение Роуз было безнадежным, и в первую неделю июля Кроули снова отбыл в Париж. Он ехал в сопровождении своего очередного, только что появившегося ученика. В будущем им предстояло в течение многих лет оказывать влияние друг на друга.

В ноябре 1906 года умер Уильям Стюарт Росс (он же Саладин), главный редактор *Agnostic Journal*. На его похоронах Фуллер повстречался с двадцатитрёхлетним молодым человеком еврейского происхождения по имени Виктор Бенджамин Нойбург, который только что поступил в кембриджский Тринити-колледж с целью изучения языков и читал кое-что из поэзии Кроули. Они разговорились и познакомились.

Подобно Кроули, Нойбург бунтовал против своих родителей и в детстве страдал от их притеснений. Мать обожала его, и, хотя ребёнком он был горячо любим, тем не менее считал своих родителей лишёнными воображения и в интеллектуальном смысле приземлёнными людьми. Кроме того, они были очень религиозными и верили, что не следует стремиться к счастью, потому что это негодно Богу, которого они представляли мстительным тираном. Когда Нойбург оказался в Кембридже и обнаружил, что в мире есть и другие люди, мыслявшие так же, как он, он почувствовал себя свободным. Поскольку Нойбург сочинял стихи, он начал рассылать их по редакциям периодических изданий. Росс напечатал одно из стихотворений в своем журнале в

сопровождении критической статьи. Потом ещё одно появилось в Freethinker. Начало j литературной карьере Нойбурга было положено.

Фуллер рассказал о Нойбурге Кроули. Согласно дневниковым записям Кроули, его первая встреча с Нойбургом произошла в Кембридже 27 февраля 1907 года, когда Кроули, по своему обыкновению без предупреждения, явился домой к Нойбургу в Тринити-колледж, объявив ему, что случайно прочёл какие-то из стихотворений Нойбурга, с очевидностью свидетельствующие, по его мнению, о том, что их автор имеет опыт астральных путешествий.

Поездка в Кембридж была предпринята не специально для того, чтобы познакомиться с Нойбургом. В Кембридже Кроули бывал часто. Ему нравилась атмосфера этого города, здесь он ощущал некоторую ностальгию и, приезжая, прочёсывал улицы и колледжи в поисках магических учеников и последователей. Возможно, он также не упускал возможности завести себе на время одного-двух любовников среди студентов или девушек, работавших в барах и магазинах.

В течение следующих дней Кроули и Нойбург встречались несколько раз, а 1 марта отправились на студенческую дискуссию, в которой Кроули принял участие. Кроули обнаружил, что молодой человек неряшлив, равнодушен к своему внешнему виду, несколько грязен по причине нерегулярного мытья, что у него плохо пахнет изо рта, а также что он нервный, легко возбудимый, начитанный, остроумный и добродушный. Кроме того, он оказался агностиком, вегетарианцем и мистиком. У него были ярко выраженные еврейские черты: большая голова, тёмно-русые волосы, тёмные, слегка прикрытые глаза и очень толстые губы, которые, как писал Кроули, были «в три раза больше, чем им бы следовало быть, и эти губы, как будто сотворенные в последний момент, впопыхах, разражались самым необыкновенным смехом, какой мне когда-либо доводилось видеть». Этот приводящий в замешательство, почти грубый смех был описан Джин Овертон Фуллер, другом и биографом Нойбурга, как «не имеющее вариаций гоготанье на одной и той же высокой ноте».

Однако Кроули увидел в Нойбурге что-то ещё. Молодой человек был одарён магическими способностями и восприимчив к оккультным наукам. Покинув Кембридж 3 мая, Кроули коротко записал в дневнике: «Вернулся в город — так закончилось моё Первое Миссионерское Путешествие». Он нашёл нового подававшего надежды ученика.

Одно связанное с Нойбургом обстоятельство приводило Кроули в восторг. Его новый друг уже обладал некоторым опытом ясновидения и занятий спиритизмом.

Каким бы наивным ни был Нойбург, какую бы потрёпанную одежду он ни носил, но он был уже заинтересован магией, и вскоре Кроули уже знал, что в лице Нойбурга он имеет не только преданного последователя, но человека, которого он может ввести в свою религию и который примет его в качестве своего наставника. Притом не только в смысле учительства.

Что же касается Нойбурга, то он был заморожен эзотерическими вопросами, страстно желал учиться и знал всё о Тайных Учителях и наставниках. И вот в лице Кроули он встретил одного из них во плоти, причём такого, который был готов взять его в ученики. Кроули воплощал собой всё, о чём тайно мечтал Нойбург. Это был и мудрец, и гуру, и святой наставник, за которым он, скромный студент, мог последовать. Почти не вызывает сомнений тот факт, что за эти несколько мартовских дней Нойбург влюбился в Кроули, как в мага и как в человека одновременно.

В 1935 году Нойбург рассказывал Джин Овертон Фуллер о том, каким ему виделся Кроули в первые дни их знакомства. В биографии Нойбурга она писала: «Он простыми словами описывал мне Кроули таким, каким видел его в юности: его внешность, его походка и манера держать себя, величественная и имевшая в себе что-то, львиное, черты его лица, его широкий лоб. "Я подумал, что он дворянин, — говорил Нойбург, — я полагаю, вы подумали бы то же самое"». И в самом деле, Кроули был привлекательной фигурой. На людях он рисовался и сразу производил впечатление. В процессе работы над биографией Нойбурга Джин Овертон Фуллер разговаривала с Джеральдом Келли, который сказал: «В первое время нашего общения с ним [Кроули] он производил впечатление чрезвычайно приятного человека», добавляя, что Кроули был общительным, образованным, весёлым и физически сильным, уравновесив, однако, свою похвалу таким замечанием: «Он не был джентльменом. В нём было что-то вульгарное. Тем не менее, — добавлял Келли, — он был отличным компаньоном в любом деле».

Так же, как в случае с Танкервилем, Кроули начал занятия с Нойбургом того, что дал ему свой обширный список литературы, к некоторому разочарованию Нойбурга, уже достаточно начитанного для своего уровня. Однако этот новый, в высшей степени разносторонний список открыл Нойбургу то, что лежало за пределами его университетских занятий. Тому же способствовали его беседы с Кроули, происходившие во время совместного курения марихуаны или гашиша.

В Кембридже Нойбург был активным членом Кембриджской университетской ассоциации свободомыслящих, а также студенческого кружка под названием Общество Пана, куда Кроули несколько раз приглашали читать доклады о

мистицизме, причём собрания проходили прямо в студенческих комнатах. Всё было бы хорошо, если бы Кембриджская Позиция декана раздражала не только Кроули: она приводила в бешенство ещё одного студента Тринити-колледжа, математика Нормана Мада. Член Общества Пана и секретарь Ассоциации свободомыслящих, он был вызван к декану, где от него потребовали отменить все запланированные выступления Кроули, поскольку присутствие последнего в стенах Тринити-колледжа отныне считалось недопустимым. Мадд созвал собрание членов Ассоциации, и они решили противостоять декану Парри.

Разногласия не прекращались, хотя Кроули продолжал время от времени читать лекции. Парри бушевал, но у него была ахиллесова пята: он боялся открыто злословить по поводу Кроули. Наконец Кроули пришлось встретиться с Парри лицом к лицу и прямо спросить его, что он имеет против его лекций и докладов. Парри смутился и сказал, что возражения вызваны не лекциями о магии, а сексуальной ориентацией Кроули. Их разговор остался безрезультатным: никто из них не пошёл на уступки. Парри официально запретил Кроули появляться на территории колледжа, чем, строго говоря, превысил свои полномочия. Как выпускник Тринити-колледжа, Кроули имел пожизненный доступ в это учебное заведение. Потом Парри стал угрожать, что отчислит — иначе говоря, выгонит — из университета всех членов Ассоциации свободомыслящих, хотя большинство их составляли студенты других колледжей, находившиеся вне его юрисдикции. Членства Нойбурга Парри благоразумно предпочитал не замечать, поскольку тот был из богатой семьи, от которой можно было ожидать благотворительных взносов в адрес университета. Но, зная, что Мадд был сыном школьного учителя и не имел ни состояния, ни связей, декан стал угрожать ему лишением стипендии.

Понятно, что, когда над головой Мада навис дамоклов меч, он отступил. Мадд дал слово не общаться с Кроули и не посещать собраний Общества Пана. Кроме того, он ушёл из Ассоциации свободомыслящих, но это была лишь его уступка Парри. Когда Кроули появлялся в университете, чтобы выступать перед студентами других колледжей, Мадд приходил его послушать. Парри не мог знать, что Мадд стал кроулианцем. Позднее Мадд напишет о своей первой встрече и общении с Кроули: «Тогда я впервые понял, что такое жизнь или чем она может быть; искра этого понимания неугасимо горела с тех пор всегда (сознавал я это или нет), несмотря на все мои ошибки, измены, низость, безнадёжную погружённость в мирскую жизнь, всегда возрождаясь в тот момент, когда я меньше всего этого ожидал, всегда способная одним своим присутствием в одно мгновение превратить все другие цели и стремления в пыль и золу».

В течение студенческих лет Нойбурга Кроули постоянно поддерживал с ним

отношения. В конце летнего семестра 1908 года эти отношения продолжились в Париже, куда Нойбург отправился, чтобы повидаться с Кроули. Связь, установившаяся между этими двоими, имела странный характер. Нойбург, в отличие от Кроули, не был космополитом. Несмотря на изучение языков в университете, даже по-французски он изъяснялся не вполне свободно. Кроме того, он был доверчивым и незащитным в отношении, нередко жестоких, проявлений специфического чувства юмора Кроули.

Один из таких розыгрышей начался с опасений Нойбурга касательно употребления абсента. Кто-то сказал ему, что абсент опасен и якобы даже в небольших количествах может привести к летальному исходу. Кроули не спорил с этим его убеждением, но однажды на вечеринке сказал Нойбургу, что тот может без опаски пить «Перно». Нойбург последовал совету. Вскоре он был уже очень пьян и начал неумело приставать к присутствующим женщинам. Кроули знал — или чувствовал, — что Нойбург девственник, и не упустил момента. Одной из присутствовавших женщин была Юфемия Лэмб, потрясающе красивая и очень умная женщина, которая нередко позировала известному художнику по имени Аугустус Джон. В нескольких посвященных ей стихах Кроули называл её Дороти и время от времени спал с ней. Эта женщина не только обладала острым интеллектом, но и чувством юмора, похожим на чувство юмора Кроули.

С её согласия Кроули сказал Нойбургу, что Юфемия в него влюблена. Вскоре они, кажется, уже были помолвлены.

В тот же вечер Кроули отвёз Нойбурга в публичный дом на улицу Катр-Ван, чтобы помочь ему «потерять девственность», что, судя и по всему, и произошло. Потом Кроули притворился, что слышал о «помолвке», убеждая Нойбурга, что единственным благородным действием с его стороны было бы признаться во всём Юфемии, в подробностях рассказав ей о посещении борделя. Нойбург повинился. Юфемия изобразила ужас и выразила своё возмущение. Это притворство продолжалось в течение нескольких дней, пока Кроули не сообщил Нойбургу, что всё это розыгрыш. Нойбург отказывался верить ему и сдался только тогда, когда Кроули привёл его в свои апартаменты, где в постели лежала абсолютно обнажённая Юфемия, куря сигарету и явно отдыхая после недавнего полового акта.

После того как шутка была раскрыта, Кроули утверждал, что этот случай принёс Нойбургу много пользы. Он стал другим человеком, исчезла его нервозность, суетливость, неумелая манера одеваться. Но что важнее всего, освободившись от запретов и комплексов, он стал более восприимчивым к магии.

В дружбе между Кроули и Нойбургом была и другая сторона. Вероятно, с самого марта 1907 года они были гомосексуальными партнёрами. 4 марта Кроули записал в своём дневнике: «Переспал с В. Н.», причём понимать это следует неоднозначно. Сводя Нойбурга, Кроули был движим не только похотью. Он хотел лишить Нойбурга его иллюзий, нанести ущерб его идеализму и чувству собственного достоинства. Вполне возможно, таким образом Кроули удовлетворял свои садистские наклонности, но, как он утверждал, это было на пользу и Нойбургу. Унижая Нойбурга таким образом, Кроули старался укрепить его душу и готовил к суровым испытаниям, которые ожидали на магическом пути.

Несомненно, Кроули нравилось проявлять свою власть над Нойбургом, он получал много удовольствия, превращая этого богатого, наивного, принадлежащего к высшему сословию еврейского мальчика в покорного и податливого раба. Как будто Кроули после стольких лет осознанного или подсознательного противостояния последствиям своего собственного воспитания мог наконец взять власть над кем-то, кто получил благородное и хорошее воспитание (как Нойбург), и воспользоваться оружием тех, кого он презирал, создав личность, подобную ему самому. В случае с Нойбургом Кроули не просто грешил, но изготавливал грешника по собственному заказу. А может быть, Кроули и в самом деле верил, что Нойбург был потенциальным пророком, мужским эквивалентом Алой Женщины.

Решив, что для Нойбурга настало время встретиться с суровой реальностью, Кроули предложил ему отправиться в пеший поход по северу Испании. 31 июля они на поезде выехали из Парижа в Байонну, затем перевалили через Пиренеи и оказались в Памплоне. Идти было трудно. Погода выдалась жаркая, а горы оказались величественными, но практически безлюдными, поэтому найти пропитание было трудно. Чем дальше они шли, тем более грязными и потрёпанными становились. В деревнях, через которые они проходили, их принимали за нищих или воров и несколько раз арестовывали, обвиняя в анархизме. Кроули не нравилось здешнее ленивое крестьянство, но их бедность он находил ужасающей, считая её причиной того, что «церковь высасывает из людей жизненные соки».

Из Памплоны они отправились в Логроньо, Сорию и Бурго де Осма, куда прибыли как раз во время праздника с боем быков, зрелище которого произвело на Кроули захватывающее впечатление. «Я смог [писал он в автобиографии] ощутить то, о чём никогда не подозревал: кровь на плече быка при свете летнего солнца Испании — это самый красивый из существующих на свете цветов. В моей памяти был только один пример, сравнимый по впечатлению: зелёная окраска одной ящерицы, которая однажды в Мексике перебежала мою

тропинку на склоне горы. Действительно, в природе очень редко можно увидеть чистые цвета; как правило, они смешанны или приглушённые. Но когда их всё-таки встречаешь, они производят потрясающее впечатление». Наконец, перевалив через горы Гуадаррамы при палящем зное испанского лета, путешественники прибыли в Мадрид, где Кроули изучал музей Прадо, в то время как Нойбург приходил в себя от солнечного пекла, пыли, плохой еды и усталости, а также обдумывал совет, который дал ему Кроули относительно лечения по возвращении в Британию болезни дёсен (причины смрадного дыхания Нойбурга) и воспаления яичек. Когда Нойбург поправился, они продолжили путь, направившись в Гранаду, на Гибралтар и в Танжер, где Кроули «опять наслаждался и торжествовал, потому что снова оказался среди единственного народа на земле, с которым когда-либо чувствовал какое-либо человеческое родство». «Моя духовная сущность чувствует себя дома в Китае, — писал он, — но руку и сердце я отдал арабам».

Во всё время поездки Кроули много медитировал на тему своего дальнейшего жизненного пути. Он поклялся проповедовать магию и знал, что это привлечет к нему общественное внимание, вокруг его персоны возникнут споры, а возможно, на него посыплются насмешки, нападки и пойдёт дурная слава. Кто-то мог бы счесть его заурядным оппортунистом, но такого рода неприятности ему пришлось бы перенести, как и любому страдающему за дело, в которое он безоговорочно верит. Поэтому он решил внимательно следить за тем, какое впечатление производит: связям с общественностью было уготовано важное место в его деятельности, и он должен был овладеть этим умением (чего, к сожалению, так и не произошло). С этой целью он решил жить как благородный

джентльмен, ясно давая всем понять, что он занят своим делом не ради денег, и даже пожертвовал бы ради него собственным состоянием. Тот факт, что это состояние стремительно сокращалось, казалось, ускользнул от его внимания. Вдобавок ко всему он решил не идти на компромиссы. Он не будет скрывать свои ошибки. Всё, что он сделает, будет сделано качественно. Он ясно покажет, что духовный прогресс зависит не от норм, предписываемых религией или моралью, а от осознания человеком собственной индивидуальной воли. Сразу же, как только это будет возможно, он уединится для магических занятий и снова станет писать, но теперь уже с целью проповедовать своё учение, учить человечество, как достичь новых состояний.

Тем временем Нойбург должен будет активно практиковаться в магии. Сам редко проявляя парапсихологические способности, Кроули был убеждён, что Нойбург обладал задатками медиума, что позволяло ему перемещаться на границу между материальным и астральным миром. Кроули работал над ним,

Нойбург должен был стать его связью с миром нематериального. У Кроули легко получалось вызывать материальные воплощения того, что он хотел: от божеств до демонов, — но, появившись, они были независимы от его воли. С помощью Нойбурга ими можно было управлять по собственному желанию, поскольку, будучи медиумом, тот находился в духовной или магической связи с астральным миром.

Но здесь было одно препятствие. Как свидетельствовало его беззаботное отношение к собственной одежде и личной гигиене, Нойбург был недисциплинированным человеком. Кроули взялся зато, чтобы организовать его. Нойбург нелегко шёл на уступки. Когда он отказался заниматься йогой по дороге между Танжером и Гибралтаром из страха, что на него станут глазеть, Кроули — равнодушный к мнению окружающих — заставил Нойбурга дать

Обет Святого Послушания. Таким образом, как объяснял Кроули, он имел возможность обнаружить предрассудки Нойбурга, а Нойбург — разобраться со своими слабостями и противостоять им.

К моменту возвращения путешественников в Британию Нойбург принадлежал Кроули. Нойбург был влюблён в Кроули и через эту любовь соприкасался с такими аспектами собственной личности, о которых раньше не подозревал. Будучи, по существу, бисексуалом, Нойбург погрузился в процесс эмоционального, откровенного, даже экстатического самопознания вместе со своим Милым Волшебником, как он называл Кроули.

Осенью 1908 года Нойбург вернулся в Кембридж, ему предстоял последний перед получением степени учебный год. Кроули отбыл в Париж, чтобы заняться магией, а затем вернулся в Лондон, намереваясь приступить к организации нового ордена.

Существуют расхождения во мнениях относительно того, когда именно Кроули основал его. С самого момента своего разрыва с Мазерсом Кроули размышлял об учреждении своего собственного розенкрейцерского ордена с ним самим во главе. Когда дошло до конкретных действий, Кроули воспользовался трёхступенчатой структурой «Золотой Зари». В его структуре был Первый орден (или собственно «Золотая Заря»), Второй орден (Орден Розового Креста) и, наконец, «Серебряная Звезда», уровень, достичь которого не мог надеяться никто из смертных. Тем не менее себя Кроули уже считал Мастером, тем самым приравнивая к Тайным Учителям. Он, таким образом, уже был членом «Серебряной Звезды». Так обстояли дела, когда Кроули начал создавать свой собственный орден в 1907 году. Посторонние иногда называли его орден «Орденом Серебряной Звезды», но Кроули загадочно именовал его

А.˙.А.˙.. Что именно означают эти буквы, по сей день не известно никому, кроме членов ордена.

Обряды и само учение были позаимствованы у «Золотой Зари» с добавлением йоги и других специально отобранных восточных духовных практик. Кроме того, Кроули полностью переделал ритуалы «Золотой Зари», придав им менее эзотерическую форму, больше соответствующую духу А.˙.А.˙.. В редакции Кроули обряды были ориентированы скорее на индивидуальные магические достижения, чем на ритуальные формулы.

Поначалу единственными членами А.˙.А.˙., были сам Кроули и Джордж Сесиль Джоунс, причём последний играл только пассивную роль. Кроули, будучи лидером, называл себя Фратер (или Брат) V.V.V.V.V., что является сокращением латинского девиза для Мастера такого уровня: *Vi Veri Vniversum Vivus Vici*. Он переводится: «В своей жизни я победил вселенную силой истины».

Вскоре начали появляться желающие присоединиться. Среди них встречались и подхалимы, и те, кто просто не знал, как убить время, но было и много серьёзных, любознательных молодых мужчин и женщин. Было даже несколько выдающихся личностей, но обо всех без исключения можно было сказать, что они пришли в поисках чего-то. Они слетались, как ночные бабочки, привлечённые светом талантливой, яркой и экстравагантной личности Кроули. В их рядах встречались и молодые женщины, которых Кроули, а позднее Нойбург будут использовать в качестве муз для своей поэзии. И все как один поклонялись Мастеру. Кроули был в своей стихии.

В числе первых членов ордена были Дж.-Ф. -К. Фуллер и Нойбург, который после прохождения обряда посвящения, имевшего место весной 1909 года, стал известен как *Frater Omnia Vincam* («Я всё превозмогу»). Хотя до выпускных экзаменов оставалось всего три недели, Нойбург на целый день оставил свои университетские занятия ради того, чтобы приехать в Лондон и присутствовать на церемонии.

Храм и офис А.˙.А.˙., были расположены в арендованной квартире на пятом этаже дома номер 124 по Виктория-стрит, неподалёку от вокзала Виктория и менее чем в 300 ярдах от садов Букингемского дворца. В течение нескольких следующих лет это место будет центром магической деятельности Кроули.

О том, что происходило в этом храме, можно только догадываться, но некоторые ключи к разгадке всё же есть. Джон Симондс в книге «Великий

Зверь» приводит описание одной из магических церемоний:

Однажды Бог явился нам в человеческом облике (мы работали в запёртом храме) и пребывал среди нас, ясно осязаемый для всех наших органов чувств. Он оставался с нами большую часть времени, исчезая только тогда, когда мы были физически обессилены экстазом интимного контакта с Его Божественной личностью. Мы погрузились в нечто вроде возвышенного оцепенения; когда мы пришли в себя, Его уже не было с нами. В другой раз, на Виктория-стрит, несколько человек танцевали вокруг алтаря, взявшись за руки, спиной к центру круга. Храм был слабо освещен и густо наполнен дымом воскуряемого фимиама. Затем круг почему-то разорвался, и мы продолжали танцевать, каждый — сам по себе. Потом мы почувствовали, что среди нас — незнакомец. Некоторые стали считать присутствующих, и получилось, что нас — на одного больше, чем было. Кто-то, то ли один из слабых братьев, испугавшись, то ли один из сильных братьев, вспомнив о своей обязанности следить за технической стороной церемонии, — точно не знаю кто — включил свет. Никаких незнакомцев среди нас не было.

Из этого текста ясно следует, что в церемонии имелся сексуальный аспект и, весьма вероятно, использовались наркотики. Здесь вызывали такие магические силы, что, как позднее вспоминал Кроули, один из предполагаемых квартиросъёмщиков, осматривая помещение, освобождённое А. ˙. А. ˙., пришёл в ужас и отказался от него, с криком сбежав вниз по лестнице.

Дж.-Ф.-К. Фуллер, или Frater Per Ardua, вёл активную деятельность не только как член А. ˙. А. ˙.. Он также готовил к печати магические дневники Кроули и писал за Кроули автобиографию его магической жизни. Они хорошо ладили, и нередко в течение долгих периодов времени встречались каждый день. Во время этих встреч Кроули рассказывал о своей магической практике или пояснял дневниковые записи. Всё это время Кроули и сам писал книги, содержащие магические инструкции для внутреннего пользования членов А. ˙. А. ˙..

Среди недавно приобретённых друзей Кроули, содействовавших его литературной карьере, был Фрэнк Харрис, который в 1907–1909 годах был владельцем и главным редактором журнала Vanity Fair. Он напечатал в своём журнале несколько стихотворений Кроули и несколько его переводов из Бодлера, а также принимал от Кроули статьи на такие темы, как экспедиции на К2 и Канченджангу, встреча Кроули и Беннета в Бирме или искусство Лорда Дансейни.

Едва ли следует удивляться, что между ними возникла дружба. Харрис, которому приписывают изречение «Секс — это ключ к жизни», был известной в Лондоне фигурой. Льюис Уилкинсон описывал его как «законченного подлеца и лучшего компаньона в любом деле, вопиюще бесчестного, бесстыдного мошенника, но бывшего, подобно Фальстафу, настоящей живой водой, воодушевляющей и оживляющей любого, кто эту воду пробует». Распутник, охочий до женщин, Харрис прожил бурную жизнь. Как и Кроули, он отрёкся от своих корней. Недолго проработав учителем и университетским преподавателем, он стал редактором *London Evening News* и *Fortnightly Review*, а также собирался купить *Saturday Review*. Женившись на богатой вдове, он стал кандидатом в парламент от партии консерваторов, поддерживал Оскара Уайльда во время судебного процесса над ним, купил гостиницу в Монте-Карло (гостиница затем обанкротилась), вернулся к журналистике, стал литературным агентом Уинстона Черчилля, успешно дебютировал как романист, биограф и эссеист, стал (по иронии судьбы) редактором одного из первых журналов для женщин «Дом и очаг», у него была нескончаемая череда любовниц, он много путешествовал, и все считали его распутником. Его откровенная автобиография «Моя жизнь и любовь» справедливо считалась скандальной книгой.

Помимо всех своих литературных занятий, Кроули работал над одним большим замыслом, который был дорог его сердцу. Он хотел стать владельцем, редактором и издателем оккультного журнала. Так был основан журнал *The Equinox* «Равноденствие». Будучи внутренним печатным органом А. & А., журнал печатался в храме на Виктория-стрит. Первый его номер вышел в марте 1909 года, второй — в сентябре: оба были напечатаны в равноденствие. Первая тысяча экземпляров вышла в мягкой обложке и должна была продаваться по пять шиллингов за штуку: следующие пятьдесят экземпляров имели твёрдый переплёт, распространялись по специальной подписке и стоили по гинее за каждую книгу. Также, как и в случае со своей поэзией, Кроули не соизмерял выручку и затраты. Если бы даже ему удалось продать весь выпуск своего журнала по цене издания в переплёте, он смог бы заработать чуть больше 300 фунтов: себестоимость издания составляла 400 фунтов. Если бы владельцы книжных магазинов и газетных киосков взяли книгу, они могли бы потребовать торговой скидки, чего Кроули не предусмотрел. Это не имело для него значения. Тираж был большим, и каждый экземпляр выглядел как книга в белой обложке с тиснёным изображением золотого древесного листа, тем не менее это было периодическое издание. Оно не вписывалось ни в какую рыночную нишу, поэтому никто не покупал его. Кроули это не волновало. Ему было важно само распространение его трудов.

Остальные инвесторы разделяли эту точку зрения. Часть денег, требующихся на издание книги, вложил Ной-бург. Джордж Раффалович, богатый, но расточительный сын еврея-банкира из Одессы и некой графини, пожертвовал 5000 фунтов на нужды А. Кроули. Он тоже поссорился со своей семьёй, которая пресекла его расточительные привычки. Кроули утверждал, что давал Раффаловичу большие беспроцентные денежные ссуды, которые тот так никогда и не возвратил. Однако гораздо более вероятно, что всё было как раз наоборот.

Первый выпуск журнала, имевший подзаголовок «Официальный печатный орган А. Кроули. — Обзор достижений научного иллюминизма», содержал короткую редакционную статью, очерк основных принципов организации А. Кроули, несколько статей о магии, включая длинное предисловие, написанное Фуллером к первому тому «Храма Царя Соломона» (магической биографии Кроули), стихотворение Кроули под названием «Путь волшебника», стихотворение Нойбурга, рассказ Фрэнка Харриса («Волшебные очки»), рассказ Кроули («На развилке дорог»), эссе Кроули под названием «Солдат и горбун! и?» и первая часть длинного очерка «Опасные травы», написанного Уинрэм-ем. Кроме того, в первый выпуск была дополнительно включена статья о недавнем магическом уединении Кроули в Париже. Журнал вышел с иллюстрациями Фуллера и художника Остина Османа Спэра.

Кроули был чрезвычайно доволен:

Никакая из существовавших книг такого рода не может сравниться с этой по совершенству поэзии и прозы, глубине и возвышенности стиля, строгости, с которой все авторы следуют правилу не делать ни одного утверждения, если его справедливость не может быть доказана с математической точностью. Признаюсь, я очень горд тем, что открыл новую эпоху. С самого момента выхода книги в свет она диктует свои стандарты искренности, эрудиции, научной ответственности и благородства во всём, — от безупречного английского до безукоризненной печати, каждому, кто стремится войти в эту область литературы.

Кроули не мог не быть довольным. Значительную часть содержимого как этого, так и последующих выпусков составляли его собственные произведения, что всё больше раздражало Фуллера, хотя справедливости ради следует признать, что Кроули всё-таки пустил других на страницы своего журнала, включая таких малоизвестных поэтов, как Мередит Старр, Этель Арчер, Джордж Раффалович и студент кембриджского колледжа Магдалины по имени Артур Гримбл, с которым Кроули познакомился во время одной из своих «вылазок» в Кембридж. Гримблу, который родился в Гонконге, предстояло в

будущем занимать высокие административные посты в колониях, он стал губернатором Сейшел: он был возведён в рыцари и написал книгу «Образ островов», бестселлер среди автобиографических произведений своего времени, когда служил чиновником министерства колоний на далёких тихоокеанских островах Гилберта и Эллис. Неудивительно, что позднее он предпочитал умалчивать о том, что имел отношение к Кроули.

«Равноденствие» не завоевало широкой читательской аудитории, но это не помешало Кроули утверждать, что он «поместил в витрине магазина дорогую жемчужину, тогда как остальной товар представлял собой в худшем случае поддельные бриллианты и куски цветного стекла, а в лучшем случае драгоценные камни из числа самых дешёвых и ничем не примечательных». Разумеется, журналу много подражали, и он стал с тех пор образцом для оккультных изданий. Многие из того, что было напечатано в этом журнале, можно теперь найти в Интернете: дух Кроули, должно быть, продолжает радостно носиться по просторам астрального мира.

Несмотря на те узы, которые связывали его с А.˙.А.˙., «Равноденствием» и Лондоном, Кроули по-прежнему много странствовал, то оказываясь в Париже, то занимаясь альпинизмом в Уэстдейле, то приезжая в Болескин, а то отправляясь в Оксфорд, чтобы позаниматься в библиотеке Бодли. Он, как всегда, был неутомим. Летом 1909 года Кроули пригласил в Болескин Нойбурга и студента кембриджского колледжа Иммануила по имени Кеннет Уорд, с которым Кроули познакомился, занимаясь альпинизмом в Уэстдейле. Нойбургу предстояло погрузиться в занятия магией, и Кроули приготовил для него спальню на втором этаже. Здесь он установил алтарь с магическим мечом и анкхом, а также начертил на полу магический круг. Приехав, Нойбург был заточён в эту комнату, где и начал своё десятидневное погружение в глубины магии, ведя при этом записи своих впечатлений, которые в законченном виде представляли собой 127 страниц текста. Кроули с Уордом тем временем вели обычный для летнего Болескина образ жизни. Они занимались скалолазанием, бродили по холмам и рыбачили.

Кроули регулярно навещал Нойбурга, чтобы проверить, как у того идут дела, а также дать необходимые указания. Одна из записей в магическом дневнике Кроули даёт представление о форме некоторых из таких указаний: «Он [Кроули], несомненно, гомосексуальный садист, потому что, когда он наносил мне тридцать два удара прутом жёсткого кустарника, отчего у меня потекла кровь, было видно, что это доставляет ему большое удовольствие.

Вся эта церемония была довольно болезненной, хотя и не вызвала во мне никаких эмоций, кроме смеха». Прочитав эти слова, Кроули приписал внизу

следующее: «Клевета на своего Гуру наказывается в тридцать втором, самом нижнем кругу ада». К этому Нойбург приписал ещё одно замечание: «Слишком лёгкая расплата за изобретение нового порока». Садизм Кроули приобретал и другие формы. По ночам он отправлял Нойбурга в одежде мага подстригать кусты. Кроме того, он бил Нойбурга жгучей крапивой по голому заду и вёл себя как жестокий антисемит. «Мой Гуру груб; образы, в которых он мне является, становятся чудовищными. Он ведёт себя невероятно оскорбительно... Если он обидит меня снова, я немедленно уеду», — писал Нойбург. Он имел возможность в любое время упаковать свои вещи, пройти пешком одну милю до Фойерса, на пароме переправиться в Инвернесс. Однако он остался. Романтическая, садомазохистская связь между ним и Кроули была слишком сильна.

Проявление антисемитских чувств было типичным для Кроули. Он был убеждён, что евреи нередко действительно соответствуют общепринятому мнению о них, хотя и допускал, что «еврейские поэты и пророки — великие люди. Еврейские солдаты бесстрашны, еврейские богачи щедры. Эта нация в исключительной степени обладает воображением, фантазией, верностью, честностью и человечностью. Но евреев так безжалостно преследовали, что их выживание стало зависеть от того, насколько развиты самые худшие их качества: скупость, подбострастие, лживость, хитрость и так далее». Как бы ни была достойна осуждения позиция Кроули с современной точки зрения, в те времена она была широко распространена в Британии. Его манера обращения с Нойбургом была направлена скорее на то, чтобы укрепить характер и дух молодого человека, чем на то, чтобы оскорбить его национальные чувства.

По прошествии десяти дней Нойбург обнаружил, что его испытания ещё не закончились. Теперь он должен был каждую ночь спать голым на подстилке из веток кустарника прямо на полу его комнаты. Хотя и была середина лета, но дело происходило в Северной Шотландии, и Нойбург провёл много часов дрожа от холода. После нескольких ночей, прошедших в таких некомфортных условиях, Нойбург был произведён в неофиты организации А.А.О.

Компания покинула Болескин 28 июня, но перед самым отбытием из дома Кроули заглянул на чердак в поисках пары лыж для Кеннета Уорда. Он нашёл лыжи, а заодно и плоский пакет, обёрнутый в коричневую бумагу. Внутри находилась рукопись «Книги Закона».

Кроули не то чтобы забыл о ней, скорее отложил её на время. Он никак не использовал её, потому что решил хранить её в секрете. Опубликовать эту книгу значило бы, по его мнению, принизить её значимость. Единственным

человеком, видевшим машинописный текст этой книги, был Фуллер, который, к удивлению Кроули, сразу же оценил её как работу Мастера.

В факте обнаружения рукописи Кроули увидел знак. Он медитировал на эту тему и пришёл к выводу, что Тайные Учителя отошли в сторону, давая ему свободу. Он знал: это была его задача — распространять в мире учение «Книги Закона».

В течение нескольких следующих недель Кроули написал магическое стихотворение под названием «Ага!», темой которого стали религиозные переживания и которое заканчивалось словами: «Благословенней почёт Зверю, пророку Прекрасной Звезды». С этих пор он стал считать себя пророком, созревшим для того, чтобы Тайные Учителя посвятили его в Мастера. (До сего времени, по всей видимости, он занимал своё положение и принимал соответствующие этому положению почести, не имея на то формальных прав.)

Наконец Кроули стало ясно его предназначение. Он был тем, кто должен спасти человечество от самого человечества, показать ему новую дорогу, ведущую к просветлению.

Преодолев тысячу кризисов [вспоминал он в автобиографии], я пришёл к высшей точке моей карьеры. Я достиг всех своих честолюбивых стремлений, испытал себя во всём, решился на все риски, изведаль все наслаждения, которые может предложить этот мир: на всю оставшуюся часть моей жизни я отрекаюсь от романтики в мальчишеском понимании этого слова. Начиная с этого времени, хотя многое мне ещё предстоит совершить, хотя вершина вздымается за вершиной на моём пути к духовным достижениям, хотя на меня один за другим наступают великаны, которых мне ещё предстоит победить, всё же теперь я смотрю на жизнь просветлённым взглядом. Я искал — и я нашёл. Теперь я должен искать тех, кто ищет и тоже надеется найти. Я должен стремиться, действовать и добиваться не только ради самого себя, чтобы усовершенствовать мою собственную личность, но и ради других людей, поскольку, возможно, только в них я мог бы исполниться и состояться, так как я наконец осознал себя не Алистером Кроули, неким индивидом, независимым от общекосмического сознания, но лишь одной из манифестаций Вселенского Разума, и мысли мои направлены только на то, чтобы сеять семена, а также ухаживать за цветами и плодами на каждом акре Божьего виноградника.

Радость Кроули по поводу того, что он разобрался со своим будущим и со своим магическим долгом, несколько омрачалась тем, что происходило с его браком.

В начале 1909 года произошёл ряд событий, которые довели ситуацию с алкоголизмом Роуз до решающей стадии. Кроули забрал у Роуз Лолу Зазу, поручив её заботам родителей Роуз, и сказал ей, что она не получит ребёнка назад, пока не перестанет пить. В то же самое время врач, который лечил Роуз, сказал, что бессилён что-либо сделать, и объявил, что единственным шансом на выздоровление является госпитализация и воздержание от алкоголя в течение двух лет, на что Роуз не соглашалась. Кроули попросил её дать ему развод. Поскольку у Роуз практически не было выбора, она согласилась.

Так как их брак был заключён в Шотландии, то и развод должен был производиться по шотландским законам. Кроме того, в качестве места их постоянного проживания был записан Болескин, хотя они и жили большую часть времени вне дома. Кроули «рыцарски» согласился быть виновной стороной, поэтому в качестве причины для развода могла выступить супружеская измена. Необходимые доказательства были сфабрикованы, хотя едва ли здесь была нужда что-либо выдумывать. Когда бракоразводный процесс начался, Роуз принялась уговаривать Кроули остановиться и взять её обратно, но Кроули был твёрд. Они продолжали жить вместе, что теоретически могло бы послужить причиной для прекращения бракоразводного процесса, но Шотландия была слишком далеко, чтобы этот факт стал известен.

Двадцать четвертого ноября было обнародовано решение суда. В качестве места проживания Роуз был назван дом её родителей в Кэмберуэлле, тогда как адресом Кроули считалась квартира на Уорвик-роуд. Через шесть дней Алекс Дьюар, тот же самый юрист, который когда-то в Дингуолле выдал им свидетельство о браке, утвердил их развод. На Кроули была возложена обязанность платить алименты в размере 52 фунта в год.

Развод, по мнению Кроули, представлял собой такую же бессмысленную формальность, как и женитьба. Брак, как он говорил, — это «омерзительный общественный институт», а моногамия — «одно из самых идиотских и жестоких проявлений тщеславной человеческой психологии». Единожёнство же, по его мнению, — «бессмыслица для любого человека, имеющего хоть каплю воображения. Чем более разносторонним является мужчина, тем больше нужно женщин, чтобы удовлетворить его разностороннюю натуру». Согласно его мнению, брак «будет приносить гораздо меньше неприятностей, если люди избавятся от представления, что это нечто большее, чем финансовое и социальное партнёрство. Жениться следует из соображений взаимного удобства, и каждый супруг должен без ревности позволять другому идти своим путём». Он также считал, что женщине не следует заводить детей от других мужчин, если её муж не будет на это согласен. Но он, конечно, будет согласен, если действительно любит её, потому что захочет, чтобы она испытала радость,

выносив и родив ребёнка от человека, к которому она испытала сексуальное влечение. Однако, утверждал Кроули, именно женщины были главными противниками этой точки зрения, поскольку им внушают, что их собственное благополучие и благополучие их детей зиждется на существующей системе, которую они вследствие этого всеми силами стремятся сохранить.

Нечего и говорить, что супружеская жизнь Кроули не протекала гладко. Случай, когда Кроули побил Роуз в первые дни их совместной жизни, — самая незначительная из неприятностей. Кроули вёл странную жизнь, общаясь с людьми, которые, должно быть, тоже казались Роуз странными. Говорили даже, будто Кроули не раз подвешивал Роуз вверх ногами в шкафу, что является не только сомнительным, но и в высшей степени несправедливым утверждением. Кроули любил Роуз, хотя и в своей собственной, нетрадиционной манере. Однако у них действительно было мало общего, и она просто не могла или не хотела соответствовать Кроули или проникнуться духом его, без сомнения, необычной жизни. Для капризной и миловидной дочери викария Кроули был самым неподходящим супругом на земле.

Хотя это далось Кроули с трудом, он основал трастовый фонд для хранения денег, которые должны были унаследовать от него Лола Заза и Роуз. Специально назначенным доверенным лицам, Джорджу Сесилию Джоунсу и Оскару Экенштайну, вменялось в обязанность выплачивать доход с этих денег по их усмотрению Лоле Зазе, Роуз или Кроули, каким покажется более правильным. Фактически впервые в жизни Кроули делал что-то разумное со своими финансами. Несмотря на свою роль доверенного лица, Экенштайн к моменту учреждения фонда более или менее отдалился от Кроули после фиаско на Канченджанге. Возможно, он взялся быть доверенным лицом потому, что сочувствовал тяжёлому положению Роуз.

Несмотря на свой развод, Кроули и Роуз продолжали жить вместе. Во время бракоразводного процесса Кроули написал поэму «Rosa Decidua», которая даёт очень точное, хотя и поэтическое, описание их ситуации. Господствующий над всей поэмой образ, образ умирающей розы, очень ярок и позволяет считать эту поэму одним из лучших образцов поэтического творчества Кроули. Даже юрист, занимавшийся бракоразводным процессом Кроули, нашёл поэму трогательной. Когда она вышла ограниченным тиражом с семейной фотографией, сделанной уже после развода и изображавшей Роуз и Кроули вместе с их дочерью, Кроули послал один экземпляр лорду Саль-весену, от которого зависело окончательное решение суда. Он даже посвятил судье эту тонкую книжку.

Развод никак не способствовал излечению Роуз от алкоголизма. В этом нет

ничего удивительного, поскольку они по-прежнему жили вместе, когда Кроули был в Лондоне. К осени 1911 года, когда здоровье Роуз ещё больше ухудшилось, Кроули решил поместить её в психиатрическую клинику как больную слабоумием вследствие злоупотребления алкоголем, поскольку лечение от алкогольной зависимости ещё не было тогда распространено. 27 сентября Роуз был поставлен официальный диагноз, и она исчезла из жизни Кроули.

Когда Роуз наконец избавилась от слабоумия, вроде бы выздоровев, она вышла замуж за доктора Гормли, чья страсть к ней, казалось, нисколько не ослабела от времени. Католику Гормли пришлось купить у Ватикана специальное разрешение на брак с разведённой. Когда Кроули услышал об этом, то заметил, что ион, конечно, иногда расточительно обращался с деньгами, но никогда не тратил их настолько глупо. Однако Роуз не выздоровела. Она снова начала сильно пить и умерла в 1932 году от алкоголизма.

Отношения между Кроули и Джеральдом Келли, который старался прославиться как художник, были испорчены разводом Кроули и Роуз, а также отношением Кроули к преподобному Келли и его жене. Кроме того, резкое недовольство Келли было вызвано тем, как Кроули обращался с его сестрой. Несмотря на то что когда-то они вместе кутили и повесничали, Келли редко общался с Кроули, стал членом Королевской академии и придворным портрети-стом. Кроули взволновал тот факт, что Келли прославился: «Не могу выразить, насколько мне печально думать о молодой жизни, которая начиналась так многообещающе, а теперь постепенно погружается в болото респектабельности. Конечно, это не значит, что когда-то он был способным художником, но для меня то, что случилось, почти также огорчительно, какеслибыон им был. Потому что он абсолютно загипнотизировал меня, внушив мне, что в нём что-то есть». В этих словах слышится неприкрытая досада. Ведь Келли добился признания, которого Кроули страстно желал. Кроули ещё и осуждал Келли: «Даже в телефонной книге он обозначен как художник, в этом не было бы ничего претенциозного, если бы он не был недавно выбран членом Королевской академии, два ли можно упрекнуть его за этот постыдный посту-к. Он мужественно боролся. Даже в последний момент... он сделал последний отчаянный шаг, чтобы убедить весь мир, что он — художник, женившись на натурщице. Но эта уловка никого не одурачила. Его картины говорили сами а себя». В рукописи своей автобиографии Кроули излил обственную недоброжелательность по отношению к Келли, сочинив такие вирши:

Картины Джеральда Келли невероятно талантливы;

Картины Джеральда Келли — это ручная работа.

Каждая картинка рассказывает свою собственную историю,

Каждая маленькая натурщица — единственная в своём роде!

Каждая картинка сделана по всем правилам:

Джеральд Келли обучался этому в таком количестве школ.

Джеральд Келли вкалывал, пока не приобрёл свой характерный стиль.

Джеральд К. — извини, сейчас меня стошнит.

Что касается Келли, то он был ещё более низкого мнения о Кроули. Джон Нэппер, работавший помощником Келли в 1930-х годах, рассказал биографу художника о том, как однажды Кроули явился в мастерскую Келли. «Д. К. бросил свои кисти, — вспоминал он, — и бросился вниз по лестнице. Снизу послышались звуки жестокой перебранки и крик, хлопнула входная дверь, и Д. К. вошёл в мастерскую с видом драчливого петуха. Он был так взбешён, что в течение пяти минут почти не мог говорить». Вполне возможно, что Кроули явился к знаменитому художнику узнать, не даст ли он ему денег взаймы. Кроули не испытывал смущения, внезапно объявляясь у бывшего друга или знакомого, с которыми не виделся целые годы, чтобы выяснить, не найдётся ли у них для него несколько фунтов. Сомерсет Моэм, с которым Кроули общался только в Париже, однажды получил от него телеграмму. Там говорилось: «Пожалуйста, вышлите как можно скорее двадцать пять фунтов. Богоматерь и я умираем от голода. Алистер Кроули». Позднее Моэм рассказывал: «Я не сделал этого, и он прожил ещё много позорных лет».

ГЛАВА 12

Магические испытания и юридические неприятности

Десятого ноября 1909 года, после того как бракоразводный процесс был запущен, Кроули и Нойбург выехали из Британии, направляясь в Алжир. Нойбург в качестве неофита А. ˙. А. ˙. сделался теперь для Кроули чела (буддийский термин для новообращённого) и помощником в магических делах.

Подобно всем хорошим ученикам, Нойбург сохранял дистанцию между собой и своим учителем, которого называл или Святым Гуру, или, более фамильярно, АС: мало кто осмеливался называть Кроули Алистером в лицо, а были и такие,

кто верил, что, если произнести его полное имя, Кроули воспользуется этой дерзостью и применит к смельчаку свою власть.

Восемнадцатого ноября путешественники высадились в Алжире, по канатной дороге добрались до Эль-Арбы, откуда, запасшись провизией, пустились в пеший поход по пустыне. Несколько первых ночей они провели в убогих придорожных гостиницах, но вскоре, оставив позади места оседлого проживания людей, стали располагаться прямо под открытым небом, заворачиваясь в спальные мешки, поскольку ночи в пустыне становились холодными. Это и был, как заявлял Кроули, правильный способ осматривать страну — пешком, а не из окна автомобиля или роскошного купе поезда.

Смотреть на открывающиеся виды и переживать приключения — вот что главным образом входило в намерения Кроули, когда он путешествовал: он удовлетворял свою страсть к путешествиям, а потому игнорировал предупреждения представителей французских властей в Алжире о том, что они с Нойбургом легко могут наткнуться в пути на бандитов. Разумеется, поначалу у него в голове не было никакой магической цели, хотя он и взял с собой в дорогу кое-что из своих магических одежд и принадлежностей, включая украшенный драгоценными камнями крест с крупным топазом. Все эти вещи, в том числе большое золотое кольцо с массивной сапфировой звездой, которое Кроули купил на Цейлоне, служили не только магическим целям. Кроули надеялся, что они будут свидетельствовать о его величии перед всеми, кто встретится ему на пути. Само наличие такого кольца на его пальце заставляло людей уважать его. Заходя в кофейню, Кроули чертил своим кольцом астрологические знаки в воздухе, читая при этом строки из Корана, которые потом обсуждал со своими спутниками. Чтение вслух текстов из Корана было ежедневным занятием Кроули.

Кроули был убеждён и, возможно, не ошибался, что чтение им вслух отрывков из Корана, а также магические драгоценности и в самом деле производили впечатление на местных арабов. Однако он был не меньше убеждён в том, что его неофит никакого впечатления на них не производил. Нойбург со своей «неуклюжей шаркающей походкой и странными телодвижениями, с виноватым взглядом и сумасшедшим смехом» принижал собой любое впечатление, которое производил Кроули. Нужно было что-то с этим делать, поэтому Кроули состриг с головы Нойбурга все волосы, кроме двух прядей — по одной с двух сторон головы, выкрасил эти пряди в красный цвет и завил их наподобие маленьких рожек. Теперь неофит превратился в ручного демона и компаньона Кроули. Эта перемена внешности произвела желаемый эффект. «Чем более странно и жутко выглядел Нойбург, — писал Кроули, — чем более абсурдно и гротескно он себя вёл, тем большим уважением местные жители проникались к

магу, которому удалось приручить столь фантастического и ужасного джинна». Общее впечатление усиливал Кроули, отпустивший на время длинную бороду и абсолютно обривший голову, если не считать единственного клочка волос посередине лба. Кроме того, он носил арабский бурнус, а также свои магические одежды для церемоний. Нойбург принимал такое обращение спокойно. Он относился к учителю с рабской покорностью, а возможно, получал удовольствие от его садистских действий.

К 22 ноября странная парочка прибыла в Омаль, ныне известный как Сур-эль-Гозлан, и остановилась в гостинице «Гросса». В первый же вечер после ужина они отправились гулять по городу. «Мы оказались в одном непристойном месте, где, как я вынужден признать к моему глубокому сожалению, мой спутник недвусмысленно проявил свои порочные наклонности. Моя ответственность перед его бедной матерью и дядюшками, так же как и перед моим собственным нравственным чувством, заставила меня при помощи слов, действительно жестоких, но заслуженных, пресечь это ужасное стремление к половым сношениям. Сам же я провёл время с арабскими девушками».

Однако в Омале произошло нечто более важное, чем случай с Нойбургом. Здесь Кроули услышал голос, приказывающий ему идти в пустыню. Это был тот же голос, который диктовал ему «Книгу Закона» в Каире в 1904 году. Кроме того, голос дал ему понять, что он должен продолжить магические занятия, прерванные им в Мексике в 1900 году и касающиеся Девятнадцати Ключей (или Призывов).

Речь идёт о магических заклинаниях, иногда называемых Ключами и открытых «сэром» Эдвардом Келли и Джоном Ди, астрологом королевы Елизаветы I. Оба они были выдающимися магами. Ди был математиком и алхимиком, вычислившим благоприятную дату для коронации Елизаветы; Келли — магом и медиумом, который использовал «камень видения» (или хрустальный шар), чтобы делать предсказания и общаться с духами. Именно таким образом он получил Ключи, записав их под диктовку (задом наперёд, чтобы избежать воздействия пробуждаемых заклинаниями сил) нескольких духов, которые говорили на енохианском языке, языке ангелов. Два из девятнадцати Ключей пробуждали «стихию Духа», шестнадцать — были способны вызвать четыре основных стихии, тогда как последний Ключ позволял призывать любой из тридцати Эфиров, представлявших собой духовные субстанции, более тонкие, чем материя, известных также под названием «воздухи».

Девятнадцать Ключей были чрезвычайно важны для церемоний «Золотой Зари», поэтому Кроули изучал их с Мазерсом, а позднее — по рукописям Ди и Келли в Бри-1 танском музее и музее Эшмола в Оксфорде. Будучи в Мексике,

он вызвал образы 29-го и 30-го Эфиров, но не смог продвинуться дальше, поскольку был слишком неопытен в магии: теперь, став специалистом, он мог продолжить. Кроме того, у него были с собой его записи и копия «Ключей к тридцати Эфирам» Джона Ди, которые алхимик переписал в том виде, в каком получил их Келли.

Повинуясь приказу голоса, Кроули и Нойбург направились на юг и углубились в пустыню. Кроули должен был исполнять ритуалы, в то время как Нойбургу, его магическому секретарю и писцу, следовало записывать всё, что он говорит, и делать заметки обо всём происходящем.

Когда они находили уединённое место, где едва ли кто-нибудь мог их увидеть, Кроули брал в руки крест и, используя топаз в качестве «камня видения», входил в состояние транса. У него были видения, и он повторял слова, которые слышал. Нойбург преданно всё записывал.

Из Омаля они добрались до расположенного примерно в шестидесяти милях к югу Бу-Саада, преодолев часть пути пешком, а другую часть — в запряжённой лошадьми повозке и прибыв в пункт назначения через пять дней, 27-го ноября. Взглянув на город, Кроули оценил его как одно из самых красивых мест, которые он когда-либо посещал. Известный как место паломничества художников, город представлял собой уединённый оазис, застроенный белёнными известью домами, поросший пальмами, окружённый зарослями кактусов и миндальными садами и орошаемый рекой, берущей начало в горах и бегущей по ущелью на юг.

По дороге в Бу-Саада им удалось вызвать и другие Эфиры, а у Кроули снова были видения, большей частью бесплотные. Результаты этих и других попыток вызова духов заносились в дневник, позднее вышедший отдельной книгой под названием «Видение и Голос». Содержание видений Кроули во время его погружений в транс представляет интерес.

Как пример можно привести отчёт размером в 1500 слов, написанный Нойбургом в Бу-Саада 30 ноября и повествующий о вызове 19-го Эфира, которому было дано имя ПОП. Отрывки этого отчёта свидетельствуют о том, что испытывали Кроули и Нойбург:

Сначала лик камня (топаза в кресте) закрыт чёрной паутиной. Затем его пронзает луч света, падающий сзади и сверху. Потом появляется чёрный крест, накрывающий собой весь камень, потом золотой крест, уже не такой большой... В золотом кресте возникает маленькая узкая дверь, и пожилой человек, похожий на Отшельника с одной из карт Таро, открывает её и

выходит... Маленькая дверь охраняется большим зелёным драконом. Теперь вся стена внезапно падает; видны огненные всадники и колесницы; кипит ожесточённая битва... [Появляется Ангел Эфира, целует Кроули и заводит с ним разговор. Затем она берет его] как мать, которая берёт на руки своего ребёнка, и держит меня на своей левой руке и прикладывает меня к своей груди. А на её груди написано: *Rosa Mundi est LiliuM Coeli*. И я смотрю вниз на открытую Книгу таинств, а она открыта на странице, где изображён Святой Стол с двенадцатью квадратами посередине. Он излучает яркий свет, слишком ослепительный, чтобы разглядеть сидящих, и голос произносит: *Nun hoc est piscis Omnium*. [Далее следует нечто вроде примечания, которое тоже является частью продиктованного текста.] (Чтобы истолковать это, нам следует подумать о Ч%0ис; за которым скрывается не *lesous Christos Theou Uios Soter*, как обычно утверждают, но тайна буквы «нун» и буквы «коф». Чхбгх; связан с христианством только потому, что у римлян, заимствовавших это слово в Сирии, оно означало сифилис, который они путали с проказой и считали, что им заражаются через рыбу. Одно из важных значений слова *исхирос* заключается в том, что его составляют начальные буквы имён пяти египетских богов и пяти греческих богов: в обоих случаях получается магическая формула невероятной силы.) [Наконец] слышится страшный крик, абсолютно оглушающий, ледяной и резкий: *Озирис был чёрным богом!* И Эфир хлопает в ладоши, громче, чем тысяча громовых раскатов. Я вернулся.

Когда видения Кроули были в самом разгаре, писец Нойбург вынужден был строчить как безумный, чтобы за ним поспевать.

Как бы мы ни относились к магии Кроули — с доверием или скептически — и как бы мы ни расценивали его видения, считая их по-настоящему сверхъестественными или всего лишь результатом воздействия наркотиков, всё же образы этих видений интересны и помогают понять психологию Кроули. Язык его видений — библейский, таковы же и некоторые отсылки. Несмотря на всю его борьбу с родительской религией, она по-прежнему прочно сидела в его душе: создаётся такое впечатление, будто он всё ещё старался освободиться от неё всё ещё был в поисках греха как оружия против неё, и всё ещё находился под её влиянием и чувствовал на себе действие её силы.

Третьего декабря, решив осмотреть окрестности Бу-Саада, Кроули и Нойбург направились к расположенной неподалёку горе Да'лех Аддин, на которой был вызван 14-й Эфир. Когда они уже собирались пуститься в обратный путь к Бу-Саада, Кроули снова получил приказ, предписывающий ему совершить обряд прямо на вершине горы. Они выложили круг из камней, соорудили некое подобие алтаря — вероятно, просто взяли более крупный камень, — на котором Кроули принёс себя в жертву. Он не описал этого жертвоприношения в своём

дневнике, упомянув только, что речь идёт о «таких вещах, говорить о которых открыто запрещено под страхом самого ужасного наказания». На самом же деле произошло следующее. Кроули, взобравшись на камень, встал на четвереньки, и Нойбург совершил с ним ритуальный акт мужеложства.

Вероятно, это был весьма странный гомосексуальный акт. Под палящим солнцем пустыни Кроули, несколько располневший с тех пор, как перестал заниматься альпинизмом, с обритой головой, был осёдлан мужчиной с видом озорного демона.

Этот половой акт придал жизни Кроули новое направление. До этого момента секс и оккультизм в его представлении были разделены. Секс относился к области плотского; магия — к области духовного. Теперь же он увидел, что между ними есть определённая взаимосвязь. В это время Кроули начал осознавать секс как приложение к магии.

По возвращении в Бу-Саада Кроули почувствовал себя изменившимся. Теперь он считал, что посвящен в Мастера. При помощи 14-го и 15-го Эфиров он официально стал одним из Тайных Учителей. Этот факт сомнению не подлежал.

Десятый Эфир, вызванный днём 6 декабря, был самым коварным и опасным. На страже этого Эфира стоял ужасный демон Хоронзон, также известный под именем Обитатель Бездны.

Церемония вызова состоялась в низине в дюнах, неподалёку от Бу-Саада. Кроули нарисовал на песке круг, в котором ради своей собственной безопасности должен был сидеть Нойбург. Затем Кроули написал имя Хоронзона внутри треугольника и принёс в жертву трёх голубей — по одному на каждой из вершин. Потом Кроули, одетый в чёрный плаще глубоким капюшоном, вступил внутрь треугольника. Войти в треугольник было очень рискованно. В любую минуту демон мог вселиться в человека и взять власть над ним. После совершения ритуальных действий Хоронзон материализовался в виде змеи с чело-, ловческой головой. Нойбург видел, как он пытался соблазнить Кроули, притворившись женщиной, в которую Кроули был влюблён в Париже. Наиболее вероятно, речь идёт об Юфемии Лэмб. Пока Кроули отражал нападение демона, Нойбург с безумной скоростью стенографировал всё, что он говорил. Хоронзон бранился на Нойбурга, бросал ему в лицо песок и чуть не разрушил защитный круг. В своём стремлении лишить Нойбурга защиты существо бросилось на него, приняв облик обнажённого мужчины и пытаясь вцепиться ему в горло. Нойбург пронзительно закричал и дал нападавшему отпор при помощи магического

кинжала. Хоронзон отступил, вернувшись в свой треугольник, и Нойбург поспешил нарисовать круг заново. Обряд был окончен. По окончании его Кроули сказал, что чувствовал астральное присутствие Хоронзона у себя внутри.

Наиболее вероятным объяснением произошедшего кажется то, что Нойбург находился под сильным воздействием какого-то наркотика, который дал ему Кроули, принявший его, возможно, и сам, и в действительности подвергся нападению со стороны Кроули, сбросившего свой плащ с капюшоном. Или же демон материализовался в облике Кроули, который действовал как его физическое воплощение. Как бы там ни было, пережитое впечатление не давало Нойбургу покоя всю жизнь и убедило его в том, что Кроули обладает магической силой.

На следующий день приключения в пустыне продолжились. Взяв напрокат двух верблюдов и наняв погонщика по имени Мохаммедбил-ХаджБадшир, путешественники направились через пустыню на юго-восток, в Биск-ру, расположенную в шестидесяти пяти милях от Бу-Саада. Их путь лежал через Толгу. Дорога заняла неделю. Добравшись до Бискры и поселившись в «Отеле Ройяль», они вызвали оставшиеся четыре Эфира, и на этом магический процесс был завершён. Это было, как позднее утверждал Кроули, одно из трёх величайших достижений его магической жизни. Под двумя остальными он имел в виду «Книгу Закона» и Операцию Абрамелина. Это событие определило всё его будущее мировоззрение, а также, хотя в то время он об этом не догадывался, наложило отпечаток на его судьбу.

Восемнадцатого сентября Кроули отправил из Бискры длинное письмо Дж.-Ф.-К. Фуллеру, записанное Нойбург-гом под диктовку. Несмотря на то что письмо записывал Нойбург, Кроули одновременно и высмеивал, и хвалил его в этом письме. После краткого изложения своих мыслей по поводу подготовки следующего выпуска «Равноденствия», Кроули добавил довольно-таки нелестный комментарий о своём секретаре-неофите. «Мне с большим трудом, — диктовал Кроули, — удавалось держать его подальше от этих арабских ребят, У него какое-то неудержимое стремление к их смуглым задкам, потому что, когда он был школьником, ему надавал пинков человек в коричневых ботинках, что и повлияло на этого мазохиста и педераста». Из этого письма явствует, что лояльное отношение арабов к гомосексуализму стало для бисексуала Нойбург-га большим искушением, и он пользовался любой возможностью в Омале, а возможно, и в других местах, чтобы удовлетворить свои сексуальные пристрастия. 30 ноября Кроули сочинил на французском языке лимерик о Нойбурге, содержание которого почти не является преувеличением и указывает на то, что Нойбург всю жизнь наслаждался

сексуальной свободой. Грубый перевод этих виршей выглядит так:

Жил-был молодой человек из Омаля,

Который сказал: Эй! У меня, говорящего с вами,

Эта «штука» — длиной с бамбуковую палку:

Я трахнул верблюда —

Ужасно! Я подхватил триппер.

Письмо к Фуллеру было написано неосмотрительно. Местами оно было откровенно непристойным. Фуллер, получив его, очень обиделся. Если бы письмо вскрыли или оно открылось бы случайно, это могло бы повлечь за собой обвинение в непристойном поведении, и Фуллер, который не был гомосексуалистом, оказался бы в крайне затруднительном положении. Во всяком случае, его военная карьера, несомненно, была бы погублена.

Покинув Алжир 31 декабря 1909 года, Кроули и Нойбург вернулись в Лондон. Бракоразводный процесс был завершён, но у представителей закона ещё остались некоторые вопросы к Кроули. Журнал «Равноденствие» обвинялся в нарушении авторского права.

Второй выпуск журнала содержал длинную статью, описывающую тайные обряды «Золотой Зари», об авторском праве на которые заявил Мазере (называвший себя графом Лидделом Мак-Грегором) на том основании, что он их написал. Кроме того, его волновало объявление о том, что следующие номера продолжают раскрывать тайны «Золотой Зари». Мазере жаждал судебного запрета, и Кроули получил повестку в суд.

Выслушав заявление истца, судья мистер Бакмилл наложил временный запрет. Кроули подал апелляцию. 21 марта его апелляция слушалась в присутствии трёх судей. И Кроули, и Мазере тоже присутствовали на слушании. Первый — с обритой головой, второй — с длинными седыми ниспадающими локонами. Адвокат Мазерса, сэр Фредерик Лоренс, деньги на гонорар которого были собраны сторонниками Мазерса, утверждал, что Кроули, опубликовав свой материал, нарушил клятву о неразглашении тайн общества. Судьи присудили победу Кроули, а также постановили, что его судебные издержки должны быть возмещены, на том основании, что Мазере обратился в суд не сразу, но практически дождавшись выхода следующего номера журнала, а также потому, что, по мнению суда, публикуемые материалы не могли повредить ни самому

Мазерсу, ни его репутации.

На этом дело Мазерса и Кроули было закончено. По словам своего бывшего ученика, Мазере «не напечатал больше ничего нового» и прожил остаток жизни «отупевшим от пьянства, пока смерть не положила конец его долгим страданиям». Он умер в 1918 году, став жертвой послевоенной пандемии гриппа, однако были и такие, кто утверждал, будто это Кроули убил Мазерса при помощи магии.

Национальная пресса быстро подхватила тему необычного судебного разбирательства. Тайные общества оказались вдруг в центре внимания, а имя Кроули было теперь у всех на слуху. Наконец-то он был знаменит. Но одной публикации больше, чем всем остальным, предстояло оказать влияние на его дальнейшую жизнь.

Журнал John ВiНбып основан и содержался Горацио Боттомли, богатым человеком и членом парламента от партии либералов. Выпуск его журнала от 2 апреля содержал короткое открытое письмо, адресованное Кроули, в котором насмешливо говорилось: «Поздравляю с результатом Вашей апелляции. Это довольно приятно, когда в нашем прозаическом XX веке происходят судебные процессы, касающиеся тайн Розенкрейцеров. Между прочим, это ещё и отличная реклама для Вашего периодического издания. Кстати, я хотел бы, чтобы Вы научили меня становиться невидимым, превращать врага в чёрную собаку и разыскивать спрятанные под землёй сокровища Джинна».

Было очевидно, что имел в виду Боттомли, но Кроули мало об этом задумывался. К нему пришла слава. Его известность, столь незначительная до сего времени, во много раз выросла благодаря освещению прессой судебного процесса. Каждое критическое замечание, каждый резкий выпад в его адрес повышали значительность его личности и создавали рекламу его Великому Делу. Сами Тайные Учителя не смогли бы придать Делу такую известность.

Если бы Кроули был более искусен и не столь ослеплён самомнением, он мог бы извлечь из своей известности положительный эффект. Манипулируя прессой, он мог бы использовать её для достижения своих целей и целей Тайных Учителей, однако он этого не сделал. Он просто подыгрывал создавшейся ситуации, позволял своему бунтарскому чувству говорить за себя, не обуздывал и не контролировал собственные странности, своё необычное чувство юмора и склонность к скандальному поведению, из-за чего его нередко неверно или неправильно понимали, представляли в ложном свете и, как следствие всего этого, нападали на него.

Пример того, как Кроули себе во вред недооценивал средства массовой информации и общественное мнение, можно увидеть в его эссе «Синагога сатаны», которое входит в сборник эссе «Konx Om Pax», вышедший в 1907 году. Название эссе было ироническим. Кроули казалось, что оно забавно. Другим так не казалось. Его попытка обсуждать то, что он полагал социальными и политическими проблемами современности, не была замечена. Зато его стали преследовать как служителя сатаны. Кроули им не являлся. Другие его сочинения только разжигали представления о нём как о нечестивце. Гораздо позже Кроули напишет, что «ребёнок мужского пола, абсолютно невинный и обладающий высокими мыслительными способностями, является самой подходящей жертвой» для жертвоприношения. Клеветники набросились на него: Кроули выступил за человеческие жертвоприношения. Конечно, это был вздор. Другие заявления Кроули о том, что он совершал человеческие жертвоприношения сотни раз ежегодно с 1912 по 1926 год, только подлили масла в огонь. То, что имелось в виду «духовное принесение себя в жертву и что под умом и невинностью ребёнка-мальчика понимается совершенное осознание Магом своей цели, без стремления к результату, и то, что жертва должна быть мужского пола именно потому, что в жертву приносится не материальная кровь, а творческая сила человека», — на всё это не обращали внимания. Только буквальное толкование слов Кроули давало материал для газетной сенсации. Кроме того, пресса, должно быть, получала не меньшее удовольствие от прямых интерпретаций тех высказываний Кроули, которые были связаны с магическими, часто гомосексуальными, половыми сношениями. Тем не менее пресса оказывала Кроули услугу, сосредоточиваясь на дымовой завесе нелепостей и абсурда и не замечая более непристойных и потенциально опасных вещей. Это не было намерением Кроули: такая дымовая завеса возникла чисто случайно и не была им запланирована.

Кроули продолжал печатать книги-мистификации. В 1909 году он анонимно выслал сборник якобы религиозных стихов в католическое издательство Burns & Oates. Главный редактор издательства Уилфред Мейнел попался на эту удочку, не сумев заметить в стихах лесбийских мотивов, и напечатал их под заголовком «Амфора». Одно стихотворение, которое Кроули не включил в рукопись сборника, но вставил в частное издание, вышедшее ограниченным тиражом и выпущенное им самим, содержало один из его шифров: один из стихов читался как «The Virgin Mary I desire but arseholes set my prick on fire»¹⁵. В 1912 году Кроули признал своё авторство, выпустив эти стихотворения в свет в составе сборника, озаглавленного «Приветствуем Мэри».

Весной 1910 года в жизни Кроули появилась новая женщина. Это была родившаяся в 1880 году австралийская скрипачка по имени Лейла Ида Нерисса

Батхерст Уад-дел, с которой Кроули познакомился, вероятно, в Париже. Вступив в Ал Ал в апреле, она приняла новое имя Сорор Агата и стала любовницей Кроули. В первые же дни их знакомства Кроули написал о ней два рассказа. Первый назывался «Лиса», второй — «Скрипачка». Очень милостивая женщина, она очаровала Кроули своей красотой и игрой на скрипке. Она была далека от уровня профессионального музыканта, но, по словам Кроули, который верил, что его гениальность способствует проявлению скрытых талантов других людей, под его руководством она стала играть значительно лучше. Их отношения были очень страстными, но она не являлась для Кроули, как утверждают некоторые, следующей Алой Женщиной: у неё отсутствовали необходимые способности к ясновидению. Тем не менее Лейла Уаддел сыграла важную роль в магической деятельности Кроули, несмотря на то что его раздражал её австралийский акцент. Кроули хотел, чтобы она избавилась от акцента, так как её речь звучала некрасиво во время церемоний.

На следующий месяц Кроули, Нойбург и Лейла были приглашены морским офицером королевской армии капитаном Дж.-М. Марстоном погостить в его доме в Дорсете. Марстон, старший офицер Адмиралтейства, в А.˙.А.˙. был всего лишь послушником. 9 мая они вызвали духа по имени Бартзабель. Церемония, во время которой Кроули читал заклинания, Лейла играла на скрипке, а Нойбург танцевал, настолько впечатлила Марстона, что он предложил проводить такие церемонии в виде публичных представлений. Вероятно, он был осведомлён о возможности влияния на людей музыки первобытных культур. По словам Фрэнсиса Кинга, известного оккультного писателя,

4 проводил эксперименты с там-тамом над замужними женщинами. Ритмы барабана якобы вызывали у них беспокойство, перерастающее в повышенное сексуальное возбуждение, что в итоге заканчивалось мастурбацией или «непристойным» поведением.

Эксперименты, которые проводил в то время Кроули, базировались на использовании галлюциногенного препарата под названием ангалониум, более известного в наши дни как пейот. Впервые Кроули встретился с этим наркотиком в Мексике, где его получали из кактуса, принадлежащего к роду *Lophophora*, и почти не вызывает сомнений, что Кроули был первым, кто привёз это вещество в Европу. В результате приёма этого наркотика усиливалось восприятие цвета, смещалось чувство времени и места, повседневные предметы казались удивительными. В марте 1907 года Кроули принял дозу пейота в порядке эксперимента, а затем периодически, по мере того как ему удавалось пополнить свой запас этого наркотика, продолжал исследовать свои реакции на него и видения, которые Погостив у Марстона,

Кроули отправился в Венецию, где 18-го числа принял ангалониум и видел «с закрытыми глазами фантастические вспышки жёлтого и красного над Венецией». В это же время он познакомился с мужчиной, с которым вступил в сексуальные отношения, причём играл в них пассивную роль, исследуя таким образом женскую сторону своей натуры, которую называл Алис. По возвращении Кроули в Англию он и Лейла начали принимать дозы ангалониума, чтобы исследовать, как он повлияет на ритуалы, разработанные в Дорсете, во время которых Кроули читал заклинания, а Лейла играла на скрипке: «Когда я и Л. У. играли и читали стихи, сидя друг напротив друга перед лицом Бога, мы получили такие потрясающие духовные результаты, что попытались зафиксировать это в форме общего правила». В результате всего этого Кроули принялся за написание семи церемоний, по одной для каждой планеты. Он назвал их Элевсинскими таинствами.

Во время этих церемоний Нойбург танцевал до тех пор, пока не становился одержим соответствующим данной церемонии духом. Лейла играла. Кроули нараспев произносил объясняющие происходящее стихи, которые он сочинил вместе с Джорджем Раффаловичем. Для церемоний были разработаны костюмы, и всё представление было тщательно спланировано, как и предлагал Марстон. Когда каждый нюанс довели до такого совершенства, что Кроули был доволен, церемонии стали проводить публично в штаб-квартире А.А.А. на Виктория-стрит, 124, причём посетители платили за вход. Кроули был вдохновлён успехом этих представлений, как магическим, так и финансовым.

Существует несколько вариантов описаний этих церемоний, по которым можно восстановить, что происходило на представлениях. Самое детальное описание было сделано корреспондентом Daily Sketch Реймондом Рэдклиффом, в чьей статье, напечатанной 24 августа 1910 года, можно было прочесть:

Я пришёл в редакцию журнала «Равноденствие». Поднялся по бесконечной лестнице. Меня встретил облачённый в белую мантию джентльмен с обнажённым мечом.

В помещении было темно; только над алтарём разливался слабый красный свет. Несколько молодых мужчин, живописно одетых в белые, красные или чёрные мантии, стояли в разных местах комнаты. Некоторые держали мечи. Курящиеся благовония создавали в комнате дымку, сквозь которую я видел маленькую белую статую, освещенную крошечной лампой, которая висела высоко на карнизе.

Один из братьев произносил слова «изгоняющего ритуала Пентаграммы»

выразительно и с подобающей серьёзностью. Другому брату был дан приказ «очистить Храм водой». Это было исполнено. Потом мы стали свидетелями «Освящения Храма Огнём», после чего Кроули, одетый в чёрное и сопровождаемый членами братства, совершил «Мистический Обход». Они дважды или трижды обошли вокруг алтаря, что со стороны напоминало религиозную процессию. Постепенно, одного за другим, тех из присутствующих, которые были просто зрителями, завлекали внутрь круга. Затем Магистр Церемоний приказал одному из братьев «обнести присутствующих Чашей с Напитком». Брат обошёл помещение, предлагая каждому большую золотую чашу, наполненную какой-то приятно пахнущей жидкостью. [Там содержалась небольшая доза опиума и ангалониума, растворённых во фруктовом соке.] Мы пили по очереди. Когда с этим было покончено, один из братьев высокого роста и крепкого телосложения вышел в центр зала и провозгласил «Двенадцатикратную Веру в Бога». Затем, при помощи ещё более могущественного ритуала Гексаграммы, была вызвана Артемида. Потом мы снова пили тот же напиток. Алистер Кроули читал нам песнь Орфея из «Аргонавтов».

Вслед за чтением песни мы выпили третью чашу Напитка, и братья ввели в комнату человека, чьё тело было задрапировано, а лицо — покрыто такой странной синей краской, что это наводило на мысль о Гекате. Дама, а это была дама, села на трон, расположенный гораздо выше самого Кроули. К этому времени церемония стала ещё более фантастичной и впечатляющей, но впечатление от неё ещё усилилось, когда поэт торжественным и благоговейным голосом прочёл знаменитый первый хор из «Атланты» Суинберна, который начинается словами «Когда гончие весны». Ещё одна чаша Напитка, ещё одно воззвание к Артемиде. Некоторое время спустя *Frater Omnia Vincam* [Нойбург] получает приказ танцевать «танец Свирели и Пана в честь нашей дамы Артемиды». Молодой поэт, чьи стихи у всех на слуху, изумил меня грациозным и красивым танцем, который продолжался до тех пор, пока он не упал от изнеможения посреди комнаты, где, между прочим, оставался лежать до конца церемонии. Затем Кроули обратился к богине с мольбой в форме прекрасного, нигде не печатавшегося, стихотворения. Воцарилась мёртвая тишина. После длинной паузы сидящая на троне взяла скрипку и заиграла. Она играла с чувством и страстью — мастерски. Эта музыка пробирала до самых костей. Потом женщина снова взяла скрипку и сыграла *Abend Lied* («Вечернюю песнь»), причём так красиво, так изящно, с таким глубоким чувством, что благодаря её игре большинство из нас испытало тот Экстаз, которого так настойчиво и постоянно ищет Кроули. Затем наступила долгая и напряжённая тишина, которую прервал Магистр Церемоний, объявив об окончании церемонии следующими словами: «Властью, которой я облечён, объявляю

Храм закрытым». Так закончилась по-настоящему красивая церемония — красиво задуманная и красиво проведённая. Возможно, существуют более высокие формы художественной выразительности, чем великие стихи и великая музыка, но мне они пока неизвестны.

Подгоняемый своим успехом, Кроули решил расширить свою зрительскую аудиторию и арендовал тускло освещенный частный зал в Кэкстон-холле в Вестминстере. На каждое представление продавалось по сто билетов. Сезонный абонемент на все семь церемоний продавался по непомерной цене в пять гиней. Посетителям, которые во время представления сидели на скамьях, предписывалось быть одетыми в цвета, соответствующие каждой церемонии. С октября по ноябрь 1910 года представления шли в почти переполненных залах каждую среду. На них приглашались журналисты, и вскоре начали появляться статьи-отзывы. Помимо публики и журналистов, в числе зрителей присутствовало несколько офицеров столичной полиции, выяснявших, не происходит ли здесь чего-либо непристойного. Они были разочарованы. Всё, что они увидели, оказалось слегка богохульными пьесами, исполнявшимися «в честь нашей госпожи Артемиды», ВО время которых к духам различных планет обращались с просьбой решить загадку Вселенной. Духам это не удавалось, и они возлагали всю ответственность на бога Пана, который благосклонно её принимал.

Для показов в Кэкстон-холле в изначальные церемонии были включены дополнительные представления. В них среди прочих участвовала молодая, страдающая неврастением актриса со сценическим именем Иона де Форест. Настоящее имя этой девушки с бледной кожей, круглым лицом и чёрными волосами до пояса было Джин Хейд. По причине своей естественной бледности она играла луну в лунной церемонии. Нойбург влюбился в неё, и у них начался бурный роман. Кроул и не одобрил этих отношений, и они прекратились. Позднее она вышла замуж, но через несколько месяцев, в 1912 году, совершила самоубийство. Нойбург, который так никогда и не оправился от этой потери, думал, что это Кроули убил её, воспользовавшись магическими средствами.

В целом пресса проявляла умеренную заинтересованность этими представлениями, высказываясь о них тоном, граничившим с насмешкой и презрением. Так, в некой статье сообщалось, что одним из «новейших увлечений "будущих ведьм" стало исполнение странных кривляний из Церемонии Юпитера». Однако другая публикация не удовлетворилась простым цинизмом. Газета *The Looking Glass* развернула решительное наступление, назвав использованную в ритуалах поэзию бессвязной, а самого Кроули — мятежным богохульником, намекнув на необычное сексуальное поведение Кроули и подтвердив всё это фотографией коленопреклонённой Лейлы на

груди Кроули.

Когда закончились представления в Кэкстон-холле, Кроули 10 сентября уехал из Лондона, устроив себе короткие каникулы. Следующий выпуск *The Looking Glass*, появившийся в субботу, чопорно сообщал: «Мы понимаем, что мистер Алистер Кроули покинул Лондон, чтобы поехать в Россию. Несомненно, во многом это будет способствовать смягчению петербургской зимы. Мы можем поздравить себя с тем, что временно избавились от самого богохульного и хладнокровного злодея современности. Но почему же Скотленд-Ярд позволил ему уйти безнаказанным?» Далее следовал развёрнутый разоблачительный текст, торжественно подтверждающий давнюю репутацию Кроули как законченного подлеца.

Кроули был одновременно раздражён и удивлён. До этого он наивно полагал, что пресса объективна и беспристрастна, однако сначала в случае с Горацио Боттом-ли, а теперь — с Де Венд Фентоном, главным редактором *The Looking Glass*, он встретился с прямо противоположной ситуацией. К тому же он понял, что некоторые газеты жили не только за счёт выручки от продаж и рекламы, но и за счёт шантажа. За соответствующую плату можно добиться того, чтобы клеветническая статья была отвергнута редактором.

Боттомли не хватало наглости требовать от Кроули деньги, несмотря на большое количество публикуемых в его газете бранных статей, но у Де Венд Фентона хватало, и он намекал на то, что за первым последуют и другие непристойные разоблачения.

Далёкие от мысли ехать в Санкт-Петербург, Кроули и Нойбург вернулись в Алжир и добрались до Бу-Саада на машине, чтобы сэкономить время. Наняв погонщика верблюдов с двумя верблюдами и мальчика-слугу, они вновь отправились в пустыню. Кроули считал, что верблюды более послушны, чем лошади. Они ведут себя, как «высокопоставленные чиновники, и даже самые паршивые из них подобны консулам, а старые верблюды похожи на английских дам, занимающихся благотворительностью». Хотя Кроули относился к пустым пространствам, как правило, с ненавистью, он любил пустыню, которая подсознательно означала для него не «пустоту и бесплодие, а скорее некий утончённый и скрытый источник жизни». Однако Северная Африка давала ему нечто более важное. Здесь он мог не волноваться по поводу своего гомосексуализма. Здесь это считалось в порядке вещей, и к Кроули относились вне зависимости от его сексуальной ориентации.

Несмотря на то что Кроули вернулся в страну, которую он любил, начало путешествия не предвещало ничего хорошего. Магические занятия Кроули и

Нойбурга оставались безуспешными, погонщики верблюдов и мальчик-слуга беспрестанно жаловались, кроме того, на них обрушилась невероятная буря с дождём, после которого пустыня оказалась покрытой водой на шесть дюймов, а на окрестных горных вершинах появился снег. Невзирая ни на что, Кроули спешил ещё дальше углубиться в открытую пустыню, где ему встречались только разрозненные бедные поселения, в одном из которых под названием Улед Джелаль путешественники наткнулись на «какой-то сарай, который назывался европейским отелем, хозяином которого был случайно заброшенный в эту пустыню француз. Предметом гордости деревни был сарай, куда каждый вечер можно было прийти и смотреть на танцующих девушек. Нет надобности описывать здесь, что именно они делали, но я могу сказать, что это единственная из известных мне форм развлечений, которая никогда мне не надоедала. Мне нравится приходить сюда довольно рано и сидеть здесь всю ночь, куря при этом табак или киф [коноплю] и выпивая одну чашку кофе за другой».

Из Улед Джелаль Кроули и Нойбург, судя по всему, продолжили пешее путешествие, темп которого они периодически вынуждены были ускорять, чтобы быстрее добраться до воды. Кроули находился в своей стихии. Такой способ путешествия соответствовал его авантюрному настрою. Тем не менее путешествие завершилось на кислой ноте. Кроули резко записывает в автобиографии:

«Я оставил Нойбурга выздоравливать в Бискре и вернулся в Англию один». Позднее Нойбург утверждал, что Кроули бросил его.

После короткой остановки в Париже Кроули, прежде чем вернуться в Лондон, отправился в Истбурн. Почему он туда поехал, до сих пор неизвестно, но существует предположение, что он хотел повидаться с матерью. Возможно, он заискивал перед ней с целью получить наследство. Возможно, — ив этом не было бы ничего нехарактерного для него, — он поехал просто для того, чтобы помучить пожилую даму известиями о своих злых поступках; или, может быть, став старше, он почувствовал к ней любовь и не хотел, чтобы об этом догадались другие.

Вскоре после этого Кроули сам оказался в положении мученика. В его отсутствие газета *The Looking Glass* имела большой успех. Её сотрудники откопали в прошлом Кроули всё, из чего только можно было извлечь что-то плохое, включая его недавний развод и супружескую измену. Фуллер считал, что нужно подать на газету в суд. Кроули не соглашался. Он не видел в этом никакого смысла. Газета была почти банкротом, её читательская аудитория состояла из невежд, остальное же, как он утверждал, дело истории. Кроме того,

он говорил, что слишком занят подготовкой нового выпуска «Равноденствия», хотя всё же написал две статьи для *The Bystander*, в которых объяснял, в чём суть его Элевсинских таинств.

Однако дело приняло другой оборот, когда *The Looking Glass* начала позорить друзей Кроули. Аллана Беннета обвинили в том, что он — «жалкий мошенник, притворяющийся буддийским монахом», добавив к этому намёк на то, что они вдвоём с Кроули предавались «непристойному поведению»: на иносказательном языке того времени это означало гомосексуальную связь. Участие в этом Джорджа Сесилия Джоунса также подразумевалось. Беннет, находившийся далеко на Востоке, не мог пострадать от этих заявлений, но Джоунс был в другом положении. Он решил подать в суд.

Когда в апреле 1911 года дело слушалось в суде, адвокаты, выступавшие на стороне газеты, заявили, что так как у Джоунса нет репутации, которую он мог бы потерять, а также поскольку касающееся его утверждение весьма неопределённо, то ответчик считает дело исчерпанным и полагает, что здесь не на что отвечать. Судья был смущён причиной искового заявления, и свидетельства этой причины, проявляясь во время слушания, не раз вызывали смех как среди судебных исполнителей, так и в зрительских рядах.

Кроули, который присутствовал в зале суда на протяжении всего двухдневного слушания дела, получал громадное удовольствие, «серым кардиналом» восседая на балконе для посетителей. Его не привлекали в качестве свидетеля, но взоры всех присутствующих часто устремлялись к тому месту, где он сидел, особенно чтобы посмотреть на его реакцию, когда защитник газеты, «поразительно находчивый и агрессивный адвокат бескомпромиссного, властного типа», назвал Кроули «омерзительным и гнусным созданием». Кроули даже не вздрогнул. Когда был раскрыт его литературный трюк со словами, образующимися из начальных букв слов и стихов, а также были приведены примеры непристойностей, которые получались в результате (таких как «riss», «sunt», «arse» и «quim»), Кроули просто улыбнулся и объявил заинтересованным сторонам, что это не просто совпадения. Даже появление его врага Мазерса, вызванного с целью испытать нравственную низость Кроули, не взволновало его. Мазере, явившийся благодаря адвокату Джоунса, был вызван в суд скорее из любопытства, чем в качестве полезного свидетеля. Когда на место свидетеля вышел доктор Эдвард Берридж, он заявил, что до него дошли слухи о Кроули, но он не намерен их обнародовать в присутствии дам.

Однако судья заметил, что любую из присутствующих дам, скорее всего, трудно чем-либо шокировать, и это очень позабавило Кроули.

Было несколько моментов, когда судья предлагал, чтобы Кроули вышел на место свидетеля и разъяснил тот или иной вопрос, но и адвокат ответчика, и адвокат истца оставляли эти предложения без внимания. Защитник The Looking Glass опасался, что Кроули докажет, что утверждения относительно Джоунса являлись на самом деле лишь частью попытки шантажа, тогда как адвокат Джоунса боялся, что Кроули, мало заботясь о приличиях, может навредить Джоунсу своими словами. Что касается Кроули, то, хотя он и не показывал этого в суде, у него не было ни малейшего желания выступать в качестве свидетеля. Какое бы удовольствие он ни получал от театрального эффекта судебного разбирательства, он всё же не хотел, чтобы его личная жизнь, и особенно его бисексуальность, выставлялась на всеобщее обозрение.

Судья подвёл итог слушанию дела, объявив, что Джоунс поклялся в своей невинности, тогда как представители The Looking Glass в свою очередь поклянутся, что они никогда не желали нанести кому-либо вред, однако, добавил судья, Кроули действительно публиковал непристойные произведения. Исход слушания зависел теперь от присяжных, которым предстояло решить, насколько тесное отношение Джоунс имеет к личности и поведению Кроули. Судья поставил перед присяжными три вопроса. Прежде всего, являются ли слова и утверждения, ставшие причиной подачи иска, действительно оскорбляющими истца? Если да, являются ли эти утверждения истинными по существу? Если и это так, то являются ли они допустимыми по форме? В заключении, которое вынесли присяжные, был дан утвердительный ответ на все три вопроса. Суд выиграл Де Венд Фентон и его газета. В сущности, Джоунс был оклеветан исключительно из-за своего общения с Кроули.

Этот судебный процесс побудил Кроули сочинить язвительный памфлет под названием «Розенкрейцерский скандал», который был опубликован под псевдонимом Лео Винеи. Несмотря на то что главным виновником всех неприятностей был Де Венд Фентон, основной мишенью ненависти Кроули в его новом произведении стал Мазере. Оно начиналось с заявления о том, что оно представляет собой «перекрёстный допрос человека по имени Сэмюэл Сидни Сильвестр Шерзерад Сократ Сципион Симмонс Скраттон Шейкебэк Свонк Свиззл Лиддел Диддел Мак-Грегор Мак-Керроу Мазере, Джеймс IV Шотландский, граф де Сен-Жермен, граф Гленстрэ, граф Мак-Грегор, шевалье Мак-Грегор, Мак-Грегор Мазере, С'Риогейл мо Дреам, Део Дуче Комите Фарро, рыцарь Сен-Жерменского ордена, и так далее, и так далее, мистером К. Скорпио, одним из королевских адвокатов, сведущих в юриспруденции». Эта пародия была недалеко от истины: Мазере представился на суде как Мак-Грегор Мазере, но адвокат Джоунса вытянул из него признание, что он также известен под именем Мак-Грегора графа Гленстрэ и верит, что король Джеймс

IV Шотландский никогда не умирал. В своём памфлете Кроули намекал, что в имени судьи содержится грубая анаграмма: позднее он расшифровал её — из букв слова Scutton можно составить словосочетание «cunts rot». Бэрриджу он отомстил несколько позже, написав рассказ «Лунный ребёнок», для героя которого по имени Бэллок доктор послужил прототипом.

Несмотря на то что Кроули, по существу, не был вовлечён в этот судебный процесс, тот имел для него весьма неблагоприятные последствия. Фуллер прекратил отношения с Кроули, поскольку счёл, что Кроули испортил Джоунсу репутацию. Раффалович тоже отдалился и держался от Кроули в стороне, хотя отчуждение между ними началось ещё до описанного судебного разбирательства. Всё меньше людей хотело стать членами А.˙.А.˙..

Причина ухода Фуллера заключалась не только в том малодушии, которое, по его мнению, проявил Кроули, не вступившись за их общего друга. Дело было ещё и в том, что Кроули высмеял Фуллера в одном из своих стихотворений под названием «Новообращённый», которое было включено в сборник, озаглавленный «Крылатый жук» и вышедший в 1910 году. В «Мировой трагедии», которая вышла в том же году, Кроули ещё подсыпал соли на раны Фуллера, написав, что право на любые критические рассуждения об этом произведении лучше всего предоставить Фуллеру, «который может написать поучительную маленькую монографию длиной в 350 тысяч слов», как он и сделал когда-то в случае со своим эмоциональным эссе, написанным в надежде завоевать приз.

Откровенно говоря, Кроули иначе смотрел на эту ситуацию. Фуллер, по его словам, просто разуверился в нём. Фуллер больше не желал участвовать в издании «Равноденствия» и соглашался продолжить работу над «Храмом Царя Соломона» только в том случае, если Кроули полностью прекратит своё участие в её подготовке и издании. Кроме того, он — во всяком случае, так утверждал Кроули — запретил Кроули упоминать его имя в связи со своим, угрожая взимать с Кроули по 100 фунтов за каждое нарушение запрета. Это было обидно для Кроули, который считал, что именно он создал Фуллеру литературную репутацию. После того как их дружба прекратилась, Кроули утверждал, что Фуллер занят не чем иным, как попытками выиграть призы в соревнованиях, устраиваемых Армейским советом. На самом деле, Фуллер стал впоследствии генерал-майором Королевского танкового корпуса, а также автором нескольких значительных книг по военной истории. Он был блестящим военным стратегом, и именно он разработал наступательную тактику для танковых боёв, использованную со столь разрушительным эффектом во время сражения при Камбре в 1917 году.

Впоследствии британская армия пренебрегла его тактическими идеями, немецкая же армия, напротив, взяла их на вооружение: Фуллер был создателем того, что получило впоследствии название «блицкрига». Разработанная Фуллером военная стратегия имела такое влияние на военные подходы Третьего рейха, что ему довелось стать одним из двух англичан, приглашённых на празднование пятидесятилетия Гитлера в 1939 году, перед самым началом Второй мировой войны. К этому времени Фуллер ещё раз выразил своё отвращение к британской армии за её равнодушие к его стратегическим идеям. Он посвятил свою жизнь занятиям военной историей, причём единственным его недостатком было восхищение фашизмом: он был активным членом Британского союза фашистов под предводительством сэра Освальда Мосли.

Этот уход близких друзей Кроули наложил отпечаток на всю его оставшуюся жизнь. Иногда у него появлялись друзья, но через какое-то время он терял их из-за своей паранойи, своего высокомерия, самовлюблённости или простой неспособности ценить дружеские отношения. Иногда он прогонял друзей, иногда они уходили сами, разочаровываясь в Кроули, когда переставала действовать первоначальная сильная привязанность.

Можно сказать, что Кроули никогда по-настоящему не нуждался в друзьях, — только в любовниках и учениках, которые ничего от него не требовали. Сам он не признавал этого, говоря: «Я понимаю, что мои представления никогда не будут значить для других людей то же, что они значат для меня. Я не жалею об этом. Всё, чего я хотел бы, — это чтобы достигнутые мной результаты убедили тех, кто стремится к истине, в том, что, без сомнения, существует нечто, достойное этого стремления, и что этого можно достичь методами, более или менее похожими на мои. Я не хочу быть предводителем толпы, кумиром дураков и фанатиков или основателем вероучения, последователи которого довольствуются только отражением моих взглядов. Я хочу, чтобы каждый сам прорубал свой путь через джунгли». Однако правда заключалась в обратном. Кроули хотел, даже испытывал нужду в обожающих, не задающих вопросов последователях. Он считал себя человеком, непохожим на других людей, «Одиноким Духом, Странником в Пустыне. Мне не было никакой надобности принимать участие в человеческих делах, вступая в личный контакт с людьми в их хлевах, обезьянниках и свинарниках. Единственное, что связывало меня с ними, — это мой долг показывать путь в пустыню тем, кто готов рисковать». В конце концов, он был одним из Тайных Учителей, который строил магические планы и создавал себе имя.

ГЛАВА 13

Появление Мэри, уход Виктора и «парижские занятия»

Подготовив к печати мартовское издание «Равноденствия», Кроули решил, что ему пора уединиться для занятий магией. Поэтому в начале лета 1911 года он и Лейла Уаддел поселились в одном из домов Монтины-сюр-Луэн на краю леса Фонтенбло. Обосновавшись здесь, Кроули обнаружил, что к нему вернулась его литературная муза, из-под его пера за короткое время вышло огромное количество произведений. В числе прочего он написал рассказы «На той стороне залива», «Дровосек» и «Его тайный, несколько стихотворений (среди них — стихотворение в честь дня рождения Лейлы, которая утверждала, что 10 августа ей исполняется двадцать шесть, тогда как на самом деле ей должно было исполниться тридцать один) и две пьесы, одна из которых называлась «Вампиры», а вторая представляла собой комедию под названием «Мортаделло, или Ангел Венеции». Некоторые из этих произведений были напечатаны самими издателями, и Кроули не финансировал их.

Однако не всё, что он писал, относилось к художественной литературе. За это, как он выразился, «поразительное лето» он написал девятнадцать книг магического или мистического характера, многие из которых были напечатаны в «Равноденствии», в том числе рассказ о том, как была написана «Книга Закона».

Но каким бы плодотворным ни было это лето, осени предстояло принести ему новое открытие. Это была его следующая Алая Женщина.

С их знакомством связана целая история. В Париже Кроули встретил Нину Оливье, чьим тогдашним любовником (как описал его Кроули) был «неприятный, бледный и лицемерный» пианист Энер Скен, который аккомпанировал Айседоре Дункан во время исполнения её «свободных» танцев. Вернувшись в Лондон 11 октября, Кроули обедал с пианистом в «Савое», после чего они отправились на один из знаменитых экзотических вечеров Дункан. Среди присутствующих была подруга Дункан, прелестная темноволосая женщина по имени Мэри д'Эсте Стеджес.

Как обычно, Кроули был сражён ею. Он писал: «Эта дама, представляющая собой великолепный образец смешения ирландской и итальянской крови, обладала мощнейшей индивидуальностью и необычайной притягательностью, которые мгновенно меня привлекли. Я забыл обо всём. Я сел на пол, как китайский бог, и между нами потекли невидимые токи». Несмотря на её магнетизм, благодаря которому мужчины всегда слетались к ней как мухи на сахар, она была не вполне тем, чем казалась. Её девичья фамилия была Демпси, и родилась она в Квебеке в 1871 году, но после безвременной смерти её отца обедневшая семья переехала в Чикаго. В двадцать шесть лет Мэри вышла замуж за Эдмунда Видена, от которого родила сына Престона. Этот брак

длился недолго, в 1901 году она переехала в Париж и подружилась с Айседорой Дункан. Потом она вышла замуж за чикагского биржевого маклера Соломона Стеджеса, который усыновил её ребёнка и превратил её в богатую женщину. Романтичная, кокетливая и ветреная Мэри пользовалась своим богатством, чтобы путешествовать, и сменила имя, добавив к нему д'Эсте и утверждая, что имеет итальянское происхождение и что д'Эсте является итальянским вариантом её девичьей фамилии. Она развелась со Стеджесом и основала в Париже парфюмерную компанию, которая существовала под именем «Maison d'Este» до тех пор, пока члены настоящей (и очень знатной) итальянской семьи д'Эсте не начали угрожать, что подадут на неё в суд. После этого она сменила фамилию на Дэсти. Её сын Престон Стеджес, которого Кроули называл «обделённым богом деревенщиной», стал впоследствии кинорежиссёром-оскароносцем. Его собственное мнение о Кроули выглядит несколько более обоснованным.

Одна из особенностей мистера Кроули [вспоминал Стеджес], которая казалась мне особенно омерзительной, заключалась в его причёске, неприятной разновидности того тошнотворного стиля, который был несколько лет назад столь популярен среди молодёжи и известен под названием «Ирокез». Как у молодого Юла Бриннера, череп мистера Кроули был полностью обрит, за исключением одного маленького прямоугольного островка волос на самой середине его черепа. По этому газону или лужайке он прогуливался своими пальцами, как будто это были собаки, выведенные на улицу помочиться. [Оглядываясь назад, Престон заявлял:] Читая о некоторых из его последующих деяний, я понимаю, что моей матери и мне повезло, что мы остались в живых. Если бы я был немного постарше, неизвестно, остался ли бы в живых он сам.

Во времена знакомства с Кроули ему было тринадцать. В конце октября Кроули вернулся в Париж, пришёл в квартиру к Мэри, подхватил её, по его собственному выражению, и они вместе поехали в Швейцарию кататься на коньках. Поселившись в отеле «Националь» в Цюрихе, они стали проводить время, наслаждаясь алкоголем, сексом и наркотиками так, что 21 ноября Мэри пришла в состояние безумия. В течение какого-то времени она кричала и бредила, у неё были галлюцинации, однако через час Кроули начал замечать в её видениях, возникших вследствие употребления ангалониума, какой-то смысл. Поскольку она не имела совсем никакого представления о магии, он расценил её поведение как сигнал о том, что через неё дух пытается установить с ним контакт. Когда она произнесла слово «Пердурабо», которого не могла знать, Кроули был убеждён или, говоря точнее, убедил себя, что Мэри — его новая Алая Женщина. Лейла, по-прежнему присутствовавшая в его жизни и в мыслях, была творческим и тонко чувствующим человеком, но Мэри обладала

способностями к ясновидению. Их отношения развивались по обычной для Кроули схеме. Физическое влечение переросло в сексуальную связь, которая затем приобрела магическую окраску.

На следующий день они переехали в Сент-Мориц, в отель «Палас». Здесь Кроули получил ещё одно свидетельство тому, что Мэри является его новым партнёром j в магических делах. Распаковывая её чемодан, Кроули с изумлением увидел, что у неё имеется такая же голубая мантия, как и та, которую он купил для Роуз перед их путешествием к пирамидам. Это, как он был убеждён, доказывало, что Тайные Учителя предназначили Мэри стать его новой Алой Женщиной.

Вечером 28 ноября Кроули переставил мебель в гостиной их гостиничного номера, превратив комнату в храм, достал свои магические принадлежности, которые всегда сопровождал и его в пути, в том числе крест, украшенный топазом, и волшебную палочку из чёрного дерева со звездой из сапфира, напоил Мэри допьяна, накачал её наркотиками и долго занимался с ней сексом, чтобы после всего этого она стала более восприимчивой к астральным видениям. Ровно в одиннадцать часов явился один из Тайных Учителей по имени Аб-ул-Диз.

В период с 4 по 13 декабря вся эта процедура была повторена четырежды. К этому времени Мэри уже устала от наркотиков и манипуляций, необходимых для достижения состояния восприимчивости. Несколько раз, как отмечал Кроули в своём магическом дневнике, она умоляла, чтобы её отпустили домой, и говорила, что не хочет продолжать. Но Кроули был неумолим. О магической оргии 11 декабря он писал, что во время неё Мэри была возбуждена «выпитой ею половиной бутылки „Поммери" 1904 года в сочетании с Эросом». В сноске он добавляет: «Перед оргией и чтением заклинаний [Мэри] лежала пьяная на диване; Одиннадцать [волхвы] пришли к ней и принесли мистические дары: один принёс знание, другой — силу, третий — мудрость и так далее, сказав, что всё это понадобится для Дела. Они скрепили своё приношение *basiculo ad cunnum*», что означает «поцелуй во влагалище».

Мэри не была хорошей ясновидящей. Она нередко разочаровывала Кроули и даже приводила его в бешенство, но он не имел права останавливаться на полпути. Аб-ул-Диз через Мэри дал Кроули указание написать новую магическую книгу, которая должна быть создана в Италии. Кроме того, он дал Мэри магическое имя Виракам.

Как всегда послушный Тайным Учителям, Кроули повёз Мэри на юг и принялся искать по всей Италии место, где можно было бы исполнить приказ

Аб-ул-Диза. Таким местом оказалась частично отреставрированная вилла под названием вилла Кальдараццо, расположенная в Посилипо, неподалёку от Неаполя. Стоящая вдали от больших дорог, она представляла собой именно то, что требовалось Кроули (или Аб-ул-Дизу). Они сняли эту виллу и послали за Престоном во французскую школу-интернат, чтобы мальчик провёл рождественские каникулы вместе с ними. Став взрослым, Престон вспоминал виллу без удовольствия. «Помимо своих сверхъестественных качеств, — язвительно писал он, — она обладала малым количеством достоинств. Там было холодно и сыро, лишь несколько окон закрывались как следует, до виллы было трудно добраться, а водопроводные трубы протекали».

Кроули быстро превратил главную комнату виллы в храм и принялся за работу, диктуя Мэри своё очередное магическое произведение. Кроме того, он учил её тому, что в его терминологии называлось «автоматической бдительностью». Это означало, что Мэри должна была следить за тем, чтобы никогда не использовать определённые слова и выражения. Каждый раз, когда Мэри теряла бдительность, Кроули звал её сына, «торжественно извлекал из своей мантии открытый перочинный нож, поднимал руку так, что просторный рукав его мантии падал, обнажая предплечье, а затем при помощи перочинного ножа отрезал маленький кусочек кожи под лесенкой таких же надрезов, уже запечатленных на его предплечье, надрез за надрезом, в честь каждого раза, когда Мать допускала такую же оплошность».

Скоро Мэри устала от исполнения функции магического секретаря при Кроули. Между нею и Кроули постоянно происходили ссоры, и она уехала в Париж, забрав с собой сына. Он последовал за ними, они помирились и вместе вернулись в Лондон. Однако взаимное притяжение между ними исчезло, хотя Мэри продолжала в течение некоторого времени помогать Кроули в его работе в А. & А.; мартовское издание «Равноденствия» за 1912 год вышло под редакцией Мэри и Нойбурга. Вскоре после возвращения в Лондон Мэри вышла замуж за турка, которого звали Вели Бей, и Кроули освободился от своей второй Алой Женщины, которая, как он признавал позднее, возможно, была не вполне достойна возложенной на неё ответственности. Вскоре этот брак распался. Турок, который открыто ненавидел её сына и ревновал к нему, бил Мэри, а затем бросил её. Она вновь присоединилась к свите Айседоры Дункан и умерла в 1931 году в Нью-Йорке от лейкемии. Это Мэри подарила Дункан тот шарф, который зацепился за колесо открытого автомобиля, в котором ехала танцовщица, в результате чего она и погибла, поскольку голова её резко дёрнулась назад и шейные позвонки переломились.

Магическое произведение, которое Кроули диктовал Мэри, должно было стать частью одной из книг, благодаря которым он приобрёл — и сохранил —

известность в магических кругах. Эта книга называлась «Liber IV» («Книга четвёртая»). Первая и вторая её части вышли в 1912-м и 1913-м и стоили четыре четырёхпенсовика и четыре шестипенсовика соответственно. Во второй части была фотография, изображающая молодого и бородатого Кроули, сидящего в море в обнажённом виде, и подписанная по-гречески «Привет тебе, о Спаситель Мира». Третья часть книги была продиктована Лейле Уаддел весной 1912 года, но в течение последующих десяти лет Кроули постоянно редактировал и перерабатывал её, так что в окончательном виде она была напечатана лишь в 1929 году. В наши дни она известна, как правило, под названием «Теоретическая и практическая магия [магика]». Четвёртая часть, вышедшая в 1936 году, включала в себя «Книгу Закона» в сопровождении автобиографического предисловия и короткого комментария. Все эти произведения выходили в разнообразных видах в течение многих лет, но только после смерти Кроули были собраны в один том. Озаглавленная словом «Магика», эта книга была и остаётся одним из основных столпов магической науки.

Именно в этих книгах Кроули впервые добавил «к» к слову «magical» (магический), что впоследствии делал всегда до самой своей смерти. Целью этого добавления было отделить его магию от магии фокусников и эстрадных артистов, но было у него и эзотерическое значение. Буква «к» была первой буквой в слове *kteis*, что по-гречески означает «влагалище». Через призму магии Кроули видел человеческое сознание как божественное, а самого себя — возведённым в ранг мага. «Мой уровень как мага, — писал он, — моя миссия как Логоса Вечности, как Пророка, избранного, чтобы проповедовать Закон, который будет определять судьбы этой планеты в течение целой эпохи, в известном смысле выделяют меня, причисляют меня к группе, в которую за всю человеческую историю, кроме меня, вошли только семеро». Среди этих семерых своих братьев, с которыми Кроули себя объединял, были пророк Мухаммед, Моисей и Лао-цзы, основатель даоизма.

Когда Мэри перестала играть активную магическую роль в его жизни, Кроули в течение первой половины 1912 года жил то в Париже, то в Лондоне, занимаясь написанием «Книги лжи», которую он задумал как изложение содержания своего собственного сознания. В некоторых местах она написана с юмором, в других — может считаться предвестником авангардной поэзии 1960-х. Один из разделов книги, включённый в первый выпуск журнала «Равноденствие», состоял только из восклицательного знака, другой — только из вопросительного: они были озаглавлены соответственно «Солдат» и «Горбун». Кроме того, Кроули написал рассказ под названием «Завещание Магдалены Блэр», основанный на идее, которую задолго до этого подал ему

Аллан Беннет. Однако эта писательская деятельность имела для него второстепенное значение. По-настоящему мысли Кроули занимала организация, которая называлась по-разному: Орденом

Восточных Тамплиеров, Орденом Восточного Храма, Орденом Тамплиеров Востока или *Ordo Templi Orientis*. В виде сокращения она была (и остаётся) известной как ОТО.

Кроули заинтересовался ОТО после появления Мазер-са на слушании дела, возбуждённого на основании иска, поданного *The Looking Glass*. Во время своего выступления Мазере заявил, что является главой Ордена Розенкрейцеров к большому сожалению для тех, кто считает таковыми себя. То есть на самом деле Кроули знал об ОТО, но не проявлял к этой организации большого любопытства. Тем не менее, поскольку Кроули был известен как соперник Мазерса, с ним пытались связаться разнообразные сочувствующие ему оккультисты и масоны, на которых у него, как правило, не хватало времени. Он утверждал, что со времён своего посвящения, имевшего место в Мексике, является масоном шотландского обряда, но в целом пренебрежительно относился к масонству, говоря, что оно представляет собой «или самодовольное притворство, шутовство и оправдание пьяному хулиганству, или мрачную ассоциацию для плетения политических интриг и мошенничества в коммерческих делах». Теперь они начали писать ему, выказывая, по словам Кроули, такое уважение к его способностям, что в какой-то момент «стало подразумеваться, будто я знаю больше секретных символов, заклинаний, волшебных слов и магических формул, чем я мог бы выучить, будь у меня двенадцать жизней, а не одна. Даже слон не выдержал бы под тяжестью таких знаков отличия, какими меня наделили».

Вся эта лесть вновь пробудила в Кроули интерес к масонству, и он написал гроссмейстеру масонской ложи в Лондон, с тем чтобы прояснить свою позицию в отношении этой организации. 17 декабря 1904 года, как утверждал Кроули, он прошёл обряд посвящения в качестве мастера англосаксонской ложи 343 (ныне имеющей номер 103), входящей в состав французского масонского общества в Париже. Теперь он желал узнать, значит ли это, что он может считаться масоном и в Британии. Оказалось, что нет: в те времена Объединённая Великая ложа Британии не признавала французской Великой ложи.

Была и другая причина, по которой Кроули хотел узнать, признан ли он масоном в Британии. Она была связана с Джоном Яркером, являвшимся членом *Quatuor Coronati Lodge № 2076*, одной из значительных лож, в которой проводились масонские исследования. Яркер учредил независимый масонский Великий совет в Манчестере, но он не получил признания со стороны Высшего

совета в Лондоне, который исключил Яркера за превышение им масонских полномочий. По какой-то причине Яркер решил, что Кроули должен стать его преемником в деле его раскольнического Великого совета, хотя сомнительно даже то, встречались ли эти двое когда-нибудь. После смерти Яркера в 1913 году Кроули созвал собрание, на котором назначил себя Великим генеральным администратором совета, но больше не сделал почти ничего, хотя, как он утверждал, ряд масонских организаций обратился к нему с неофициальными просьбами обратить внимание на рационализацию ритуалов и правил, а также на необходимость пересмотра основ масонства, с тем чтобы придать ему, по выражению Кроули, форму цельной, стройной и лаконичной системы, соединяющей в себе религиозные, философские, магические и мистические истины. Как бы то ни было, официальные масонские организации никогда не считали Кроули настоящим масоном, а он никогда не считал себя причастным к основному направлению масонства.

Немецкая организация ОТО была среди тех, что пытались установить с ним контакт. Поначалу Кроули думал о ней так же, как и об остальных подобного рода организациях, но вскоре понял, что она отличается от других, поскольку ОТО со своей ориентацией на восточную религию и философию рассматривал секс как важную часть занятий магией. Члены ордена верили, что сексуальное возбуждение может вознести человека на иной уровень сознания и духовности. Подобные представления были распространены в Индии и Китае, но в европейских культурах этой идеей в основном пренебрегали как вызывающе непристойной. Половой акт, согласно этой концепции, совершался не от вожделения и не из любви, но являлся сознательным и управляемым поступком: приверженцы такой сексуальной идеологии должны были быть хорошо натренированными в медитации, дыхательных практиках и других дисциплинах, относящихся к йоге. Их позиция отнюдь не давала разрешения на свободную любовь и необузданную чувственность.

ОТО был основан около 1900 года в русле формирующегося учения о связи германских национальных корней с армейской традицией. Его основали двое немецких масонов, Франц Хартман и Генрих Клейн вместе с богатым австрийским промышленником Карлом Кельнером, который много путешествовал по Востоку. Находясь одновременно под влиянием восточных религий и произведений американского оккультиста П.-Б. Рэндольфа, который экспериментировал с галлюциногенными препаратами, Кельнер сначала основал «Герметическое братство света», чья идеология, согласно современной истории ОТО, базировалась на масонстве, розенкрейцерстве, движении иллюминатов XVIII и XIX веков, ритуалах тамплиеров, учении ранних гностиков и язычестве. В 1902 году Кельнер и Теодор Рейсе, который к тому

времени начал издавать малоизвестный масонский журнал под названием «Орифламма», решили основать своё собственное братство, деятельность которого концентрировалась бы на сексуальной магии, причём журнал должен был послужить его основанием. При основании ОТО важную роль сыграл Яркер, который дал Кельнеру необходимый документ, наделявший его властью и полномочиями.

Теодор (которого иногда называют Чарлзом) Рейсе был загадочным человеком. Будучи наполовину англичанином, а наполовину немцем, он притворился марксистом и состоял членом Социалистической лиги Англии вплоть до 1884 года, когда его исключили. На самом же деле он был офицером германской разведки, приставленным шпионить за семьёй Карла Маркса. Живя в Англии, он жил на заработок, который получал в качестве конференсье мюзик-холла.

Когда в 1905 году Кельнер умер, пост главы ОТО занял Рейсе. Именно он, не очень пространно, но с достаточно прозрачными намёками, обнародовал вовлечённость ОТО в занятия сексуальными магическими практиками, напечатав информацию об этом в «Орифламме». Во время его правления ОТО быстро распространился по Западной Европе и внедрился в Америку, принесённый туда эмигрантами из Германии. Членам ордена, среди которых были и мужчины, и женщины, поначалу не давали никаких объяснений относительно сексуальной магии. Люди должны были достигнуть возвышенного состояния сами, до того, как их посвятят в соответствующее учение. Любопытным образом, согласно тому, что пишет Фрэнсис Кинг в «Магическом мире Алистера Кроули», никто из членов ордена, судя по всему, не занимался никакой сексуальной магией, не считая Рёйсса, и то занимавшегося ею лишь однажды. С появлением Кроули такому положению дел, разумеется, суждено было измениться.

В 1910 году, во время своего визита в Британию, Рейсе принял Кроули в ОТО, хотя, кажется, Кроули мало что связывало с этой организацией вплоть до 1913 года, когда Рейсе навестил его в Лондоне и, предъявив ему экземпляр «Книги лжи», обвинил Кроули в разоблачении на страницах книги секретов 9-го уровня ОТО, связанных с сексуальной магией. Такие неопределённые и недостаточно эзотерические строки, как «Да вооружится Знающий Магическим Распятием и да возьмёт в руки Мистическую Розу», заворожили Рёйсса. Кроули опроверг его заявления. Он сказал, что пришёл к этим идеям своим собственным путём и только теперь узнал, чем занимается ОТО. Затем между Кроули и Рёйссом состоялся обмен идеями. Рейсе излагал свою теорию сексуальной алхимии, центральными понятиями которой были женские сексуальные флюиды и эликсир жизни (семя). Кроули высказал свои соображения о важности гомосексуальных сношений и в качестве обоснования цитировал собственные

произведения.

Исходом этой встречи стало то, что Рейсе и Кроули решили объединить усилия и основать новое, британское отделение ОТО под названием *Mysteria Mystica Maxima* (или, коротко, МММ). Кроули предстояло его возглавить. Он приехал в Берлин, получил титул Высочайшего и Святого Короля Ирландии, Иона и всей Британии в рамках Священного Гнозиса и принял магическое имя Бафомет, совпадающее с именем одного из идолов, за поклонение которым обвиняли тамплиеров их враги.

Вернувшись в Лондон, Кроули напечатал манифест и развернул рекламную кампанию для привлечения новообращённых. Манифест вышел в дорогом издании, его украшала фотография Болескина, а написан он был Лейлой Уаддел в качестве секретаря МММ. Этот текст многое обещал. Членские взносы были невероятно высоки: чтобы достичь 9-го уровня (где начиналась сексуальная магия), необходимо было заплатить 103 фунта 10 шиллингов. Вдобавок к этому существовала годовая подписка, стоившая тридцать три гинеи. Новообращённые не замедлили появиться, но большинство из них не знало главного, сексуального секрета общества *Mysteria Mystica Maxima*. Если бы им его сообщили, многие, устыдившись, отказались бы от своей затеи. Со своей стороны Кроули считал членов ордена *Mysteria Mystica Maxima* потенциальными членами общества А.А.А.А.А.

В то же самое время Кроули начал переделывать ритуалы ОТО, с тем, как он утверждал, чтобы прояснить положение человека во Вселенной и создать, как он надеялся, основу для вселенского религиозного братства. Под этим подразумевалась необходимость привить всему человечеству чувство судьбы, нравственные ориентиры, дать людям испытать чувство интеллектуального удовлетворения, для чего каждый должен накапливать интеллектуальную и философскую силу при помощи магических средств. В мартовском номере журнала «Равноденствие» за 1913 год Кроули напечатал эссе под названием «Напряжённый энтузиазм», в котором содержались два основных тезиса, а именно что секс по существу своему является благом и способствует проявлению талантов, особенно у мужчин. Совмещение вина (или наркотиков), секса и музыки, как утверждал Кроули, делает возможными потрясающие вещи, хотя в эссе не говорилось, какие именно: уважение к известным нравственным нормам, а также законы о непристойном поведении не позволили Кроули зайти слишком далеко и описать свою ритуальную сексуальную магию. Вдобавок ко всему он написал для ордена «Гностическую мессу», к большому неудовольствию масонских тамплиеров и других масонов, увидевших её напечатанной в «Орифламме» и расценивших её | как акт посягательства на авторитет их организации со стороны Кроули. Они были

правы. Кроули рассматривал ОТО как идеальное средство для проведения своих идей, как они до сего времени проводились в обществе А.А.; А.А.;.. ОТО позволял Кроули приобрести более широкую аудиторию, которой он мог бы проповедовать свои теории в том виде, в каком они излагались в «Книге Закона», что позволяло ему реализовывать весь свой жизненный потенциал, превращая людей в средство обнаружения их собственной судьбы и побуждая их вступать в контакте их собственной волей.

Несмотря на занятость магическими делами, у Кроули всё же оставалось время на то, чтобы поддерживать свою репутацию провокационного общественного деятеля, упражняясь заодно в агрессивном поведении и саморекламе. Несмотря на то что Кроули подвергал резкой критике практически каждого значительного поэта, он, тем не менее, демонстрировал определенное уважение к Оскару Уайльду, «единственным пороком» которого, как заявлял Кроули, «было то, что он не был правдив с самим собой». Он сопоставлял себя с Уайльдом отчасти по причине бисексуальности последнего, а отчасти из-за того, что Уайльд тоже выступал против общественных устоев.

Поздней осенью 1912 года Якоб Эпштейн, известный скульптор, оказался в центре скандала, разыгравшегося вокруг его статуи, изображающей Уайльда и установленной на могиле Уайльда на парижском кладбище Пер-Лашез. Власти признали статую непристойной, поскольку она включала подробное изображение мужских гениталий, и накрыли её тканью. Многие художники выступили в поддержку Эпштейна, но безрезультатно. Охваченный праведным гневом Кроули присоединился к борьбе. Приехав в Париж в ноябре, он распространил листовку, призывающую массы отправиться на кладбище и во имя искусства снять со статуи оскорбительное покрывало. Предупреждённый о том, что власти выставят на пути демонстрантов вооружённую полицию, Кроули изменил тактику. Он вместе со своим помощником спрятался на территории кладбища, оставшись там до тех пор, пока ворота не закрыли на ночь. Они перерезали верёвки, удерживающие ткань, и стальным проводом соединили статую с неким укромным местом среди деревьев неподалёку. Идея заключалась в том, чтобы на следующий день внезапно сдёрнуть покрывало. План провалился. Толпа собралась, но власти решили не противостоять ей. Кроули, чей вызывающий жест не удался, раскрыл статую сам, просто убрав с неё покрывало. Тем не менее его поступок получил некоторый резонанс в прессе, то есть не всё было потеряно. Однако на этом история не закончилась. Роберт Росс, литературный душеприказчик Уайльда, заказавший статую, решил задобрить французские власти и заказал изготовить бабочку, которую прикрепили к оскорбительной части статуи. Кроули и ещё несколько человек через некоторое время сняли её, и Кроули тайно унёс бабочку с кладбища,

чтобы потом надеть её на себя в лондонском кафе «Ройяль». Эпштейн, который присутствовал при этом и который поначалу был недоволен тем, что Кроули участвует в борьбе за статую, с чувством юмора отнёсся к его манипуляциям с бабочкой.

Кафе «Ройяль» было излюбленным местом Кроули даже в те дни, когда его кошелек бывал почти пуст. Существовало множество историй, по большей части вымышленных, о его визитах сюда. Говорили даже, что в этом кафе он встречался с Уайльдом, но это кажется в высшей степени неправдоподобным, так же, как и более знаменитая история, повествующая о том, как Кроули вошёл в кафе в своём волшебном плаще-невидимке, испещрённом магическими символами, и пересёк помещение от Риджент-стрит до Глассхаус-стрит. Посетители заведения смолкли от удивления, и никто не заговорил с Кроули. Также, как много лет назад в Мехико, Кроули расценил их молчание и отсутствие попыток вступить с ним в разговор как доказательство того, что его не видят, а следовательно, плащ-невидимка работает и делает его невидимым.

Ещё одной заботой Кроули в это время было развитие музыкальной карьеры Лейлы Уаддел. Карьера застопорилась, отчасти от усталости, отчасти от ненадёжного положения Лейлы. Зная, что она никогда не станет серьёзной исполнительницей классической музыки, Кроули нанял ещё шесть молодых скрипачек, нарядил их в яркие одежды, составил концертную программу из нескольких мелодий и выпустил эту труппу на сцену, назвав её «The Ragged Ragtime Girls». Первое представление было дано в лондонском театре «ОлдТиволи» 3 марта 1913 года.

Работа импресарио имела свои недостатки, поскольку это было «тошнотворное занятие», заставлявшее его вступать

в контакт с таким слоем общества, среди членов которого я был абсолютным чужаком; от грубого агента-еврея до отвратительного продюсера и вульгарного актёра — все похожи один на другого своей абсолютной погружённостью в процесс зарабатывания денег, все одинаково несведущи и пренебрежительны в отношении искусства как такового, все одинаково скупы, малодушны, жестоки, бессовестны во всём, что касается «шоу». Как бы добродушны, изысканны и благородны ни были они по натуре, в то мгновение, когда серьёзное дело стучится к ним в дверь, все их хорошие качества вылетают в окно... Я увидел жизнь в таком грубом, таком суровом, таком низком и уродливом виде, в каком никогда прежде не мог её даже вообразить.

Не довольствуясь выступлениями в одном только Лондоне, Кроули повёз свою труппу в Москву на шестинедельные летние гастроли в варьете под открытым

небом, расположенном в огромном парке развлечений под названием «Аквариум». Труппа показала себя более неорганизованной и растрёпанной, чем сценические одежды её же членов. Лейла, по словам Кроули, выступала более или менее приемлемо, об остальных же он писал, что «среди них были алкоголички, четыре нимфоманки, две стыдливые истерички, и все они были неискоренимо убеждены, что за пределами Англии каждый встречный — это грабитель, насильник и убийца. У всех членов труппы были револьверы, которыми они не умели пользоваться, но были готовы стрелять в первого же, кто с ними заговорит». Из Варшавы в Москву они ехали в третьем классе поезда, который шёл со всеми остановками. Их устланное соломой купе кишело клопами. По приезде в Москву Кроули оставил труппу репетировать, а сам тем временем вступил в период напряжённой духовной деятельности: иными словами, он встретил новую женщину.

Энни Ринглер (возможно, это было её ненастоящее имя) была молодой венгеркой:

высокая, натянутая как струна, худощавая, как голодная самка леопарда, с дикими, ненасытными глазами и длинной прямой линией рта с тонкими губами. Этот рот был похож на алую рану, которая, казалось, болела от острой тоски по таким удовольствиям, которых не в силах доставить этот мир. Нас влекло друг к другу с непреодолимой силой. Мы не могли общаться на человеческом языке. Я практически полностью забыл русский; а её немецкий ограничивался несколькими ломаными фразами. Но у нас не было нужды в разговорах. Любовь между нами была неопишимо сильной. Она до сих пор воспламеняет сокровенные глубины моей души. Эта женщина перешла тот рубеж, где удовольствие ещё имело для неё какое-то значение. Она могла чувствовать только через боль, и, чтобы сделать её счастливой, я должен был совершать над ней по её указаниям физически жестокие вещи. Такой тип взаимоотношений был для меня абсолютно нов, и, возможно, эти отношения были столь интенсивными потому, что они протекали в атмосфере, где царила самоистязающая душа России, вдохновлявшая меня на творчество в течение шести последующих недель.

Другими словами, эта женщина была как будто создана для Кроули. Он был жесток с ней, и она, по-видимому, с готовностью разделяла его садомазохизм.

После того как отношения с ней пробудили его музу, он написал ряд стихотворений, эссе и рассказов, в том числе стихотворный цикл «Ярмарочные забавы», который отчасти представлял собой стихотворный дневник его путешествия с женской труппой и где был использован материал, почерпнутый из поездки Кроули на знаменитую ярмарку в Нижний Новгород, что находится

в 250 милях к востоку от Москвы. К тому же времени относится стихотворение «Морфий» и мистерия «Корабль» с большим количеством масонской символики. Хор из этой мистерии Кроули включил в ритуалы ОТО. Кроме того, он сочинил тогда одно из самых известных своих стихотворений, «Гимн Пану», которое потом всю оставшуюся жизнь будет использовать во время магических церемоний. (В конце года его творчеству был посвящен раздел в сборнике «Кембриджские поэты 1900–1913», однако выбранные для сборника произведения не давали никакого представления о его поэзии.)

Кроули писал в автобиографии, что, будучи в Москве, он часто бывал в «Эрмитаже», где и написал многие из своих произведений этого периода: нет сомнений, что его жилище было для этого слишком прозаичным и не поощряло к творчеству. Некоторые из биографов Кроули обращали на это внимание как на доказательство того, какой неточной и «собирающей» была память Кроули, указывая на то, что Эрмитаж находится в Санкт-Петербурге. Конечно, дворец Эрмитаж находится именно там, но «Эрмитаж», о котором говорит Кроули, представляет собой роскошный сад, место встречи молодых москвичей, где они кутили и устраивали обильные обеды в изысканной и пышной обстановке под музыку, исполняемую известным еврейским скрипачом по имени Крыш.

После судебного разбирательства с The Looking Glass ряды членов А.А. поредели, но в конце 1913 года они снова пополнились. Среди вновь пришедших были Нина Хэмнетт, видный общественный деятель Гвендолин Оттер, предсказатель будущего граф Льюис Хэмон, известный под сценическим псевдонимом Хейро. Несмотря на этих новообращённых, доходы Кроули были катастрофически малы, и он вновь принялся устраивать магические церемонии для публики, которая платила за вход. В своей призрачно-вампирической книге «Комнаты тайны» Эллиот О'Доннел описал собственное посещение одного из таких представлений, проходившего в Авеню-Студио на Фулхем-роуд в Южном Кенсингтоне, где Кроули снимал помещение. Пройдя через прихожую, зрители сели на стулья, поставленные в форме полукруга перед рядом статуй. В центре комнаты стояли деревянный алтарь и три ёмкости, о которых О'Доннел сообщает, что они были похожи на старинные сундуки или викторианские ванны. Представление начиналось с того, что Кроули читал отрывки из какой-то книги, после чего играла траурная музыка. Затем из одного из сундуков появлялась женщина (часто это была Лейла Уаддел), одетая в тонкую зелёную мантию и играющая на арфе. Ещё две женщины появлялись из двух других сундуков и точно так же играли на арфах. Потом свет приглушался и Кроули уходил за занавеску, чтобы, явившись вновь, вызвать множество разных богов, взывая к ним очень высоким голосом.

Это заканчивалось заявлением Кроули о том, что он собирается расцеловать себе грудь. Среди публики прокатывался трусливый шёпот, и что-то серебряное мерцало в темноте. Потом Кроули объявлял: «А теперь я окуну в свою кровь раскалённую печать». Он проносил что-то через пламя свечи, затем прикладывал это к своей груди и обходил вокруг комнаты, обращаясь к статуям и сверкая в воздухе своим кинжалом. Огни гасли, и представление заканчивалось. Кроули обещал показать и другие церемонии, но все они представляли собой вариации обряда посвящения: это представление должно было служить приглашением или приманкой для привлечения новых членов. После окончания представления Кроули беседовал с потенциальными новообращёнными в задней комнате.

Известность Кроули росла, и вскоре о нём начали рассказывать небывлицы. Говорили, что у него есть тибетский храмовый колокол, в который он время от времени звонит; что во время его церемоний по алтарю скользит золотая змея; что лица у помогающих ему женщин — белые, как свечной воск, и что по окончании церемоний устраиваются оргии. Американский поэт и журналист Хэрри Кэмп, который без билета пробрался на «Океаник», чтобы достичь берегов Англии, где он был радушно встречен литературным миром и где его взял под своё покровительство выходец из Америки, социалист и миллионер Гейлорд Уилшир, послал в нью-йоркский *World Magazine* отчёт о посещении одной из церемоний. Вот отрывок из его статьи:

Я оказался в большой студии с высокими потолками, воздух в которой имел глубокий синий оттенок благодаря дыму курящихся благовоний со специфическим запахом. В первой комнате стояли ряды книг в чёрных переплётах, помеченных на корешках серебряным тиснением в виде странных крестов неправильной формы. Вторая комната была обставлена диванами и буквально устлана множеством подушек, разбросанных повсюду. В третьей и самой большой комнате был сооружён высокий балдахин, под сенью которого сидел Верховный жрец во время проведения чёрной мессы. Прямо перед ним на полу, устланном цветной мозаикой и покрытом таинственными знаками, стоял алтарь, представлявший собой чёрный пьедестал с золотым кольцом, закреплённым на его вершине. Поперёк кольца лежала золотая змея, как будто застывшая в одном из своих изгибов. Я слышал, как кто-то за занавеской играл странную, похожую на китайскую мелодию на каком-то струнном инструменте.

Далее Кэмп описывает, что случилось, когда прибыли участники представления:

Большинство [участников службы] составляли женщины аристократического типа. Их нежные пальцы, украшенные дорогими кольцами, их шелестящие

шелка, неопиcуемая изысканность их экипажей — всё говорило об их общественном статусе. Мне сообщили по секрету, что немалое количество людей благородного сословия принадлежит к секте сатанистов. На каждом из участников была маленькая чёрная маска, закрывавшая верхнюю часть лица, из-за чего узнать человека было невозможно. Завешенное чёрными бархатными занавесками, это место определённо имело мрачный вид. Лица присутствующих женщин казались белыми как воск. Мерцающее освещение создавалось единственным подсвечником с горящими на нём семью свечами. Внезапно всё закончилось, и помещение наполнилось странными шумами, похожими на звук неистового ветра, пробегающего по бесчисленным древесным, листьям. А затем верховный жрец произнёс высоким голосом нараспев: «Добра не существует. Зло — это добро. Да здравствует Закон Зла. Приветствуйте все Князя Мира, которому дал власть сам Господь Бог».

О самом Кроули Кэмп писал:

Временами он выглядел семидесятилетним, а временами ему нельзя было дать и двадцати пяти. Судя по всему, он может менять облик по собственному желанию. Только что мы видели пожилого человека, похожего на священника; и вот уже перед нами несколько женоподобный юноша с мягкими пухлыми руками и полным женским лицом. Только руки его не менялись, они были просто удивительны и украшены фантастическими кольцами. На большом пальце руки Кроули носит тяжёлую золотую ленту с кроваво-красным крестом на белом фоне. На другом пальце красуется украшение в виде змеи, а рядом с ней — магический перстень с печатью, изготовленный из сплава мистических металлов. В жилетном кармане он носит закреплённое на конце часовой цепочки изображение двуглавого орла с мечом, знак принадлежности к последней и самой высшей ступени Древнего и Прославленного Ордена Шотландских Масонов. Но самая поразительная деталь внешности Кроули — это напоминающая рог прядь волос, которая стоит торчком посередине его широкого и высокого лба. Иногда он разделяет эту прядь на две, и тогда это выглядит как сатанистский символ.

Самого Кроули это представление невероятно раздражало. Оно делало из него какого-то искателя сенсаций, уродо-мистика, скорее ярмарочного мага, чем религиозного лидера своего собственного ордена. С другой стороны, ему не на что было жаловаться. У него появились более широкие возможности для утверждения своей репутации как исключительной личности.

В сентябре 1913 года вышел десятый и последний выпуск первого тома «Равноденствия». Одновременно жизнь Кроули резко переменилась. Он решил, что необходимо уделять больше внимания своему собственному развитию в

сфере магии, а также практике магии сексуальной. Как обычно в таких случаях, он отправился в Париж и оттуда пригласил Нойбурга присоединиться к нему. Здесь Кроули планировал провести серию процедур сексуальной магии, которые впоследствии получат известность под именем «парижских занятий».

К исполнению этого плана Кроули и Нойбург приступили 1 января 1914 года и продолжали свою деятельность непрерывно в течение шести недель. «Мы вызвали богов Меркурия и Юпитера и достигли многих поразительных результатов самого разнообразного свойства, начиная от духовного просветления и заканчивая физическими явлениями», — писал Кроули в автобиографии. Все эти процедуры имели, разумеется, гомосексуальный характер, и Кроули относил их к 11 — му уровню в иерархии ритуалов ОТО: он писал о них как об операциях XI уровня, причём номер этот представлял собой перевернутый номер гетеросексуального IX уровня.

И Кроули, и Нойбург считали «парижские занятия» высоким достижением своей магической деятельности. Труды представляли собой совокупность двадцати четырёх воззваний к Меркурию и Юпитеру, при помощи которых Кроули стремился приобрести власть верховного жреца, а также повысить свой доход. Половой акт считался жертвоприношением, а жертвой было семя. Пенис при этом назывался жезлом, и Кроули изготовил из воска статую Гермеса фаллической формы. Как и во время театрализованных представлений, грудь Нойбурга символически пронзали. Может быть, им обоим и нравилось вместе предаваться содомии, но главной целью «парижских занятий» было вовсе не сексуальное удовлетворение. В действительности Кроули и Нойбург хотели единения с богами, используя секс как средство перехода на более высокий уровень сознания, в астральный план. Возможно, Кроули и уделял сексу слишком много внимания, но прежде всего и в наибольшей степени он был религиозным, а не развратным типом.

Во время этих церемоний читались ритуальные стихи (или гимны), причём зачастую они были написаны не Кроули, а английским журналистом Уолтером Дюранти. Иностраный корреспондент *New York Times*, получивший в 1932 году Пулицеровскую премию, Дюранти был бисексуалом, а Кроули приходился другом и любовником одновременно. Кроули привлекал его для сочинения заклинаний на латыни, поскольку он лучше знал этот язык. Кроме того, однажды Кроули совершил над ним ритуальный акт мужеложства в присутствии нескольких свидетелей, чем очень раздосадовал Нойбурга. Всё это произошло на квартире у некой француженки по имени Жанна Шерон, очередной любовницы Кроули. Эта женщина была худа как палка, со впалыми щеками и запавшими глазами, как на портретах Модильяни. Позднее Дюранти женился на ней. Было много споров и догадок относительно того, что, помимо

Нойбурга и Дюранти, у Кроули был третий Ритуалы, проведённые в Париже, разумеется, включали в себя приём наркотиков, так же как и секс. Кроули записал несколько видений, которые он пережил во время этих магических операций. Он видел Меркурия, мерцающего золотом на фоне искр и вспышек света; слышал звон астральных колокольчиков; бог по-французски поцеловал Кроули в губы, и его язык, похожий на язык змеи, «обежал весь мой мозг, превратив мой череп в светящийся, прозрачный, фосфоресцирующий шар», световой меч появился на фантастическом небосклоне; цвета смешались как будто во время какого-то невообразимого заката. Это были образы, навеянные ангалониумом. Кроме того, он переживал фрагменты своих предыдущих жизней, в одной из которых он был храмовой проституткой по имени Астарта в греческом городе Агригентуме на Сицилии в античные времена.

Иногда во время «парижских занятий» Нойбург и Кроули обсуждали результаты своей деятельности. Нойбург считал, что они приводят в действие такие силы, которые могут оказаться неподконтрольными им. Он предложил, чтобы во время гомосексуальных обрядов Кроули оставался пассивной стороной, становясь жрецом и беря на себя активную роль лишь тогда, когда в обряде участвовали женщины, чтобы вызывать женские божества. Кроули соглашался, добавляя, что кульминацией такого обряда в идеале должна быть смерть пассивного партнёра. Осознание этого имело для них большое значение и в то же время пугало их обоих. Если цель их трудов была такова, это означало, что они двигаются в сторону серой или даже чёрной магии, что приводило их в ужас.

В самом начале 1914 года Кроули заболел гриппом, следствием которого стал бронхит. Чтобы вылечиться от бронхита, ему предложили выкурить несколько трубок опиума: этот наркотик уже давно считался традиционным лекарством от кашля и простуд. Точно не известно, кто именно посоветовал такой способ лечения, но, возможно, это была Жанна Шерон, чья хуба выдавала в ней курильщицу опиума. Опиум, как заявлял Кроули, является веществом, посвященным Юпитеру, поэтому он принялся вызывать этого бога вместе с Нойбургом, которому от наркотика стало очень плохо, как и бывает всегда с новичками.

Находясь под воздействием наркотика, Кроули увидел сон, который впоследствии записал в виде рассказа «Уловка». Этот рассказ был принят для печати журналом *English Review*, и, как утверждал Кроули, редактор журнала Джозеф Конрад сказал, что это лучшее произведение из прочитанных им за последние десять лет. Однако, несмотря на эту похвалу, произведение было слабым по сюжету и скверно написанным.

«Парижские занятия» принесли не только магические, но и практические результаты. Юпитер считается божеством, связанным с приобретением благосостояния, и, судя по всему, предпринял действия как в пользу Кроули, так и в пользу Нойбурга. Общественное положение Кроули стало укрепляться, а его казну начали пополнять небольшие денежные поступления, хотя по-настоящему бог благодетельствовал всё-таки Нойбурга, который стал получать деньги в виде стипендии от своих родных. Кроули был раздосадован, поскольку ему казалось, будто Нойбург тратит вновь приобретённые деньги довольно свободно, однако отнюдь не на нужды своего магического руководителя.

Тем не менее недовольство Кроули смягчалось его верой в то, что сделанное им во время «парижских занятий» доказывает действенность сексуальной магии, атак-же то, что действует этот вид магии быстрее и эффективнее, чем ритуальная или церемониальная магия. Кроули считал себя экспертом в этом вопросе и зафиксировал все касающиеся его соображения по этому поводу в пяти документах, предназначенных для чтения только самыми продвинутыми членами ОТО. В этих документах он заявлял о несостоятельности всех традиционных религий и провозглашал наивысшим божеством солнце, чьим представителем на земле якобы является единственный в своём роде даритель жизни, пенис.

Самым значительным из этих документов, представляющих собой основополагающий труд по сексуальной магии, является «Liber Agare». Написанный высоким слогом, он касается прежде всего гетеросексуальной магии, но содержит тщательно завуалированные отсылки к магии гомосексуальной. О половом акте в этом богатом символами тексте говорится как о «Жертвоприношении Субстанции», тогда как «эликсиром», «самой мощной, самой ослепительной субстанцией, которая только существует во Вселенной», называются смешанные выделения мужских и женских гениталий. Приготовление этой субстанции, то есть сам процесс полового сношения, должно сопровождаться ритуальными песнопениями. В идеале самый сильный эликсир получается во время оргазма, непосредственно за которым следует смерть. Такой эликсир Кроули назвал «Mors Justi». В этом трактате говорилось также о роли разных типов орально-генитальных контактов, которые Кроули именовал «вампиризмом». Веря, как и многие в те времена, что семя содержит нечто вроде источника силы, Кроули пошёл ещё дальше, определив создание гомункулуса как одну из основных и старейших целей оккультных наук.

Для критиков Кроули эти тексты представляли собой немногим более, чем порнографическую бессмыслицу, смесь псевдофилософии и не до конца оформившихся тезисов, оправдывающих ничем не ограничиваемое распутное

поведение. «Делай что желаешь» — таков был итог написанного Кроули. Однако по отношению к нему это было несправедливо: он искренне и глубоко верил в могущество сексуальной магии. Секс, по его убеждению, требовал дисциплины, чтобы его можно было использовать для перехода к более высокому уровню сознания. Хотя для скептика это утверждение может покачаться притянутым за уши, оно всё же перестаёт казаться таким уж нелепым, если вспомнить о том, что в наши дни называется химией мозга, и о том, какие изменения происходят в ней во время определённых физических и умственных процессов. То, что для современного учёного представляют собой знания о действии эндорфинов, для Кроули и его единомышленников-окультистов являлось религиозным и духовным опытом переживания экстаза, вызываемого сексуальными действиями гетеро- и гомосексуального характера, а также аутоэротизмом. Секс не означал для Кроули ни порнографии, ни эротики. Разумеется, он мог получать удовольствие от секса — даже нет сомнений, что получал! — но прежде всего секс был средством для достижения магических целей. Свою позицию в этом вопросе Кроули высказывал довольно сжато: «Когда ты доказал, что Бог — это просто название для полового инстинкта, мне кажется, от этого уже не очень далеко до осознания того, что половой инстинкт и есть Бог».

«Парижские занятия», несомненно, заложили основу всей оставшейся жизни Кроули, но в то же время они положили конец тесным взаимоотношениям между Кроули и Виктором Нойбургом. Когда магические операции были завершены, Нойбург отдалился от Кроули. Он вернулся в Лондон, и, хотя отношения между ними продолжались ещё какое-то время, они никогда уже не были такими близкими, как когда-то. Причина того, что пути их разошлись, не вполне ясна. Возможно, они поссорились из-за денег: Нойбург имел деньги, но был, по мнению Кроули, недостаточно щедр. Ясно, что причиной разрыва не была магия: Нойбург по-прежнему был захвачен магической деятельностью. Наиболее вероятно то, что Нойбург был влюблён в Кроули и чувствовал, что тот не отвечает ему взаимностью. Неразборчивость Кроули в связях, оправдываемая магическими целями, возмущала Нойбурга, который осознал, что в общем-то был для Кроули немногим более, чем компаньоном скорее в магических, чем в романтических, делах. Таким образом, их отношения закончились как ссора двух любовников.

Как и следовало ожидать, семья Нойбурга приветствовала этот разрыв. Годами члены семьи Нойбурга финансировали тот образ жизни, который он вёл, хотя их и ужасал тот факт, что значительная часть их денег уходила к Кроули, которого они считали паразитом. В клане Нойбургов Кроули проклинали все: у дядюшки Эдварда едва не случался апоплексический удар от гнева при одном

упоминании имени Кроули, а мать Виктора разражалась рыданиями.

После короткой и бурной встречи Кроули и Нойбург-га, которая произошла в Лондоне в мае, Нойбург отправился на лето в Брэнскомб в Девон, где остановился у женщины по имени Оливия Хаддон, владелицы нескольких коттеджей в деревне. Она входила когда-то в круг знакомых Кроули, но, подобно многим другим, поссорилась с ним. В одном из других её домов жила в это время Виттория Кремерс. Незаконнорождённая дочь француженки и богатого банкира-еврея, она была замужем за русским дворянином и познакомилась с Кроули в Нью-Йорке в 1900 году. Она оказалась на грани бедности, и Кроули оплатил ей проезд до Британии, а также взял её на работу в качестве своей личной помощницы и первого генерального секретаря *Mysteria Mystica Maxima*, однако их отношения продлились недолго. Кроули обвинил её в хищении общественных денег и впоследствии отомстил ей, изобразив её под её собственным именем в рассказе «Лунный ребёнок», где она названа «истинной мастерицей злого умысла». Теперь же, после разрыва с Кроули, она и Нойбург стали друзьями. Их объединял общий для них обоих живой интерес к магии, а также её стойкая неприязнь к Кроули, которого она считала не кем иным, как шарлатаном.

Несмотря на мнение членов своей семьи, а также предупреждения Кремерс, которая говорила, что от Кроули не следует ждать ничего хорошего, Нойбург не до конца разорвал отношения со своим бывшим учителем. Осенью 1914 года он встретился с Кроули и сообщил ему, что больше не может участвовать в его магической деятельности. Он отрёкся от тех обетов, которые дал, будучи членом *A.˙.A.˙.*, вследствие чего Кроули призвал на его голову проклятья, сулившие Нойбургу смерть от самых ужасных болезней. Нойбург был этим очень расстроен: после всего того, что они пережили вместе, ему казалось, что Кроули ведёт себя слишком жестоко и грубо. Нойбург наивно верил, что Кроули не выкажет себя столь мстительным по отношению к нему. Кроули же просто записал в своём дневнике: «Он покинул меня...»

После «парижских занятий» и разрыва с Кроули Нойбург был истощён как духовно, так и физически. У него случился нервный срыв, от которого его лечил доктор Э.-Т. Дженсен, психиатр-фрейдист, который тоже был когда-то последователем Кроули и тоже прекратил с ним отношения. На следующий год, когда Первая мировая война была уже в самом разгаре, Нойбурга призвали на военную службу, но вскоре он был демобилизован по состоянию здоровья. Он поселился в Вайн-коттедж, в деревне Стайнинг, что в Суссексе, где основал *Vine Press*, небольшое, но солидное издательство, специализирующееся на поэзии. Он перестал заниматься магией. В 1921 году он женился, и через три года у него родился сын. Однако самыми значительными отношениями в его

жизни были те, что связывали его с Кроули, и он никогда не принижал их значения. Кроули по-прежнему присутствовал в его мыслях, но Нойбург начал бояться его. Он всегда беспокоился, что Кроули может внезапно появиться в Вайн-коттедж. Существуют слухи, что одна из очередных Алых Женщин несколько раз появлялась в доме Нойбурга, пугая прислугу демонстрацией Знака Зверя, который красовался у неё между грудями. Следовательно, не было никаких гарантий, что Кроули не явится лично. И действительно, в конце 1920 года это произошло. К нему вышла жена Нойбурга Кэтлин. Кроули ударил своей тростью о порог и потребовал встречи с Виктором. К счастью, Нойбурга не было дома. Он гулял с собакой, когда услышал голос Кроули и переждал, пока тот не ушёл. Через несколько лет Нойбург случайно увидел Кроули в магазине оккультной литературы «Атлантис», который находился на Мьюзиэм-стрит, напротив Британского музея в Лондоне. Они стояли почти рядом, но Кроули не заметил Нойбурга, который, по словам сопровождавшей его Рунии Тарп, смертельно побледнел.

Нойбург умер от хронического туберкулёза 31 мая 1940 года на Баундери-роуд, 84, в Лондоне. Ему было пятьдесят семь лет. Некоторые считали, что в его болезни виновен Кроули. Кто-то говорил, что его физическое состояние было ослаблено плохим обращением со стороны Кроули, холодными ночами в Болескине, когда Нойбург стриг кусты или спал на ветках, а также промозглыми ночами в пустыне. Другие утверждали, что это результат проклятия Кроули.

ГЛАВА 14

Шпионские игры

В 1914 году Кроули было тридцать девять лет, и он уже приближался к границе среднего возраста. Его будущее выглядело отнюдь не радужным. Денежное своё состояние он уже растратил, а его имущество состояло главным образом из нераспроданных, да и не могущих быть проданными, штабелей книг, которые он издал когда-то на свои же деньги. Средств ему в это время хватало практически только на повседневные нужды. Крепкие мускулы, которыми он обладал во времена занятий альпинизмом, сделались дряблыми, и даже его литературные силы начали ослабевать. Попросту говоря, он уже миновал пик своей жизни, и теперь ему до конца предстояло вести ненадёжное существование в постоянных поисках очередного фунта (или доллара).

Поскольку Кроули никогда не состоял на службе, которая приносила бы ему доход, он вынужден был как-то изворачиваться, будучи неспособным, даже при всём желании, заняться поисками работы. Искать работу ему мешала гордость,

впрочем, неизвестно, посещала ли его когда-нибудь в принципе идея устроиться на службу.

Великие религиозные лидеры, подобные ему, никогда не превращались в банковских клерков, школьных учителей или владельцев магазинов. Они проповедовали толпам и получали подаяние. Неудивительно, что подарки, денежные пожертвования и членские взносы членов А.А., а позднее ОТО стали теперь главным источником его доходов.

Когда Кроули понял, что ему грозит нищета, его охватило невероятное беспокойство: страх отсутствия денег будет преследовать его отныне всю оставшуюся жизнь, хотя признаваться в этом он будет неохотно. Ведь ему необходимо было поддерживать имидж мага. А подобно тому как религиозные лидеры никогда не работают, они так же никогда не дают выхода своим эмоциям.

Один из способов, которым Кроули воспользовался для решения своих финансовых проблем, был мучителен для него. 5 мая 1914 года он официально передал право собственности на Болескин обществу *Mysteria Mystica Maxima*, чтобы у «Национального Гроссмейстера имелась летняя резиденция в Шотландских горах». Само собой разумеется, что Гроссмейстером был сам Кроули, но это всё же означало, что он перестал быть собственником Болескина, дома, которому, по его словам, он отдал особую частицу своей души. Однако он был освобождён от долговых обязательств размером в 900 фунтов, которые I прилагались к поместью.

Весь июль Кроули в одиночку занимался скалолазанием в Альпах. Он пытался укрепить свои дряблые мускулы, а также физически и морально подготовить себя к очередному гималайскому восхождению, которое планировал на альпинистский сезон 1915 года. Его волновал также вопрос о том, кто смог бы оплатить эту экспедицию. Однако все планы рухнули сами собой, когда 4 августа Британия и Германия объявили друг другу войну.

Кроули немедленно вернулся в Британию через Париж. Его обуревали мысли и надежды, что он может понадобиться Британии в трудный для неё час. Он знал, что для военной службы он слишком стар и нездоров, поскольку недавно пережил приступ флебита, поразившего его левую ногу, однако он верил, что стране понадобится его ум. То, что на первый взгляд кажется самонадеянностью, на самом деле имело под собой основания. Кроули обладал острым умом и был, в конце концов, выпускником Кембриджского университета. Кроме того, он свободно говорил по-французски и хорошо знал немецкий, много путешествовал по Европе, а благодаря своим магическим

занятиям разбирался в кодах и шифрах. С другой стороны, он был известным оригиналом, поэтому к нему могли относиться как к переменчивой натуре, а следовательно, считать слишком ненадёжным для участия в секретных военных делах.

В течение нескольких месяцев он пытался предлагать свои услуги государству. Не сохранилось никаких официальных документов — или они всё ещё недоступны ввиду действия британского Закона о строгой секретности, — подтверждающих заявления Кроули о том, что он искал тогда государственную службу, но нет никаких оснований сомневаться в правдивости его слов. У него были для этого соответствующие связи. Будучи в Москве со своей женской музыкальной труппой, Кроули познакомился и подружился с Михаилом Ликиардопулосом, более известным под своим прозвищем Лики, который был греком и секретарём московского Художественного театра. Тот представил Кроули Р.-Х. Брюсу Локкарту, главному британскому секретному агенту, который впоследствии во время Первой мировой войны использовал Лики в качестве лавы отдела британской пропаганды в Москве. Весьма вероятно, что Кроули приводил Локкарта на одно из представлений «The Ragged Ragtime Girls»: шпион был стел как частый посетитель «Аквариума». Следует заметить, что Брюс Локкарт и сам очень интересовался оккультизмом. Кроме того, Эверард Филдинг, который работал в Управлении цензуры, имел возможность посодействовать Кроули. Тем не менее попытки Кроули ничем не увенчались, хотя на этот раз, возможно, и не по причине его сомнительной репутации, а просто потому, что блестящих умов, желающих служить британскому правительству, было в избытке, и Кроули оказался одним из последних в списке претендентов.

Он был раздосадован отказом. Привыкший критиковать Британию с её средним классом, лицемерием, шовинизмом и ограниченностью, Кроули вдруг обнаружил себя отвергнутым и самой страной, и всем, что за ней стояло. Ему необходимо было уехать. Здесь он начинал задыхаться, как это всегда с ним и происходило. 24 октября 1914 года он сел на пароход «Лузитания», направлявшийся в Нью-Йорк. С собой он прихватил пятьдесят фунтов наличными, несколько магических книг и масонских хартий, несколько рекомендательных писем, одежду и высокие надежды. Он собирался провести там две недели и положить начало возрождению оккультизма в Новом Свете. На самом деле он остался в Соединённых Штатах на пять лет.

С каким бы презрением Кроули ни относился к Брита-, нии, но Америку он тоже не жаловал. «Я открыто признаюсь — писал он, — что все мои убеждения и практически все мои личные предрассудки побуждают меня осуждать Соединённые Штаты, относиться к ним с полным презрением и отвращением...

Если хочешь увидеть по-настоящему правдивую картину ада, нужно пожить в Соединённых Штатах и хорошенько узнать жителей этой страны». При всём этом он считал, что Европа приходит в упадок под грузом прошедших веков и что будущее — за Америкой. В качестве прощального жеста он опубликовал в *English Review* переработанный вариант своего стихотворения, написанного в 1898 году, под названием «Призыв к Американской Республике». В стихотворении предлагалось создать англо-американский союз, причём слова «изменник русский» были заменены на «изменник пруский».

Кроули снял комнату в отеле на 36-й Западной улице, О, в Нью-Йорке. Это было, безусловно, не самое лучшее место в городе. Затем, в надежде привлечь людей в свой орден», Кроули начал рекламировать себя как писателя и мудреца, но на его обращения никто не отозвался. Слава о нём, благодаря Гарри Кэмпбу, опередила его. 13 декабря *World Magazine* напечатал интервью с Кроули, который пытался скорректировать сложившееся о нём мнение, отрицая свою причастность к чёрной магии. Однако же это публичное выступление не подняло Кроули в глазах общественности. Люди просто не интересовались ни им самим, ни его идеями, ни философией. На него смотрели как на чудака или оригинала и не придавали ему значения. В лучшем случае его избегали, в худшем — игнорировали. Какую бы ненависть Кроули ни испытывал к британской нетерпимости, но он определённо недооценил американский консерватизм. В придачу ко всему его рекомендательные письма оказались бесполезными. Он остался не только без друзей, но даже без женщин.

В какой-то момент небольшое везение всё же выпало на его долю. При помощи одного из рекомендательных исем он познакомился с Джоном Квинном, американским юристом и знаменитым библиофилом, который собирал документы, имеющие отношение к современной литературе, а также книги: он уже был владельцем рукописи «Улисса» Джеймса Джойса. Кроули продал ему несколько своих поэтических сборников и рукописей, в обеих сложности шестьдесят семь наименований, но получил за них отнюдь не так много, как надеялся. Волчий оскал нищеты по-прежнему маячил передним, поэтому, когда Квинн пригласил его на рождественский ужин, Кроули с удовольствием согласился. Во время ужина Кроули познакомился с Фредериком Джеймсом Греггом, известным нью-йоркским журналистом, и Джоном Батлером Йейтсом, отцом Уильяма Батлера Йейтса, старого врага Кроули. Когда весть о положении Кроули достигла этого ирландского поэта, она не вызвала в нём никакого сочувствия. Однако приглашение Квинна всё же стало небольшой передышкой в потоке переживаний Кроули.

Затем, уже на грани абсолютной бедности, удача пришла к нему снова в лице Фрэнка Крауниншильда, редактора журнала *Vanity Fair*, который предложил

Кроули стать сотрудником этого журнала. Первая статья Кроули представляла собой описание бейсбольной игры, увиденной глазами некоего Квау Ли Йа, известного китайского поэта и профессора Пекинского университета. Вымышленное китайское имя, разумеется, представляло собой собственное имя Кроули на пиджин-инглиш. После этого Кроули продолжил писать для Крауниншильда, который не только принимал работу Кроули для печати, но и конструктивно её критиковал, помогая Кроули превращать его нестандартные статьи в тексты, пригодные для печати. Произведения Кроули впервые подверглись профессиональному редактированию. Кроме этого, Кроули выполнял кое-какую работу для Евангелины Адаме, известного нью-йоркского астролога, хотя через некоторое время они поссорились (чего, впрочем, и следовало ожидать). При помощи этих источников дохода Кроули удавалось в той или иной степени сводить концы с концами.

В феврале 1915 года из Британии к нему приехала Лейла Уаддел. Несмотря на то что отношения их близились к разрыву, она по-прежнему готова была участвовать в магических занятиях Кроули, и в течение ещё нескольких лет они встречались более или менее регулярно. 6 августа 1916 года Кроули сделал в своём дневнике такую трогательную запись: «М. Н. О. [Mother of Heaven (Мать Небес, то есть Лейла)] — единственная ценность, которой я обладаю; я чувствую себя несчастным. Она не писала мне уже неделю; и я знаю, что у неё какие-то проблемы». Через четыре года он записал в своём магическом дневнике: «...Роуз, которую я идеализировал и которую любил ради неё самой, единственный человек, кроме Лейлы Уаддел, о котором я могу сказать подобное... они обе были способны воспламенить меня такой любовью, которая заставляет меня петь». Точно не известно, когда Лейла Уаддел окончательно покинула Кроули, но она оставалась в Нью-Йорке до начала 1920-х годов, после чего вернулась в свою родную Австралию. По иронии судьбы она стала учителем музыки в Сиднее, в школе при монастыре. Умерла она в 1932 году от рака матки. Ей был пятьдесят один год.

Кроули не забросил магические занятия, несмотря на свои крайне затруднительные обстоятельства, и продолжал свои эксперименты в области сексуальной магии, фиксируя их результаты в специальном дневнике. Каждый акт сексуальной магии имел своё специальное назначение, свою цель, заключающуюся в исполнении некоторого желания, зачастую это было получение денег или пробуждение литературной музыки Кроули. Нередко для поддержания процесса Кроули принимал кокаин, опиум или морфий. Затем он подробно описывал все детали, включая консистенцию и вкус «эликсира», а также результат церемонии, если таковой был. Кроули считал себя знатоком сексуальных субстанций, для которых у него была своя градация вкуса и запаха

(он мог быть резким или приятным), твёрдости и тягучести, подобно тому, как дегустаторы оценивают вина.

Используя Лейлу в качестве партнёра лишь время от времени, Кроули гораздо чаще прибегал к услугам проституток, которые абсолютно не осознавали своей роли в магических делах. Тем не менее он в подробностях описывал свои встречи с ними: «Эльзи Эдварде. Жирная ирландская проститутка материнского типа, похоже, Телец по знаку Зодиака. 3 доллара... Непривлекательность ассистентки затрудняла операцию. Но необходимо было как-то начинать, а до этого времени Нью-Йорк ещё не показал мне своих сексуальных сторон». Среди прочих были «Элен Маршалл, ирландская проститутка. Восходящий Телец. Красивая ленивая особь. Не очень страстная и не очень развратная. Неунывающая спокойная девица... Виола. Омерзительная, накачанная таурином проститутка». Анна Грей, которую Кроули навещал несколько раз, была «крупной толстой негритянкой, очень страстной». Невежество этих женщин шло на пользу Кроули и его магии, и он был убеждён, что чем менее умён и чем более примитивен его партнёр, тем лучше он может способствовать достижению целей сексуальной магии, поскольку не примешивает к сексу эмоции.

При выборе партнёров для гомосексуальной магии Кроули был ещё более неразборчив. Это доказывает его дневниковая запись за 22 мая 1915 года. Он отмечает, что в 2:14,3:34 и 3:54 пополудни в турецкой бане вступил в сексуальные отношения с тремя разными мужчинами. Двое из них совершили над ним акт мужеложства, а третьему он сделал минет. Насколько эти события оказались плодотворными в отношении магии — вопрос спорный. В дневнике Кроули признавался, что эти действия «были предприняты внезапно и неожиданно», причём, разумеется, всё произошло не в стенах храма и безо всякой магической подготовки. Короче говоря, Кроули не планировал этого события и получил от него удовольствие, никак не связанное с магией.

За месяц или за два до этого, когда Кроули ехал на автобусе по Пятой авеню, он случайно вступил в разговор с одним из пассажиров. В процессе беседы Кроули проговорился, что настроен не вполне пробритански в отношении войны, и его собеседник дал ему свою визитную карточку, на которой значился адрес редакции журнала *The Fatherland*. Этот журнал, как утверждал позднее Кроули, оказался главным печатным органом немецкой пропаганды в Америке, функционирующим под руководством Хьюго Мюнстерберга, преподавателя физики из Гарвардского университета, с которым Кроули однажды довелось скрестить шпаги по философским вопросам.

Придя в редакцию, Кроули увидел Джорджа Сильвестра Фирека, немецко-

американского писателя с «вытаращенными глазами и таким ртом, который природа, казалось, сотворила в последний момент, впопыхах». Кроули уже встречался с этим человеком в Лондоне в 1911 году при содействии Остина Харрисона, главного редактора *English Review*. Кроули, как утверждает он сам, выразил сочувствие интересам Германии и был нанят *The Fatherland*, главным редактором которого являлся Фирек, чтобы писать прогерманские статьи.

Почему Кроули решил работать на врага, до сих пор повергает исследователей в недоумение. Его недоброжелатели утверждают, что он — предатель, вымещавший такими поступками свой гнев на Британию. Его сторонники предпочитают говорить, что он использовал своё служебное положение, чтобы подрывать немецкую пропаганду изнутри, и старался писать так, чтобы хоть в какой-то степени нейтрализовать усилия, затрачиваемые врагом на пропаганду. Сам Кроули утверждал, что работал в качестве тайного агента британской разведки. Это не исключено: как указал Ричард Дикон в своей подробнейшей истории британской контрразведки, многие писатели были задействованы в качестве секретных агентов. На такую службу были приглашены даже некоторые из знакомых Кроули: Сомерсет Моэм, Арнольд Беннет и Джеральд Келли. Тем не менее пока не появилось никаких словам Кроули, он пытался вступить в контакт с британской военной миссией в Вашингтоне, чтобы предложить свои услуги в качестве шпиона в немецкой общине Нью-Йорка, но снова получил категорический отказ.

Никем не удерживаемый, Кроули продолжил писать прогерманские статьи. В конце 1916 года он выступил с одобрением казни подозреваемой в шпионаже медсестры Эдит Кейвелл, в 1917 году он обсуждал вопрос о возможности для Британии стать немецкой колонией, поддерживал использование подводных лодок (в те времена считалось, что их использование противоречит правилам ведения войны) и заявлял, что «Лузитанию» следует считать военным кораблем. Это не могло снискать ему благосклонность со стороны американских властей: по пути в Британию в мае 1915 года «Лузитания» была торпедирована немецкой субмариной со стороны Ирландии. При этом погибло 1198 человек, среди которых было 128 американцев. С другой стороны, утверждение Кроули о том, что этот корабль используется в военных целях, было справедливым, хотя, вероятно, он не знал этого наверняка. В нарушение статей закона о ведении войны среди корабельного груза находилось военное снаряжение для союзников.

С каждой статьей его язык становился всё более жестким. Игра, в которую он играл, называлась гиперболизацией. В августе 1915 года он напечатал особенно злобную, но оригинальную статью в чикагском журнале *The Open Court*. В ней говорилось о «грязных карликах, подобных Георгу V», о «пузатых буржуа,

подобных Пуанкаре» (французскому президенту), о Вильгельме II, «гении своего народа» и «воплощении Лоэнгринна, Зигфрида и Парсифаля», кайзере, «стольже значительном, сколь значительны были для Рима Кастор и Поллукс», «всеведущем, всемогущем, вездесущем и прекрасном, посланном, чтобы спасти Отечество от свирепых врагов». Текст заканчивался словами: «Аве, Гильельм, царь, император!» Кроули дошёл даже до того, что сожалел о неэффективности немецких бомбардировок Британии. Он писал: «Большие разрушения были произведены в Кройдоне, особенно в его пригороде Эддискомб, где живёт моя тётушка. К сожалению, её дом не пострадал. Покорнейше прошу графа Цеппелина сделать ещё одну попытку. Сообщаю точный адрес: Итон-Лодж, Аутрэм-роуд».

Позднее Кроули заявлял, что, занимаясь написанием прогерманских статей, он преследовал ещё одну, скрытую цель. Он хотел побудить Америку вступить в войну на стороне союзных сил. Однако британцы не оценили его намерений, и на этот раз гораздо большее внимание ему уделила Европа. 30 июня 1916 года Чарлз Тауэр, корреспондент Daily Mail в Нидерландах, связался с британским генеральным консулом в Роттердаме, чтобы сообщить о германской пропаганде в нейтральной Голландии. Имя Кроули всплыло на поверхность. К этой истории подключились министерства иностранных и внутренних дел, и было решено заняться расследованием деятельности Кроули. Предполагалось информацию, касающуюся Кроули, передать капитану Гаю Гонту, британскому морскому атташе в Вашингтоне, с намерением дискредитировать Кроули перед властями Соединённых Штатов. В то же самое время министр иностранных дел дал полиции задание расследовать деятельность Кроули и выяснить правду относительно слуха, появившегося в немецкой пропаганде, о том, что Кроули приезжал в Британию в 1916 году, чтобы оценить моральные силы страны. В конце августа агент сыскной полиции инспектор Герберт Финч доложил, что нет никаких доказательств, позволяющих предполагать, что Кроули действительно приезжал в Британию. Полный отчёт о жизни Кроули до 1916 года был составлен старшим полицейским офицером Квинном. В этом отчёте было мало ценной информации, однако содержалось определённое количество общепризнанных, хотя и клеветнических утверждений, касающихся характера Кроули.

Результаты этих расследований были переданы в министерство иностранных дел, которое, в свою очередь, направило их Гонту и в паспортные службы: уничтожение паспорта считалось уголовным преступлением. Тот факт, что Кроули якобы уничтожил свой собственный, отнюдь не мог быть расценен как патриотический поступок.

Разумеется, Кроули ничего не знал о том интересе, который проявляли к нему

власти, до тех пор, пока весной 1917 года полиция не нагрянула с обыском в лондонский офис ОТО на Риджент-стрит, 93. Кроме того, обыскам подверглись некоторые из знакомых Кроули; торговец книгами, у которого обнаружился экземпляр книги «Открытый суд», был на три месяца посажен в тюрьму. Кроули был в ярости. «Эти глупцы, — писал он в дневнике, — неверно истолковали мою позицию и подняли шум. Сейчас я отправлюсь прямо в Вашингтон, чтобы исправить положение. Если на этот раз мне не удастся заставить их прислушаться к голосу разума, я смогу, по крайней мере, поехать в Канаду, чтобы заставить их арестовать меня». Однако он не сделал этого: он знал, что это бесполезно. Затем 6 апреля осуществилось то, на что втайне надеялся Кроули: Америка вступила в войну.

Период везения, начавшийся для Кроули весной 1915 года, продолжился. И это везение состояло уже не только в виде работы в качестве оплачиваемого, якобы прогерманского пропагандиста. Он, судя по всему, снова нашёл путь к женским сердцам, то есть стал встречаться не только с проститутками. Вечно находясь в состоянии поиска очередной Алой Женщины, которая помогла бы ему в его магических делах, Кроули познакомился с двумя претендентками на это место во время одной из вечеринок, устроенных журналистским сообществом. Это были Джин Фостер и Хелен Холлис, которых он именовал соответственно Кошкой и Змеёй. Хелен Холлис «блистала очаровательной страстностью, но казалась изнуренной неудовлетворённым и ненасытным желанием», тогда как Джин Фостер представляла собой «идеальное воплощение его желаний». Из двух этих женщин Хелен Холлис предстояло отойти на задний план, но прежде, чем это произошло, Кроули запечатлел на её теле свой «змеиный поцелуй», как он его называл. Это действие заключалось в том, что Кроули взял женщину за руку и зажал кожу её запястья между своими зубами, которые были довольно остры. Одной рукой отмеряя время, он внезапно сжимал и разжимал челюсти, оставляя на коже отпечаток двух зубов, что по виду отдалённо напоминало укус змеи. (О Кроули ходили слухи, что он специально затачивал свои зубы, однако это выдумка, часть мифа, который окутывал имя Кроули в более поздние годы. К подобного рода небылицам относилась и история о том, что Кроули якобы нередко испражнялся на ковры в тех домах, в которых гостил, утверждая, что его кал священен, подобно калу далай-ламы или китайских императоров.)

Вскоре Джин Фостер стала третьей в жизни Кроули Алой Женщиной и получила имя сестры Хиларион. Вместе они занимались сексуальной магией, причём Джин пробуждала поэтическое вдохновение Кроули, о чём свидетельствует большое количество стихотворений, написанных во время их связи. Однако их связывала не только магия. Кроули признался ей в любви и

сказал, что хотел бы, чтобы Джин родила от него ребёнка. В какой-то момент он был близок к тому, чтобы жениться на ней. Как бы то ни было, результатом их связи стало появление «магического» сына.

Чарлз Стэнсфелд Джоунс работал бухгалтером в Лондоне. Он жил неподалёку от Ванкувера, куда эмигрировал в 1913 году. Ему было около тридцати, и он уже несколько лет был членом А.А., ведя довольно активную переписку с Кроули и занимаясь учреждением ложи ОТО в Британской Колумбии. Известный под именем *Frater Omnibus in Vnus (OIV)* и *Frater Achad* или *Arctaeon*, Джоунс, кроме того, время от времени высылал Кроули некоторые денежные суммы в качестве пожертвований или членских взносов. В «Книге Закона» было написано, что «некто придёт после него, откуда — я не скажу, который найдёт ключ ко Всему». Кроули считал себя пророком, после которого должен будет прийти другой пророк, который объяснит тайны книги. Он верил, что этим человеком станет его сын, если не в физическом, то в метафизическом смысле. В день осеннего равноденствия в 1915 году Кроули и Джин Фос-тер провели несколько церемоний сексуальной магии, результатом которых стало появление магического сына в день летнего солнцестояния в 1916 году. Это и был Джоунс, который, будучи в Ванкувере, получил от Тайных Учителей сообщение о том, что стал Мастером. Когда он телеграфировал об этом в Нью-Йорк, Кроули заволновался и пришёл к убеждению, что Джоунс является его метафизическим сыном. К несчастью для Кроули, Джоунс оказался не совсем тем, на кого Кроули, возможно, надеялся. Хотя он и проделал некоторую работу над «Книгой Закона», она была незначительной. По словам Кроули, который исключил Джоунса из ОТО в середине 1920-х, тот в конце концов принял католицизм, с тем чтобы очистить его и превратить в кроулианство, но сошёл с ума и кончил тем, что стал практиковать эксгибиционизм на улицах Ванкувера. Это заявление — пример злословия Кроули: Джоунс умер в феврале 1950 года, в несколько эксцентричном состоянии, однако в здравом уме, приняв католицизм отчасти для того, чтобы освободиться от оккультизма. Именно он во время Второй мировой войны показал труды Кроули романисту Малкольму Лаури, который, в свою очередь, был очарован оккультизмом и, прочитав об Абрамелине, вдохновился на свой знаменитый роман «У подножия вулкана».

Как всегда неутомимый, Кроули решил совершить путешествие по США, и 6 октября 1915 года отправился в путь вместе с Джин Фостер и её пожилым мужем. Где Кроули добыл деньги на это путешествие, остаётся неизвестным: наиболее вероятно, поездку оплатили Фостеры, В Детройте Кроули получил несколько особенно чистых порций ангалониума от Парка Дэвиса, фармацевтического магната. В Чикаго (который Кроули охарактеризовал как

«заброшенный аванпост цивилизованного человечества. И каждая миля на пути к нему отмечает всё более низкую ступень эволюционной лестницы... Никто не пересечёт горы, не утратив надежды на возрождение») он познакомился с Полом Карусом, известным философом и специалистом по буддизму. В Ванкувере он встретился с Джоунсом. Затем трое путешественников направились в Сиэтл и Сан-Франциско, значительно изменившийся со времени последнего визита Кроули в результате землетрясения, произошедшего в 1906 году.

В Сан-Франциско к Кроули обратились с просьбой прочесть публичную лекцию. Он начал словами «Делай что желаешь, таков весь закон» в качестве главного тезиса своего учения. Впервые Кроули провозгласил свою доктрину вне круга учеников и единомышленников. Кроули осознал, что теперь он — маг, чьей задачей является проповедь его собственного евангелия. Тем не менее в Америке он приобрёл мало последователей: христианство было здесь слишком глубоко укоренено.

Покинув Сан-Франциско, Кроули и Фостеры поехали в Санта-Крус, а затем дальше, в Лос-Анджелес, где Кроули предусмотрительно держался подальше «от толпы завсегдатаев кинотеатров, помешанных на сексе и одурманенных кокаином, и целой стаи чудаков, увлекающихся оккультизмом». Они, возможно, приняли бы его с распростёртыми объятиями, раздвинутыми ногами и открытыми кошельками, но Кроули необходимо было поддерживать должный уровень, и к тому же у него не было времени на дилетантов. Следующую остановку путешественники сделали в Сан-Диего, где Кроули собирался навестить Кэтрин Тенгл и, главу американского отделения Теософского общества, в её доме в Пойнт-Лома, однако она отказалась с ним встретиться. Несколько обиженный таким обхождением, Кроули предпринял короткую поездку через границу США и Мексики в Тихуану, населённую «теми, кто бежал от добродетели. Весь город состоит исключительно из борделей, питейных заведений и игорных домов. Меня не волнуют такого рода вещи, но, по крайней мере, это было гораздо лучше, чем всё, что расположено к северу от границы». Отсюда путешественники ездили к Большому каньону (который, по словам Кроули, оказался не таким большим, как Гималаи) и останавливались в отеле «Светлый Ангел» на южном краю каньона, недалеко от которого Кроули спускался в каньон к реке Колорадо.

К тому времени, когда компания вернулась в Нью-Йорк, завершив своё путешествие, Джин Фостер была уже по горло сыта общением с Кроули, и они расстались. Тогда Кроули возобновил отношения с Анандой и Элис Этель Кумарасвами: первый был евразийцем, историком искусств и критиком, вторая — женщиной из Йоркшира, которую Кроули находил не только сексуально

привлекательной, но и обладающей прекрасными певческими данными. Прозвав её Обезьянкой (или Обезьяной-секретарём), он предложил показать ей город и моментально влюбился в неё. В ночь с 15 на 16 апреля 1916 года они с Кроули провели долгий сеанс сексуальной магии, о котором Кроули писал: «Эта церемония была самой потрясающей из всех, какие я помню. Оргазм был таков, что практически полностью заглушил мысли о цели происходящего...» Ананда Кумарасвами не жаловался: более того, он попросил Кроули найти ему любовницу. Кроули обещал исполнить просьбу. Он одновременно имел связи с несколькими женщинами — в том числе с некой женщиной, которую он называл Совой, — поэтому раздобыть одну или две для мужа своей любовницы не составляло для него труда. Вскоре Элис обнаружила, что забеременела от Кроули, и решила поехать в Англию, где у неё были другие дети, чтобы приготовить их к переезду в Америку, а также устроить свои домашние дела. Однако, пока она пересекала Атлантику, у неё случился выкидыш. Когда весть об этом дошла до Кроули, он обвинил её в убийстве ребёнка, и отношения их прекратились.

Лето 1916 года Кроули провёл за «магическими занятиями», живя в хижине на берегу озера Паскуани (ныне именуемого озером Ньюфаунд) неподалёку от Бристоля, что в Нью-Гэмпшире, на земле, принадлежавшей Евангелине Адаме. Здесь Кроули наслаждался жизнью на природе, а также, время от времени, компанией некоторых из его тогдашних женщин и одного-двух друзей мужского пола. Он валил лес, сам садился на вёсла, отправляясь на каноэ к острову в середине озера, работал над «эликсиром жизни» (препаратом, который он изготовил и семь порций которого принял перед отъездом из Нью-Йорка), а также при помощи ритуала своего собственного изобретения, включавшего поимку живой лягушки, поклонение ей, а затем её поедание, стал наконец Магом Великого Белого Братства Света (или Ал Ал), назвав себя Мастер Терцион.

Наняв в близлежащем городе молодую женщину в качестве секретарши, Кроули начал писать эссе о пьесе Джорджа Бернарда Шоу «Андрокл и лев». Сначала он намеревался написать лишь небольшую критическую статью, но увлёкся, и в результате получился критический трактат длиной в 45 тысяч слов, озаглавленный «Евангелие от Бернарда Шоу». Закончив этот труд, Кроули написал несколько рассказов, основанных на книге Дж. — Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» — знаменитом исследовании истоков происхождения религии.

В отсутствие секретарши Кроули продолжил свои магические эксперименты под воздействием разнообразных наркотиков. При этом однажды у него было особенное видение, которое в своём магическом дневнике он называл «Звёздной Губкой» и во время которого Вселенная предстала перед ним полной

звёзд, которые являли собой метафору взаимосвязанных идей и душ. Это помогло Кроули осознать единство и взаимосвязь всего сотворенного, и мысль эта стала впоследствии одной из основ его учения.

Наркотиком, вызвавшим это видение, был эфир, который Кроули вдыхал, практически также, как юные наркоманы нюхают клей. Одно из описаний воздействия эфира на его сознание содержится в дневниковой записи за 23 августа:

В течение нескольких секунд я вдыхал пары эфира, и вот самые обыкновенные вещи стали прекрасными. То же самое происходит под воздействием опиума и кокаина: появляется спокойствие, умиротворение, счастье безо всякой видимой причины всего через несколько минут после приёма этих наркотиков. Можно ли найти более очевидное доказательство тому, что, всё зависит от состояния сознания, что изменять внешние обстоятельства — глупо? Даже если бы я потратил миллион на приобретение предметов искусства, они не сделали бы мою комнату столь прекрасной, как сейчас. А между тем в ней нет ничего красивого за исключением меня самого. Человек лишь ненамного ниже ангелов; один шаг — и вся слава наша!

Помимо эфира, Кроули употреблял ангалониум, смешанный с шоколадом, а также то, что он называл пилюлями Мириам Дероукс. Последние представляли собой смесь из морфия, опиума и спартеина, и он назвал их в честь одной знакомой. Существует предположение, что в это время он употреблял и героин. Используемые им наркотики Кроули обозначает в своих дневниках их химическими формулами, но они не всегда правильны. Так, он даёт точную формулу эфира $(C_2H_5)_2O$, но иногда использует для него и другую формулу C_2H_6O , которую лица, редактировавшие его труды, ошибочно принимали за этанол (этиловый спирт), формула которого выглядит на самом деле как C_2H_5OH . В одной из дневниковых записей 7 сентября 1916 года упоминается об использовании Eth_2O_2 , что, по предположениям некоторых, означает героин. Но это невозможно: формула героина (или диаце-тилморфина) выглядит как $C_{12}H_{17}NO(C_2H_3O_2)_2$, а формула Кроули относится либо к эфиру, либо к тому, для чего Кроули использовал слово «этил» (этиловый спирт) и что иногда нежно называл именем Этель. Во время пребывания на озере Паскуани Кроули принимал кокаин, что тоже могло найти отражение в его научной стенографии собственного изобретения: но можно с уверенностью сказать, что он не употреблял героина.

По окончании своих летних магических каникул Кроули в октябре вернулся в Нью-Йорк и в следующем месяце напечатал в *Vanity Fair* эссе «Путь к счастью», в котором касался темы употребления наркотиков в целях

развлечения или расширения горизонтов сознания:

Вы можете ласкаться к бабочке, похожей на маковый бутон. Вы можете, подобно бабочке, летать в волшебных воздушных струях. Стоит вдохнуть немного гидрохлорида кокаина — и вы наполняетесь огромной смелостью и энергией, для вас больше не существует преград. Стоит выкурить несколько трубок опиума — и вы приобретаете ясное и невозмутимое сознание философа. Стоит проглотить немного гашиша — и вы становитесь свидетелем тысячекратно умноженных сказочных красот и чудес; а если вы вдохнёте флакон эфира, вам покажется, что вы проникаете в самую душу своей возлюбленной, вы станете ощущать дыхание красоты в любой самой обыкновенной и давно знакомой вещи.

Примерно в это же время Кроули выступил в поддержку легализации продажи наркотиков. В 1914 году правительство Соединённых Штатов приняло Закон Харрисона, налагающий запрет на торговлю наркотиками. Кроули протестовал против этого законопроекта, объясняя свою позицию тем, что запрет легальной торговли наркотиками сделает эту торговлю подпольной и превратит её в прибыльную статью для деятелей криминального мира. Признавая опасность появления физической и психологической зависимости, Кроули выступал всё же за умеренное употребление наркотиков, а в очерке о кокаине подчёркивал способность этого наркотика придавать бодрость. Он утверждал, что кокаин способен расширять границы сознания и позволяет человеку полностью реализовать свои возможности, приводя при этом примеры из жизни знаменитых деятелей искусства. Однако он делал оговорку, что лишь по-настоящему владеющий собой человек может употреблять кокаин в том режиме, который сам себе установит, и избежать привыкания. Во всяком случае, — с гордостью утверждал Кроули, — ему это удавалось.

Опыты, которые Кроули проводил с разнообразными наркотиками и которые, вероятно, были самыми активными из всех, какие проводились вплоть до наступления свингующих шестидесятых, не ограничивались лишь экспериментами на самом себе. Он устраивал тесты над другими людьми или совместно с ними, что делает его по меньшей мере равным писателю Олдосу Хаксли, летописцу исследований визионерского наркотического опыта. Если бы Кроули не приобрёл столь дурную славу, к нему со временем стали бы относиться так же серьёзно, как к Хаксли после выхода в свет его книг «Двери восприятия» и «Небеса и Ад». К несчастью, записи об американских экспериментах Кроули утрачены, хотя документы, свидетельствующие о его визитах на квартиры торговцев наркотиками в Бруклине в поисках «дюжины пакетиков [с кокаином] за 15 долларов», по-прежнему существуют.

Как всегда не в состоянии усидеть на месте, 9 декабря Кроули прибыл в Новый Орлеан с намерением в очередной раз уединиться для магических занятий. Несмотря на то что он ненавидел большинство американских городов за их «стандартизированные отели и стандартизированную торговлю», подавляющие любую индивидуальность, Новый Орлеан он любил. «Старый французско-испанский квартал этого города, — писал он, — это единственный приличный заселённый район, который мне удалось обнаружить в Америке. Начиная от архитектуры и заканчивая манерой поведения людей, их одеждой, традициями, блюдами, которые здесь готовили, всё было очаровательным». Сняв жильё неподалёку от Олд-Абсент-Хауса, где всё ещё делали абсент, Кроули начал лихорадочно писать, не смущаясь даже тем фактом, что у него «не было для этого ни подходящей бумаги, ни денег, чтобы её купить. 70 центов — вот всё, что осталось в кармане». Менее чем за три недели он написал ряд стихотворений, эссе, рассказов, изобрёл нового литературного героя, детектива по имени Саймон Ифф, и начал писать роман под названием «Ловушка для бабочек» (или просто «Ловушка»). Это была первая попытка Кроули написать полноценный роман, базирующийся на событиях его собственной жизни, большинство героев которого составляли его знакомые, причём сам он присутствовал там как персонаж второго плана. Этому произведению предстояло перерасти в знаменитый роман Кроули «Лунный ребёнок».

Сюжет строится вокруг сотворения гомункулуса, который и представляет собой лунное дитя из заглавия романа. Это некое внеземное создание, зарождающееся в результате применения магических средств и предназначенное для мессианских целей. У романа множество недостатков, местами его трудно читать, и, подобно многим литературным трудам Кроули, он страдает от острого недостатка редакторского участия. Однако в своих исходных литературных предпосылках это произведение значительно опередило своё время. Кроме того, оно было пророческим с научной точки зрения. Кроули удалось предвидеть возможность оплодотворения в пробирке за несколько десятилетий до его изобретения. Действительно, в 1921 году он писал: «Не может быть, чтобы зарождение жизни невозможно было осуществить научными методами, и Мастер Терион убеждён, что всего через несколько лет это будет сделано в лабораторных условиях».

Ещё одним литературным трудом, который Кроули начал в Новом Орлеане, но так никогда и не завершил, стал рассказ «Не жизнь и не приключения сэра Роджера Блоксэма». Включая в себя автобиографический и сексуальный материал, это произведение по крайней мере отчасти было вдохновлено частыми визитами Кроули в бордели Нового Орлеана. Неподалёку от испанского квартала находился «большой и живописный район публичных

домов; одно из интереснейших мест подобного w. рода, что мне доводилось видеть. В сущности, если не считать Каира, этому месту практически нет равных».

В начале февраля 1917 года Кроули из Нового Орлеана отправился в Титусвилль, расположенный неподалёку от мыса Канаверал во Флориде, где у Лоуренса Бишопа, сына набожного дядюшки Кроули, была цитрусовая ферма. Кроули испытывал сильную неприязнь к своему кузену, чья семья являла собой свидетельство «неописуемой деградации человечества, постоянно усугубляемой христианством и коммерцией», он жаловался наеду, которой его потчевали в доме Бишопа, и считал его жену ведьмой, у которой нет никакого представления о чём-либо, кроме страха перед загробным миром. Воспитанный по образцу своего отца, Лоуренс верил, что Бог поместил айсберг на пути парохода «Титаник» в качестве наказания за веру людей в непотопляемость корабля. Тем не менее Кроули, кажется, оказал Бишопу некоторую помощь: 6 марта Кроули записал в дневнике, что при помощи усилия воли ему удалось предотвратить жестокий мороз, который мог бы уничтожить все цитрусовые рощи кузена.

К моменту возвращения в Нью-Йорк Кроули был истощён как физически, так и духовно. То, что с начала нового года, как отмечено в его дневнике, он лишь пять раз занимался сексом, свидетельствует о его состоянии. Неделями он пребывал в апатии. Тайные Учителя, казалось, покинули его, он перестал вести свой магический дневник, а его финансовое положение ухудшалось день ото дня. Он возобновил отношения с портретистом Леоном Эн-гарсом Кеннеди, с которым недолгое время общался в Европе. Кеннеди получал от своей семьи содержание, которое немедленно проматывал. Вместе им с Кроули удавалось кое-как прожить, причём Кроули побуждал художника работать. Они жили в ветхом доме без удобств, который стоял на задворках Пятой авеню, — однако, по крайней мере, у них была крыша над головой.

Шестого мая Кроули получил известие о смерти своей матери. «За две ночи до этого, — писал он, — мне приснилось, что она мертва, и во сне я ощутил острое душевное страдание. То же самое случилось за две ночи до того, как я получил весть о смерти моего отца. Мне и раньше часто снилось, что мать умерла, но это никогда не сопровождалось ощущением такой беспомощности и такого одиночества». Со стороны Кроули это значимое высказывание: при всей той враждебности, которую он ощущал по отношению к матери, к её христианским убеждениям, к её пуританскому, скучному существованию состоятельной женщины, он, тем не менее, по-прежнему питал к ней глубокие чувства. Их связывала некая любовь-ненависть, склонявшаяся, однако, в сторону любви, хотя бунтарский характер Кроули и не позволял ему этого

признать. Кроули как будто бы не имел корней, он выбрал жизнь оригинала и вечного странника, он сам выгнал себя на улицу, и всё же, несмотря на всю его напыщенность и высокомерие, антихристианский настрой и самоуверенную позицию мага, он всё же сохранил, если не в действительности, то хотя бы в своём сознании, нечто, связывающее его с безмятежным временем раннего детства. Даже если он и производил впечатление в высшей степени самоуверенного человека, в его сердце всё же был уголок, который стремился к спокойной и устойчивой жизни. Теперь, когда Эмили Кроули больше не было на земле, он действительно остался один в бушующем океане жизни.

Когда в Нью-Йорке потеплело, Кроули вновь ощутил себя здоровым. В мае он провёл несколько магических церемоний с чувством, что его недавний упадок сил был лишь проверкой перед началом дальнейшей деятельности в качестве провозвестника Закона Телемы. Он начал ощущать себя миссионером, чья задача — показать людям, что они имеют право на самоопределение в духовных вопросах. Тот факт, что из этого логически следовало их право быть христианами (или «плимутскими братьями», если уж на то пошло), был, судя по всему, упущен из виду.

Один из его ритуалов, без сомнения нацеленный на то, чтобы раздобыть немного денег, сработал. Летом 1917 года Кроули получил место помощника главного редактора журнала *The Internationalist* окладом двадцать долларов в неделю. Журнал представлял собой литературно-политический ежемесячник с очень маленьким тиражом, в котором Кроули в своё время напечатал несколько своих статей, в том числе очерк под названием «Сердце Святой Руси». Впоследствии Кроули утверждал, что взялся за эту работу не только потому, что за неё платили, но и для того, чтобы следить за немецкими спонсорами журнала по поручению Министерства юстиции США, поскольку теперь Америка тоже участвовала в войне. Неизвестно, насколько правдивым является это заявление. Однако то, что Кроули был осведомителем правительства США, представляется маловероятным.

Очень скоро Кроули начал использовать журнал для пропаганды своего магического учения. Помимо сочиняемых им время от времени антибританских текстов, он писал статьи на оккультные темы, подписываясь в числе прочих именами: Алистер Кроули, Мастер Терион, Бафомет, Эдвард Келли, лорд Болескин и Адам Д'Ас. Кажется очень вероятным, что он был автором всех материалов в тех номерах, которые выходили под его редакцией. Кроме того, он не упускал случая в очередной раз провозгласить и пояснить Закон Телемы, распространяя своё учение и повышая тираж журнала. Даже его политические взгляды излагались с точки зрения Закона Телемы.

Во время пребывания Кроули на озере Паскуани ему нанёс визит некто Л индсей М. Кисби, профессор истории из Техасского университета в Остине. Прекрасно образованный и обаятельный Кисби был оригиналом с наклонностями к социализму — причём его взгляды недавно стоили ему университетской кафедры — и почитателем Кроули. Они строили планы о том, что Кроули отправится в Остин, чтобы организовать там отделение ОТО, но планы эти не осуществились. Кисби, поселившийся затем в Нью-Йорке, способствовал назначению Кроули на должность редактора. Не сказав Кроули ни слова, Фирек, терпящий убытки теперь, когда Америка вступила в войну, продал журнал Кисби, который обещал не увольнять Кроули, однако на самом деле наложил вето на все его статьи, после чего предприятие развалилось. Кроули не замедлил заявить, что «как только люди перестали видеть его имя на страницах журнала, они перестали покупать журнал. Внезапный крах этого периодического издания является лучшим из всех когда-либо полученных мной комплиментов». Может быть, это и было комплиментом, но Кроули вновь остался без работы, а в Лондоне им снова заинтересовалось министерство иностранных дел.

Работа Кроули в журнале *The International* внесла новое направление в его творческую жизнь. В течение многих лет, особенно в Париже, Кроули общался с художниками, такими как Джеральд Келли и Огюст Роден, но сам никогда не пытался заниматься изобразительным искусством. Он считал, что ему больше пристало быть критиком, искусствоведам, нежели практикующим художником. Тем не менее, когда он взялся работать в журнале *The International*, ему понадобились художники для разработки журнальных обложек. Однако найти он никого не смог и принялся рисовать обложки сам. В итоге ни одна из обложек не была исполнена от начала до конца им самим, но все они были изготовлены на основании его, идей, а в некоторых случаях — по его эскизам. Таким образом, когда в нём пробудился этот ещё не вполне развитый талант, Кроули начал свою карьеру художника. Поначалу он ставил на каждом рисунке стилизованный вариант своей полной подписи, причём заглавная буква «А» изображала фаллос:

Позднее, однако, он стал подписываться только этой весьма характерной буквой, которая стала его логотипом.

В полном виде подпись Кроули представляет интерес для специалистов по изучению почерков. Патрисия Марн в своей богатой интересными идеями книге «Преступление и секс, их выражение в почерке» пишет: «Подпись [Кроули] с нижними элементами её букв, значительно опущенными по отношению к основной строке (обратите внимание на его заглавную „А“), свидетельствует о его зависимости от элементарных инстинктивных

побуждений, а также о склонности к сексуальным фантазиям и извращениям. Острые концы прописной «С» и строчной „у“ говорят о садистских наклонностях, а твёрдый нажим — об энергии и чувственности. Вся подпись свидетельствует о гипертрофированных сексуальных потребностях и склонности к излишествам в этой сфере». Разумеется, Патрисия писала это, зная о дурной репутации Кроули.

Занятия изобразительным искусством вдохновили Кроули на новые литературные труды. Помимо написания очередной серии рассказов с участием Саймона Иффа, которые Кроули напечатал под псевдонимом Эдвард Келли (в честь мага эпохи Елизаветы), он создал два магических труда: *De Lege Libellum* («Сандаловое дерево») и *Liber Aleph* («Книга о мудрости и глупости»), где говорилось о множестве разных вещей: от наркотиков и секса до «Книги Закона», которая была написана в форме развёрнутого письма, адресованного Чарлзу Стэнс-фелду Джоунсу. В то же самое время Кроули занимался систематизацией ритуалов ОТО, тексты которых он опубликовал в мартовском номере журнала *The International* за 1918 год.

Такой всплеск творческой энергии был неизбежно сопряжён с сексуальной активностью. Множество женщин (некоторые в качестве Алых Женщин, некоторые — нет) прошли в это время через жизнь, магическую деятельность и постель Кроули. Некоторые из них были проститутками. Многие пробыли рядом с ним недолго, относясь без понимания к сексуальным склонностям Кроули, которые теперь были основаны на том, что он называл сношениями «*per vas nefandum*», или «посредством ужасного сосуда», другими словами, анальным сексом. Этот вид сношений, как он искренне верил, был более эффективным с магической точки зрения, чем обычное совокупление. Кроме того, он по-прежнему находился в постоянном поиске женщин для секса, как бы они ни выглядели и какое бы общественное положение ни занимали. Кроули утверждал, что за свою жизнь он вступил в сексуальные отношения с женщинами восьмидесяти или девяноста различных национальностей и благодаря этому пришёл к выводу, что на любой нравственный принцип всегда найдётся кто-то, кто его поддерживает, поэтому любые оценочные суждения, касающиеся нравственности, бессмысленны. Он считал, что «знания о сексе должны базироваться по самым грубым подсчётам на опыте половых отношений, скажем, с 1000 женщин, принадлежащих в общей сложности к 80—100 различным национальностям. Остальными направлениями этой науки овладеть легко. Исключение представляют лишь лесбийские сношения, при которых редко удаётся даже просто присутствовать, только если состоишь в очень доверительных отношениях с одной из девушек. Если же обе девушки — настоящие лесбиянки, свидетелем их отношений стать невозможно, пока не

займёшь позицию человека, изучающего секс или получающего от него эстетическое наслаждение». Смеясь, Кроули добавляет: «В прошлом ноябре я перенёс ужасный удар, когда девушка спросила меня: "Тебя когда-нибудь кололи иголками в темноте?" — и оказалось, что у меня не было подобного опыта. Жгучая краска стыда и по сей день пылает на моём лице».

В числе женщин, с которыми он общался в течение 1917 и 1918 годов, была Анна Кэтрин Миллер. Они познакомились в ресторане на Восьмой авеню, а затем сняли на двоих квартиру в западной части Центрального парка, неподалёку от 110-й улицы. Кроули звал её Собакой (а иногда Анубисом, по имени египетского божества с головой шакала), поскольку, как он утверждал, она напоминала собаку как в физическом, так и в нравственном отношении. Она была уступчивой в сексе, однако их отношения продлились не более нескольких месяцев. В ней, по словам Кроули, было нечто сумасшедшее, и в какой-то момент она начала заглядывать в бутылку, как когда-то Роуз. Справедливости ради надо отметить, что она вынесла столько секса *«per vas nefandum»*, что утомление дало о себе знать. Сексуальные пристрастия Кроули, а также его мощная харизма нередко разрушали психическое и физическое здоровье тех, кто был с ним рядом, хотя он никогда не замечал своей причастности к их гибели и не признавал своей вины. Он видел в происходящем лишь истощение магических сил партнёра, который вследствие этого лишался способности лицом к лицу встречать суровые магические испытания и больше не мог ему соответствовать. Что касается его отношения к женщинам, то оно мало изменилось за последние годы. В сентябре 1916 года он записал в своём дневнике: «Нет никакой трагедии в ситуации, когда муж бросает жену, потому что женщин не следует принимать в расчёт. Они существуют лишь постольку, поскольку способны покорять или разрушать мужчин. Покинутая женщина может выглядеть смешно или жалко, но никогда — трагично». Несколькими месяцами позже он добавил: «Заметьте, что мы, как правило и неизбежно, делим женщин на целомудренных и порочных, тем самым подсознательно утверждая, что влагалище — это единственное, что имеет значение, из всех связанных с ними вещей».

Когда отношения с Анной Миллер прекратились, Кроули переехал в мастерскую на 9-й Западной улице, которую делил с подругой Анны по имени Родди Майнор. Анна, Родди и Кроули некоторое время составляли нечто вроде магического трио. Родди была разведена со своим мужем, и Кроули называл её Верблюдом или сестрой Ачитой. В проводимых с ней сеансах сексуальной магии (разумеется, *«per vas nefandum»*) участвовали также Вальтер Грей, которого Кроули называет «музыкальным негром», и миловидная русская женщина по имени Мария Лаврова. Майнор была крепкой, хорошо сложенной

женщиной, она представляла собой «физически совершенное животное, имела по-мужски устроенный ум с большим запасом общих научных знаний и особенно хорошо разбиралась в химии и фармакологии». И это неудивительно, поскольку она была профессиональным фармацевтом и работала в патолого-анатомической лаборатории. Таким образом, она была очень полезна Кроули. Во-первых, у неё был постоянный заработок, а во-вторых, она имела доступ к шкафу, где хранились самые разнообразные наркотики. Она и в самом деле доказала, что достойна прозвища, которым наградил её Кроули. Он называл её Верблюдом потому, что она помогла ему преодолеть пустыню его тогдашней жизни. Должно быть, Кроули был глубоко ей признателен, поскольку иногда использовал по отношению к ней имя Ева.

Родди Майнор, интересовавшаяся оккультизмом ещё до знакомства с Кроули, имела и другое преимущество. Она не возражала против экспериментов с наркотиками. Вместе они принимали опиум, эфир, ангалониум и кокаин. Их отношения развивались по проторенной дорожке, начавшись с сексуального влечения, за которым последовало осознание способности Родди к ясновидению, результатом чего стали достижения в области магии. В январе 1918 года у Родди было видение яйца под пальмовым деревом. Кроули пришёл в волнение. Ему и Мэри д'Эсте Стеджес когда-то было приказано искать именно такой предмет именно в таком месте. Получив столь явное свидетельство возвращения уже встречавшегося ему образа, Кроули начал думать, уж не Аб-ул-Диз ли это пытается говорить с Родди и управляет её видениями. Когда он задал этот вопрос Родди Майнор, она упомянула о некоем человеке, которого назвала Волшебником и который якобы пытался вступить в контакт с Кроули. Задав этому человеку несколько вопросов, Кроули убедился в истинности его существования, а также обнаружил, что это существо из астрального мира по имени Амалантра.

В течение весны и лета 1918 года Кроули и Родди Майнор много раз вступали в контакт с Амалантрой. Каждый раз всё начиналось с акта сексуальной магии, затем, приняв опиум, анг Родди Майнор стала для Кроули очередной Алой Женщиной, но, несмотря на все её достоинства, они вскоре расстались. Кроули утверждал, что она утратила интерес к Делу: возможно, ей просто стало скучно. Кроме того, Кроули бывал особенно напряжён, когда занимался магией, она же, возможно, хотела нормальной сексуальной жизни, не отягощенной магическими смыслами. Конечно, они продолжали встречаться ещё несколько месяцев, занимаясь уже не магическим сексом. Однако Родди сослужила свою службу, познакомив Кроули с Амалантрой.

За Верблюдом последовала целая вереница женщин, не доставивших Кроули ничего, кроме разочарования. Среди них были Мари Рёлинг, которая обманула

ожидания Кроули, оказавшись слишком нерешительной, и Берта Альмира Прикрил, которая, кажется, не имела даже понятия о том, во что ввязывается, и при первой же возможности сбежала.

Когда эти женщины покинули его, Кроули снова остался без жилья, пропитания и заработка. Чтобы справиться с этим положением, он в очередной раз решил уединиться для магических занятий и, следуя этому решению, летом 1918 года отправился вверх по Гудзону на пароходе, идущем в Олбани. С собой он прихватил каноэ, палатку и небольшое количество съестных припасов, получив всё это от Вильяма Сибрука, который организовал складчину среди знакомых Кроули. Подобно Христу, Кроули должен был провести сорок дней в пустыне.

Сибрук, которого с Кроули познакомил Фрэнк Харрис однажды за ланчем, описывал Кроули в этот период его жизни как

странного и внушающего волнение человека с важными, священническими манерами, разбавленными, тем не менее, доброй порцией лукавого, кривляющегося, а временами злого чувства юмора. На указательном пальце правой руки он носил громадную звезду из сапфира, а голова его была обрита в духе Эриха фон Штрогейма. Позднее он отпустил прядь волос на манер боевой причёски американских индейцев. Эта прядь слегка вилась и делала его несколько похожим (с его круглым, гладко выбритым лицом и большими, круглыми глазами) на ребёнка-сорванца, переодевшегося Мефистофелем. Разговор за обедом заставил меня раскрыть рот от удивления. Фрэнк Харрис был одним из самых блестящих собеседников своего, а может, и любого другого времени.

Сибрук, который впоследствии написал труд о магии и колдовстве, не просто снабдил Кроули походным оборудованием и припасами. Он сделал много больше, поделившись с Кроули своей женой Кейт.

Кроули разбил лагерь на острове Эзоп на реке Гудзон, где-то между Эзопом и Стаатсбургом, примерно в девяноста милях вверх по реке от Манхэттена. Этот остров, имевший около полумили в длину и 500 футов в ширину, был необитаем и порос лесом. Кроули нравилось делать вид, что он находится в дикой местности и живёт подобно Торо, хотя это было и не так: земля по обеим сторонам реки была возделана сельскими жителями, то там, то сям виднелись загородные дома богатых людей: лагерь Кроули находился всего в нескольких милях вверх по реке от поместья Вандербильтов. Родди Майнор то и дело привозила ему какую-нибудь еду и, без сомнения, занималась с ним сексом. Вероятно, много времени он провёл, плавая по окрестностям острова на своём

каное, а также медитируя на берегу в позе лотоса, к ужасу местных жителей, которые, решив, что он нищий, время от времени давали ему свежие яйца, овощи и молоко. Кроме того, Кроули начал работу над переводом книги Лао-цзы «Дао дэ цзин» и занимался магией, особенно активно применяя её для защиты от комаров: к несчастью, он основательно подзабыл, как это делается. Не сумев защитить себя ни магией, ни средствами от насекомых, ни москитной сеткой, он был жестоко укусан.

В числе магических достижений, ставших результатом пребывания на острове, было приобретение магической памяти. Тренируя этот вид памяти, с тем чтобы проникнуть глубоко в своё подсознание, Кроули удавалось входить в состояния медитативного транса и узнать о некоторых своих предыдущих воплощениях. Оказалось, что в прошлых жизнях он был Ко Сюэнем, учеником Лао-цзы, тамплиером, папой Александром VI, графом Калиостро (оккультистом и шарлатаном XVIII века) и Элифасом Леви.

В середине своего пребывания на острове Кроули на один день вернулся в Нью-Йорк, где выразил перед одним из своих друзей сожаление об отсутствии на острове женской компании. Оказалось, что друг знал как раз такую девушку, которая могла бы исправить ситуацию: её звали Мадлен Джордж. Кроули послал ей записку, и она согласилась встретиться с ним. Между тем 21 августа он вернулся к своей островной жизни, запасшись некоторым количеством хорошего вина, бренди, абсента, консервов и прихватив с собой много красной краски, несколько больших кистей и верёвку. При помощи последней он подвешивал себя на склонах прибрежных скал, расписывая их лозунгами, гласившими: «Каждый мужчина и каждая женщина — это звезда» и «Делай что желаешь — таков весь закон». Эти лозунги должны были привлекать внимание пассажиров проплывающих по реке судов.

Через несколько дней, в ответ на телеграмму, которая пришла в его лагерь, Кроули спустился на каное вниз по реке, к городу Гайд-Парк, где и встретил Мадлен на железнодорожной станции. (Вероятно, на станции к нему обратился также местный представитель управления шерифа графства Датчесс с вопросом о том, что Кроули делает на острове.) Из поезда вышла миловидная рыженькая девушка. У неё были вьющиеся волосы и огромный чемодан. С некоторыми затруднениями им удалось погрузить чемодан в каное и довести его до лагеря, хотя под тяжестью груза судёнышко стало заливать водой, так что к ним на помощь поспешили двое молодых парней, рыбачивших с берега. Вид лагеря отнюдь не привёл Мадлен в восторг, но после некоторых уговоров она на несколько дней составила компанию Кроули, после чего вернулась в город.

Девятого сентября сорокадневное пребывание Кроули в «пустыне»

завершилось. Он вернулся на Манхэттен в хорошей физической и в отличной магической форме, что и доказал Сибруку на следующий день. После совместного ланча в ресторане гостиницы «Плаза» Кроули продемонстрировал свои вновь приобретённые магические силы, заставив упасть какого-то человека, проходившего по Пятой авеню.

Следующим местом жительства Кроули стала студия, которая находилась по адресу Юниверсити-плейс, 1, на углу Вашингтон-сквер в Гринич-Виллидж. Этот район считался в Нью-Йорке кварталом интеллектуальной богемы. Неподалёку жили Фрэнк Харрис, Сибруки, Юджин О'Нил, Теодор Драйзер, Синклер Льюис, Луис Уилкинсон и даже Эдна Сент-Винсент Миллей. В таком окружении Кроули чувствовал себя как дома. Здесь его своеобразные поступки принимались, хотя любили его не все. Жена Луиса Уилкинсона, Фрэнсис, поэтесса и подруга Эзры Паунда, не выносила самого вида Кроули и всеми силами пыталась свести до минимума общение с ним своего мужа.

Однажды зимой 1917–1918 годов Кроули читал публичную лекцию по магии, во время которой его познакомили с женщиной швейцарско-германского происхождения из Берна по имени Альма Хирсиг. Впоследствии она стала участницей любовного культа, основанного Пьером Бернардом. Через несколько недель она привела в студию Кроули свою младшую сестру Лию. И в очередной раз Кроули был сражён в одно мгновение. Она была «высокой и странно тонкой, со светящимися глазами и острым подбородком, в ней была какая-то щемлящая грусть и возвышенная простота», она «источала необъяснимую сладость». Она показалась ему настолько изумительной, что «не теряя времени на слова, я начал целовать её. Это был чистой воды инстинкт. Она ответила на поцелуи с не меньшей страстью. Мы продолжали целоваться с интервалами, которых требовала вежливость, чтобы отвечать её сестре, и в тех редких случаях, когда Лия начинала задыхаться». Тридцати пяти лет от роду, Лия происходила из семьи, где было восемь детей и отец-алкоголик, чья жена со всем потомством отправилась в Америку, чтобы спастись от него.

Отношения между Лией Хирсиг и Кроули начались не сразу после случая с безумными поцелуями. Прошёл год, прежде чем они встретились снова. В начале 1919 года Лия записалась на вечерние юридические курсы в Нью-Йоркский университет, располагавшийся на Вашингтон-сквер. Она хотела повысить квалификацию, чтобы иметь возможность оставить свою работу школьной учительницы в средней школе № 40 в Бронксе. Сестры снова обратились к Кроули, потому что Лия хотела поселиться поблизости от университета, отчасти для того, чтобы жить ближе к месту учёбы, отчасти же, чтобы быть подальше от школы, поскольку Лия родила внебрачного сына Ханси, чей отец покинул её. Рождение незаконного ребёнка могло стоить ей

учительской должности, вот почему это событие следовало держать в тайне.

Существует слух, пущенный много лет назад приверженцами Кроули, что Ханси был его сыном, хотя и Лия, и Кроули называют в качестве отца ребёнка человека по имени Эдвард Картер. Однако время от времени Лия упоминала о ребёнке как о Ханси Кроули, подразумевая тем самым, что Кроули был его отцом. В ноябре 1919 года она написала в письме к Кроули: «Я ничего не прошу — я ничего не жду от тебя, важно только то, что будет помогать тебе в твоей работе. Твой ребёнок постоянно напоминает мне о Звере, и я буду как следует заботиться о нём...» Однако правда заключается в следующем. Это письмо, которое некоторые неверно истолковывали как относящееся к Ханси, на самом деле относится к ещё не родившемуся ребёнку Кроули, которым Лия была беременна в тот момент. Разумеется, они надеялись, что это будет мальчик.

Разговаривая с сестрами в своей квартире на Юни-вёрсити-Плейс, Кроули постепенно раздевал Лию. Альма, которая при этом присутствовала, не возражала. Обе сестры отличались несколько богемным поведением и считали себя людьми передовых взглядов. Когда Лия оказалась полностью раздетой, Кроули осмотрел её с ног до головы и спросил, не откажется ли она позировать ему, сказав, что он — художник. Лия согласилась. 11 января она пришла в его студию, и Кроули начал делать с неё наброски, однако обнаружил, что у него ничего не получается. Не имея достаточной практики в рисовании, он почувствовал элементарный недостаток технических умений. Но вдруг его озарило. Если он пытался изобразить женскую фигуру вертикально, а не горизонтально, ему удавалось это сделать. Вдохновлённый своим открытием, Кроули на следующий же день принялся за работу, причём его творческая активность умножилась благодаря сексу, которым они с Лией, без сомнения, занимались предыдущей ночью. Когда подготовительные наброски были сделаны, Кроули решил написать маслом триптих с изображением Лии. Картина называлась «Мёртвые души». На ней Лия

была изображена в центре, причём голова её служила краеугольным камнем нагромождения чудовищ. У неё было мертвенно-зелёное лицо, матово-белое, почти бесплотное тело с серо-голубыми тенями рёбер. В левой части триптиха Кроули изобразил коленопреклонённую негритянку, чудовищно большую, чей обожающий взгляд был прикован к Королеве Мёртвых Душ. Попугай с невероятным оперением, сидящий на её плече, взирал на всю эту сцену с высокомерным равнодушием. На правом холсте была также изображена коленопреклонённая женщина, как будто мечущаяся в предсмертной агонии, с каскадом тусклых волос, в беспорядке разметавшихся по губам. Всю нижнюю часть триптиха заполняли ряды бесформенных голов; само страдание, сама

порочность, изгнанные из мира разумных вещей, были запечатлены здесь в самых разнообразных видах. Это был гротескный холст, однако он, без сомнения, являлся работой гения. В нём была цельность. Сочетание мёртвых душ порождало живую душу.

Роберт Уинтроп Ченлер, американский художник, хорошо известный в обществе, которому Кроули заказал свой портрет, отнёсся к триптиху с восхищением и привёл множество людей посмотреть на работу. В февральском номере *New York Evening World* Кроули как художнику была даже посвящена основная статья, в которой, в числе прочего, описывалась его мастерская. К этому времени он уже переехал на Вашингтон-сквер, 63, в большую студию, окна которой выходили на парк напротив Пятой авеню. Студия была богато обставлена, отчасти благодаря Лии Хирсиг, которая наконец решила свои жилищные проблемы, переехав жить к Кроули, а отчасти — ученикам Кроули и членам ОТО, которые, основав небольшие отделения этой организации по всей Америке, присылали Кроули деньги.

Чтобы несколько приукрасить статью, Кроули сказал журналисту, что во время войны тайно работал на британское правительство, был ранен выстрелом в ногу (если помните, его лёгкая хромота была вызвана флебитом, а никак не огнестрельным ранением) и послан в США со специальной миссией. Когда его просили высказаться о собственном искусстве, Кроули отвечал: «Я не знаю, как вы назвали бы моё искусство. Но пожалуйста, не называйте меня кубистом или футуристом или ещё каким-нибудь странным словом вроде этого. Я полагаю, меня можно назвать подсознательным импрессионистом или кем-то подобным. Моё искусство действительно подсознательно и непроизвольно». Он признавался, что никогда не обучался искусству, и предполагал, что относится к старым мастерам, поскольку изображает мёртвые души.

Завоевав себе репутацию многообещающего члена нью-йоркского художественного сообщества, Кроули принялся искать натурщиков. В искусстве он вёл себя также, как и в жизни, где его привлекали всевозможные странности. Для позирования Кроули нужны были карлики, горбуны, татуированные женщины и вообще любые уродцы, каких он мог найти: чем более странной была их форма, тем лучше. Под стать изображаемым объектам были и картины Кроули, грубые, веские, написанные с использованием преимущественно ярких цветов (зачастую под воздействием наркотиков) и без всякого намёка на какие-либо художнические навыки. Сюжеты его картин часто были магическими или символическими, стилистически же это было наивное, даже примитивное искусство. Это всегда были в высшей степени фантастические полотна, наполненные искажёнными лицами и страшными пейзажами. Создавалось впечатление, что Кроули, почувствовав, как

ослабевают его литературные способности, нашёл новое место приложения творческой энергии.

Очевидно, что к 1919 году литературные занятия Кроули быстро сходят на нет. Его поэзия, которая была когда-то пусть эксцентричной, но всё же столь многообещающей, стала теперь слабой и подражательной, зачастую создавая впечатление пародии на саму себя, неудачной по форме, а по содержанию — поверхностной и пустой. Его прозаические сочинения были всё ещё хороши, но и на них лежал отпечаток упадка. Что оставалось в Кроули сильным, как прежде, так это его злое чувство юмора. Лётом того же года он разослал приглашения следующего содержания: «1 ИЮЛЯ. ВЕСЁЛЫЙ ПРАЗДНИК. Великий Мастер приглашает представителей прессы, сторонников Запретительного Акта, Проповедников, Поэтов и Полицию принять участие в первом фестивале БЕНЗИНОВАЯ ПОПОЙКА. 21:00. 1 июля. Вашингтон-сквер, 63. Любовь — это закон, любовь по желанию».

В духе вечеринок с гашишем, которые начали проводиться в шестидесятых годах, Кроули устроил гулянку с бензином. Чтобы испытать опьянение (или почувствовать воздействие наркотиков), Кроули советовал делать следующее: «Купите обыкновенную канистру бензина, возьмите пипетку, возьмите капсулы, накапайте подвести каплю бензина в каждую капсулу, а затем глотайте их, как пилюли». Вдобавок ко всему Кроули проводил вечеринки с ангалониумом.

К этому времени Лия Хирсиг уже стала любовницей Кроули и его очередной Алой Женщиной. Она принимала участие в его ритуалах сексуальной магии, для которых была помечена специальным Знаком Зверя, крестом в круге, изображённым у неё на груди. Она получила магическое имя Алостраэль и титул Обезьяны Тота. Дома, в студии Кроули, она нередко расхаживала совершенно обнажённой, не делая никаких попыток прикрыться даже тогда, когда приходили посетители. Как она распорядилась судьбой своего сына Ханси, когда переехала жить к Кроули, неизвестно.

Сексуальная жизнь Кроули в середине его жизни до сих пор остаётся загадкой. Несмотря на то что он лишился внешней привлекательности, был женоненавистником, имел склонность к сексуальным извращениям, встречался с проститутками, вступал в гомосексуальные связи, жил бедно и был неприятен с физической точки зрения (в том числе нередко страдал от венерических заболеваний, являвшихся побочным продуктом его сексуального поведения), Кроули по-прежнему окружала толпа женщин. Они жили с ним, потакали ему, предлагали ему себя, зачинали от него детей, соглашались на любые виды секса, поддерживали его и давали ему деньги. Однако те женщины, которые

находили его привлекательным, относились к определённому типу. Это зачастую были женщины с неустроенной жизнью, принадлежащие к божественному, артистическому миру, рядом с которым существовал Кроули. Нередко это были женщины, которые искали чего-то большего, чем обычное мирское существование, и были неравнодушны к Кроули так же, как к священникам, которые казались отличными от других людей. В Кроули и подобных ему людях было что-то, наводящее на мысль о байроническом безумии, о чём-то порочном и опасном, и это нравилось женщинам. Иными словами, Кроули и подобные ему люди представляли собой нечто исключительное и захватывающее.

Кроме того, у Кроули была харизма. Он был остроумен, начитан, образован, мог быть подкупающе оригинальным и имел не такую уж плохую репутацию. Возможно, он и являлся человеком с сексуальными отклонениями, но когда-то был очень богат, слыл талантливым альпинистом, пытался покорить Гималаи и много путешествовал по миру в те годы, когда подобные путешествия были редкостью. Что бы он ни рассказывал о своей жизни, его рассказы редко оказывались ложью, хотя он был весьма расположен приукрашивать собственную персону и преувеличивать свои достижения. К тому же Кроули внушал доверие. И наконец, ещё одно обстоятельство, которое привлекало к нему женщин, заключалось в том, что он понимал их. Он знал, чего они хотят и как дать им желаемое, как польстить их тщеславию, как оправдать их надежды, как заставить их испытать восторг. Нечего и говорить о том, что с его обширным любовным опытом он был потрясающе умелым сексуальным партнёром.

В течение зимы 1918 года, вдохновляемый своей новой Алой Женщиной, а также успехами в изобразительном искусстве, Кроули написал много магических текстов и начал строить планы издания новых номеров журнала «Равноденствие», куда эти тексты могли бы войти. Однако осуществление этих планов застопорилось, и они не вылились ни во что, если не считать одного всё-таки вышедшего номера, который книготорговцы называют «Голубым номером». Он был выпущен издательством Universal Publishing Company of Detroit. В нём был напечатан цветной портрет Мастера Териона, репродукция с картины Леона Кеннеди. Кроме того, в этот выпуск были включены «Гимн Пану», который Кроули написал в Москве в 1913 году, и открытое письмо, приглашающее людей стать членами ОТО.

Частично это издательство принадлежало группе масонов, обратившейся к Кроули с просьбой переработать устройство их ложи и переделать ритуалы. С этого, судя по всему, и начались их отношения, однако вскоре Кроули рассорился с издательством из-за публикации «Равноденствия». Во-первых,

журнал был напечатан не так хорошо, как Кроули того хотел, а во-вторых, они поспорили по поводу затрат на его издание. Вся эта ситуация, как заявлял Кроули, была типичной для Америки и американцев, неспособных освободиться от предвзятых взглядов и мнений и отказывающихся признать правду, если она не соответствовала их интересам. Американцы в большинстве своём, как считал Кроули, были карьеристами и невеждами.

Летом 1919 года Кроули снова отправился в поход, который планировал совместить с магическими занятия-ми. На этот раз его путь лежал в места неподалёку от Мон-таука, на восточную оконечность Лонг-Айленда. Он чувствовал себя измождённым и несколько подавленным. Живя в палатке, он обдумал последние пять лет своей жизни. Они были трудными и, если не считать того факта, что он стал Магом, в высшей степени непродуктивными. Ему не удалось покорить Америку наскоком, так что весь этот период, как он теперь думал, оказался подготовкой к чему-то будущему. Теперь, когда с ним была Лия, настало время изменить свою жизнь, собрать все внутренние силы и двинуться вперёд.

После того как поход был окончен, Кроули навестил Сибруков, которые проводили лето в Декатуре, ныне являющемся пригородом Атланты, штат Джорджия. В местной газете появилась статья о Кроули под заголовком «Поэт-художник, который изучал магию под руководством индусских мудрецов». Затем он отправился в Детройт, после чего вернулся в Нью-Йорк, чтобы уладить какие-то дела, которые, если верить Фрэнку Харрису, заключались в распространении нескольких фальшивых чеков.

Кроули вернулся в Британию перед самым Рождеством 1919 года. В страну он въехал без всякого труда. Даже он сам был удивлён той лёгкостью, с которой ему удалось пройти таможенные формальности. Ведь он открыто и во весь голос поддерживал Германию во время войны, вращался во вражеских кругах, живя в Нью-Йорке, выступал в поддержку ирландских сепаратистов (что уже само по себе являлось преступлением), привлёк к себе внимание министерств внутренних и иностранных дел, а также был известен как человек, уничтоживший свой паспорт. Однако по его возвращении ему даже не было задано ни одного вопроса.

Этому существует несколько возможных объяснений. Первое состоит в том, что Кроули действительно мог быть тайным агентом Британии в США, однако в этом объяснении слишком много странностей. Если бы это было на самом деле так, это значило бы, что он проявил невероятные интеллектуальные способности, полностью одурачив немцев, которые не легко давали себя обмануть даже известный прогермански настроенный американский журналист

Х.-Л. Менкен был убеждён, что Кроули действительно сочувствует Германии, а этот человек обладал потрясающей проникательностью. Второе объяснение заключается в том, что хотя Кроули могли не быть настоящим шпионом, он всё же передавал какую-то информацию американским властям, которые, в благодарность за это, могли сгладить его разногласия с британскими официальными лицами: считается, хотя тому и не существует никаких убедительных доказательств, что Кроули донёс американцам на Теодора Рейсса как на германского агента, которым тот почти наверняка и являлся. И в-третьих, работа миграционных служб могла быть слишком плохо организована.

Однако истинная причина, судя по всему, более обыденна. Британское правительство попросту не принимало Кроули всерьёз. Он был известным оригиналом, не принёс стране практически никакого вреда (а возможно даже, ненароком сделал что-то полезное), он просто не стоил того, чтобы его преследовать. Он был лишь крошечной деталью большой картины. Это обстоятельство прояснилось благодаря разговору Джона Симондса с Гаем Гонттом, состоявшемуся уже после смерти Кроули. Оглядываясь на прошлое, Гонт охарактеризовал Кроули как «мелкого предателя», помешанного на саморекламе. Официоз оставил Кроули в покое, позволив ему продолжать его магическую деятельность.

Что касается самого Кроули, его совесть была чиста. Он сыграл свою роль в политике прошедшей войны и вполне лояльно относился к собственной стране.

Остаётся сделать одно важное замечание по поводу, шпионских игр Кроули. В его дневнике есть зашифрованная запись за 2 февраля 1917 года. Она сделана енохианским письмом и в грубом переводе выглядит так: «США > Германия — успех». На следующий день США разорвали дипломатические отношения с Германией. Вероятно, Кроули употреблял свою волю, чтобы заставить Америку вступить в Первую мировую войну, — и добился своего.

ГЛАВА 15

Магистр из Чефалу

Вернувшись в Британию, Кроули сразу же направился к своей тётушке в Кройдон, в тот самый дом, который граф Цеппелин пропустил во время бомбардировки. Здесь он остановился на пару недель. «И вот я снова, — писал он одному из своих сподвижников, — благополучно вернулся домой. Не только война не изменила ничего в доме моей тётушки, где я на этот раз поселился, но с самой коронации королевы Виктории здесь не был передвинут ни один предмет мебели». У Кроули были все основания полагать, что, сидя в этом

провинциальном болоте, он не привлекает к себе внимания, однако это было не так. Несмотря на то что власти его не потревожили, пресса была расположена к нему отнюдь не столь доброжелательно. Уже через несколько дней после возвращения Кроули на его горизонте возник один из старых врагов. Это был Горацио Боттомли.

По-прежнему руководя газетой John Bull, Боттомли приобрёл определённую известность. В 1909 году в качестве члена парламента от партии либералов от Южного Хакни он был обвинён в мошенничестве, но вскоре оправдан. Два года спустя он вынужден был объявить себя банкротом, но, опять же благодаря искусным действиям, ему удалось не потерять загородный дом и виллу во Франции, оформив их на имя жены. В 1912 году он вышел из состава парламента, но, когда разразилась война, снова повился на общественной арене, уже патриотом. John Bull прославилась благодаря патриотической пропаганде и шовинистическим статьям. К 1915 году Боттомли был уже известным человеком, вёл колонку в Sunday Pictorial, а когда закончилась война, расплатился по своим долгам, баллотировался в парламента в качестве независимого кандидата и, одержав блестящую победу, занял своё старое парламентское место.

Боттомли уже печатал однажды в своей газете обличительную статью, направленную против Фрэнка Харриса, но теперь, когда Кроули снова вернулся в страну, Боттомли ещё более утвердился в своих взглядах и начал одну из самых грязных кампаний в истории британской прессы. Кроме того, его газета стала одним из первых образцов ориентированного на сенсации таблоида, агрессивно нападающего на отдельных людей. Номер газеты за 10 января 1920 года вышел с центральным заголовком: «Ещё один предатель наказан — деяния и проступки печально известного Алистера Кроули». Точно не известно, где Боттомли раздобыл информацию, но весьма вероятно, что для получения её он использовал свой парламентский пост. В статье кратко рассказывалось о том, чем Кроули занимался в Америке, сам он именовался «мерзавцем», а правительству предлагалось принять в отношении него меры. Что касается Кроули, то внешне он сохранял полное безразличие, хотя в душе, должно быть, испытывал беспокойство и раздражение. Он мог бы обратиться в суд, чтобы на деятельность Боттомли наложили судебный запрет, он мог бы даже подать на него иск — однако он не сделал ни того, ни другого. Джордж Сесиль

Джоунс написал Кроули письмо, убеждая его предпринять против Боттомли какие-то действия. Пытаясь уговорить Кроули подать на Боттомли в суд, он заставил вмешаться даже Оскара Экенштайна, хотя тот был серьезно болен (ему оставалось жить не более года). Но Кроули был твёрд.

Боттомли продолжал свои нападки, однако не слишком долго. Вскоре Боттомли поссорился с одним из своих деловых партнёров, который, как утверждал Боттомли, затем подал на него в суд. Этот суд закончился не в пользу Боттомли. Во время судебного процесса была обнародована значительная часть как личной, так и деловой жизни Боттомли, и судом был назначен специальный человек для расследования и анализа его деятельности. В марте 1922 года его обвинили в мошенничестве, а через два месяца он был признан виновным. Его приговорили к семи годам тюремного заключения. Лишённый своего парламентского статуса, он был освобождён из тюрьмы в 1927 году и умер через шесть лет в нищете и безвестности. Кроули впоследствии утверждал, что это он при помощи магических средств спровоцировал гибель своего мучителя.

Однако определённый ущерб Кроули был нанесён. Его скверная репутация, сгладившаяся в общественном сознании в течение трудных военных лет, обрела новую жизнь. Отныне она не покинет его никогда.

Во время обличительной кампании, развязанной газетой John Bull, Кроули не было в Англии. 2 января 1920 года он отправился в Париж не для того, чтобы избежать нападок прессы, но потому, что он неуютно чувствовал себя в своей стране. Ему было скучно, он ненавидел английскую ограниченность, присущую англичанам узость взглядов и осторожность. Он знал также, что теперь, когда его ославили как мошенника, мерзавца и предателя, у него не осталось никаких возможностей провозгласить Закон Телемы и проповедовать доктрину, выраженную лозунгом «Делай что желаешь...», среди представителей столь закоснелой нации. Полуголодная жизнь, которую ему нередко приходилось вести в Америке, ослабила его здоровье. Он жестоко страдал от астмы и бронхита, ему необходимо было перезимовать в более мягком климате. Он чувствовал себя настолько больным, что, будучи в Лондоне, нанёс визит доктору Гарольду Бэтти Шоу, который был его личным врачом с 1898 года и работал в хирургической клинике на Гоуэр-стрит. Шоу прописал своему пациенту препарат, который считался действенным при заболеваниях бронхов. Это был героин.

Героин, который изготавливали из морфия, в свою очередь получаемого из опиума, с начала века прописывался в качестве средства от респираторных заболеваний, причём поначалу считалось, что он не вызывает привыкания. Тем не менее к 1910 году об опасности привыкания к этому наркотику было хорошо известно. Несмотря на это, некоторые врачи продолжали прописывать его своим пациентам вплоть до середины 1920-х годов. Героин применялся как для лечения респираторных заболеваний, так и в качестве мощного обезболивающего. Кроули не отказывался принимать наркотик: у него было j

более чем достаточно опыта в экспериментах с наркотиками, и привыкание совершенно его не волновало. В своей статье о приёме наркотиков, напечатанной в 1916 году в *Vanity Fair*, он написал: «Единственный недостаток, касающийся употребления наркотиков, заключается в том, что организм слишком быстро приспосабливается к наркотику и эффект от него уменьшается; для слабых людей всегда существует опасность привыкания, тогда наркотик из слуги превращается в хозяина, и за мимолётную иллюзию пребывания на небесах приходится платить вечными адскими страданиями». Если человек обладает достаточно сильным характером и волей, утверждал Кроули, никаких проблем нет. Чтобы не поддаться привыканию, нужно только проявить волю. Кроули проверил это на себе самом. Он принимал гашиш, ангалониум и кокаин, и у него не возникло привыкания: даже опиум не смог поработить его. Однако Кроули не учёл, что гашиш и кокаин вызывают привыкание на психологическом, а не физиологическом уровне и что в небольших количествах опиум также может переноситься организмом без физиологического привыкания.

С героином всё обстояло совсем не так. Он вызывал сильное и притом физиологическое привыкание. Так что Кроули с самого начала, несомненно, оказался на крючке.

Помимо всего прочего, у Кроули сохранилась острая проблема нехватки денег. Его имущество представляло собой не что иное, как стопки непроданных экземпляров им же написанных книг, а также библиотеку ценной оккультной литературы, которую он для сохранности оставил в Болескине, предполагая, что в один прекрасный день вернётся туда, а также надеясь таким образом сохранить некоторые права на дом. Желая понять, какое количество наличных он всё же может получить, Кроули должен был выяснить, чем ОТО владеет в Британии. Перед отъездом в Америку Кроули поручил ведение финансовых дел ОТО Джорджу Макни Коуи, который был художественным редактором эдинбургского издательства Нельсона и главным казначеем ОТО. Коуи, по словам Кроули, изменился за время войны. Поначалу он время от времени посылал Кроули чеки, чтобы тому было на что жить в США, но с 1915 года превратился в ярого противника Германии и, считая Кроули предателем, начал систематически — как утверждает Кроули — обворовывать его самого и ОТО, присваивая те деньги, которые должны были поступать в организацию и её лидеру. Если верить Кроули, Коун взял всё управление Болескином на себя и за бесценок распродал всё, что было в доме. Когда Кроули наконец удалось заглянуть в счета, он пришёл в ужас: мебель, общая стоимость которой превышала 1000 фунтов, была продана за 143 фунта.

Но последний удар обрушился на Кроули в 1919 году, когда Коуи продал

Болескин. Поместье, которое время от времени сдавалось внаём, постепенно ветшало, и на содержание его стало вскоре уходить больше денег, чем платили арендаторы. Имение было куплено некой Дороти К. Брук, жившей в Лондоне по адресу Норт-гейт, 60, у Рид-жент-парка, за 2500 фунтов, сумму, которую заплатил за него сам Кроул и много лет назад. Кроул и Лейла Уаддел, будучи в это время в Нью-Йорке, подписали отказ от всех прав на имение. Подпись Кроули гласит: «Алистер Святой Эдвард Кроули (прежде именовавшийся Алистером Мак-Грегором)».

Тот факт, что Кроули не получил от продажи дома ни пенни, мучил его многие годы. В конце 1930-х годов Кроули попросил своего друга-литератора Чарлза Ричарда Кэммела, с которым он познакомился в 1936 году и который стал впоследствии первым его биографом, когда тот поехал в Шотландию, побывать в Болескине и выяснить, что стало с библиотекой Кроули. Кэммел обратился с этим вопросом к тогдашним владельцам дома и выяснил, что все книги Кроули были проданы с аукциона в Инвернесе. В таком провинциальном городе за них, разумеется, нельзя было выручить ничего даже приблизительно напоминающего их истинную стоимость.

С довольно оптимистических позиций Кроули оценил стоимость своих собственных напечатанных книг в 20 тысяч фунтов. Большинство экземпляров хранилось в издательстве Chiswick Press, но издательство отказывалось продавать их до тех пор, пока Кроули не заплатит за хранение 350 фунтов, — у него же попросту не было таких денег.

Десятого января 1920 года Лия приехала в Париж из Швейцарии вместе со своим сыном Ханси. В это время срок её беременности уже приближался к концу. Кроули и Лия сняли дом в Фонтенбло, где вместе с ними поселилась молодая женщина, с которой Лия познакомилась на корабле по пути из Америки. Нинетт Шамуэй, урождённая Фро, была француженкой по происхождению и работала в Америке гувернанткой. Она была вдовой. Муж её погиб в автокатастрофе, и она осталась со своим трёхлетним сыном по имени Говард. Когда Кроули впервые увидел её, он пришёл в ужас. «В её лице не было ни кровинки, она никла, как увядающий цветок, и апатично волочила за собой своего ребёнка, такого же безжизненного, как она сама». Она рассказывала, что «перенесла нервный срыв и находилась на грани самоубийства». Кроули немедленно решил вернуть к жизни и её, и мальчика.

Через десять дней Кроули отправился в Париж, чтобы закупить кое-каких материалов для рисования, благодаря тому, что Нинетт Шамуэй немного пополнила его кошелек. Там он встретил Джейн Шерон, которая подарила ему тщательно выполненную ею вышивку на шёлке, изображавшую ту стелу,

которую Кроули и Роуз видели в музее Каира в 1904 году. Кроули расспросил её, откуда она взяла рисунок. Она ответила, что нарисовала его во сне, когда проходила на юге Франции лечение от опиумной зависимости, причём до этого она видела это изображение в одном из выпусков «Равноденствия». Кроули, чья жизнь в тот момент шла не так, как он когда-то задумал, сразу расценил это событие как знак, указывающий на то, что ему следует продолжить дело своей жизни.

Ощувив прилив энергии, Кроули вернулся в Фонтенбло и взялся за дело, намереваясь помочь Нинетт прийти в себя и вернуть утраченную красоту. Он совершал с ней лесные прогулки, и она подпала под его мощное обаяние. Здоровье её поправилось, и она стала третьей в союзе Кроули и Лии, у которой вот-вот должен был родиться ребёнок.

Двадцать шестого февраля Лия родила девочку, которую назвали Энн Лея, но она очень скоро получила прозвище Пупэ, Кукла, как её назвал маленький Говард Шаму-эй. Вскоре после этого Нинетт, уже принимавшая к тому времени участие в ритуалах сексуальной магии, объявила, что беременна. В сущности, она получала удовольствие от участия в этих церемониях. В её магическом дневнике, на ведении которого настоял Кроули, она в довольно грубых выражениях описывает свои действия. Кроули утверждал, что этот дневник не подлежит публикации, поскольку Нинетт была необразованной женщиной и не владела приёмами вежливого иносказания.

В этот период улучшилось здоровье не только Нинетт, но и её сына, поскольку Кроули брал его и Ханси на прогулки, занимался с мальчиками скалолазанием, учил их боксу и наблюдал за ними как педагог-теоретик. Он был заворожён тем, как мальчики подходили к решению одной и той же задачи абсолютно разными путями. Тем не менее он записал в своём дневнике 15 марта: «Я готов удрать в какую-нибудь страну, где не знают, что такое дети», а о Ханси он сделал следующее замечание: «Он или гений, или негодяй; третьего не дано».

Однако в жизни у Кроули были более серьёзные пробле-, мы, чем те, которые создавали два маленьких мальчика и младенец. Нинетт влюбилась в Кроули и стала жестоко ревновать его к Лии. Не имея никакого представления о Законе Телемы и будучи не в состоянии понять характер Кроули и его специфические представления о морали, Нинетт не могла взять в толк, как Кроули может одновременно находиться в любовной связи с ней и с Лией. Кроули попытался объяснить, как это возможно и почему Лия была для него важна, но его объяснения не дошли до сознания Нинетт. Она просто не могла понять магических аспектов их отношений.

Кроули был очень озабочен капризами и нетерпимостью, вызванными женской ревностью. Он думал над тем, каким образом они с Лией могли бы основать общину, где начинающие занимались бы магией и изучали основы Закона Телемы. Оба они уже некоторое время подумывали над этим, но именно теперь, по мнению Кроули, настало время воплощения их намерений. Основание общины, которая была бы организована по типу монашеской, но где царила бы сексуальная свобода, могло бы способствовать достижению нескольких целей. Оно обеспечило бы приток новообращённых, среди которых можно было бы проповедовать слово «Книги Закона» и которые могли бы пополнить кошелёк Кроули.

Какое бы место ни было выбрано для основания общины, оно должно было быть достаточно уединённым и удалённым, чтобы члены общины могли совершенствоваться в магии вдали от любопытных глаз и в особенности от прессы. В идеале общину следовало основать за пределами Англии; если же подобрать страну с тёплым климатом, это бы одновременно разрешило проблемы со здоровьем Кроули.

Кроули замыслил свою общину не только как объект реализации своих идей, но и как убежище, где можно укрыться от лицемерия большого мира. Она будет, — писал он, —

образцом общества нового типа. Основным этическим законом этого общества станет то, что каждое человеческое существо имеет в своей жизни определённое назначение. Каждый человек имеет право исполнить это назначение, но не имеет права заниматься чем-либо другим. Задачей сообщества является помогать каждому его члену достичь своей цели. Из этого следует, что именно в соответствии с основным принципом должны устанавливаться все правила общины и решаться все вопросы управления ею. Мы, таким образом, отказываемся от всех этих диких и уже готовых правил поведения, которые характерны для прежних цивилизаций.

Кроули был глубоко убеждён, что в обществе назревает кризис. По его мнению, моральные устои современного ему общества были антидемократичными и противоречили духу индивидуальности, которой Кроули придавал столь большое значение. В этих условиях единственная надежда заключалась в новом религиозном движении, которое позволит каждому полностью реализовать свой потенциал и достичь своих истинных целей. Кроули подчёркивал, что в основе его учения лежит некая фундаментальная проблема. Индивидуальность, в том виде, как он её понимал (и как сам её практиковал), представляла собой угрозу для существующего порядка и должна была предпринять максимум усилий, чтобы этот порядок

подорвать, причём самый мощный из возможных ударов мог быть нанесён в области сексуальных отношений.

Секс, в понимании Кроули, представлял собой наивысшую форму порабощения одного человека другим. Это обстоятельство, по его мнению, являлось величайшей, фундаментальной проблемой общества, проблемой, пронизывающей всю жизнь и касающейся каждого её аспекта. Кроули испытывал отвращение к тому, как традиционные религии, и особенно христианство, навязали человечеству свою сексуальную мораль в ответ на дохристианское язычество. Идеи целомудрия, моногамии и верности противоречили, по мнению Кроули, сущности человеческого духа и подавляли индивидуальность. Кроме того, христианские нормы устраняли из секса радость и наслаждение, превращая акт любви в «физиологическое отправление, мало чем отличающееся от дефекации». В автобиографии Кроули утверждал, что основой «Книги Закона» была фундаментальная идея о том, что «каждый человек имеет полное право удовлетворять свой сексуальный инстинкт тем способом, который является для него психологически наиболее подходящим. Единственным ограничением является наказ относиться ко всем подобного рода актам как к таинствам».

Подобная идея в 1920-е годы выглядела нелепой, но в современном отношении к сексу она занимает центральное место. Следует сделать единственную поправку: хотя современному человеку позволено заниматься сексом многими разными способами — например, гомосексуализм больше не является преступлением, — никто не считает сексуальный акт священным. Получается, что урок Кроули был воспринят только наполовину. Подводя итог, можно сказать, что, хотя его сексуальная философия далеко опередила своё время, его идеи всё же уходили корнями в прошлое. В контексте сексуальной революции XX века Кроули был переходной фигурой, увенчавшей собой бурный период 1920-х годов. Тем не менее в том, что касается секса, он сохранил некоторые старомодные викторианские представления. Например, он полагал, что «телесные выделения при подавлении сексуальных желаний просачиваются в ткани тела, отравляя их. Семя, не расходуясь и накапливаясь в излишних количествах, затрудняет работу мозга, так же, как избыток желчи: в результате появляются отклонения в психическом и моральном состоянии человека».

Первого марта, после гадания по «И-Цзин» (китайской «Книге перемен»), Кроули выбрал в качестве места для основания Аббатства Телемы деревню Чефалу на Сицилии. По-прежнему не известно, как было выбрано имен-но это поселение. Кроули часто — иногда по нескольку раз в день — обращался к «Книге перемен», но название конкретного пункта пришло к нему не из воздуха. Вероятнее всего, он заглядывал в атлас и, выбрав место, которое

казалось ему наиболее подходящим для его целей как в материальном, так и в духовном плане, проверял его при помощи гадания по «И-Цзин».

Чефалу, находившаяся в сорока милях от Палермо, — маленькая, старая рыбацкая деревня, дата основания которой уходит в глубь веков, в дохристианские времена. Над деревней возвышались величественный собор эпохи норманнов и Рокка ди Чефалу, отвесная скала, увенчанная мегалитическими руинами, которые греки в V веке дон. э. приспособили под храм. Это было именно то, чего искал Кроули. Здесь был мягкий климат, а местность обладала древней историей, что создавало нужную атмосферу; проживание обходилось недорого, а сама деревня располагалась в стороне от оживлённых дорог.

Как только решение было принято, Кроули начал готовиться к переезду. Лия с Пупэ, выписавшись из больницы 8 марта, поехала в Лондон, где остановилась в доме тётки Кроули в Кройдоне. Здесь Лия уладила некоторые деловые проблемы Кроули. Пробыв в Фонтенбло ещё несколько дней, Кроули, Нинетт и двое маленьких мальчиков, Хан-си и Говард, отправились на Сицилию через Марсель и Неаполь, где в гостинице «Метрополь» 27 марта Нинетт и Кроули занимались магическим сексом («per vas ne-fandum»), что должно было помочь им в их путешествии. 31 марта они прибыли в Чефалу, где, проведя одну ночь в какой-то ветхой гостинице, были представлены некоему агенту по недвижимости, которого звали Джордано Джозус и который посоветовал им осмотреть виллу Санта-Барбара. Едва взглянув на виллу, Кроули немедленно дал согласие её снять и принялся нанимать слуг из местных жителей для ухода за домом.

Всё это стало возможным благодаря тому, что Кроули неожиданно получил в виде наследства 700 фунтов, которые были выплачены ему в три приёма. Как раз одной из этих выплатой воспользовался, чтобы профинансировать основание своей общины. Нечего и говорить, что этот временный приток наличных быстро иссяк. На эти деньги Кроули приходилось содержать себя, двух женщин и трёх детей, а также тратиться на текущие нужды общины. Всю оставшуюся жизнь Кроули существовал благодаря случайным источникам дохода, будь то небольшое наследство, пожертвование от учеников, друзей или членов ОТО, или гонорар за статью в печатном издании. Его возмущала нищета, на грани которой он жил, он, вероятно, сожалел о расточительстве, которому предавался в молодости, однако не сдавался, проявляя истинно кроулианский стоицизм.

Первым днём существования Аббатства Телемы (известного также как Collegium ad Spiritum Sanctum или попросту вилла Санта-Барбара) можно

считать 2 апреля, когда Кроули, Нинетт и мальчики въехали в дом. Лия прибыла через двенадцать дней вместе с Пупэ, которая была больна. Вместе Кроули и Лия подписали контракт на аренду дома, причём Лия назвала себя графиней Лея Харкерт а Кроули подписался как сэр Аластор де Керваль. Была заказана и отпечатана дорогая почтовая бумага, причём как Кроули, так и Лия заказали себе визитные карточки: на карточке Кроули значилось «Зверь 666», а на карточке Лии было написано «Алая Женщина Алострад 31 -666-31». В качестве адреса было указано Аббатство Телемы.

Сказать, что расположение дома было идиллическим, — это ничего не сказать. Вилла Санта-Барбара стояла на холме над Чефалу, и вид из неё открывался на четыре мили вокруг. Как Кроули восторженно писал в своём дневнике, а позднее в романе «Дневник наркомана», над домом возвышались скалы,

образуя ломаную линию своими пиками и расщелинами; но на внушающих ужас отвесных склонах можно было видеть остатки древних цивилизаций; греческие храмы, римские стены, водохранилища, устроенные сарацинами, норманнские ворота и дома всех эпох, постепенно разрушающиеся на склонах суровых, иссушаемых солнцем скал... Мы находимся высоко над перешейком, соединяющим полуостров с Большой землёй, далеко на западе мы видим Палермо, на востоке — море. В северном направлении высится мощная гора Чефалоедиум [древнее название Чефалу], а позади нас, на юге, вздымаются холмы, поросшие зелёными деревьями и травой. Мой сад полон цветов и обещает дать богатый урожай фруктов.

Ниже их дома, неподалёку от деревни под названием Л а Калура, находился скалистый полуостров, который можно было использовать как пляж. Повсюду росли узловатые оливы, меж их стволов вилась удобная дорожка от берега до самого дома. Здесь росло даже два персидских ореховых дерева: такие же, по воспоминаниям Кроу-ли, он видел на вилле Калдараццо в 1911 году.

Расположение дома было прекрасным, чего нельзя было сказать о самом доме. Он представлял собой не что иное, как большой, длинный фермерский особняк, выстроенный из камня, с толстыми стенами и крышей из желобчатой черепицы. Дом был одноэтажным, в нём было шесть комнат, пять из которых выходили в шестую, центральную. В доме не было электричества, газа и канализации, но он хорошо снабжался водой. Обстановку дома составляла грубая деревенская мебель, да и той было немного. Для стирки и купания предназначался внутренний двор. При сдаче дома к нему прилагалась коза, которая давала молоко.

Вскоре Кроули приспособил дом для своих целей. Центральную комнату он

превратил в храм. В центре её был установлен разноцветный шестигранный алтарь около трёх футов в высоту, на котором в окружении свечей хранилась «Книга Закона» и различные магические принадлежности, в том числе колокольчик, потир, меч и блюдо, на котором лежали Пирожные Света. Рядом с «Книгой Закона» лежала Регистрационная книга, представлявшая собой дневник событий, происходящих в общине, и церемоний, проведённых в храме. Пол в доме был сделан из терракотовых плиток, поверх которых вокруг алтаря был нарисован тёмно-красный круг с голубой пентаграммой внутри. На месте одного из углов пентаграммы стоял трон, на котором восседал Кроули перед жаровней с курившимися на ней благовониями. По остальным четырём углам пентаграммы были расставлены трёхногие стулья.

В течение нескольких дней Кроули активно работал. Он писал, проводил ритуалы, занимался магическим сексом с Лией и Нинетт, совершал альпинистские восхождения, гулял по горам, рисовал и строил планы. Кроме того, он принимал впечатляющий коктейль из наркотиков как в магических, так и в медицинских целях. Впервые за долгое время Кроули чувствовал удовлетворение. В автобиографии он писал об этом периоде так: «Меня не заботило общественное мнение. Меня не волновала слава или успех. Я был абсолютно счастлив в моём уединении. Я располагал всем своим временем и мог посвятить его работе. Мне ничто не мешало, не было ничего, что могло бы служить для меня искушением или отвлечь меня: Чефалу — это воплощение моих представлений о рае».

За несколько последующих лет Кроули создал удивительное количество литературных и магических трудов. Он исследовал всевозможные магические вопросы, редактировал свои эссе, вёл подробные дневники, составил комментарий к «Книге Закона» и переделал третью часть «Книги четвёртой». Помимо всего этого, он вёл переписку с сотнями людей по всему миру. Он собирался даже снова начать печататься за собственные деньги и подумывал о покупке ручного пресса, чтобы самому печатать собственные тексты, которые продавались бы по десять гиней каждый, а также литографии. Тем не менее план был отвергнут: должно быть, Кроули понял, что издаваться за свой счёт практически означает выбрасывать деньги на ветер.

Когда Кроули был свободен от литературных и магических занятий, он рисовал. С технической точки зрения его работы по-прежнему относились к наивному искусству, однако они стали более интересными и тонкими: практикуясь в живописи, Кроули приобрёл определённые навыки. Не все его картины были выполнены на холсте или дереве. Он начал покрывать росписями стены дома. Некоторые из этих изображений представляли непристойные сцены сексуальной магии. Среди них было изображение бога Пана,

совершающего акт мужеложства с каким-то человеком, причём семя Пана попадает на присутствующую здесь же Алуию Женщину. Другие изображения были описаны Кроули в его дневнике, в том числе женщина со светлыми волосами и её любовник-негр, девять любовников самых разных видов, за которыми наблюдает пятнистая собака, а рядом стоит миска с фантастическими рыбами, длинноногие лесбиянки и девушка-таитянка с любовником-евразийцем. Эти эротические картины должны были приучить посетителей дома к тому, что секс имеет на его территории самое важное значение. «В Аббатстве Телемы в Чефалу, — писал Кроули, — секс изучается научным, образом без стыда и без всяких ухищрений. Все виды страсти подвергаются физиологическому апробированию; любые действия разрешены, если они не причиняют вреда другим; любые действия одобряются, если они не приносят вреда тому, кто их совершает. Эта свобода, цель которой далека от того, чтобы разжигать сладострастие, разрушает одержимость сексом». В противоположность легенде, которая распространилась по поводу дома в Чефалу, далеко не все настенные росписи были эротическими. Многие из них изображали вымышленные пейзажи или запечатлевали образы, увиденные Кроули во сне.

А поскольку сны Кроули по большей части носили на себе отпечаток влияния наркотиков, которые он принимал, цвета на этих картинах были чаще всего яркими и чистыми.

Время от времени Кроули на поезде отправлялся в Палермо, где делал покупки, встречался с проститутками или добывал наркотики у наркоторговца Аматоре, с которым он познакомился. Иногда Кроули оставался на ночь в «Отель де Пальм», а иногда, хоть и гораздо реже, садился на корабль и плыл в Неаполь, чтобы провести день-два с местными проститутками. Как бы ни был он счастлив в Чефалу, всё же иногда ему становилось скучно с его двумя женщинами и их шумным потомством. Кроме того, атмосфера в доме накалялась их взаимной ревностью.

Нинетт ревновала к Лии с самого начала, но Лия и сама была по натуре ревнива. Она приходила в ярость, если видела, что Кроули обратил внимание на другую женщину, а Нинетт, по меньшей мере однажды, угрожала Кроули одним из заряженных револьверов, которые были разложены по всей вилле на случай нападения со стороны сицилийских бандитов, если бы те решили спуститься с холмов. 20 апреля Кроули намеревался провести обряд магического секса с Лией и Нинетт, которых именовал соответственно Первой Наложницей Зверя или Алой Женщиной и Второй Наложницей. Во время церемонии женщины начали ссориться. Нинетт выбежала из дома в слезах. Кроули бросился за ней. Обыскав склон горы, он примерно через час нашёл её

и привёл домой, где они обнаружили опьяневшую от коньяка Лию. Обе женщины, одинаково распалённые ревностью друг к другу, снова принялись ссориться. Кроули не стал вмешиваться и успокоил себя, закурив опиумную трубку.

На следующий день о ревности временно забыли, потому что всех беспокоила Пупэ. Ребёнок перестал есть и чахнул день ото дня. Кроули, очень обеспокоенный здоровьем девочки, телеграфировал в Неаполь, чтобы ему прислали лекарство от желудочных колик. Он снова и снова проверял гороскоп своей дочери, но не находил там ничего утешительного. Нет никаких сомнений в том, что Кроули любил ребёнка: он даже писал об этом в своём дневнике. Однако сейчас он не знал, что предпринять, чувствуя собственное бессилие перед лицом её болезни.

Тем временем для двух маленьких мальчиков жизнь была сплошным развлечением. Они бегали по вилле и её окрестностям, ласково называли Кроули Старым Зверем и ходили с ним купаться, гулять и лазать по скалам. Идея Кроули о раннем образовании была направлена на то, чтобы побудить мальчиков обнаружить их собственные устремления. Кроули был убеждён, что очень важно позволить ребёнку развить собственную индивидуальность, которую формальное образование стремится подавить. Ребёнку следует давать как можно больше интеллектуальных стимулов, но, нельзя силой заставлять его реагировать на них. Кроули считал, что нет смысла в целенаправленном обучении, но, если ребёнок проявляет к чему-нибудь любопытство, предмет его интереса должен быть разъяснён ему во всех подробностях. Обоим мальчикам разрешалось от начала до конца присутствовать при ритуалах сексуальной магии, что, по мнению Кроули, должно было искоренить любые сексуальные комплексы, которые могли зародиться в их детских душах.

Кроули утверждал, что поскольку мальчики имели возможность удовлетворить любое своё желание, они никогда не плакали, не лгали и не путались под ногами; тем не менее он иногда сам бежал от них, пресытившись обществом женщин и детей. Альма, сестра Лии, была другого мнения. Она считала мальчиков маленькими дикими демонами, которые если когда-нибудь и обнаружат свои истинные желания, неизбежно окажется, что эти желания отвратительны. Ханси в возрасте пяти лет уже пристрастился к курению и называл себя Зверем номер 2.

Вскоре на виллу начали прибывать первые посетители. Жизнь в Чёфалу показалась им невероятно свободной — и несущей освобождение, — но в то же время строго контролируемой проводимыми ритуалами. Большинство приезжих проводило время за чтением, прогулками, купанием, приёмом

наркотиков и занятиями сексом, как магическим, так и обыкновенным. В доме царил беспорядок. Дети бродили, где им заблагорассудится, собаки (в том числе та, которую недавно приобрёл Кроули, назвав её по своему капризу Сатаной) входили в дом и выходили из него без всякого присмотра, на полу валялись бутылки вперемешку с ритуальными принадлежностями. Неудивительно, что экономайстер, нанятый из местного населения, набожный католик, подобно большинству жителей Сицилии, не задержался в доме надолго. После того как он ушёл, за домом уже никто не следил. Еды хватало, чтобы насытиться, э она была плохого качества, потому что никто не хотел готовить на всех. Процесс поиска своих истинных желаний э включал составления графика дежурств по дому.

Существовал разработанный Кроули курс обучения, оторый посетители и жильцы дома должны были пройти, но большинство людей игнорировало его или относи-ось к нему чисто формально. Членам А.А., позволялось э время церемоний облачаться в свои магические одеяния, но все остальные должны были носить просторные плащи1 ярко-голубого цвета с капюшонами и широкими рукавами, похожие на академические мантии. Если в таком одеянии человек поднимал руки и держал их горизонтально, его силуэт должен был напоминать букву «Т». Мантии имели алую подкладку и подпоясывались золотыми кушаками. Мужчинам предписывалось брить головы, оставляя лишь одну прядь волос на лбу, как это делал Кроули, женщины должны были красить волосы хной. Каждый обязан был вести персональный магический дневник, читать который позволялось всем.

День начинался с рассветом, когда Лия била в гонг, созывая всех на богослужение, посвященное Ра, Солнцу. Магическая молитва предшествовала завтраку, который состоял из козьего сыра, хлеба и кофе и проходил в тишине. Молитва, которую Кроули называл Молитвой Воли, звучала так: «Делай что желаешь — таков весь закон. Что такое Желание? Вот моё желание есть и пить. Для чего? Чтобы этим укреплялось моё тело. Для чего? Чтобы я мог выполнить Великий Труд. Любовь — это Закон, любовь по желанию. Принимайтесь за еду!» Остаток дня проходил в свободном режиме, если не считать ритуалов, проводимых в определённое время, а также молитв, возносимых к Ра в полдень, вечером и в полночь. Время от времени Кроули проводил Гностическую Мессу, во время которой каждый выпивал бокал вина и ел Пирожные Света. Обедали в полдень, а ужин подавался перед самым закатом солнца, после чего читали «Книгу Закона». Вино подавали часто, и, в отличие от еды, оно всегда было превосходного качества.

В дополнение к обычным занятиям на открытом воздухе Кроули изобрёл новый вид спорта, которым можно было заниматься во внутреннем дворе

виллы. Он назывался Игрой Телемы. Играли футбольным мячом, а правила игры слегка напоминали игру в пятёрки. При этом внутренний двор размечался точно так же. К мячу разрешалось прикасаться любой частью тела, а сама игра была очень быстрой и утомительной.

Наркотики в Аббатстве Телемы были, разумеется, в открытом доступе. Кроули учил, что единственный способ освободиться от пристрастия к наркотикам — это принимать их по собственному желанию и подчинить их себе при помощи Воли. В противоречие позднейшим утверждениям прессы в Аббатстве не проводились оргии с наркотиками, но кокаин и гашиш имелись в изобилии. Каждого, с кем случалась передозировка, Кроули наказывал за злоупотребление наркотиками, тогда как их нужно было лишь использовать для собственного духовного роста.

Несмотря на такое достаточно спокойное отношение к употреблению наркотиков и злоупотреблению ими, Кроули был очень обеспокоен проблемой наркотиков, но хранил это беспокойство глубоко в себе. Причиной волнений Кроули была развившаяся у него зависимость от героина. Он знал, что попал на крючок, и испытывал в связи с этим фактом одновременно стыд и раздражение: он нередко пытался порвать с пагубной привычкой, но каждый раз с новой силой к нему возвращалась астма, и он снова брался за героин, чтобы облегчить свои страдания. При всём этом, однако, он не перестал давать героин другим. В мае 1920 года Лия, когда у неё поднялась температура, получила от него дозу, которая должна была помочь ей уснуть. Ещё через два месяца Кроули упоминает в дневнике, что принял дозу героина, чтобы составить компанию Лии.

В Чефалу Кроули часто болел: в течение всей своей жизни он никогда не был абсолютно здоровым, но на Сицилии здоровье его время от времени особенно ухудшалось. Вдобавок к заболеванию бронхов у него часто бывали приступы рвоты, он плохо спал, страдал от лихорадки и диареи. У него периодически зудела кожа от героиновой ломки. Может быть, сицилийский климат и мог способствовать улучшению здоровья, но условия жизни на вилле были антисанитарными, пища — скудной и некачественной, поэтому не помогло даже множество наркотиков, которые принимал Кроули.

Несмотря на свою зависимость от героина и пристрастие к гашишу, основным наркотиком, который Кроули использовал в Чефалу, был кокаин. Этот наркотик не вызывал физиологического привыкания, но Кроули опасался, что впал в зависимость от него так же, как и от героина.

23 мая он записал в своём дневнике: «Я чувствую, как в моём разуме начинает

утверждаться сама возможность наркотической ломки». Со временем его положение становилось всё более затруднительным. Он принимал кокаин в магических целях, стремясь укрепить волю, и, тем не менее, спрашивал себя: «Что сильнее, моя воля или наркотик? Я должен доказать, что я — хозяин и мастер. Как я сделаю это? При помощи кокаина!» По дневникам Кроули видно, что он испробовал кокаин во всех его видах: кокаин казался ему бодрящим, его воздействие способствовало увеличению творческой энергии Кроули, и в то же время этот наркотик приводил его в подавленное, апатичное состояние. Чего с ним не произошло, в отличие от многих других любителей кокаина, так это то, что у него не развилась паранойя. 12 июля Кроули провёл сеанс сексуальной магии, направленный на то, чтобы победить пристрастие к кокаину. Во время церемонии он предложил запереть от него кокаин, чтобы тем самым вынудить его перестать принимать этот наркотик. Но продержался он недолго. Через девять дней утром у Кроули началось сильное кровотечение из носа. Кокаин и другие наркотики, которые он вдыхал или нюхал, оказывали разрушительное действие на его носовую полость. В августе Кроули записал в дневнике, что они с Лией вдохнули литр эфира, тогда как обычная их порция составляла лишь десятую часть от этого количества.

Отношения с Лией как с Алой Женщиной имели для Кроули величайшую важность. Он верил, что внутри неё обитает Великая Богиня и что во время физических (то есть сексуальных) сношений с ней он вступает в контакт с божеством. Он дал клятву повиновения Лии как Алостраэль, или своей Алой Женщине, после чего Лия совершила над ним несколько унижительных действий, чтобы он мог проверить себя. Он позволил ей жечь себя концом сигареты, а потом она заставила его есть её кал. Несмотря на это, он заявлял: «Я люблю Алостраэль; она — моё утешение, моя опора, страсть моей души, награда моей жизни, воплощение моей мечты», и всё потому, что она способствовала его магической деятельности. Она служила медиумом, при помощи которого Кроули мог вступить в контакт с астральным миром. В конце лета Лия и Кроули решили, что им вновь следует направить свои занятия сексуальной магией на то, чтобы Лия забеременела, причём вновь зачатый ребёнок должен был стать воплощением Айвасса.

Характерно, что Лия и Нинетт не были единственными женщинами, о которых Кроули оставлял заметки романтического или магического характера. Он, например, написал Хелен Холлис (которую называл Змеёй) с предложением выйти за него замуж: она отклонила предложение. В марте 1920 года, незадолго до отъезда из Парижа в Чефалу, Кроули провёл с Нинетт ритуал сексуальной магии, направленный на достижение «успеха у Эме Гуро», богатой вдовы, с которой Кроули встречался в Британии и Америке. Но она также отказалась от

предложения о женитьбе.

Однако была одна женщина, которая по-настоящему завладела вниманием и воображением Кроули. Это была актриса немого кино из Голливуда, которую звали Джейн Вульф, снявшаяся в более чем тридцати фильмах. Эта женщина внимательно изучала труды Кроули и с 1917 года вела с ним переписку, однако они никогда не встречались. За это время Кроули стал в её глазах тем учителем, которого она так долго искала и который, как ей казалось, мог спасти её от самой себя. Со своей стороны Кроули, который любил ходить в кино, представлял её себе тонкой, хрупкой юной красавицей. Что в ней действительно было хрупким и ломким, так это её личность. Она принимала веронал и однажды совершила попытку самоубийства. К 1920 году их переписка приняла романтический оборот, и Кроули пригласил её в Чефалу. Возможно, он думал о ней как о своей следующей Алой Женщине.

Кроули пригласил Джейн Вульф не прямо на Сицилию, а попросил её приехать в Бу-Саада в день летнего солнцестояния. Таким образом он устраивал ей своего рода проверку, а также давал себе возможность познакомиться с ней в отсутствие Лии и Нинетт. Он выехал из Чефалу 22 июня, но затем переменял намерения и телеграфировал Джейн, прося её встретиться с ним в Тунисе, где он намеревался позаниматься гомосексуальной магией с покладистыми в этом отношении арабскими юношами. Телеграмма не дошла до Джейн Вульф, которая приехала в Бу-Саада и несколько дней ждала там своего учителя в условиях палящей жары. Тем временем Кроули отчаялся дождаться её и 10 июля вернулся на Сицилию. Наконец, устав от жизни в пустыне, Джейн Вульф и сама отправилась на Сицилию и 23 июля прибыла в Палермо, где её встретила Лия.

Первая встреча совершенно не вдохновила Джейн. Лия была одета в грязное чёрное платье, да и самой ей явно не мешало помыться. Когда Лия представила Джейн Кроули, тот был одет во что-то яркое и безвкусное, увешан множеством браслетов, а в ушах у него красовались кольца: он проколол уши в первый же день по возвращении из Туниса.

На следующий день все трое сели на поезд, шедший в Чефалу, а из Чефалу совершили пешую прогулку по оливковым рощам до Аббатства. Вид Аббатства чрезвычайно разочаровал Джейн. Это место вызвало «физическое отвращение, и, по мере того как шло время, я всё более явно ощущала омерзительный запах, который окутывал дом и его окрестности; казалось, что он поднимался до самого неба. Я не могла дышать». Не меньшим разочарованием стала для Кроули и она сама. Он совсем не так представлял себе кинозвезду. Блистательной юной красавицей она не была. Достаточно сказать, что она бы

Как только Джейн Вульф появилась в Аббатстве, Кроули посвятил её в А.˙.А.˙., начав учить её йоге и курению опиума. Она была шокирована поведением остальных те-лемитов, как называли себя члены общины, но со временем примирилась с местными нравами. Кроули соорудил для неё простую хижину неподалёку от виллы, забрал у неё все вещи и одежду, вручил простое шерстяное платье, карандаш и блокнот, где она должна была вести свой магический дневник, и изолировал её от всех. Никому не разрешалось приходить к ней, но каждый вечер к Джейн посылали Говарда, который приносил ей пропитание на завтра: виноград, хлеб и воду. В течение нескольких недель, как когда-то Нойбург в Болескине, она страдала от множества неудобств, но со временем привыкла и к завершению срока такой уединённой жизни обрела глубокое спокойствие и внутреннюю умиротворённость. Оставшись, она затем прожила в Аббатстве почти столько же, сколько и сам Кроули, работая его секретарём, а также помогая ему делать некоторые из неэротических настенных росписей и пытаясь поддерживать в доме хотя бы видимость чистоты и порядка.

В сентябре 1920 года Кроули и Лия, которая снова была беременна, отправились в Неаполь. Кроули нужен был дантист, а Лии — глазной врач. Ненадолго заехав на Капри, они вернулись в Чефалу, где их ожидала трагедия. Пупэ, которая постоянно болела с самого рождения, почувствовала себя ещё хуже. Её отправили в больницу в Палермо, где она умерла 14 октября. Кроули был безутешен. Через шесть дней трагедия усугубилась тем, что у Лии произошёл выкидыш. Не случись этого, Лия родила бы мальчика, первого сына Кроули и воплощение Айвасса. Из всех этих несчастий Кроули сделал вывод, что не следует ни сосредоточиваться на прошлом, ни строить планов на будущее: жизнь преходяща, и значение имеет лишь то, что происходит сейчас. Он решил сконцентрироваться на своей миссии проповедника Закона Телемы, даря свою любовь не только горстке избранных, но всему человечеству.

Обезумев от своей потери, Лия стала неуправляемой и обвинила Нинетт, которая сама была на восьмом месяце беременности, в том, что та магическими средствами спровоцировала выкидыш. Кроули сумел завладеть магическим дневником Нинетт, чтобы посмотреть, на самом ли деле это было так. Он был глубоко шокирован прочитанным. «Я был чрезвычайно напуган, — писал он в своём — дневнике, — тем, сколь ужасно человеческое сердце. Я никогда не подозревал, что такое возможно». В результате всего этого Кроули изгнал Нинетт из Чефалу, запретив ей возвращаться раньше, чем родится её собственный ребёнок. Ей не пришлось долго ждать. 26 ноября она родила дочь, которой дали имя Астарта Лулу Пантея, причём первое слово было именем проститутки, считавшейся одним из прежних воплощений Кроули.

За несколько дней до этого на виллу прибыл Сесиль Фредерик Рассел, один из первых американцев, вступивших в А.А.А., который познакомился с Кроули в Нью-Йорке летом 1918 года. В прошлом он служил в Военно-морском флоте США, а теперь выполнял самую простую работу в военно-морском госпитале в Аннаполисе. От военной службы Рассел был отстранён за передозировку кокаина, спровоцированную чтением «Равноденствия» с рассуждениями Кроули о наркотиках и магии. К сожалению, Рассел был неотёсанным малым. Кроули утверждал, что он покрыт «скорлупой стопроцентно американской вульгарности, под которой скрывается Великий Посвященный». Он нередко казался суровым и был склонен к дурному настроению, но вместе с тем прекрасно разбирался в литературном творчестве Кроули и многие его стихи знал наизусть. При столкновении с любыми властями Рассел вёл себя как неистовый бунтарь: этот недостаток Кроули надеялся изгнать из него в своём Аббатстве. Это намерение Кроули с неизбежностью привело к тому, что между ним и Расселом установились напряжённые отношения, а между их личностями началось длительное противостояние. Они часто спорили, и Кроули видел, как заносчивость Рассела разрушает характер этого человека и делает его закрытым и замкнутым.

Один из главных камней преткновения был связан с гомосексуальной магией. Кроули начал проводить серию сексуальных ритуалов с Лией и Расселом, но тотуча-ствовал в них неохотно. Кроули так описывал происходившее в своём дневнике: «После ужина мы послали за Genesthai [магическое имя Рассела]. Было около 11 часов вечера Opus V. Genesthai in ano meo. Алостраэль должна была возбуждать пенис Genesthai рукой, чтобы добиться эрекции, после чего ей следовало ввести его пенис в мой анус. Оргазм был невероятно мощным. Почти весь Эликсир впитался; Алостраэль, которой я предложил его, досталось лишь несколько капель». В своей автобиографии Рассел, который был гетеросексуалом и с неприязнью относился к гомосексуализму, резко заявил: «На твою обольстительную магию член у меня не встал», после чего добавил, что «этиловый эфир не возбуждает чувственности».

Рассел остался в Чофалу на год, но его пребывание в Аббатстве принесло только разочарование. Кроули ожидал от него великих свершений, возможно, надеялся даже, что Рассел станет его магическим сыном, но все эти надежды не сбылись. Хотя Рассел и Кроули продолжали переписываться, близкие отношения между ними прекратились, как в личном, так и в магическом смысле. После пребывания на Сицилии Рассел вернулся в Америку, где в начале 1930-х основал своё собственное оккультное общество под названием Клуб Хоронзона. Ритуалы этого общества представляли собой ухудшенную копию ритуалов ОТО и «Золотой Зари», топорно соединённых с небольшим

количеством обрядов сексуальной магии.

Зимой 1920 года запасы денег снова начали истощаться. В начале нового года Кроули отправился в Париж с важной миссией благотворительного сбора денег. Лия осталась отвечать за ведение дел в Чефалу. Нинетт вместе с её новорождённым ребёнком разрешили вернуться в общину, причём Кроули наказал обеим женщинам не ссориться во время его отсутствия.

В Париже Нина Хэмнетт познакомила Кроули с Джот ном Салливаном, математиком и научным экспертом газеты Times, а также с его подругой Сильвией. Кроули и Салливан немедленно подружились. В течение двух недель они встречались почти каждый день. За это время Кроули развернул перед своими новыми знакомыми основные положения своей философии и познакомил их с сексуальной магией. У Салливана и Сильвии была большая разница в возрасте, и отношения их осложнялись проблемами сексуального характера. Эти проблемы Кроули, судя по всему, удалось устранить. Кроули предложил Сильвии поехать вместе с ним в Чефалу, и отношения их могли бы иметь продолжение, если бы Сильвия не забеременела, хотя и неясно от кого: разумеется, Кроули занимался с ней сексом в порядке «инструкции» к сексуальной магии. Салливан обдумал предложение Кроули и отказался. Кроули не очень переживал на этот счёт и утверждал, что Сильвия была ему симпатична, но «что это не имело большого значения. Она была лишь одной из миллионов других девушек».

Хотя чета Салливанов была потеряна для Аббатства, вернувшись на Сицилию 6 апреля, Кроули обнаружил в Аббатстве новичков — английскую писательницу Мэри Баттс и её друга, Сесилия Мэйтланда. Несмотря на это, Кроули был разочарован до предела. Денег ему по-прежнему едва хватало на насущные нужды, а зависимость от героина его подавляла. Он знал, что только его воля может помочь ему избавиться от власти наркотиков, поэтому он совершал горные восхождения, занимался живописью в стремлении обрести контроль над пагубной привычкой: однако терпел поражение. Кроме того, ему казалось, что дисциплина в Аббатстве постоянно слабеет. Слишком многие стали считать Аббатство загородной виллой для отдыха, поэтому Кроули стремился побуждать всех уделять магии больше внимания. Тем временем в магической карьере самого Кроули возникли сложности.

В это время он уже именовался Ipsissimus, занимая тем самым высшую ступень в магической иерархии. Он стал выше, чем Маг, для него отныне были стёрты границы между добром и злом, и, в сущности, он стал всемогущим. Осознание этого, а также данная им клятва хранить: ё в тайне пугали его, но едва ли это могло его остановить. Он никому не рассказал о том, что достиг столь высокого

положения, хотя, должно быть, всё же поделился иной со своей Алой Женщиной, поскольку это означало, что он стал богом, избавившись от всего человеческого. Отныне, когда бы он ни входил в неё, она вступала в связь не с человеком, но с божеством.

Новоявленный бог не обратил особого внимания на Мэри Баттс и Сесилия Мэйтланда, когда они только прибыли в Аббатство. Он описывал Мэри Баттс как «надутую, претенциозную и глупую» особу и называл её «толстой рыжеволосой капризницей». На самом деле это была двадцативосьмилетняя очень общительная привлекательная женщина. Она любила командовать, постоянно кокетничала и заражала своей энергией других. Её интерес к магии, как вскоре увидел Кроули, представлял собой не более чем забаву и стремление удовлетворить любопытство, однако ему казалось, что он может внести порядок и покоив пустые жизни этих людей.

Для Мэйтланда пустая жизнь закончилась через несколько дней после его прибытия в Аббатство. Однажды он упал за борт корабля, снявшегося с якоря у берегов Цейлона. А так как Мэйтланд не умел плавать, с тех пор у него развился страх перед глубиной. Кроули взял Мэйтланда с собой на каменистый мыс, расположенный ниже селения Ла Калура. Они разделись, а затем Кроули повёл его вдоль скал, прямо над глубиной, причём, чтобы не упасть, нужно было держаться за камни. В какой-то момент Кроули оставил Мэйтланда на скалах, прыгнул в воду и вплавь вернулся к началу их маршрута. Мэйтланд в панике начал карабкаться вверх по засиженным морскими птицами скалам. Босой, абсолютно голый, он проделал обратный путь до того места, где они с Кроули оставили одежду. На это у него ушёл целый час. Он явился весь в ушибах, царапинах и кровоподтёках, страшно раздражённый. В глазах Кроули это был первый шаг на пути возвращения Мэйтланда к самому себе, начало обретения им мужского достоинства.

Очевидно, что у Кроули были какие-то планы относительно Мэйтланда. Он возложил на него ответственность по «выпеканию» Пирожных Света, и, когда Мэйтланд наконец признал своё поражение и уехал вместе с Мэри Баттс, Кроули был огорчён. В очередной раз, считал он, талантливый человек пренебрёг своим талантом ради женщины. И Мэри Баттс, и Мэйтланд были шокированы некоторыми ритуалами, которые им довелось увидеть в Чефа-лу. Одно дело, когда им пришлось принимать участие в ритуале изготовления Пирожных Света, во время которого Кроули принёс в жертву петуха, чтобы взять его кровь, и совсем другое — присутствовать при скотоложстве.

Один из таких ритуалов, автором которого был Кроули, заключался в том, что на обнажённую Лию должен был взобраться козёл. Лии следовало встать на

четвереньки, чтобы козёл мог совокупиться с ней. В момент оргазма Кроули должен был перерезать животному горло. Всё шло нормально, пока животное не отказалось наотрез играть роль сексуального партнёра. Несмотря на это, когда передние копыта козла расположились у Лии по обоим бокам, Кроули зарезал животное. На спину Лии хлынула кровь. Она, несколько поражённая и, несомненно, под воздействием наркотиков, поднялась на ноги и спросила у Мэри Баттс, что ей делать дальше. Должно быть, Лия ожидала каких-то магических указаний, но вместо этого весь вид и взгляд Мэри подразумевали, что Лии срочно следует помыться.

Мэри Баттс и Мэйтланд уехали из Чефалу 16 сентября, прожив в Аббатстве около двенадцати недель. Они были недовольны своей поездкой и позднее утверждали, что пребывание в Аббатстве подорвало их здоровье. Кроме того, оба они вернулись из Чефалу наркоманами.

Потерпев неудачу с Мэри Баттс и Мэйтландом, Кроули был вознаграждён тем успехом, которого добился в Аббатстве Фрэнк Беннет. В прошлом член Теософского общества, которое, по его мнению, ничего ему не дало, он впервые написал Кроули в 1909 году спрашивая; может ли и магия устранить физическую боль, которую он испытывает, а также голоса, которые он слышит у себя в голове. Он стал членом ОТО и А.˙.А.˙., приняв магическое имя Frater Progradior. Тем не менее перед 1914 годом он эмигрировал в Австралию, где работал каменщиком. Теперь Кроули пригласил его в Чефалу.

Приезд Беннета 17 июля создал некоторые сложности. Все комнаты виллы были заняты. Община в это время состояла из Кроули, Лии и её сына, Нинетт и её двоих детей, Джейн Вульф, Мэри Баттс, Сесия Мэйтланда и Сеси-ля Рассела. Кроули решил, что Рассел должен уступить своё место Беннету, так как он был старше его по возрасту (Беннету было за пятьдесят) и являлся опытным магом. Рассел, который никогда не мог покорно повиноваться, страшно разгневался. Тогда Кроули предложил Расселу некоторое время пожить в Палермо. Рассел, сочтя это изгнанием, пришёл в ярость, стремительно выбежал из дома и взобрался на скалу у Чефалу. Нинетт пошла за ним, прихватив с собой немного еды и воды, и нашла его в полуразрушенном сарае. Он отказался от пищи и воды, объявив, что поклялся восемь дней не прикасаться ни к тому ни к другому. На следующее утро Рассел появился на вилле, швырнул свой магический дневник в лицо Кроули и отправился в Чефалу, чтобы побриться в парикмахерской. Рассказывают, что когда брадобрей начал намыливать Расселу лицо, тот соскочил со стула и пустился бежать, внезапно вспомнив о своей клятве не прикасаться к воде.

Неизвестно, как в конце концов уладились все эти домашние неурядицы, но,

возможно, делу помогла Джейн Вульф, она решила снова уединиться для занятий магией и поселилась на берегу в альпинистской палатке Кроули, сохранившейся со времён гималайских экспедиций. Однако для неё это оказалось нелёгким испытанием. Местные жители, предположив, что её выгнали с виллы, потому что она якобы больна каким-то заразным инфекционным заболеванием, начали забрасывать её камнями. Один из камней, разорвав полотно палатки, сильно ранил её в голову.

Кроули был высокого мнения о Беннете. Он говорил: «Я уважаю и люблю его как никого другого из членов моего Братства: поскольку он являет собой человеческое существо самое слабое (и потому самое сильное) и самое благородное (а следовательно, самое "обыкновенное")». Приехав в Аббатство, Беннет был, по словам Кроули, «уставшим от жизни, отчаявшимся найти истину» человеком. Кроули устроил ему короткое магическое уединение, длившееся несколько дней, после которого тот вернулся обновлённым и умиротворённым.

Учить Беннета магии было нелегко. Он был хорошим человеком, но отнюдь не интеллектуалом, и у него имелись трудности в усвоении магических идей. Кроули говорил, что обучить Беннета каббале так же сложно, как заставить осла идти в гору. Что касается Беннета, то он писал в своём дневнике: «Я решил, что не допущу, чтобы [Кроули] когда-либо разочаровался во мне, поскольку я намерен провести остаток жизни, распространяя его учение». Он искренне и всерьёз восхищался своим учителем, поскольку благодаря Кроули Беннет решил свои психологические проблемы. Когда Беннет вернулся в Австралию, Кроули искренне скучал о нём.

К концу 1921 года, несмотря на то что Кроули едва хватало денег на жизнь, у него возникла грандиозная идея разместить Аббатство Телемы в новом, специально построенном для него комплексе зданий. Главный храм должен был иметь круглую форму и венчаться стеклянным куполом. Окружать его должны были наружные постройки, предназначенные для разнообразных магических целей. Стоимость проекта составляла 5000 фунтов. С просьбой профинансировать строительство Кроули обратился к барону Ла Кальче, заведующему ссудами и сбережениями в банке Палермо, который назывался Каса ди Риспармио. Как и следовало ожидать, банк отказался вложить средства в это предприятие, несмотря даже на то, что именно барон являлся владельцем виллы Санта-Барбара и время от времени с удовольствием принимал участие в сексуальных развлечениях телемитов.

В течение зимы 1921 года на вилле побывали разные посетители. Откуда-то взялся человек по имени Джон Стеннинг. Приехала Мими, сестра-близнец

Нинетт, вместе с их общей старшей сестрой Хелен Фро, которая родилась на двадцать лет раньше своих младших сестёр. Мими, утращённая и подавленная личностью Кроули, пробыла на вилле недолго, но через некоторое время поехала в Америку и вышла там замуж за Рассела. Хелен Фро, в высшей степени неприятная старая дева, самым недвусмысленным образом ополчилась на Кроули. Её враждебность была такова, что примерно через месяц Кроули приказал ей покинуть Аббатство. В ответ на это она поехала в Палермо и обратилась в полицию, где дала письменные показания под присягой, описав все те скандальные вещи, которые творились на вилле. Местная полиция прибыла в Аббатство с инспекцией. Явился даже сам местный заместитель префекта, но не увидел на вилле ничего противозаконного. Потерпев неудачу, Хелен Фро уехала домой, и Кроули записал в своём дневнике 7 января 1922 года: «Наконец-то кишки Аббатства сократились и очистили организм общины от Х. Фро».

По мере того как продолжалась зима, у Кроули усилился бронхит, а вследствие этого и астма. Чтобы справиться с болезнью, он стал употреблять больше героина. Он принимал несколько порций героина с утра, а затем в течение дня нередко добавлял ещё несколько, так что за день употребляемое им количество героина доходило до пяти гран. В добавление к этому он по меньшей мере три раза в неделю принимал кокаин и вдыхал эфир, что лишь усугубляло его проблемы с дыханием. Он совершал длительные прогулки, чтобы ослабить своё влечение к героину, но всегда возвращался к наркотику, поскольку становился вялым и раздражительным и нуждался в чём-то, стабилизирующем его состояние.

В феврале 1922 года Кроули и Лия отправились третьим классом во Францию. Они искали новых людей, которые могли бы стать членами Аббатства, а заодно пополнить бюджет общины, но у Кроули в этой поездке была ещё одна цель. Оставив Лию в Париже, он поехал в Фонтенбло и снял комнату в пансионе «КадранБлё». «Я, Зверь 666, — заявил Кроули в своём дневнике, — желая проверить силу своей Воли и степень своей смелости, отравил свой организм за последние два года и достиг наконец такой степени интоксикации, что вывод наркотиков из организма стал провоцировать ужасные приступы "ломки"». Так Кроули называл приступы астмы.

Поселившись в гостинице, Кроули принялся реализовывать свою программу избавления от наркотической зависимости. Он совершал долгие прогулки по лесу Фонтенбло, а также попеременно принимал горячие и холодные ванны, что считалось хорошим средством от опиумной зависимости. Как и следовало ожидать, у него появились все симптомы ломки. Он чувствовал себя очень нездоровым, страдал поносом, желудочными коликами, его глаза слезились, и

он не мог спать. После того как он перестал принимать героин, ему пришлось как-то бороться со своим бронхитом, который он пытался лечить пастилками, компрессами и ингаляциями, но всё это почти не помогало. Нередко, придя в отчаяние после жестокого приступа кашля, который приносил с собой состояние ужасающей усталости, Кроули принимал небольшие дозы героина. Осознав, что здоровье его становится всё хуже, Кроули обратился за помощью к доктору Эдмунду Гро.

Тот прописал ему курс люминала и порекомендовал пожить в санатории, но Кроули едва ли мог позволить себе покупать люминал, не говоря уже о санаторном лечении.

Ища отдыха оттого строгого режима, который Кроули сам себе предписал, он каждую неделю приезжал в Париж, чтобы встретиться с друзьями, а при случае и заняться сексом. Одним из триумфов этого времени стала победа, одержанная им над Эме Гуро, которая долго не поддавалась на его ухаживания и момент соблазнения которой был отмечен Кроули в его дневнике: «Моей задачей было «Победить», и я сделал это». Тогда же Кроули проводил работу с неким молодым англичанином по имени Августин Бут-Клибборн, излагая ему основы Закона Телемы, а также предлагая ему поехать в Чешалу и вступить в А.№729;.. Казалось, что молодого человека увлекла эта идея, поэтому Кроули подготовил для него письменный обет, который тот должен был подписать, но при виде документа молодой человек пошёл на попятную. Его отпугнули денежные притязания Кроули: в самом деле, Кроули уже подсчитал, какую сумму молодой человек должен попросить у своей семьи. Потеряв такого кандидата в члены Аббатства, Кроули записал в дневнике: «Он оказался слишком трусливым, чтобы подписать это. Он подумывал предать и обмануть меня — но страшно испугался». На самом деле Кроули приходил в отчаяние, оттого что начал терять способность влиять на людей.

В конце марта Кроули поехал в Булонь, чтобы встретить Лию, которая пароходом возвращалась из Англии. В гостиницу, где он поселился, явилась полиция с намерением допросить Кроули. Полицейские решили, что он — англичанин по фамилии Бивен, которого британские правоохранительные органы разыскивали за мошенничество. За поимку этого человека было назначено вознаграждение в размере 25 тысяч франков. Кроули удивило то, что по ошибке его приняли за другого, однако в остальном

он остался спокоен. Его отношения с Лией, у которой тоже развилась зависимость от героина и которая кашляла кровью, ухудшались день ото дня. Кроули так описывал свою жизнь в то время: «Весь период начиная от моего возвращения в Париж можно обозначить словами "от плохого к худшему". Лия

является сильнейшей отравой для моего духа. Мы искренне и глубоко любим друг друга; мы испытываем друг к другу симпатию; мы делаем всё, чтобы помочь друг другу, — но мы разрушаем друг друга, как рак разрушает организм».

Поскольку Кроули так и не удалось завербовать людей для поездки в Чефалу, он решил отправиться в Лондон. Возможно, ему ещё улыбнется удача и он сможет получить какую-нибудь журналистскую работу. Помехой являлась только его одежда. Кроули был одет в лохмотья, которые совсем не годились для Лондона. Кроули знал, как и любой бедный человек, что деньги не приходят к тому, кто выглядит бедным и беспомощным. Не имея денег на покупку новой одежды, он вспомнил, что послал в одну из британских фирм свой шотландский костюм, чтобы его подремонтировали и привели в порядок. Он вытребовал костюм обратно и в таком одеянии вместе с Лией в начале мая явился в Лондон. С собой у них было лишь около десяти фунтов.

Одним из первых действий, предпринятых Кроули в Лондоне, стала его попытка забрать собственные книги, которые до сих пор хранились в Chiswick Press. Двумя годами раньше издательство было продано, и его новые хозяева требовали, чтобы Кроули заплатил за хранение и забрал книги. Теперь Кроули располагал той самой непомерной суммой в 350 фунтов, которую и заплатил издательству, воспользовавшись недавно полученным небольшим наследством, однако компания всё равно отказалась выдать ему книги. У Кроули не было денег, чтобы судиться с издательством, поэтому он пустил дело на самотёк. Новые владельцы издательства отныне не желали иметь с ним дела. Жестоко расстроенный таким поворотом дел, Кроули отступился.

Оказавшись в Лондоне, Кроули воспользовался возможностью связаться с семейством Келли, не потому, что он беспокоился о Роуз, но для того, чтобы узнать, как поживает его дочь. Возможно, он надеялся также, что семейство проникнется к нему жалостью и он получит немного денег, однако, судя по всему, этого не произошло. Джеральд Келли согласился встретиться с Кроули, чтобы поговорить о Лоле Зазе, которой уже исполнилось пятнадцать лет. Однако эта встреча не была встречей родственников. Келли, по словам Кроули, «был раздражён и озадачен тем, что дочь Льва не выросла овцой! Лола Заза неуправляема. Она всех презирает, считает себя гениальной, глупа, неряшлива, некрасива, раздражительна и так далее, и так далее. Боже мой! И всё-таки хорошо быть Львом!»

Единственным орудием, которое могло помочь Кроули заработать деньги в его ситуации, было его перо. Он связался с издателями, которых знал раньше, но большинство из них старались его избегать. Только Остин Хар-рисон из English

Review согласился сотрудничать с ним, однако при условии, что Кроули будет писать под псевдонимом. Согласно этой договорённости, Кроули предложил ему статью, посвященную столетию со дня смерти Шелли, а также другую, которая была напечатана в июньском номере журнала и называлась «Большие заблуждения по поводу наркотиков». Последняя статья, якобы написанная американским доктором, в пух и прах разносила теорию о возможности наркотической зависимости. В следующем номере появилась ещё одна статья Кроули, написанная от лица вымышленного лондонского доктора, который выражал согласие с американским «коллегой». Тот факт, что Кроули мог писать подобную ерунду, в то время как сам осознавал свою зависимость от наркотиков и прилагал столько усилий, чтобы справиться с ней, несомненно, достоин порицания.

Как и следовало ожидать, Кроули вскоре поссорился с Харрисоном из-за денег и вынужден был искать новый источник дохода. Он установил контакте издателем Грантом Ричардсом, рекомендацию к которому получил от Джона Салливана. Кроули хотел узнать у Ричардса, не согласится ли тот заняться продажей его книг, хранящихся в Chiswick Press, а также профинансировать написание и издание его мемуаров. Ричарде отказался от обоих предложений. Не отчаиваясь, Кроули предложил Ричардсу заключить контракт на «бульварный роман, взывающий к истерии и похоти помешанной на сексе публики; о помешательстве на почве наркотиков». Ричарде снова отказал Кроули, но посоветовал обратиться к другим издателям. Дж.-Д. Бересфорд, редактор отдела беллетристики в издательстве Уильяма Коллинза, заинтересовался идеей Кроули и предложил ему шестьдесят фунтов в качестве аванса. Это было очень мало, но Кроули ничего не оставалось, как согласиться: всё-таки это были реальные деньги.

Недолго думая, Кроули принялся писать свою первую по-настоящему коммерческую книгу, за издание которой он не должен был платить ни пенса. Он вызвал Лию из Парижа, куда она на время уехала, и 4 июня начал диктовать ей текст своего нового романа в комнате, которую они для этого сняли на Веллингтон-сквер, 31, неподалёку от Кингс-роуд в Челси. Через двадцать семь дней книга была написана. Кроули озаглавил её «Дневник наркомана». Воодушевлённый, Кроули передал рукопись в издательство и сообщил, что он мог бы также написать автобиографию, хотя, в шутку, постоянно употреблял слово автохагиография (hag — «ведьма», «карга», «колдунья», «чародейка»). Издатели прочитали синопсис будущей книги и согласились заплатить аванс в 125 фунтов.

В течение всего периода своей бурной литературной активности Кроули накачивал себя героином. То же делала и Лия. Это был единственный способ,

при помощи которого они могли поддерживать себя в форме для работы. К этому времени зависимость Кроули была настолько сильна, что наркотик уже не оказывал никакого неблагоприятного воздействия на его ум и воображение. К 1 июля, когда роман был завершён, Лия оказалась в крайне измождённом состоянии. В общей сложности она записала (не прибегая к стенографии) 121 тысячу слов и почти сразу же уехала в Чефалу.

Роман, почтительно посвященный Алостраэль и Астарте Лулу Пантейе, разумеется, основывался на собственном опыте Кроули-наркомана. Главным героем романа был молодой богатый баронет, лётчик-ас из Королевского авиационного корпуса, который влюбляется в официантку-наркоманку из ночного клуба. На личном самолёте баронета они летят в Париж и там начинают безудержно накачиваться разнообразными наркотиками. Почти лишившись рассудка в результате всего этого, они ощущают, что их союз начинает распадаться. В этот момент они случайно узнают о таинственном человеке, которого зовут Король Ламус. Время от времени он совершенно неожиданно появляется в Лондоне, где проводит время в некой студии вместе с арабской принцессой и готовит коктейль под названием «Кубла Хан № 2», который состоит из джина, кальвадоса, сливок с мятой и настойки опия. Баронет наносит визит Королю Ламусу, тот, разделив с ним щепотку кокаина, вникает в затруднительное положение молодого человека и увозит его в Чефалу вместе с его подругой. В Чефалу они получают возможность в неограниченных количествах принимать героин и кокаин, а также посещать уроки философии Короля Ламуса. Постепенно, в компании беззаботных и просветлённых последователей Короля Ламуса, несчастная пара избавляется от своих проблем, бросает дурные привычки и счастливо живёт до конца своих дней.

Будучи стилистически слабым, роман обладает всё же некоторой динамикой и напряжённостью сюжета, хотя сюжет и уклоняется нередко от основной своей линии. Образы многих второстепенных героев основаны на характерах реальных людей, с которыми Кроули был знаком: например, Мэри Баттс и Сесиль Мэйтланд узнаются с очевидностью. Построен роман довольно беспомощно, что говорит о наличии у Кроули живого воображения, но отсутствии необходимой творческой дисциплины для оформления плодов этого воображения. Несмотря на это, роман представляет собой необыкновенно точное описание чувств человека, который принимает наркотики и у которого развивается привыкание. Поэтому в некоторых отношениях роман этот может считаться предшественником таких книг, как «Джанки» Уильяма Берроуза, «В дороге» Джека Керуака и «Трэйнспоттинг» Ирвина Уэлша.

Но настоящее значение книги заключается не в её литературных достоинствах или недостатках, но в том, что она изображает Аббатство Телемы таким, каким

его видел Кроули или каким он желал, чтобы оно было. При взгляде из Лондона убогая, грязная вилла приобрела тёплый романтический ореол. Из бывшего жилища зажиточного сицилийского крестьянина она превратилась в прекрасное, солнечное место, где, благодаря Закону Телемы и одной из разновидностей групповой терапии, далеко опередившей своё время, людей удаётся спасти от страданий и несчастий, преследующих их в обычной жизни.

Роман вышел в ноябре 1922 года. Он имел довольно широкий резонанс, причём рецензии писались не по заказу. Литературное приложение к Times охарактеризовало роман как «фантазмагорию экстаза и отчаяния, причём пустую и многословную», Observer заявила, что «человеческая деградация» описана в книге с «притягательной силой», а Daily Herald просто отмечала, что «книга — не из приятных». Как благосклонно ни вели бы себя литературные критики, пресса была настроена отнюдь не так доброжелательно. Через несколько дней после выхода книги официальная пресса уже узнала о том, что Кроули снова появился на общественном небосклоне. Джеймс Дуглас, известный журналист, который вёл еженедельную колонку в Sunday Express и считал себя борцом за нравственность нации, 19 ноября опубликовал суровую отповедь на роман Кроули, озаглавленную «Книга, которую следует сжечь». В статье он подвергал произведение резкой критике, сравнивая его с «Улиссом» Джеймса Джойса, которого моралисты в то время считали непристойным. Он приводил искажённые цитаты из книги Кроули, характеризовал её как «роман, описывающий ужасные оргии, устраиваемые группой моральных дегенератов, разжигающих свои низменные желания кокаином и героином» и заканчивал риторическим вопросом: «Зачем сажать в тюрьму торговцев кокаином, если мы спокойно терпим романы о кокаине?»

Своей статьёй Дуглас привлёк к книге гораздо большее внимание, чем то, которого когда-либо могла добиться горстка литературных обозревателей. Но что ещё важнее, он широко распространил информацию о существовании Аббатства в Чефалу. На следующие выходные Sunday Express вышла с большим заголовком на первой странице: «Полная информация об авторе "Дневника наркомана". Чёрное досье на Алистера Кроули. Охота за несчастными и униженными. Его аббатство. Разврат и порок на острове Сицилия». Напечатанная под этим заголовком статья поднимала весь ил со дна жизни Кроули. Правда была здесь извращена и приукрашена полуправдой. В статье указывалось также на то, что когда-то Кроули заказал свой портрет самому Аугустусу Джону, который

в 1911 году оценивался прессой как довольно колоритный представитель богемы. Когда газета совершила свой резкий выпад против Кроули, Джон поддержал Кроули, написав: «Поистине настало время, когда становится явной

эта грязная спекуляция на репутациях поэтов и художников». Кроме всего прочего, в статье предлагалась одна из возможных расшифровок аббревиатуры А.А. По утверждению газеты, это сокращение означало «Адепты Атлантов». Некоторые подробности статьи были получены от Мэри Баттс, которая дала газете интервью.

Подобно большинству бульварных газет, Sunday Express балансировала на грани пристойного и непристойного. Как бы то ни было, в статье содержалось одно поистине вопиющее клеветническое заявление о том, что однажды Кроули якобы украл 200 фунтов у вдовы, с которой сожительствовал. Это была ложь: женщина, о которой шла речь, — Лора Хорниблоу — не являлась вдовой и дала Кроули только 100 фунтов. Всё это давало Кроули основания подать на газету в суд, но к тому времени, когда этот материал был напечатан, Кроули уже вернулся на Сицилию, откуда и написал письмо лорду Бивербруку, владельцу газетного концерна Express, довольно доброжелательно прося его впредь относиться к нему более справедливо. Однако разгорячённая пресса уже не могла остановиться. Вскоре появились новые статьи, авторы которых копались в прошлом Кроули, утверждали, что он — сутенёр и ему подчиняются все проститутки на улицах Палермо, а также что в Америке его даже сажали в тюрьму за сводничество. Друзья уговаривали его судиться с прессой, но Кроули отказался, заявив, что у него нет времени на такие ничтожные дела. На самом деле у него просто не было денег на адвоката.

Вскоре осуждение переметнулось на само издательство Уильяма Коллинза. Первый тираж книги в три тысячи экземпляров был распродан благодаря широкому резонансу книги в прессе, но решения о переиздании принято не было. Издатель был известен своей религиозностью и совсем не хотел рисковать собственной репутацией и состоянием. Более того, он разорвал контракт на автобиографию Кроули. Единственным утешением в этой ситуации стало то, что Кроули смог оставить себе аванс, полученный от издательства.

Постепенно пресса утратила интерес к личности Кроули, и история заглохла. Жизнь в Чефалу вернулась в прежнюю колею. Кроули старался не усугублять свою наркотическую зависимость, продолжал заниматься магией, писал и совершал горные прогулки. Денег у него по-прежнему было очень мало, но, с другой стороны, будущее выглядело вполне радужно.

В 1914 году в кафе «Ройяль» Кроули познакомился с женщиной, которую звали Бетти Мэй. Прошрое этой женщины было ещё более пёстрым, чем его собственное. Её отец был владельцем борделя в Лаймхаусе, обслуживавшего моряков из лондонских доков. В юности она позировала художникам, а потом уехала во Францию, где присоединилась к уголовной шайке. В её обязанности

входило вовлекать богатых людей в такие ситуации, когда их можно было обобрать. В банде её называли Тигрица — за, кошачий взгляд и характер. Вернувшись в Лондон, она снова занялась профессиональным позированием и стала любимой моделью Якоба Эпштейна, который и познакомил её с Кроули. Она употребляла наркотики, преимущественно кокаин, и любила выпить. К 1922 году ей было уже около тридцати, она трижды выходила замуж, причём один раз овдовела, а второй раз — развелась. Её третьим мужем, за которого она вышла сразу же после Первой мировой войны, стал Фредерик Чарлз Лавдэй.

Будучи на десять или двенадцать лет старше своей жены, Лавдэй (он предпочитал, чтобы его называли Раулем) познакомился с Бетти Мэй в клубе «Арлекин» в Сохо: его увлечение этой женщиной удивило всех его друзей, поскольку до этого он предпочитал молодых продавщиц и официанток более зрелым женщинам. Незадолго до их женитьбы он с отличием закончил Оксфордский университет, где учился в колледже Святого Иоанна, и получил учёную степень по истории. Во время своей учёбы он состоял членом студенческого «Клуба лицемеров», маленького, неофициального сообщества искателей наслаждений через острые ощущения, и был известен своим сумасбродным поведением. Однажды, как рассказывали, он упал с крыши колледжа на острые перила и ему насквозь пронзило бедро, но самая скандальная известность пришла к нему, когда он взобрался на памятник, чтобы водрузить на его вершину ночной горшок. Лавдэй очень интересовался оккультными науками и даже получил докторскую степень, написав эссе о роли магии в средневековом обществе. В процессе своих исследований он прочёл многие из магических трудов Кроули и восхищался ими, но никогда не встречался с самим Кроули. Вскоре такому положению дел суждено было измениться.

После того как в июле 1922 года Лия вернулась в Чефалу, Кроули покинул свою комнату на Веллингтон-сквер и поселился у миссис Элизабет Бикерс; с её мужем Кроули был знаком ещё до отъезда в Америку. Миссис Бикерс устраивала публичные лекции о Законе Телемы, на которые приглашала своих друзей в надежде, что те пожертвуют деньги на Аббатство. Именно на одной из таких лекций Кроули познакомился с Раулем Лавдэем. Лавдэй и Кроули сразу же понравились друг другу. Лавдэй обладал, как писал Кроули в автобиографии, «поразительным характером. У него имелись все задатки для того, чтобы стать первоклассным магом. С первого же разговора я решил, что он станет моим магическим преемником». В Лавдэе Кроули увидел нового Нойбурга, умного и привлекательного молодого человека, интеллектуально одарённого и хорошо осведомлённого в области магии, но вместе с тем

впечатлительного и легко поддающегося влиянию.

Когда Лавдэй вернулся после первой встречи с Кроули, а пробыл он у Кроули три дня, Бетти Мэй забеспокоилась. От Лавдэя пахло эфиром, а в его характере произошли некоторые перемены: вместе с Кроули он совершал астральные полёты и делал вещи, о которых прежде знал только понаслышке или читал в журнале «Равноденствие». Выслушав оправдания мужа, Бетти Мэй заволновалась ещё больше, но едва её страхи начали рассеиваться, как в один прекрасный день вскоре после описанного происшествия в её дверь постучали, и она увидела на пороге человека, который, по её словам, имел землистый цвет лица, гипнотический взгляд и ярко-красные губы (Кроули в этот период своей жизни нередко пользовался косметикой). На нём был килт и чёрный парик, а в руке он держал жезл из позеленевшей бронзы, обвитый такой же бронзовой змеей.

С этого момента Бетти Мэй возненавидела Кроули и стала бояться за своего мужа. Кроули, который был убеждён, что она, выйдя замуж за Лавдэя, подавила в молодом человеке его гениальность, ощущал её враждебное отношение и говорил ей, что наступит день, когда она станет его кухаркой. Явившись в первый раз, Кроули достал из своей шотландской кожаной сумки бутылку вина и заявил, что останется на ужин.

Бетти Мэй изо всех сил старалась как-то ослабить увлечение своего мужа личностью Кроули, а также ту власть, которую Кроули над ним приобрёл, но всё было напрасно. В конце концов она признала своё поражение и поняла, что ей придётся позволить этим отношениям развиваться своим чередом. Она надеялась, что, когда Кроули вернётся на Сицилию, связь между ним и её мужем разорвётся сама собой. Но она недооценивала серьёзность ситуации.

Когда Кроули отправился в Чефалу, Лавдэй объявил жене, что намерен последовать за ним, несмотря на то что у них с Бетти Мэй не было денег на билет. Вскоре после своего отъезда Кроули написал Лавдэю, советуя ему бежать из ограниченной, несвободной атмосферы лондонской богемы и приехать к нему в Чефалу, чтобы работать его секретарём и личным ассистентом, и сообщил, что деньги на дорогу можно получить у друга Кроули по имени Робинсон Смит, театрального агента на пенсии, который и сам помышлял о том, чтобы уехать на Сицилию. Лавдэй связался с этим человеком, взял у него деньги и приготовился к отъезду. Бетти Мэй сказала, что она тоже едет: ей казалось, что только так она сможет сохранить мужа.

По дороге в Чефалу они встретили Нину Хэмнетт, с которой были знакомы в Париже. Она всеми силами пыталась уговорить их не ехать, но Лавдэй принял

твёрдое решение. К моменту прибытия в Палермо у них не осталось ни пенса, и они были вынуждены продать обручальное кольцо Бетти Мэй, чтобы купить билет на поезд до Чефалу. Из Чефалу они пешком по горному склону поднялись к Аббатству Телемы и оказались у дверей виллы уже после захода солнца 26 ноября 1922 года. Когда они постучали в дверь, им открыл Кроули, облачённый в магические одежды. Лавдэя немедленно пригласили войти, а Бетти Мэй должна была оставаться на улице до тех пор, пока она не согласилась ответить: «Любовь — это закон. Любовь по доброй Воле» — на приветствие Кроули «Делай что желаешь — таков весь закон».

Кроули посвятил Лавдэя в А.№729;А.№729;. и дал ему имя Ауд, что означает «магический свет». Когда это было сделано, Кроули посвятил Лавдэя в те аспекты магии, о которых ют ещё не знал, причём Кроули был очень доволен, что его новый ученик «с первого же момента обнаружил удивительный дар проницательности». Ясно, что Кроули возлагал на Лавдэя большие надежды. В то время как Бетти Мэй считала, что Аббатство Телемы убого, Кроули — груб, а пища — несъедобна, Лавдэй был в восторге. Первую неделю он провёл, наслаждаясь свободой этого места и радуясь солнечному свету и теплу. Если он не занимался магией и не участвовал в ритуалах, то взбирался на скалу Чефалу, играл в шахматы, брэнчал на мандолине и просто бездельничал.

Что касается Бетти Мэй, которая приехала не для того, чтобы изучать магию, то на неё возложили обязанность вести хозяйство, чем прежде занималась Нинетт, к этому моменту уже снова беременная. Теперь Бетти Мэй должна была делать уборку на вилле, присматривать за детьми, делать покупки в Чефалу и самостоятельно приносить их в Аббатство, дорога к которому шла всё время в гору. Кроме того, как и предсказывал Кроули в день их первой встречи, она должна была готовить на всю общину. Между Бетти Мэй и Кроули с самого начала установились враждебные отношения, и она изо всех сил старалась вывести его из себя. Она на каждом шагу отказывалась выполнять приказания Кроули и совершенно не собиралась в этом раскаиваться. В общине существовало правило, запрещающее кому-либо, за исключением Кроули, использовать личные местоимения первого лица: все остальные должны были употреблять безличное «некто». Каждый, кто нарушал это правило, должен был в качестве наказания нанести себе порез лезвием бритвы так же, как Кроули проделывал это с самим собой в Посиллипо, где жил с Мэри Д'Эсте Стеджес. Предплечья Лавдэя были испещрены порезами, Бетти Мэй и не думала подчиняться правилу. Кроули никогда не пользовался ножом и вилок. Он ел руками, причём до и после еды мыл их в ритуальной чаше. Бетти Мэй должна была держать для него эту чашу и однажды вылила её Кроули прямо на голову.

Кроули искал, как бы ей отомстить, но Бетти Мэй вела себя решительно и жёстко, так что месть удалась Кроули лишь однажды. Как-то днём Кроули объявил, что вечером этого же дня, в восемь часов, состоится жертвоприношение сестры Сибилин (общинное имя Мэй). Испугавшись за свою жизнь, Бетти Мэй бежала с виллы и спряталась на склоне скалы Чефалу. Вернулась она лишь утром следующего дня. Кроули удалось её одурачить.

Какое бы недовольство Кроули ни вызывали независимость и непримиримость Бетти Мэй, он всё же уважал в ней эти качества. Он брал её с собой, когда шёл заниматься альпинизмом, и считал её хорошим товарищем, но она никогда не поддавала под чары его обаяния. Кроули был убеждён, что жизнь в Аббатстве освободила Бетти Мэй от того напряжения, которое накопилось в ней за предыдущую жизнь. Она превратилась, как писал он в своей автобиографии, «в весёлого, беззаботного ребёнка, который находит радость в каждом мгновении повседневной жизни. Она всегда ходила с песней на устах. Иногда, правда очень редко, она вдруг возвращалась к своей прежней сущности и по несколько часов пребывала в состоянии отчаяния». Тем не менее он считал её независимым человеком и был убеждён, что она несколько раз тайком бегала в Чефалу на свидания с молодыми людьми.

Рауль Лавдэй был полной противоположностью своей жены. Он рабски подчинялся Кроули и без разговоров делал всё, о чём Кроули его просил. Кроме того, если Бетти Мэй была физически выносливой, то о Лавдэе этого сказать было нельзя. Регулярный приём наркотиков, а также участие в утомительных ритуалах высасывали из него энергию, и он становился подверженным любым болезням. Порезы на руках, которые он сам себе наносил, воспалялись и заживали медленно. Если в Аббатстве кто-то заболел, можно было не сомневаться, что заболеет и Лавдэй.

На вилле жило несколько бродячих кошек, которых принято было считать воплощениями злых духов. Бетти Мэй, не обращавшая внимания на это мнение, тайком подкармливала двух из этих кошек, назвав их Мишет и Мишу. Однажды в середине февраля 1923 года, когда вся община сидела за столом, Кроули объявил о присутствии в комнате злого духа, сунул руку под стол и вытащил оттуда Мишет. Кошка начала шипеть и внезапно набросилась на Кроули, расцарапав ему руку своими когтями. После этого Кроули объявил, что кошку следует принести в жертву, и поручил это дело Лавдэю. Кошку положили в мешок, где она должна была ожидать исполнения приговора.

Церемония, как вспоминает Бетти Мэй в автобиографии «Тигрица», была странной. Кошку положили на алтарь, при помощи эфира привели её в бесчувственное состояние и держали на весу, пока Лавдэй читал длинное

заклинание. Потом кошку опустили на алтарь, и Лавдэю было приказано перерезать ей горло жертвенным ножом. Случайно получилось так, что надрез не умертвил кошку, а только нанёс ей глубокую рану. Кошка, придя в сознание от боли, вырвалась из рук державших её людей и начала метаться по комнате, повсюду разбрызгивая кровь. Когда её поймали, ритуал был повторён с самого начала побледневшим и шокированным Лавдэем. Когда со второй попытки ритуал удалось успешно завершить, Кроули собрал кошачью кровь в серебряный сосуд и приказал Лавдэю выпить её. Тот повиновался.

Вскоре после этой церемонии Лавдэй серьёзно заболел. У него начались желудочные колики и поднялась высокая температура. Бетти Мэй очень обеспокоилась. Она предполагала, что он заразился чем-то от убитой кошки, но, судя по всему, истинная причина была более простой.

Однажды днём Бетти Мэй и Лавдэй гуляли в горах. Прогулка оказалась долгой. По пути назад Лавдэй выпил воды из горного источника, хотя Кроули строго-настрого наказывал всем посетителям виллы, что не следует пить из родников и горных речек и что для питья можно использовать лишь кипячёную воду на вилле. Высоко в горах было несколько маленьких поселений, которые отравляли своими отходами некоторые речки и ручьи. Бетти Мэй последовала этому предостережению Кроули, но Лавдэя слишком мучила жажда.

Кроули предположил, что Лавдэй подхватил средиземноморскую лихорадку и вызвал доктора Маджио, местного врача. Тот установил, что Лавдэй страдает каким-то инфекционным заболеванием печени, возможно гепатитом. Скорее всего, так оно и было, поскольку гепатит может быть связан со злоупотреблением наркотиками и может передаваться половым путём: а вероятность того, что Кроули был заражён этой болезнью и являлся пассивным её носителем, очень высока. Шло время, а Лавдэю не становилось лучше. Врач сменил свой диагноз на острый гастроэнтерит, причиной которого могла явиться заражённая вода, возможно, и бактерии, содержащиеся в кошачьей крови, кроме того, у Лавдэя попросту могла быть аллергия на кошек. Как бы то ни было, 14 февраля Лавдэй умер.

Тело положили в открытый гроб и вынесли из дома, поместив его в одном из подсобных помещений, поскольку местный обычай запрещал оставлять покойника в доме после заката солнца в день смерти. Кроули всю ночь читал над телом заклинания. На следующий день состоялись похороны. Лавдэя похоронили на неосвящённой земле, на горном склоне, прямо за оградой местного кладбища. Церемония носила оккультный характер и была проведена согласно принятым в А.˙.А.˙. ритуалам, хотя, должно быть, церемонию погребения Кроули проводил впервые. Разумеется, он делал это

лично. Во время церемонии Кроули был одет в плащ с капюшоном из белого шёлка, на котором золотом были вышиты оккультные символы. Он вслух читал отрывки из «Книги Закона», а также прочёл несколько строк из своего стихотворения «Корабль». По свидетельству Бетти Мэй, посмотреть на церемонию пришла большая толпа крестьян. Однако Джейн Вульф утверждала, что единственными свидетелями события были три довольно скептически настроенных монаха. Несколько позднее в том же году останки Лавдэя были эксгумированы и перевезены в Англию членами его семьи.

Когда похороны были закончены, Кроули слёг. У него поднялась очень высокая температура, и он болел ещё несколько недель. Только 13 апреля он почувствовал себя настолько удовлетворительно, что отправился в Неаполь для окончательного выздоровления. Через четыре дня после смерти мужа Бетти Мэй получила немного денег от британского консульства в Палермо. Она немедленно уехала из Чефалу. Джейн Вульф поехала вслед за ней, направляясь в Лондон с целью завербовать новых людей для пополнения общины.

Вернувшись в Британию, Бетти Мэй рассказала об обстоятельствах смерти Лавдэя сотрудникам газеты Sunday Express. На основании её рассказа появилась статья, заголовок которой был 25 февраля вынесен на первую страницу: «Новые ужасные откровения об Алистере Кроули. Смерть недавнего студента, хитростью завлечённого в «аббатство». Страдания его молодой жены. Планы Кроули». Текст, напечатанный под этим заголовком, усугублял и без того достаточно ошутимую одиозность образа Кроули:

За недавно напечатанными в Sunday Express сообщениями о непристойных оргиях, проводимых Алистером Кроули — «Зверем ббб», как он себя называет, — в его «аббатстве» в Чефалу на Сицилии, последовало страшное и трагическое событие. В редакцию нашей газеты недавно поступили известия о двух последних жертвах Кроули. Один из этих двоих, молодой английский писатель, блестяще закончивший университет, мёртв.

Его молодая жена, прелестная девушка, известная в лондонских артистических кругах, два дня назад вернулась в Лондон в состоянии полного упадка сил и духа. О тех ужасах, которые ей довелось пережить, она не в состоянии говорить иначе как намёками.

Ужаснее, чем можно себе представить

Тем не менее вчера она заявила представителю Sunday Express, что сообщения о сексуальной распущенности Кроули и устраиваемых им наркотических оргиях, которые печатались прежде в нашей газете, преуменьшают настоящие

ужасы, творящиеся в «аббатстве» в Чефалу, где Кроули держит своих женщин и занимается чёрной магией.

Эта молодая женщина, чьё имя, так же как и имя её мужа, Sunday Express не сообщает из уважения к горю родителей молодого человека, заявляет, что прошлой осенью, будучи в Лондоне, Кроули предложил её мужу должность секретаря. Зверь обладал внушающей доверие улыбкой и учтивыми манерами. Молодые супруги не имели никакого представления об истинной обстановке места, куда их приглашают. Поскольку предложение Кроули сулило возможность отправиться в путешествие, а также предполагало неплохую работу, молодой муж — юноша двадцати двух лет — согласился.

Однако, прибыв на Сицилию, они обнаружили, что их заманили в ад, в водоворот разврата и порока. В намерениях Кроули было развратить обоих супругов. Они изо всех сил противостояли Кроули и его женщинам. Причём жену заставляли готовить и выполнять всю кухонную работу для девяти обитателей дома.

Чем всё закончилось

Затем из-за антисанитарных условий жизни в «аббатстве» молодой муж внезапно заболел энтеритом и так ослабел, что перевозить его куда-либо стало опасно. Молодая жена осталась один на один в борьбе со Зверем 666. Так как она всё время пыталась противостоять ему и оставалась чистой среди всех тех зверств, которые творились в доме, однажды вечером он выгнал её. Целую ночь она провела на склонах гор, окружающих Чефалу, не имея возможности вернуться в «аббатство» и позаботиться о своём умирающем муже. Через два дня молодой человек умер. Его жена, которая вела столь самоотверженную борьбу со Зверем, стремившимся её уничтожить, получила от британского консульства деньги, чтобы вернуться в Англию. Кроули было приказано отпустить её. Но он пригрозил ей страшной мезтью, если она расскажет то, что ей известно.

Она рассказала не больше, чем мы до этого уже печатали в нашей газете, но мезть Зверя всё же угрожает ей. Газета Sunday Express намерена передать все факты, касающиеся этого трагического случая, в Скотленд-Ярд.

На глазах у детей

Своих жертв Кроули ищет среди людей чистых и неопытных. В результате последней трагедии выяснился тот факт что Зверь 666 намеревался основать в Чефалу колонию из оксфордских студентов. Предполагалось, что он будет

вовлекать молодых людей в непристойные церемонии чёрной магии в его собственной чудовищной интерпретации. Надеемся, что нам удастся воспрепятствовать его последним планам. Однако Кроули, рассылая оксфордским студентам приглашения приехать в Чефалу, знает способы соблазнить молодых людей и ни намёком не упоминает об ужасных аспектах своей «религии», пока не убедится, что прочно держит жертву в своих когтях.

Эти аспекты слишком омерзительны, чтобы о них можно было подробно писать в газете, ведь речь идёт о сексуальных оргиях, во время которых человек опускается до самого дна морального разложения. Прибавьте к этому ещё и форменное надувательство в виде мистицизма сомнительного свойства, Пурпурным жрецом которого является Кроули.

Детям младше десяти лет, которых Зверь держит в своём «аббатстве», позволяется присутствовать на чудовищных, невероятно омерзительных сексуальных оргиях. В комнате без окон, где Зверь проводит свои церемонии, совершаются отвратительные воскурения, и все жители «аббатства» едят пирожные, замешанные на козьей крови с добавлением мёда. Во время, свободное от проведения обрядов, он лежит в своей комнате, увешанной непристойными изображениями, и накачивается наркотиками.

На что надеется Зверь

Интересную информацию только что получила газета Sunday Express. Кроули стало тесно в его «аббатстве» в Чефалу. Он мечтает расширить свою деятельность, но у него не хватает на это денег. И вот он озадачил этим вопросом некоторых из тех духов, которые являются ему во время его церемоний.

«Подай в суд на Sunday Express, отсуди у газеты 5 тысяч фунтов и на эти деньги построй новое "аббатство"», — был ответ.

Зверь понимал, что осуществить это будет нелегко. Он не осмеливался подать иск лично, поскольку всё напечатанное в газете было правдой. Если бы это было не так, он давно уже обратился бы в суд. Однако «дух» проявлял настойчивость. «5 тысяч фунтов на новое аббатство».

Тогда Зверь послал в Лондон одну из своих женщин, чтобы она попыталась что-нибудь предпринять. От имени Sunday Express обещаю Кроули, что мы намерены с предельной беспощадностью продолжать наше расследование его деятельности и что на следующее воскресенье мы постараемся снабдить его новым материалом, на основании которого он сможет, если захочет,

предпринимать свои действия против нас.

На следующие выходные в газете появились ещё более резкие заголовки: «Молодая жена рассказывает об аббатстве Кроули. Ужасные сцены. Наркотики и омерзительные магические практики. Страдания бедной девушки. Спасена консулом». Имена Бетти Мэй и Лавдэя названы не были, и это имело особое значение: если бы в прессу просочилась правда о прошлом «молодой невинной жены», напор атаки на Кроули уже не смог бы быть таким сильным.

Вскоре к Sunday Express присоединилась газета John Bull. Боттомли в это время уже сидел в тюрьме, и редакция газеты отчаянно искала какого-нибудь скандального материала, чтобы газета лучше продавалась, поскольку ей грозило банкротство. Больше года газеты муссировали историю Кроули под такими заголовками, как «Король порока», «Человек, который достоин виселицы», «Возвращение Зверя» и «Самый порочный человек в мире»: последний эпитет использовался по отношению к Кроули ещё долго после его смерти. Статьи распространяли клеветнические заявления и намекали на то, что Лавдэй был убит, хотя, опять же, имени Лавдэя не называли, поскольку тот факт, что он умер своей смертью, давно уже был установлен и опубликован в газете Sunday Express. Однако, коль скоро предположение об убийстве Лавдэя было сделано, читающая публика приняла его на веру. По сей день сохранилась некая «тайна» вокруг обстоятельств смерти Лавдэя.

Среди всего прочего газеты сообщали о детях, которые голодают, живя в Аббатстве, о ритуале, во время которого обнажённая женщина была изнасилована на алтаре (принесение в жертву козла упоминалось, однако ничего не было сказано о другой роли животного в этой церемонии). Кроме того, говорилось о невоздержанном употреблении наркотиков, которое способствует поддержанию атмосферы распущенности в Аббатстве среди жертв Кроули. Газета John Bull дошла даже до того, что обвинила Кроули в каннибализме, заявив, что он съел двоих носильщиков во время одной из гималайских экспедиций, когда иссякли запасы еды. Любая ложь, любой обман, любой ничем не подтверждённый факт привлекались, чтобы нанести удар Кроули.

К этой травле подключилась пресса США. Здесь на Кроули тоже начали нападать под такими заголовками, как «Ангельское дитя, которое "видело ад" и вернулось обратно». Словосочетание «ангельское дитя» относилось к Бетти Мэй, профессиональной соблазнительнице, состоявшей в преступной шайке, натурщице, которая трижды была замужем. В очередной раз пресса настраивала общественное мнение против Кроули, хотя следует признать, что своей книгой «Дневник наркомана» он даже оказал прессе некоторое

содействие на этом пути. Ведь эту книгу многие и воспринимали как автобиографическую.

Многие из газетных сообщений были чистой воды клеветой и давали Кроули прочные основания подать в суд с большой вероятностью этот суд выиграть, даже перед присяжными, но всем было известно, что денег ему едва хватает на жизнь и что он не может позволить себе нанять адвоката. Ободрённая этим обстоятельством, пресса справедливо ощущала себя защищенной от любых обвинений в свой адрес. Кроме того, редакторы печатных изданий знали, что, даже если Кроули подаст на них в суд, прибыль от продажи газет, освещающих этот судебный процесс, намного превысит любой штраф, который наложит на них суд, поэтому они не задумываясь продолжали наносить удары по репутации Кроули.

Дошло до того, что Кроули превратился в козла отпущения для всей страны, общественного врага номер один, ненавидеть которого было приятно всем и каждому. Он был потрясён этим и не мог понять, как такое могло произойти. Он был религиозным лидером, хорошим литератором и одним из крупнейших мыслителей своего поколения, но теперь его пригвоздили к позорному столбу и принялись нападать со всех сторон. Слава, которой он так страстно желал всю свою сознательную жизнь, пришла к нему, но в каком-то чудовищно извращённом виде. Он знал, что отныне его уже никогда не будут воспринимать всерьёз. Сама возможность выполнения миссии по распространению учения «Книги Закона» была поставлена под вопрос, а может быть, её и вовсе уже не было.

Но худшее было впереди. При помощи телеграфных агентств история попала в европейские газеты, где тоже появились материалы на эту тему. Когда новости дошли до Италии, они привлекли внимание Муссолини, который к тому времени ещё недолгое время находился у власти и занимался укреплением своего политического статуса. Муссолини опасался любых тайных обществ: уже много веков они осложняли жизнь Италии. Особенно его беспокоили масонские сообщества, которые нередко распространяли диссидентские, антифашистские взгляды, а также разнообразные оккультные группы, способные оказывать влияние на суеверных итальянцев. Поэтому неудивительно, что существование на Сицилии оккультной общины под предводительством иностранца очень досаждало дуче.

Лидеры итальянских тайных обществ были уже арестованы. Масоны-гроссмейстеры, лидеры культов или нехристианских организаций и сицилийские мафиози были высланы из страны или содержались под домашним арестом на острове Липари, расположенном неподалёку от берегов

Сицилии. В отношении Кроули фашистские власти, подчинённые Муссолини, могли принять только одну меру. Его можно было депортировать.

Двадцать третьего апреля 1923 года Кроули вызвали в местный полицейский комиссариат, где вручили письменный приказ покинуть страну. Он и его последователи должны были незамедлительно уехать из Италии. Кроули спросил, действительно ли приказ относится ко всем жителям Аббатства или только к нему одному. Ему ответили, что приказ действителен для всех. Однако когда Кроули прочитал приказ, он увидел, что там упоминается только его имя, и обратил внимание комиссара на это обстоятельство. Пусть нехотя, но полицейский согласился, что уехать должен только Кроули. На подготовку к отъезду ему дали неделю.

Через семь дней, 30 апреля, Кроули выехал из Чефалу в Палермо. На следующий день он сел на корабль, шедший в Тунис, и прибыл туда 2 мая. Он был не один. Лия, озабоченная его здоровьем, поехала вместе с ним. Пресса торжествовала. Газета *John Bull* выражала удовлетворение по поводу изгнания Кроули из Италии и заявляла, что в Британии его тоже никто не ждёт.

Много лет спустя Кроули утверждал, что его высылка из страны была спровоцирована местными католическими священниками, несмотря на то что многие из местных жителей подписали прошение против изгнания Кроули. Подписи собирала Нинетт. Однако маловероятно, что священники сыграли какую-либо роль в изгнании Кроули из страны. Аббатство не представляло для них никакой угрозы, поскольку Кроули никогда не соблазнял местных сицилийских девушек и ничего им не внушал, а также никогда не выступал против местных церковных властей и не критиковал их. У Муссолини же было достаточно причин для изгнания Кроули без всякого давления со стороны церкви. А что касается местных жителей, им не очень-то хотелось, чтобы Кроули уезжал: он был темой местных сплетен и интересов, хотя здешние жители избегали появляться поблизости от виллы. Поговаривали также, что те, кто проходил мимо виллы, нередко преклоняли колени при звуке доносившихся оттуда заклинаний. Толки о том, что происходит в Аббатстве, можно было слышать на всём пути от Чефалу до Палермо. Клиффорд Бэкс слышал от побывавшего на Сицилии приятеля-художника, что когда он ожидал поезда на вокзале в Палермо и спросил у своего знакомого, правда ли, будто Кроули проводит обряды с четырьмя обнажёнными девушками, лежащими в направлении четырёх сторон света согласно компасу, нарисованному на полу, знакомый подозвал станционного носильщика, который уверенно и громко подтвердил, что это чистая правда.

После отъезда Кроули некоторые из его последователей остались на вилле, но

в конце концов владелец дома потребовал освободить помещение. Затем он нанял рабочих, которые навели в доме порядок, забетонировали пол и покрасили настенные росписи. Среди местных жителей об этом месте продолжали ходить легенды, всё более усложнявшиеся и запутывавшиеся с каждой новой историей. В 1955 году режиссёр-авангардист Кеннет Энгер приехал в Чефалу вместе с известным американским сексопатологом профессором Альфредом Кинси. Энгер во многих местах смыл побелку, под которой обнаружили настенные росписи, а также поднял бетонный настил, скрывавший магический круг, в центре которого стоял алтарь. Энгер очень хотел восстановить Аббатство Телемы, но организация ОТО и другие последователи Кроули не проявили по поводу этой идеи никакого энтузиазма.

В наши дни эта вилла, венец честолюбивых устремлений Кроули, практически заброшена. Селение Чефалу разрослось, и здание уже не стоит одиноко на склоне горы, но окружено другими строениями, среди которых есть даже стадион. Двери и окна виллы заложены кирпичами. Уже давно существует идея превратить этот дом в музей, посвященный Кроули, но пока к осуществлению её даже не приступали.

Несмотря на своё позорное изгнание из Чефалу, Кроули, оглядываясь назад, считал Аббатство Телемы настоящим успехом. Здесь ему удалось доказать, что человек может быть освобождён от сексуальной одержимости, а также от груза зависти, ревности, эгоизма и лжи, которые этой одержимости сопутствуют. Однако он предпочёл забыть о той вражде, которая царил в отношениях Лии и Нинетт. Наличие в общине общего бюджета было, по мнению Кроули, также благоприятным, однако следует признать, что денег, которые можно было бы положить в общий котёл, практически не было. С любовью к материальным ценностям в Аббатстве удалось покончить. Дети, как считал Кроули, получили хорошее, хотя и нетрадиционное воспитание, которое позволило каждому из них раскрыть свою индивидуальность. Каждый соприкоснулся со своей Истинной Волей. Тем не менее Кроули признавал, что для большинства людей принятие Закона Телемы оказывается невозможным, поскольку они не способны сдерживать и контролировать себя в атмосфере абсолютной духовной свободы. Он сделал вывод, что основная масса людей не обладает истинной волей, поэтому вся ответственность за руководство и управление миром ложится на него и его последователей. Кроули не заметил, что при таком подходе «Книга Закона» утрачивает своё общечеловеческое предназначение и становится руководством для немногих, которым удалось соприкоснуться со своей внутренней сущностью. Получилось, что та глобальная миссия, которую возложили на Кроули Тайные Учителя, представляла собой, по признанию самого Кроули, невыполнимую задачу, которая, подобно идее коммунизма,

никогда не может быть осуществлена, поскольку самые основы человеческой природы инстинктивно восстают против неё или стремятся её подорвать.

По иронии судьбы именно идеалистическая, невыполнимая мечта Кроули стала причиной его краха. Ему было уже сорок семь лет, и, так как всю его жизнь составляло служение идеям «Книги Закона», теперь он остался изгоем с неудовлетворённым честолюбием и полностью подорванной репутацией.

ГЛАВА 16

Лия лишается трона

По прибытии в Тунис Кроули и Лия поселились в отеле «Эйм Финансовые соображения были тогда главной темой в размышлениях Кроули. Ему нужно было не только заплатить за отель в Тунисе, но на его содержании осталась вся община на Сицилии, где между тем стало одним ртом больше. 19 мая Нинетт родила дочь, Изабеллу. Её отцом был не Кроули, а барон Ла Кальче. Кроули относился к барону неприязненно. Через две недели после рождения ребёнка он записал в дневнике: «Мне необходимо новое слово — нелюбовь звучит слишком фамильярно, презрение — чересчур толерантно — и это слово я хочу употребить в отношении Карло Ла Кальче!!!!» Немного позже в этот же день Кроули добавил, что, должно быть, он подсознательно ревнует к барону, ведь по поводу того, кто отец ребёнка Нинетт, не было никаких сомнений. В тот момент, когда он был зачат, Кроули находился в Лондоне. Что касается самой новорождённой девочки, то Кроули проверил её гороскоп и сделал следующее заключение: «Определить будущее этого ребёнка несложно. Наиболее вероятно, она вырастет в довольно заурядную маленькую шлюху».

Хотя Изабелла и не была дочерью Кроули, но за долгие годы у него, должно быть, родилось определённое количество внебрачных детей. Точное их число может на* всегда остаться неизвестным. Он редко участвовал в их-воспитании деньгами и ещё реже как-либо контактировал с ними или их матерями. Он был так же расточителен со своей спермой, как самая распутная рок-звезда. Он никогда не пользовался никакими средствами предохранения, и, если любовница объявляла ему о том, что беременна, он не соглашался на аборт. Он считал, что аборт равносителен убийству, и презирал общество, которое мирится с абортами, хотя и объявило их вне закона. Он считал, что женщина должна иметь право сама решать судьбу своего плода, однако он не сомневался, что ни одна женщина, если только её сознание не ограничено требованиями общественных приличий, не пойдёт на прерывание беременности. При всём своём женоненавистничестве Кроули во многом придерживался феминистских взглядов и считал, что современная ему законодательная система плохо

обслуживает, а то и вовсе притесняет женщин.

В Тунисе Кроули проводил время за чтением «Книги Закона» в надежде, что она даст ему совет, как выйти из его текущего бедственного положения. В конце концов его перспективы на будущее свелись к двум вариантам. Первый заключался в том, чтобы не предпринимать никаких решительных действий и позволить Лии собраться с её магическими способностями; второй предполагал ожидание богатого человека с запада, о прибытии которого пророчила «Книга Закона».

Кроме того, Кроули терзался мыслями о своём здоровье, поэтому он решил сходить к врачу, Томасу Домеле, с которым познакомился в 1920 году, ожидая в Тунисе приезда Джейн Вульф. В прошлый приезд его беспокоила бородавка: теперь это было возобновившееся заболевание ног, «странные волдыри на ногах, которые появились у меня в Монтаук и с тех пор время от времени давали о себе знать, вдруг начали стремительно увеличиваться в количестве». Поначалу Домела лечил волдыри мазью с содержанием цинка, что помогало отчасти, но потом прижѐг их йодом. В результате исчезли те волдыри, которые подверглись непосредственному лечению, однако немедленно высыпали новые. Иммунная система Кроули была сильно подорвана постоянным употреблением наркотиков.

Общее ослабление организма подавляло Кроули, и он начал терять уверенность в себе. Его дневниковая запись за 28 мая гласит: «Я начал сомневаться, являюсь ли я на самом деле таким уж великим магом». Неделей позже он записал, что на него нашло «состояние глубочайшей, но совершенно беспричинной подавленности», однако через несколько часов он добавил, что «собрался с духом, но ощущение сильной усталости и смутной подавленности осталось». Ещё через пять дней, всё ещё находясь в состоянии душевного возбуждения, он заявил в дневнике: «Может быть, я и чёрный маг, но потрясающе великий». В нормальных обстоятельствах Кроули не стал бы делать таких самоочерняющих заявлений. В это время он также обдумывал несколько странных планов, в том числе поездку в Каир совместно с Дж.-Ф.-К. Фуллером с целью изъять (такой эвфемизм применял Кроули для слова «украсть») стелу Анкх-ф-н-Кхонсу из каирского музея. А как человек, привыкший вести переписку, Кроули написал также королю Георгу V с предложением организовать крестовый поход и Троцкому с прямо противоположной идеей возглавить международное антихристианское движение.

Помимо неприятностей, связанных с отсутствием денег и пошатнувшимся здоровьем, Кроули был всерьѐз обеспокоен своей наркотической зависимостью.

Он знал, что глубоко увяз в своём пристрастии к наркотикам, и пытался постепенно уменьшать ежедневную дозу героина, поддерживая себя при помощи эфира. Но ему не удавалось долго соблюдать такой режим. Его воля, которой он придавал такое большое значение, отказывала, и он возвращался к прежним высоким дозам. Это обстоятельство вместе с физическими недомоганиями, спровоцированными употреблением героина, беспокоили его больше всего. Вся философия Кроули основывалась на укреплении Истинной Воли: его же собственная воля была разъедена наркотиками, украдена у него, а сам он остался при этом в ужасающем состоянии. Такие вещи не могут происходить с богами, однако с Кроули они произошли, и это обстоятельство порождало сомнения в его всемогуществе.

Теперь, в Тунисе, он осознал, что настало время принимать серьёзные меры. 7 июня он посетил клинику доктора

Домелы. Было решено, что Кроули попытается бросить свою дурную привычку, «"завязать" с героином». (Любопытно отметить, что этот термин начал употребляться для обозначения прекращения приёма наркотиков с середины 1920-х.) У Кроули немедленно проявились все симптомы ломки — рвота, сильнейшая диарея, судороги, мышечные спазмы, галлюцинации, — но на этот раз ему удалось собрать волю в кулак. Через три дня он «проснулся свежим, сильным и здоровым». Но это продлилось недолго. Ещё через два дня он снова принял героин, записав в дневнике все возможные оправдания, к которым прибегают в таких случаях страдающие наркотической зависимостью люди. 3 сентября он написал, что дал клятву: как только в его распоряжении окажется 3 тысячи фунтов, он отправится на лечение в санаторий. Однако у этой клятвы была заведомо ложная посылка: шансы на то, что у Кроули в руках окажется такая сумма, были бесконечно малы. Однако беспокойство Кроули было вызвано не только героином. Если опиумсодержащие вещества вызывали у него физиологическую зависимость, то от кокаина он зависел психологически.

Почему происходит так [писал он 17 сентября], что человек принимает кокаин (причём этого нельзя сказать ни о каком другом наркотике) жадно, дозу за дозой, в общем-то не ощущая в этом никакой нужды и не надеясь что-то получить от очередной дозы? Я установил, что 3 дозы, принятые с умом, за один раз удовлетворяют все желания. Но если ты располагаешь определённым количеством наркотика, остановиться практически невозможно. Успешно противостоять этому можно (в лучшем случае) несколько дней, потом человек ни с того ни с сего втягивается в «неконтролируемую» гонку. Человек может продолжать принимать кокаин, одновременно проклиная себя за это безумие... Зачем принимать тридцать доз (или шестьдесят? У меня нет ни малейшего

представления об истинном их числе), чтобы прийти в состояние, в котором нет ничего приятного и которое не привлекательно ни в каких других смыслах, но являет собой средоточие волнений, угрызений совести, презрения к себе, беспокойства, неловкости и раздражения, причём в голове у тебя постоянно присутствует мысль: «Чёрт возьми! Надо продлить действие наркотика»; и одновременно ты чётко осознаёшь, что трёх доз достаточно, чтобы добиться всего желаемого без всяких побочных эффектов.

Среди новых проблем, которые принесло Кроули злоупотребление наркотиками, оказались бессонница и импотенция. Большую часть дня Кроули проводил в постели, время от времени принимая какой-нибудь наркотик, предавался туманным размышлениям и поднимался далеко за полдень. У него был плохой аппетит. Ночью он то и дело просыпался и нюхал эфир, чтобы успокоить нервы. Он засыпал лишь на несколько часов, перед самым рассветом, но утром просыпался опять. Что касается секса, то, казалось, он потерял к нему всякое влечение. В его, дневниках того времени отсутствуют какие-либо упоминания о сексуальной магии с Лией, однако он пишет о «недавно появившихся проблемах определённого свойства», касающихся их сексуальных отношений. Он пытался примириться с этими новыми трудностями и рассуждал о своей сексуальной жизни так: «Мой гомосексуальный инстинкт зиждется на идее эстетического впечатления. Если мужчина занимается любовью с женщиной, он испытывает перед ней эстетическое восхищение... Когда другой мужчина занимается любовью со мной, я хочу знать, что он делает это, потому что я красив». На самом деле он бессознательно искал оправданий своей утраченной способности к сексуальному возбуждению: своё временное целомудрие он пытался объяснить отсутствием эстетически привлекательных партнёров.

В этот период, отмеченный безразличием и подавленностью, Кроули тем не менее делал одно очень конкретное дело. Изо дня в день он писал автобиографию («автохагиографию»), точнее, она писалась под его диктовку. Начало этому было положено прошлой осенью, в Чефалу, где Кроули диктовал по очереди то Лии, то Джейн Вульф, которые затем перепечатывали текст на машинке. Теперь эта обязанность целиком легла на плечи Лии. Несмотря на то что Уильям Коллинз отказался издавать автобиографию, Кроули решил тем не менее запечатлеть свой жизненный путь на бумаге. Таким образом, как ему казалось, он смог бы оправдать себя, объяснить свои цели и свою позицию, а также в какой-то степени противостоять той лжи, которой обросло его имя благодаря Бивербруку, Боттомли и всему английскому обществу, с которыми Кроули в два счёта разделался в своей книге: «Нет смысла осуждать и проклинать человечество — "все вы стоите не больше, чем колода карт"». В

книге не должно было быть ничего выдуманного: по замыслу Кроули, она должна была рассказывать правду, только правду и ничего, кроме правды. Правда, эта установка не исключала присутствия в книге тщеславных преувеличений, но это не очень умаляет её информативность, если читатель не забывает о присущей Кроули самовлюблённости. Главным его сожалением, которое он выразил на страницах автобиографии, была его убеждённость в том, что он так мало сделал в своей жизни и так много ещё должен совершить. Когда «автохагиография» под названием «Исповедь Алистера Кроули» была завершена, она насчитывала 500 тысяч слов и представляла собой самую длинную и самую удачную в литературном отношении книгу Кроули: его литературные способности, так деградировавшие за последнее время, возродились. Со временем этой книге предстояло укрепить международную известность Кроули и как писателя, и как человека, сведущего в оккультизме. Но в 1923 году всё это было делом далёкого будущего.

За день до того, как Кроули был изгнан с Сицилии, в Аббатство Телемы приехал Норман Магд. Кроули, уезжая, поручил ему отвечать за общину.

Завершив обучение в Кембридже, Магд постоянно возвращался к мыслям о Кроули. Он отправился в Южную Африку и в 1911 году был принят на должность руководителя Отделения прикладной математики в университете Грея в Блумфонтейне. Это была преподавательская работа, о которой Магд едва ли мечтал и которая не предоставляла возможностей для карьеры учёного. В 1915 году, заразившись гонореей, Магд ослеп на один глаз, что только усугубило его неприязнь к Южной Африке и разочарование в собственной работе. В течение нескольких лет Магд пытался как-то связаться с Кроули, посылая ему письма на те адреса, где его можно было застать, но либо ответа не приходило, либо письмо возвращалось к отправителю нераспечатанным.

В 1920 году Магд получил годичный отпуск. Он вернулся в Британию, чтобы разыскать Кроули, но ему сказали, что тот уехал в Америку; тогда Магд вознамерился пересечь Атлантику. Дальше произошло, видимо, следующее. Магд познакомился с Чарлзом Стэнсфелдом Джоунсом, который принял его в ОТО, дав ему имя *Frater Omnia Pro Veritate* (OPV), и сказал, что Кроули живёт на Сицилии. Магд переписывался с Кроули вплоть до 1923 года, когда он решил, что его призвание — это не преподавание математики, а проповедь Закона Телемы. Он ушёл с работы и предоставил себя в распоряжение Кроули. Кроули сразу же пригласил его в Чефалу. Магд с готовностью согласился и, приехав, привёз с собой все накопленные за жизнь сбережения, которые и передал своему новому учителю.

Из Туниса Кроули написал Магду, приглашая его к себе. Тот очень

обрадовался, что его позвали. Аббатство без Кроули опустело, все оставшиеся там члены общины разъехались. Остались только Нинетт и дети, в том числе Ханси. Мадд приехал в Тунис 20 июня, а на следующий день Лия вернулась на Сицилию. Через несколько недель к Мадду и Кроули присоединился Эдмунд Саай-ман, южноафриканский студент Мадда, который получал стипендию Родса в оксфордском Нью-колледже и приехал в Тунис на летние каникулы. Он писал диссертацию о математических аспектах «Книги Закона» — тема, которой одно время занимался Салливан, но бросил, не доведя дело до конца. Получившаяся в результате работа, судя по всему, не впечатлила университетских наставников молодого человека, поскольку ему была присвоена учёная степень лишь третьего класса. Что касается Кроули, то ему были приятны такие интересы молодого человека, кроме того, он надеялся получить от него немного денег. Однако Саайман был далеко не богат и, разочаровав Кроули, не только привёз с собой очень мало денег, но к тому же истратил их раньше, чем закончились каникулы. В результате молодой человек был вынужден просить займы у британского консула в Тунисе, поскольку его отец не ответил на просьбу сына прислать денег.

Со сбережениями Мадда в руках Кроули объявил, что собирается в очередной раз уединиться для занятий магией. Поручив Мадду следить за корреспонденцией и решать повседневные проблемы, Кроули 25 июля снял комнату в отеле «Тунисия Палас», самой дорогой в городе гостинице. С ним вместе находился Мохаммедбен Брахим, мальчик-подросток, которого Кроули подобрал, гуляя по городу, и которого он тренировал на должность слуги как в магических, так и в повседневных делах. Другими словами, это был его мальчик на побегушках. В его уединении на сей раз оказалось не очень много магического.

Он ходил в кино на фильмы с Чарли Чаплином, создавал план площадки для гольфа, рисуя красочные наброски карт с обозначением всех отверстий для мячей, и играл в шахматы. Кроме того, он стал лучше питаться и больше спать. Его сексуальные проблемы начали отступать. Через некоторое время Кроули решил прервать своё магическое уединение, но продолжал жить в отеле до октября, когда перед ним встала проблема оплаты большого счёта. Необходимость оплатить этот счёт оказалась не единственной неприятностью Кроули. Его начала искать полиция Туниса — возможно, по настоянию итальянских властей, — и потребовалось вмешательство главного британского консула, Филиппа Сарелла, чтобы уладить дело.

Лия вернулась в Тунис из Чефалу в конце августа. Она поселилась у Мадда и Сааймана, нередко навещая Кроули, чтобы писать под его диктовку, а возможно, чтобы заниматься с ним сексом. Однако вскоре возникли некоторые

сложности. В дешёвой гостинице в Ла-Марсе Мадд и Лия из-за нехватки денег жили в одной комнате и вступили в любовную связь. Кроули узнал об этом и выразил своё резкое недовольство, не потому, что ревновал, но потому, что их связь могла стать помехой Великому Труду. 28 сентября Кроули заставил Мадда дать клятву, в которой говорилось, что, поскольку он влюблён в Лию, силы его разума ослаблены, по причине чего он неспособен сосредоточиться на требованиях Тайных Учителей. Когда клятва была дана, Мадд переехал в деревню неподалёку, чтобы там в уединении заниматься магией. С собой он взял рукопись автобиографии Кроули, чтобы читать и учиться.

Что касается Мадда, то с ним было связано ещё одно намерение Кроули, не имеющее отношения к Тайным Учителям. Он хотел, чтобы Мадд попытался исправить его репутацию. Мадд, которого Кроули в связи с этим назначил своим советником по связям с общественностью, начал писать во все печатные издания письма, либо сочиняя их самостоятельно, либо переписывая и подписывая своим именем то, что сочинял Кроули. Некоторые письма были адресованы конкретным людям, начиная от декана колледжа Малверн и заканчивая такими видными литературными именами, как Томас Харди и Джозеф Конрад. В письмах подчёркивалось, что Кроули был незаслуженно оклеветан, после чего излагалась просьба о поддержке, преимущественно финансового характера. Всё это выглядело печально: Кроули начал тратить свой талант писателя на нищенские просьбы о подаянии.

Когда настало время покинуть гостиницу «Тунисия Палас», Кроули объявил, что собирается снова посвятить некоторое время сосредоточенным занятиям магией. Вместе с Маддом, Лией и Мохаммедом бен Брахимом он на машине отправился в город Нефта, место паломничества мусульман, расположенное на краю безбрежной соляной пустыни Чот-эль-Джерид. Добравшись до города, они взяли напрокат верблюдов и углубились в пустыню, отдыхая в самые жаркие дневные часы, а по ночам продолжая путь. Кроули курил гашиш и занимался с мальчиком сексуальной магией. Он намеревался провести в пустыне около месяца, но через три дня после начала путешествия Лия заболела, и вся компания вернулась в Нефту, где и поселилась в «Отель де Джерид». Потом болезнь настигла Кроули, и он больше не мог заниматься сексуальной магией. Как только Лия почувствовала себя немного лучше, заболел Мохаммед бен Брахим. В несколько подавленном состоянии все путешественники вернулись в Тунис.

Кроули начал всерьёз беспокоиться о здоровье Лии. Она стала бледной, слабой и ещё сильнее похудела. Хотя она больше не кашляла кровью, Кроули боялся, что она больна туберкулёзом. Незадолго до отъезда в Нефту он написал Альме Хирсиг, прося её как можно скорее выслать денег и приехать, чтобы заботиться

о Лии, а также забрать Ханси из Чефалу и дать ему образование. Когда же через несколько месяцев Альме наконец удалось приехать на Сицилию, Кроули изменил свою позицию и велел Нинетт не позволять Альме приближаться ни к вилле, ни к Ханси.

1923 год, наполненный лишениями и болезнями, крушением надежд и всевозможными бедствиями, закончился на печальной ноте.

Двадцать девятого декабря Кроули решил, что его магическая энергия исчерпана и необходимо что-то предпринять. Тогда он взял оставшиеся деньги и купил билет до Ниццы, оставив Мадда и Лию без гроша. Однако у Кроули был план, который, по его убеждению, должен был положить конец всем несчастьям.

Оказавшись в Ницце, Кроули случайно встретил Фрэнка Харриса. У того, судя по всему, тоже не было ни пенни, но он бурлил всевозможными идеями. Идея, которую он вознамерился воплотить вдвоём с Кроули, заключалась в том, чтобы раздобыть денег на покупку парижской газеты Evening Telegram и совместное руководство ею. Взяв на своё имя кредит в пятьсот франков, Харрис послал Кроули в Париж, куда тот прибыл 5 января и вновь поселился в «Отель де Блуа», несмотря на то, что уже задолжал хозяевам гостиницы две тысячи франков за предыдущие визиты. Дело было в том, что владельцы гостиницы, мосье и мадам Бурсье, благоволили к Кроули и не возражали против отсрочки.

Не сохранилось сведений о том, что именно Кроули собирался предпринять в связи с планами покупки газеты, но, каковы бы ни были его намерения, они, судя по всему, остались неосуществлёнными. Его магические силы ослабели, и он много времени проводил в постели.

Кажется, у меня больше не осталось [писал он в дневнике 13 января 1924 года] ни силы, ни энергии. Ничто не способно заинтересовать меня дольше чем на несколько минут. Я, в сущности, ни на что уже не надеюсь, в чём и состоит главная проблема... Хотя каждый день и бывает несколько минут, когда я чувствую себя в форме. Меня возмущает необходимость одеваться и раздеваться. Я ложусь рано, а встаю поздно. Я долго сплю, однако просыпаюсь утомлённым. Даже в час дня мне невероятно трудно встать с постели. Усилия, которые требуются, чтобы заказать себе в комнату завтрак, представляются мне сверхъестественными... Я мечтаю о смерти — просто для того, чтобы освободиться от тела, которое только тяготит меня, вместо того чтобы, как колесница, нести меня по жизни.

Он просил Айвасса явиться и помочь ему, но всё было напрасно.

Кроули и Харрис переоценивали друг друга в одном довольно существенном вопросе. Каждый из них ошибочно полагал, что другой обладает достаточным напором, чтобы раздобыть денег на покупку газеты. Несмотря на это, Харрису всё же удалось достать необходимую сумму, и в марте газета была куплена. Однако он недолго оставался хозяином газеты. Не будучи в состоянии выплачивать проценты по кредиту, Харрис был вынужден отказаться от руководства газетой.

Упадок магических сил Кроули, так же как и тяготы его повседневной жизни, порой расценивался в оккультных кругах как наказание за его непомерную амбициозность и незаслуженное присвоение себе звания *Ipsissimus*. По мнению некоторых из принадлежавших к этим кругам людей, Кроули надоел Тайным Учителям и они, разочаровавшись, отвернулись от него. Кроули не был согласен с этой точкой зрения, хотя точно знал о своих проблемах в астральном плане и чувствовал, что они могут привести его к нервному срыву.

Однако проблемы Кроули были ничто в сравнении с теми несчастьями, которые обрушились на Мадда и Лию в Тунисе. Они очень бедствовали и отдали в залог всё, что у них было, в том числе магическое кольцо Кроули, за которое им дали восемьдесят четыре франка. Они голодали и негодовали на то, что отчаянные письма с просьбами о помощи, которые они направляли Кроули, оставались без ответа. Имея восемьдесят четыре франка, Лия могла вернуться в Чефалу, но Мадд был привязан к месту. Несколько попыток заработать немного денег, которые Кроули предпринял в Париже, обращаясь к знакомым журналистам с вопросом, не согласятся ли они печатать его статьи, ни к чему не привели. Наконец 14 января Кроули улыбнулась удача, когда художник Леон Энджерс Кеннеди разом одолжил ему пятьсот франков. Получив такую сумму, Кроули немедленно начал её расходовать, купив себе новую одежду, но часть денег он всё-таки послал Мадду через агентство Томаса Кука. Мадд тайком покинул Тунис, оставив за собой шлейф долгов, и через девять дней прибыл в Париж.

В середине января Кроули снова побывал у врача, жалуясь на постоянную рвоту и диарею. Врач по фамилии Дюкасс по ошибке поставил ему диагноз дизентерия., Желая получить ещё одно, независимое заключение, Кроули посетил доктора Джарвиса в Британской клинике в Париже, который верно определил, что проблемы Кроули связаны с наркотиками. Затем в феврале Кроули перенёс две операции на носовой полости. Его носоглотка была в очень плохом состоянии как следствие многих лет вдыхания наркотических веществ. В качестве лечения ему в числе прочего была прописана смесь из героина,

висмута и лактозы, которую следовало вводить в нос в качестве прижигания. Героин не оказал почти никакого воздействия на общее состояние его организма, однако прекратил раздражение в носовых пазухах. Чтобы устранить проблемы с дыханием и почти не прекращающийся кашель, врач предложил Кроули инъекцию героина, но тот отказался. Он никогда не вводил героин при помощи укола, но всегда вдыхал его, как кокаин, и опасался, что укол может усугубить его и без того сильную героиновую зависимость. В это время Кроули в очередной раз пытался сократить количество принимаемых им наркотиков. По его дневниковым записям этого времени видно, как отчаянно он стремился избавиться от своей вредной привычки, вновь и вновь безуспешно проходя через мучительный период ломки.

Новости из Чифалу тоже были безрадостными. Нинетт, Лио и детей выселяли из дома, поскольку некому было платить за его аренду. Барон намеревался или продать дом, или найти для него новых съёмщиков. В результате перед Кроули встали сразу две проблемы: во-первых, ему необходимо было срочно достать денег, а во-вторых, он очень хотел успеть вывезти свою библиотеку, в том числе дневники и множество редких книг, прежде чем утратит все права на виллу. Мадд сразу же распорядился, чтобы книги были отправлены в Британию через American Express: это был необдуманый поступок, совершённый в величайшей спешке. На все книги и документы по прибытии в Британию был наложен арест, поскольку на таможне их содержание сочли непристойным, а впоследствии они были конфискованы. Мадд, как человек, от лица которого производилась их транспортировка, заявил полиции, что ничего не знал о содержании бумаг, и отказался от предъявления каких-либо прав на конфискованное имущество; если бы он догадался сделать попытку возразить против действий таможенников, он мог бы спасти некоторые из книг и документов Кроули. Позднее Кроули был письменно извещён о том, что все принадлежащие ему книги и бумаги «были рассмотрены Высоким судом правосудия 24 марта 1926 года и уничтожены в соответствии с законом». Весьма вероятно, что вместе с ними были уничтожены также многие записи Кроули, касающиеся экспериментов с разными наркотиками. Со стороны официального органа это было бессердечным варварским актом, поскольку, хотя часть уничтоженных материалов и можно было считать порнографическими, всё же большинство их таковыми не было.

Что же касается срочной нужды в деньгах, то определённую сумму Кроули раздобыл, заложив свои магические аксессуары (часть из них составляли полудрагоценные камни) и всё ценное, что у него ещё оставалось, в том числе два револьвера, которые он годами возил с собой в своих многочисленных путешествиях. На эти деньги Кроули послал Мадда в Лондон с миссией

привлечения новых денежных средств и новых последователей, снабдив его рекомендательным письмом, в котором Мадд гордо именовался «полномочным представителем» Кроули. Сам Кроули, больной, остался в «Отель де Блуа», мучаясь астмой, принимая героин и вдыхая эфир, чтобы как-то справиться с болезнью. Он кашлял целыми ночами и тщетно пытался найти средство, которое облегчило бы его состояние. В дневнике он кратко описал историю развития своей наркотической зависимости, нехотя признавая, что непоправимо в ней увяз. Героин играл теперь едва ли не главную роль в поддержании его жизни. Подобно тем, кто уже оказывался в подобном положении до него, Томасу де Куинси и Сэмюэлю Тэйлору Колриджу, Кроули хотел предупредить других об опасностях этого положения, чтобы впредь люди старались избегать подобного результата. «Мой опыт, — писал он, — должен послужить достаточно серьёзной причиной для кардинального пересмотра существующих медицинских представлений о наркотиках, а также для реформирования законодательства в отношении торговли героином и сходными с ним препаратами».

Когда Лия в конце марта приехала из Чефалу, она, разумеется, была в ярости. Она обвиняла Кроули в том, что он бросил её в беде, критиковала его магическую деятельность и вообще всячески ругала его. Мадд поддержал её «с такой язвительностью и сарказмом в мой адрес, каких мне ещё не доводилось на себе испытывать». Тем не менее Лия снова начала писать под диктовку Кроули, и кто-то из друзей одолжил им небольшую сумму денег, чтобы продержаться некоторое время. 1 мая судьба в очередной раз нанесла Кроули жестокий удар. Чета Бурсье продала свой отель, а новый владелец выгнал Кроули, после чего Кроули проклял гостиницу. Впоследствии она обанкротилась. В очередной раз лишившись жилья, Кроули и Лия сняли комнату в гостинице в Шель, в пригородной местности к востоку от Парижа. Чем и как они будут платить за жильё, они не знали.

Наконец в середине мая им улыбнулась удача, когда их разыскал Джон Салливан в компании с богатым аргентинцем по имени Александр Зул Золар, принеся с собой деньги и еду. Золар страстно хотел изучать магию под руководством Кроули, а тот, как и следовало ожидать, немедленно взял его к себе в ученики. Вскоре после этого приехал Джордж Сесиль Джоунс, у которого Кроули уже несколько месяцев пытался достать денег.

За свою жизнь Кроули получал деньги из целого ряда трастовых фондов. Некоторые из этих фондов были учреждены его друзьями или родственниками, которые не хотели, чтобы их подарки или наследство были растрочены по мелочам. Учредителями других фондов являлись оккультные или магические организации, с которыми Кроули был так или иначе связан. Ни один из этих

фондов не был достаточно крупным, но все они были вполне надёжными. Все они в конечном счёте существовали для того, чтобы защитить Кроули от самого себя. Джоунс остался теперь единственным доверенным лицом в трастовом фонде, который основал сам Кроули и откуда имел право получать определённый доход, однако лишь по решению доверенного лица. Кроули написал Джоунсу о своём затруднительном положении и даже приложил заключения врачей, желая тем самым обосновать свой запрос. Однако Джоунс, по мнению Кроули, обошёлся с ним не очень хорошо. Он оплатил счёт в «Отель деБлуа», но стал выдавать Кроули лишь по два фунта в неделю на медицинские нужды. Приехав в Шель, Джоунс, к досаде Кроули, вместо денег привёз лишь советы о том, как с ними обращаться, которые Кроули выслушал очень неохотно.

Если ситуация Кроули несколько стабилизировалась, то положение Мадда, напротив, стало ещё хуже. Живя в Лондоне, он опустился до крайних пределов бедности: в самом деле, 27 ноября 1926 года Мадда внесли в городской список бездомных бедняков. В списке значилось, что Мадду тридцать пять лет, что у него русые волосы, голубые глаза, а рост — пять футов четыре дюйма; там сказано так же, что по профессии он является литературным агентом или помощником библиотекаря (надпись в бланке приёмного документа номер 10513 неразборчива). Тем не менее он по-прежнему активно участвовал в делах Кроули, действуя от его имени, и убеждал его подать в суд на Sunday Express. Кроули, всё ещё не располагая достаточными средствами, чтобы нанять адвоката, а также опасаясь власти, которая была в руках Бивербрука, отказался от этого плана. Вместо этого Мадд опубликовал апологию в форме брошюры под названием «Открытое письмо к Лорду Бивербруку», большая часть текста которой принадлежала перу Кроули. Текст апологии был по почте разослан каждому, на чью поддержку Кроули мог надеяться. Даже знаменитости, вплоть до Бертрана Рассела, получили по экземпляру. Один экземпляр попал даже в Скотленд-Ярд. Этот текст был встречен полным равнодушием и по большому счёту остался незамеченным.

Закончилось лето 1924 года. Кроули занимался обучением Золара, хотя его новый ученик был почти абсолютно лишён магической энергии. Отношения с Лией были напряжёнными, однако она продолжала писать под его диктовку, а когда Кроули удавалось справиться с физическими силами, занималась с ним сексом. В течение некоторого времени ближайшее будущее если и не представлялось им в розовом свете, то, во всяком случае, выглядело спокойным. Однако этому суждено было продлиться недолго.

Дороти Олсен, тридцатидвухлетняя американка, со-иершая турне по Европе, заехала в Шель в порядке мистического паломничества, чтобы навестить

Кроули, знаменитого Мастера Териона. С собой у неё была определённая сумма денег. Кроули радушно принял её, проникся к ней симпатией и посвятил в А.˙.А.˙., дав ей имя Астрид. Затем произошло неизбежное. Кроули объявил Лии, что Тайные Учителя приказывают ему отправиться в магическое уединение в Северную Африку, взяв с собой Дороти. И никого, кроме Дороти. Лия обезумела от отчаяния, но ничего не могла сделать. Она лишилась своего статуса Алой Женщины. В конце сентября Кроули завершил свои занятия с Золаром, который впоследствии извлёк из них много пользы, написав книгу под названием «Энциклопедия древнего и тайного знания», и вместе с Дороти отправился в Тунис проездом через Марсель.

Лия осталась одна в Париже. У неё не было ни денег, ни Сшизких людей. Кроме того, у неё было плохо со здоровьем и она страдала от наркотической зависимости. Когда пришла телеграмма от Нинетт, где говорилось, что Ал ьма объявилась в Чефалу и забрала Ханси, Лии показалось, что её мир рушится.

Жизнь Нинетт тоже была трудной и неопределённой. Она жила в Аббатстве в крайней бедности, поскольку хозяин виллы разрешил ей остаться (пока она будет вносить плату за аренду), в конце концов, он был отцом её третьего ребёнка. Его ухаживания начали принимать деспотический характер, и Нинетт сама прекратила отношения с ним, что только осложнило ситуацию. В довершение всего она снова ждала ребёнка, на этот раз от молодого сицилийца из местных по имени Артуро Сабатини. Хелен, сестра Нинетт, присылала одежду для неё и Говарда, и вместе с Альмой Хирсиг они, когда могли, присылали Нинетт деньги. Брат Нинетт тоже присылал ей то, что мог, хотя и нерегулярно. Кроме того, она подрабатывала в качестве швеи, что тоже приносило несколько лир.

В июле 1926 года Нинетт написала Кроули письмо, прося его подать заявление на оформление паспортов для Говарда и Лулу. Она хотела отправить сына в Америку, к родственникам, чтобы он получил там образование. Денег у Нинетт был о мало, но Хелен через американского консула в Палермо передала ей сумму, необходимую на то, чтобы мальчик добрался до Соединённых Штатов. В других письмах, написанных примерно в это же время, Нинетт сообщает Джейн Вульф и Дороти Олсен, что, хотя она и прожила в Чефалу шесть лет, она не чувствует виллу своим домом и страстно желает оттуда уехать. О Кроуш она писала: «Я действительно пытаюсь опереться на него, просто потому, что я не могу заботиться о своей семье в одиночку! У меня просто голова кругом идёт оттого груза ответственности, который я так легкомысленно на себя взвалила!» Этот груз заключался не столько в повседневных, связанных с детьми заботах, сколько в тех планах и надеждах, которые она вынашивала относительно их будущего.

Её собственные перспективы тоже волновали Нинетт. «Я не принадлежу ни к какому государству, — писала она Джейн Вульф, — и я не могу уехать из Чефалу, потому что у меня нет паспорта, причём ни один консул паспорта мне не выдаст, и нет никого, кто мог бы помочь мне или что-то посоветовать!» Она очень хотела поехать во Францию, куда Кроули обещал забрать её вместе с детьми. Она просила его подыскать для неё маленький дом с большим садом, где она могла бы начать новую жизнь, но Кроули так ничего и не сделал. В марте следующего года Нинетт овладело состояние безысходности, и она написала Джейн Вульф: «Я навсегда прощаюсь с тобой и со Зверем». Дальше в этом же письме она описала, как провела семь лет в Чефалу, наполняя жизнь исключительно чувственными наслаждениями, не щадя своего тела и потакая любимым своим желаниям, за что теперь ей пришлось расплачиваться. «Я стремительно теряю рассудок, лишь ценой больших усилий мне удаётся сохранять здоровое отношение к людям — скоро моё умственное расстройство станет заметным, и тогда меня могут отлучить от детей». Следующим шагом, который она собиралась предпринять, было, по её словам, обращение к властям Сицилии с просьбой поручить детей заботам Кроули в случае, если она окончательно лишится рассудка. «Я оставляю их Зверю, если он соизволит их взять. Я знаю, что этим бедным овечкам придётся пострадать за мои преступления: сердце разрывается при одной мысли об их страданиях... Моя же перспектива ужасна. Я с содроганием смотрю в будущее! Боги оставили меня». В постскрипуме, приписанном на следующий день, она добавляла, что постарается продержаться, пока Кроули не пришлёт какую-нибудь помощь. В конце концов он прислал ей по почте пятьсот франков, полагая при этом, что неверно распоряжается такой значительной суммой, поскольку лучше всего было бы вывезти Нинетт и детей с территории Сицилии. Он считал, что следует заставить семью Нинетт спасти её, говоря при этом: «любой, у кого есть автомобиль, мог бы увезти её».

Точно не известно, что произошло с Нинетт и детьми впоследствии. Известно только, что она вернулась во Францию, где неподалёку от леса Фонтенбло жила её мать, и устроилась работать швейей к женщине по имени Полин Ролан, которая жила в Париже по адресу улица Фессар, 35. В 1929 году Кроули, не прерывавший переписки с Нинетт, начал предлагать по закону оформить своё отцовство по отношению к Лулу, с которой он тоже обменивался письмами, пока девочка училась в школе во Франции. Он добился разрешения отбританской иммиграционной службы на приезд девочки в Англию, при условии, что он будет всюду её сопровождать, но Кроули опоздал. Нинетт, страдая от болезни, которую она сама называла церебральной анемией, умерла в начале 1930-х. Письма, посылаемые на её адрес, возвращались к отправителю. След Лулу был потерян.

Предпринимая тщетные попытки забрать своего сына у сестры, Лия обратилась в американское посольство в Париже. Но там отказались ей помочь. Вернувшись домой, она обнаружила все свои вещи выброшенными на улицу: хозяин квартиры выселил её. Она всерьёз думала о самоубийстве, но как-то справилась с собой. Её вера в Кроули как в мужчину, без сомнения, пошатнулась, но как маг он по-прежнему что-то значил для неё. Она верила в «Книгу Закона», в Закон Телемы и в необходимость труда по распространению их идей.

Когда Мадд вернулся из Лондона без гроша в кармане, он нашёл Лию в лохмотьях. Они представляли собой жалкое зрелище, когда вдвоём бродили по улицам Парижа. Как и любой на их месте, они мечтали о том, чтобы основать где-нибудь новое Аббатство Телемы, и о том, как продолжить дело, которому оба они посвятили свою жизнь. Мадд утверждал, что необходимо продолжать действовать, стараться вернуть Кроули доброе имя и подготовить машинописный текст его биографии. Примечательна преданность, с которой Мадд и Лия относились к человеку, столь ужасно с ними поступившему. Лия во всём старалась видеть магический смысл и была убеждена, что их с Маддом бедность имеет особое символическое значение и смысл. Подумав, она пришла к выводу, что от них требовалось начать всё сначала, а именно заключить магический брак, несмотря на возражения, которые в своё время выразил Кроули. Мадд, который всё ещё был влюблён в Лию, согласился. Они отправились в ресторан, заказали «магический ужин», состоявший из блюд разных цветов, что имело символическое значение, а затем пришли в бедную комнатку Лии, чтобы довести дело до конца. Тем временем Кроули слал им из Туниса указания о проведении ритуалов, — но ничего, кроме этого.

Уже давно идут споры о мотивах такого поведения Кроули в это время. Многие хотят понять, почему он отверг двоих самых верных своих последователей. Прежняя красота Лии начала убывать по мере того, как усиливалась её наркотическая зависимость, оказывая разрушительное воздействие на её внешность. Она по-прежнему любила Кроули, и как человека, и как мага, но любви ему было недостаточно. Он был всё таким же беспокойным, эгоистичным человеком, со склонностью использовать других людей, которые казались ему уступчивыми, податливыми или безответными. О том, что Лия, возможно, лучше всех других женщин Кроули подходила на роль Алой Женщины, говорит её готовность делать для него буквально всё (сохраняя при этом хорошее отношение к нему). Кроули, вероятно, забыл, что для него она соглашалась на любые сексуальные извращения и не отказывалась встать на четвереньки перед козлом. Для него она была человеком, который уже сослужил свою службу. Тем не менее следует добавить, что Кроули долгое

время любил её, или делал вид, что любит, или думал, что любит её, по-своему. Она давала ему всё, чего он хотел от женщины: она потакала его тщеславию, была готова подвергаться насилию и унижениям, обладала физической привлекательностью (пока не вмешались наркотики) и была отличным партнёром и товарищем, как в магических, так и в повседневных делах. В своей преданности она не отказывала ему ни в чём. И тем не менее он бросил её самым жестоким образом. Ей он, должно быть, казался прекрасным божеством, а вёл себя при этом всего лишь как недостойный человек.

Что касается Мадда, то к нему Кроули преисполнился величайшего презрения. Свои чувства к Мадду он описал в дневнике:

Он, в сущности, не обладает ни смелостью, ни волей, ни способностями. Он поистине самый заурядный и пошлый человек из всех, кого я когда-либо встречал... И в то же время — сколько благородных качеств!.. Но лично мне он омерзителен... Сейчас я чувствую, что близкое общение с ним для меня невыносимо. Мне следует, я думаю, общаться с ним только через Лию — которой, кажется, всё равно. Ей нравится душевное разложение: она настоящая Алая Женщина. (Какое громадное отвращение она, должно быть, испытывает к этому куску гнилого мяса!)

Возвращаясь к разговору о Мадде, он продолжает:

Написанное выше ни в коей мере не должно быть расценено как свидетельство недостатка любви и уважения с моей стороны по отношению к Брату ОРV. Более того, я думаю, что могу помочь ему, придав ему наконец какую-то форму. Внутри Мадда живёт какой-то отвратительно бесформенный моллюск, который делает его столь ужасным и вызывает к нему столь непреодолимое отвращение. Сказать о нём «свиноподобный урод» — значит обидеть и свиней, и уродов. У каждого из них, по крайней мере, есть своя форма.

Мадд же представляет собой «нечто вроде жидкой массы чего-то омерзительного и гниющего», — и всё же он не совсем законченный человек. Он никогда не растечётся до конца, он похож на вязкое тесто, из которого делают кислый военный хлеб. Он липнет, он виснет тяжёлой ношей, он мешает двигаться... О, английский язык слишком беден, чтобы это выразить!

Позднее Кроули заявил, что лучшим поступком Мадда в его положении было бы получить высокооплачиваемую работу, застраховать свою жизнь на большую сумму, жениться на Лии, оформить её как получателя страховой суммы, а затем совершить самоубийство.

Неудивительно, что со временем Мадд начал более реалистично смотреть на Кроули. В конце концов он пришёл к выводу, что его бывший учитель не кто иной, как мошенник, который предал не только его и своих последователей, но, что ещё хуже, Тайных Учителей. После расставания с Лией Мадд начал думать, что это он, Норман Мадд, является истинным Учителем, прихода которого так долго ждал весь мир, но по мере того, как проходили годы, он разуверился и в этом. В письме к Джейн Вульф, посланном с острова Мэн в 1927 году, Мадд написал, что если ему когда-нибудь снова доведётся с ней встретиться, им придётся говорить о погоде, поскольку его больше не-интересует ничего, хотя бы отдалённо связанное с магией. Мадд покончил жизнь самоубийством 16 мая 1934 года на острове Гернси. Он закрепил штанины своих брюк велосипедными зажимами, наполнил их камнями и зашёл в море. Когда полиция попыталась узнать что-то о его прошлом, оказалось, что когда-то он жил в Лондонском приюте для бедных по адресу Арлингтон-роуд, 220. Полиции не удалось разыскать ни друзей, ни родственников Мадда, и он был похоронен как нищий, без надгробного камня, на Новом кладбище острова Гернси.

В то время как Лия и Мадд отчаянно боролись за выживание в Париже и Лондоне, Кроули и Дороти были заняты сексуальной магией и служением Гору в Тунисе. Приехав в город, они поселились в отеле «Мажестик», откуда начали рассылать телеграммы с просьбами прислать им денег. Некоторую сумму они действительно получили, хотя и неясно откуда. Вероятно, основным источником финансов была семья Дороти. Денег, полученных ими, было достаточно для того, чтобы платить за проживание и еду, а также чтобы заказать ювелиру переделать камень из кольца Кроули, которое он забрал из ломбарда перед самым отъездом из Парижа, в подвеску, которую Дороти могла бы носить на лбу. Из Туниса они сначала переехали в расположенный неподалёку Карфаген, а затем в живописную приморскую деревню под названием Сиди Бу Сайд. Здесь Кроули написал и опубликовал маленькую книжку под названием «К человеку», в которой провозглашал себя единственным в своём роде духовным лидером, появления которого ждал весь мир. Отпечатанные экземпляры он отправил Мадду, чтобы тот занялся их распространением, а сам вместе с Дороти отправился сначала в Сфакс, а затем на запад Туниса, в Нефту, проездом через Гафеу и Тозёр. В очередной раз Кроули взял напрокат верблюдов и пустился в путь вдоль северного края Большого во-сточного Эрга, двигаясь в юго-западном направлении.

Это был тот путь, который он намеревался проделать вместе с Лией, Маддом и Мохаммедом бен Брахимом. Перед ними расстилался обыкновенный пустынный пейзаж с выжженными солнцем дюнами и голыми камнями. В этих местах не было ни населённых пунктов, ни воды. По дороге они подверглись

тому, что Кроули назвал «магическим нападением насекомых», и повстречали местного шейха, который, по словам Кроули, узнал в нём одного из Тайных Учителей и устроил в честь него в своём шатре пир из восемнадцати блюд, где в числе прочего был подан целый жареный баран. Перейдя нынешнюю границу между Тунисом и Алжиром, путешественники добрались наконец до Туггурта. Это было серьёзным достижением, поскольку означало, что они преодолели 120 миль по пустыне. Кроули даже помолодел. Его здоровье улучшилось благодаря подвижной жизни, а настроение его поднялось от ощущения, что он снова в походе, а рядом с ним — его новая Алая Женщина. В сексуальных отношениях с Дороти всё было гладко, а 6 ноября Кроули удалось совершить гомосексуальный акт с арабом, что в очередной раз подтвердило возвращение прежних магических сил. Магическое уединение, которое больше напоминало магические каникулы, закончилось в Туггурте, где Кроули расплатился за верблюдов и где они с Дороти сели на поезд до Бискры.

Приключение заняло в общей сложности около трёх месяцев. Часть этого времени Дороти нездоровилось, но Кроули не очень беспокоился по этому поводу, хотя это несколько досаждало ему. Гораздо важнее было то, что за время, проведённое им в пустыне, уменьшилась его зависимость от наркотиков, что давало ему надежду наконец-то избавиться хотя бы от героиновой зависимости. Однако стоило ему вернуться к цивилизованной жизни, как он снова начал стремительно накачивать себя наркотиками. Надежда рухнула.

Проведя зиму в Европе, преимущественно в Париже, Кроули и Дороти вернулись в Тунис весной 1925 года. У них было мало денег, поэтому свои занятия сексуальной магией они направляли в основном на то, чтобы Дороти получила от своих родных очередную сумму, которой воспользовался бы и Кроули. Кроме того, они рассылали письма членам семьи Дороти и её американским друзьям, прося их одолжить им денег, а также сообщая о своём намерении пожениться. Однажды вечером у Кроули, который находился в состоянии транса, а точнее, под воздействием большой дозы героина или гашиша, случилось видение. Придя в себя, он немедленно записал его, и через тринадцать лет этот текст вышел в виде тонкой книжки под названием «Сердце мастера». В качестве автора значился Халед-Хан, также известный под именем Кроули.

К этому времени в Британию вернулся Мадд, который по-прежнему состоял в магическом браке с Лией. Сама Лия всю вторую половину 1924 года прожила в Париже, ведя жизнь обыкновенной проститутки. Она работала под именем миссис Э.-Дж. Лорд и однажды была вызвана в суд за приставание к мужчине на улице. Её занятия сексом с клиентами время от времени приобретали магическую окраску, однако на самом деле выйти на панель её вынудили

обстоятельства (и Кроули). Она по-прежнему переписывалась с ним, и у неё всё ещё хранились некоторые его вещи: она знала, что должна, хотя это ей и не удавалось, окончательно порвать с ним отношения. Не желая обременять его собой, она написала ему с просьбой не чувствовать себя материально ответственным за неё. Она разделила своё имущество на две части и в одном из писем спрашивала у Кроули, что ей делать с его вещами. Теперь её письма к нему выглядели очень формально. Она больше не давала ему ласковых наименований, возможных между близкими людьми: «Дорогой Зверь» или «Большой красавец лев», но, как правило, просто использовала его инициалы. Её последнее письмо к Кроули, отправленное в сентябре 1930 года, начинается словами «Дорогой сэръ» и заканчивается словами «Искренне Ваша». В январе 1925 года Лия нашла работу посудомойки — ей предстояло выполнять самую чёрную работу на кухне одного из ресторанчиков на Монпарнасе, а также обслуживать столики в качестве официантки. Рабочий день был долгим, работа — тяжёлой, а плата за работу — мизерной, однако это были деньги, которые позволяли ей хотя бы на время уйти с панели. В одном из писем к Джейн Вульф, с которой Лия продолжала поддерживать отношения, она писала: «Почувствовала себя в своей тарелке, за исключением первого впечатления от грязи этого квартала. Тот, кто страдал так долго, знает, что опустившийся занавес поднимется вновь». Было похоже на то, что, хотя её здоровье находилось всё ещё в плохом состоянии, ей всё-таки удалось справиться с собой и вернуться к жизни. Однако в марте Лия всё-таки получила тяжёлый удар, который сама себе предсказывала. Удар этот был нанесён из её прошлого. Кроули захотел, чтобы Лия приехала в Тунис. Она поехала.

Дороти Олсен была беременна. Кроули хотел, чтобы Лия помогала ей во время вынашивания ребёнка. Он вообще испытывал с Дороти определённые затруднения. Она, как это обычно и бывало с женщинами Кроули, уже пережила первоначальную эйфорию, вызванную романтикой и увлечением магией, и постепенно становилась обременительной для Кроули. Её здоровье и настроение оставляли желать много лучшего, что, несомненно, было следствием начинающейся наркомании. К моменту приезда Лии душевное состояние Дороти, и без того неустойчивое благодаря постоянному участию в магических церемониях, а также общению с Кроули, пришло в окончательный упадок. Запись в магическом дневнике Кроули, сделанная 24 апреля, даёт представление о ситуации: «Одного-единственного глотка рома (в конце дня, наполненного разнообразными волнениями) оказалось достаточно» чтобы вызвать у До острый приступ маниакального состояния. Мы лежали в постели, крепко обнявшись. Я уже почти уснул, и вдруг она начала царапать мне лицо

| без всякого предупреждения, сопровождая свои действия потоком грязных

бессвязных оскорблений, относящихся ко мне и ко всем, кто имеет ко мне какое-либо отношение. В течение предшествующего дня и вечера мы были раздражены и сказали друг другу много резкостей, причём Дороти один или два раза начинала свои обычные бредовые речи, однако никто не придавал им значения, и бред понемногу утих». Это физическое нападение на Кроули могло быть мстью, поскольку Кроули, будучи раздосадованным, нередко позволял себе ударить Дороти.

Приезд Лии в Тунис оказался ненужным, потому что у Дороти случился выкидыш, и в конце мая они с Кроули уехали во Францию. Лия в очередной раз была брошена на произвол судьбы, но это её больше не волновало. Лия переживала своего рода катарсис. У неё не было ни денег, ни работы, но она отчаянно пыталась оторваться от Кроули, а в Тунисе у неё были друзья. Одним из них был Жерар Омон, человек, переведший «Дневник наркомана» на французский, а другим — парижский знакомый Лии по имени Уильям Джордж Баррон, который увлекался магией и одно время был партнёром Лии по магическому сексу. Лия забеременела от него и 4 декабря 1925 года в Лейпциге родила сына Александра. Лия написала Джейн Вульф с просьбой прислать ей «разумную практическую книгу о воспитании детей, современную, но не слишком зацикленную на гигиене». В этом же письме она рассказала Джейн, что в родильном отделении, где ей пришлось ро- жать, она годилась в бабушки любому из остальных малышей: возраст других матерей составлял от пятнадцати до двадцати четырёх лет, Лии же в это время было уже за сорок. Поначалу она с тревогой относилась к рождению ребёнка, но вскоре так полюбила сына, что целиком посвятила себя его воспитанию.

По мере того как проходило время, Лия начала смотреть на Кроули другими глазами. Прошло восхищение, которое она прежде испытывала перед его человеческими и магическими качествами. Свою любовь к нему она постепенно начала считать помрачением ума, болезнью, которую она называла «А. С.-itis» и от которой ей необходимо было найти лекарство. Главным средством лечения стало формальное отречение, которое она разослала из Швейцарии в декабре 1929 года. По одному экземпляру получил каждый из её знакомых, кто так или иначе был связан с Кроули. В отречении говорилось, что она отказывается от статуса Алой Женщины: это был важный элемент в переживаемом ею катарсисе, это было её окончательное освобождение.

Оставив Лию в Тунисе, Кроули практически больше не упоминал о ней. С этих пор её имя уже не встречается в его дневниках. Некоторое время Лия и Мадд вместе жили в Германии, где они пользовались поддержкой членов немецкого отделения ОТО, однако Кроули, узнав об этом, прислал из Парижа указ, осуждающий Лию и предписывающий ОТО прекратить всякие отношения с

ней. Он также запретил кому бы то ни было разговаривать с ней о «Книге Закона» или о Законе Телемы, которые она всё ещё изучала и с чьими идеями всё ещё пыталась согласовать свою жизнь, считая, что они имеют самостоятельное и большее значение, чем её бывший наставник и любовник. В какой-то момент Кроули дал ей возможность возобновить отношения. Кроули полагал, что Мадд украл и продал несколько его книг. Если бы Лия присоединилась к его обвинениям в адрес Мадда, Кроули был бы согласен простить ей её грехи и проступки. Однако к этому времени Лия уже совсем иначе относилась к Кроули и отказалась доносить на человека, который когда-то был её магическим мужем. Кроули пришёл в такую ярость, что выпустил специальный циркуляр, в котором официально отрекался от неё.

Точно не известно, как сложилась судьба Лии в дальнейшем. Говорили, что она вернулась в Америку, обратилась в католицизм и, абсолютно покончив с какой бы то ни было магической деятельностью, вернулась к профессии учительницы и преподавала музыку в школе. Она умерла в 1951 году. Когда Джон Симондс работал над биографией Кроули, с ним связалась одна из сестёр Лии и потребовала, чтобы настоящая фамилия Лии не упоминалась. Симондс повиновался, в результате чего самая известная и многострадальная из Алых Женщин какое-то время была известна под именем Лии Фаэзи.

ГЛАВА 17

Проблемы, пророчества и богатый человек с Запада

В 1922 году Теодор Рейсе, который болел уже несколько лет, перенёс инсульт и ушёл с поста главы ОТО, но незадолго до своей смерти, последовавшей через год, он, судя по всему, назначил Кроули своим преемником. С этим обстоятельством связана некоторая путаница. В конце 1921 года Рейсе и Кроули поссорились из-за того, что последний самовольно назначил себя главой австралийского отделения ОТО. В письме к Рейссу, датированном 23 ноября 1921 года, Кроули решительно заявил: «Я желаю быть ВГО [Внешним Главой Ордена], а также Старшим Братом Ордена, причём я намерен воспользоваться вашим отречением от меня, чтобы провозгласить себя таковым». Четыре дня спустя он записал в своём дневнике: «Я объявил себя ВГО, Старшим Братом в Ордене Ориентальных Тамплиеров». Однако в автобиографии Кроули утверждал, что в 1922 году Рейсе отказался от своего поста в его пользу, а впоследствии говорил Чарльзу Стэнсфелду Джоунсу: «В последнем из адресованных мне писем Рейсса он приглашал меня стать его преемником на посту Главы и Старшего Брата Ордена».

Однако это письмо так никогда и не было обнаружено: с другой стороны,

никому не встречалось каких-либо документов, опровергающих это заявление.

В Берлине претензии Кроули на лидерство были встречены в штыки. Немцы, состоявшие в ОТО, были против того, чтобы ими руководил англичанин, поэтому управление немецким филиалом ордена на время перешло к Генриху Трэнкеру. Этот раскол внутри ордена продолжался бы и дальше, если бы у Трэнкера не случилось видение, в котором Кроули предстал перед ним в виде одного из Тайных Учителей. После этого летом 1925 года Трэнкер созвал тайное совещание в маленьком городке под названием Хоенлэйбен, в двадцати милях к западу от Цви-кау. Кроули, который к этому времени снова жил в Париже, был приглашён вместе с Дороти Олсен, Лией Хирсиг и Норманом Маддом. Деньги, которые по-прежнему являлись проблемой для Кроули и его ближайшего окружения, были предоставлены членами немецкого отделения ОТО. Парижские долги Кроули были отданы, а его дорогу оплатил богатый человек по имени Карл Йоханнес Гермер.

Гермер родился в 1885 году в немецком городе Эль-берфельде, он был прекрасно образован, в юности он несколько лет прожил в Лондоне, а затем учился в Сорбонне. Во время Первой мировой войны он служил в немецкой армии и побывал на Западном фронте и в России. Как офицер разведки он был награждён за успешное выполнение «особых поручений». Он был членом ОТО (и был известен в ордене под именем *Frater Saturnus*), а также был членом особой группы оккультных сообществ под названием «Пансофия», которую возглавлял Трэнкер. Где-то в 1920-х годах его назначили исполнительным директором одного из мюнхенских издательств, *Barth Verlag*. Его компетентность в издательском деле пригодилась для основания оккультного журнала *Pansophia*, а затем для руководства издательством *Телемы*, маленькой организацией, выпускавшей литературу о философии и учении Кроули. Гермер был одним из самых преданных последователей Кроули и долгое время являлся для него основным источником дохода. Они очень тесно сотрудничали даже тогда, когда Гермер был в Америке, куда он уехал и где прожил несколько лет. Что касается Кроули, то он считал Гермера тем самым богатым человеком с Запада, о приходе которого пророчествовала «Книга Закона».

Ещё до того, как состоялась их первая встреча, Кроули послал Гермеру экземпляр «Книги Закона» в переводе на немецкий. К этому времени Рейсе уже высказал свою критику в адрес книги, отметив наличие в ней коммунистических тенденций. Его невысокое мнение о книге эхом прозвучало на собрании. Трэнкер поначалу отнёсся к книге с осуждением, но потом изменил своё мнение о ней и начал бурно её хвалить. Он был обеспокоен. В лице Кроули он видел серьёзную угрозу своему положению и пытался, действуя обходными путями, сохранить собственный статус.

Присутствующие на собрании разделились на две фракции, одна из которых поддерживала Кроули, а другая выступала против него. Трэнкер и его последователи объявили, что будут стремиться сохранить независимое положение «Пансофии» по отношению к ОТО: им необходимо было иметь опору для укрепления своей власти. Однако на следующий год общество «Пансофия» развалилось, чтобы впоследствии возродиться под названием *Fratemitas Saturni* (Братство Сатурна), которое существует и по сей день. Его члены исповедуют Закон Телемы, хотя и в несколько изменённой форме, и считают Кроули пророком, но не более того. Когда общество «Пансофия» перестало существовать, Трэнкер и несколько других наиболее убеждённых членов общества начали жить каждый своей жизнью, и дальнейшие судьбы их неизвестны.

Финансовую поддержку Кроули оказывали двое: Гер-мер и пожилая немка Марта Кюнтцель. Она занималась теософией, дружила с госпожой Блаватской и всю свою сознательную жизнь вращалась в оккультных кругах. Будучи не такой уж богатой, она позволила Лии Хирсиг и Мадду поселиться в своём доме в Лейпциге, на Тифештрас-се, 4, поддержав их в тот момент, когда Кроули бросил их на произвол судьбы. Именно этот адрес Лия указала в медицинских документах больницы, где она родила своего сына.

Когда собрание закончилось, Кроули с очевидностью оказался самым влиятельным из претендентов в руководители ОТО. Его положение было достаточно надёжным и прочным, хотя Трэнкер в течение нескольких следующих лет делал вялые попытки вырвать власть из его рук, и был рад этому обстоятельству. Причём удовлетворённость его была связана не только с новой должностью. Будучи в Германии, Кроули случайно обнаружил новое, недавно изобретённое средство от астмы, которое позволило ему сократить употребление героина.

Благодаря Гермеру и средствам, поступавшим из ОТО, Кроули опять стал платёжеспособным. Хотя его нельзя было назвать богатым, он всё же был неплохо обеспечен; и даже мог позволить себе некоторые излишества. Он вернулся в Париж и обосновался там, но его неугомонный характер не давал ему покоя, и в течение нескольких следующих лет он много путешествовал по Западной Европе и Северной Африке.

В январе 1926 года Кроули и Дороти вернулись в Ла Марсу, но их отношения постепенно двигались к своему завершению. Кроули, как всегда, пустился на поиски новой Алой Женщины. К маю он уже успел пообщаться с несколькими кандидатками на это звание. Он осознал, что Дороти обладала лишь незначительными магическими способностями и быстро увядала. Кроме того,

Дороти страдала неврастенией и нередко раздражала Кроули. После того как он бросил её, она пристрастилась к алкоголю, отчего и умерла около 1930 года.

После неё в жизни Кроули промелькнула целая вереница быстро сменяющихся претенденток на роль Алой Женщины. Среди них были Нинетт («настоящая негритянка с Мартиники», которую не следует путать с Нинетт Ша-муэй), Кэтрин («великолепная женщина-вамп») и Маргарет Бинетти, с которой Кроули познакомился в конце лета 1926 года, предложил выйти за него замуж и даже обручился, но 6 февраля 1927 года бросил, «предав огню её талисман, посвященный Юпитеру и призванный её охранять». «С её жёсткостью, бессердечием, лицемерием и лживостью она плохо кончит», — писал о ней Кроули. Согласно собственным подсчётам Кроули, в январе 1927 года у него одновременно было шесть белых и три чернокожих любовницы, но он «отвергал их одну за другой». Критерии отбора очередной Алой Женщины явно понизились по сравнению с временами Лейлы Уаддел, которая даже не претендовала на это звание. Когда Клиффорд Бакс поинтересовался у Кроули в конце его жизни, что стало с Королевой Небес (намекая на фотографию Лейлы), Кроули безразлично ответил: «Назовите, пожалуйста, имя и год».

Не только женщины привлекали внимание Кроули в этот период. У него были также отношения с несколькими молодыми людьми, однако никому из них не суждено было стать вторым Нойбургом. Одним из них звали Фрэнсис Израель Регарди. Он родился в Англии в 1907 году, в 1920-м вместе с родителями перебрался в Америку, где, ещё будучи юношей, прочитал несколько книг Кроули, причём личность автора произвела на него не меньшее впечатление, чем содержание книг. В возрасте восемнадцати лет он посетил в Вашингтоне собрание, на котором читали и обсуждали произведения Кроули. Вскоре Регарди написал Кроули письмо, после чего тот свёл его с Гер-мером, который в это время находился в Америке. Познакомившись, они стали друзьями. Вдохновлённый знакомством с Гермером, Регарди начал переписываться с Кроули и в 1928 году принял его приглашение, когда тот позвал его в Париж в качестве ученика и (бесплатного) секретаря.

Регарди приехал в Париж в октябре и сразу же вручил Кроули свои скудные сбережения в размере 1200 долларов, которые Кроули немедленно потратил на всевозможные удовольствия типа шампанского и бренди. Переехав в квартиру Кроули на авеню де Суффрен, 55, он взялся за свои обязанности с юношеским рвением, с готовностью разделяя изматывающий стиль жизни, которого придерживался Кроули и который подразумевал излишества декадентского и зачастую расточительного существования, а также малое количество сна. Регарди, которого Кроули прозвал Змеем, стал мишенью насмешек, сарказма, а временами и раздражения Кроули. Несмотря на все обиды, Регарди прожил

рядом с Кроули три года и приобрёл обширные знания в области магии. Впоследствии он стал одним из самых справедливых и непредвзятых исследователей жизни и трудов Кроули.

В то время как Регарди открывал для себя личность: Кроули и его труды в Америке, другой молодой человек по имени Джеральд Джозеф Йорк познакомился с книгами Кроули в Британии. Подобно Нойбургу, Йорк был студентом кембриджского Тринити-колледжа. Он изучал историю и закончил университет в 1923 году. Он приходился племянником 6-му графу Хардвику и двоюродным братом 1 — му барону Эгремонту. Его отец был успешным бизнесменом и зажиточным землевладельцем графства Глостершир, где у него имелось большое поместье под названием Фортхэмптон-Курт неподалёку от Тьюксбери. Его матерью была distinguished Мод Уиндхэм, дочь второго барона Леконфилда. Йорк получил начальное образование в Итонском колледже и был богатым, умным, атлетически сложенным молодым человеком со связями. Он даже играл в крикет за сборную графства Глостершир. Во многих отношениях он напоминал Кроули, когда тому было двадцать с небольшим лет, но Йорк не имел такой склонности потакать своим желаниям и не так бездумно распоряжался своими финансами.

Прочитав несколько номеров журнала «Равноденствие», Йорк заинтересовался философией Кроули и решил встретиться с ним. Кроули пригласил его в Париж и, должно быть, решил, что наткнулся на золотую жилу, когда узнал, что Йорк прибудет в Париж самолётом: самолёт был в те времена транспортным средством только для очень богатых людей. В 1928 году они встретились в парижском аэропорту и почти немедленно отправились в Кассис, курорт неподалёку от Марселя, где в течение двух недель Кроули интенсивно обучал Йорка магии. Вскоре после этого Йорк вступил в A. & A., и получил имя Frater Volo Intelligere, что означает «Я Стремлюсь к Знаниям».

Однако знания, которыми уже обладал Йорк, оказались для Кроули куда полезнее, чем те, что он мог передать Йорку. Йорк, несмотря на свой нежный возраст, был талантливым бизнесменом и предложил Кроули взять на себя заботу о его финансах. Указав Кроули на то, что тот не в состоянии как следует управлять своими собственными финансовыми делами (причём Кроули согласился с такой оценкой), Йорк изобрёл систему управления денежными средствами Кроули, которая должна была упорядочить его расходы и доходы. Предполагалось, что Йорк и Гермер будут периодически перечислять деньги на специально открытый счёт, а Кроули будет класть на него деньги, получаемые им из других источников, а Йорк, в отличие от Регарди, не жил вместе с Кроули, но нередко приезжал к нему из Англии. Совместная жизнь с Кроули была утомительной и приносила с собой множество неудобств. Кроули вёл

жизнь оригинала и настаивал на ежевечерней игре в шахматы. Иногда он играл с Йорком и Регарди одновременно и обыгрывал их, практически не глядя на доски. Он непрерывно курил. Как правило, это были большие гаванские сигары или изогнутая трубка в духе Шерлока Холмса, набитая чёрным луизианским табаком или крепкой «латакией», что только усугубляло его астму. Кроме того, он в больших количествах употреблял бренди. Хотя и Регарди, и Йорк восхищались Кроули и принимали его капризы и прихоти, оба они относились к нему с осторожностью. Ни тот ни другой молодой человек не были гомосексуалистами и боялись соответствующих предложений со стороны Кроули. Но тот и не думал эти предложения делать.

В это же время Кроули познакомился с человеком, который как раз являлся гомосексуалистом. Речь идёт о Томасе Дриберге. Дриберг, предпочитавший, чтобы его называли Томом, был исключён из Лэнсинг-колледжа за нетрадиционную сексуальную ориентацию. В 1924 году он поступил в оксфордский колледж Крайст-Чёрч, причём ему была назначена стипендия, был активным членом коммунистической партии, — бросил университет

в 1927 году, попав в немилость, и поступил работать журналистом в редакцию Daily Express, которой руководил Бивербрук. На второй год своего обучения в Оксфорде он написал Кроули письмо, скорее из любопытства, чем из интереса к магии, прося его встретиться с ним в ближайший же приезд Кроули в Лондон. Встретившись, они отправились пообедать в ресторан под названием «Эйфелева башня» на Перси-стрит. Дриберг прекрасно осознавал, что сидит за одним столом с крайне одиозной личностью, и не сомневался, что это обстоятельство укрепит в студенческой среде его репутацию представителя богемы и человека, готового идти на риск. Отношения между ними продолжались много лет, причём иногда Кроули получал от Дриберга деньги. Сам же Дриберг стал впоследствии очень заметным членом парламента от лейбористской партии и получил титул пэра. После его смерти обнаружилось, что последние двадцать лет своей жизни он активно работал в качестве русского шпиона под тайным именем Лепаж. Некоторое время он был владельцем одного из дневников Кроули в красном сафьяновом переплёте и с серебряным обрезаем. Эту вещь он получил, вероятно, окольными путями: сам он утверждал, что приобрёл её у некоего мага, который не желал признаваться, откуда она у него. Впоследствии Дриберг продал этот дневник за довольно значительную сумму Джимми Пейджу, гитаристу рок-группы Led Zepelin и страстному коллекционеру всего, связанного с Кроули. После смерти Кроули Дриберг потребовал от душеприказчиков покойного, чтобы ему вернули все его письма.

В конце 1928 года список претенденток на роль Алой Женщины сократился. Это место заняла сначала графиня Чески (или Цецки), в конце года уступив его

польке по имени Казимира Басе. Последняя произвела шокирующее впечатление на Регарди во время их первой встречи. После ужина, без всяких обиняков, они с Кроули начали заниматься сексом прямо на глазах у недавно приехавшего секретаря. Регарди, смущённый и ошарашенный, вышел из комнаты.

О Кроули в этот период его жизни написал Ланс Сивекинг в своей книге «Глаз очевидца». После первой их встречи в Кассисе он описывал Кроули как тучного человека с выпавшими зубами, одетого в мятые белые хлопчатобумажные брюки, выцветшую розовую рубашку и сандалии.

Когда он заговорил [вспоминал Сивекинг], меня удивил его язык, необычно толстый и распухший, странного тёмно-фиолетового цвета, контрастировавшего с бледно-красным цветом его губ. Купол его черепа был абсолютно лыс, если не считать трёх длинных чёрных прядей, которые стояли торчком на вершине этого купола. У него были очень большие уши, и если бы они свешивались вниз, то выглядели бы в точности как уши слона. Его лицо, хотя и очень загорелое, всё же имело скорее зелёный, чем коричневый, оттенок. Под глазами у него были чёрные круги. Его кожа, хотя лицо его и выглядело полным, была обвислой, как это бывает у толстых людей, и, когда он разговаривал, двигалась так, как двигается кожа слона. Даже по фактуре эта кожа напоминала слоновью.

Внешняя болезненность Кроули совсем не удивительна. Здоровье его находилось в плохом состоянии. В это время он принимал целый коктейль из прописанного ему лекарств. Рецепты доктора Робера де Женна, которого Кроули регулярно посещал в Париже, свидетельствуют о том, что Кроули принимал не только обычные медицинские препараты, такие как висмут или сиропы от кашля, но и героин, кокаин, адреналин и стрихнин.

Казимира, в отличие от остальных Алых Женщин, ушла от Кроули сама. Однако, когда настало время расставаться, у неё не хватило смелости объявить об этом Кроули, поэтому она обратилась к Регарди с просьбой сообщить ему неприятную новость. Выслушав известие, Кроули заметил только: «Бог дал, Бог и взял. Да благословится имя Его».

Причина того, почему Кроули не был слишком уж расстроен случившимся, заключалась в том, что на горизонте уже появилась следующая Алая Женщина. Хотя Кроули и прозвал её Старый Нил, на самом деле это была среднего возраста зажиточная никарагуанка франко-итальянского происхождения по имени Мария Тереза Санчес, урождённая Феррари. Уже побывавшая замужем и имевшая ребёнка, она была необычной женщиной и обладала, по словам

Кроули, значительными магическими способностями — как и все его женщины поначалу. Этими способностями она заслужила себе другое прозвище: Верховная жрица вуду. Артур Калдер-Маршалл в книге воспоминаний «Магия моей молодости» охарактеризовал её как одну из самых замечательных женщин из всех когда-либо ему встречавшихся. Когда в декабре 1929 года они встретились впервые, на ней было чёрно-белое атласное платье, чёрные чулки в сеточку и туфли на каблуках четырёхдюймовой длины. У неё были длинные угольно-чёрные волосы, «её лицо было похоже на маленькую просеку в джунглях, которая лишь благодаря тщательному уходу не зарастает лесом». Её тёмные глаза были густо подведены, ногти — покрыты лаком «цвета венозной крови», а её тонкие губы были увеличены при помощи макияжа. Регарди и Йорк относились к ней по-разному: первый считал, что она неотразима, второй — что она грузна и неповоротлива.

Нечего и говорить, что сам Кроули был от неё в восторге. С ней, как он писал в самом начале их отношений, он сможет «начать всерьёз заниматься магией с определёнными ритуальными предосторожностями. Кульминация первой церемонии была отмечена, как и полагается, внезапно поднявшимся сильнейшим ветром; последующие церемонии были не менее значительны. Мне кажется, что результаты этой деятельности уже начинают проявляться и что-то важное должно произойти в течение ближайшей недели». Что касается Марии, она была буквально без ума от него и безоговорочно верила в его магические силы.

Кроули отнюдь не без оснований называл Марию жрицей вуду, поскольку она, судя по всему, действительно обладала магическими способностями. Вместе с Йорком и Регарди она однажды провела ритуал в парижской квартире Кроули, когда того не было дома. Церемония основывалась на исполненном ею когда-то в молодости танце, посвященном дьяволу. Молодые люди нараспев читали заклинания, она танцевала, проводя руками и голыми ступнями по открытому пламени свечи, пока не упала без сил. И Йорк, и Регарди утверждали, что во время церемонии ощущали чьё-то незримое присутствие.

Для Кроули 1929 год оказался удачным в плане книгоиздания, поскольку именно в этом году вышла «Магика». В этой самой известной из своих книг Кроули собрал разные элементы собственного магического учения. В ней содержалось объяснение сущности магии, описывались некоторые из основных ритуалов «Золотой Зари», а также ритуалы, разработанные самим Кроули. Кроме того, в ней в общих чертах было обрисовано устройство Аббатства Телемы. Издание книги было оплачено Гермером и Йорком, которые перечислили деньги на основной счёт Кроули и принялись за поиски издателя. Большинство издателей отказывались печатать книгу, но парижское

издательство Lescram Press наконец дало своё согласие, хотя и запросило более высокую по сравнению с обычной цену за тот риск, на который идет издательство, соглашающееся выпустить книгу Кроули, да ещё посвященную магии.

Когда книга вышла в двух вариантах: в твёрдом и бумажном переплёте, она, казалось, не привлекла к себе никакого общественного внимания. Кроули был разочарован, поскольку надеялся, что книга сможет вернуть ему доброе имя. Коль скоро ни один агент по продажам не взялся за распространение книги, Джеральд Йорк вместе с несколькими членами ОТО и А.А.А. и просто друзьями Кроули разнесли её по книжным магазинам Лондона.

Во Франции книга косвенным образом принесла Кроули много неприятностей. Эта история запутанная и странная одновременно. Ещё редактируя гранки книги, Кроули нанял для её рекламы журналиста по имени К. де Видаль Хант. Ему была назначена заработная плата двадцать фунтов в месяц плюс компенсация издержек. Йорк, узнав об этом, выразил своё неудовольствие, поскольку Хант в первый месяц своей работы не сделал практически ничего, и уволил Ханта. Однако в это время происходило ещё кое-что, о чём Йорк даже не подозревал. Хант с несколькими своими товарищами пытался устроить брак между американской миллионершей, проживавшей в Париже, и одним из обедневших второстепенных членов испанского королевского рода. Кроули участвовал в этом деле в качестве астролога. Хант, судя по всему, попросил его посодействовать заключению брака, а именно составить фальшивый гороскоп, который показал бы, что будущие супруги идеально друг другу подходят. Однако Кроули отказался ставить под угрозу свою репутацию честного астролога. Хант угрожал выставить Кроули в неприглядном свете, если тот откажется выполнить его просьбу. Однако Кроули был твёрд. План Ханта не реализовался, а Кроули почувствовал, что обязан предупредить миллионершу. Он рассказал ей о планах Ханта, а тот в отместку донёс на Кроули во французские правоохранительные органы. Полиция завела на Кроули дело и начала расследование. 17 января 1929 года на квартиру к Кроули явился инспектор полиции.

Предлогом для первого визита полиции явилась необходимость проверить заявление Ханта о том, что у Кроули хранятся запрещённые законом наркотики. Между Кроули и полицейским состоялся разговор, причём полицейский решил, что обнаруженный в квартире Кроули кофейник с фильтром является устройством для очищения кокаина. Полицейский спросил у Кроули, употребляет ли он наркотики и почему в пределах Англии он известен как Король Порока. Потом полицейский ушёл. Кроули думал, что на этом дело закончится, но через четыре недели получил *refus deseyour*¹, что

означало, в сущности, приказ покинуть страну и касалось его самого, Марии и Регарди. Оснований для их депортации имелось несколько. Отчасти дело было в опасении французских властей относительно того, что Кроули может быть агентом немецкой разведки: прогерманская журналистская деятельность, которую он вёл во время войны, а также его связи с немецким отделением ОТО (наряду со статусом главы этой организации) были сочтены достаточно вескими причинами для подозрений. Была, однако, и другая причина для изгнания Кроули с территории Франции. Она была связана с сестрой Регарди. Вскоре после того, как Регарди отправился к Кроули во Францию, его сестра обнаружила несколько экземпляров журнала «Равноденствие», которые её брат оставил дома, и прочитала о сексуальных ритуалах Кроули. Испугавшись за брата, она обратилась во французское посольство в Америке с просьбой отказать ему в визе, но опоздала. Тем не менее посольство связалось с французскими властями, которые начали наводить справки о прошлом Кроули, узнали о его депортации с Сицилии и запустили свой собственный механизм выдворения Кроули из страны.

Девятого марта Кроули и двоим его спутникам объявили, что у них есть только двадцать четыре часа на то, чтобы покинуть Францию. Кроули удалось отложить отъезд из страны, сославшись на плохое здоровье, но на самом деле ему просто хотелось дождаться, когда выйдет в свет его книга. Регарди и Мария получили британские визы, но, когда они приехали в Британию, их отказались принять как нежелательных иностранцев, в результате чего они были вынуждены вернуться во Францию тем же пароходом, на котором прибыли. Во Франции им удалось раздобыть бельгийские визы, и они отбыли в Брюссель.

К середине апреля Кроули был готов к ним присоединиться. Он успел увидеть сигнальный экземпляр своей книги и покинул Францию, по его собственным словам, «в блеске популярности», которую принесли ему газетные статьи, возвещающие о его изгнании из страны. Депортация Кроули имела хотя и международный, но всё же не очень широкий резонанс. Тем не менее даже довольно скромная новозеландская *The Star* побеспокоилась о том, чтобы проинтервьюировать Кроули, чей взгляд на проблему был изложен подзаголовком «Чёрная магия отвергнута. Подвиги бывшего шпиона. Приказ покинуть Париж». В начале статьи кратко излагалась биография Кроули, в том числе говорилось, что «в Тибете он общался со святыми ламами», затем цитировалось объяснение Кроули, которое он дал по поводу своей «шпионской» деятельности в Америке, и обсуждалось, правы ли французские власти, обвиняющие Кроули в аморальном поведении. «Мне не было предъявлено никаких обвинений, — якобы сказал Кроули. — Моя

возлюбленная была выдворена из страны. Ей объяснили, что власти оказывают ей большую услугу, разлучая её со мной. Когда она задала представителям французских властей вопрос, что они против меня имеют, ей ответили, что меня считают наркоторговцем, распространяющим кокаин. Но это смешно... Я живу в Париже уже семь лет. Всё это время я вёл мирную жизнь: днём писал, а вечерами играл в клубе в шахматы... То, что со мной произошло, можно сравнить с делом Дрейфуса». Статья заканчивалась цитатой из французской прессы, где говорилось о способности Кроули видеть сквозь стены, а также умении покидать собственное тело. Там упоминалось, что Кроули стал известен в 1911 году, когда Аугустус Джон написал его портрет (это были обрывки не вполне достоверных новостей, почерпнутых из материалов газеты Sunday Express за 1922 год), что Кроули подвергался нападкам за организацию Аббатства в Чефалу, «где, как рассказывают, проводились непристойные обряды», а также является автором «Дневника наркомана».

Может быть, Кроули и не был Дрейфусом, но теперь в нём видели скорее знаменитого оригинала, чем одиозную персону. Тот факт, что он позировал достигшему международной славы Аугустусу Джону, считался теперь более прочным основанием для репутации Кроули, чем вся его магическая деятельность и заявления о том, что он является тем самым учителем человечества, которого так долго ждал весь мир. Статья в Daily Sketch, напечатанная в 1929 году, изображала Кроули как очень умного человека, чья дурная слава стала следствием явного преувеличения. Благодаря таким людям, как Дриберг, Кроули иногда даже выходил в свет, где встречался с женщинами, подобными Нэнси Кунард. Говорили, что он прервал её-посередине разговора просьбой запечатлеть на её запястье свой знаменитый Змеиный Поцелуй. Она согласилась, и Кроули укусил её за запястье. Впоследствии она утверждала, что от укуса у неё началось заражение крови.

Покинув Францию, Кроули ненадолго заехал в Бельгию, а оттуда отправился в Лондон, чтобы увидеться с Джеральдом Йорком, которому тоже позвонили из полиции перед самым приездом Кроули. Звонившим был подполковник Джон ФиллисКарре Картер, помощник заместителя начальника лондонской полиции, один из самых уважаемых членов Особого отдела Скотленд-Ярда. Йорк хорошо знал его по масонским кругам. Картер предупредил Йорка о том, что не следует общаться с Кроули. Тот в свою очередь пригласил Картера на ужин в честь приезда Кроули, чтобы Картер смог убедиться, что знаменитый маг и волшебник не совсем таков, каким изображает его пресса. Картер принял приглашение, и 11 июня 1929 года состоялся очень приятный для всех троих вечер.

Оставшись в Бельгии с малым количеством денег, Регарди и Мария оказались

связанными друг с другом так же, как когда-то Мадд и Лия, причём и разрешилась эта ситуация похожим образом: Мария соблазнила Регарди. Разумеется, Регарди переживал, не зная, как отреагирует Кроули, когда ему станет об этом известно. Однако это была наименьшая из его забот. Бельгийские власти настаивали, чтобы Мария и Регарди покинули территорию Бельгии. Кроули — уже достаточно разозлённый на британские власти, которые отказали им в праве на въезд в страну: в конце концов, Британия была родиной Регарди, и он имел полное право находиться на её территории — рассердился ещё больше. Он связался с Гермером, прося его о помощи, и тот придумал план действий.

Приехав в Брюссель, Гермер забрал Марию, привёз её в Лейпциг и поселил у Марты Кюнтцель. Кроули приехал к ней, и 16 августа 1929 года они поженились. Газета Times, сообщая об этом событии, назвала Кроули мистическим писателем. В очередной раз было отмечено, что своей славой Кроули обязан собственным путешествиям и портрету Джона. Это был скорее брак по расчёту, нежели по любви. Кроули хотел, чтобы у Марии появилось право постоянно жить в Британии: в конце концов, она была хорошим партнёром в магических делах, и он не хотел потерять её.

Примерно в это же время Регарди получил разрешение на въезд в Британию. Кто-то потянул за нужные ниточки.

Точно не известно, кто именно это сделал, но наиболее вероятно, это был Картер из Скотленд-Ярда, который хотел таким образом обязать Кроули оказать ему пару-тройку услуг, о которых впоследствии можно было бы ему напомнить. Тем временем Кроули старался поддержать Регарди. Он давал ему деньги и направил его к своему портному на Джермин-стрит. Предполагалось, что Регарди закажет себе новую одежду, а счёт оплатит Кроули. Регарди, польщённый такой щедростью, отправился к портному, который снял с него мерки для шитья костюма. Однако счёт за этот костюм так никогда и не был оплачен.

Когда в 1929 году Бетти Мэй опубликовала автобиографию под названием «Тигрица», Кроули не без оснований опасался появления новой волны порочащих его материалов в прессе. Даже простое упоминание о Чефалу могло поднять только что улегшуюся пыль злословия. Но ничего подобного не случилось. Мир менялся, уже отгремели бурные двадцатые, и вилла под солнцем, населённая оригиналами-эротоманами, ни у кого не вызывала возмущения.

Вскоре после того как книга вышла в свет, Кроули написал романисту Энтони

Пауэллу, который был главным редактором издательства Duckworth & Company и занимался подготовкой к печати автобиографии Бетти Мэй. Они встретились за обедом, в модном ресторане «Симп-сон» на Стрэнде. Кроули заранее предупредил Пауэлла (хотя это было совсем не обязательно), что его легко будет узнать, поскольку у него одного из всех мужчин в ресторане не будет розы на лацкане. Пауэлл отправился на встречу с некоторыми опасениями, однако истинный облик Кроули не совпал с его ожиданиями. Вместо значительной, могущественной личности перед Пауэллом оказался «тучный, усталый человек, который поднялся со стула и протянул руку в качестве приветствия. У него был скромный, почти потрёпанный вид, на нём был темно-коричневый костюм и серая шляпа. Когда он снял шляпу, открылась необычная форма его лысого бритого черепа; этот череп выглядел так, что создавалось впечатление, будто на голове у него специальный клоунский парик. Черты его бледно-жёлтого лица странным образом были собраны в центре этого большого лица, имевшего форму эллипса, что делало его похожим на ужасного младенца. Кожа его была пористой и выглядела рябой, возможно из-за длительного и постоянного употребления наркотиков». Кроули показался Пауэллу нелепым и, тем не менее, «внушающим страх, сильный страх, как своей внешностью, так и манерой себя вести», позднее, правда, он охарактеризовал Кроули как «зловещего, но талантливую шуту».

Во время обеда Кроули критиковал книгу «Тигрица» за содержащиеся в ней неточности, рассказывал о своей жизни и говорил о той горечи, которую вызывает в нём отношение к нему прессы и всего мира. Пауэлл вежливо слушал и запоминал те образы, которые рисовал перед ним Кроули. В последнем томе своей серии романов под названием «Танец под музыку времени» он изобразил Кроули, переселив его в 1960-е годы, в виде персонажа по имени Скорпион Мартлок.

Автобиография самого Кроули, записанная под диктовку Лией Хирсиг, наконец нашла нового издателя после того, как в 1922 году её отказался напечатать Уильям Коллинз. Книгу взялось выпустить в свет издательство Mandrake Press, расположенное на Музейной улице в Блумс-бери, неподалёку от Британского музея. Оно было только что основано книготорговцем Эдвардом Голдстоном и его австралийским партнёром Персивалем Реджинальдом Стефенсеном. Первая изданная ими книга под названием «Живопись Д. Лоуренса» вышла ограниченным тиражом, разошлась хорошо и принесла им прибыль. Стефенсен занимался поиском новых книг, требующих издания, и, несмотря на то — а может быть, благодаря тому, что был коммунистом, с восхищением относился к Закону Телемы и высоко ценил литературные способности Кроули. 28 июня он заплатил Кроули аванс в

размере пятидесяти фунтов. Планировалось, что книга выйдет в шести томах под заголовком «Дух одиночества — Автохагиография, последовательно реантихристианизированная Исповедь Ал истера Кроули». По иронии судьбы впервые читающая публика узнала о книге из статьи в Daily Express, подписанной именем некоего Уильяма Хики. На самом деле статью написал Том Дриберг, тем самым став изобретателем обычной в современных газетах колонки городских сплетен.

Несмотря на то что книга вышла ограниченным тиражом, издатели надеялись, что агенты по продажам разнесут отпечатанные экземпляры по книжным магазинам, а те их примут. Однако когда начали выходить первые тома, книготорговцы не проявили явного энтузиазма. Одного имени Кроули на обложке было уже достаточно, чтобы книгу признали негодной. Большинство книготорговцев, даже не читая книгу, заключали, что она об эротике или об эзотерике, а возможно, и о том и о другом одновременно. Если бы им хватило дальновидности, чтобы открыть книгу, они поняли бы, что держат в руках потенциальный бестселлер. Книга не была ни порнографической, ни темной или запутанной. Она представляла собой настоящую историю жизни, рассказанную остроумно, честно, самоуверенно и очень увлекательно. Тома с третьего по шестой сразу выпущены не были, и только в 1969 году книга вышла целиком, правда, в сокращённом, однотомном издании под редакцией Джона Симондса и Кеннета Гранта. С тех пор она постоянно переиздается.

В дополнение к автобиографии издательство Mandrake Press выпустило маленькую книжку рассказов Кроули под названием «Уловка», а в октябре — его роман «Лунный ребёнок».

Как и следовало ожидать, Кроули вскоре поссорился с Голдстоном и Стефенсеном. Тогда он уговорил Джеральда Йорка и Гермера пожертвовать 1000 фунтов на издание его книг в дополнение к отдельному взносу, сделанному Робинот Тинном, родственником маркиза Бата. Этого уже было достаточно. Затем Кроули перевёл половину этих средств на счёт другой терпящей бедствие компании, издательства Aquila Press. Деньги, которых благодаря этому действию лишилось издательство Mandrake Press, не спасли вторую фирму от разорения. По словам Кроули, в ноябре 1930 года издательство Mandrake Press было частично ликвидировано, поскольку Тинн отобрал у него имущество, а Йорк не захотел его выручать. Закрытие издательства лишило Кроули надежд на благополучную судьбу его книг.

Как бы ни были малы объёмы продаж, но публикация книг Кроули привела к тому, что он получил приглашение от Артура Калдера-Маршалла — президента Поэтического общества Оксфордского университета — с просьбой выступить

перед членами общества на специальном веере 3 февраля 1930 года. Кроули с готовностью согласился и начал писать лекцию о Жиле де Рэ, средневековом французском оккультисте. Вскоре об этом узнала дирекция университета. Университетский капеллан, католик и известный теолог отец Рональд Нокс, направил письмо секретарю Поэтического общества, студенту по имени Хью Эйт. Тот связался с Кроули и отменил лекцию. «Нам дали, — писал он, — что, если подготовленная вами лекция будет прочитана, дисциплинарным взысканиям подвергнусь не только я сам, но и все остальные члены комитета Общества».

Без сомнения, вспомнив об угрозах, которые сыпались на Мадца в Кембридже в 1907 году, Кроули, который в это время снимал Айви-коттедж в Нокхолте, между Орпингтоном и Севеноуксом в Кенте, был страшно разгневан.

Поступив опрометчиво и наивно, он быстро напечатал свою запрещённую лекцию в виде брошюры и послал Артуру Калдеру-Маршаллу письмо с просьбой найти людей, которые с лотков уличных разносчиков продавали бы брошюру на лондонских улицах. Было продано уже около пятидесяти экземпляров брошюры, прежде чем обнаружилось, что в её содержании нет ничего оригинального. Местные газеты быстро подхватили историю, а Кроули обвинял во всём дирекцию университета и высказывал предположения, будто Нокс отменил лекцию потому, что Жиль де Рэ («друг Жанны д'Арк», — едко замечал Кроули) считался виновным в ритуальном убийстве шестисот детей, и Нокс обвинял Кроули в аналогичном преступлении. «Возможно, — рассуждал Кроули с типичным для него саркастическим юмором, — дирекция университета опасается, что я могу убить и съесть восемьсот оксфордских студентов». Однако в газете *Birmingham Evening Dispatch* Кроули высказал более взвешенное мнение о причинах запрета его лекции: он сказал, что его боятся из-за «подозрительной» смерти Лавдэя.

Несмотря на заинтересованность прессы этим случаем, а может быть, благодаря ей, запрет на лекцию не был отменён, и *Mandrake Press* напечатало её в виде брошюры, которая должна была продаваться по шесть пенсов за экземпляр. Книга оказалась скучной и не принесла Кроули никакой выгоды. (В отличие от другой книги, которую написал Стефенсен.) Книга Стефенсена вышла в июле 1930 года. К печати её готовили в спешке и выпустили в бумажной обложке, но с тех самых пор она имеет огромное значение для последователей Кроули и всех, кто изучает его наследие. У книги было напыщенное название: «Легенда Алистера Кроули — в форме документального расследования травли писателя, не имеющей аналогов в истории литературы», и она представляла собой собрание фрагментов статей о Кроули, появлявшихся в прессе

на протяжении всей его жизни. Газетные статьи были снабжены комментариями биографического и критического характера. Цель книги заключалась в том, чтобы уменьшить враждебность по отношению к Кроули со стороны прессы и общества и в то же время облегчить торговлю его книгами.

Несмотря на то что книга Стефенсена разошлась не очень быстро, на неё была написана превосходная, длинная, обнадёживающая рецензия, напечатанная 24 августа 1930 года в журнале *Freethinker*. Автор рецензии выступал в защиту Кроули, объясняя происхождение его дурной репутации и рассуждая о нём беспристрастно и серьёзно. Рецензент высказывал критику в адрес Боттомли, а также «других коварных и подлых шакалов с Флит-стрит», осуждал «шумную толпу блюстителей религиозных нравов, которые сплошь и рядом поднимают страшный крик по малейшему поводу и самозабвенно предаются злословию» в адрес Кроули. Завершая рецензию, её автор взывал «к обыкновенной человеческой терпимости», которой он как Свободомыслящий вправе ожидать от таких же Свободомыслящих людей. Тем не менее рецензент высказывал отрицательное отношение ко многим поступкам и убеждениям Кроули.

Эта статья, озаглавленная «Честный призыв к честной игре», была написана Виктором Нойбургом. Несмотря на то что он давно уже порвал все связи с Кроули, приобретшим с тех пор столь дурную славу, он продолжал его поддерживать.

В течение лета 1930 года, живя в Найтсбридже по адресу Парк Мэншнс, 89, Кроули наводил справки о возможности устроить выставку своих картин в Лондоне, но ни одна галерея не соглашалась выставить его работы. Голд-стон отказался повесить картины в редакции издательства *Mandrake Press*, тем самым усугубляя разрыв в отношениях между Кроули и его издателями. Голдстон боялся повторения скандала, который случился недавно, когда полиция, сочтя картины Д. Лоуренса непристойными, конфисковала их прямо с выставки, которую Голдстон (как издатель Лоуренса) для него устроил. Кроули, который намеревался снять квартиру в Лангэм-Плейс, хотел выставить свои картины в издательстве *Aquila Press*, чей офис находился неподалёку, но газета *John Bull* напечатала разгромную статью о Кроули, и агент по недвижимости прекратил с ним переговоры об аренде жилья. Увидев, что его планы рухнули, Кроули отобрал 160 своих рисунков и картин и на корабле отправил их в Берлин. После прощального вечера, во время которого Мария напилась до потери сознания, Кроули 1 августа уехал в Берлин один. Его союз с Марией явно начинал разрушаться.

По прибытии в Берлин Кроули оказался в центре внимания прессы. Он был в своей стихии. Никто не нападал на него, дела ОТО шли хорошо, и он являлся

главой этой организации. В мастерской одного из знакомых художников он познакомился с девятнадцатилетней художницей по имени Ханни Йегер. Он прозвал её Монстром и писал о ней в своём дневнике: «Я не на шутку влюблён в эту Ханни», добавив позже: «Встретил Ханни Йегер и овладел ею. Жена, определено, без всяких сомнений».

Через несколько недель Кроули решил, что настало время для магического уединения, хотя в тот конкретный момент оно подразумевало не более чем обыкновенные каникулы. Он всё меньше и меньше занимался магией, как ритуальной, так и сексуальной, разве что иногда вдвоём с какой-нибудь из своих женщин. Он практически прекратил проповедовать своё учение. Создаётся впечатление, что он устал от оккультизма, что магия, подобно тому как это происходило с его женщинами, сослужила свою службу и была, пусть временно, отправлена в отставку.

Вместе с Ханни он ненадолго вернулся в Лондон, а затем морем из Саутгемптона отправился на юг, в Лиссабон. Выбор места назначения был неслучайным. Кроули собирался навестить человека, с которым давно переписывался.

Уже больше года он обменивался письмами с Фернандо Пессоа, самым знаменитым из португальских поэтов, который предлагал Кроули повидаться с ним, если тот окажется в Лиссабоне. Пессоа, который писал стихи и на португальском, и на английском, одинаково свободно владея обоими языками, был увлечён мифом о боге Пане. Он перевёл «Гимн Пану» на португальский и включил этот перевод в сборник своих стихов «Presenca», вышедший в 1931 году.

Второго сентября, когда Ханни и Кроули прибыли в Лиссабон, Пессоа встретил их на пристани и поселил в роскошном отеле «Европа». Гостиница полностью соответствовала вкусам Кроули; Лиссабон же, как и следовало ожидать, его разочаровал. Кроули записал в своём дневнике: «Однажды Бог попытался разбудить Лиссабон, послав на него землетрясение; однако он оставил это занятие как абсолютно бесполезное». Тем не менее он был заворожён видом Бока до Инферно¹⁷ неподалёку от Кашкайса, расщелины, над которой скалы образовали естественную арку и где в непогоду появлялся бушующий водоворот.

Рядом с Ханни интерес Кроули к сексуальной магии возродился, а возможно, если судить более цинично, ему просто нравилось заниматься сексом с женщиной, которая была более чем в два раза моложе его, особенно когда она была пьяна или находилась под воздействием какого-нибудь наркотика. Как бы

то ни было, у неё были видения, которые превосходили ожидания Кроули, хотя он и считал её слишком молодой и слишком неопытной в магических делах, чтобы этими видениями воспользоваться. 13 сентября Ханни и Кроули выпили большое количество бренди, прежде чем приступить к церемонии сексуальной магии. Церемония, как Кроули писал затем в дневнике, оказалась одной из лучших в его жизни, хотя по окончании её Ханни разразилась «очень долгими истерическими рыданиями». Вполне возможно, что причиной рыданий стал не только выпитый бренди, но и то, что Кроули занимался с девушкой анальным сексом. Через три дня история повторилась, причём дело кончилось не только рыданиями, но и сильнейшей ссорой, которая произошла между Ханни и Кроули глубокой ночью. На администрацию гостиницы посыпались жалобы от других постояльцев. Ханни и Кроули предложили покинуть гостиницу. Поэтому следующим утром они отправились в Эсторил, расположенный в десяти милях от Лиссабона. Пока Кроули разузнавал о возможности поселиться в гостинице в находящемся неподалёку Монт-Эсториле, Ханни сбежала от него и направилась обратно в Лиссабон. Кроули вернулся в столицу, встретился с Пессоа и рассказал ему, что произошло. 19 сентября Кроули нашёл Ханни, которая уже купила билет на ближайший пароход до Германии. В отчаянии она обратилась к американскому консулу Л.-С. Армстронгу, который посоветовал ей как можно скорее возвращаться домой. Разгневанный Кроули попытался уговорить её остаться, но ничего не добился. Расстроившись, он разработал план, который должен был вернуть ему Ханни.

Сев на поезд, идущий в Синтру, Кроули вернулся к Бока до Инферно, который находился в восьми милях от города. Здесь он решил инсценировать самоубийство. Пессоа был посвящен в план Кроули. На самом краю расщелины Кроули оставил записку, придавив её своим портсигаром. Записка гласила: «Я не могу без тебя жить. Иные "Уста дьявола" поглотят меня, но они не будут так горячи, как твои! Hjsos! Tu Li Yu!» Сделав это, он вернулся в отель, упаковал чемодан и отправился в Германию сухопутным путём. Тем временем Пессоа привлёк внимание прессы к очевидному исчезновению Кроули. Местные газеты первыми сообщили о происшедшем: «Без вести пропал сэр Алистер Кроули, знаменитый поэт и мистик». Международные телеграфные агентства быстро распространили эту новость.

Когда история получила огласку, португальские власти заявили, что, вообще-то, Кроули был замечен при пересечении им испанско-португальской границы, но это не умерило пыл журналистов. У них немедленно возник вопрос: может быть, существуют два разных Кроули или у Кроули есть двойник? Начали появляться версии о том, что Кроули убит.

Приехав в Берлин, в то время как пресса всё ещё считала, что он мёртв, Кроули

разыскал Ханни и пытался убедить её обвинить Армстронга в сексуальных домогательствах, предлагая ей подписать сочинённое им самим письмо. Тем не менее из этой попытки отомстить у Кроули ничего не получилось. Пытаясь выжать из своего «самоубийства» ещё что-нибудь, Кроули написал письмо Энтони Пауэлли в издательство Duckworth & Company. Написанное от имени Ханни, это письмо представляло собой описание её романа с Кроули и имело нелепый заголовок «Мой гимен». Пауэлл отклонил предложение напечатать этот текст.

Мистификация с инсценированным самоубийством закончилась, когда Кроули 11 октября наконец появился на открытии собственной выставки в галерее Нойма-на-Нирендорфа в Берлине. За всю его жизнь это был единственный раз, когда он выставил свои работы в галерее. Карл Нирендорф, директор картинной галереи, которому принадлежали и другие выставочные залы в Берлине и Кёльне и который являлся главным покровителем немецких экспрессионистов, выставил пятьдесят одну работу Кроули. Это были пейзажи, композиции на вымышленные сюжеты и портреты. На последних были изображены самые разные люди, от Лии и Мадда до Олдоса Хаксли, с которым Кроули свёл знакомство и который в то время жил в Берлине. Один из портретов, изображавший уродливую женщину, был подписан «Эфир». Почти ничего на этой выставке не было продано, и большинство картин вернулось в Британию. Немецкая пресса, будучи гораздо более либеральной, чем английская, отнеслась к выставке довольно благосклонно, однако неизвестно, считал ли её успешной сам Кроули. Вероятно, он был рад, поскольку такая выставка автоматически придавала ему статус серьёзного художника.

Стремясь уладить отношения с Ханни, Кроули объявил её своей последней Алой Женщиной, но в их отношениях по-прежнему не было стабильности. В дневнике Кроули отмечает, что у Ханни случаются приступы меланхолии, что она часто плачет, постоянно болеет (плохое состояние здоровья усугублялось наркотиками и алкоголем) и что между ними нередко вспыхивают ссоры. Однако Ханни была в Берлине не единственной женщиной, доставлявшей ему неприятности. Ещё одной такой женщиной являлась вторая жена Гермера, американка Кора.

Камнем преткновения в отношениях между ней и Кроули являлась её уверенность в том, что Кроули понапрасну растрчивает деньги её мужа, значительная часть которых досталась Гермеру в виде приданого, когда он женился на Коре в 1929 году. Она не верила в исключительность Кроули, но это было ещё полбеды. Если её муж хотел тратить деньги на всю эту магическую ерунду, то это было его дело, — но Кроули тратил их отнюдь не на магию. Он транжирил деньги на банальные удовольствия. «Вы в неделю

тратите на сигары и коньяк, — обвиняла она Кроули в письме, — столько же, сколько я трачу за два месяца на все свои нужды... Я считаю вас большим эгоистом... Сам Господь Всемогущий, — мудро заключала она, — никогда не стал бы вести себя столь высокомерно, как вы, и в этом одна из причин всех ваших проблем».

Финансовое положение Кроули на тот момент, хотя и нельзя назвать процветанием, было вполне стабильным. Дополнительным источником наличных являлась, пусть нерегулярная, журналистская деятельность Кроули. Гермер присылал Кроули деньги, когда тот в них нуждался, Йорк тоже выплачивал ему определённые суммы по мере необходимости. Другие его последователи делали пожертвования в его пользу, причём нередко себе в ущерб, организация ОТО периодически перечисляла ему деньги. Ещё одним источником доходов Кроули был трастовый фонд, управляемый Джоунсом. В 1928 году туда в качестве доверенного лица вошёл и Йорк. Доходы от этого фонда делились между Кроули, Роуз (пока она была жива) и Лолой. Кроули нередко просил Джоунса увеличить его долю за счёт доли Лолы. Лоле было уже за двадцать, и она работала продавщицей в одном из лондонских ателье, получая семнадцать шиллингов в неделю. Она жила в бедном квартале, но в документах по-прежнему указывала в качестве своего адреса дом собственной бабушки по матери. От трастового фонда она ежегодно получала восемьдесят фунтов, но Кроули считал это излишеством, поскольку у Лолы была работа, а у него — нет. Джоунс, однако, не поддавался на уговоры Кроули.

У Лолы было мало общего с её отцом. В 1929 году она начала подумывать, не встретиться ли ей с Кроули, но её отговорил дядюшка, Джеральд Келли, сказав, что Кроули не может думать за неё и что она уже достаточно взрослая, чтобы принимать решения сама. Кроме того, Келли прислал ей несколько книг Кроули, чтобы она составила себе о них какое-то представление. Пролистав книги, Лола написала Джеральду Йорку: «Я не хочу тратить своё время на столь грубую и самодовольную персону! Его книги — это только часть его, а к другой его части я не испытываю ничего, кроме жалости!!» Она так и не увиделась с отцом.

Пока Кроули жил в Берлине вместе с Ханни, Мария боролась за своё существование в Лондоне. С помощью Джеральда Йорка ей удалось снять какое-то жильё в Хэмпстеде. Йорк давал ей деньги на пропитание и писал Кроули письма, сообщая, что Мария сидит без гроша в кармане, страдает приступами неврастения и находится на грани самоубийства. В какой-то момент ей удалось найти работу, и всё шло хорошо, пока её работодатель не выяснил, кто она такая, и не выгнал её. Кроули был глух ко всем жалобам. Сам Картер, офицер Особого отдела Скотленд-Ярда, написал Кроули дружеское

письмо, советуя ему вернуться к жене. Кроули расценил это письмо как наглое вмешательство в свою личную жизнь. Он написал Марии, предлагая ей найти себе другого мужа, который не станет возражать против её алкоголизма. Кроули предоставлял Марии полную свободу и просил её подать на развод. Чтобы облегчить ей эту задачу, он признавался в том, что начиная с 3 августа сорок семь раз изменил ей с Ханни, извиняясь при этом, что изменял так мало, но оправдывая себя тем, что в это время он много путешествовал и часто уставал. Готовый к любым действиям, Кроули написал в Лондон своим адвокатам, кратко обрисовав свои претензии к Марии. С разводом нужно было спешить, потому что Кроули хотел жениться на Ханни, которая была беременна.

Не только Мария отдалялась в это время от Кроули. Постепенное охлаждение наступало также и в его отношениях с Регарди, которому было трудно, как в физическом, так и в интеллектуальном смысле, соответствовать переменчивому образу жизни своего учителя. Между ними начались пререкания, затем — ссоры. Регарди верил в учение Кроули, и в 1932 году посвятил ему свою первую книгу «Древо жизни», но он с осуждением относился к тому, как Кроули обращался с другими людьми, к его эгоизму и склонности потакать своим слабостям. Всё это, как считал Регарди, мешает тому магическому труду, которому следует посвящать свою жизнь. Он вернулся в Америку и с 1937 по 1940 год опубликовал четырёхтомный свод ритуалов «Золотой Зари», нарушив тем самым свой обет хранить тайну. Однако намерения у него были благородные, поскольку он вступил в оккультную организацию под названием *Stella Matutina* («Утренняя Звезда»), т. е. принято было считать, что она будет жизнеспособной лишь в том случае, если её тайны станут известны всем.

Джеральд Йорк тоже постепенно отдалялся от Кроули, который несправедливо обвинил его в том, что тот путал его финансовые дела. Ярким свидетельством появления трещины в их отношениях является видение сложившейся ситуации самим Кроули. В письменных показаниях, которые он дал своим адвокатам, он заявил, что Йорк явился к нему в 1928 году, чтобы «пройти индивидуальный курс [магической] подготовки. Кроме того, он уговаривал меня избавить его от пристрастия к мастурбации. На копии документа, которая была отправлена Йорку, тот подписал коротко: «Чушь GJY».

Со временем Йорк перестал оказывать Кроули как финансовую, так и моральную помощь. Он заинтересовался буддизмом и обратил свои усилия и средства на поддержку далай-ламы, став в конце концов его западным представителем. Помимо этого, Йорк издал несколько значительных эзотерических тибетских манускриптов. Так же как и многих других женщин Кроули, Марию и Ханни постигла трагическая судьба. 16 июля 1931 года

Марию поместили в психиатрическую больницу в Коулни-Хэтч что к северу от Лондона. У неё были галлюцинации, она страдала маниакально-депрессивными состояниями и паранойей. Она была склонна к внезапным эмоциональным вспышкам с самого начала своего знакомства с Кроули. К ней даже приглашали врачей, и она провела некоторое время в больнице в Севенуаксе, когда они с Кроули жили в Нокхолте. Врачи психиатрической больницы находили странным содержание фантазий Марии: то ей казалось, что она дочь короля и замужем за своим братом, принцем Уэльским, то она утверждала, что является Алой Женщиной, женщиной Зверя 666. Очевидно, что врачи были плохо осведомлены о её прошлом. (Йоркут утверждал, что образы её видений на самом деле принадлежат не ей, а Кроули.) Проведя много лет в психиатрической лечебнице, Мария умерла. Вскоре после того, как она туда попала, Ханни ушла от Кроули, а потом совершила самоубийство.

Вполне справедливым является утверждение, что Кроули доводил людей до отчаянного состояния, но следует также отметить, что он привлекал к себе женщин вполне определённого типа. Это были женщины, выбитые из колеи, страдающие неврастенией или имеющие слабый характер. Их состояние, как правило, было нестабильным ещё до того, как появлялся Кроули, чтобы столкнуть их в пропасть, на краю которой они уже находились.

В августе 1931 года, проходя по берлинской улице Унтер-ден-Линден, Кроули остановился поглядеть на витрину туристического агентства. В этот момент к нему подошла женщина и заговорила с ним. Как это бывало когда-то с Кроули, между ним и ею пробежал электрический ток. Так он познакомился с очередной Алой Женщиной. Тридцатилетняя Берта Буш когда-то была замужем, но теперь жила одна. Кроули был сражён ею. Он звал её Билл (или Билли); она звала его «милым мальчиком». Традиционный сеанс сексуальной магии утвердил Берту в её новой роли, и они с Кроули начали жить вместе. Между ними установились довольно дикие по форме отношения. Берта, как и сам Кроули, любила в сексе мазохизм, обладала горячим темпераментом и была склонна к приступам насилия. Между ними случались жестокие ссоры, причём нередко они происходили в присутствии других людей. Однажды они начали драться прямо на улице. Кроули прижал Берту к стене и принялся её колотить кулаком. Несколько проходивших мимо молодых нацистов разняли их и надавали Кроули тумаков. В другой раз Берта пырнула Кроули кухонным ножом. Несмотря на все эти ссоры и драки, Кроули водил Берту за собой повсюду и познакомил её со всеми, кого знал в том числе с Кристофером Ишервудом и поэтом Стивенем Спендером.

Зимой 1931–1932 годов Кроули и Берта на время поселили у себя квартиранта по имени Джеральд Гамиль-юн. Он был другом сэра Роджера Кейсмента,

который предал Британию и перешёл на сторону ирландских республиканцев. Этот квартирант стал свидетелем всех жестокостей Кроули по отношению к Берте. Однажды, вернувшись домой поздно вечером, Гамильтон обнаружил её обнажённой на полу, среди осколков разбитой посуды. В комнате было очень холодно, поскольку на дворе стояла зима, а огонь в камине погас. Гамильтон разбудил Кроули, который подошёл к лежащей и сильно ударил её ногой. Берта очнулась, вскочила и принялась драться, как кошка. Кроули закричал Гамильтону, чтобы тот помог ему её связать, но тот отказался и вызвал врача, который дал Берте успокоительное. В другой раз Гамильтон, придя домой, обнаружил связанную по рукам и ногам Берту и записку от Кроули, в которой тот просил её не освобождать.

Роль Гамильтона как квартиранта Кроули заключалась только в том, что он вносил свою часть арендной платы. Он был немецким шпионом, коммунистом и поддерживал движение Шинфейн. Он познакомил Кроули со всеми знаменитыми коммунистами в Берлине, в том числе с влиятельным Эрнстом Тельманом, которого Кроули пытался отвлечь от коммунизма и обратить в Закон Телемы. Однако в дружбе Кроули с Гамильтоном была и другая сторона. Подполковник Картер заплатил Кроули пятьдесят фунтов за то, чтобы тот сообщал ему о занятиях Гамильтона. В течение 1930-х годов Кроули периодически работал на британскую контрразведку, поставляя информацию о коммунистах, немецких националистах, нацистах и оккультных братствах, связанных с какими-нибудь организациями типа гестапо. В конце концов Кроули стал настоящим шпионом, хотя эта работа и не занимала всё его время.

В то же самое время Гамильтон доносил о занятиях Кроули нацистам, которых интересовали существующие в Германии оккультные, масонские и тому подобные организации. Эти организации уже воспринимались нацистами как потенциально опасные, поэтому они начали истреблять и брать под стражу их членов. Особенно это коснулось гомосексуалистов и масонов, которых заключали в концентрационные лагеря, в то время ещё неизвестные миру.

Неизбежно наступило время, когда Кроули решил покинуть Берту и вернуться в Лондон. Она последовала за ним, но вскоре поняла, что никакими мольбами его не вернёшь. Гермер был рад этому разрыву, так как его довольно сильно раздражало, что Берта занимает в жизни Кроули столь значительное место. Возможно, она как Алая Женщина и не уступала Кроули в магических способностях, но Гермер никогда бы с этим не согласился. Для него она была лишь очередной любовницей Кроули, а отнюдь не Алой Женщиной, а потому не была достойна ни поклонения, ни уважения. Кроули не придавал значения недовольству Гермера, и тот это понимал: между Гермером и его духовным наставником возникла стена.

Вернувшись в Лондон, Кроули ощутил вокруг себя удушливую атмосферу. Его книги расходились плохо; на его картины никто не обращал внимания; он выглядел попросту устаревшим. Он чувствовал, что ему необходимо как-то поднять свою популярность, но как это сделать, он придумать не мог. Была и ещё одна проблема: ему не хватало денег. Остатки пожертвований Гермера постепенно начали иссякать. Отчасти дело было в том, что Гермер начал отдаляться от Кроули, а отчасти причиной была экономическая депрессия в Америке, где у Гермера и Кору были вклады, приносившие им доход. Йорк тоже постепенно прекратил перечислять деньги на счёт Кроули. Внезапно Кроули пришёл в голову план выхода из создавшегося положения: он подаст в суд, как только в печати появится очередное клеветническое заявление в его адрес. В 1932 году Constable & Company, небольшое, но солидное издательство, выпустило биографию Нины Хэмнетт под названием «Смеющийся торс». Кроули был осведомлён о том, что книга готовится к изданию, поскольку Хэмнетт связалась с ним вовремя написания книги, чтобы заверить его, что в книге не содержится никаких провокационных утверждений относительно его персоны, хотя ему и уделено много внимания. Она знала Кроули уже двадцать лет, какое-то время была членом А.А.А., пыталась отговорить Лавдэя и Бетти Мэй от поездки в Чифалу и в 1924 году в Париже даже дала Лии Хирсиг десять шиллингов, когда у той совсем не было денег. Как бы то ни было, она всегда держала Кроули в поле зрения.

Получив экземпляр книги и прочитав его, Кроули решил, что его оклеветали. Он подал прошение о судебном запрете на книгу, и заседание суда было назначено на сентябрь 1932 года. Однако на этом его деятельность в качестве истца не закончилась. Сознательно занимаясь поиском проявления неуважения по отношению к самому себе, Кроули подал в суд на книготорговца по фамилии Грей. В окне своего магазина на Прэд-стрит Грей выставил экземпляр книги Кроули «Лунный ребёнок» с объявлением, которое гласило: «Издание первого романа Алистера Кроули "Дневник наркомана" было приостановлено после резкой критики романа в прессе». Это была ложь: Коллинз не приостанавливал издание романа, он просто решил его не переиздавать. Это дело было рассмотрено в суде 10 мая 1933 года. Кроули выиграл суд. Он получил пятьдесят фунтов в качестве компенсации за моральный ущерб, кроме того, ему компенсировали судебные издержки. Судья вынес следующее постановление: «Нет ни малейших оснований полагать, что какая-либо из книг, написанных мистером Кроули, непристойна или груба. Мистер Грей хотел убедить читателей, что книга с прикрепленным к ней объявлением является непристойной». Воодушевлённый своим успехом, Кроули подал в суд на другого книготорговца, но за двадцать фунтов дело удалось урегулировать без судебного разбирательства.

Все эти судебные победы предвещали удачный исход также и в деле против издательства Constable, но Кроули предстояло убедиться, что тяжба с авторитетным издательством — это совсем другое дело.

Когда приблизился срок судебного заседания, адвокаты, работавшие на Constable, его типография (по иронии судьбы это оказалась типография Chiswick Press), и сама Нина Хэмнетт стали предлагать Кроули уладить дело без судебного разбирательства. Однако Кроули, несмотря на советы своих адвокатов принять предложение, отказался.

Иск Кроули основывался всего лишь на трёх предложениях со 173-й страницы книги «Смеющийся торс». В этих предложениях так говорилось о вилле в Чефалу: «Считалось, что он [Кроули] занимается там чёрной магией, а однажды прошёл слух, будто у кого-то из местных жителей таинственным образом исчез младенец. Кроме того, на вилле жил козёл. Всё это, как казалось людям, указывало на занятия чёрной магией, и местные жители боялись Кроули». Эти строки отнюдь не были вопиющей клеветой, в них не содержалось никаких категорических утверждений. Против чего Кроули возражал, так это против самого предположения, будто он проводил ритуалы чёрной магии, что автоматически причисляло его к сатанистам.

Адвокаты Кроули не страдали излишней самоуверенностью, поэтому они начали изучать прошлое своего клиента в поисках слабых мест, на которые могли бы опереться адвокаты ответчика и завоевать доверие присяжных. Когда один из адвокатов прочитал книгу «Белые пятна», он предупредил Кроули, что если в руки кому-нибудь из защитников ответчика попадёт экземпляр этой книги, то Кроули неизбежно проиграет суд. Стоит только суду узнать о сексуальных извращениях, которые описаны в этой книге, и Кроули без сомнения будет подвергнут осуждению, которое уже не удастся поколебать.

Слушание дела 1932 С. № 3651 Кроули против Constable & Co и других происходило 10 апреля 1934 года в Верховном суде в присутствии судьи Свифта. В качестве адвоката Кроули выступил Дж.-П. Эдди. Королевский адвокат Малколм Гилбери защищал издательство Constable & Co вместе с Мартином О'Коннором, который представлял интересы Нины Хэмнетт. Слушание длилось четыре дня.

С самого начала слушания Кроули старался представить себя как белого мага, почти филантропа. Эдди кратко изложил магическое учение Кроули и прояснил истинный смысл его лозунга: «Делай что желаешь — таков весь закон». Казалось бы, всё складывалось для Кроули довольно хорошо, пока он не начал давать свидетельские показания.

Фрагменты слушания дела, известного теперь как «Дело о клевете в "Смеющемся торсе"», вошли в историю британского правосудия, но не потому, что во время этого суда были созданы какие-то прецеденты, а благодаря совершенно развлекательному характеру этого суда. Перекрёстный допрос Кроули заставил судью и присяжных разувериться в его правоте. Как и при своих отношениях с прессой, Кроули недооценил опасность, исходившую со стороны опытного королевского адвоката, и вообще не включился в общий настрой того, что происходило в зале суда. Порой обмен репликами во время допроса напоминал цирковое представление:

Гилбери. Действительно ли вы называли себя Зверем 666?

Кроули. Да.

Гилбери. Правда ли, что вы называете себя Мастер Терион?

Кроули. Да.

Гилбери. Что означает Терион?

Кроули. Большой дикий зверь.

Гилбери. Соответствуют ли эти наименования истинному содержанию вашей деятельности и вашему мировоззрению?

Кроули. Зверь 666 означает просто солнечный свет. Вы можете называть меня Маленькое Солнышко.

Публика на галерее в зале суда разразилась смехом. Кроули радовался своему успеху у публики и старался понравиться ей ещё больше, не подозревая, что в это время он разменивает успех своего дела на шутки, угождение публике и фарс. Гилберти продолжил перекрёстный опрос, начав зачитывать вслух фрагменты из автобиографии Кроули. Наконец речь зашла о квартире Кроули на Чансери-Лейн, в самом сердце лондонского района, где сосредоточены учреждения юстиции. В этой квартире Кроули жил когда-то с Алланом Беннетом.

Гилбери (читает). «Дух этого места определялся присутствием человеческого скелета...»

Кроули {поясняя}. Да. Милликин и Лоли, 5 фунтов. [Милликин и Лоли были известными поставщиками медицинских принадлежностей.]

Мартин Бут. Жизнь мага. Алистер Кроули

Гилбери (читает), «...который я время от времени кормил кровью, мелкими птицами и тому подобным». Это правда?

Кроули. Да.

Гилбери. По-вашему, это белая магия, так?

Кроули. Это был абсолютно научный эксперимент.

Гилбери (продолжая читать). «Идея заключалась в том, чтобы его оживить, но единственное, чего я достиг, — это то, что кости покрылись густой слизью...»

Кроули (снова перебивая). Я полагаю, что это была лондонская копоть.

Гилбери решил представить Кроули чёрным магом, а также распространителем всяческой скверны и разврата: он прочёл вслух несколько гомосексуальных стихотворений Кроули из книг «Облака без воды» и «Белые пятна» и охарактеризовал их как грязные и непристойные. Кроме того, он насолил Кроули, вслух выразив удивление по поводу того, почему Кроули не подал в суд на Бивербрука и Боттомли, которые оклеветали его значительно сильнее, чем Нина Хэмнетт. Когда Гилбери закончил, репутация Кроули лежала в руинах.

Перед О'Коннором была другая задача. Он решил доказать, что Кроули — шарлатан.

О'Коннор. Насколько я понял, вы утверждаете, что у вас бывают видения. Правда ли это?

Кроули. Видения? Да.

После этого О'Коннор решил изменить тактику. Кроули, должно быть, ожидал других вопросов относительно видений и магии, но О'Коннор был хитёр, у него были другие планы. Он хотел одновременно высмеять Кроули и доказать, что тот — лжец, мошенник и плут. Он успел навести справки о прошлом Кроули и спросил его, правда ли, что тот задолжал двадцать четыре фунта Розе Льюис, владелице отеля «Кавендиш», известной как держательница публичного дома и носившей прозвище Герцогиня с Дьюк-стрит. О'Коннор предпочёл не обратить внимания на то, что этой женщине настолько часто не удавалось добиться возвращения долгов, особенно от богатых клиентов, что она сама заявляла: «Люди приходят в Кавендиш только для того, чтобы помочиться».

О'Коннор. Вызывали ли вас в апреле 1933 года в суд графства Вестминстер по

поводу выплаты денег, которые вы задолжали миссис Льюис?

Кроули. Я ничего об этом не знаю.

О'Коннор. Что?

Кроули. Я не знаю. Подобные вещи происходят, но я никогда ничего о них не слышу.

О'Коннор. Это странно, и я скажу вам почему. Дело в том, что повестки в окружные суды вручаются лично в руки.

Кроули. Да, но я не знаю. Кто-то вручает мне какой-то документ, и я кладу его в карман. Больше я о нём не задумываюсь. Вот, например, вчера мне вручили судебную повестку. Она была очень приятного жёлтого оттенка.

Кроули по-прежнему не мог осознать всей серьёзности своего положения и того факта, что его целенаправленно ведут к провалу. О'Коннор постепенно начал получать удовольствие от драмы, режиссёром которой был он сам.

О'Коннор. Вы говорите, что у вас бывают видения. Не могли бы вы вызвать в своём воображении видение того момента, когда вы заплатите миссис Льюис её 24 фунта...

Кроули. Если я непременно должен ей заплатить, я ей заплачу.

О'Коннор. Когда?

Кроули. Когда смогу.

Теперь О'Коннор перешёл в беспощадное наступление.

О'Коннор. Вчера вы сказали, что в результате ваших экспериментов вам удавалось вызвать определённые силы, которые незримо нападали на людей. Так ли это?

Кроули. Да.

О'Коннор. Не продемонстрируете ли вы своё искусство здесь, на мистере Гилбери?

Кроули. Я не стану ни на кого нападать.

О'Коннор. Это из-за вашей деликатности или потому, что вы — мошенник, который притворяется, будто умеет то, на что в действительности неспособен?

Затем О'Коннор вновь изменил тактику допроса, по настоянию судьи, который потребовал не превращать здание суда в храм для магических ритуалов.

О'Коннор. В автобиографии вы написали: «В какой-то момент мне удалось сделать себя невидимым». Не согласитесь ли вы повторить это здесь, в зале суда? Если вы сделаете это, я не стану обвинять вас в мошенничестве.

Кроули. Вы можете обвинять меня во всём, в чём только захотите. Истина от этого не изменится.

Ближе к концу заседания судья попросил Кроули дать определение белой и чёрной магии. Кроули сказал, что магия представляет собой науку или искусство совершать, изменения в соответствии с волей мага. Если эта воля ориентирована на справедливость и добродетель, то речь идет о белой магии, если наоборот — то о чёрной.

Адвокаты ответчика пригласили на суд Бетти Мэй для свидетельских показаний. Она подробно рассказала обо всём, что происходило в Чифалу, вплоть до жертвоприношения с кошкой. Эдди подверг её перекрёстному допросу. Её имя звучало теперь как Бетти Мэй Седжвик, и Эдди спросил её, сколько раз она была замужем. На это Бетти Мэй ответила: «Кажется, четыре». Тогда Эдди достал два письма, которые якобы доказывали, что Бетти Мэй явилась в суд только для того, чтобы заработать на судебном процессе. Одно из писем было адресовано её адвокатам. Она немедленно заявила, что письма были у неё украдены, и судья запретил применять их во время процесса. (Через пару месяцев 24 июля Кроули появился в суде во фраке и чёрном шёлковом цилиндре. Он хотел получить эти украденные письма за семь с половиной пенсов каждое, но неудачно.)

Хотя во время этого судебного процесса Кроули и нанёс себе столько вреда, его адвокатам удалось бы поправить дело, приведи они своих собственных свидетелей. Джон Салливан, Дж.-Ф.-К. Фуллер и Дж.-Д. Берес-форд отказались давать показания. Прийти согласился только Карл Гермер. Эдди сделал всё, что мог, чтобы склонить присяжных на свою сторону, но симпатии судьи были не на стороне Кроули. То, что начиналось как незначительный судебный процесс по делу о клевете, закончилось как; суд над самим Кроули. Изначально обозначенные границы судебного разбирательства были в значительной степени нарушены, судье не удалось сосредоточить внимание присяжных на факте клеветы в адрес Кроули, не получилось у него и обуздать жажду крови,

которой пылала защита ответчика. Для такого суда Эдди оказался слишком недалёководным, как, впрочем, и сам Кроули.

Присяжные, которые даже не стали удаляться на совещание, решили дело не в пользу Кроули и обязали его возместить издержки ответчику. И тем не менее процесс доставил Кроули удовольствие. Ему нравилась известность. Его имя вновь появилось на первых страницах газет. Его дневниковые записи того времени выдают самообман, которому он предавался: «Дело закончилось разгромом Свифта и Нины. Особенно приятно было видеть, как испугались люди из Constable & Co». И это при том, что он проиграл суд.

Адвокаты Кроули немедленно подали апелляцию. Повторное слушание дела было назначено на ноябрь, однако судьи, рассматривавшие апелляцию, хотя и признали, что клевета имела место, а также критически отнеслись к действиям судьи Свифта, всё же решили, что Кроули не заслуживает даже минимального возмещения ущерба, потому что в его случае любому составу присяжных было бы крайне сложно принять правильное решение, а следовательно, судебной ошибки здесь не было. Короче говоря, суд признал принципиальную невозможность оклеветать человека с репутацией Кроули, причём это заключение преследовало Кроули долгие годы после суда. В 1956 году, когда Нина Хэмнеттумерла при нескольких загадочных обстоятельствах — возможно, это было самоубийство, — поговаривали, что это Кроули наслал на неё проклятье, мстя за проигранный суд.

Как раз во время суда, когда Берта Буш уже окончательно сдала позиции, Кроули нашёл себе новую Алую Женщину — Перл Бруксмит. Перл была тридцатипятилетней вдовой, с которой Кроули познакомился в августе 1933 года. Она помогла Кроули выпустить новое издание «Книги Закона» и давала ему деньги на жизнь, в то время как Йорк и Гермер всё больше отдалялись от него. В благодарность за это Кроули предоставил ей авторские права на книгу рассказов Симона Иффа. Затем в какой-то момент Перл начала страдать галлюцинациями, и её поместили в психиатрическую лечебницу, откуда она писала Кроули письма, умоляя забрать её оттуда. Но он, успев за время её отсутствия переехать на другую квартиру, на письма не отвечал.

Тот факт, что Кроули по-прежнему был привлекателен для женщин, остаётся загадкой. Лучшие времена его давно уже прошли. Он был тучен и в целом имел неприятный вид. Его дыхание настолько сильно отдавало эфиром, что, по свидетельствам очевидцев, запах Кроули можно было почувствовать ещё до того, как он входил в комнату. Кроули приписывал свою популярность у женщин ежедневному применению «Рутваха, аромата бессмертия», который представлял собой смесь цибетина, мускуса и серой амбры. Получался

пьянящий, хотя и с трудом различимый запах, который, как рассказывают, при появлении Кроули приводил лошадей и женщин в состояние эйфории.

Было бы логично предположить, что Кроули извлечёт урок из своей неудачной тяжбы с издателями книги «Смеющийся торс», однако этого не произошло. В 1935 году он подал в суд на Sunday Referee за нарушение условий контракта. Хэйтер Престон, литературный редактор этого издания, на мгновение утратил трезвость рассудка и, посочувствовав Кроули, принял от него статью под названием «Мои поиски Абсолюта». Когда Марк Гульден, редактор газеты, прочёл статью, он вызвал Престона к себе в кабинет и резко заявил ему, что больше не потерпит в своей газете такого вздора. Но Кроули принёс в редакцию ещё несколько своих статей: оказалось, что напечатанная статья была лишь первой из целой серии. Гульден отказался от всего, что принёс Кроули. Тот заявил, что с ним заключён контракт на серию статей, и обратился к своим адвокатам. Он проиграл дело, но, по его собственному мнению, недолго оставался в проигрыше. Много лет спустя, когда Sunday Referee закрылась, Кроули послал Гульдону открытку со словами: «Итак, вы всё-таки проиграли».

Несмотря на то что Кроули терпел поражение на всех этих судебных процессах, он ни разу не заплатил ни пенни в качестве штрафа или компенсации издержек противника. 14 декабря 1934 года был составлен документ о банкротстве Кроули. Самому Кроули этот документ был вручен 2 января 1935 года.

Кредитором, который заявил о банкротстве Кроули, стал B. S. Rhodes, Ltd. Это была ростовщическая контора, которой Кроули задолжал 140 фунтов. В эту сумму входил сам заём размером в 126 фунтов плюс пять процентов годовых. 14 февраля Кроули был официально объявлен банкротом, а на 1 мая назначили заседание общественной комиссии по банкротству.

Когда завертелись колёса процедуры банкротства, полный список кредиторов Кроули оказался просто поразительным. В общей сложности в списке значилось тридцать восемь необеспеченных и десять частично обеспеченных кредитов. Последние предоставили те, кто владел какой-то частью имущества Кроули: книгами, рукописями или личными вещами. Помимо ростовщиков, в списке Кроули значились: Перл Бруксмит (888 фунтов), Constable & Co (846 фунтов, судебные издержки), Rogers & Co, Ltd, ателье на улице Нью-Бёрлингтон (535 фунтов), Block, Grey & Block, винный магазин (170 фунтов), ростовщик Уотсон Тернер (500 фунтов), Forsyte, Kerman & Phillips, адвокатская контора (500 фунтов), граф Эрик Левенхаупт, который одолжил Кроули 175 фунтов. Более мелкие сумм Что касается имущества Кроули, то он

полагал, что его можно оценить в 15 тысяч фунтов, хотя мнение официальных властей по этому поводу зафиксировано как «сомнительное обеспечение долга». Это была сумма, которую Кроули, подавший в суд на Джеральда Йорка за небрежность в управлении его финансовыми делами, рассчитывал получить за свои книги, если бы Джеральд Йорк не распорядился его финансовыми делами столь неудачно. «Я, — воинственно заявил Кроули в записке к объявлению о банкротстве, — автор самых великолепных прозаических и поэтических произведений, которые когда-либо украшали английский язык; я не могу в такой же мере обладать талантом бухгалтера.

В день слушания по делу о банкротстве помощник председателя комиссии Брюс Парк попросил Кроули назвать своё полное имя. Тот назвал себя Эдвардом Александром Кроули. Парк спросил, какими ещё именами Кроули пользовался в течение жизни. Кроули ответил, что он использовал сотни имён.

Во время слушания вся финансовая жизнь Кроули открылась как на ладони. Во время допроса Кроули уже не вёл себя столь легкомысленно, как когда-то на суде, и не старался понравиться публике. После длительного допроса председатель пришёл к выводу, что Кроули действительно вёл себя расточительно и тратил по меньшей мере в три раза больше, чем позволяли ему его доходы. Комиссия объявила также и о том, что нет ни малейших оснований предполагать, будто Йорк вёл себя невнимательно или безответственно в качестве финансового управляющего Кроули, поэтому иск, поданный на него Кроули, также был расценен как безосновательный.

Только в 1939 году кредиторы получили назад часть своих денег из расчёта по два пенса за фунт. Другими словами, они вернули сто двадцатую часть того, что когда-то одолжили. Во второй раз незначительная сумма была выплачена в 1950 году, через три года после смерти Кроули, тем кредиторам, которые ещё ждали своих денег.

Что касается Кроули, то он вынужден был прожить остаток своей жизни банкротом.

ГЛАВА 18

Тот, кто смеётся последним

В 1935 году Кроули исполнилось шестьдесят. В этом возрасте, когда большинство людей уже думает об уходе на заслуженный отдых, Кроули видел впереди лишь уныние и нужду. Возможно, он и стал богом, однако не достиг основных целей своей жизни. Закон Телемы был по-прежнему известен лишь

небольшому кругу его последователей, большинство которых при этом жили за пределами Британии. Как писатель он не был признан совершенно, даже лучшим его стихотворениям никто не придавал значения. Как альпиниста его вспоминали исключительно в связи с трагедией на Канченджанге. Его магические достижения выглядели смешными в современном обществе, которое становилось всё более технологическим, ориентированным на науку и рационально мыслящим. Что касается его успеха среди обычной публики, то хотя его и считали самым порочным человеком в мире, всё же скорее относили этот титул к его прошлому. И тем не менее Кроули был, как всегда, полон решимости. Как напишет о нём впоследствии Чарлз Кэмел, его дух не был сломлен, а его ум остался таким же активным, как прежде. Тем не менее он был несколько удручён своими судебными неудачами и банкротством.

Почти весь доход Кроули составляли деньги, получаемые им из ОТО, подарки друзей и, в очень небольшой степени, отчисления из трастового фонда, которым руководил Джоунс. Все эти деньги Кроули принимал как должное. Он абсолютно искренне верил, что получать деньги — его право. Ведь он занимается Великим Трудом, является лидером оккультного движения, естественно поэтому, что люди вкладывают деньги в его процветание и в издание его трудов. В прошлом, когда он был богат, он щедро распоряжался своим богатством — это подтверждали люди, гостившие в Болескине, — хотя и не раздавал его в виде наличных. В деньгах он ценил только их покупательную способность, он видел в них лишь одно из удобств, которым с удовольствием пользовался сам и которое по возможности предоставлял окружающим. Теперь, когда он был беден, он ждал, что кто-то будет давать ему деньги, также, как когда-то, будучи студентом, он ждал, когда из дома по почте пришлют чек.

Здоровье Кроули, также как и его финансы, находилось в плачевном состоянии. Он страдал запорами, зимой у него обострялись астма и бронхит, у него развилась зависимость от эфира, нередко он принимал и другие наркотики, пил бренди, курил сигареты и сигары, однако ему всё же удалось освободиться от пристрастия к героину. Вместо героина он принимал теперь немецкое средство от астмы, которое присылали ему друзья из берлинского отделения ОТО, и пользовался специальным спреем, который облегчал ему дыхание. Хозяин одной из квартир, которую снимал Кроули, принял флакон с этим спреем за диктофон с микрофоном. Зубы Кроули почернели и начинали гнить: 28 февраля 1937 года, поскользнувшись в турецкой бане, он сломал один из зубов, которые использовал при своём знаменитом Змеином Поцелуе. Это был левый из центральных резцов на верхней челюсти.

Невероятным образом, несмотря на своё плохое здоровье и в высшей степени неприятную внешность, он по-прежнему был любим женщинами, с которыми

продолжал проводить ритуалы магического секса, чаще всего направленные на улучшение его финансового положения. Некоторые из этих женщин были проститутками, но многие, такие как Перл Бруксмит, проститутками не были. Такие женщины жили с ним в течение некоторого времени, заботились о нём и давали ему деньги до тех пор, пока он не уставал от них или они не уставали от него. Это были женщины из богемы, разведённые женщины, которые хотели немного развлечься, а также отчаявшиеся одиночки с наклонностями, мягко говоря, эксцентрическими.

Тем не менее одна из женщин Кроули не подходила под эти категории, если не считать её принадлежности к богеме. Она родилась в 1915 году, и звали её Дейдре Патрисия О'Догерти. Она предпочитала, чтобы её называли Дейдре, однако Кроули и люди, которые в тот момент были с ним близки, упоминая о ней, называли её «девочка Пат». Она была внучкой Т.-К. Гоча, известного художника ньюинской школы. Мать бросила её после того, как в Первой мировой войне погиб её отец, офицер Ирландской гвардии, и тогда девочку взяли на воспитание Т.К. Гоч и его жена. С Кроули её познакомил Робин Тинн, которого Кроули знал по издательству Mandrake Press. Тинн вращался в артистических кругах, был другом Т. К. Гоча, работал литературным агентом, жил в Тревитале, в деревне Пол, в миле к югу от Ньюлина. Девятнадцатилетняя Дейдре была любовницей Тинна, намного старше её. У них был долгий роман, который закончился лишь с безвременной смертью Тинна.

В апреле 1934 года бабушка и дедушка Дейдре решили, что ей следует поехать в Лондон и поселиться у родственников: жизнь в отдалённом Ньюлине едва ли открывала для неё какие-либо горизонты, поэтому, хотя она и была знакома со многими знаменитыми художниками, её семья решила, что ей необходимо повидать мир. Родственник, у которого она остановилась в Лондоне, был судьёй Верховного суда по фамилии Слессер. Чтобы развлечь девушку, он пригласил её поприсутствовать на судебном процессе, выбрав наиболее интересный из тех, что шли в это время. Этот процесс оказался не чем иным, как тяжбой Кроули по поводу книги «Смеющийся торс». Дейдре пришла в суд и наблюдала за процессом, сидя на галерее для публики. Кроули произвёл на неё большое впечатление. После того как слушание закончилось, Тинн представил её Кроули. Девушка ему понравилась. Она была молода, хороша собой, у неё была приятная речь и даже что-то аристократическое в манере поведения. Кроме того, она была жизнерадостной, весёлой и живой — настоящая предшественница девушек-хиппи, появившихся только в шестидесятые годы. Однако тогда между ними ничего не произошло. Кроули жил с Перл Бруксмит, а Дейдре была влюблена в Тинна. Отношения Кроули с Дейдре оставались платоническими, что совершенно нетипично для Кроули.

Однако в 1935 году Тинн умер, после чего Дейдре, в безумном отчаянии от своей потери, уехала за границу и вернулась в Лондон лишь весной 1936 года с намерением выучиться на врача. Здесь она снова встретила Кроули, и между ними завязалась близкая дружба, по-прежнему носившая платонический характер. Тем не менее однажды вечером, когда Дейдре и Кроули шли на квартиру к Перл Бруксмит, Кроули обнял Дейдре и спросил, не согласится ли она родить ему ребёнка. Она ответила согласием.

Просьба Кроули выглядит странной. Прежде он, как правило, просто овладевал каждой женщиной, которая выказывала ему своё расположение. С Дейдре он никогда прежде не спал: он даже ни разу не поцеловал её, разве что по-отечески на людях. Безусловно, на него произвели впечатление и её ум, и её обаяние, но всё это недостаточные причины для того, чтобы выбрать именно её в качестве матери своего будущего ребёнка. Может быть, он просто хотел, чтобы в старости у него появился кто-то, на кого можно было бы опереться, с кем можно было бы связать свои надежды на будущее? Ребёнок, пусть незаконнорождённый, мог стать для него якорем спасения стимулом жизни на склоне лет. А может быть, он хотел иметь сына, который стал бы продолжателем начатого им Великого Труда? До этого у него рождались только дочери, хотя и есть предположения, что Сильвия Салливан родила от него мальчика. В составленном Кроули списке любовниц специальными значками отмечены Нинетт Шаму-эй (мать Астарты Лулу) и Сильвия Салливан с комментарием, что «её старший сын рождён в браке». Третий такой же значок стоит рядом с именем Дейдре О'Догерти, хотя в списке она значится под именем Пат Мак-Альпин, которое она получила впоследствии, выйдя замуж. А может быть, его просьба о ребёнке была связана с тем, что он просто чувствовал себя одиноким?

Удивление вызывает также и то, что она согласилась. Может быть, Дейдре тоже ощущала одиночество после смерти Тинна? Возможно также, что ею двигала любовь к детям и мысль о том, что настало время родить своего собственного ребёнка. В дальнейшем у Дейдре появилось много не только своих, но и приёмных детей, поскольку она основала свой собственный сиротский приют. Всю свою жизнь она была храброй женщиной с сильным характером, но за её внешней жёсткостью скрывалось мягкое сердце, поэтому вполне возможно, что она просто испытывала к Кроули сочувствие.

По свидетельству Дейдре, зачатие происходило нелегко. Кроули пришлось сократить количество употребляемых им наркотиков и алкоголя, чтобы добиться эрекции. Перед каждой попыткой зачатия Кроули проводил магический обряд. После того как Дейдре забеременела, она не переехала жить к Кроули. Они никогда не жили вместе, хотя, будучи в Лондоне, Дейдре

проводила у Кроули много времени. Сын Кроули родился в Нортумберленде днём 2 мая 1937 года. Его назвали Рэндалл Гэйр, хотя Кроули впоследствии прозвал его Алистер Ататюрк.

В течение второй половины 1930-х годов Кроули жил в Лондоне довольно тихо, переезжая с одной квартиры на другую, меняя более скромные условия на более роскошные или наоборот, в зависимости от количества денег, которыми располагал. Он кочевал между мрачными трущобами в Пэддингтон-Грин и апартаментами, а то и комнатами в Челси, Блумсбери, Кенсингтоне, Уимблдоне и на роскошной Джермин-стрит. Судя по всему, его ни разу не выселяли за неуплату, но он, конечно же, не был идеальным квартиросъёмщиком, как вспоминал Алан Бернет-Рэ в своей брошюре «Алистер Кроули: Воспоминания о Звере 666», у которого в 1936 году Кроули снимал жильё на Уэльбек-стрит. Люди, занимавшие соседние с Кроули квартиры, шумно протестовали против запаха, который распространялся от воскуряемых им благовоний, а также против шума, который доносился из его квартиры, когда он ссорился с женщинами, кричавшими и ругавшимися на него в ответ. Бернет-Рэ встречался с Кроули каждый день, «тщётно пытаюсь получить от него плату за жильё или убедить его не нарушать покой соседей». Должно быть, он испытал облегчение, когда Кроули наконец съехал с квартиры.

Жизнь, которую Кроули вёл в это время, могла считаться спокойной по сравнению с его прошлым. Он читал, проводил магические церемонии, изучал карты Таро, развлекал гостей и играл в шахматы. Иногда в его квартире происходили партии между лучшими шахматистами Британии. Время от времени его приглашали отужинать с друзьями или знакомыми, однако многие делали это неохотно, потому что боялись, что Кроули попросит у них взаймы. В этих случаях он представлял остроумным собеседником и, как никто другой, мог составить отличную компанию. Его приглашали даже на литературные вечера. Однажды в 1939 году он был приглашён на литературный обед у Фойлов, где познакомился с Джоном Каупером Поуизом, который любил произносить послеобеденные речи. Поуиз купил Кроули бутылку вина, которую тот осушил за время произнесения короткой речи.

Обеды, которые давал сам Кроули, были весьма известны, а может быть, печально известны, если учитывать способность гостей Кроули переносить некоторые гастрономические изыски. Кроули славился своими бифштексами, которые подавались с хорошим бургундским (его любимыми винами были Le Corton и Richebourg, особенно урожая 1929 года) и были превосходно приготовлены. Но Кроули устраивал ещё и «вечеринки с карри». Его карри было очень острым, и ему нравилось смотреть, как его вспотевшие гости заглатывают литры воды, чтобы охладить свои горящие рты. А он тем

временем сдабривал блюдо в своей тарелке перцем чили и другими специями, заявляя, что о такого рода пище он узнал на Востоке, где её едят для того, чтобы вызвать пот и тем самым охладить тело благодаря испарению влаги с поверхности кожи. Именно на вечеринке с карри завязалась тесная дружба между Кроули и Чарлзом Кэммелом, который в то время работал журналистом. Кэммел, не поморщившись, съел всё, что былоу него натарелке, и запил съеденное холодной водкой. Попросив добавки, он положил начало своей дружбе с Кроули, хотя ей и суждено было продлиться лишь несколько лет.

Кроули обладал способностью пить всё, что угодно, практически никогда не пьянея. Он изобретал рецепты коктейлей. Например, один из таких рецептов требовал смешать равные доли коньяка, кирша и абсента, добавив по вкусу табаско и эфира. Подавать коктейль следовало со льдом. Коктейль «Кубла Хан № 2», упомянутый в «Дневнике наркомана», являл собой пример ещё одного выдуманного Кроули напитка, состоящего из джина, вермута и некоего зелья, которое Кроули со значительным видом наливал из чёрной бутылочки с надписью «Яд», где на самом деле содержалась настойка опия.

Истории о Кроули и алкоголе многочисленны. Среди них есть сомнительные, а есть и вполне правдивые. В одной из таких историй рассказывается, как однажды он обратился к Эйлен Бигланд, дружески расположенной к нему женщине, с просьбой пожить у неё недолгое время, требовавшееся Кроули для написания какого-то литературного произведения. Живя в её доме, Кроули попросил у неё разрешения сопровождать её во время её ежедневных выездов за покупками в соседний город. Пока она делала покупки, он в одиночестве гулял по городу, а по дороге обратно присоединялся к ней. Через две недели Кроули уехал. После его отъезда дочь хозяйки обнаружила, что бачок в туалете работает не очень хорошо, и нашла четырнадцать бутылок из-под джина, спрятанных в этом бачке. Счёт, пришедший от местного виноторговца, свидетельствовал, что Кроули покупал спиртное в кредит на имя Эйлен Бигланд.

Ещё один подобный случай был связан с критиком и писателем Морисом Ричардсоном, которого Кроули в 1939 году пригласил на обед после того, как тот допустил кое-какие обидные высказывания в его адрес в одной из своих статей. Когда Ричардсон явился на квартиру к Кроули, дверь ему открыла шотландка по имени Кэти. После того как ему показали фотографию Кроули с сыном на морском побережье неподалёку от Маусхола в Корнуолле, Ричардсон принялся за суп из омаров и жареную утку, поданную с белым кьянти. За этим последовали бренди и сигары. Уходя, Ричардсон извинился за обидную фразу в своей статье (критикуя какого-то автора, он написал, что тот напоминает ему «более приемлемого Алистера Кроули»). Кроули достал свою авторучку и

попросил Ричардсона написать несколько строк в качестве письменного извинения. Ричардсон сказал, что готов это сделать, но не сейчас, когда он так пьян. Кроули ответил, что в таком случае им придётся ещё раз отобедать вместе на следующей неделе. Ожидая следующей встречи с Кроули, Ричардсон осознал, что если бы он согласился на письменное извинение, это дало бы Кроули основания потребовать от него денежной компенсации за допущенную небрежность, подав на него в суд. Ричардсон и Кроули действительно встретились на следующей неделе, причём Ричардсон снова уклонился от письменного извинения и пригласил Кроули отобедать в «Эскарго», известном ресторане на Дин-стрит в Сохо. Выпив перед обедом три тройных абсента, Кроули съел затем три дюжины улиток и пирог из дикой утки, а также осушил бутылку бургундского. Обед увенчался бренди и мексиканскими сигарами. На свой шестьдесят второй день рождения Кроули устроил вечеринку, которая началась в ресторане «Эль Вино» на Вайн-стрит на Пиккадилли. После обильных возлияний вся компания переместилась в кафе «Ройяль», где Кроули попытался продать одной из присутствовавших там женщин, пожилой австрийской баронессе, бутылёк «рутваха». Еда была отлично приготовлена, а поданные вина, в том числе Montrachet и Richebourg, а также шампанское «Вдова Клико» и коньяк были отличного качества. Когда настало время платить по счёту, очередная подруга Кроули выписала чек, поскольку у неё не было с собой наличных. В качестве получателя денег по этому чеку значилось кафе «Ройяль», однако чек был выписан без учёта чаевых для официантов. Тогда каждый из гостей Кроули внёс некоторую сумму наличными, чтобы собрать чаевые, сам же Кроули не принял участия в этой складчине. Как зафиксировано в истории кафе «Ройяль», некоторое время спустя Кроули устроил там ещё одну вечеринку. Меню было ещё роскошнее, чем в предыдущий раз, еда подавалась в отдельном кабинете, и обед начался с рюмки водки, по-русски. Когда обед подошёл к концу и официанты разлили по бокалам бренди, Кроули извинился и вышел из комнаты. Все подумали, что он решил немного облегчиться, что в определённом смысле слова соответствовало истине. Он направился в гардероб, забрал свою шляпу и пальто, через подъезд с колоннами вышел на Риджент-стрит, подозвал такси и уехал. Кафе «Ройяль» понесло убытки в размере ста фунтов. С тех пор Кроули больше не обслуживали в этом ресторане.

Несмотря на то что порой Кроули жил на грани нищеты, ему по-прежнему нравилось выглядеть экстравагантно. Он по своему обыкновению носил вышедшие из моды жакеты из грубого твида, длинные широкие бриджи, большие мягкие шейные платки, шёлковые рубашки и чулки ручной вязки с серебряными застёжками на коленях и щиколотках. Иногда он закреплял свои чулки серебряными тибетскими браслетами, унизанными маленькими

колокольчиками. Кроме того, независимо от погоды он носил жилет, шляпу, перчатки и пальто и всегда держал в руке африканскую трость с набалдашником в виде головы демона. (Кроули утверждал, что у него есть ещё одна трость, сделанная из растянутого и высушенного на солнце пениса носорога.) Доподлинно известно также, что он по-прежнему не носил нижнего белья.

В течение жизни Кроули потерял многих своих друзей. Одних он разочаровал, других бросил. Новые друзья появлялись у него нечасто, поскольку людей отпугивала его репутация. Тем не менее сохранялся небольшой круг тех, кому он по-прежнему был интересен. Их притягивала его эрудиция, острота и сила его ума, его замечательные способности шахматиста, его чувство юмора, а также скрывавшаяся под личиной дерзкого, а нередко даже алчного человека изначально присущая ему честность. У него был красивый голос, богатый тональными оттенками, прекрасный словарный запас (которым он владел настолько хорошо, что в разговоре крайне редко прибегал к банальным фразам и почти никогда не повторялся). Кроме того, он имел большую склонность к сложным словесным играм и употреблению фразеологизмов. Несмотря на все свои грехи, Кроули никогда ничего не стремился скрыть: он был именно таким, каким казался со стороны. Он никогда не пытался притвориться не тем, кем являлся на самом деле, представиться не таким, каким сам себя ощущал. При общении с Кроули было одно условие. С ним не следовало заговаривать о магии. Кроули и сам никогда не касался этого предмета в разговорах. Льюис Уил-кинсон, состоявший с ним в близких дружеских отношениях с 1907 года до самой смерти Кроули, никогда не говорил с ним ни о сексе, ни о магии, видя в нём лишь яркого интеллектуала с несколько странными религиозными воззрениями.

Кроули обладал изумительным остроумием. Оно то и дело прорывалось быстрыми, острыми и язвительными репликами. Однажды, когда Теодор Драйзер запомнил английское слово, означающее птенца лебедя, и спросил у Кроули: «Как это сказать? Как вы назвали бы молодого лебедя?», Кроули мгновенно ответил: «Почему бы не назвать его Альфредом?» В другой раз, когда некая знакомая Кроули спросила его, в какой из женских колледжей он посоветовал бы ей отправить дочь, Кроули абсолютно серьёзно назвал Рэдклифф Холл. На самом деле это было не название колледжа для девочек, подобное Маргарет-холлу в Оксфорде, а имя писательницы-лесбиянки, написавшей роман «Колодецодинчества». Когда Кроули задали вопрос, каким образом можно провести ночь в России и при этом не быть покусанным клопами, Кроули посоветовал: «Передвиньте границу». Письмо Кроули к матери, в котором описывается день его женитьбы на Роуз, достаточно хорошо

подтверждает тот факт, что тексты Кроули вполне соответствуют лучшим образцам современных ему произведений комедийного жанра.

Однако самым сильным оружием Кроули была его личная харизма. Нечто необъяснимое влекло к нему людей. Фрэнсис Той, двоюродный брат Джеральда Келли, охарактеризовал Кроули как «гения, который пошёл по неверному пути», обладающего «особым талантом поэта, подобного Браунингу, бурным воображением и исключительным чувством юмора. В самом деле, оглядываясь назад, понимаешь, что чувство юмора было самой заметной его чертой». Аугустус Джон, который в течение многих лет время от времени встречался с Кроули, утверждал, что стал наслаждаться его компанией с тех пор, как тот «перестал притворяться, что он — Калиостро». Кроули, как утверждал Джон, «со временем превратился в очень приятного пожилого джентльмена», который представлял собой «нечто гораздо больше, чем обыкновенный шарлатан с обыкновенным набором уловок, и которому, возможно, лишь недоставало хорошего вкуса». Даже некоторые из тех друзей Кроули, которых он прогнал сам, сохранили к нему расположение. Джеральд Йорк, который с некоторых пор, говоря о Кроули, называл его не иначе как «старым грешником», поклялся хранить документы Кроули и не только сдержал слово, но и собирал, где только мог, все связанные с Кроули бумаги вплоть до своей собственной смерти, последовавшей в 1983 году. Йорк создал архив, куда вошли не только книги и рукописи Кроули, но также его одежда, регалии и бронзовые магические принадлежности, причём архив этот был открыт для каждого, кто желал изучать жизнь и личность Кроули. Теперь эта коллекция хранится в Варбургском институте в Лондоне. Йорк никогда не переставал восхищаться личностью Кроули, и даже после того как они отдалились друг от друга, Йорк время от времени присылал Кроули деньги, если узнавал, что тот сидит без гроша, а иногда финансировал публикацию его произведений. Израель Регарди тоже продолжал поддерживать Кроули после разрыва их отношений. Возмущённый несправедливыми утверждениями, которые допустил Джон Симондс в написанной им весьма предвзятой биографии Кроули, Регарди осуществил своё собственное исследование жизни и деятельности Кроули, результатом которого стала объемная и достаточно объективная книга под названием «Глаз в треугольнике». Кроме того, после смерти Кроули Регарди готовил многие его произведения к публикации.

Каждый, кто знал Кроули, независимо оттого, удавалось ли сохранить дружеские отношения или происходил разрыв, не мог забыть о том впечатлении, которое он производил, и том влиянии, которое он был способен оказывать на людей. Существует множество свидетельств той огромной власти, которую он имел надо всеми, с кем общался. Даже те, кто относился к нему с

неприятно, не могли не признать наличие у Кроули мощной притягательной силы и способности завладеть вниманием собеседника. Кроули обладал своего рода магнетизмом, которому трудно было противостоять и результатом которого было то, что люди, знакомившиеся с Кроули, составляли себе о нём хорошее мнение; оно, правда, могло впоследствии меняться, от откровенного низкопоклонства перерастая в восхищение, затем во враждебность и наконец в крайнюю степень отвращения. Этот магнетизм породил множество историй о том, что Кроули якобы способен влиять на людей при помощи телепатии или даже гипноза. Поговаривали, что Кроули обладает гипнотическим взглядом, под которым любому человеку становится не по себе, однако и Йорк, и Регарди это опровергали. Последний писал, что взгляд Кроули был «тёплым, а глаза — дружелюбными и живыми, у него была склонность фиксировать взгляд на каком-нибудь объекте и «сверлить» его глазами, но взгляд этот ни в каком смысле нельзя было считать гипнотическим». Регарди полагал, что те, кто считает взгляд Кроули гипнотическим, просто проецировали на особенности его внешности свои собственные психологические проблемы. Каждый, кому случалось смотреть Кроули в лицо, чувствовал, что перед ним значительная личность, но отнюдь не ощущал себя под гипнозом. Как бы то ни было, встретившись с Кроули хотя бы раз, забыть его было невозможно.

Кроули по-прежнему посвящал много времени нуждам ОТО, официальным руководителем которого являлся. Он поддерживал связь с отделениями этой организации по всему миру, принимал в орден новых членов, хотя британское отделение ОТО было незначительным по размеру, да и организация А.А.О. пребывала в бездействии. Когда в 1914 году Кроули уехал в Америку, члены А.А.О., значительно снизили свою активность, и в 1917 году организация прекратила своё существование сразу после того, как полиция нанесла визит в главный офис организации на Риджент-стрит. Во время обыска все регалии и документы ордена были изъяты «для освидетельствования», а последующие попытки возродить организацию неизменно пресекались направленными против Кроули выступлениями журналистов в прессе. Как один из ведущих оккультистов своего времени Кроули был широко известен, вследствие чего он нередко получал письма от странных и эксцентричных людей. Вот пример одного из таких писем.

Когда мне было три недели... и я лежал в своей колыбели, большая шляпа упала с вешалки, ударила меня в висок, и я потерял сознание. С тех пор моя нервная система совершенно расстроена. С тех пор, как я себя помню, у меня очень сильно потели руки и ноги. Я страдал страшной нервозностью, невероятной застенчивостью, а в 14 лет у меня начались интенсивные семяизвержения... Я имею очень высокие устремления и всем сердцем желаю

творить добро в этом мире, например положить конец проституции...

Письмо заканчивалось просьбой научить, как развить свои физические силы.

В надежде увеличить свой доход Кроули разработал несколько финансовых схем. Одна из них заключалась в том, чтобы открыть ресторан чёрной магии, но этот план так и не был реализован. Если бы этот ресторан появился, он стал бы первым в мире тематическим рестораном: идеи Кроули, как всегда, опережали его время. Другой идеей было торговать «эликсиром жизни» в пилюлях. Пилюли изготавливались из мела, сахара, гуммиарабика и якобы спермы Кроули (одного семяизвержения, вероятно, хватало на сотни пилюль). Эти пилюли действительно неплохо расходились. Однако значительно большим успехом пользовался тринадцатинедельный курс телесного и сексуального обновления, который Кроули именовал «Амрита», по названию амброзии, пищи богов. Стоимость посещения этого курса составляла двадцать пять гиней в неделю.

В 1937 году Кроули выпустил книгу «Равноденствие богов». В неё вошли «Книга Закона» и очерк магической биографии Кроули. Изданная преимущественно на день и Джеральда Йорка, Израеля Регарди и членов ОТО, книга была качественно напечатана, а её клеёнчатый переплёт красили тиснением. В 6:22 утра на второй день Рождества, когда солнце оказалось в созвездии Козерога, Кроули Йорк встретились в Лондоне. С ними были индианка, еврейка, малайка и негритянка, которых накануне вечером они собрали по публичным домам. Кроули объявил, что вручает «Книгу Закона» представителям различных рас мира, а затем раздал всем присутствующим по экземпляру своей только что напечатанной книги. После этого все разошлись.

Это была не единственная книга Кроули, изданная в тот период. Через два года он прочёл в Лондоне серию лекций по йоге, а затем издал эти лекции в виде брошюры, наполненной, по выражению Кэммела, «смесью эрудиции и сатиры, что в высшей степени характерно для Кроули». В 1939 году в день зимнего солнцестояния Кроули выпустил в свет брошюру «Умеренность, трактат на все времена». Брошюра была издана в виде дорогого ресторанного меню в золотом матерчатом переплёте и представляла собой сборник вульгарных застольных песен, посвященных леди Астор, известной поборнице трезвости. Затем в суровом 1942 году Кроули выпустил книгу «Ярмарочные забавы». В её рекламном проспекте было написано: «Книга будет издана настолько же богато и роскошно, насколько убог этот проспект». Даже в самые мрачные годы Второй мировой войны Кроули не утратил своего озорного юмора и не разучился подшучивать — над собой.

Пока Кроули старался, как мог, выжить в Лондоне, Карю Гермеру весьма нелегко приходилось в Германии. 13 февраля 1935 года его арестовало гестапо, которое занялось ликвидацией оккультных организаций, в том числе ОТО. В ордере на арест в качестве причины заключения Герме-ра под стражу был указан тот факт, что Гермер распространяет учение Кроули. В этом ордере Кроули именовался главным масоном. Кора, которая была в это время в Америке, а также Марта Кюнтцель потребовали от американского посла в Берлине, чтобы тот вмешался. Посол ответил отказом. Гермера держали в камере-одиночке в концентрационном лагере Колумбия, его пытали в Берлине, в здании на Александерплац, а затем отправили в концлагерь Эстервеген, где он пробыл до августа, после чего был необъяснимым образом отпущен и уехал в Англию, а потом в Дублин, где несколько лет проработал инженером. В мае 1940 года, переехав в Бельгию, он был арестован как немец и депортирован во Францию, где и жил под присмотром полиции вплоть до 1941 года, когда он эмигрировал в США. Через год Кора умерла, и Гермер женился на богатой венской пианистке и преподавательнице музыки по имени Саша Эрнестина Андре. Но преследовать его не перестали. ФБР предъявило Гермеру и его третьей жене обвинение в том, что они якобы разделяют взгляды нацистов, а возможно даже, являются тайными агентами Третьего рейха. Ими овладел такой страх, что они даже перестали разговаривать друг с другом дома, опасаясь, что в доме есть подслушивающие устройства. Интерес, который проявляло к Гермеру ФБР, объяснялся его связями с Кроули. Сотрудники ФБР считали, что Гермер выполняет указания Кроули, который контролирует его шпионскую деятельность (если Гермер и вправду является нацистским шпионом). Не было забыто и то, что двадцать лет назад Кроули являлся прогермански настроенным журналистом. До самой смерти Кроули Гермер являлся главным казначеем ОТО, а затем, когда Кроули умер, Гермер стал полноправным главой этой организации, оставаясь на своём посту вплоть до своей смерти от рака предстательной железы в 1962 году. Нечего и говорить, что пока Гермер был арестован, Кроули стал получать из ОТО гораздо меньше денег. Однако в 1942 году Гермер начал использовать деньги своей новой жены, чтобы оказывать Кроули материальную поддержку.

Если Гермер был врагом нацистского государства, то этого совсем нельзя было сказать о Марте Кюнтцель. Она считала Кроули мистическим вождём мира, а Гитлера — светским вождём. Зная о сильном увлечении Гитлера оккультными науками, она послала ему аннотированное немецкое издание «Книги Закона». В течение какого-то времени и Кроули, и Гермер были убеждены, что Гитлер является магическим сыном Марты Кюнтцель, а нацистская философия содержит многие элементы Закона Телемы. Нельзя отрицать, что существует определённое сходство между книгами Кроули и речами Гитлера в том виде, в

каком они зафиксированы в книге Раушнинга «Говорит Гитлер». Однако то, что Кроули повлиял на Гитлера, как предпочитают думать недоброжелатели Кроули, неверно. Более вероятно, что философия Гитлера и философия Кроули основывались на одних и тех же оккультных идеях. Когда была объявлена война, Марта Кюнтцель отказалась от своего восхищённого отношения к Гитлеру, однако не раньше чем ей удалось воспользоваться его расположением: велика вероятность того, что именно благодаря ей Гермера неожиданно освободили из концентрационного лагеря. Что касается Кроули, то у него не было иллюзий по поводу Гитлера. Он несколько раз побывал в Третьем рейхе и считал фюрера магом, который неверно понял суть оккультизма, чем сам себя и уничтожил.

Со времени смерти Кроули продолжаются споры о той роли, которую он сыграл входе Второй мировой войны. Этим спорам не будет конца до тех пор, пока не рассекретят секретные правительственные документы. Как бы то ни было, общедоступной информации вполне достаточно, чтобы сделать некоторые конкретные выводы относительно деятельности Кроули в период Второй мировой войны.

Решающую роль при вовлечении Кроули в военные дела сыграл Том Дриберг, который, в свою очередь, был другом романиста Денниса Уитли. Дриберг познакомил увлекшегося оккультизмом Уитли с Кроули, и они встречались несколько раз, как до войны, так и во время неё.

Именно после этих встреч Уитли начал писать оккультные романы, которыми и прославился. Уитли, в свою очередь, познакомил Кроули с Максвеллом Найтом.

Максвелл Найт, который тоже писал романы, был старшим офицером британской контрразведки МИ-5 и руководил работой тайных агентов: в какой-то степени он являлся прототипом персонажа М. из романов Яна Флеминга о Джеймсе Бонде. В предвоенные годы Найт организовал особую, тайную группу в самом сердце своего ведомства и назвал её Отделом В5(Б). Члены этой группы получили прозвище «чёрных агентов Найта». Они вели подрывную деятельность, проникая в качестве кротов в Коммунистическую партию Британии, в Британский союз фашистов Мосли, в левые профсоюзы и тому подобные организации. Дриберг был главным кротом в коммунистических кругах, хотя позднее он стал двойным агентом.

Благодаря тому что Кроули имел связи, знал несколько языков и вообще

обладал высоким интеллектом, Найт счёл, что он неплохо подойдёт для работы в его отделе. Однако он всё же отказался от мысли принять Кроули на работу, поскольку тот был оригиналом и известным человеком. Кроме того, к тому времени в Германии уже было известно, что Кроули доносил британскому правительству о деятельности берлинских коммунистов. В терминологии секретных агентов это означало, что Кроули себя скомпрометировал, причём для этого более чем достаточно было уже одной только его известности. Тем не менее Кроули вращался в среде разведчиков и дружил с тайными агентами.

Однажды, уже после смерти Робина Гинна, Кроули познакомил Дейдре О'Догерти с Джеймсом Мак-Альпином, агентом секретной службы, которого, когда началась война, отправили на Балканы как агента секции D от Секретной службы разведки. Отправившись перед самой войной в путешествие вместе со своей восьмидесятишестилетней бабушкой и сыном, Дейдре встретила Мак-Альпина в Греции, а поженились они в Палестине. После того как нацисты оккупировали Грецию, Дейдре переехала на Ближний Восток, а потом в Египет. Вскоре Мак-Альпин был убит. Между тем Дейдре Мак-Альпин (так её теперь звали) пошла работать шифровальщицей в Управление специальных операций в Каире.

Кроули всё же косвенно участвовал в работе британской разведки. И это неудивительно, если вспомнить, какую роль сыграл оккультизм в истории разведывательной службы Британии. Ещё в елизаветинские времена Джон Ди работал секретным агентом и при этом мастерски изобретал и разгадывал шифры. Во время Первой мировой войны враги Британии всерьёз верили, что сотрудники британской разведки обладают оккультными способностями, настолько хороши были английская криптография и сбор разведанных.

К середине 1930-х годов в Британии уже прекрасно знали о том, что нацистская верхушка втайне проявляет большой интерес к оккультизму. Гитлер был настолько захвачен оккультными идеями, что даже способствовал созданию тайного археологического отряда, который должен был обследовать территорию Европы в поисках чаши Грааля. Гитлер верил, что, обладая ею, он станет сильным; как Бог. Геббельс, министр пропаганды и просвещения, использовал астрологию в качестве средства пропаганды и организовал секретный отдел по изучению оккультных наук. Гиммлер, глава СС и гестапо, был заворожён легендой о Зигфриде, древнегерманском герое, который победил римлян в битве в Тевтобургском лесу, и глубоко верил в силу чёрной магии. Люди, занимавшие высокие посты в гестапо, даже учреждали свои собственные организации, посвященные чёрной магии.

Как следствие, британская разведка стала уделять оккультизму серьёзное

внимание, делая особый упор на астрологию. Одним из главных специалистов по этой работе в Британии был Сефтон Делмер, друг Яна Флеминга, одно время работавший берлинским корреспондентом Daily Express. Среди его подчинённых был венгерский астролог, Льюис де Воль, агент Управления спецопераций, приписанный к отделу, заведующему средствами ведения психологической войны. Де Воль пытался предугадать действия Гитлера, учитывая, что тот в своих поступках руководствуется советами астрологов. О результатах своей работы де Воль сообщал в военное ведомство Англии. Кроме того, идея де Воля заключалась в том, что в качестве одного из методов контрразведки можно использовать заведомо неверные астрологические прогнозы. Фальшивые астрологические предсказания распространялись силами сотрудников Управления спецопераций по всей Европе с целью навредить Германии.

В течение первых же недель после объявления войны на контакт с Кроули вышла британская разведка. 10 сентября 1939 года ему прислали короткую записку следующего содержания: «Начальник военно-морской разведки выражает своё восхищение Вами и будет рад, если Вы найдёте время и возможность позвонить в морское министерство для собеседования. Мы будем Вам очень признательны, если Вы сообразоволяете связаться с капитаном К.-Дж.-М. Лангом, Королевский флот, Отделение военно-морской разведки, Адмиралтейство, чтобы договориться о времени встречи. Телефон: Уайтхолл 9000, добавочный.484». В конце письма Кроули приписал: «Советую позвонить мистеру Фросту — добавочный 46 для собеседования». Разумеется, у Кроули имелись связи, тем не менее на постоянную работу его никто, судя по всему, принимать не собирался.

Однажды Ян Флеминг, помощник вице-адмирала Джона Годфри, начальника военно-морской разведки, вместе с другими пришёл к Максвеллу Найту, чтобы изложить план, позволявший заманить в Британию одного из нацистских лидеров. Предполагалось, что в Германии известно о существовании в Британии влиятельной группировки, стремившейся сместить Черчилля и заключить мирный договор с Германией. Заманить предполагалось Рудольфа Гесса, который, также как и Герман Геринг, был заместителем Гитлера. Гесс, который с радостью стал бы посредником при заключении мира с Британией, что избавило бы Германию от необходимости нападать на Россию, с большим энтузиазмом изучал астрологию и магию. Найт оценил изложенный ему план как вполне жизнеспособный и раздумывал о том, не использовать ли в качестве посредника Кроули, который был известен как оккультист и в Британии, и в Германии.

План был реализован. Специально проинструктированный астролог приехал в

Германию и проник в оккультное общество Гесса. В это же самое время Гесс получил сообщение о том, что герцог Гамильтон готов встретиться с ним, чтобы заключить мирный договор. Гесс посоветовался со своим астрологом, который сообщил ему, что самым благоприятным днём для такой встречи будет 10 мая 1941 года. В ночь на 10 мая Гесс совершил перелёт через Северное море и прибыл в Шотландию, где его немедленно арестовали, невзирая на его требования отвести его к герцогу. «Провал» Гесса одно время считался главным успехом британской контрразведки.

Когда Гесс оказался в заключении в Трент-Парке, в поместье, находящемся в собственности государства и расположенном неподалёку от Энфилда, к северу от Лондона, Ян Флеминг предложил, чтобы Кроули поговорил с заключённым и выяснил, насколько большое значение имеют для нацистской верхушки оккультизм и астрология. Разыскав Кроули в его квартире в Торки, Флеминг без труда убедил его принять участие в этом деле, хотя до сих пор неизвестно, общались ли они по почте или встречались лично. Кроули с энтузиазмом отнёсся к возможности поучаствовать в работе разведки и даже написал об этом Флемингу в Военное ведомство, однако Годфри отказался от услуг Кроули.

По словам Джона Пирсона, биографа Яна Флеминга, Флеминг сохранил письмо Кроули и много лет спустя использовал Кроули в качестве прототипа для персонажа по имени Ле Шифр, злодея из книги «Казино „Ройаль"», первого романа о Джеймсе Бонде. Ле Шифр изображён в романе садистом, страдающим наркотической зависимостью от бензедрина, который он вдыхает вместо эфира, и обожающим женщин. Кроме того, он тучен, уродлив и, подобно Кроули, обращается к другим мужчинам «дорогой мальчик». Такие точные детали указывают на то, что Флеминги Кроули всё-таки встречались.

До сих пор точно не известно, принимал ли Кроули активное участие в разработке психологических методов ведения войны, но, по слухам, он действительно этим занимался. Разумеется, английские колдуны и маги пытались использовать свои магические силы, чтобы не допустить вторжения немцев в Британию, а также нейтрализовать исходившее от нацистов зло, и устраивали магические церемонии, направленные на достижение этих целей. Рассказывают, что Кроули принял участие в одной из таких церемоний, проходившей в лесу Эшдаун. После войны как Россия, так и США начали проводить психологические эксперименты по телекинезу, пытаясь установить, можно ли использовать психическую и духовную силу в работе военной разведки. Эта работа стала продолжением секретных исследований,

проводившихся в начале 1940-х годов, когда и Британия, и Германия пытались при помощи психического воздействия менять курс вражеских самолётов-бомбардировщиков, а также влиять на показания радаров.

Какую бы роль во всём этом ни играл Кроули, нацисты о нём знали. Скандально известный нацистский радиопропагандист Уильям Джойс (он же лорд Ху-Ху) глумливо заявлял на общенациональных церковных службах, проводившихся во время войны, что Кроули неплохо смотрелся бы в качестве руководителя Чёрной мессы в Вестминстерском аббатстве.

Во время войны Кроули работал над последней из своих по-настоящему значительных книг, «Книгой Тота», и завершил её. Книга представляла собой его собственную интерпретацию учения о картах Таро, с первоначальным вариантом которого он впервые столкнулся в «Золотой Заре», но значительно расширил его, дополнил своей собственной философией в виде Закона Телемы, своими же исследованиями и опытом. Карты Таро имели для Кроули большое значение, причём особенную важность он приписывал «козырным» картам. «Я убедился, — писал он, — что эти двадцать две карты представляют собой цельную систему иероглифов, символизирующих собой все энергии Вселенной». Он считал их настолько жизненно важными, что решил разработать новую колоду, в которой учитывались бы принципы «Книги Закона».

Умений Кроули хватило бы, чтобы сделать это самостоятельно, но теперь он редко занимался живописью, а создание колоды карт было довольно масштабным замыслом, поскольку полная колода состояла из семи-десяти восьми карт. Ему нужен был художник, который помогал бы ему или работал бы под его руководством. Такого человека он нашёл в лице леди Фриды Харрис.

Будучи на два года младше Кроули, она была женой сэра Перси Альфреда Харриса, ответственного секретаря партии либералов и члена парламента от МаркетХарборо, которому в парламентских кругах дали прозвище «Горничная» зато, что он всегда «очищал палату» своими скучными речами. Он, также как и Кроули, закончил Тринити-колледж, причём в Кембридже они учились в одно и то же время. Леди Харрис была известна как хозяйка салона, где она принимала разных оригиналов. У неё была студия на последнем этаже дома № 3 по Девоншир-террас в Марилбоуне. Здесь развлекалась литературная, художественная и театральная элита, для которой хозяйка нередко устраивала костюмированные вечера. С Кроули леди Харрис была знакома с 1937 года, когда он принял её в А.А.О., несмотря на то что на тот момент эта организация уже не функционировала.

На следующий же год после того, как Кроули принял решение о создании новой колоды Таро, началась их совместная работа с леди Харрис. Эта работа продолжалась до 1943 года. Сорок обычных карт всех четырёх мастей были украшены абстрактными рисунками, а на фигурных картах появились символические изображения валетов, королевы и короля. Вид козырей был изменён полностью. Каждая карта имела размер 10,5 на 16,5 дюйма и была исполнена в красках с внимательной проработкой каждой детали. Кроули делал для леди Харрис первоначальные наброски, внимательно разглядывал каждый рисунок, нередко высказывал критические замечания и вносил в рисунок изменения. Некоторые карты леди Харрис приходилось переделывать снова и снова, пока они не становились такими, как надо. Во время работы леди Харрис пользовалась рисунками Кроули, его заметками, а также уже готовыми колодами карт Таро, некоторым из которых было по нескольку столетий. Она использовала в рисунках и свои собственные идеи. При этом в работе, как она сообщила Кроули, ей помогал её Ангел-хранитель. Также, как в случае с Лейлой Уаддел и её музыкой, Виктором Нойбургом и его поэзией, Кроули был убеждён, что его влияние позволило Фриде Харрис сделать лучшее, на что она была способна в искусстве, пробудив её дремлющие таланты.

Несмотря на трудности с бумагой, связанные с военным временем, «Книга Тота» вышла малым тиражом в 1944 году. Она была напечатана типографией Chiswick Press на бумаге ручного отлива, на которую не распространялись ограничения, наложенные войной. Переплёт для книги был изготовлен фирмой Sangorski & Sutcliffe, Ltd, лучшими переплётчиками в Европе. Издавать листовки, рекламирующие новые книги, было тогда запрещено законом, однако такие листовки были всё-таки напечатаны. В них говорилось, что новое издание представляет собой 5-й номер третьего выпуска журнала «Равноденствие», то есть периодическое издание, на которое не распространяется действие указанного закона. Сама колода карт Таро была напечатана лишь в 1969 году, причём качество печати было очень низким. В 1977 году Джеральд Йорк заказал новые фотографии карт Таро, и с тех пор все издания и переиздания этой колоды совершались либо от имени ОТО, либо по выдаваемой ОТО лицензии. В наши дни эта колода пользуется самым большим спросом в мире.

Помимо писем от чудаков, на которых «в детстве падали шляпы», почтовый ящик Кроули заполняли письма людей, которые всерьёз просили совета в духовных или магических делах. На такие письма он всегда отвечал и к концу войны решил составить из своих ответов книгу, которая должна была называться «Алистер объясняет всё». Этот замысел так никогда и не был доведён до конца, хотя в 1954 году Гермер издал восемьдесят таких писем под заголовком «Магия без слёз». Зимой 1946–1947 годов Кроули опубликовал

свою последнюю книгу. Она называлась «Олла: Антология песен за шестьдесят лет» и представляла собой сборник его стихов. Обложка книги была разработана Фридой Харрис, а фронтиспис — Аугусту-сом Джоном.

Во время войны Кроули, как и многие другие, довольно часто переезжал с места на место. В первый год войны он жил на Петерсхэм-роуд, в небольшом городке Ричмонд

в пригороде Лондона, в доме с видом на Темзу. Здесь, как ему казалось, он находился в безопасности во время бомбёжек города и доков. Кроули полагал, что командование военно-воздушных сил Германии внесло его в список целей для нанесения бомбовых ударов, опасаясь его магических способностей. Отсюда он переехал в особняк времен королевы Анны неподалёку от Ричмонд-Грин. В Ричмонде одним из его соседей был Монтэгю Саммерс, специалист по театру эпохи Реставрации и прославленный автор книги «История колдовства и чёрной магии». Саммерс и Кроули поладили, и впоследствии Саммерс говорил о Кроули как об «одном из немногих поистине самобытных и интересных людей своего времени».

Когда бомбардировки усилились, Кроули уехал из Лондона. Не только страх попасть под бомбы гнал его прочь. Его волновало ухудшение собственного здоровья, особенно обострение астмы, вызванное городской копотью и речным туманом. Кэмвел дал Кроули денег на дорогу, и тот переехал в Торки, где почувствовал себя значительно лучше, хотя его и подкосил очередной приступ пневмонии. Когда Лондон перестал подвергаться столь интенсивным бомбардировкам, Кроули вернулся в город и поселился в квартире на первом этаже дома номер 93 по Джермин-стрит. Затем, в 1944 году, когда бомбы начали падать с лондонского неба как дождь, Кроули, которому было уже шестьдесят девять лет, снова уехал из Лондона — на этот раз уже навсегда. Его отъезд был ускорен ещё тем фактом, что за его домом разорвался снаряд и осколки разбившегося оконного стекла обрушились прямо на его кровать. Если бы в это время Кроули спал, он погиб бы, порезанный этими осколками.

Сначала Кроули поселился в гостинице «Белл-Инн» в Астон-Клинтоне, на выезде из Эйлисбери в графстве Бакингемшир. Ему нравилось это место. Здесь хорошо кормили, и обстановка была приятной. Тем не менее, несмотря на частые визиты друзей и почитателей, ему не хватало интересной компании, и он попросил Льюиса Уилкинсона подыскать ему другое место жительства. Оливер Уилкинсон, сын Льюиса, актёр театра города Гастингса, стал разузнавать о возможностях аренды жилья в этом городе. Ни одна из домовладелиц Гастингса не желала видеть Кроули в своём доме. В конце концов Уилкинсон обратился к одному из своих коллег-актёров, недавно

основавшему «интеллектуальную гостиницу», постояльцами которой должны были стать только интересные люди. Тот с энтузиазмом отнёсся к предложению принять под своей крышей такого человека, как Кроули.

Новой гостинице было дано имя «Незервуд». Она представляла собой большой дом эпохи Регентства с прилагавшимися к нему четырьмя акрами леса. Дом находился в пригороде Гастингса. Кроули поселился здесь 17 января 1945 года. Хозяин гостиницы обладал несколько странным, как раз в духе Кроули, чувством юмора. В числе правил для постояльцев гостиницы были следующие: «Убедительно просим постояльцев не дразнить привидений. Завтрак подаётся в 9 часов утра всем тем, кому удастся пережить Ночь. Кладбище города Гастингса находится в пяти минутах ходьбы (если вы несёте труп, то в десяти | минутах), привидение же затрачивает на эту дорогу только одну минуту. Убедительно просим постояльцев не снимать тела, висящие на деревьях. Администрация гостиницы располагает некоторым количеством бывшей в употреблении одежды, которую готова продать. Это собственность постояльцев, которые больше не нуждаются в земных одеяниях».

Кроули жил в комнате, служившей ему и кабинетом, и спальней. Обстановку комнаты составляли кровать, комод, письменный стол, несколько книжных полок и умывальник. На стенах висело несколько картин Кроули, внушавших посетителям благоговение и ужас одновременно. В числе прочих картин там находился автопортрет Кроули в виде китайского колдуна. Пустая консервная банка служила ему пепельницей. На завтрак, обед и ужин было принято собираться в гостиной, но Кроули не нравилось общество других постояльцев, и он предпочитал есть у себя в комнате. Позднее он описывал своих соседей по гостинице как «самую отвратительную толпу сомнительных типов, какую только можно себе представить». Он редко выходил из дому, а когда выходил, то шёл либо в местный шахматный клуб, либо в гости к Оливеру Уилкинсону, который вместе со своей семьёй жил неподалёку. Его здоровье постепенно ухудшалось, тело слабело с каждым месяцем из-за приступов астмы, а также потому, что он снова пристрастился к героину. Пока шла война, его запасы немецкого лекарства от астмы истощились, и он опять стал принимать героин, на этот раз в виде инъекций.

В скудные послевоенные годы денег у Кроули было мало. Главным источником его доходов в это время являлось отделение ОТО под названием Ложа Агапе, располагавшееся в городе Пасадена (штат Калифорния). Гермер, который жил в это время в Нью-Йорке, присылал Кроули проценты со вступительных взносов новых членов ОТО. Помимо денег, последователи Кроули присылали ему табак, сласти и другие тому подобные маленькие предметы роскоши, которых в Британии было не достать, потому что они

строго нормировались. В благодарность за то, что рливер Уилкинсон нашёл для него жильё в «Незерву-де», Кроули послал ему несколько редких, дорогих сигар, присланных из Америки. Уилкинсон не разобрался, насколько превосходные сигары прислал ему Кроули, и выкурил их как самые обыкновенные. Когда Кроули узнал об этом, он с характерной для него щедростью прислал Уилкинсону ещё сигар, чтобы тот смог оценить их по достоинству.

Ложя Агапе была основана в 1915 году Уилфредом Т. Смитом, которого принял в ОТО Чарлз Стэнсфелд Джоунс, глава ванкуверского отделения этой организации, и который впоследствии рассорился с Джоунсом. Заручившись одобрением Кроули и поддержкой Джейн Вульф, он основал свою собственную ложу в Голливуде в 1930-х годах: Джейн Вульф после многих лет жизни в Британии вернулась в США в очень плохом состоянии здоровья, однако прожила до восьмидесяти трёх лет и умерла в 1958 году в городе Глендейл (штат Калифорния). Руководство ложей по распоряжению Кроули перешло затем к Джону У. Парсонсу (о чьей жене говорили, будто бы Смит её соблазнил), и тот перенёс ложу в Пасадену. Парсонс, которому на тот момент не было и тридцати, был учёным-химиком, ведущим специалистом по разработке ракетного топлива, а также аэрокосмическим инженером и одним из основателей знаменитой Лаборатории реактивного движения в Калифорнийском технологическом институте. В течение нескольких лет управление ложей происходило довольно гладко до тех пор, пока Парсонс не пустился на поиски Алой Женщины, которая смогла бы родить лунного ребёнка. В этих поисках ему помогал его приятель и тоже учёный Л. Рон Хаббард, создатель дианетики и основатель Церкви сайентологии.

Узнав об этом, Кроули пришёл в ужас и написал Гермеру: «Кажется, Парсонс, или Хаббард, или кто-то ещё пытается произвести на свет Лунного Ребёнка. Я прихожу в ярость, когда осознаю весь идиотизм этих неотёсанных болванов». Судя по всему, Хаббард был скрытой движущей силой всей затеи. Парсонс находился под его влиянием до такой степени, что положил все свои сбережения в размере 17 тысяч долларов на общий с Хаббардом счёт в банке, причём Хаббард внёс со своей стороны лишь около тысячи. Этот факт насторожил Кроули. «Мне кажется, — писал он Гермеру, — судя по сведениям, которые приходят от нашего братства в Калифорнии, что с Парсонсом что-то произошло, в результате чего он полностью утратил личную независимость... По-моему, здесь имеет место банальное злоупотребление его доверием». Догадки Кроули соответствовали истине. Хаббард и Парсонс поссорились, причём первый, судя по всему, снял половину денег с их общего счёта, чтобы купить яхту, и бежал вместе с женой Парсонса. При всей своей ненависти к

Хаббарду впоследствии Парсонс заявлял Кроули, что Хаббард обладает гениальными способностями к магии. «Эта самая Телемическая личность из всех, что мне доводилось встречать, — писал Парсонс, — живущая в полном соответствии с нашими принципами. Кроме того, он искренне заинтересован в наступлении Новой Эпохи». Он несколько изменил своё мнение, когда ОТО попал под наблюдение ФБР, поскольку считалось, что это произошло по наводке Хаббарда. Хаббард объяснял свои действия тем, что стремился пресечь существование «этой порочной группировки чёрных магов», и безуспешно. Несмотря на свою внешнюю враждебность к ОТО, в своём курсе лекций для соискателей докторской степени, прочитанном в Филадельфии и записанном на кассеты в 1952 году, Хаббард рекомендовал своим студентам прочесть «Теорию и практику магии», написанную, как он говорил, «Алистером Кроули, моим очень хорошим другом». А по свидетельству сына Хаббарда, тот часто перечитывал книги Кроули и верил в возможность развития магической памяти. Парсонс погиб в 1952 году во время взрыва в Лаборатории реактивного движения, случайно уронив сосуде гремучей ртутью.

В начале 1946 года Кроули начал задумываться о том, что станет с ОТО после его смерти. После того как Карла Гермера освободили из концентрационного лагеря, Кроули назначил его своим преемником, но Гермеру был уже шестьдесят один год, и Кроули беспокоился, что тот не сумеет, в свою очередь, назначить себе достойного преемника. Однако у Кроули всё же был на примете кое-кто, кто мог бы занять пост главы ОТО после Гермера. Это был капитан американской армии по имени Грэйди Мак-Мартри, который во время войны был направлен в Британию и там несколько раз встречался с Кроули. После войны Мак-Мартри вернулся в Америку. Умный и образованный человек, он поступил в Калифорнийский университет в Беркли и получил степень бакалавра философии. Во время войны в Корее он снова оказался в рядах американской армии, но потом вернулся в Беркли и получил степень магистра в области политической теории. Впоследствии он стал экспертом по управлению в Отделе труда госдепартамента в Калифорнии и Вашингтоне.

В 1943 году Кроули назначил Мак-Мартри Суверенным Верховным Инспектором ОТО, дав ему магическое имя Гименеус Альфа. В 1946 году он снабдил Мак-Мартри письмом, уполномочивавшим его взять на себя управление орденом в критической ситуации, если калифорнийское отделение ОТО начнёт приходить в упадок, и следить за тем, чтобы деятельность ордена не останавливалась. В июне 1947 года Кроули наделил Мак-Мартри властью стать главой ОТО в США после смерти Гермера.

Гермер одобрил эти шаги Кроули, что поставило Мак-Мартри в совершенно исключительное положение, поскольку никому другому Кроули в явном виде

власть не передавал.

Когда Кроули умер, началось как раз то, чего он так опасался. Гермер пустил всё на самотёк и к моменту своей собственной смерти не смог назвать достойного преемника. Член швейцарского отделения ОТО Герман Метц-гер попытался по собственной инициативе занять пост главы ордена, но его кандидатура была отвергнута. Ещё одно посягательство на пост главы ордена было сделано одним из калифорнийских посвященных, которого в ОТО принимал Гермер. Его звали Марчело Рамос Мотта. После огромного количества споров, судов, а также исключений из ордена на пост главы ОТО наконец заступил Мак-Мартри. Заручившись поддержкой Джеральда Йорка, Исраеля Регарди и многих других членов ОТО, он начал принимать исключительные меры с целью навести в ордене порядок. В период его руководства орденом структура управления ОТО подверглась реорганизации, и ситуация внутри ордена заметно стабилизировалась. Ко времени его смерти в 1985 году орден вновь достиг процветания. Преемник Мак-Мартри, Гименеус Бета, и по сей день управляет ОТО, чьи отделения существуют по всему миру.

Кроули прожил в «Незервуде» уже несколько месяцев, и его здоровье непрерывно ухудшалось. Теперь он ежедневно вводил себе по одиннадцать гран героина в день, тогда как восьмой части одной гранулы было бы достаточно, чтобы убить непривычного к наркотикам человека. Однако у него по-прежнему был энергичный живой ум, который постоянно нуждался в пище, а потому Кроули часто скучал, рассеивая свою скуку главным образом тем, что писал письма и принимал гостей. Его навещали журналисты и просто те, кому любопытно было на него посмотреть, а также Джеральд Йорк, Льюис Уилкинсон, леди Фрида Харрис, Грэйди Мак-Мартри и Дейдре Мак-Альпин с сыном Кроули, который носил фамилию своего по-гибшего отчима и имя Алистер, принадлежащее его настоящему отцу.

После войны, когда Дейдре Мак-Альпин вернулась з Британию вдовой без гроша в кармане, она сообщила о себе Кроули, который и сам в это время пытался узнать что-нибудь о её судьбе. Он выслал ей денег и немного шоколада, который получил из Калифорнии. Они часто переписывались, причём в письмах Кроули обращался к ней «Дейдре, любимая», а подписывался: «Всегда твой, моя самая дорогая, Алистер». Она часто приезжала к нему в «Незервуд» вместе с сыном. Кроули был тронут тем, что Дейдре и её ребёнок вернулись в его жизнь, скрашивая то одиночество, которое он, должно быть, ощущал, живя в гостинице.

Он писал мальчику, обращаясь к нему «мой дорогой сын» и продолжая: «Прежде всего позволь мне сказать тебе, насколько я счастлив снова видеть

тебя рядом со мной; я чувствую, что должен посвятить немало времени тому, чтобы подыскать тебе достойную карьеру». Кроули по-своему гордился сыном и желал ему только самого лучшего.

Когда Дейдре и мальчик приходили к нему, Кроули просил Дейдре почитать сыну его стихи, чтобы ребёнок смог понять, что такое ритм. Кроули хвалил сына за хорошее поведение и часто повторял, что нужно всегда быть правдивым. Кроули хотел, чтобы мальчик получил начальное образование в Гордонс-тауне, частной школе в шотландском Элгиншире. Эта школа была основана знаменитым доктором Куртом, с которым Дейдре была знакома, но Кроули всё равно беспокоился. «Что вызывает волнение в связи практически с любой школой, — писал он Дейдре, — так это то, что всегда есть опасность испортить мальчика, навязав ему общество презренных недочеловеков». Нет сомнения что Кроули сохранил воспоминание о учебном заведении Чемпе и о Малверн-колледже. В 1947 году Кроули возложил на Гермера и ОТО обязанность заботиться о его сыне после того, как сам он умрёт. Предполагалось, что мальчик начнёт получать образование в 1948 году в Уэстер-Элчис, затем продолжит его в подготовительной школе Гордонс-таун, после чего его должны были увезти в Америку.

Состарившись, Кроули как-то размяк. Он утратил значительную часть своего бывшего тщеславия и высокомерия. Впервые встретившись с Кроули, Грэйди Мак-Мартри начал обращаться к нему «Учитель». Это продолжалось до тех пор, пока Кроули в один прекрасный день не огляделся вокруг и не произнёс: «Я не вижу здесь никаких Учителей». Он очень исхудал из-за того, что принимал много героина, в больших количествах пил бренди и почти ничего не ел, питаясь в основном печеньем и молоком.

Точное описание Кроули в последний год его жизни дал Джеймс Лэйвер, с которым Кроули познакомился в 1920-х годах. Лэйвер был автором книги о Нострадамусе, и Кроули, прочитав эту книгу, пригласил его к себе. Лэйвер описывал Кроули как сморщенного худого старика с всклокоченной бородой и лицом землистого цвета. Его твидовый пиджак и длинные широкие бриджи свободно висели на его похудевшем теле, а рукава его рубашки были забрызганы мельчайшими каплями крови. Во время их встречи Кроули пил бренди и непрерывно курил сигареты или трубку. В какой-то момент Кроули, не прерывая разговора, закатал рукав, достал шприц, вылил туда содержимое маленькой ярко-красной капсулы и сделал себе укол. Внезапно к нему вернулся нормальный цвет лица, а его карие глаза засверкали. «Время от времени, — вспоминал Лэйвер, — его взгляд останавливался на мне, и я начинал понимать, какой гипнотической силой этот взгляд, должно быть, обладал прежде».

Гораздо менее лестную характеристику дала Кроули профессор Э.-М. Батлер, преподаватель немецкого языка в Ньюнэм-колледже Кембриджа и автор книги «Миф о маге». Она приехала взять у Кроули интервью, необходимое ей для работы над книгой. Батлер вспоминала о Кроули как о человеке, склонном к деспотизму, скучном, эгоистичном и ограниченном. В её глазах это был жалкий человек в очках с толстыми стёклами, жёлтым лицом наркомана и слезой, дрожащей в уголке глаза. У него был высокий, неприятный голос. Вдобавок ко всему Кроули довольно сильно напугал гостью. В ответ на вопрос, касающийся оккультизма, он громко закричал: «Магия — это не один из возможных путей в жизни, это единственно возможный путь».

Возможно, самым важным гостем Кроули в этот период оказался молодой человек по имени Джон Симондс. Он жил в Хэмпстеде, в доме номер 84 по Баундэри-роуд, где умер Нойбург. Симондсу стало интересно познакомиться с человеком, который, послухам, наслал проклятие на предыдущего обитателя дома. Он послал Кроули телеграмму и был приглашён в Гастингс на обед. Симондс принял приглашение и приехал, взяв с собой астролога Руперта Глидоу. После первой встречи Симондс описывал Кроули как человека «среднего роста, слегка сутулого и одетого в старомодный костюм с брюками гольф, которые чуть ниже коленей были скреплены серебряными застёжками. Взгляд его был одновременно загадочным и страдающим. У него была жидкая, козлиная бородка и усы, а голова его, несмотря на то что он не был абсолютно лыс, выглядела голым черепом... "Делай что желаешь — таков весь закон", — взволнованно и гнусаво произносил он. "Самый порочный человек в мире" выглядел довольно измождённым...»

Поначалу разговор не клеился, но, когда Глидоу заговорил об астрологии, Кроули оживился. Они говорили о магии, пока не наступило время обеда. Симондс и Глидоу остались обедать в общей гостиной, а Кроули отправился наверх, к себе в комнату. После обеда Кроули достал бутылку бренди, которую они и выпили втроём, разговаривая о конце света, а также всевозможных теориях и предсказаниях на этот счёт. Возможно, в течение нескольких следующих месяцев Симондс и Кроули переписывались и несколько раз встречались. Вскоре Кроули назначил Симондса распорядителем своего литературного наследия. По мнению Израеля Регарди, это было свидетельством отсутствия проницательности со стороны Кроули. «Неискренность этого человека [Симондса], — писал Регарди, — явно продемонстрированная в первых двух-трёх главах его книги "Магика Алистера Кроули", написанных в презрительном тоне, видимо, абсолютно ускользнула от внимания Кроули. Эта книга с очевидностью демонстрирует, что, общаясь с Кроули, Симондс преследовал корыстные цели и что ему вполне удалось

пустить пыль в глаза умирающему старику». Недоверие Регарди, судя по всему, разделял Морис Коллис, который встречался с Симондсом в 1950 году, когда последний работал над книгой о Кроули под названием «Великий Зверь». Коллис записал в своём дневнике: «Он сказал, что благодаря знакомству с Кроули надеялся приобрести известность и заработать состояние».

Летом 1947 года здоровье Кроули начало стремительно ухудшаться. Он нуждался в постоянном уходе, но не мог себе этого позволить из-за недостатка денег. Правда, в коробке под кроватью у него лежало около 450 фунт — тов, но он отказывался к ним прикасаться, говоря, что это деньги, присланные из Америки для особых нужд ОТО. Когда наступила осень, болезнь Кроули настолько обострилась, что он практически постоянно находился под воздействием лекарств. Его речь стала неясной, а в мыслях царил беспорядок. Он целыми днями просиживал у себя в комнате в полной тишине. Последние слова, которые он сказал Льюису Уилкинсону, звучали так: «Мне жаль, что вы потратили столько времени, навещая бревно».

Дейдре часто навещала Кроули, чтобы поговорить с ними просто побыть рядом или составить ему компанию, если он в ней нуждался. Нередко вместе с ней приходил их общий с Кроули сын. 29 ноября она написала Льюису Уилкинсону письмо. На конверте значился адрес: Незервуд, Ридж, Гастингс. В письме было написано следующее:

Дорогой мистер Уилкинсон, в офисе меня просили сообщить Вам, когда я снова окажусь в «Незервуде», но я пишу Вам не только поэтому, но ещё и потому, что Алистер находится в очень плохом состоянии, худшем, чем когда-либо прежде на моей памяти. Знаете ли Вы об этом и не сможете ли приехать сюда в ближайшее время? Мне кажется, здесь к нему не проявляется той заботы и не уделяется того внимания, в которых нуждается настолько больной человек. Однако я не знаю, как мне вмешаться, не обидев окружающих его людей и не ухудшив тем самым ситуацию. Если бы Вы только были здесь и придумали что-нибудь. Больше всего меня беспокоит его плеврит. Он выглядит таким больным и ослабевшим. Простите, что пишу карандашом. Моя ручка — в комнате Алистера, а он, кажется, спит, и я не могу её взять. Искренне Ваша, Дейдре.

Наконец-то у Кроули был кто-то, кто искренне любил его, несмотря на все его недостатки, кто дал ему, пусть ненадолго, уют и тепло семейной жизни.

Почувствовав приближение конца, Кроули не испытал страха. Смерть означала для него лишь возрождение в новом качестве. Он не пытался отречься оттого, что делал, не раскаивался ни в своей жизни, ни в своей магии. Он сожалел

лишь, что не успел добиться в жизни всего, чего хотел.

Кроули умер в «Незервуде» 1 декабря 1947 года от хронического бронхита, осложнённого плевритом и сердечной недостаточностью. Дейдре Мак-Альпин в момент его смерти была рядом с ним, а его десятилетний сын ненадолго вышел из комнаты. Говорят, что перед смертью Кроули впал в забытие, слёзы покатались по его щекам, а последним, что он произнёс, были слова: «Я запутался». Но это слухи. Последним, что услышала от него Дейдре, была фраза: «Иногда я ненавижу себя».

В тот момент, когда Кроули испустил дух, занавески в его комнате внезапно вздулись от ветра, ворвавшегося в окно. Дейдре решила, что это был знак, свидетельствующий о том, что боги приняли его в свой круг.

Вскоре после смерти Кроули, когда его тело без присмотра лежало в комнате, кто-то вошёл и украл его золотые часы.

На следующий день лондонский врач Кроули, доктор Уильям Браун Томсон был найден мёртвым в ванне в собственной квартире в Мэйфейре. Он постоянно сокращал дозу принимаемого Кроули героина, а в сентябре вовсе не прописал ему этого наркотика. Говорили, что Кроули проклял его за это. Смерть Томсона произошла по естественным, а отнюдь не оккультным причинам, однако распространились слухи о том, что это — месть его пациента. Так было положено начало посмертной легенде Кроули.

Несколько раз в течение своей жизни Кроули оставлял указания относительно того, как его следует похоронить. Однажды он выразил желание, чтобы его тело было захоронено в комнате, расположенной над главными воротами кембриджского Тринити-колледжа, запечатанной, как склеп. Перед экспедицией на Канченджангу он оставил распоряжение, что в случае его смерти его тело следует мумифицировать, нарядить в магические одежды и поместить в тайном склепе, специально для него приготовленном. Вместе с его телом в склепе должны были находиться его магические украшения, а также пергаментные издания всех его книг. Существовали также варианты похорон в Вестминстерском аббатстве (лучше всего там, где похоронены знаменитые поэты), кремирования с последующим помещением урны с пеплом на вершину скалы Чефалу или на широком уступе скалы, вздымающейся над озером в Болескине. Тем не менее последняя его воля, которую он объявил за несколько месяцев до своей смерти, заключалась в том, чтобы Льюис Уилкинсон прочёл над его гробом «Гимн Пану», «Книгу Закона», а также несколько частей из его «Гностической мессы».

Похороны Кроули состоялись 5 декабря в 14:45 в крематории Брайтона. В тексте отпевания дата его рождения была ошибочно обозначена как 18 октября. Был холодный зимний день. Не считая репортёров и журналистов, на похоронах присутствовало лишь около дюжины людей, в том числе Дейдре Мак-Альпин. После того как Уилкинсон прочёл вслух произведения Кроули в соответствии с пожеланием покойного, Дейдре Мак-Альпин сделала шаг вперёд и, прежде чем гроб поглотило пламя, бросила на его крышку цветы.

Отпевание, хотя его и нельзя было назвать христианским, выглядело величественно и достойно. Несмотря на это, оно вызвало бурю возмущения. Местная газета заявила, что оно представляло собой не что иное, как чёрную мессу. Разъярённые жители города направляли гневные письма членам городского совета, до тех пор пока брайтонские власти не заявили официально, что будут приняты необходимые меры к тому, чтобы подобное впредь не повторялось. Даже после смерти Кроули не перестал быть возмутителем общественного спокойствия. Он оказался тем, кто смеётся последним.

Однако последняя воля Кроули предполагала не только чтение его произведений во время похорон. Через год и один день после его смерти имел место памятный обед в его честь, устроенный леди Фридой Харрис. Приглашительные письма начинались так: «Вдень годовщины смерти Алистера Кроули в соответствии с последней волей покойного устраивается праздник карри. Он состоится 1 декабря в 7:30 вечера в ресторане "Нью-Дели Дурбар" по адресу Хэмпстед-роуд, 179. Стоимость ужина составляет 12 шиллингов и 6 пенсов на человека, включая чаевые...» После ресторана все пришедшие на вечеринку отправились домой к Джеральду Йорку на площадь Монтегю.

Не все сохранили о Кроули добрые воспоминания. Лола, которая к этому времени счастливо вышла замуж, ненавидела своего отца и в течение многих лет не поддерживала с ним никаких отношений. Спустя год после смерти Кроули Джеральд Келли написал Льюису Уилкинсону (который был назначен распорядителем литературного наследия Кроули наряду с Симондсом) письмо, в котором указывал ему на то, что Кроули искажил факты в своей автохагиографии, чтобы потешить своё тщеславие («сколько там наивного снобизма, сколько тщеславия»), и заявлял, что Кроули был скучным человеком, от которого все быстро утомлялись. Однако Келли посвятил Кроули несколько доброжелательных слов, написав: «Попробуйте представить его себе симпатичным юным студентом, с которым я познакомился в Кембридже и которого всё ещё можно было в нём узнать, когда он жил по соседству со мной в Париже».

В истории с урной, где хранился пепел Кроули, есть нечто таинственное. Если

Мартин Бут. Жизнь мага. Алистер Кроули

бы Кроули был жив, подобная история при его чувстве юмора доставила бы ему большое удовольствие. Урна была отправлена Карлу Гермеру в город Хэмптон, что в штате Нью-Джерси. Он закопал её под высокой сосной в саду около своего дома. Когда Гермер собрался переезжать в Калифорнию, он решил взять урну с собой, чтобы перезахоронить её «в подходящем месте на Западе», как он выразился в одном из своих писем. Возможно, это были бы живописные владения Уилфреда Т. Смита на побережье неподалёку от Малибу. Он попытался выкопать урну, но, вскопав всю землю вокруг дерева, так ничего и не нашёл.

Считается, что прах Кроули по-прежнему лежит там. Как в шутку сказал Джеральд Йорк, прах старого грешника в Новом Свете.